

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1879.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1879.

ВЪТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

РЯЗАНСКИЙ
ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТ
им. С. А. ЕСЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Инд. № 091364

ЧАСТЬ ССІ.

Фонд
редких книг

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. авеню, между Вознес. и Маринскнхъ мостами, д. № 90-1.

1879.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Правительственныя распоряженія

Святой Георгій и Егорій храбрый (Окончаніе). А. И. Кирпичникова.

Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ А. Нивитскаго.

Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка. В. И. Ламанскаго.

Неизданныя рѣчи и письма Михаила Акмината Ѳ. Успенскаго.

Критическія и библиографическія замѣтки.

Востокъ христіанскій. Первое путешествіе въ Афонскіе монастыри и скиты архимандрита, нынѣ епископа, Порфирія Успенскаго въ 1846 году.

Земельште радные Неманьне. Историческо-географическа студія Стояна Новаковића В. Качановскаго.

Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ Императорской Академіи наукъ за 1878 г.

Историческія розысканія въ итальянскихъ архивахъ и библиотекахъ В. Виноградова.

Педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ Кн. М. Кантакузина.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) низшихъ училища.

Письмо изъ Парижа Л. Л—ра.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

9. (13-го ноября 1878 года). О правахъ по чинопроизводству помощниковъ классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о опредѣленіи правъ по чинопроизводству помощниковъ классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ; Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о опредѣленіи правъ по чинопроизводству помощниковъ классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ, и соглашаясь съ заключеніемъ его, управляющаго министерствомъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1872 года устава реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія постановить, что помощники классныхъ наставниковъ озна-

ченныѣ училищѣ пользуются, въ отношеніи чинопроизводства правами, предоставленными § 125 Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 года Устава гимназій и прогимназій помощникамъ классныхъ наставниковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

10. (29-го ноября 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Орловской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе представленнаго предсѣдателемъ Орловскаго окружнаго суда директору Орловской гимназіи капитала въ 1,700 руб., заключающагося въ облигаціяхъ 1-го и 2-го восточнаго займа и 34 руб. 86 коп. наличными деньгами, и на учрежденіе на проценты съ онаго при названной гимназіи одной стипендіи, въ ознаменованіе десятилѣтняго существованія новыхъ судебныхъ учреждений въ Орловскомъ округѣ, съ наименованіемъ оной: „стипендія имени Орловскаго окружнаго суда“. при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть „благодарить“ жертвователей.

11. (29-го ноября 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Полтавской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе представленнаго директору Полтавской гимназіи учителемъ названной гимназіи Николаемъ Изволенскимъ капитала въ 650 руб., заключающагося въ 3-хъ государственныхъ 5% банковыхъ билетахъ 4-го выпуска по 100 р. каждый, 3-хъ 5% облигаціяхъ восточнаго займа 1877 года по 100 р. каждая и одной 5% облигаціи того же займа въ 50 р., приобретенныхъ имъ на деньги, пожертвованныя служащими и учащимися въ Полтавской гимназіи и частными лицами гор. Полтавы, и на учрежденіе на проценты съ онаго при названной гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендія умершаго законоучителя Полтавской гимназіи, протоіеря Думитрашко“, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть „благодарить“ жертвователей.

12. (29-го ноября 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Елабужскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе представленнаго директору Елабужскаго реальнаго училища Елабужскимъ городскимъ обществомъ капитала, заключающагося въ двухъ 5% облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, по 1000 р. каждая, пріобрѣтенныхъ на собранныя по подпискѣ деньги, и на учрежденіе на проценты съ онаго одной стипендіи при названномъ реальномъ училищѣ, съ наименованіемъ оной „стипендія Андрея Дмитриевича Кусакина“, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть „благодарить“ жертвователей.

13. (29-го ноября 1878 года). Объ учрежденіи стипендій при Черниговской женской гимназіи.

Предсѣдатель попечительнаго совѣта Черниговской женской гимназіи представилъ начальству Кіевского учебнаго округа копію съ духовнаго завѣщанія умершей дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника, дѣвицы Надежды Дмитриевны Мизко, засвидѣтельствованнаго въ 1866 г. въ Еватеринославской палатѣ гражданскаго суда, 14-мъ пунктомъ каковаго завѣщанія она, между прочимъ, назначила въ пользу Черниговской женской гимназіи три тысячи руб. вѣчнаго капитала, съ тѣмъ, чтобы на проценты его воспитывались дѣти бѣднѣйшихъ ея родственницъ. Капиталь этотъ вмѣстѣ съ 700 руб. выросшихъ на него процентовъ, заключается въ государственныхъ билетахъ, находится въ настоящее время на храненіи въ Кіевской конторѣ государственнаго банка и состоитъ въ вѣдѣніи Черниговской женской гимназіи; вслѣдствіе чего начальство Кіевского учебнаго округа ходатайствовало объ учрежденіи, согласно волѣ завѣщательницы, при Черниговской женской гимназіи двухъ стипендій имени Н. Д. Мизко, на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала, въ количествѣ 3,700 руб.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій.

14. (8-го ноября 1878 года). Объ освобожденіи лицъ, занимающихъ нѣкоторыя должности по Академіи Наукъ и под-

вѣдомственнымъ ей ученымъ учрежденіямъ, отъ призыва въ войска и въ государственное ополченіе.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія, отъ 7-го октября за № 10720 (по деп.), о внесеніи нѣкоторыхъ должностей по Императорской Академіи Наукъ и подвѣдомственнымъ ей учрежденіямъ въ списокъ должностей, исполненіе коихъ освобождаетъ отъ призыва въ войска изъ запаса и отъ службы въ ополченіи.

По разсмотрѣніи этого дѣла, комитетъ, въ виду изъявленнаго по оному согласію военнаго министра, полагалъ: въ дополненіе къ Высочайше утвержденному Его Императорскимъ Величествомъ 18-го апрѣля 1877 года списку должностямъ по государственной и общественной службѣ, исполненіе коихъ освобождаетъ отъ призыва въ войска и въ государственное ополченіе, постановить, что отъ таковаго призыва освобождаются лица, занимающія должности письмоводителей канцеляріи конференціи и препараторовъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, письмоводителя главной физической обсерваторіи, физиковъ и адъюнктовъ отдѣленія морской метеорологіи и телеграфныхъ сообщеній о погодѣ, завѣдывающаго обсерваторіею, наблюдателей и механика магнитной и метеорологической обсерваторіи гор. Павловска.

Государь Императоръ положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

15. (28-го ноября 1878 года). О преобразованіи училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразо-

ваніи училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ его, министра, мнѣніемъ положилъ:

I. Разрѣшить церковному совѣту евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ, съ 1878—1879 учебнаго года, преобразовать содержимое на средства названной церкви училище на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Означенное училище, находясь подъ главнымъ управленіемъ церковнаго совѣта Св. Петра и Павла, состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Московскаго учебнаго округа. Оно раздѣляется на три отдѣленія: а) начальную школу, б) реальное училище съ коммерческимъ отдѣленіемъ и в) гимназію. Относительно устройства учебной и воспитательной частей училище руководствуется Высочайше утвержденными 30-го іюля 1871 г. и 15-го мая 1872 г. уставами гимназій и прогимназій и реальныхъ училищъ, при чемъ въ отношеніи начальной школы и гимназическаго отдѣленія соблюдаются правила, предписанныя для гимназій и прогимназій, а относительно реального отдѣленія — правила устава реальныхъ училищъ, съ нижеслѣдующими изъятіями:

2) Начальная школа училища, соответствующая приготовительному классу правительственныхъ гимназій и прогимназій, раздѣляется на три годичные курса и состоитъ изъ двухъ отдѣленій: одного — для дѣтей, говорящихъ по русски, а другаго — для говорящихъ по нѣмецки. Въ первый курсъ принимаются дѣти, не умѣющія читать и писать. Къ предметамъ, преподаваемымъ въ приготовительномъ классѣ гимназій, въ начальной школѣ прибавляется нѣмецкій языкъ.

3) Преподаваніе въ реальномъ отдѣленіи всеобщей исторіи и географіи, ариѳметики, письмоводства и книговодства и нѣмецкаго языка, а въ гимназіи древнихъ и нѣмецкаго языковъ, всеобщей исторіи и географіи во всѣхъ классахъ и ариѳметики въ 1-мъ и 2-мъ классахъ, допускается на нѣмецкомъ языкѣ.

4) Ближайшее завѣдываніе училищемъ принадлежитъ училищному совѣту, который составляютъ: президентъ церковнаго совѣта, старшій пасторъ, второй проповѣдникъ, два члена церковнаго совѣта по его избранію, одинъ членъ, избираемый общимъ собраніемъ прихожанъ церкви на три года, директоръ и инспекторъ училища.

5) Училищный совѣтъ разсматриваетъ постановленія педагогическаго совѣта, принимаетъ и провѣряетъ представляемые директоромъ отчеты о состояніи училища по учебной и воспитательной части, из-

бираетъ, по предложеніямъ директора, преподавателей, воспитателей и прочихъ служащихъ въ училищѣ лицъ, разрѣшаетъ служащимъ отпуски въ предѣлахъ предоставленной директорамъ правительственныхъ гимназій и реальныхъ училищъ власти, представляетъ къ увольненію отъ должности служащихъ, освобождаетъ недостаточныхъ и заслуживающихъ поощренія учениковъ отъ платы за ученіе и выдаетъ стипендіи.

б) Директоръ и инспекторъ училища избираются по предложенію училищнаго совѣта въ общемъ засѣданіи церковнаго совѣта съ училищнымъ. Объ утвержденіи въ должности директора училища церковный совѣтъ представляетъ, чрезъ попечителя Московскаго учебнаго округа, министру народнаго просвѣщенія. Инспекторъ и прочія должностныя лица училища, въ числѣ, не превышающемъ положеннаго уставами и штатами гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, утверждаются въ должностяхъ попечителемъ округа.

II. Предоставить служащимъ въ училищѣ Св. Петра и Павла всѣ служебныя права, дарованныя Высочайше утвержденными уставами 30-го іюля 1871 и 15-го мая 1872 годовъ служащимъ въ правительственныхъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, кромѣ правъ на производство изъ казны третнаго не въ зачетъ жалованья при опредѣленіи на службу, а также на единовременныя пособія и пенсіи за службу въ училищѣ, съ примѣненіемъ при семъ къ служащимъ въ начальной школѣ и гимназическомъ отдѣленіи училища постановленій устава гимназій и прогимназій, а къ служащимъ въ реальномъ отдѣленіи — постановленій устава реальныхъ училищъ.

III. Распространить на учениковъ, обучающихся въ реальномъ и гимназическомъ отдѣленіяхъ училища Св. Петра и Павла, права, коими пользуются ученики соответствующихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

IV. Предоставить министру народнаго просвѣщенія утвердить на сихъ основаніяхъ положеніе объ училищѣ Св. Петра и Павла въ Москвѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

16. (29-го ноября 1878 года). Объ учрежденіи стипендій при Устюжской женской прогимназіи и при тамошнемъ уѣздномъ училищѣ.

Устюжскій I-й гильдіи купецъ, В. II. Костровъ, представивъ Во-

городскому губернатору 2,000 руб. билетами первого восточнаго займа, ходатайствовали объ учрежденіи, на причитающіеся съ этихъ денегъ проценты, въ количествѣ 100 рублей ежегодно, четырехъ стипендій его имени: двухъ — при Устюжской женской прогимназіи и двухъ — при тамошнемъ уѣздномъ (имѣющемъ преобразоваться въ городское) училищѣ, съ тѣмъ, чтобы право выбора стипендіатовъ и стипендіатокъ изъ сиротъ или дѣтей бѣдныхъ родителей гор. Устюга было предоставлено жертвователю пожизненно, а послѣ его смерти, Устюжскому уѣздному училищному совѣту, по соглашенію его съ мѣстнымъ городскимъ головою.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на приведеніе сего ходатайства въ исполненіе: при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: благодарить жертвователя.

17. 12-го декабря 1878 года). О раздѣленіи назначенныхъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ общихъ окладовъ на наемъ квартиры и канцелярскія издержки, по рознь на то и другое.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о раздѣленіи назначенныхъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ общихъ окладовъ на наемъ квартиры и канцелярскія издержки, порознь на то и другое, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о раздѣленіи назначенныхъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ общихъ окладовъ на наемъ квартиры и на канцелярскія издержки, порознь на то и другое, мнѣніемъ положилъ:

1) Назначенные директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ въ губерніяхъ, въ коихъ введены земскія учрежденія, а также въ губерніяхъ Оренбургской, Архангельской, Астраханской и трехъ Прибалтійскихъ оклады, изъ суммъ государственнаго казначейства на наемъ квартиры и канцелярскія издержки, первымъ по 800 руб. а

послѣднимъ по 600 руб. въ годъ, раздѣлить въ слѣдующей пропорціи: директорамъ по 500 руб. на наемъ квартиры и по 300 руб. на канцелярскія издержки, а инспекторамъ по 400 руб. на наемъ квартиры и по 200 руб. на канцелярскія издержки; инспектору Забайкальской области, Восточной Сибири, получающему на то и другое по 500 руб. въ годъ, опредѣлить: по 300 руб. на наемъ квартиры и по 200 руб. на канцелярскія издержки; и

2) Вышеприведенное распредѣленіе инспекторскихъ окладовъ, получаемыхъ изъ суммъ государственнаго казначейства, распространить и на инспекторовъ народныхъ училищъ, назначаемыхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 22-го ноября 1875 г. мнѣнія государственнаго совѣта, съ содержаніемъ отъ земства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналъ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

29-го ноября 1878 года (№ 12). Производится, за отличіе: преподаватель нѣмецкаго языка С.-Петербургской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ Эдуардъ Бушгъ—въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ 26-го ноября 1878 года (Высоч. пов. 11-го ноября 1878 г.).

Назначается: попечитель Кавказскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Невѣровъ—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 17-го октября 1878 года (Высоч. пов. 17-го октября 1878 г.).

Утверждается: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ Бунге—ректоромъ сего университета, съ 22-го сентября 1878 года по 31-е октября 1880 года, съ оставленіемъ въ должности управляющаго Кіевскою конторою государственнаго банка.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: магистру Императорскаго Дерптскаго университета Гебгардту—на шесть мѣсяцевъ.

Кандидату Императорскаго С.-Петербургскаго университета Позднѣву—на восемь мѣсяцевъ.

Доктору медицины Императорскаго Московскаго университета Татаринову — на одинъ годъ.

Командируется за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ Вейраухъ — на шесть мѣсяцевъ, съ 1-го января 1879 года.

Продолжается срокъ отпуска: въ Россіи: ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета, статскому совѣтнику Умову — на четыре мѣсяца, по болѣзни (Высоч. пов. 28-го октября 1878 г.).

За границу: старшему учителю лицея Цесаревича Николая, Лавровскому — на три мѣсяца.

Почетному смотрителю Кишиневскаго перваго уѣзднаго училища, коллежскому секретарю Дубецкому — на четыре мѣсяца.

Увольняется, согласно прошенію: ректоръ Императорскаго университета св. Владимира, заслуженный ординарный профессоръ сего университета, тайный совѣтникъ Матвѣевъ — отъ должности ректора, съ 22-го сентября 1878 года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

5) (11-го ноября 1878 г.). Правила о преміяхъ за лучшія учебныя пособія по древнимъ языкамъ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 4-й день ноября сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе для преподавателей гимназій и прогимназій Одесскаго учебнаго округа двухъ ежегодныхъ премій, по 500 рублей каждая, за лучшія учебныя пособія по древнимъ языкамъ, съ отнесеніемъ потребнаго на учрежденіе этихъ премій расхода, въ количествѣ одной тысячи рублей въ годъ, на спеціальныя средства гимназій и прогимназій Одесскаго учебнаго округа.

11-го того же ноября, его сіятельствомъ г. министромъ утверждены слѣдующія правила объ означенныхъ преміяхъ:

§ 1. Съ цѣлію обогащенія русской учебной литературы пособіями по древнимъ классическимъ языкамъ, въ Одесскомъ учебномъ округѣ назначаются для учителей гимназій и прогимназій сего округа двѣ

ежегодныя преміи, по 500 р. каждая, за лучшія сочиненія, удовлетворяющія нижеизложеннымъ условіямъ.

Примѣчаніе. Преміи, не израсходованныя въ томъ году, на который онѣ назначены, остаются въ распоряженіи попечителя округа, для увеличенія размѣра или количества премій слѣдующаго года.

§ 2. Для соисканія преміи, могутъ быть представляемы работы двоякаго рода: а) комментаріи на древнихъ авторовъ, приспособленные къ потребностямъ русскихъ учениковъ, и б) возможно лучшіе близкіе, точные и изящные переводы съ русскаго языка на древніе языки.

Примѣчаніе. Представляемая для соисканія премій работа должна представлять что либо цѣлое: комментарій цѣлаго сочиненія, отдѣльной книги, отдѣльной пѣсни поэта, словомъ, такой комментарій, который былъ бы полезенъ учащимся для обстоятельнаго ознакомленія не съ отрывкомъ только изъ какого-либо писателя, но доставилъ бы возможность обстоятельно ознакомиться съ какимъ-либо цѣлымъ сочиненіемъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе округленной частью его. Для переводовъ съ русскаго на древніе языки должны быть избираемы образцовыя русскія сочиненія или отдѣльныя части такихъ сочиненій, имѣющія также характеръ болѣе или менѣе законченнаго произведенія. Переводы эти должны быть снабжены обстоятельными сравнительными объясненіями особенностей синтаксическихъ и стилистическихъ языковъ русскаго и древняго.

§ 3. Къ соисканію премій принимаются сочиненія, не опубликованныя въ печати.

§ 4. Сочиненія представляются авторами въ С.-Петербургское отдѣленіе общества классической филологіи и педагогики, въ накетахъ, съ обозначеніемъ имени автора и адреса его на самой рукописи.

Примѣчаніе. Рукопись, оставленная умершимъ авторомъ, можетъ быть представлена для соисканія преміи вдовой или наслѣдниками покойнаго.

§ 5. Рукопись должна быть переписана четко, съ непрерывной нумераціей страницъ манускрипта.

§ 6. Срокомъ для представленія рукописей назначается 1-е февраля каждаго года, время же отъ 1-го февраля по сентябрь мѣсяць назначается для ихъ разсмотрѣнія.

§ 7. О каждой рукописи, поступившей въ общество классической филологіи и педагогики, предсѣдатель его сообщаетъ собранію обще-

ства въ ближайшемъ засѣданіи и собраніи распоряжается о передачѣ поступившей рукописи особой комиссіи, избираемой для сего изъ наличныхъ членовъ собранія и состоящей, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ лицъ, для разсмотрѣнія и представленія о рукописи письменнаго отзыва.

§ 8. Письменные отзывы, о которыхъ сказано въ предыдущемъ параграфѣ, должны быть представлены и заслушаны въ одно изъ засѣданій общества въ сентябрѣ слѣдующаго учебнаго года.

§ 9. По заслушаніи отзывовъ о каждой рукописи, собраніе общества постановляетъ, которое изъ представленныхъ сочиненій удостоить преміи.

§ 10. О сочиненіяхъ, удостоенныхъ преміи, общество классической филологіи и педагогики, доводитъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа, для зависящихъ со стороны послѣдняго распоряженій, съ препровожденіемъ къ попечителю и самихъ рукописей, удостоенныхъ преміи.

Примѣчаніе. Рукописи сочиненій, не удостоенныхъ преміи, возвращаются ихъ авторамъ, по востребованію лично или довѣреннымъ отъ нихъ лицамъ, подъ росписку получателя.

§ 11. По полученіи увѣдомленія отъ общества о сочиненіяхъ, удостоенныхъ преміи, попечитель распоряжается о выдачѣ суммы присужденной преміи автору, или, за его смертью, вдовѣ, а если и такою нѣтъ, то наследникамъ покойнаго.

§ 12. Сочиненіе, удостоенное преміи, можетъ быть издано отъ имени и на счетъ учебнаго округа въ пользу автора или же автору можетъ быть выдано пособіе не свыше суммы расходовъ на печатаніе сочиненія въ количествѣ 1,200 экземпляровъ: то и другое по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа.

6. (9-го декабря 1878 г.). Циркулярное предложеніе г.г. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ пріема воспитанниковъ семинарій въ высшія учебныя заведенія.

Въ § 138 Высочайше утвержденнаго отъ 14-го мая 1867 г. устава православныхъ духовныхъ семинарій сказано: для обозначенія успѣховъ, равно какъ и поведенія учениковъ, употребляются слѣдующія баллы: 5—отлично, 4—очень хорошо, 3—хорошо, 2—посредственно, 1—слабо.

Между тѣмъ, нѣкоторыя правленія духовныхъ семинарій уклоняются отъ исполненія сего заковоположенія и нерѣдко выставляютъ

въ аттестатахъ и свидѣльствахъ бывшихъ воспитанниковъ такія отмѣтки (напр. отлично—хорошо и проч.), которыя не соотвѣтствуютъ установленнымъ для сего термина цифрамъ. Кромѣ сего нѣкоторыя правленія семинарій въ выдаваемыхъ воспитанникамъ аттестатахъ вовсе не выставляютъ отмѣтокъ противъ нѣкоторыхъ предметовъ, напримѣръ, по греческому, латинскому, французскому и русскому языкамъ; за симъ одиѣ семинаріи означаютъ въ аттестатахъ, что воспитанникъ поступилъ въ семинарію въ такомъ-то году, но не сказано откуда, другія же прямо указываютъ, что поступилъ въ семинарію изъ такого-то духовнаго училища, тогда какъ это указаніе, въ виду запрещенія принимать въ высшія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія тѣхъ изъ воспитанниковъ, кои перешли въ семинарію изъ старшихъ классовъ гимназій, ставитъ начальство высшихъ учебныхъ заведеній въ затруднительное положеніе при пріемѣ прошеній отъ семинаристовъ.

Такъ какъ для принятія прошеній отъ воспитанниковъ семинарій о зачисленіи ихъ студентами университетовъ, историко-филологическихъ институтовъ и Демидовскаго юридическаго лицея необходимо, чтобы въ аттестатахъ или свидѣльствахъ ихъ были обозначены: во 1-хъ, свѣдѣнія о томъ, что они поступили въ семинарію въ такомъ-то году, изъ такого-то духовнаго училища или изъ такого-то класса гимназій и во 2-хъ, чтобы поведеніе и успѣхи въ наукахъ, противъ каждаго предмета, отмѣчались установленными для сего цифрами (прописью), а противъ тѣхъ предметовъ, коимъ воспитанники не обучались была бы отмѣтка „не обучался“, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить начальникамъ высшихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ округа къ исполненію и руководству, на будущее время, чтобы отъ воспитанниковъ семинарій при неточномъ обозначеніи или совершенномъ отсутствіи въ ихъ аттестатахъ тѣхъ или другихъ свѣдѣній, не были бы принимаемы прошенія о зачисленіи ихъ студентами означенныхъ учебныхъ заведеній.

7. (16-го декабря 1878 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о доставленіи свѣдѣній о вѣроисповѣданіи и народности начальствующихъ учебными заведеніями лицъ.

Въ представляемыхъ въ министерство народнаго просвѣщенія отчетахъ объ осмотрѣ директорами народныхъ училищъ учебныхъ заведеній всякаго рода весьма часто не достаетъ свѣдѣній о вѣроиспо-

вѣданіи и народности пачальствующихъ тѣми заведеніями и учащихъ въ нихъ лицъ, — а равно о томъ, имѣютъ ли послѣднія установленныя для полученія должностей учительскія званія и состоятъ-ли на государственной службѣ, или преподаютъ изъ платы по найму.

Признавая необходимымъ, чтобы въ отчеты по осмотру названныхъ учебныхъ заведеній включались и объясненныя свѣдѣнія, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать соответственныя сему распоряженія по ввѣренному вамъ учебному округу.

8. (13-го января 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. почитателямъ учебныхъ округовъ объ увеличеніи выдачи пособій бѣднымъ ученикамъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

Въ представляемыхъ начальствами учебныхъ округовъ отчетахъ о состояніи среднихъ учебныхъ заведеній, въ числѣ причинъ, объясняющихъ пропуски учениками уроковъ и проистекающую чрезъ это малоуспѣшность ихъ, всего чаще встрѣчается указаніе на недостаточное матеріальное положеніе учащихся, отвлекающее силы ихъ отъ исполненія прямыхъ обязанностей. При этомъ замѣчено также, что случаи пропусковъ учениками классовъ и неприготовленія уроковъ по причинѣ бѣдности становятся особенно часты за послѣдніе годы. Такое явленіе, очевидно, составляетъ слѣдствіе чрезмѣрнаго увеличенія учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ за послѣднее время и между ними преимущественно дѣтей такихъ лицъ, которыя принадлежатъ къ менѣе состоятельнымъ въ имущественномъ отношеніи классамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что наблюденіе учебнаго начальства за правильнымъ посѣщеніемъ учениками уроковъ не будетъ достигать ожидаемыхъ результатовъ, пока не будутъ приняты мѣры противъ причины, обуславливающей эти пропуски, — бѣдности учащихся. Принятіе же такихъ мѣръ представляется въ настоящее время тѣмъ болѣе необходимымъ, что бѣдность въ средѣ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обнаруживается въ столь значительныхъ размѣрахъ, что такого рода случаи, какъ на примѣръ непосѣщеніе уроковъ за неимѣніемъ теплой или даже просто приличной форменной одежды, неприготовленіе уроковъ за неимѣніемъ свѣчъ, оставленіе учебнаго заведенія за невозможностью внести установленную плату за обученіе и тому подобныя составляютъ чуть ли не общія явленія въ жизни почти каждаго заведенія.

Для лицъ, имѣвшихъ ближе ознакомиться съ законоположеніями о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не могло пройти незамѣченнымъ, что правительство, открывшее свободный доступъ въ сіи заведенія всѣмъ желающимъ, безъ различія званія и состоянія, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно стремилось и къ изысканію способовъ къ облегченію бѣднымъ учащимся прохожденія курса. Съ этою цѣлью въ разное время установлены слѣдующія мѣры.

1) Въ имѣющихся при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ пансіонахъ учреждены, на счетъ государственнаго казначейства, стипендіи Высочайшаго имени и казенныя въ размѣрѣ, достаточномъ для обезпеченія всѣхъ потребностей стипендіатовъ.

2) На основаніи дѣйствующихъ уставовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, бѣдные ученики, достойные по успѣхамъ и поведенію, освобождаются отъ платы за ученіе, съ тѣмъ однакожъ, что размѣръ освобождаемыхъ отъ платы не долженъ превышать 10% общаго числа учащихся.

3) Тѣми-же Уставами предоставлено: педагогическимъ совѣтамъ выдавать бѣднымъ ученикамъ, отличающимся успѣхами и поведеніемъ, единовременныя денежныя вспоможенія и ежегодныя стипендіи изъ специальныхъ средствъ учебныхъ заведеній. Такія выдачи по нѣкоторымъ учебнымъ заведеніямъ достигаютъ до 500 руб. и болѣе.

Сверхъ сего разрѣшается недостаточнымъ ученикамъ старшихъ классовъ, отличающимся хорошими успѣхами и поведеніемъ, давать уроки за плату малоуспѣвающимъ ученикамъ, а также наблюдать, въ качествѣ дежурныхъ учениковъ, за ученическими квартирами, съ правомъ бесплатнаго помѣщенія въ оныхъ на полномъ содержаніи или же съ освобожденіемъ отъ части платы, смотря по величинѣ и средствамъ квартиры.

и 5) По уставу реальныхъ училищъ, при сихъ учебныхъ заведеніяхъ учреждаются попечительства, на обязанность коихъ также возложено, между прочимъ, заботиться о пособіи успѣвающимъ ученикамъ.

Безъ сомнѣнія, эти мѣры доставляютъ значительную помощь нуждающимся ученикамъ; однакожъ однѣ онѣ оказались недостаточными, такъ какъ въ педагогическіе совѣты поступаетъ такое число прошеній объ освобожденіи отъ платы за ученіе и о выдачѣ пособій, что нѣтъ никакой возможности удовлетворить ихъ средствами сихъ заведеній. Правда, пособія бѣднымъ ученикамъ изъ специальныхъ средствъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ,

могли бы быть увеличены, но во всякомъ случаѣ, при изложенныхъ условіяхъ, нельзя уже ограничиться одною этою мѣрою и необходимо озаботиться присканіемъ другихъ способовъ къ облегченію положенія бѣдныхъ учащихся, въ числѣ каковыхъ наиболее дѣйствительнымъ представляется привлеченіе къ настоящему дѣлу частной благотворительности, что было-бы и вполнѣ справедливо, такъ какъ въ дѣлѣ этомъ по преимуществу заинтересовано само же общество.

Вашему превосходительству извѣстно, что по почину педагогическихъ совѣтовъ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ учреждены при сихъ заведеніяхъ общества вспомошествованія бѣднымъ учащимся. Число такихъ обществъ въ настоящее время достигаетъ до 20. Общества эти имѣютъ весьма простую организацію и состоятъ изъ членовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ, изъ коихъ первые дѣлаютъ единовременные болѣе или менѣе значительные взносы (приблизительно 50 руб.), а послѣдніе вносятъ ежегодно по 3—5 рублей. Часть такихъ взносов отдѣляется на образованіе запаснаго капитала, а остальное употребляется въ выдачу бѣднымъ ученикамъ на приобрѣтеніе одежды, пищи, учебныхъ пособій, въ уплату за квартиру, за обученіе и т. п. Нѣкоторые изъ помянутыхъ обществъ успѣли уже образовать запасные капиталы около 8 тысячъ и выдаютъ бѣднымъ ученикамъ въ пособіе до 1 тысячи рублей въ годъ.

Имѣя въ виду, что означенныя общества существуютъ весьма короткое время, такъ что старѣйшее изъ нихъ учреждено не болѣе 5 лѣтъ назадъ, нельзя не считать достигнутыхъ ими результатовъ въ дѣлѣ благотворительности весьма значительными. Посему представляется полезнымъ и желательнымъ, чтобы дѣятельность помянутыхъ обществъ развивалась болѣе и болѣе на пользу воспитывающагося юношества и чтобы по примѣру ихъ учреждались подобныя имъ общества и при остальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ число бѣдныхъ учениковъ значительно.

Въ виду этого я имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить директорамъ гимназій и реальныхъ училищъ и директорамъ и инспекторамъ прогимназій: 1) въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ по состоянію специальныхъ средствъ окажется возможнымъ, увеличить выдачи пособій бѣднымъ ученикамъ изъ сего источника и 2) озаботиться учрежденіемъ при ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ обществъ вспомошествованія бѣднымъ учащимся, а гдѣ таковыя уже существуютъ, — дальнѣйшимъ устройствомъ и

развитіемъ дѣятельности сихъ обществъ, привлекая къ участию въ оныхъ своимъ авторитетомъ и вліяніемъ между родителями и родственниками воспитывающагося юношества тѣхъ изъ нихъ, которые обладаютъ достаточными средствами, а также вообще лицъ сочувствующихъ успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія. При этомъ ваше превосходительство не оставите обратить вниманіе начальствъ помѣстныхъ учебныхъ заведеній, что успѣшное развитіе названныхъ обществъ при сихъ заведеніяхъ будетъ всецѣло зависѣть отъ той энергіи и отеческой попечительности, съ которыми они отнесутся къ настоящему дѣлу и что энергичное участіе ихъ къ облегченію матеріальнаго существованія нуждающихся учениковъ требуется отъ нихъ не только въ качествѣ начальниковъ благоустроенныхъ учебныхъ заведеній, но и составляетъ высокій долгъ христіанскаго милосердія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу „Теорія словесности съ приложеніемъ стилистическихъ задачъ и переводовъ изъ Лессинга и Шиллера. Сост. А. Кириичниковъ. Изд. 2. С.-Петербургъ 1879 г. Цѣна 75 коп.“ — одобрить, какъ учебное руководство при прохожденіи теоріи словесности въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ этотъ предметъ преподается.

—Книги: 1) „Краткій русско-латинскій словарь. Пособіе для учениковъ гимназій и прогимназій при исполненіи висьменныхъ задачъ по латинскому языку. Составилъ Н. Базъ. С.-Петербургъ 1878 г. Цѣна 85 коп. и 2) Задачи для переводовъ на латинскій языкъ. Избранныя статьи изъ сборниковъ Зюпофе, Гааке и др. для упражненій въ среднихъ и высшихъ классахъ гимназій, съ ссылками на грамматики Ходобая, Кесслера, Зейферта и стилистическими примѣчаніями. Сост. Н. Базъ С.-Петербургъ 1878 г. Цѣна 85 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія по латинскому языку, первую изъ назначенныхъ книгъ—для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, а послѣднюю для среднихъ и высшихъ классовъ тѣхъ же учебныхъ заведеній.

— Брошюры подъ заглавіями: 1) „Что такое натуральная и прививная оспа? Подарокъ крестьянскимъ дѣтямъ отъ учителя за грамоту. Соч. Мих. Мих. Первушина. С.-Петербургъ 1872. Цѣна 10 к. 2) Какъ прививать оспу. Опытъ практическаго пособия для желающихъ заниматься оспопрививаніемъ. Сост. оспопрививатель Первушинъ. С.-Петербургъ 1878 г. Цѣна 15 коп.“—одобрить для библиотекъ городскихъ и сельскихъ низшихъ училищъ.

— Книги подъ заглавіями: 1) „Генетическое изложеніе фонетики и морфологіи латинскаго языка. Съ краткимъ обзорѣніемъ осскаго и умбрійскаго языковъ. Пособіе для преподаванія латинскаго языка въ высшихъ классахъ гимназій. Сост. И. В. Нетушилль, преподаватѣль древнихъ языковъ въ Харьковской 3 гимназіи и латинскаго языка въ Маріинской женской гимназіи. Харьковъ 1878 г. Цѣна 1 р. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. II) *Etude philologique de la langue française ou grammaire comparée et basée sur le latin par I. Bastin. Secoude partie (Syntaxe) St.-Petersbourg, 1879*—одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библиотеки всѣхъ средне-учебныхъ заведеній министерства, и, какъ учебное пособіе, для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: Подробный атласъ всѣхъ частей свѣта. С.-Петербургъ 1877 г. Выпускъ 7. 1) Воздушныя теченія (вѣтра) на картѣ всѣхъ частей свѣта. 2) Карта сѣверной Америки—допустить въ фундаментальныя библиотеки гимназій, прогимназій и учительскихъ институтовъ.

— Книги подъ заглавіями: 1) Грамматика древняго церковно-славянскаго языка, изложенная сравнительно съ русскою. Сост. для среднихъ учебныхъ заведеній П. Смирновскимъ. Изд. 2, исправленное. С.-Петербургъ 1877 г. Цѣна 60 коп.—одобрить какъ учебное пособіе для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. 2) Фр. Шписсъ. Книга упражненій для переводовъ съ латинскаго языка на русскій и съ русскаго на латинскій. Перевелъ и приспособилъ къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ преподаватѣль Московской 6 гимназіи Н. Баталинъ. Выпускъ 1 (съ 44 нѣмецкаго изданія). Для 1 класса гимназій. Москва 1878 г. Цѣна 50 коп.—одобрить въ видѣ учебнаго пособія по латинскому языку для 1 класса гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Ежемѣсячное изданіе: „Хозяйственный Строитель, выходящее

подъ редакціею П. Мижужева. 12 №№ за 1878 г. Цѣна 12 р. рекомендовать для приобрѣтенія въ основныя и ученическія бібліотеки реальныхъ училищъ и, гдѣ позволятъ средства, для выдачи въ награду ученикамъ, обнаружившимъ, при хорошихъ успѣхахъ по другимъ предметамъ курса, особую склонность въ строительному искусству.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, въ 24-й день октября сего года Высочайше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ: Бѣлоцерковскаго реального училища—портрета покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Владислава Ксаверьевича Браицкаго и Ялтинской Александровской мужской прогимназіи—портретовъ: г. министра народнаго просвѣщенія и попечителя Одесскаго учебнаго округа.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, въ 4-й день истекшаго ноября, Высочайше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Сумской гимназіи портрета г. министра народнаго просвѣщенія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, согласно представленію г. попечителя Казанскаго учебнаго округа и на основаніи Высочайше утвержденнаго 25-го октября 1875 г. мнѣнія государственнаго совѣта, предложеніемъ отъ 23-го декабря 1878 г. за № 13688, разрѣшилъ учредить въ Казанскомъ университетѣ три должности сверхштатныхъ ассистентовъ: при терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники и при гигиеническомъ и геологическомъ кабинетахъ, съ производствомъ опредѣляемымъ на эти должности лицамъ содержанія по первымъ двумъ—по восьмисотъ рублей въ годъ и по послѣдней—въ количествѣ шестисотъ рублей въ годъ изъ остатковъ отъ суммы, ассигнуемой на содержаніе личнаго состава Казанскаго университета.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 4-го истекшаго ноября, разрѣшилъ открыть при II классѣ Дипабургскаго реального училища параллельное отдѣленіе, съ назначеніемъ платы за ученіе въ семь отдѣленіи по шестидесяти руб. въ годъ съ каж-

даго ученика и съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію онаго на спеціальныя средства названнаго училища.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 9-го сего декабря, разрѣшилъ открыть при II классѣ Екатеринбургскаго реальнаго училища параллельное отдѣленіе, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе сей параллели расхода на общіе остатки отъ содержанія названнаго училища.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ возвысить, начиная съ 1-го января будущаго 1879 г.; плату за ученіе въ Вѣлоцерковскомъ реальномъ училищѣ съ 30 на сорокъ руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, 8-го сего декабря, разрѣшилъ ввести въ Саратовскомъ реальномъ училищѣ преподаваніе Закона Божія римско-католическаго исповѣданія, съ платою законоучителю по сту руб. въ годъ изъ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, съ тѣмъ однакожь, чтобы число уроковъ по сему предмету было не менѣе двухъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, 9-го сего декабря, утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Екатеринбургской гимназій размыръ платы за ученіе въ этой гимназій, съ 1-го января 1879 года, съ учениковъ пригготовительнаго класса по 25 р., а съ учениковъ параллельныхъ классовъ по 35 руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— 16-го истекшаго октября состоялось открытіе VIII дополнительнаго педагогическаго класса при Рыбинской Маріинской женской гимназій.

— 25-го ноября 1878 г. открыто въ г. Зміевѣ, Харьковской губерніи, двухклассное городское по положенію 31-го мая 1872 г. училище, на первый разъ въ составѣ одного класса, въ который принято 22 ученика.

ПОПРАВКА.

Въ декабрьской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1878 г., въ официальномъ отдѣлѣ, одобрена книга, Русская Христоматія, для 3 и 4 класса, составленная Аркадіемъ Соснецкимъ, преподавателемъ Московскаго Николаевскаго института; слѣдуетъ читать: „Сосницкимъ“.

СВЯТОЙ ГЕОРГІЙ И ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ ¹.

II.

д) Святой Георгій и Горь.

Въ 1876 году въ сентябрьской и декабрьской книжкахъ *Revue archéologique* появилось небольшое изслѣдованіе Клермонъ-Ганно, указывающее на совершенно новое основаніе для легенды св. Георгія. Клермонъ-Ганно могъ располагать довольно значительными средствами, которыя успѣла собрать западная наука для исторіи легенды; его авторитетъ въ области малоазіатской старины стоитъ выше всякаго сомнѣнія; онъ идетъ самымъ здравымъ, самымъ современнымъ научнымъ путемъ, отъ памятника къ выводу; поэтому его взглядъ заслуживаетъ внимательнаго обсужденія.

Въ изслѣдованіи Клермонъ-Ганно видны не только достоинства, но и недостатки современной археологической школы: онъ исходитъ изъ вѣскаго и несомнѣннаго факта, болѣе вѣскаго, нежели прошедшее черезъ сотни невѣжественныхъ рукъ плохо понятое извѣстіе писателя, — болѣе вѣскаго, нежели выраженіе религіознаго экстаза автора гимна (къ фразѣ котораго, фразѣ, иногда не осмысленной, съ языка сорвавшейся, изслѣдователи приступаютъ съ математическимъ масштабомъ), — болѣе достовѣрнаго, нежели сотни „ослоенныхъ“ всеми способами преданій, повѣрій, сказаній, растяжимостью которыхъ слишкомъ безцеремонно пользуются ученые; онъ, говорю я, исходитъ съ несомнѣннаго факта — египетскаго памятника, сходство ко-

¹) *Окончаніе*. См. *Ж. М. Н. Пр.* за январь 1879 года.

торого съ коннымъ изображеніемъ Георгія, такъ сказать, руками осязаемо, объединяетъ христіанскаго святаго съ египетскимъ богомъ, объединяетъ не для этого случая, а вообще, и принимается за перетрачиваніе измочаленныхъ извѣстій о Георгіи, не отступая ни на шагъ отъ теоріи, не оглядываясь по сторонамъ; вѣдь онъ основывается на достовѣрномъ фактѣ.

Въ Луврскомъ музеѣ Клермонъ-Ганно нашелъ ажурный барельефъ, изображающій борьбу Гора съ Сетомъ или Тифономъ; Тифонъ изображенъ въ видѣ крокодила, что встрѣчается не рѣдко; но Горъ (что его именно имѣлъ въ виду художникъ, показываетъ голова кончика) изображенъ верхомъ на лошади, что весьма удивительно, такъ какъ лошадь не играетъ никакой роли въ египетской мифологіи; тѣмъ не менѣе авторъ вполне удовлетворительно объясняетъ это извѣстнымъ трактатомъ Плутарха объ Озирисѣ и Изидѣ, какъ позднѣйшее явленіе. Барельефъ принадлежитъ къ III, можетъ быть, даже къ IV в. по Р. Х. Сходство его съ обыкновенными изображеніями Георгія несомнѣнно; есть ли это Горъ, уподобленный св. Георгію, или св. Георгій, уподобленный Гору,—авторъ не берется рѣшить. На счетъ изображеній Георгія съ змѣемъ авторъ, кажется мнѣ, въ странномъ заблужденіи: онъ говоритъ, что изображенія Георгія съ дракономъ восходятъ ко временамъ Константина. Откуда онъ это знаетъ? Изъ того, что Константинъ велѣлъ себя изобразить поражающимъ дракона. Но что жъ изъ этого слѣдуетъ? При чемъ тутъ Георгій? Мѣдный всадникъ попираетъ змѣя; но развѣ онъ Георгій?

Вся легенда о Георгіи, говоритъ Клермонъ-Ганно,—разыгрывается въ трехугольникѣ, основаніемъ котораго служитъ Средиземное море на сѣверъ и на югъ отъ Яффы; центръ его культа—Лидда (Діосполисъ), гдѣ предполагались его мощи. По старому преданію, приписываемому древними комментаторами самому Магомету, Исусъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ—на конѣ и съ конемъ въ рукахъ, убьетъ антихриста (Dadjjâl) „на воротахъ Лидды“ или „на воротахъ храма въ Лиддѣ“. Это преданіе основано несомнѣнно на изображеніи Лиддскаго Георгія, въ которомъ была представлена его битва со змѣемъ; это подтверждается и другимъ текстомъ того же преданія, по которому „Исусъ убьетъ кабана на воротахъ Іерусалима“, а исторически извѣстно существованіе барельефа съ изображеніемъ кабана X легіона, вѣланнаго въ ворота Элія Капитолинской. А что такое самъ Dadjjâl? Лексиконы до сихъ поръ объясняли это слово непосредственно изъ арабскаго корня, переводили словомъ „обманщикъ“ и считали ско-

рѣе за эпитетъ антихриста, нежели за его имя; Клермонъ-Ганно строить такую цѣль фонетическихъ измѣненій: Dadjjâl — Dadjâl — Dagâl — Dagân — Dagon. Такимъ образомъ арабскій антихристъ оказывается рыбообразнымъ богомъ Дагономъ, которому поклонялись Филистимляне въ Ехдофѣ (Аздудъ, на югъ отъ Яффы), и котораго уже прежде сближали съ египетскимъ Сетомъ. Воспоминаніе о Дагонѣ не истребилось въ мѣстѣ его почитанія: арабскіе географы говорятъ о воротахъ Даджуна (Dadjouin) въ Лиддѣ, и авторъ въ 1874 г. нашелъ недалеко отъ Лидды деревню съ этимъ именемъ; а на сѣверъ отъ Даджуна существуетъ деревня Beth Dadjan, по мнѣнію автора, перенесенная изъ Даджуна. Сличеніе Даджала съ Сетомъ авторъ подтверждаетъ указаніемъ на то, что Даджалъ называется сыномъ Saïd'a или Saïyad'a, имя котораго напоминаетъ финикійскаго бога Сада или Сиды, а Седъ или Сидъ сохранился въ названіи деревни Saïdouin и въ имени женскаго бѣса Saïdâné.

Клермонъ-Ганно, высказывая эти интересныя соображенія, не указываетъ ни на источники, ни на пособія. Не-специалисту приходится вѣрить ему на слово.

Битва Персея съ дракономъ, продолжаетъ онъ, — локализованная близъ Яффы, восточнаго происхожденія, такъ какъ имена дѣйствующихъ лицъ удобно объясняются съ востока; Кефей легко сближается съ еврейскимъ: кѣрѣа; Белось ясно говоритъ самъ за себя; Персей есть герой Аргосскій, а Аргось сынъ Агенора, который, какъ отецъ Феникса, Киликса и Кадма, представляетъ собою элементъ финикійскій; кромѣ того, самъ Кефей, отецъ Андромеды, называется иногда сыномъ Агенора. Между предками Персея фигурируютъ Belos и Aigurtos, связывающіе его одновременно и съ Финикіей, и съ Египтомъ. Персей соотвѣтствуетъ финикійскому богу Reserph (= пламя), сдѣлавшемуся намъ извѣстнымъ по кипрскимъ надписямъ и сближенному съ греческимъ героемъ уже самымъ именемъ (черезъ перестановку согласныхъ) ¹⁾. Вотъ доказательства:

Резефъ, какъ это доказываютъ египетскіе памятники, имѣетъ при себѣ женское божество—Anat; это Anat—Anaitis переводится на греческій обыкновенно Артемидой; а Артемида есть женское божество, соотвѣтствующее Аполлону; слѣдовательно, Reserph=Аполлону.

¹⁾ Авторъ основываетъ возможность отождествленія на аналогіи: финикійская Anat (Anaites) отождествлялась на томъ же основаніи (?) съ Аеиной.

Другое болѣе сильное доказательство: Аполлонъ имѣеть эпитетъ *Amyklaios*, а Резефъ Кипрскій носитъ названіе *Mikel* или *Mekil*.

Третье доказательство, превращающее, по словамъ автора, догадку въ неопровержимый фактъ таково: современное имя города Арзуфа (*Arsouf*) стоитъ въ несомнѣнной связи съ именемъ бога Резефа (первоначальная форма имени города *Resourh*), а Греки называли этотъ городъ Аполлоніей.

Что касается до тождества Персея и Аполлона, его и доказывать излишне. И такъ, Резефъ = Аполлону, а Аполлонъ = Персею, слѣдовательно, Резефъ = Персею. Съ другой стороны, египетскій городъ Едфу (*Edfou*), центръ поклоненія Гору, также назывался Аполлополисъ. Отсюда Горъ = Аполлону = Резефу = Персею. Это сближеніе подтверждается тѣмъ, что Геродотъ говоритъ о какомъ-то Персеѣ, котораго почитали въ Египтѣ, и что Плутархъ говоритъ объ участіи въ мифѣ Изиды Диктиса (*Δίκτης*), какъ извѣстно, играющаго очень важную роль въ мифѣ о Персеѣ.

Еще подтвержденія: Резефъ (Решпу) египетскихъ памятниковъ вооруженъ копьемъ, колчаномъ и сѣкирой; соответствующая ему богиня Анатъ вооружена на азиатскихъ памятникахъ кривою саблею. Резефъ такимъ образомъ соединяетъ копье Гора, лукъ Аполлона и саблю Персея. Крылья Персея и его эпитеты, указывающіе на его способность летать, сближаютъ его съ Горомъ—ястребомъ; Персею помогаютъ Меркурій и Минерва; имъ соответствуютъ въ мифѣ Озириса *Thoth* и Изида. Мифъ относился первоначально только къ Гору; можетъ быть, на египетской же почвѣ онъ былъ перенесенъ на Резефа финикійскаго. Чудовище, которое убиваетъ въ Яффѣ Персей, называется то драконъ, то *Ketos*. Драконъ есть, можетъ быть, ничто иное, какъ *Dagon*, но вотъ что во всякомъ случаѣ несомнѣнно: въ Яффѣ обожали рыбообразную богиню Держето или *Keto*; она есть женское божество, отвѣчающее Дагону, то-есть, *Dadjjal'у*. Персей черезъ Резефа сближается съ пламенемъ, и дѣйствительно, у Павзанія Дамасскаго мы находимъ такую легенду: Персей царствовалъ надъ Персеіей; узнавъ, что Юніицы, потомки Аргосцевъ, поселились въ Сиріи, онъ отправляется къ нимъ; рѣка Драконъ (Оронтъ) заградила ему путь; но по молитвѣ его и народа съ неба сходятъ огонь и унимаютъ разливъ; часть этого небеснаго огня сохранена, и съ этихъ поръ Персы начинаютъ поклоняться огню. Битва Резефа и Дагона происходитъ въ Яффѣ, на полути между городами Арзуфомъ и Эс-

дудомъ; въ послѣднемъ городѣ намъ по Библіи извѣстна битва, происшедшая между Иеговой и Дагономъ.

Есть одно обстоятельство, рѣзко отдѣляющее Персея отъ Георгія: Персей сражается съ дракономъ пѣшкомъ; за то тѣмъ ближе къ Георгію другая разновидность того же типа — Беллерофонъ, всегда изображаемый верхомъ и часто съ нимбомъ на головѣ ¹⁾).

Впрочемъ, гдѣ сближеніе не удастся на почвѣ археологіи, тамъ изслѣдователю открыта лингвистика: Персей, переписанный по семитически, долженъ дать форму *Peras*, что значитъ и всадникъ, и лошадь. Къ тому же у мусульманъ есть миѳическая личность Али (которому существуетъ специальное святилище именно въ Резефовомъ городѣ Арзуфѣ); этотъ Али отвѣчаетъ обще-семитическому богу *El*, смѣшивается у мусульманъ съ *Elie* и Георгіемъ; этому Али приписывается одна бедуинская легенда, записанная авторомъ, крылатаго коня Маимуна, арабскаго Пегаса.

Новая complicatio — земледѣльческая: Дагонъ по еврейски значитъ рожь и рыба. Этому отвѣчаютъ (?) слѣдующія сказанія: Персей часто являлся Египтянамъ, и такое явленіе предсказывало имъ хорошій урожай. Санхвиатонъ объясняетъ Дагона посредствомъ эпитета *Σιτών*, а *Σιτώ* есть прозваніе Деметры; того же Дагона онъ приравниваетъ къ Зевсу *Arotios*'у или *Georgos*'у, приписываетъ ему изобрѣтеніе ржи и телѣги, а этого Зевса-земледѣльца обожали, по видимому, въ Лиддѣ-Диосполисѣ, такъ какъ на монетахъ этого города его голова является рядомъ съ головою Цереры.

Имя Георгія говоритъ само за себя; къ тому же одна изъ его казней упоминаетъ жернова. Арабское имя Георгія *Khidr* значитъ зеленый, и по сказанію, земля покрывается зеленью вездѣ, гдѣ онъ проходитъ или садится. „Наконецъ — и я приписываю этому указанію очень большую важность — одинъ старый мусульманско-арабскій географъ *Moaddesy*, родившійся въ Палестинѣ, говоритъ, что въ ихъ

¹⁾ Удивляюсь, какъ по поводу Беллерофона и Пегаса авторъ не привлечъ къ дѣлу Иадубара, освобождающаго дѣву отъ морскаго чудовища, и его крылатаго быка. На этомъ пути ученый ориенталистъ могъ бы прійти къ болѣе плодотворнымъ результатамъ. Впрочемъ и этотъ путь не безъ опасностей: на сколько обще подобное представленіе, показываетъ рисунокъ, доставленный изъ Америки Ал. Гумбольдтомъ и изображающій «eine weibliche Figur im Moment der Gefahr von einem *Seeungeheuer* verschlungen zu werden (*Creuzer*, Deutsche Schriften, II, 2, 303).

странѣ посѣвъ начинался съ великаго лиддскаго праздника, то-есть, со дня св. Георгія, который неизмѣнно праздновался 23-го апрѣля⁴.

Нерѣдки въ мифологіяхъ случаи, что два божества враждующія — одно благодѣтельное, другое праждебное, замѣняютъ другъ друга. Клермонъ-Ганно находитъ подобное же явленіе и въ мифѣ, который породилъ культъ Георгія: Мусульманскій Khidhrъ одновременно совмѣщаетъ въ себѣ и Георгія-Гору, и его врага Тифона; онъ не только сухопутное, но и морское божество, близкое къ Главку. Главкъ, какъ извѣстно, морское божество; его эпитеты *πόντιος* и *θαλάσσιος*; къ нему зываютъ моряки во время бури; онъ ежегодно объѣзжаетъ моря и предсказываетъ будущее; онъ безсмертенъ и по нѣкоторымъ сказаніямъ мучится отъ своего безсмертія¹). Другой Главкъ, какъ отецъ Беллерофонта, конное божество, и его эпитетъ *ταρφέϊππος*; золотой щитъ Гомеровскаго Главка спасаетъ Диомеда въ его битвѣ съ дракономъ; сходное съ Главкомъ по роду дѣятельности божество — Протей носитъ прямо эпитетъ *Αἰγύπτιος*.

Кидра и Главка сближаетъ, во первыхъ, имя²). Мусульмане, образовавшіе одну фигуру изъ Khidhr-Elias, говорятъ, что второго слѣдуетъ призывать на землѣ, а перваго на морѣ Кидръ вѣчно объѣзжаетъ моря, Эліасъ—землю, они сходятся одинъ разъ въ году; они защитники путешественниковъ. Кидръ отыскиваетъ утопленниковъ и хоронитъ ихъ. Знаніемъ своимъ онъ далеко превосходитъ Моисея. Главкъ—старецъ и негодуетъ на свою старость. Кидръ, когда къ нему приходитъ Моисей,—юноша, но съ длинною сѣдою бородой. Кидръ приобрѣлъ безсмертіе, съѣвъ плодъ древа жизни или выпивъ изъ источника живой воды. Такимъ образомъ Кидръ, по словамъ автора, какъ божество морское (см. разказъ о рыбѣ, которая вела къ нему Моисея), съ одной стороны, соотвѣтствуетъ Дагону, а слѣдовательно, и Тифону, съ другой—св. Георгію, а слѣдовательно, и Гору³). Черезъ Главка Кидра можно отнести и къ числу небесныхъ божествъ. Главкъ по Аристотелю жилъ на Делосѣ; его пророческая сила оказывается больше Аполлоновой, и онъ признается учителемъ Аполлона въ предсказаніи; Кидра съ небомъ сближаетъ одно изъ названій неба: *Khadrha*—зеленая.

¹) *Ersch* и *Gruber*, s. v.

²) *γλαυκός*—свѣтлый, свѣтлосиній, голубой.

³) При этомъ случаѣ авторъ дѣлаетъ попытку объяснить имя Khidhr'a изъ греческаго языка (!) черезъ *ἄδρα* и *ἄδρα*, но впрочемъ не крѣпко стоитъ за нее.

Клермонъ-Ганно такъ резюмируетъ свое изслѣдованіе. Онъ пытался выяснитъ:

- 1) Тождество Персея и Резефа и ихъ родство съ Горомъ.
- 2) Тождество Андромеды и Анаты.
- 3) Начало города Арсуфа.
- 4) Воспоминаніе о Дагонѣ въ мусульманскомъ Даджалѣ.
- 5) Начало апокрифической легенды о св. Георгіи.
- 6) Сложный характеръ баснословнаго Кидра, его тождество съ Главкомъ и съ древнимъ финиійскимъ морскимъ божествомъ.

Авторъ самъ признаетъ, что многія изъ его сближеній покажутся черезчуръ смѣлыми, но не надо забывать, говоритъ онъ,—что въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительность часто оставляетъ за собою смѣлыя и невѣроятныя теоріи. Онъ ссылается на примѣръ арійскихъ мифологовъ, которые находятъ въ своей области еще болѣе странныя метаморфозы и смѣшенія.

Признаюсъ, и этотъ примѣръ, и это общее разсужденіе представляетъ мало утѣшительнаго. Всѣмъ извѣстно, что арійствующіе натурмифологи проявили поразительную, ни передъ чѣмъ не останавливающуюся смѣлость мысли и находили такія странныя complicatіи, при которыхъ измышленія книжника, искаженное античное или церковное литературное преданіе оказывались благоуханнымъ мифомъ арійской прародины; но едва ли эта смѣлость принесла большую пользу положительному знанію. Во всякомъ случаѣ тѣ несомнѣнные, всѣми признанные результаты, которые добились натурмифологи, слишкомъ незначительны сравнительно съ затраченной массой эрудиціи и таланта, и виновата въ этомъ въ значительной степени излишняя смѣлость, страсть къ нагроможденію конъектуръ и ничего не дающихъ сличеній. Конечно, не было недостатка и въ другихъ причинахъ, между прочимъ—и въ свойствѣ извѣстной части матеріала, подлежащаго истолкованію натурмифологовъ; сказки, пѣсни, повѣрья, обряды—матеріалъ живой; а наши науки, увя! привыкли имѣть дѣло съ мертвою буквой, съ потерявшими смыслъ обломками. Старые тексты и обломки бѣдны и неясны; за то они не подавляютъ изслѣдователя непривычными формами, богатымъ содержаніемъ; привычною рукою, по избитымъ топикамъ: *quis, quid, ubi*, онъ дополняетъ и изясняетъ ихъ, добываясь не *verum*, но *verisimillimum*; путь медленный, за то вѣрный. По этой же причинѣ можемъ ожидать и отъ семитологовъ меньше смѣлости и конъектуръ, но больше фактовъ и дѣла. Въ народныхъ вѣрованіяхъ дѣйствительность невѣроятна, невѣ-

роятнѣ теоріи, но дѣйствительность одна, а теорій можетъ быть много. Ясно, что если нѣсколько изслѣдователей, руководствуясь принципомъ Клермона-Ганно, постараются составить нѣсколько смѣлыхъ теорій, можетъ быть, ни одна изъ нихъ не будетъ отвѣчать дѣйствительности, и наука обогатится только бесполезными, другъ друга отрицающими конъектурами.

Перехожу къ разбору положеній автора: какія изъ его конъектуръ могутъ быть признаны за вѣроятныя и могутъ найдти новыя подтвержденія? Какія слѣдуетъ признать не обоснованными и даже противорѣчащими истинѣ?

Мѣстомъ дѣйствія легенды о Георгіи Клермонъ-Ганно считается Финикійское побережье. Достаточно ли для этого данныхъ? Исторія о битвѣ съ дракономъ, на которой вертится все изслѣдованіе Клермона-Ганно въ славянскихъ (а слѣдовательно, и въ греческихъ) текстахъ приурочивается къ городамъ Лаосіи, Нагаву, Гевалу, въ латинскихъ — къ Silene; все это мѣста не приморскія, такъ какъ драконъ выходитъ изъ озера. Позднѣйшія сказанія, дѣйствительно, приурочиваютъ битву Георгія съ змѣемъ къ берегу Средиземнаго моря, о которомъ идетъ рѣчь ¹⁾, но это, по видимому, надо объяснить преданіемъ о Персеѣ, упорно державшимся въ этомъ мѣстѣ ²⁾. Еслибы мы имѣли основаніе считать битву Георгія съ змѣемъ за основу сказанія, мы признали бы его христіанизированнымъ Персеемъ и смѣло приурочили бы его къ этой мѣстности; но о змѣѣ мы получаемъ только позднія извѣстія, а Персида и Моссулъ, гдѣ является Георгій апокрифа и мусульманскихъ сказаній, противорѣчатъ географіи Клермона-Ганно. Отсутствіе раннихъ изображеній Георгія, поражающаго змѣя, также мѣшаетъ намъ признать внушающей довѣріе конъектуру о происхожденіи лиддскаго hadith'a о битвѣ Исы съ Антихристомъ; можетъ быть, это и такъ, но допознательствъ мы не имѣемъ и бродимъ въ *circulo vicioso*: hadithъ объясняется изображеніемъ, а существованіе изображенія основывается только на hadith'ѣ. Не вѣроятнѣ ли предположить существованіе въ

¹⁾ Напримѣръ, Мандевиль: *Scelta di curiosità* и пр. CXIII: Di quivi si va a Baruth dove S. Georgio ucise il dragone, стр. 152. Ср. *Serp*, Jerusalem etc. Schaffhausen, 1863, II, 349 и др.

²⁾ Св. Іеронимъ, *Comm. in Ioham I*, 3, еще видѣлъ у Нѣвы скалу, къ которой, говорятъ, была привязана Андромеда, а Мандевиль (I. c., 40) тамъ же видѣлъ желѣзныя цѣпи, которыя были прикованы великанъ *Andromades* (sic).

Лиддѣ такого изображенія, гдѣ побѣдителемъ врага рода человѣческаго былъ самъ Иса? ¹⁾

Не-оріенталистъ не въ состояніи опредѣлить, насколько вѣроятенъ переходъ Дагона въ Даджала; впрочемъ, нашей легенды Даджалъ прямо и не касается; тѣмъ не менѣе, старанія Клермона-Ганно сблизить эти два слова даютъ драгоцѣнный фактъ для объясненія имени мучителя Дадіана. Любопытно, что авторъ повидимому и не подозрѣвалъ существованія такого имени въ легендѣ; слѣдовательно, его никакъ нельзя заподозрить въ натяжкѣ; Клермонъ-Ганно, не зная того, оказалъ услугу пренебреженной имъ легендѣ, и легенда, съ своей стороны, не остается у него въ долгу: приуроченный къ Персіи Дадіанъ оказываетъ поддержку мусульманскому антихристу Даджалу, который долженъ происходить изъ Персіи.

Восточный элементъ ²⁾ въ миѣѣ Персея до насъ не касается; не касается до насъ непосредственно и финикійскій Резефъ, но нельзя не замѣтить, что доказательства его тождества съ Персеемъ въ высшей степени слабы. Не знаю, что по финикійски значило Mikel или Mekil, но во всякомъ случаѣ эпитетъ Αρὸχλαῖος, происходящій отъ имени города Амиклен, не можетъ объяснить намъ Резефа. Основываться на классическомъ переводѣ варварскихъ боговъ, значить — на пескѣ строить свое зданіе. Давно уже извѣстно, какими случайными чисто внѣшними признаками руководствовались переводчики: еслибы мы не знали величественной фигуры Одина-Водана по туземнымъ памятникамъ, какое понятіе далъ бы намъ Меркурій Тацита? Аполлинополисомъ могли быть окрещены города, служившіе центромъ поклоненія весьма разнообразнымъ божествамъ.

Обращаюсь къ египетскому Гору, какъ къ центральному пункту изслѣдованія. Клермонъ-Ганно принадлежитъ къ числу тѣхъ сличителей, которые не любятъ вполне высказывать, что хотя бы они сказали своими сличеніями, однако онъ довольно ясно выражаетъ мысль, что мѣсто рожденія всѣхъ битвъ съ чудовищами — Египетъ, и что прототипъ всѣхъ побѣдителей — Горъ.

Подлинныя и сравнительно древніе тексты и изображенія Египта подтверждаютъ свидѣтельство Плутарха о Горѣ, побѣдитель Тифона

¹⁾ По Serr'y l. c., I, 24 битва будетъ происходить не на воротахъ, а *vor dem Thore, am Quecksilberbrunnen*.

²⁾ Онъ замѣченъ еще много ранѣе Клермона Ганно; см. *Preller*, 3-е изд. *Griech. Myth.*, II, 593.

(Wilkinson: *Manners and customs of the anc. Egyptians*, II ser., I, 34, 395, 378; II, 36, 206, 208); онъ часто изображается убивающимъ змѣя, иногда и человѣка; позднѣе же въ эпоху Птолемеевъ битва Ра и его сына Гора съ ихъ врагомъ Toth изображается въ совершенно прозаическихъ чертахъ, какъ битва двухъ войскъ ¹⁾. Горъ въ несомнѣнной связи съ солнцемъ ²⁾; но нѣтъ никакого основанія разграничивать по всему Египту копчика солнца отъ крокодила, такъ какъ Савакъ, крокодилоголовое божество, почитавшееся въ Фиваидѣ, изображалъ солнце, и въ Омбосѣ въ одномъ и томъ же храмѣ находятся кончикоголовый Арозрисъ и крокодилоголовый Савакъ. Вилькинсонъ (II, 2, 208) считаетъ невѣроятнымъ разказъ Эліана о томъ, что коптиты распинали копчика, такъ какъ солнце почиталось и коптитами. Различаютъ двухъ Горовъ, старшаго *Har-uer* (*Arueris*), и *Har-re-chrati* (*Гарпократа*) — Гора ребенка ³⁾. „Защитникомъ отца“ называется именно младшій Горъ (Wilk. II, 395).

Что же общаго между Горомъ и Персеемъ? Битва съ змѣемъ, имѣющая общее натурноэологическое или еще болѣе общее нравственное значеніе дорого доставшейся побѣды добра надъ зломъ. Въ этомъ отношеніи, конечно, и Аполлонъ, и Беллерофонъ, и св. Георгій, и императоръ Константинъ въ изображеніи, о которомъ говоритъ Евсевій, дѣйствуютъ одинаково, но развѣ возможно относить къ одному источнику всѣ подобныя изображенія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ ни одной общей черты, нѣтъ даже дѣвицы, за которую бьются Персей, Георгій и Константинъ?

Перехожу къ одному изъ интереснѣйшихъ пунктовъ изслѣдованія къ мусульманскому Хызру или Кядру ⁴⁾.

Извѣстно, что до Магомета въ Аравіи было много христіанъ, особенно еретиковъ, которые скрывались туда во время гоненій; из-

¹⁾ *Revue politique et littéraire* 1872 г., 465, ст. *Масперо*.

²⁾ Wilk. II, 400, солнце и луна—его глаза.

³⁾ *Parthey*: *Plat. Ueber Isis und Osiris*, Berl. 1850.

⁴⁾ Другія формы его имени: *Kheder*, *Kheder* (*D'Osson*, *Tableau general de l'Empire Ottoman* T. I, 1788, стр. 187). Слившись съ Ильєю, его имя даетъ форму *Khidrellez*. По словамъ *Hammer'a* *Theol. Stud. u. Krit.* 1831. 830, *Chedhreli* есть собственно названіе праздника 24-го апрѣля; въ Памятникахъ народнаго быта Болгаръ *Каравелова*, 109, одиавъ св. Георгій называется *Едрелесъ*. Арабскіе словари сближаютъ его съ небомъ. Сказанія о немъ см. *Rosenöl* и др., *Hammer*, *Geschichte der schönen Redkünste Persiens*, Wien 1818, стр. 19—20.

вѣстно, что даже нѣкоторые царьки Аравіи принимали христіанство ¹⁾; извѣстно, наконецъ, что, завоевавъ Сирію, мусульмане столкнулись съ христіанскою культурой, и секты у нихъ возникаютъ именно подъ вліяніемъ христіанъ, которые даже въ Дамаскѣ пользовались равноправностью ²⁾. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мусульмане очень рано получаютъ отъ христіанъ легенду о Георгіи, имя котораго въ арабской транскрипціи естественно получило форму Джерджиса.

Мы видѣли (см. гл. I), какимъ перемѣнамъ подвергся апокрифъ въ устной передачѣ мусульманскаго востока. Во всѣхъ приведенныхъ тамъ случаяхъ мы находимъ то же христіанское имя и ту же легенду. Джерджисъ вездѣ великомученикъ Георгіи христіанской церкви.

Существенно отличенъ отъ него Хызръ мусульманскихъ сказаній; имя его единогласно объясняютъ прилагательнымъ зеленый или причастіемъ зеленающій (*der allbegünende*: Hammer, *Gesch. d. Redkünste* и пр., I. с.). Онъ—геній весны, одѣвающій деревья зеленью, бессмертный защитникъ несчастныхъ, совѣтникъ князей, мститель за неправду, путеводитель по пустынѣ и вѣчно юный стражъ источника жизни; у Персовъ Кедат переводить въ день суда праведныхъ черезъ мостъ Чинавадъ (у мусульманъ *Ssirat*: Hammer, *Teol. Stud.* 830). Нѣкоторые считаютъ его Ильею, другіе—Енохомъ (поводъ къ сближенію, очевидно, даетъ бессмертіе), иные—племянникомъ Авраама (? *Herbelot* s. v.), но чаще—самостоятельнымъ лицомъ. Онъ, подобно Вѣчному Жиду, бродитъ, какъ живое свидѣтельство тлѣнности и измѣняемости всего земнаго; видитъ онъ обширный городъ и спрашиваетъ: „Давно ли онъ стоитъ здѣсь?“ „Онъ вѣчно былъ здѣсь“, отвѣчаютъ ему жители. Черезъ пятьсотъ лѣтъ онъ снова приходитъ на то же мѣсто; смотритъ: нѣтъ города, и люди собираютъ траву. „Давно ли погибъ стоявшій тутъ городъ?“ спрашиваетъ Хызръ. „Здѣсь никогда не было ничего кромѣ стени“, получаетъ онъ въ отвѣтъ ³⁾.

¹⁾ См., напримѣръ, царствованіе Номана у *Caussin de Perceval* *Essai sur l'histoire des Arabes*, 1847 г., т. II. Тамъ же свидѣтельство о существованіи многихъ христіанскихъ епископовъ во внутренней Аравіи.

²⁾ См. *Alfr. Kremer*, *Culturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams*. Leipzig, 1873.

³⁾ Разказъ этотъ обработанъ Рюккертомъ по *Kazwini*, см. *Die Quelle von Rückerts Parabel Chidher* v. *R. Volzberger* (*Arch. f. Literaturgeschichte*, V, 2, 274. Предположеніе о его буддйскомъ происхожденіи не подтверждено достаточно.

Онъ воскрешаетъ почти истлѣннаго осла одного благочестиваго человѣка, который усумнился въ возможности воскресенія мертвеца, и увѣряютъ, что текстъ Корана, говорящій о воскресеніи, основанъ именно на этомъ сказаніи (Rosenöl, 120). Всего подробнѣе извѣстна его встрѣча съ Моисеемъ, который въ обществѣ Иисуса Навина отправляется къ Хызру за наукою. Путешествуя вмѣстѣ съ Моисеемъ, онъ доказываетъ ему преимущество сверхъ естественнаго знанія надъ человѣческимъ, постигающимъ только видимое и настоящее ¹⁾. Онъ является къ Соломону и дополняетъ его мудрость доказательствомъ необходимости зла; онъ направилъ своими совѣтами Александра Македонскаго, и къ нему же пришелъ Александръ за водой безсмертія, но не получилъ ее, потому что слишкомъ жадно схватился за чашу и пролилъ воду ²⁾.

Изъ послѣдняго факта ясно видно, что Хызръ-фигура сложная: въ немъ ясно отдѣляются по крайней мѣрѣ двѣ личности: стражъ земнаго рая, источника безсмертія, и безсмертный странствующій мудрецъ. Какъ мудрецъ и покровитель странниковъ, Хызръ — старикъ съ посохомъ; какъ хранитель источника, онъ — цвѣтущій юноша; связью служитъ безсмертіе. По существу, съ Георгіемъ ни та, ни другая фигуры не имѣютъ почти ничего общаго; что же ихъ сближаетъ ³⁾?

Зеленый юноша, охраняющій воду безсмертія, оживляющій мертвыхъ животныхъ и омертвѣлыя растенія — богъ весны, и праздникъ ему былъ, конечно, весенній. Георгій легенды оживляетъ вола, заставляетъ пустить ростки сухое дерево, и праздникъ ему совершается 23-го или 24-го апрѣля; болѣе, чѣмъ достаточно основаній для объединенія ⁴⁾.

¹⁾ Этотъ разказъ уже находится въ Коранѣ XVIII, 51 и слѣд.; онъ стоитъ въ несомнѣнной литературной связи съ извѣстною русскою легендой объ ангелѣ.

²⁾ Другіе говорятъ, что это былъ не Александръ, а другой болѣе древній владыка земли.

³⁾ *Kleiker* въ *Anhang zum Zendavesta*, Leipzig, 1781, т. I, стр. 261, 278 и слѣд., говоритъ о нѣсколькихъ кедарахъ, какъ о стремленіяхъ души: *двухъ кедарахъ* при жизни и *двухъ кедарахъ*, какъ *вожакахъ* послѣ смерти черезъ мостъ Чинавадъ.

⁴⁾ Перекрещиваніе христіанскихъ святыхъ странными именами — явленіе не безпримѣрное: D'Ohsson (l. c., стр. 184) говоритъ, что 26-го октября Турки празднуютъ св. Димитрію, «que Pop appelle Cassim». Сближеніе Георгія съ Хызромъ и именно съ Хызромъ, уже слившимся съ Ильею, — явленіе отнюдь не новое. Іоаннъ Кантакузень въ XIV в. писалъ: Γεώργιος δὲ καὶ παρ' αὐτῶν τῶν Μουσουλμάνων τιμᾶται, ονομάζεται δὲ παρ' αὐτῶν: Χετῆρ 'Ηλίαζ...

Что касается до этой двойственности Хызра (которая нашла себѣ удачное выраженіе въ слитномъ имени Кедрелеса) и до отождествленія юноши Георгія съ старикомъ, мы найдемъ то же самое и на Руси: въ народныхъ мифическихъ представленіяхъ одинаково часто встрѣчается и распаденіе одной фигуры на нѣсколько именъ, и эконоичанье, сливающее вмѣстѣ фигуры, связанныя чертами даже не первостепенными.

Не заключить ли, что легенда о Георгіи обязана своимъ происхожденіемъ мифу древне-аравійскаго Хызра, въ которомъ мы находимъ всѣ ея существенныя черты: оживленіе животныхъ и растений, безсмертіе, враждебныя отношенія къ царямъ ¹⁾?

Еслибъ у насъ были въ рукахъ фактическія доказательства древности мифа, мы не усумнились бы въ этомъ; но про доисламитаго Хызра мы ничего не знаемъ ²⁾, и литературныя соображенія заставляютъ скорѣй приписать въ нѣкоторыхъ сходныхъ пунктахъ оригинальность Георгію и подражательность Хызру: въ Хызрѣ очевиденъ позднѣйшій, философскій элементъ; эпизодъ объ оживленіи осла мотивированъ плохо и плохо связанъ съ ни на что не нужнымъ пяти-сотлѣтнимъ сномъ.

Клермонъ-Ганно сближаетъ Хызра съ Главкомъ; дѣйствительно, сходство бросается въ глаза: они оба больше люди, чѣмъ боги, что, впрочемъ, объясняется позднѣйшими эвгемеристическими стремленіями; затѣмъ ихъ сближаетъ вѣчное странствованіе, знаніе будущаго и значеніе имени. Клермонъ-Ганно могъ бы обратить вниманіе еще

¹⁾ Хызръ былъ казнень однимъ шахомъ (савд. царемъ *Персін*) и ушелъ отъ него, неся свою голову въ рукахъ, *Rosenöl*, I. c., *Migne*, Patr. t. CLIV, стр. 512—513).

²⁾ *Hammer* (Theol. Stud., 1831, II, 831) склоняется къ тому мнѣнію, что это фигура персійскаго, выродившаяся изъ Митры, и что арабская форма есть осмысленіе персидской *Kedar*. Весьма впроятно; но крайней мѣрѣ профессоръ Крель, внимательно другіе изслѣдовавшій въ послѣднее время доисламитаго религію Арабовъ, не нашелъ тамъ слѣдовъ Хызра. Но тогда остается открытымъ вопросъ о персидскомъ Кедарѣ. Кажется, въ позднѣйшее время функціи персидскаго Кедара перешли на другую мифическую фигуру, Сама, безсмертнаго мудреца (см. *Spiegel*, *Eran. Alterth.*, II, 557, 560. и *DMG.* 9, III, 251). Онъ же, замѣняя Митру, явится въ концѣ міра специальнымъ врагомъ Дахаки. Что касается до связи Хызра съ Митрою, на нее указалъ еще *Seil*, *Mithragheim*. стр. 547, который склоненъ переводить знаменитую надпись: *Nama Sabasio — Lob dem Grünen*.

на одно обстоятельство: Главкъ про себя разказываетъ ¹⁾, что онъ наловилъ рыбы и положилъ около себя; вдругъ она коснулась какой-то чудесной травы и прыгнула въ море; Главкъ съѣлъ той же травы, прыгнувъ въ море и превратился въ морское божество. Въ Табари разказывается, какъ Моисей и Иисусъ Навинъ нашли Хызра: они взяли съ собою для пропитанія сухую рыбу, и дойдя до мѣста, гдѣ живетъ Хызръ, положили рыбу на камень; вдругъ на нее попала капля изъ источника, она ожила и прыгнула въ море.

Послѣднимъ разказомъ Клермонъ-Ганно воспользовался только для того, чтобъ изъ сухой рыбы вывести заключеніе о связи Хызра съ моремъ, но эпизодъ о Главкѣ онъ оставилъ безъ вниманія; между тѣмъ именно въ этомъ пунктѣ видна несомнѣнная родственная связь этихъ двухъ фигуръ. Выше было указано, что къ Хызру за водой безсмертія является Александръ; къ тому же Александру у Псевдокаллистоена, а чрезъ него и въ болгарскихъ сказаніяхъ приурочивается иной разказъ о добываніи воды безсмертія, несомнѣнно обязанный своимъ происхожденіемъ исторіи Главка: его роль играетъ сестра, дочь или поваръ Александра, и въ болгарскомъ сказаніи на классическій миѳъ возлагается обязанность объяснить происхожденіе славянской миѳологической фигуры—самовилы (см. Агсв. Ягича, I, 3, стр. 608 статья пр. Веселовскаго). Но въ функціяхъ Главка и Хызра сходство не такъ велико какъ думаетъ Клермонъ-Ганно: Главкъ — исключительно морское божество, и Клермонъ-Ганно на стр. 391 увѣряетъ, что Хызръ помогаетъ путешественникамъ на морѣ, а Илья на землѣ. Рейно (l. c., 170) увѣряетъ, что Хызръ охраняетъ странниковъ на сухомъ пути, а Илья на морѣ, и приводитъ разказъ о томъ, какъ Хызръ велъ Евреевъ черезъ пустыню ²⁾. Кто изъ двоихъ правъ — мы судить не можемъ; весьма вѣроятно, что оба извѣстія справедливы; во всякомъ случаѣ говорить о специально морскомъ Хызрѣ мы не имѣемъ основанія.

Но мнѣ не совсѣмъ понятно, что именно хочетъ сказать Клермонъ-Ганно своимъ сличеніемъ Хызра съ Главкомъ? Подробный разборъ этого вопроса можетъ быть очень плодотворенъ для рѣшенія вопроса объ источникахъ Псевдокаллистоена или мусульманскихъ легендъ; но

¹⁾ Ov. Met. XIII, 915 и др.

²⁾ Въ вышеуказанномъ эпизодѣ Александрии Хызру-путеводителю не соответствуетъ ли старикъ, дающій мудрый совѣтъ, какъ пробраться черезъ пустыню?

что могутъ дать эти сличенія для уясненія генезиса фигуры Георгія, еще не слитаго съ Хызромъ? Вѣроятно, Клермонъ-Ганно полагаетъ, что и Главкъ, и Хызръ суть отзвукъ той же фигуры Гора-Резефа-Персея; но здѣсь ни въ Главкѣ, ни въ Хызрѣ нѣтъ и той единственной черты, которой авторъ Гора связываетъ со всѣми драконоубійцами; Главкъ, со щитою котораго Диомедъ боролся противъ дракона,—очевидная натяжка.

Остается рассмотреть еще одну „мишическую“ фигуру — Али. Для Клермона-Ганно вполне достаточно крылатаго коня Али, чтобы отождествить его съ Персеемъ, а слѣдовательно, и со всѣми драконоубійцами; мы имѣемъ возможность указать на самую битву Али съ змѣемъ. Извѣстный ориенталистъ Мерхъ по книгѣ Джемса Эббота (James Abbot: Narrative of a journey from Herat to Khiva и пр. 1856, I, 229—239; по 1-му изд. 239 и слѣд.) излагаетъ ¹⁾ два преданія о битвѣ съ змѣемъ. Второе изъ нихъ, калдагарское, разсказываетъ, какъ обреченную на съѣденіе змѣю дѣвицу явился спасать Али—мечъ вѣры; онъ увѣщаетъ ее надѣяться на небесную помощь, ѣдетъ противъ дракона и убиваетъ его. Разлагающійся трупъ дракона производитъ язву; Али беретъ удалить ея причину съ тѣмъ условіемъ, чтобы жители обратились къ истинному Богу; тѣ обѣщаютъ; тогда онъ запретилъ кому бы то ни было приближаться къ этому мѣсту и по его молитвѣ все, что было въ этомъ районѣ (въ томъ числѣ и старуха, нарушившая приказаніе святаго), обращено въ камень. Разсказчикъ говоритъ, что онъ самъ видѣлъ эти камни.

Преданіе это стоитъ, по видимому, въ генетической связи съ Георгіемъ. Случаи, гдѣ битва со змѣемъ за дѣвицу не кончается свадьбой, и гдѣ герой требуетъ переменъ религіи, очень рѣдки и принадлежать исключительно въ области легенды. Сказаніе о язвѣ отъ трупа дракона приурочивается въ устныхъ, приурочивалось, вѣроятно, и въ письменныхъ редакціяхъ къ битвѣ Георгія ²⁾; даже окаменѣлая старуха находитъ себѣ параллель въ тѣхъ дѣвицахъ и женахъ, которыхъ окаменилъ Георгій по извѣстному указанію О. И. Буслаева ³⁾.

Связь ясна, но каковъ порядокъ генезиса? Али—прежде всего лице

¹⁾ *Orient and Occident* I, 751 и слѣд.

²⁾ На островѣ Закинѣ 30 января совершается Георгію особенная служба въ благодарность за избавленіе отъ заразы (архим. *Сергій*, Мѣсяц. II, 115).

³⁾ Син. Цвѣти. 1665 г. см. Рѣчь о народн. поэзіи, стр. 11. Впрочемъ эта черта, можетъ быть, совпала по вѣншей причинѣ—странно расположеннымъ камнямъ

историческое; только впоследствии, по мѣрѣ удаленія его въ глубь вѣковъ, фигура его пріобрѣтаетъ новыя черты, божественныя. Георгій былъ извѣстенъ Арабамъ, надо думать, еще до рожденія Али и рано долженъ былъ явиться драконоубійцей; фигура его вполне закончена. Перенесеніе сказанія съ Али на Георгія невозможно предположить, а обратно сказаніе могло перейти очень удобно, въ виду между прочимъ того закона, въ силу котораго фигуры народныхъ вѣрованій требуютъ постоянно подновленія; Джерджисъ теперь забытъ; интересная легенда, разказанная христіаниномъ мусульманину, переносится послѣднимъ на симпатичнаго ему мусульманскаго героя.

Рѣшительно не понимаю, почему Клермонъ-Ганно приписываетъ особенную важность тому обстоятельству, что по Мокадесси посѣвъ начинался 23-го апрѣля. Извѣстно, что не только въ странахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, но и въ странахъ чисто мусульманскихъ, день Георгія пользовался особеннымъ почетомъ и къ нему пріурочивался, смотря по климатическимъ условіямъ, выгонъ скота, посѣвы, отплытіе кораблей въ море ¹⁾.

Не считаю нужнымъ разбирать другія еще менѣе прочныя сближенія Клермона-Ганно не потому, чтобъ они противорѣчили возможной истинѣ, но потому, что они не доказаны. Найдутся новыя основанія, связывающія болѣе прочно ту или другую пару фактовъ, пока еще слабо соприкасающихся краями, часто черезъ посредство третьяго, тогда—иное дѣло; но пока это праздная забава ученаго наѣздничества.

И такъ, изъ шести тезисовъ Клермона-Ганно (за иные онъ и самъ не крѣпко стоитъ; такъ развивая тезисъ о тождествѣ Анаты и Андромеды, онъ называетъ его *explication purement conjectural*) приходится я ограничиться однимъ Дагономъ, который въ семитическихъ единобожныхъ странахъ, подвергшихся культурѣ Евреевъ, получилъ нарицательное значеніе существа враждебнаго свѣтлому началу и въ мусульманскомъ сказаніи удачно слился съ нарицательнымъ именемъ обманщика.

Въ январьской книжкѣ *Revue Archéologique* за 1877 г. появилась третья статья Клермона-Ганно. Авторъ все еще, по видимому, не познакомился ни съ древнѣйшею легендой о Георгіи, ни съ труда

¹⁾ См., напримѣръ, *Le Calendrier de Cordova de l'année 961 par Dozi. Leyden 1873*, стр. 47, подъ 24-го апрѣля. *Hammel*, Th. Schg., говорить, что до сихъ поръ въ этотъ день султанъ переезжаетъ въ лѣтнюю резиденцію.

ми Гутшмида; потому и приводимы имъ новыя данныя имѣютъ для опредѣленія происхожденія легенды весьма сомнительную цѣнность. Онъ нашелъ въ Британскомъ музеѣ статуэтку кончикоголоватаго Гора въ костюмѣ римскаго воина, что подтверждаетъ его толкованіе Луврскаго памятника. Далѣе онъ приводитъ нѣсколько преимущественно лингвистическихъ данныхъ для объясненія Хызра.

Въ области колѣна Ефремова есть мѣстечко Baal-Nasog; Nasog имѣетъ тотъ же корень, что и Хызръ. Иосифъ Флавій называетъ его Βαλασοφω; также называется и одно приморское мѣстечко въ Египтѣ, гдѣ останавливались Евреи; у 70 толковниковъ оно называется Βααλ-σερφων, то-есть, Baal-Serphon; и такъ, Nasog = Хызръ = Serphon = Typhon; слѣдовательно, Хызръ есть Тифонъ.

Далѣе, авторъ цитируетъ одинъ отрывокъ изъ космогоніи секты Ператовъ, „ученіе которыхъ представляетъ странную смѣсь христіанства съ семитическимъ язычествомъ“, сохранившійся въ Философическихъ менахъ. Первая космическая сила Θάλασσα — море, изъ котораго незнаніе сдѣлало Крона, а по образцу послѣдняго образовались Кефей, Прометей и Япетъ. Вторая сила есть та, которая владѣетъ моремъ; она, обоюдополая, называется Χορζάρ¹⁾ и имѣетъ „тифонскую дочь“ (Θυγάτηρ τοφωνική), вѣрную охранительницу разнообразныхъ водъ; невѣжество сдѣлало изъ нея Посейдона, по образцу котораго образовались Главкъ, Меликертъ, Іа и Неброз (?). Χορζάρ есть Хызръ и имѣетъ съ тѣмъ Хризоръ Санхоніатона и Хризаоръ, мечъ Персея, родившійся отъ Посейдона; Главкъ и Мелькартъ тотъ же Хызръ²⁾.

Авторъ тѣхъ же Philosophumena упоминаетъ о такомъ толкованіи мифа Персея: Кефей—Адамъ, Кассіопе—Ева; Андромеда—душа, а спаситель ея Персей—Слово, крылатый сынъ Зевса; въ Апокалипсисѣ всадникъ на бѣломъ конѣ есть тоже λόγος τοῦ θεοῦ, а этотъ всадникъ сближается съ Резефомъ окружающимъ его пламенемъ, съ Горомъ же—діадемами и мечемъ, исходящимъ изъ устъ—клювомъ кон-

¹⁾ Лишнее ρ авторъ думаетъ объяснить ошибкой переписчика или вліяніемъ парсійскаго Haurvatat Khordad.

²⁾ Трудно что-либо обосновать на такой запутанной, и вѣроятно, испорченной переписчиками Космогоніи: первая θυγάτις—θάλασσα, вторая θυγάτις та, которой поручено θάλασσα; что-нибудь не такъ. Элементъ эллинизма; здѣсь несравненно сильнѣе семитическаго; если здѣсь и играютъ роль семитическія божества, то только прошедшія черезъ руки Грековъ. Можетъ быть, первое θάλασσα объясняется чѣмъ-нибудь подобнымъ θάλασσα Борова, которое, какъ теперь оказывается, служило замѣной хаоса; см. Baudissin, 260.

чика ¹⁾). Всадникъ носить имена: вѣрный и правдивый, и будетъ судить опъ по справедливости ²⁾. У Санхоніатона поминается финикійское божество Σοβῶν, переводимое по гречески δίκαιος и тождественное съ еврейскимъ Садокомъ справедливымъ; у Сюдока есть братъ Μισὸς отецъ Діоскуровъ, Кабировъ — Корибантовъ, изобрѣтателей мореплаванія, и отецъ Асклепія, восьмого изъ Кабировъ, финикійскаго Эхмуна, котораго родилъ опъ отъ Титаниды или Артемиды; это родство сблизжаетъ Сюдока съ Зевсомъ и съ Аполлономъ. И такъ, Мессія Апокалипсиса есть Финикійскій Сюдокъ! Трудно привести другой столь же рѣзкій случай, гдѣ остроуміе и ученость на столько запутывали бы истину, стремясь отыскать ее.

Арабскій географъ Moqadessy упоминаетъ гору Siddîqa, между Тиромъ и Сидономъ, близъ Ливана; тамъ находится гробница Сиддика и мечеть; по легендѣ „собака, преслѣдующая краснаго звѣря, останавливается, достигши этого святилища“. По словамъ Эліана, святилище Кипрскаго Аполлона, то-есть, финикійскаго Резера, пользовалось тою же привилегіей (только оно одно?) Другой арабскій географъ, Якутъ, точнѣе опредѣляетъ мѣстоположеніе могилы Сиддика, помѣщая ее въ палестинскую ³⁾ деревню Каджара, гдѣ также находится пещера 80-ти мучениковъ. Почему именно восьмидесяти? Потому, что Кабировъ вмѣстѣ съ Аскленіемъ было восемь ⁴⁾; финикійскій Асклесій Эхмунъ есть богъ Восемь. И такъ, Сюдокъ Санхоніатона вмѣстѣ съ Вѣрнымъ всадникомъ Апокалипсиса принадлежатъ въ обширной фамиліи Резефовъ. Весьма возможно, что ориенталисты воспользуются нѣкоторыми изъ этихъ остроумныхъ сблизеній, но для исторіи легенды о св. Георгіи, очевидно, они бесполезны.

Клермонъ-Ганно, какъ мы видѣли выше, не обращаетъ вниманія на легенду и разсуждаетъ о Георгіи только какъ о змѣборцѣ. Ясно, что то или другое рѣшеніе вопроса о первичности легенды или чуда и о степени древности послѣдняго отнюдь не безразлично для изслѣдованія основы легенды. Мы видѣли въ первой главѣ, что легенда является въ литературныхъ обработкахъ сперва безъ прибавленія и сливается съ чудомъ о змѣи впоследствии, но можетъ быть, чудо по-

¹⁾ Не естественнѣй ли мечъ объяснить силою божественнаго Слова?

²⁾ Какъ же еще судить Мессіи? Напрасно авторъ такъ упирается на прозвище (καλοβῆμος); кто не укажетъ на десятки параллелей?

³⁾ Авторъ въ скобкахъ прибавляетъ знаменательное sic: опъ не желаетъ ризетаться съ Финикіей.

⁴⁾ Thamániu авторъ объясняетъ какъ pluriel de huit.

явилось отдѣльно отъ легенды одновременно съ нею или даже раньше ея, и Георгій, извѣстный только какъ змѣборецъ, потребовалъ себѣ житія, достаточно объясняющаго его славу?

Битва Георгія съ змѣемъ.

Всѣ блестящія, захватывающія массу фактовъ теоріи приносятъ на первыхъ порахъ наукѣ столько же вреда, сколько и пользы. Увлекаемая своею логичностью и способностью дать объясненіе собранному, но не осмысленному фактамъ, онѣ заставляютъ своихъ сторонниковъ закрывать глаза на возможность другихъ объясненій, лишаютъ ихъ критики и строго индуктивную науку превращаютъ въ свободное творчество. Когда крайнія увлеченія дискредитируютъ теорію, легко можетъ оказаться, что люди, незнакомые съ нею, были ближе къ истинѣ, нежели ея жаркіе сторонники.

Въ главѣ о драконахъ устарѣлой книги Сальверта: *Des sciences occultes* (1843, 2-me ed. Paris) больше правды, нежели въ цѣлой книгѣ Шварца: *Ursprung der Mythologie*, посвященной главнымъ образомъ дракону и змѣемъ, хотя Шварцъ располагаетъ несравненно большимъ количествомъ фактовъ. Шварцъ говоритъ: „Вездѣ, гдѣ мы въ индоевропейскихъ мифологіяхъ находимъ змѣй или драконовъ, мы очевидно имѣемъ дѣло съ спустившимися на землю небесными змѣями и драконами“ (стр. 26). Немного далѣе онъ распространяетъ то же положеніе и на всѣ не арійскіе народы, если только въ ихъ вѣрованіяхъ змѣя играла какую нибудь роль ¹⁾. Что же такое эта небесная змѣя? По Шварцу это — главнымъ образомъ молнія, со свистомъ поражающая человѣка и звѣря, иногда туча, заволакивающая небо и временно поглощающая его красоту; но другимъ, змѣя можетъ изображать змѣевидныя колонны дождя. Во всякомъ случаѣ она имѣетъ отношеніе къ грозѣ и дождю. Вотъ почему битва съ дракономъ почти всегда происходитъ у воды; часто поводомъ къ битвѣ служитъ то обстоятельство, что драконъ залегаетъ воду, иногда на мѣстѣ боя ²⁾ является изъ-подъ земли источникъ. По другой родственной натурмифологической теоріи всѣ мифологическіе драконы

¹⁾ Также съ буревыми змѣями отождествляетъ всѣхъ змѣй семитическихъ мифологій Гольдциеръ: *Der Mythos bei den Hebräern und seine geschichtliche Entwicklung*. Leipz. 1876.

²⁾ Ведійскую форму мифа см. *M. Bréal, Mélanges de Mythologie* Paris, 1878, стр. 96 и слѣд.

и змѣи, побѣждаемые героями, представляютъ собою мракъ, зиму или засуху, смотря по климатическимъ условіямъ, а герои-змѣебойцы—противоположное имъ свѣтлое начало.

Не трудно собрать по всѣмъ арійскимъ сказаніямъ группу фактовъ, связанныхъ вѣншимъ образомъ; не трудно подвести подъ нихъ мифологическую экзегезу грозовую или солярную, откидывая детали, къ ней не подходящія,—вѣдь не могъ же начальный мифъ оставаться безъ постороннихъ примѣсей впродолженіе тысячелѣтій — и путемъ корнесловія, сравненія и общихъ, по видимому, вѣрныхъ принциповъ добывая подробности, къ ней подходящія; но будетъ ли это наука? Изъ того обстоятельства, что мифологъ ставитъ на одну доску ведійскій стихъ, эпизодъ изъ трагедіи Эсхила, заимствованную изъ книги сказку, мѣстное преданіе, обязанное своимъ существованіемъ частному случаю, лѣтописный разказъ, лѣсню, возникшую подъ вліяніемъ христіанской молитвы, слѣдуетъ ли, что все это факты одной формации, что все они даютъ вѣрныя свѣдѣнія о религіозныхъ представленіяхъ арійцевъ? Даже въ Греціи мы не знаемъ, гдѣ кончается мифология и начинаются исторія и поэзія; съ новыми народами еще хуже: старыя племенные вѣрованія подверглись самой разнообразной переработкѣ: на нихъ вліяли мифы и обряды многихъ вымершихъ цивилизацій, пережитые факты, перечтенныя книги, и наконецъ, христіанство, окончательно переплавившее и ассимилировавшее себѣ все старое и туземное; съ какою осторожностью нужно дѣйствовать чтобы въ этой амальгамѣ добраться до начального представленія!

Во всѣхъ разнообразныхъ и разноцѣнныхъ народныхъ и литературныхъ, арійскихъ и не арійскихъ, языческихъ и христіанскихъ сказаніяхъ о битвахъ съ драконами и исполинскими змѣями усматривается одно широкораспространенное вѣрованіе—что существовали когда-то на земной поверхности чудовищныя змѣи. Это вѣрованіе основывается на фактѣ, на воспоминаніи о вымершихъ видахъ животныхъ, остатки которыхъ потомъ встрѣчались въ окаменѣлостяхъ¹⁾. Вымершее окружается религіознымъ почтеніемъ, которое долгое время выражается въ поклоненіи и дракону и убійцѣ дракона. Существованіе въ нѣкоторыхъ странахъ сильныхъ и опасныхъ для людей земноводныхъ въ родѣ крокодиловъ способствовало живучести этого

¹⁾ Риттеръ и Вагнеръ въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, т. в. Drache, говорятъ о существованіи громадныхъ змѣй даже въ средніе вѣка, даже въ Германіи.

воспоминанія. Уподобленіе тучи такому дракону, змѣвидной молніи или изливающейся рѣки обыкновенной змѣѣ—такія естественныя уподобленія, что они могли возникнуть независимо у сотни племенъ и могли вновь возникать ежедневно у каждого человѣка, который, вышедъ изъ состоянія невнимательнаго ко всему отдаленному младенчества, сталъ наблюдать небесныя явленія.

Воспоминаніе о подвигѣ родоваго героя, о его побѣдѣ надъ страшнымъ племеннымъ врагомъ, человѣкомъ или звѣремъ и битва небснаго героя съ тучею, благодатная влага которой окропляетъ землю, или съ зимою, сковавшею землю, могли сообщать другъ другу черты украшающія, также независимо въ разныхъ племенахъ ¹⁾.

Теорія атавизма, объясняющая поклоненіе змѣямъ ихъ привычкой посѣщать жилища человѣка, привычкой, которая вмѣстѣ съ змѣиною хитростью заставляла ихъ преимущественно считать за ожившихъ предковъ ²⁾, опять-таки объясняетъ повсемѣстность поклоненія безъ единства происхожденія или заимствованія. Эти общія представленія, существующія потенциально во всякомъ населенномъ уголкѣ земнаго шара,—только канва, на которой исторія вышивала самыя причудливыя, но при благоприятныхъ обстоятельствахъ доступныя критическому анализу фигуры.

Натурмисологи сильно опираются на то обстоятельство, что битва съ змѣемъ въ народныхъ сказаніяхъ почти всегда локализуется у воды ³⁾, что вполне сходится съ разнообразными мифологическими и символическими представленіями отъ скандинавскаго змѣя, облегающаго землю, до влажной субстанціи офитовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ пѣкоторыхъ случаяхъ вліяло вышеупомянутое уподобленіе дракону тучи, моря, пожирающаго солнце, и змѣвиднаго ручья, но ча-

¹⁾ Мы раздѣляемъ мнѣніе тѣхъ изслѣдователей народности, которые признають, что первобытный человѣкъ больше интересовался тѣмъ, что вокругъ него, чѣмъ теоріями грома и молніи, и небесную битву съ змѣемъ ведутъ отъ земли, а не на оборотъ.

²⁾ Ср. сказанія о душахъ, выходящихъ во время сна именно въ видѣ змѣй. Ср. также Serv. Aen. V, 95: nullus enim locus sine genio est qui per anguem ple-ritaque ostenditur (*Nork*, l. c., Seblange).

³⁾ Замѣняющіе драконовъ оборотни и полулюди у воды похищаютъ женщинъ или пытаются ихъ изнасиловать, ср. Нессъ, драконъ въ Дигенисѣ и пр. Это черта бытовая—умыкванье дѣвicy у воды. При смѣшеніи антропоморфнаго и зооморфнаго представленія происходитъ любопытная путаница: за-лѣйская змѣя оборотень (см. Сб. свѣд. о Кавк. горц., XI, Преданія Осетинъ, 56) ѣсть людей и насилуетъ женщинъ.

ще дѣйствуютъ другія причины: воспоминанія о громаднѣхъ водяннѣхъ змѣяхъ, земноводныя привычки крокодиловъ и другихъ гадовъ, необходимость воды при населеніи, за которое приходится вести борьбу съ дикими аборигенами, и разнообразнѣйшія литературныя преданія и символическія изображенія. Да и самое уподобленіе моря змѣѣ возникало не безъ вліянія воспоминанія о морскихъ змѣяхъ ¹⁾.

Локализациа битвы съ дракономъ не разработанная въ подробное сказаніе, часто является слѣдствіемъ монументальнаго памятника или подобнаго вѣщнаго факта; напримѣръ, въ западной Европѣ къ ней часто подаетъ поводъ старинное изображеніе прямой смыслъ котораго забытъ,—голова крокодила, чудовищная кость, хранимая въ церкви, геральдическій знакъ, икона или воспоминаніе о дѣйствительной битвѣ съ опаснымъ врагомъ ²⁾.

Символизмъ первыхъ вѣковъ христіанства широко воспользовался старою семито-арійскою фигурой дракона-змѣя и сдѣлалъ его постояннымъ символомъ діавола, ада и всего враждебнаго благочестивымъ людямъ ³⁾.

¹⁾ На сколько зоологическое представленіе играло здѣсь роль, можно между прочимъ видѣть изъ того обстоятельства, что драконъ, удерживающій воду, замѣняется теперь въ сказкахъ жабой, лягушкой (напримѣръ, въ чешской о дѣдѣ Всевѣдѣ); второй разказъ Siddhi-kār, не останавливаясь передъ нелѣпностью, замѣняетъ драконовъ, требующихъ себя на пожраніе живыхъ людей, чудовищными лягушками (*Кот.*, № 19, 366). Изъ сказаній дѣло переходитъ въ вѣрованія: засуху Сербы приписываютъ змѣѣ, ищутъ ее и убиваютъ (*Гласн. серб. друштво.*, V, 95).

²⁾ Сальвертъ, I. с., приводитъ такой случай: фонтанъ съ изображеніемъ дракона, построенный Алексѣемъ Комненомъ, рождаетъ сказаніе о битвѣ Алексія съ дракономъ. *Бессарабск. Обл. Вид.* 1861 г. № 2, разказываютъ, что нѣкій Стефанъ Вода побѣдилъ дракона въ трехдневной битвѣ; записавшій преданіе весьма вѣроподобно объясняетъ дѣло битвою князя Стефана съ Туриями въ 1474 г.

³⁾ Исторію древнехристіанскаго дракона можно прослѣдить очень далеко, до самаго Вавилона. Известенъ апокрифъ, повѣствующій о побѣдѣ Даніила надъ Вавилонскимъ дракономъ (на счетъ этого апокрифа слѣдуетъ отнести цѣлый рядъ разказовъ о погубленіи дракона бросаемой ему въ пасть массой, напримѣръ, Рагнара, Лодброга, и иранское сказаніе, приведенное въ *Orient u Occ.* I. 561 и 757, можетъ быть, нашего Кожемяку и Крака); вѣра въ этого дракона, прошедшая черезъ известное сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, (См. о немъ *Arch. f. sl. Philologie*, II, 1 и 1, ст. пр. *Веселовскаю*) держится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ (quand les serpents ont sept ans, au dire d'une superstition de la Sologne, il leur poussent des ailes et ils s'envolent à Babylone. См. Meury, I. с., 142 по мемуарамъ кельтской мѣологии). Откуда возникало это распространенное

Иезуитъ Каѳе ¹⁾ подѣ рубрикой „Dragon“ собралъ всѣ извѣстные ему случаи, гдѣ святые западной церкви по легендѣ или по изображенію входятъ въ столкновение съ драконами. Изъ этого сопоставленія, во первыхъ, оказывается, что весьма много случаевъ, когда самыя фантастичныя легенды ничего не говорятъ о драконѣ, а онъ является на иконахъ, попираемый или пронзаемый свитымъ (св. Лонгинъ, св. Кирьякъ, св. Гоаръ VI в.; см. Acta SS., июль, II, 329 и др.). Что касается значенія дракона, его можно подвести подѣ нѣсколько рубрикъ: онъ ясно изображаетъ язычество, побѣжденное проповѣдниками христіанства: такъ апостолъ Филиппъ изгоняетъ дракона изъ-подѣ Марсова алгари; св. Флорентъ и Виндеміалій убиваютъ крестнымъ знаменемъ дракона, котораго обожали въ этой странѣ; св. Юліанъ Киликійскій освобождаетъ страну отъ дракона, который поселился въ развалинахъ Юпитерова храма. То же значеніе, но уже не выступающее съ такою разительною ясностью имѣетъ онъ на изображеніяхъ паны Сильвестра (гдѣ онъ можетъ означать и ересь аріанства), въ разказѣ Созомена о св. Донатѣ, въ изображеніяхъ свв. Климента, Романа Руанскаго, Вигора, Аманда, Фронта, Гаугерика, Луна, Лауда, Германа Шотландскаго, Овена, Юста, епископа Валтерры, священника Климента, Германа Авкирскаго (можетъ быть, здѣсь драконъ также означаетъ ересь, такъ какъ святой ѣздилъ въ Великобританію для препія съ пелагианами), Юліана Манскаго, Беата; надо замѣтить, что все это епископы первыхъ временъ христіанства; ихъ борьба съ язычествомъ большею частію можетъ быть подтверждена документально. То же зна-

представленіе? По словамъ специалистовъ, его пустили въ ходъ александрійскіе Евреи; но съ чего имъ пришло на мысль приписывать Вавилонянамъ этотъ культъ? Напрасно Баудисенъ (Stud. z. Semit. Relig. 1876 стр. 261 и слѣд.) старается доказать, что поклоненіе змѣямъ въ Вавилонѣ—дѣйствительный фактъ; всеобщій и преимущественный культъ дракона въ Вавилонѣ—фактъ не возможный: болѣе вѣроятнымъ поводомъ къ такой локализациі его представляется астрономическій драконъ, можетъ быть, не безъ вліанія ассирійскаго военнаго знамени съ изображеніемъ дракона. Сальвертъ очень остроумно и вѣроподобно объясняетъ именно астрономическимъ представленіемъ драгоцѣнные камни, добываемые изъ головы убитыхъ змѣй или приносимые имъ въ даръ. Хотя уже въ книгѣ Бытія змѣй-драконъ представляетъ враждебное начало, и у Исаи (XXVII, 1 и др.) Jahve побѣждаетъ его въ страшной надземной борьбѣ, представителемъ зла par excellence онъ дѣлается только съ тѣхъ поръ, когда въ философской религіи Заратуштры злое начало рѣзко отдѣляется отъ добраго; тамъ Ангромайньюсь и его слуги принимаютъ форму змѣй, и истребленіе змѣй въ извѣстное время года становится необходимымъ очистительнымъ обрядомъ.

¹⁾ Caractéristique des saints dans l'art populaire. T. I, Paris, 1867.

ченіе имѣютъ Тараска, отъ которой Маргарита, сестра Лазаря, освободила Провансъ, и драконъ св. Викторіи, въ пещерѣ котораго она устроила монастырь. Всѣ эти святые, лишенные оружія по самому своему званію, или прогоняютъ дракона, или убиваютъ крестомъ и словомъ, или ведутъ его связаннымъ своею столой. Напротивъ того, Лонгинъ, Фодоръ Стратилать, Фодоръ Тиронъ, Викторъ Кельнскій, подобно Георгію изображаемые, убиваютъ дракона оружіемъ. Бываетъ и путаница: Кресценцій Урбинскій на монетахъ то въ одеждѣ воина убиваетъ дракона, то въ одеждѣ діакона попираетъ его ногами. Св. Маргарита Антиохійская изображается выходящею съ крестомъ въ рукахъ изъ спины дракона, то-есть, изъ нѣдръ язычества ¹⁾. На изображеніяхъ, также какъ и въ легендахъ, драконъ часто замѣняется змѣею; число змѣй можетъ увеличиваться при томъ же самомъ значеніи; такъ евангелистъ Матѣй изгоняетъ двухъ змѣй; Пирминъ, проповѣдывавшій христіанство на Рейнѣ, изображается обращающимъ въ бѣгство цѣлое стадо змѣй и т. д.

Когда интересъ борьбы съ язычествомъ уступилъ мѣсто борьбѣ съ еретиками, драконъ естественно получилъ значеніе ереси: такъ Гипатій, епископъ Гангрскій, осудившій Арія и погибшій отъ рукъ новаціанъ, по легендѣ извлекъ дракона съ царскаго сокровища (истинной церкви), давъ ему въ зубы свою палку, и бросилъ его въ огонь. Св. Меркуріалій, изгнавшій аріанъ изъ своего округа, по легендѣ притащилъ дракона къ пропасти. Драконъ такого рода появляется до самаго конца среднихъ вѣковъ: мы видимъ его на изображеніяхъ Елизаветы v. Schoenaу, бенедиктинской аббатисы († 1165 г.), которая обличала средневѣковыхъ дуалистовъ; императоръ Сигизмундъ послѣ пораженія гусситовъ установилъ праздникъ низвергнутаго дракона ²⁾. Даже отмѣну Нантскаго эдикта Людовикомъ XIV какой-то ультрамонтанскій живописецъ изобразилъ въ видѣ побѣды Людовика надъ змѣемъ. Драконъ, какъ язычество или какъ дьяволъ, не дозволяетъ людямъ получить новую жизнь въ крещеніи и сдѣлаться сопричастниками источника истины; вотъ почему иногда, можетъ быть, не безъ вліянія народныхъ представленій, изображенія и легенды заставляютъ его не допускать людей къ водѣ. Такого дракона, возвращающаго воду, убилъ крестомъ Никарій, по преданію первый епи-

¹⁾ Какъ ни странно понимать изображеніе буквально, однако же существовала такая легенда; но даже Яковъ de Voragine нашелъ ее нелѣпою.

²⁾ *Salverte*, l. c., 1487.

скопъ Руанскій, св. Нарциссъ, апостола Вилделикій и др. ¹⁾. Какъ и въ сказкахъ, мотивъ этотъ въ легендахъ иногда затемняется: драконъ не возбрапаетъ воду, но погибаетъ у воды; это извѣстно относительно драконовъ свв. Сира, Павакія, Доминиціана. Битва съ дракономъ удобно локализируется именно у того источника или той рѣки, гдѣ происходило крещеніе народа ²⁾.

Драконъ изображаетъ діавола въ различныхъ сферахъ его дѣятельности: онъ—діаволь, явившійся смущать святаго на изображеніи св. Северина; онъ бѣсъ, изгоняемый святымъ изъ бѣсноватаго на изображеніи св. Киріака; онъ изображаетъ болѣе духовную сторону злаго принципа, являясь въ житіи Марсея на могилѣ женщины дурнаго поведенія, на изображеніяхъ Родрига de Vaozella (здѣсь драконъ есть магія, которою занимался святой до своего обращенія). Несомнѣнно такое же нравственное значеніе имѣетъ драконъ, заступающій путь св. Сервулу, который идетъ на добровольное мученичество; побѣду надъ страстями означаетъ, вѣроятно, и драконъ на изображеніяхъ св. Венеры.

Драконъ изображаетъ бѣдствія, насылаемые на христіанъ поупненіемъ Божиимъ; святой избавитель изображается побѣждающимъ дракона; такой смыслъ имѣетъ драконъ на изображеніи папы Льва IV, избавившаго городъ отъ Сарацинъ, въ легендѣ о св. Гиларіонѣ, который спасъ молитвою Далмацію отъ наводненія.

Изрѣдка драконъ является по тожеству имени; по крайней мѣрѣ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить дракона въ легендѣ о Георгіи Сардинскомъ.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ драконъ изображенія предшествуетъ дракону легенды. Таковъ ли порядокъ генезиса и у дракона св. Георгія? Рѣшеніе этого вопроса очень важно: если сказаніе о битвѣ съ змѣемъ предшествовало изображеніямъ, это важный аргументъ въ пользу того, что битва съ змѣемъ есть зерно, изъ котораго развилась легенда; тогда мученіе окажется литературною при-

¹⁾ Любопытна порча этого мотива въ одномъ устномъ сказаніи: залійская змѣя у Осетинъ (см. выше) не даетъ воды, чтобъ обмыть новорожденного младенца.

²⁾ Ср. любопытное именно для версіи Георгія толкованіе въ бесѣдѣ трехъ святителей (*Тихонр.*, 436): «Что есть, еже видѣхъ жену, сѣдящу на морѣ, и змѣя, лежаща при ногу ея? Тодк. Море есть весь міръ; жена же именуется церковь, а змѣя діаволь; егда хотяша вѣрныя людіе спастись, приходяще къ церкви, а діаволь възбрапаетъ имъ».

бавкой; мнѣніе о христіанизированіи Персеева мѣла подь новымъ именованіемъ получить почти силу достовѣрности, и изысканія Клермона Ганно получаютъ въ нашихъ глазахъ совершенно иную окраску. Если изображенія предшествуютъ сказанію, тогда первенство принадлежитъ легендѣ о мученіи, а чудо о змѣи отнюдь не объяснитъ намъ популярности Георгія.

Доселѣ извѣстные факты подтверждаютъ второе предположеніе: въ палимпсестѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на дракона; Адамантъ ничего о немъ не знаетъ, хотя Аркульфъ могъ слышать о немъ чуть не на мѣстѣ битвы; не только мусульманскіе и славяногреческіе, но даже и ранніе западные тексты, ничего о ней не знаютъ; въ славянскихъ текстахъ (кромѣ тѣхъ, которые идутъ съ запада) и въ духовныхъ стихахъ она до послѣдняго времени отдѣлена отъ мученія. Мы видѣли уже, какіе драгоцѣнные факты для исторіи Георгія доставляетъ намъ Кавказъ: онъ же даетъ намъ факты и для доказательства первичности легенды передъ чудомъ: во многихъ Сванетскихъ церквахъ Георгій изображается поражающимъ не змѣя, а человѣка или вѣнценосца, ближайшее значеніе котораго иногда указывается надписью: это царь, мучившій Георгія. (См. Зап. Кавк. отд. Геогр. Общ., VI, 69, 71, 96, 101, 111; X, 393, 428). И такъ, было время, когда даже живопись не знала чуда, а придерживалась буквально легенды. Наконецъ къ тому же ведутъ и многочисленныя аналогіи въ огромномъ числѣ случаевъ; за близкимъ къ исторической правдѣ житіемъ является изображеніе съ дракономъ, а за нимъ фантастическая легенда.

Генезисъ явленій предшествующихъ повторяется въ явленіяхъ послѣдующихъ: какъ, напримѣръ, у Аугерберга ¹⁾ храмъ Георгія и его изображеніе на бѣломъ конѣ родили сказаніе о его дѣятельности именно въ этомъ мѣстѣ, такъ восточныя изображенія Георгія рано породили и тамъ мѣстныя легенды.

И такъ, чудо возникло подь вліяніемъ изображенія, имѣвшаго символическій смыслъ и только на позднѣйшую локализацию нѣкоторыхъ версій у Бейрута и на ихъ литературную обработку (см. Уваровскую редакцію) имѣло вліяніе сказаніе о Персеѣ. Имя царя Селевка выхвачено изъ исторіи (Sevius—испорченный Селевкъ); имя еп. Але-

¹⁾ См. *Schöppner*, Sagenbuch der bayer. Land. Münch. 1874. I, № 36. Подобнымъ же образомъ чудо о змѣи приурочено къ Georgwaseu въ Баваріи (*Panzer*, Bayerisch. Sagen, I, 77).

ксандра, можетъ быть, возникло подъ вліяніемъ царицы Александры. Лаосія есть испорченная Лаодикея ad Lycum, называвшаяся Діосполисомъ (Distr. de Bouillet); она явилась здѣсь по связи Георгія съ Діосполисомъ. Такъ какъ литературную обработку легенда получила не на мѣстѣ дѣйствія, намъ нѣтъ надобности отыскивать въ дѣйствительности озера, изъ котораго исходилъ драконъ. Геваль нѣкоторыхъ редакцій есть, безъ сомнѣнія, Gebal или Gabala, городъ, стоявшій близъ Лаодикеи на сирійскомъ побережьѣ. Нагавъ произошелъ изъ Гевала по ошпбѣкъ писца; западная Силене, можетъ быть, явилась подъ вліяніемъ Селевка; изрѣдка встрѣчающаяся Лаодамія могла явиться подъ вліяніемъ названія города Лаодикеи, Марія—подъ вліяніемъ Маріи Магдалины ¹⁾.

Какое же символическое значеніе имѣлъ драконъ на изображеніяхъ Георгія? Объясненіе болландистовъ, что женщина въ царскомъ одѣяніи—царица Александра, а драконъ—язычество, отъ котораго освободилъ ее Георгій, до нахождения новыхъ фактовъ, ему противорѣчащихъ или указывающихъ на другое, болѣе вѣроятное толкованіе, можетъ быть легко допущено.

Необыкновенное сходство изображеній Константина (по Евсевію) съ извѣстными намъ изображеніями Георгія можетъ повести къ такому предположенію: обожаніе императоровъ пустило слишкомъ глубокіе корни, чтобъ исчезнуть сразу послѣ объявленія христіанства господствующей религіей ²⁾. Изображенія Константина-драконоубійцы должны были быть сильно распространены, и народъ, несомнѣнно-воздавалъ имъ божескія почести. Не постаралось ли духовенство положить предѣлъ соблазну, подставивъ вмѣсто Константина имя святого, уже популярнаго въ Сиріи?

Любопытно противорѣчіе между всѣми книжными редакціями чуда Георгія и почти всѣми его изображеніями: по легендѣ Георгій не убиваетъ дракона, а дѣйствуетъ духовнымъ оружіемъ; по изображенію онъ поражаетъ змѣя копьемъ или мечемъ; строгая тенденція

¹⁾ Многія изъ этихъ объясненій собственныхъ именъ довольно гадательны и предлагаются только въ ожиданіи лучшихъ. Впрочемъ положительныхъ данныхъ мы можемъ никогда не добиться, такъ какъ нѣтъ дѣла не съ народною редакціей, развивающеюся по извѣстнымъ законамъ, а съ произволомъ книжниковъ, которые фантастическими собственными именами стремятся придать легендѣ достовѣрность.

²⁾ Изъ исторіи Іоанна Златоуста мы знаемъ, какъ нечестиво праздновали Константинопольцы передъ статуей Евдокіи.

легенды указываетъ на ея квижность и сравнительно позднее происхожденіе.

Въ заключеніе этого отдѣла считаю не лишнимъ свести то положительное или вѣроподобное, что добыто для уясненія основы легенды и начала культа Георгія, и присоединить къ этому нѣсколько новыхъ соображеній.

Имя Георгія, одного изъ сирійскихъ, судя по первымъ и знаменитѣйшимъ впоследствии храмамъ, мучениковъ не Діоклетіанова, а вѣроятно—болѣе ранняго гоненія, принадлежитъ исторіи; по неизвѣстнымъ намъ причинамъ ¹⁾ онъ выдвинулся изъ ряда другихъ сомучениковъ и во времена синеретизма привлекъ на себя часть культа персоримскаго Митры. Это обстоятельство было причиною дальнѣйшаго распространенія его славы и дало направленіе не только развитію его культа, но и литературной обработкѣ легенды. Приуроченный къ годовому весеннему празднику, извѣстному по всей Римской имперіи, Георгій сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ святыхъ и въ сознаніи полуязыческаго народа принялъ на себя атрибуты нѣсколькихъ солнечныхъ божествъ. Черезъ тотъ же годовой праздникъ сталъ онъ въ связь съ быкомъ и съ плодоносными растеніями, и такъ сказать, настоятельно требовалъ себѣ легенды, въ которой играли бы роль оба факта.

По той же Малой Азіи, которая въ это время безспорно составляла цивилизованнѣйшую провинцію и была громаднымъ складочнымъ мѣстомъ всевозможныхъ моно- и политеистическихъ, полудеологическихъ и еретическихъ системъ и представленій, во второй половинѣ IV вѣка распространилось извѣстіе о насильственной смерти епископа Александріи Георгія. Горячіе защитники Никейскаго символа были обрадованы его смертію; опечаленные аріане спѣшили провозгласить его мученикомъ и негодовали на радость православныхъ. Но между этими двумя крайностями была и середина: мало посвященная въ тонкости гомоусіи, болѣе чѣмъ полуязыческая масса, не знавшая въ подробности, какую роль въ христіанской церкви играли Георгій и Аванасій Александрійскіе, и только по слухамъ знавшая о борьбѣ Георгія съ Аванасіемъ, о смерти Георгія отъ язычниковъ и о сожженіи его трупа. Черезъ нѣсколько лѣтъ тѣ единицы этой массы, которыя не забыли убитаго епископа, естественно отождествили его съ славнымъ

¹⁾ Можетъ быть, подъ вліяніемъ впитата «плодоносный», которымъ явдветъ Георгій уже на храмѣ въ Эдрѣ.

и побѣдоноснымъ мученикомъ Георгіемъ, и немногіе факты, извѣстные имъ изъ біографіи перваго, естественно, должны были войти въ легенду послѣдняго. Эту легенду составилъ одинъ изъ представителей такой мало развитой массы на той же удобренной обломками всѣхъ возможныхъ религіозныхъ представленій почвѣ, въ концѣ IV или въ V вѣкѣ.

Мы не можемъ пока съ большею точностью и достовѣрностью опредѣлить мѣсто, время ¹⁾ и языкъ легенды; не можемъ даже сказать, явилась ли она сразу законченнымъ цѣлымъ или тамъ-же на мѣстѣ прошла нѣсколько передѣлокъ; за то мы съ значительною вѣрооятностью можемъ указать составныя части пралегенды въ томъ видѣ, въ какомъ она въ концѣ V вѣка уже пользовалась популярностью и вызвала противъ себя запрещенія.

Перечисляя ихъ, мы, во первыхъ, должны принять въ расчетъ общій шаблонъ житій мучениковъ, изъ котораго, какъ изъ установленной обычаемъ формы творчества, не могъ, да и не желалъ выбиться авторъ, и во вторыхъ имѣть въ виду тотъ общій историческій законъ, по которому одна причина не исключаетъ другой, могущей вести къ сходному результату, а напротивъ, усиливаетъ и дополняетъ ее.

Въ основѣ всего лежатъ факты: имя славнаго мученика, мѣсто жительства автора и гоненія на христіанъ въ Персіи. Но имя персидскаго гонителя, можетъ быть, совсѣмъ неизвѣстное автору, было замѣнено другимъ полунарицательнымъ именемъ, болѣе извѣстнымъ на финикійскомъ побережьи, куда автора тянуло смутное представленіе о происхожденіи, мѣстѣ жизни или о мощахъ и храмѣ свѣятаго (а можетъ быть, Мелитина есть позднѣйшая вставка; въ такомъ случаѣ нѣтъ никакого повода удалять автора съ той же береговой полосы),—именемъ Дагона-Дадіана.

¹⁾ На основаніи общей и естественной тенденціи составителей легендъ приурочивать ихъ дѣйствіе къ своей родинѣ, можно думать, что авторъ происходитъ изъ города Мелитины; Діонописъ редакціи С кажется, позднѣйшій вариантъ, стремившійся объединить мѣсто рожденія свѣятаго съ мѣстомъ нахожденія его славнѣйшаго храма. Впрочемъ объ мѣстности въ одинаковой степени могли явиться только у переписчиковъ. Ближайшимъ показателемъ времени можетъ служить такой фактъ: въ царствованіе Эддегерда I (400—421 гг.) въ Персіи было гоненіе на христіанъ. Его обстоятельства—кротость и впротерпимость государя, выведеннаго изъ терпѣнія притязательностью епископа Сузскаго, радикально противоположны легендѣ; но извѣстно, что ненависть сторонниковъ извѣстной политической или религіозной партіи съ особенною силою возбуждаютъ именно тѣ государи, которые не всегда были, но сдѣлались гонителями.

1) Изъ распространенности культа Георгія подъ вліяніемъ общей схемы житій выводится необходимость обставить мученіе его многими чудесами, массою обращеній и подвергнуть мучителя казни.

2) Изъ народнаго отождествленія Георгія съ Митрой и другими солнечными божествами авторъ заимствуетъ фигуру Георгія — юнаго воина, и его чудодѣйственную силу, проявляемую въ трехъ параллельныхъ чудесахъ, совершаемыхъ святымъ съ цѣлю обращенія мучителя и окружающихъ: оживленіе мертвыхъ деревьевъ, мертваго вола и мертвецовъ. Вліяніе библейскаго разказа о вдовѣ Іліи заставляетъ автора удвоить воскресеніе, но для разнообразія воскресеніе сына вдовицы онъ замѣняетъ изцѣленіемъ.

3) Факты третьяго рода даны автору его смутными свѣдѣніями о Георгіи Александрійскомъ сюда: относятся имена Аванасія и Александры, смерть Георгія въ чужомъ царствѣ, вдали отъ родины, приуроченіе Георгія въ Каппадокіи, и можетъ быть, раздача бѣднымъ денегъ, предназначенныхъ для другой цѣли.

4) Разбирая мнѣніе Бэринъ-Гуда, я потому оставилъ въ сторонѣ его сличеніе легенды съ Плутарховымъ пересказомъ міа Озириса (De Iside cap. 13—19), что между ними дѣйствительно есть разительныя совпаденія. У Тифона 72 помощника, какъ у Дадіана 72 подначальные царя; Озириса, какъ и Георгія, заливаютъ въ гробу растопленнымъ свинцомъ; тѣло его разрубаютъ Тифонъ на части и куски разбрасываетъ повсюду; точно также поступаетъ Дадіанъ съ тѣломъ Георгія; въ миѣ также является чудесно растущее дерево; жена Тифона, какъ и царица Александра, измѣняетъ своему супругу въ пользу свѣтлаго начала. Озирисъ научаетъ людей земледѣлію и изображается, по словамъ Вилькинсона (l. c., II, I, 34 и слѣд.), чаще всего зеленымъ. Масперо ¹⁾ признаетъ легенду Озириса еще не выяснившейся; онъ естественно не довѣряетъ Плутарху. Но для насъ важна легенда не въ первоначальномъ, видѣ, а въ томъ, въ какомъ ее знали въ Египтѣ въ позднѣйшее время; для этой же цѣли Плутархъ — лучший источникъ, нежели египетскіе памятники. Сходныхъ пунктовъ вполне достаточно для того, чтобы признать вліяніе грекоегипетскаго міа на легенду, но ихъ слишкомъ мало для того, чтобы всю легенду признать пересказомъ міа.

5) По изслѣдованію Джемса Дарместетера (o. c., 190 и слѣд.), Заратуштра есть ничто иное, какъ грозное божество, поражающее

¹⁾ Hist. ancienne des peuples de l'Orient. Paris, 1875, 38.

демона тучи; историческимъ лицомъ онъ пересталъ быть еще въ прошедшемъ столѣтіи. Пусть такъ: пусть Зороастръ — проповѣдникъ истинной религіи есть выраженіе эвгемеристическаго стремленія; во всякомъ случаѣ это эвгемеризмъ очень старой формаціи, времени Зендавесты, и во времена Сассанидовъ излагали его біографію, не думая видѣть въ немъ бога ¹⁾, а только проповѣдника и чудотворца. Эта біографія, кажется, была не безызвѣстна слагателю легенды о Георгіи и дала ему нѣсколько фактовъ. Въ главномъ источникѣ біографіи Зороастра Zerdusht nâneh чудесное сосредоточено около момента рожденія героя, тогда какъ въ легендѣ о Георгіѣ чудеса сосредоточены при мученіи; но это можетъ быть естественнымъ приспособленіемъ міоа (въ широкомъ значеніи этого слова) къ исторической вѣроятности. Мать Зороастра передъ рожденіемъ его видитъ вѣщій сонъ, предсказывающій будущую славу ея сына ²⁾. Главный врагъ пророка-царь Dûgançarîn, колдунъ и начальникъ демоновъ; по позднѣйшимъ источникамъ съ нимъ за одно и отецъ Зороастра (ср. ред. С.). Царь хочетъ убить младенца, но рука его мгновенно сохнетъ (ср. умягченіе копья); онъ велитъ бросить его въ пламя, но мальчикъ не чувствуетъ жару, и мать находитъ его невредимымъ; быкъ и лошадь, посредствомъ которыхъ хотятъ погубить Зороастра, спасаютъ ему жизнь; когда ребенка хотятъ умирить голодомъ, съ неба спускаются коровы, которыя питаютъ героя своимъ молокомъ (небесная пища Георгіи); когда онъ достигъ семилѣтняго возраста, волшебники напрасно пытаются отравить его (ср. Аонасія); его преніе съ Аримагомъ, напрасныя попытки послѣдняго соблазнить его обѣщаніемъ земныхъ благъ (Darmesteter, 197) и бѣгство злыхъ духовъ носятъ слишкомъ общій характеръ, чтобы на нихъ можно было основать что-нибудь; за то во второй половинѣ жизни Зороастра, когда онъ является ко двору Гуштаспы, есть черты спеціального сходства: обвиненный врагами въ волшебствѣ, Зороастръ посаженъ царемъ въ темницу. За заключеніе угодника царь

¹⁾ По Шпигелю, *Eran. Alterth.*, I, 689, легенда о Зороастрѣ сложилась послѣ Александра Македонскаго; по *Darmesteteru* 191: la légende de Zoroastre telle que la fournit le Zerdousht Nâneh était arrêtée bien avant les Sassanides.

²⁾ Не знаю, пытались ли сравнивать содержаніе этого довольно обычнаго въ франскихъ сказаніяхъ сна съ видніемъ Данта: свѣтлая гора, являющаяся среди мрака, три враждебныя чудовища: волкъ, левъ и пантера, и юноша со свиткомъ въ рукахъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ литературной связи (ср. *Spiegel*, I, с., 688); иной вопросъ—пути заимствованія.

наказавъ чрезвычайно оригинальнымъ образомъ: его любимая лошадь оказалась безъ ногъ, которыя росли въ ея тѣло. Только по молитвѣ праведника скрышіяся ноги снова появляются на свѣтъ.

Въ этомъ чудѣ можно видѣть не первообразъ, но измѣненіе первообраза быка Гликерія или Схоластики ¹⁾, который въ христіанской легендѣ оказался разбитымъ на два эпизода: сухія сѣдалища царя, пускающія ростки по молитвѣ Георгія, составляютъ, можетъ быть, перенесеніе того же мотива въ царство растительное. Впрочемъ въ одномъ изъ позднихъ пересказовъ Зороастровой легенды (*Spiegel*, I, с. 703) является и чудесно растущее дерево, кипарисъ, посаженный Гушта-спомъ и въ короткое время достигающій необыкновенной величины. Жена царя и въ Зендавестѣ, и во всѣхъ позднѣйшихъ пересказахъ оказывается на сторонѣ проповѣдника.

Сводъ сказаній о Зороастрѣ, сдѣланный Шпигелемъ, вовсе не есть ученая фикція: очень сходная и вполне законченная легенда жила въ устахъ огнепоклонниковъ еще въ концѣ XVII вѣка, какъ это видно изъ путешествія Тавернье ²⁾. Эта устная редація любопытна во двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, къ исторіи Зороастра оказываются прихъшанными нѣкоторыя библейскія легенды, ходяція между мусульманами: передъ рожденіемъ Зороастра царь, предупрежденный астрологами, велитъ избивать всѣхъ беременныхъ женщинъ; въ наказаніе за гоненіе праведника нападаютъ на царство ядовитыя мухи, одна изъ которыхъ заползаетъ царю въ ухо и тѣмъ причиняетъ страданія, а потомъ и смерть, — сказаніе, приурочиваемое обыкновенно къ Нимвроду ³⁾; во вторыхъ, въ ней является неизвѣстная въ другихъ редакціяхъ подробность, имѣющая параллель въ легендѣ о Георгіи: въ видѣ испытанія царь приказываетъ Зороастру броситься въ расплавленное серебро (=конобъ Георгія), откуда онъ, разумѣется, выходитъ невредимымъ.

Можетъ быть, не лишне упомянуть о любопытномъ и раннемъ,

¹⁾ Быкъ, по видимому, утѣстилъ лошади въ легендѣ Зороастра, на котораго, какъ указалъ уже профессоръ Кернъ (*Spiegel*, I, с., 708), перенесено многое съ Митры.

²⁾ *Les six voyages en Turquie, en Perse et aux Indes*. Paris, 1676 I, 430 и слѣд.

³⁾ Мимоходомъ замѣчу: курьезная исторія этой мухи Нимврода, производящей нестерпимую головную боль, не есть ли отраженіе историческаго факта — вѣчныхъ головныхъ болей ненавистнаго востоку Издегерда I Гръшнива или Злаго?

но очевидно испорченномъ христіанами вариантѣ легенды Зороастра, по которому онъ сожженъ (впрочемъ не царемъ, а демономъ, ему служившимъ) и обращенъ въ пепель, сдѣлавшійся потомъ предметомъ поклоненія Персовъ ¹⁾.

6) За исключеніемъ этого варианта, Зороастръ вездѣ достигаетъ своей цѣли и обращаетъ въ истинную вѣру царя, при которомъ дѣйствуетъ. Это существенно отличаетъ его отъ Георгія, гибнущаго отъ рукъ невѣрныхъ. Въ этомъ отношеніи послѣдній несравненно ближе къ другой позднѣйшей полубаснословной фигурѣ, участвовавшей въ некоторыхъ существенныхъ чертахъ Зороастровой легенды; разумѣю Манесса. Мифологизированный Манесъ, какъ извѣстно, явился посредникомъ (μεσότης) между солнцемъ и луной и земными частями свѣта ²⁾ и такимъ образомъ замѣнилъ собою Митру. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ некоторые темныя свѣдѣнія о легендѣ Манесса только со стороны враговъ его ученія или людей, равнодушныхъ къ нему, и въ этихъ жалкихъ остаткахъ нельзя указать ничего существенно сходнаго съ изслѣдуемою легендой. Въ самомъ же апокрифѣ Георгія манихейство не сказалось ничѣмъ, если только въ дубликатѣ эпизода о прозѣбаніи растений не видѣть отраженія манихейской вѣры въ душу растений ³⁾.

Едва ли нужно говорить, что вліяніе Зороастровой, а тѣмъ болѣе предполагаемой Манессовой легенды на Георгія и отнюдь не считаю доказаннымъ и смотрю на свои догадки, какъ на вопросительные знаки, которые, можетъ быть, побудятъ оріенталистовъ обратить вниманіе на небезынтересную задачу.

Выше было указано, какимъ образомъ подъ вліяніемъ изображеній возникло представленіе объ убитомъ Георгіемъ драконѣ, получившее литературную обработку и приуроченное къ финикійскому побережью— подъ вліяніемъ воспоминаній о Персеѣ и Андромедѣ; теперь укажу на фактъ того же разряда.

Извѣстна близкая связь Персея съ Беллерофономъ; породнившись съ однимъ изъ нихъ, Георгій естественно недалекъ и отъ другаго; если съ Персеемъ сближаетъ его освобожденная имъ царевна, конь его есть прямой наслѣдникъ Пегаса. Пегасъ, какъ извѣстно, стоитъ въ

¹⁾ Recognitiones Clement. Darmesteter, 211.

²⁾ См. Spiegel, о. с., II, 195 и слѣд.; Geiler: System des Manichismus etc. Jena, 1875, стр. 17.

³⁾ Geiler, l. c., 17.

непосредственной связи съ источниками: у Гезіода онъ родился у источниковъ Океана; по другому преданію, онъ питается источниками; наконецъ, онъ копытомъ своимъ выбиваетъ источникъ ¹⁾. На островѣ Амурго есть монастырь, гдѣ передъ храмомъ св. Георгія показываютъ какой-то мраморный бассейнъ, который то мгновенно наполняется, то высыхаетъ ²⁾. Вопросъ о связи бассейна съ Георгіемъ разъясняетъ лучше апокрифа и чуда о змѣи одно сванетское преданіе, записанное г. Стояновымъ ³⁾. На Сванетовъ, жившихъ по близости храма Георгія, напали Осетины; одна Сванетка обратилась съ молитвой къ Георгію; онъ выскочилъ изъ церкви на конѣ, пробивъ для этого отверстіе (доселѣ показываемое), и перебилъ Осетинъ. Его конь умиралъ отъ жажды; желая напоить его, св. Георгій ударилъ кинжаломъ по камню, и изъ него брызнулъ источникъ, существующій и до сихъ поръ ⁴⁾.

Оставляя въ сторонѣ міеологическое толкованіе связи солнечныхъ коней съ ударными (громовыми) источниками, я вывожу отсюда только то вѣроятное заключеніе, что въ данномъ случаѣ на Георгія перенесена черта классической міеологии, и именно съ Беллерофонта. Беллерофонта съ Георгіемъ еще разительнѣе сближаетъ другой фактъ. Мы видѣли, какъ часто къ чуду о змѣи присоединяется другое чудо Георгія: о щитѣ, чудеснымъ образомъ, безъ закрѣпы помѣщенномъ имъ на верху храма, Мартинъ Гербертъ въ *Glossaria Theotisca*, прибавленномъ къ его путешествію по Германіи, Итали и Франціи ⁵⁾. перечисляя чудеса свѣта, говоритъ: *Quartum miraculum est simulacrum Bellerophontis ferreum cum arcu suo in Smirna civitate in aere suspensum nulla re innixum, sed hoc lapidis magnetis, qui habetur in arcu assumptione mirabiliter trahitur et mensura aequiparata consistit* ⁶⁾.

Другіе несомнѣнно существовавшіе монументальные памятники и

¹⁾ *Preller, Gr. Myth.*, 3-е изд., II, 179. Павзаній (2, 3, 5) говоритъ, по видимому, о Беллерофонтѣ же, сидящемъ на Пегасѣ, изъ копыта котораго брызжетъ вода. Ср. *Bellerophon v. Herm. Fischer, Gryph.* 1851, II, 2.

²⁾ *Hypolyt Helyot's: Ausführlich. Gesch. aller Kloster etc.*, 1753, стр. 244.

³⁾ *Записки Кавк. отд. Геогр. Общ.*, X: Путешествіе по Сванетіи, стр. 381—2.

⁴⁾ То же сказаніе приурочивается и къ другой церкви, *ibid.*, стр. 440.

⁵⁾ *Iter Allemannicum etc. Typis San. Blasianis.* 1765, стр. 90.

⁶⁾ Ср. *Seel, die Mithrageheimnisse*, стр. 500: «Ueber dem Haupte des Serapis war ein aus sehr dünnem Eisenbleche gemachtes *Bild der Sonne*, welches ganz frei in der Luft schwebte und von einem verborgenen Magnetsteine in die Höhe gezogen wurde».

разказы о чудесахъ сближаютъ Георгія съ другимъ символомъ солнца—колонною ¹⁾. Болландисты въ главѣ „alia miracula vetustiora“ передаютъ по греческой рукописи чудо, встрѣчающееся очень часто въ приложеніяхъ къ краткимъ русскимъ житіямъ Георгія, чудо о томъ, какъ Георгій невидимо переправилъ въ свой храмъ колонну, пожертвованную ему бѣдною вдовицей; Адамантиъ, пересказывая чудо Георгія о лошади, ему обѣщанной, говоритъ, что обѣтъ былъ принесенъ передъ колонною, на которой былъ образъ Георгія. Эпифаній Агіополита въ своемъ описаніи Сиріи говоритъ, что въ храмѣ Георгія въ Диосполѣ хранится чудотворное колесо, на которомъ его мучили, и колонна, къ которой его привязывали во время бичеванія (легенда не знаетъ этой черты, но знаетъ partem columne, Gall. 51, наложенную на него въ темницѣ). Адамантиъ разказываетъ про ту же колонну въ той же церкви: язычникъ ударилъ въ нее коньемъ; конье прошло сквозь мраморную колонну, а лошадь язычника пала мертвою; падаи съ нея, язычникъ хотѣлъ удержаться за колонну, на которой отпечатались его пальцы. Нѣтъ сомнѣнія, что полное собраніе чудесъ св. Георгія, по возможности въ начальныхъ редакціяхъ, доставило бы много интересныхъ данныхъ какъ для исторіи его фигуры, такъ и для характеристики его мифическихъ предковъ; но покаместъ мы не имѣемъ ничего подобнаго.

III.

Законъ постояннаго роста общества, непрестаннаго его измѣненія находитъ свое полнѣйшее примѣненіе и въ исторіи вѣрваній каждаго отдѣльнаго народа; какіе бы близкіе по времени моменты мы ни взяли, непремѣнно окажется, что и въ этотъ короткій промежутокъ уже произошли измѣненія. Но этотъ прогрессивный законъ ограничивается столь же общимъ—консервативнымъ: ни одно старое вѣрваніе не пропадаетъ безслѣдно, и каждый послѣдующій моментъ основывается на предшествующихъ. Новое религіозное воззрѣніе, принесенное извнѣ, приспособляется къ старому, видоизмѣняется подъ его вліяніемъ и въ формѣ, и въ содержаніи. Искусственными средствами можно заглушить старое, но только на время и въ ограниченныхъ предѣлахъ; старина оживетъ, ассимилируясь новому и

¹⁾ Ср. *Raoul Rochette*, Mémoires d'archéologie comparée въ *Mem. de l'Ac. des Inscriptions*, XVII, 1848, стр. 47.

ассимилируя его въ свою очередь, и сила оживанія окажется прямо пропорціальною силѣ давленія.

Двоевѣріе вновь христіанизированныхъ народовъ Европы—общее мѣсто; но терминъ этотъ употребляютъ, кажется, черезъ-чуръ свободно; его безразлично примѣняютъ къ такому состоянію народа, когда онъ, исповѣдуя христіанство, не хочетъ разстаться съ невѣрными остатками своихъ старыхъ языческихъ воззрѣній, точно прошедшее можетъ исчезнуть безъ остатка! Но большая разница между двоевѣріемъ, или точнѣе, многовѣріемъ нѣмецкой мѣщанки, въ вѣрованіяхъ которой остроумный изслѣдователь отдѣлитъ слой національнаго язычества отъ литературнаго преданія и нити послѣдняго прослѣдитъ черезъ сонники и гадательныя книжки, черезъ Римъ и Малую Азію до самой Халдеи, и двоевѣріемъ того Славянскаго князя, который наивно увѣрялъ духовника, упрекавшаго его за приношеніе жертвъ идоламъ, что у него достанетъ средствъ на жертвы и старымъ, и новымъ богамъ ¹⁾.

Періодъ этого чистаго двоевѣрія представляетъ для изслѣдователя особенно сильный интересъ; какъ ни былъ бы онъ коротокъ, здѣсь на границѣ стараго съ новымъ это старое выдѣляется съ особенною рѣзкостью, столь необходимою для полнаго его уясненія. Но проповѣдники отнюдь не желаютъ потакать такому двоевѣрію: убѣдившись въ невозможности передѣлать людей, заставить ихъ забыть старое, они начинаютъ приспособлять къ нему новое, въ чемъ имъ дѣятельно помогаетъ самый инстинктъ народа.

Боги язычества существуютъ не по случаю, не по прихоти жрецовъ, но въ силу необходимости. Они должны существовать, потому что должны нести извѣстныя функціи. Жизнь народа послѣ принятія христіанства не можетъ измѣниться до того, чтобъ эти функціи исчезли; онѣ должны продолжать свою жизнь, но перенесенныя на другія имена.

Громъ гремѣлъ надъ язычникомъ Скандинавомъ и требовалъ себѣ объясненія: его объяснили битвой Тора съ великанами. Громъ гремитъ надъ христіаниномъ и также требуетъ объясненія.

Земледѣлецъ-язычникъ нуждался въ спеціальномъ покровителѣ своего труда; въ такомъ же положеніи былъ и новообращенный, немного поумнѣвшій отъ мало понятнаго ему обряда. Если язычество

¹⁾ Thietm. Mers. VIII, ed. *Maderi* 234: cum ab antistite suo ob hoc accusaretur, divitem se et ad haec facienda satis affirmavit.

выработало извѣстный, строгоопредѣленный и необходимый въ домашнемъ обиходѣ типъ и сложило про него миѳы, этотъ типъ и эти миѳы не могутъ погибнуть сразу; они должны быть приурочены и приспособлены къ новымъ именамъ.

Разнообразныя средства приспособленія указаны еще Я. Гриммомъ въ его „Мифологіи“; изъ собраннаго имъ матеріала между прочимъ выяснилось, что второстепенныя лица христіанскаго Олимпа—святыя гораздо удобнѣе воспринимаютъ на себя свѣтлыя атрибуты и сказанія, оставшіяся не приуроченными послѣ того, какъ боги спускаются по волѣ проповѣдниковъ въ разрядъ злыхъ духовъ. Сперва ихъ связываетъ съ старыми богами какая-нибудь одна, иногда случайная неважная черта, которая при всей своей незначительности облегчаетъ имъ доступъ къ сердцу новообращенныхъ ¹⁾; освоившись въ новой средѣ, они привлекаютъ на себя все больше и больше старыхъ сказаній, которыя, какъ и все на свѣтѣ, не остаются въ покоѣ, а видоизмѣняются, перешлетаются съ церковно-литературными и художественными преданіями, теряютъ старыя черты и приобрѣтаютъ новыя. По прошествіи вѣковъ сложная по происхожденію фигура такого популярнаго святаго представляется иногда на столько плотною, что только послѣ немалого труда и не безъ споровъ можно опредѣлить составныя ея части и ихъ исторію.

Чтобы при подобномъ изслѣдованіи не впасть въ ошибку, надо прежде всего смотрѣть на эту фигуру, какъ на нѣчто совершенно особое, не принадлежащее ни къ одному изъ тѣхъ двухъ міровоззрѣній, которыя произвели ее на свѣтѣ, какъ на нѣчто, созданное при иныхъ, болѣе сложныхъ условіяхъ, нежели слагалась фигура языческаго бога или святаго христіанской церкви; кто посмотритъ на предметъ изслѣдованія только какъ на искаженіе типа христіанскаго святаго или какъ на бога, заимствовавшаго отъ новой религіи одно имя, впадетъ въ односторонность и не дойдетъ до общеобязательныхъ выводовъ. Не всякій святой въ одинаковой степени способенъ популяризоваться и принять на себя черты сданныхъ въ архивъ боговъ; для этого необходимы нѣкоторыя внѣшнія условія: во-первыхъ, официальный широкій культъ святаго (часто зависящій въ свою очередь отъ слиянія его съ языческими вѣрованіями первохристіанскаго народа), во-вторыхъ, специальныя черты въ его легендѣ,

¹⁾ Бернонъ, Шверинскій епископъ въ концѣ XII в., заставилъ Славянъ «pro Genebracto (? var. Gudracco) Godehardum venerari».

чудесахъ, изображеніяхъ, и втретихъ, какъ увидимъ ниже, весьма видную роль играетъ время его празднованія.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ великомученикъ Георгій, юный воинъ, побѣдитель змѣя, находится въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ одной нѣмецкой географіи Бехштейнъ указываетъ 190 городовъ, сель, мѣстечекъ и мызь, получившихъ отъ него свое имя ¹⁾.

Не смотря на массу собраннаго въ послѣдніе двадцать-тридцать лѣтъ матеріала, его никакъ нельзя считать достаточнымъ для составленія полнаго обзора исторіи культа Георгія во всѣхъ христіанскихъ странахъ. Въ виду этого, а также въ виду сравнительной молодости русской цивилизаціи, дозволившей народу сохранить въ большей свѣжести двоевѣрное представленіе святаго, я рѣшилъ ограничить себя одною Россіей, или точнѣе, однимъ славянскимъ элементомъ ея; къ другимъ народностямъ я буду обращаться только для указанія параллелей и разъясненій.

Официальныхъ поводовъ для большаго, сравнительно съ другими сходными лицами, распространенія по всему лицу земли Русской культа великомученика Георгія было болѣе, чѣмъ достаточно. Россія приняла христіанство именно въ то время, когда этотъ святой прочно укрѣпился въ Греціи ²⁾, и число храмовъ, ему посвященныхъ, росло съ каждымъ днемъ; церкви ему строились и въ новообращенныхъ Славянскихъ земляхъ ³⁾.

На Руси первый вполнѣ христіанскій князь былъ Ярославъ-Георгій, очень уважавшій своего патрона. Годомъ заложенія имъ церкви св. Софіи, въ которой уже былъ придѣлъ Георгію, одни считаютъ 1017, другіе 1037. Въ 1030 г. онъ пошелъ на Чудь, „побѣди я и постави градъ Юрьевъ“, который послѣ 1072 г. сдѣлался епархіальнымъ городомъ, и въ которомъ по преданію имъ же основана церковь св. Георгія ⁴⁾. Въ 1037 г. по Лаврентьевскому списку онъ вмѣстѣ съ митрополитомъ церковью св. Софіи заложилъ и монастырь св. Георгія, который былъ отстроенъ, какъ полагаютъ, въ 1052 г. ⁵⁾; въ 1063 г. въ

¹⁾ *Ludw. Bechstein*, *Mythe, Sage, Märe u. Fabel*. Leipz. 1854, III, 151,

²⁾ Припомнимъ, что гимны въ честь его стали слагаться именно въ VIII—IX вѣкахъ.

³⁾ См. грамоту Терпиміра Хорватскаго отъ 852 г. *Гильбердинга*, Соч., I, 44.

⁴⁾ См. О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I, акад. *Куника*, С.-Пб. 1860, стр. 109; ср. *Русск. бестыда* 1856 г. I, 81.

⁵⁾ Церковь возобновлена Елисаветою въ 1744 г.

немъ погребаютъ Судислава, брата Ярославова. Особенно распространено было почитаніе Георгія въ Новгородской области. О Ладожской церкви говорено было выше. Въ 1119 г. по 1-ой Новгородской лѣтописи, „заложи Кирьякъ игумень и князь Всеволодъ церковь камяну, монастырь св. Георгія“ за три версты отъ Новгорода ¹⁾. Черезъ 14 лѣтъ ему же построена церковь на Знаменской улицѣ. Въ извѣстной Мстиславовой грамотѣ поминается село св. Георгія (см. 1-ую Новг. лѣт. 6740 г.). Подъ 6811 (1303 г.). 1-ая Новгородская лѣтопись говоритъ, что въ Новгородѣ срубили церкви, и изъ нихъ двѣ въ честь св. Георгія. Въ 6864 г. „поставиша Лубянци церковь камену святого Георгія на томъ же мѣстѣ, идѣже бѣ прежде деревянная“, и т. д.

Извѣстно, на сколько способствовалъ славу своего патрона Юрій Долгорукій, строившій храмы и посады въ честь его на земляхъ полудваго сѣвера. Со времени Дмитрія Донскаго Георгій становится патрономъ усиливающейся Москвы ²⁾, и хотя этотъ „ѣздець въ коронѣ“, по словамъ пословъ русскихъ, и не былъ Георгій, а царь ³⁾, народъ въ гербѣ Московскомъ несомнѣнно видѣлъ св. Георгія, а съ XVIII в. такое его значеніе признано и официально.

Хотя извѣстная книга Ратнина о русскихъ монастыряхъ (1852 г.), конечно, не можетъ претендовать на полноту даже относительно монастырей, нынѣ существующихъ, тѣмъ не менѣе и изъ нея мы можемъ добыть массу указавій: въ Таврической губерніи находятся два монастыря св. Георгія, во Владимірѣ одинъ, основанный Юріемъ Долгорукимъ, близъ Новгорода одинъ, основанъ въ 1446 г., въ Москвѣ одинъ, основанъ въ 1550 г., въ Кіевской губерніи два, основанные въ XVIII в., въ Черниговѣ одинъ, основанъ въ 1654 г.; въ Калужской губерніи одинъ, основанъ въ 1681 г. въ Юрьевѣ Польскомъ одинъ, основанъ въ 1152 г. и т. д.

Если присоединимъ къ этому болѣе внутреннія основанія, заключающіяся въ имени, легендѣ, изображеніи и времени празднованія, станетъ ясно, что побѣдоносець Георгій долженъ былъ сдѣлаться важною фигурой христіанской легенды. долженъ былъ замѣнить одну изъ важнѣйшихъ фигуръ дохристіанской мифологіи. Кого замѣнилъ онъ? Для кого необходимо требовалась такая замѣна?

¹⁾ Но преданіе, по словамъ гр. М. Толстаго (Святѣи древн. Новгорода, М. 1862, стр. 161 и слѣд.) возводитъ его основаніе ко времени Ярослава, а стоящая тамъ икона Георгія признается вывезенною изъ Корсуна.

²⁾ См. *Иза. Имп. Общ. Люб. Естествозн.* Т. XIII 110 и сл.

³⁾ См. *Ласкьеръ, Русская Герадика*, стр. 128 и слѣд.

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ не предположеніемъ, вмѣсто котораго другой можетъ сейчасъ же подставить иное, столь же мало обоснованное, надо имѣть больше свѣдѣній о вѣрованіяхъ нашихъ языческихъ предковъ, нежели мы имѣть можемъ.

Что мы знаемъ о нашей мифологіи? Кромѣ трехъ-четырехъ именъ, ничего положительнаго. Дж. С. Милль сравниваетъ силлогизмъ съ тѣмъ барономъ, который хотѣлъ спасти отъ потопленія себя и лошадь, поднимая себя къ верху за косу и цѣпляясь ногами за бока лошади; съ большимъ основаніемъ можно сравнить съ положеніемъ барона положеніе изслѣдователя русской мифологіи; за недостаткомъ древнихъ свидѣтельствъ онъ долженъ подниматься на хитрости: отъ факта современной народной жизни, отъ обряда, повѣрья, пѣсни Руси христіанской онъ дѣлаетъ отвлеченіе къ языческому прошлому и добытою такимъ образомъ догадкой объясняетъ языческій элементъ обряда, повѣрья, пѣсни.

Наши древнія свидѣтельства, даже свидѣтельства Лаврентьевскаго списка лѣтописи, не даютъ намъ почти ничего пригоднаго: можно ли основать что-нибудь на показаніи волхвовъ бѣлозерскихъ, въ уста которыхъ наивный лѣтописецъ влагаетъ признаніе (см. подъ 1071 г.), что они поклоняются антихристу и аггеламъ его и сектантское дуалистическое сказаніе о сотвореніи человѣка Богомъ и дьяволомъ? Съ какимъ же послѣ этого довѣріемъ можно относиться къ безымяннымъ памятникамъ апокрифической литературы? Русскіе мифологи, не очень разборчивые по части матеріала для созданія боговъ русскихъ, забрали—было въ свою власть и императора Трояна, котораго наивные списатели ставили рядомъ съ Перуномъ и Хорсомъ ¹⁾; мифологовъ должно было бы остановить то обстоятельство, что наравнѣ съ нимъ поминается и Дій-Зевесъ, въ той же формѣ являющійся въ переводныхъ съ греческаго проповѣдяхъ ²⁾; но въ ихъ энергичныхъ рукахъ и Дій обратился въ „одно изъ именъ Бѣлбога“ ³⁾.

При солидномъ основаніи древнѣйшихъ памятниковъ можно было бы что-нибудь извлечь и изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ, но безъ первыхъ Усляды, Дашубы и Саботы Густинской лѣтописи еще болѣе сгущаютъ туманъ.

¹⁾ См., напримѣръ, Откровеніе св. Апостоля *Лѣтоп. Русск. Литер.*, V, 5.

²⁾ См. Погод. сб. № 808, XV в.; слово Аркадія Кипрсакаго: «идѣже *Діева* гордыня» и т. д.

³⁾ Статья г. *Квашилина-Самарина* въ *Бесѣдѣ* 1872 г., I, 231.

Не много даютъ и нынѣ живущіе въ устахъ народа сказанія и обряды. Только крайне увлекающійся своею идеей изслѣдователь можетъ видѣть въ смоленскомъ преданіи о созданіи міра богомъ и чертомъ ¹⁾ борьбу Перуна съ Чернобогомъ ²⁾ или грозovou борьбу ³⁾; всякій не подкупленный умъ увидитъ въ этомъ опять-таки то же литературное сектантское преданіе, повторяющееся въ Малороссіи дословно сходно съ своими литературными источниками ⁴⁾. Обряды, напришивающіеся на мифическое толкованіе, отличаются крайнею неопредѣленностью и подвижностью ⁵⁾.

Обряды плохо связаны съ преданіями; мы не находимъ объясненія въ послѣднихъ тамъ, гдѣ, по видимому, были бы въ полномъ правѣ ожидать ихъ: гдѣ больше остатковъ изычства, нежели въ праздникѣ Ивана Купалы? А между тѣмъ о немъ нѣтъ ни одной эпической пѣсни, и личность его остается, по видимому, совершенно темной въ глазахъ самого народа.

Изслѣдователи этихъ жалкихъ свидѣтельствъ и остатковъ дохристіанской старины—въ большинствѣ случаевъ люди съ горячею любовью къ дѣлу, съ пылкою фантазіей, но именно въ силу увлеченія предметомъ способные къ поразительно пенаучнымъ натяжкамъ. Они не жалуются на недостатокъ матеріала: тотъ, кто Несторово сказаніе о бѣсѣ, выдающемъ лѣпки въ монаха, обращаетъ въ стародавній мифъ о осенней буре (sic!) ⁶⁾, кто производитъ ладонь отъ богини Лады, Мурашекъ отъ Мораны, всегда найдетъ достаточно

¹⁾ Памятн. кн. Смол. губ. 1859 г., стр. 124 и слѣд.

²⁾ Статья г. Жвакина-Самарина въ *Бесѣдѣ* 1872 г. 4, 225; *Аванасьевъ*, Повѣст. Возврънія, II, 604.

³⁾ *Аванасьевъ*, II, В., II, 464.

⁴⁾ Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-зап. край, I, 142, и слѣд.; ср. *ibid.*, 35; ср. *Порфирьева*, Апокрифы, 129. Нѣтъ ничего удивительнаго, что это литературное преданіе такъ сильно распространено въ народѣ: вопросъ о началѣ міра не приходитъ людямъ непосредственнымъ: существующее они признаютъ вѣчно существовавшимъ; тѣмъ легче усваиваются преданія, разъясняющія это дѣло; весьма возможно, что между литовскимъ сказаніемъ о происхожденіи людей изъ камней (см. Черты изъ жизни Литовскаго народа 1854. Вильно, стр. 77) и греческимъ сказаніемъ о Деикаліонѣ окажется посредствующая связь.

⁵⁾ Много примѣровъ найдемъ ниже; теперь же укажу на одинъ: *завязываніе бороды* святому—очевидно, языческой обрядъ; но къ кому его приурочить? Въ Курской и Воронежской губерніяхъ бороду завязываютъ Ильѣ (*Аванасьевъ* II, В., I, 474), въ Переяславлѣ Залѣскомъ—святому Николѣ (*ibid.*, 475).

⁶⁾ *Льпокъ*—молнія, монахъ, уходящій спать,—природа, погружаемая въ осенній сонъ, и т. д.; см. *Аванасьева*, II, В., II, 420—21.

данныхъ, чтобы сочинить нашу мифологию, но это не будетъ наука. Что же касается до подлинныхъ именъ божествъ, сохранныхъ въ лѣтописи они, такъ и остаются именами: мифологи только дѣлаютъ видъ, что имѣютъ ясное представленіе о божествахъ, ихъ носившихъ, на самомъ же дѣлѣ они принимаютъ за фактъ свои фантазіи ¹⁾.

Болѣе осторожные изъ мифологовъ стремятся обосновать свои выводы на незыблемой почвѣ древнихъ историческихъ памятниковъ, повѣствующихъ намъ о богахъ, храмахъ и религиозныхъ обрядахъ Славянъ Прибалтійскихъ; по видимому, чего бы лучше? Наши предки не успѣли развить системы своего Олимпа, не успѣли построить своимъ богамъ храмовъ; христіанство захватило ихъ мифологию въ эмбриональномъ состояніи и подавило ее. Ихъ прибалтійскіе со-

¹⁾ Любопытный примѣръ (*ab uno disce omnes*) могу привести изъ литературы предмета моего изслѣдованія. Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* за 1872 г. въ № 68 и 70 г. *Ив. К—скій* помѣстилъ Этнографическую замѣтку о св. Егорѣ, а въ 1874 г. *Е. В. Барсовъ* помѣстилъ статью о Юрьевомъ днѣ въ *Изв. Имп. Общ. Люб. Естество. Общ. Люб. Естество.*, т. XIII, стр. 110 и слѣд. Оба изслѣдователя идутъ однимъ и тѣмъ же путемъ отъ культа къ выясненію типа и сходятся иногда дословно, но дойдя до имени божества, замѣннаго Егорьемъ, вдругъ расходятся въ разныя стороны. Г. К—скій говоритъ о Егорѣ: «Вотъ какъ, напримѣръ, народное представленіе описываетъ его образъ: Молодой Егорій свѣтлохрабрый, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ. И во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, по концамъ звѣзды переходящія» и т. д. Здѣсь видится языческое изображеніе *Хорса*. Г. Барсовъ говоритъ: «Вотъ какъ, напримѣръ, рисуется его ликъ въ народныхъ разказахъ: «молодой Егорій — свѣтлохрабрый; по локоть руки въ красномъ золотѣ; по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ; и во лбу солнце, и въ тылу мѣсяцъ, по концамъ звѣзды переходящія». Въ этомъ изображеніи нельзя не узнать древнерусскаго языческаго божества—и при этомъ божества свѣтлаго, каковъ былъ *Перунъ*. Чтѣ г. К—скій знаетъ объ изображеніи *Хорса*? Почему г. Барсову болѣе понравился *Перунъ*, чѣмъ *Хорсъ*, —не дѣло ученой критики. Вина такой ненаучной смѣлости мифологовъ лежитъ никакъ не въ людяхъ, а въ предметѣ и въ особыхъ условіяхъ, которыми онъ былъ обставленъ съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія; и для иностранныхъ мифологовъ церковная легенда, риторическая фигура, историческое воспоминаніе — матеріалъ для натурмифологическихъ обобщеній; вотъ одинъ примѣръ изъ тысячи, касающійся также нашей темы. Гаунтъ (*Lausitz. Mag.* 1860 г. стр. 175) говоритъ, что мифологическое золото всегда въ связи съ дракономъ. «Nun wird es auch klar, продолжаетъ онъ дальше, — warum in der Legende der Heilige Georg für seinen Ritterdienst kein Gold nehmen (хорошъ былъ бы святой, совершающій подвиги за золото!) und der Hürtel Königstochter, der den Drachen fesseln sollte, kein goldener sein dürfte» (фактически не вѣрно).

племенники были цивилизованнѣе, приняли христіанство гораздо поздне. и нагрянувшее къ нимъ одновременно съ ихъ политическимъ порабощеніемъ латинское духовенство не пренебрегало ихъ уже развитымъ язычествомъ, съ которымъ ему приходилось вести ожесточенную борьбу; у Дитмара, Гельмгольда, Саксона, Адама Бременскаго мы находимъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ свидѣтельствъ, которыя только стоитъ подвергнуть исторической и филологической критикѣ, и—славянская міеологія готова. Но вотъ обратная сторона медали.

Вопервыхъ свѣдѣнія эти настолько разпорѣчивы и подъ часъ недѣльны, что лучшіе критическіе приемы оказываются безсильны: Что это за Чернобогъ, котораго Славяне sua lingua называютъ діаволомъ? Что это за гостепримный богъ Радегастъ, который у Дитмара оказывается городомъ? Что можно сдѣлать съ свидѣтельствомъ жизнеописателя Оттона, который увѣряетъ, что въ славянскомъ Юлиѣ поклонялись идолу Юлія Цезаря?

Вовторыхъ оказывается, что тѣ бѣдныя свидѣтельства, которыя мы имѣемъ о религіи нашихъ предковъ, не сходятся, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, со свидѣтельствами лѣтописцевъ о Славянахъ Прибалтійскихъ. Послѣдніе въ своихъ вѣрованіяхъ такъ далеко ушли впередъ отъ Славянъ южныхъ, что едва замѣтна слабая связь между ними: гдѣ у Славянъ Балтійскихъ Перунъ, гдѣ Хорсъ, гдѣ Волосъ? Какъ не похоже на то, что мы знаемъ о Славянахъ юговосточныхъ, это высокое почитаніе жречества, аксесуары развитаго язычества, гаданія, эти символическія изображенія и обряды? Весьма возможно, что впоследствии откроется культурное вліяніе другой цивилизаціи на Славянъ Прибалтійскихъ, и мысль Гануша, можетъ быть, окажется не такъ дика.

Короче сказать, до открытія новыхъ фактовъ трудно составить себѣ сколько-нибудь ясное понятіе о вѣрованіяхъ нашихъ языческихъ предковъ, и уяснить себѣ смыслъ двоевѣрной фигуры, иди этимъ путемъ — отъ языческихъ представленій, невозможно. Возможно только одинъ путь обратный, да и по немъ должно идти съ величайшею осторожностью и не присвоивать міеологіи того, что принадлежитъ церковному или литературному преданію.

Для изслѣдованія типа двоевѣрной фигуры Егорья Храбраго мы имѣемъ матеріалъ двухъ родовъ: вопервыхъ обряды, сопровождающіе его праздникъ 23-го апрѣля, и какъ мы ниже увидимъ, примыкающія сюда пословицы, поговорки, загадки, примѣты и заговоры, и вовторыхъ ду-

ховные стихи о немъ; среднее мѣсто между тѣмъ и другимъ занимаютъ разнородныя легенды.

Юрьевъ день.

Литература этого предмета даже и въ Россіи довольно обширна. Не говоря уже про такія общія сочиненія, какъ „Русскіе простонародные праздники“ Снегирева, „Бытъ Русскаго народа“ Терещенки, „Поэтическія воззрѣнія“ Аонасьева, Церковно-народный мѣсяцесловъ Калинскаго и про множество мелкихъ замѣтокъ, разбросанныхъ по разнымъ этнографическимъ сборникамъ, по многочисленнымъ изданіямъ Географическаго общества и памятнымъ книжкамъ различныхъ губерній есть нѣсколько статей, спеціально посвященныхъ собиранію обрядовъ, сопровождающихъ празднованіе Юрьева дня.

Всѣ показанія сводятся, во первыхъ, къ тому, что этотъ день—чрезвычайно важенъ въ жизни крестьянина, безусловно по всей Велико-россіи: это—первый день выгона скота въ поле. Г. Барсовъ, близко знакомый именно съ тою областью русской, которая больше другихъ удержала остатковъ старины, говоритъ, что при этомъ первомъ выгонѣ пастухъ на одну сторону отъ скотины кладетъ ключъ, по другую замокъ и по спинѣ скотины водить какимъ-нибудь жедѣзнымъ орудіемъ ¹⁾. Онъ обходитъ скотъ съ иконой въ рукахъ, при чемъ имѣетъ при себѣ таеъ-называемый „Божественный обходъ“ наприкладъ: „Пошли, всемогущій Боже, св. великомученика Георгія побѣдоносца съ пламеннымъ копьемъ на сохраненіе счевнаго моего скота“, далѣе слѣдуетъ перечисленіе опасностей; онѣ суть: звѣри, сглазъ, колдуны, чернецы и пр.

У Пинежанъ (Арх. губ.) ²⁾ относительно этого дня существуютъ такія повѣрья: „на Егорья заря съ зарей сходятся“; „если Митрей на конѣ, то Егорій въ лодкѣ“; если въ ночь на Егорьевъ день—заморозокъ, то будетъ еще 40 утреннихъ морозовъ; на Егорьевой недѣлѣ птицы исполняютъ зарокъ любви; чтобы скотъ не пострадалъ отъ медвѣдя, нужно сходить ночью на Егорьевъ день на паству и прокричать какъ можно сильнѣе.

Въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ на Егорьевъ день дѣ-

¹⁾ *Изв. Общ. Люб. Естествозн.*, XIII, 110 и слѣд.

²⁾ *Труды Этнограф. Отд. Общ. Люб. Естествозн.*, V, I, стр. 173, 178, 179, 180, 189.

лаютъ завѣтъ: „Егорей-свѣтъ храбрый! дай росу тихую, да смиРНую и сохрани мою скотинку нынѣшнимъ лѣтомъ; а я завичаю тебѣ въ день Ильи свѣта—преподобнаго барана или корову или лошадь“. Въ этотъ же день дѣтей заставляютъ купаться въ лужахъ и вотловинахъ ¹⁾.

Въ Лужскомъ уѣздѣ ²⁾ въ Егорьевъ день послѣ обѣда хозяинъ три раза обходить свой скотъ, держа въ рукахъ образъ, яйцо и топоръ; яйцо зарываетъ въ навозъ, а топоръ—подъ порогъ и гонить скотину священной вербой. На пастбищѣ пастухъ обходить три раза стадо съ образами, потомъ перекидываетъ съ одной стороны яйцо, съ другой—топоръ; яйцо и топоръ зарываются на полѣ, а вербы выдаются въ воду; если есть порохъ, стрѣляютъ на воздухъ. Въ этотъ же день пекутъ особый каравай подъ названіемъ моленикъ, который жертвуютъ пастуху, а онъ крохи этого священнаго хлѣба отдаетъ скоту.

Въ Ярославской губерніи ³⁾ пастуха окачиваютъ водою, чтобъ онъ не дремалъ все лѣто; тамъ же въ ходу повѣрье, что Юрєва роса помогаетъ отъ сглаза и отъ семи недуговъ.

Въ Орловской губерніи ⁴⁾ въ этотъ день годовалымъ жеребятамъ отрѣзаютъ хвостъ и гриву и пускаютъ ихъ на волю до свѣта.

Въ Смоленской губерніи ⁵⁾ до 23-го апрѣля не станутъ городить изгородей въ поляхъ; въ этотъ день скотъ прежде всего пускаютъ въ поля, засѣянные озимью. Скотъ въ полѣ обходятъ съ тремя яйцами. Пастухи закливаютъ волковъ, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ: „Глухой, глухой, ци слышишь? Не слышу. Когда бъ далъ Богъ, чтобъ волкъ не слышалъ нашего скота. Хромой, хромой, ци дойдешь? Не дойду. Когда бъ далъ Богъ, не дошелъ волкъ до нашего скота. Слѣпой! слѣпой! ци видишь! Не вижу. Дай Богъ, чтобъ волкъ не видѣлъ нашего скота“. Въ этотъ же день сѣютъ рассаду.

Въ Тульской губерніи въ этотъ день служатъ молебны на колодцахъ, окропляютъ скотъ св. водою и выгоняютъ его освященною вербою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день сиравляется Красная

¹⁾ Барсовъ, I. с.

²⁾ Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., IV, 275.

³⁾ Этногр. Сб., I, 167.

⁴⁾ Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., II, 43.

⁵⁾ Памятная книжка Смол. губ. 1859 г., стр. 141 и слѣд.

Горка ¹⁾). Въ Чухломскомъ и Кологривскомъ уѣздѣ въ этотъ день окликають Егорья, напимѣрь, такую пѣсню:

Мы вокругъ поля ходили,
Егорья обликали,
Макарья величали
Егорій ты нашъ храбрый,
Макарій прешодобный,
Ты паси нашу скотинку и пр.

Въ этотъ день играетъ солнце.

Въ Муромскомъ уѣздѣ въ Юрьевъ день молятъ объ урожаѣ ²⁾).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выгоняя скотъ въ поле, гладятъ лошадей по хребту отъ головы до хвоста пасхальнымъ яйцомъ и приговариваютъ: „Какъ яичко гладко и кругло, такъ моя лошадушка будь гладка и сыта“. Яйцомъ же обносятъ пастбище для защиты отъ волковъ ³⁾).

Въ Малороссіи ⁴⁾ наканунѣ Юрьева дня празднуется „Ляля“ или Красная Горка, при чемъ одна изъ дѣвухекъ представляетъ Лялю. 23-го апрѣля совершается крестный ходъ на жита, гдѣ послѣ хода устраивается пиръ, въ которомъ видную роль играютъ крашенныя яйца; по окончаніи пира тамъ же на житахъ зарываютъ остатки „свяченого“ и качаются (катаются?), чтобы быть здоровыми съ Юрьевой росы. На эту росу скотъ выгоняютъ до свѣта, такъ какъ Юрій (въ волынской пѣсни Урай) отпираетъ въ этотъ день небо и выпускаетъ росу. Въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи именно въ этотъ день не выпускаютъ скота, а кормятъ дома, потому что въ этотъ день „св. Юрій звѣря пасе“.

Въ Черниговской губерніи, освятивъ воду, идутъ съ церковною процессіей на поле, ставятъ столъ, покрываютъ его бѣлымъ покровомъ, кладутъ на него хлѣбъ-соль и ставятъ храмовую икону св. Георгія. Послѣ обѣда снова съ закусками выходятъ на поля ⁵⁾).

На югѣ Россіи невозможно продержать скотъ дома всю весну, но до Егорья онъ ходитъ бѣзбашъ (безъ пастуха), и имъ умышленно обиваютъ жита, чтобы они лучше росли въ новыя стрѣлки; съ этого же дня скотъ не пускаютъ и на сѣнокосъ ⁶⁾). Соловьи, хотя привле-

¹⁾ *Снешречъ*, I, 179.

²⁾ *Терешенко*, Бытъ Р. народа, VI, 31.

³⁾ *Ананасевъ*, П. В. I, 538.

⁴⁾ Труды этнограф. стат. эксп. въ юго-зап. краѣ, III, 29 и слѣд.

⁵⁾ *Этн. Сб.*, I, 167.

⁶⁾ *Русск. Бесѣда* 1856 г., № 3, сѣнь, 79.

тають съ върая раньше, но только съ этого дня начинаютъ пѣть, какъ слѣдуетъ. Въ сказаніяхъ Малоруссовъ Юрій получаетъ значеніе спеціальнаго ихъ покровителя ¹⁾, въ противоположность Николаю, покровителю Москалей, а также и спеціальнаго покровителя крестьянъ, враждебнаго панамъ ²⁾.

Особенно много обрядовъ и пѣсенъ связано съ Юрьевымъ днемъ въ Бѣлоруссіи и Западномъ краѣ

Тамъ въ этотъ день пастухи изъ приношеній варятъ яичницу въ особенной торжественной обстановкѣ: цотомъ главный пастухъ беретъ горшокъ съ яичницей на голову; меньшей пастухъ—головню горящую, средній—горсть соли. Процессія двигается въ такомъ порядкѣ: впереди идетъ пастухъ съ кнутомъ, приводящій стадо въ порядокъ, потомъ головня, соль, главный пастухъ съ яичницей, остальные съ другими священными предметами (съ водой, пучками свѣжей травы, вѣтвей и т. д.). Такая процессія три раза обходитъ все стадо. Затѣмъ стадникъ произноситъ молитву, всеъ оборачиваются въ поле и кричатъ: „гу его!“ Потомъ стадникъ говоритъ: „соль жну въ очи“, при чемъ пастушекъ бросаетъ соль въ поле; „голыня жну у зубы“, при чемъ туда же выдаютъ и головню ³⁾.

По другимъ свѣдѣніямъ, въ Бѣлоруссіи въ этотъ день не только пастухи на поляхъ, но и всеъ хозяева по домамъ ѣдятъ яичницу ⁴⁾.

Въ Ошмянскомъ уѣздѣ Виленской губерніи уже наканунѣ Юрьева дня привѣтствуютъ весну пѣснями. Въ Юрьевъ день всеъ держатъ строжайшій постъ за скотину, нивы обходятъ съ пирогами, водкою, селедкою, мужчины обтыкаютъ нивы косточками, сбереженными отъ пасхальнаго стола. Дѣвки поютъ Юрья:

Юрій вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпускай росу
На теплое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое,
На колосистое ⁵⁾ и т. д.

¹⁾ Драгомановъ, Малор. преданія, 1876, стр. 194.

²⁾ Ibid., 140.

³⁾ Шейнъ, Бѣлорусскія пѣсни, стр. 107.

⁴⁾ Этн. Об., VI, 233.

⁵⁾ Зап. Имп. Геогр. Общ. по отд. этногр., V, стр. 21.; ср. ibid., 80; ср. Шейна, о. с., № 142.

или:

Разыгрався Юрьевъ коникъ,
 Разбивъ камень копыщникомъ,
 У томъ камни ядзерка нѣтъ,
 У нашихъ дзѣдюковъ правдыньки нѣтъ.
 Разыгрався Юрьезъ коникъ,
 Разбивъ камень копыщникомъ,
 У томъ камни ядзерко есть,
 У нашихъ дзѣвочекъ правда есть ¹⁾.

Бѣлоруссы же называютъ Юрья водоносомъ и въ этотъ день совершаютъ ходъ на роду ²⁾; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ тотъ же день поминаютъ мертвыхъ. Лошадей выводятъ на ночь, при чемъ хозяинъ беретъ столько яицъ, сколько у него лошадей, кладетъ подъ порогъ хлѣва и говоритъ: „Пришла Юрѣвая роса, ня дамъ вамъ овса“. Передавая лошадей ночежнику, онъ награждаетъ его (Минск. губ.). Въ Гродненской губерніи хозяинъ обходитъ съ короваемъ поля и сравниваетъ съ его высотой высоту ржи, потомъ коровай этотъ съѣдаетъ семья, какъ освященный хлѣбъ, на тощакъ. Въ другихъ мѣстахъ коровай качаютъ (катаютъ?) по нивѣ (этого коровай потомъ хлопцы выкупаютъ у дѣвиць) и порошкомъ изъ „свяченой“ говядины посыпаютъ то мѣсто, гдѣ ростеть осока ³⁾.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этотъ день варятъ овсяный кисель; связь Егорья съ овсомъ объясняетъ сказаніе о томъ, какъ Егорій опоздалъ на раздѣленіе травъ, и какъ ему достался осотъ, а черту овесъ, но Егорій испугалъ черта, и тотъ забылъ названіе сво-

Святы Юри, боски ключиниъ,
 Да идзи у поле, да у чистоя,
 Одомкни землю, пуци росу.
 Пуци росу на гату вясну,
 Да й мокраю, да й цепляю.

Ср. также *ibid.*, № 143, и *Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, V, 83.

Св. Юрій Божій посоль,
 Божій посоль, до Бога пошовъ,
 А узивъ ключи золоценькіе,
 Отомкнувъ землю сьрюценькую,
 Пуцивъ расу цеплюсенькую
 На бѣлый цвѣтъ и на увесь свѣтъ.

¹⁾ *Зап. Имп. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, V, 81.

²⁾ *Вил. Вѣсти.* 1872 г., № 68.

³⁾ *Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Р.*, 1873 г., IV: Бытъ западно-русскаго селянина, стр. 115 и слѣд.

его растенія; Егорій же подсказалъ ему осоть, а себѣ присвоилъ овесъ ¹⁾. Въ иныхъ мѣстахъ въ Юрьевъ день дѣвицы молятся Юрью о дарованіи жениховъ ²⁾.

Обряды празднованія Юрьева дня у южныхъ Славянъ отличаются большею архаичностью.

Въ Болгаріи до этого дня никто не ѣстъ баранины, а 23-го апрѣля выбираютъ красиваго ягненка, преимущественно бѣлаго съ черными глазами; на его рожкахъ зажигаютъ свѣчку. Домохозяинъ, прочитавъ тропарь св. Георгію, поднимаетъ ножъ со словами: „Св. Герги, на ти ѣгне“ и рѣжетъ ягненка; а вокругъ ходятъ старухи, кадятъ ладономъ и мажутъ медомъ губы ягненка; кровью его лѣчатъ разныя болѣзни. У Болгаръ Пиротскаго округа на Джурджевъ день барашка рѣжутъ въ полѣ и сѣдаютъ на горѣ. Дѣвушки валяются по травѣ, чтобы не болѣли кости, собираютъ травы, чтобы на ихъ отварѣ мѣшать хлѣбъ, вѣшаютъ на вѣсахъ, качаются на качеляхъ и купаются ³⁾. Оставшіяся отъ пира косточки ягненка зарываются въ землю ⁴⁾. По Чолакову ⁵⁾, наканунѣ Юрьева дня дѣвушки совершаютъ заклятія, чтобы увеличить красоту свою; въ Панагюрищѣ парни и дѣвушки до восхода солнца водятъ хороводы, и послѣднія набираютъ воды, чтобы замѣсить на ней св. хлѣбъ. Въ другихъ мѣстахъ старухи собираютъ на рѣкѣ плавающія вѣтви и изъ нихъ разводятъ особый святой огонь, который поливаютъ молокомъ. Въ этотъ же день домохозяйка сводятъ свои счеты, козлятъ отлучаютъ отъ матокъ и козъ въ первый разъ выгоняютъ съ зимовища. По словамъ М. С. Дринова ⁶⁾, наканунѣ этого дня плетутъ вѣнцы св. Георгію: тогда же пекутъ святыя хлѣбы, которые раздаются бѣднымъ. На зарѣ самаго Юрьева дня совершаютъ жертвенный пиръ на хлѣбныхъ поляхъ. Кровью убитаго барашка намазываютъ лица присутствующихъ малютокъ, изжареннаго же ягненка святятъ въ церкви. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ днев-

нѣ

¹⁾ *Вил. Вѣст.* 1872 г., № 12: статья г. *Крачковскаго*. Разказъ о борьбѣ съ чертомъ за овесъ перенесенъ на Егорья съ Петра и Павла. См. Труды этногр. экспед. въ юго-в. кр. I, 81.

²⁾ *Калинский*, стр. 133.

³⁾ *Каравеловъ*, Памятники народнаго быта Болгаръ, 1861 г., стр. 21 и 260 и слѣд.

⁴⁾ *Терещенко*, VI, 28.

⁵⁾ *Българскій народенъ сборн.* Болгр. 1872, стр. 35, 56, 103—4, 110.

⁶⁾ См. ст. г. *Ефименка* о Яриѣ *Зап. Геогр. общ.* по отд. этногр., II, 102 и слѣд.

ной пиръ тоже совершается не въ деревнѣ, а въ рощахъ, идѣ потому и водятъ хороводы. Изъ пѣсни, г. Дриновымъ же приведенной, видно, что Георгій именно въ этотъ день объѣзжаетъ на своемъ конѣ всѣ нивы. По пѣснѣ, приводимой г. Каравеловымъ, Георгій въ этотъ день убиваетъ трехъголовую змѣю (землю), изъ крови которой происходитъ все изобиліе.

Въ Сербіи Георгію также приносится въ жертву агнепокъ; домохозяева пригоняютъ къ церкви всѣхъ агнятъ, прилѣпивъ къ ихъ рогамъ восковыя свѣчи; послѣ обѣдни свѣчи эти зажигаются; священникъ благословляетъ стадо, произноситъ молитву и въ даръ за нее собираетъ шкурки зарѣзанныхъ агнятъ и часть ихъ мяса. Въ этотъ же день всѣ купаются до восхода солнца.

Въ Карпатахъ (также какъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи) въ замѣнъ барана поселяне приготавливаютъ въ этотъ день пирогъ въ видѣ бараца, и его разрѣзаетъ главный пастухъ ¹⁾. Карпаторуссы выгоняютъ скотъ на Юрьеву росу потому, что послѣ этого вѣдьмы не будутъ вредить ему ²⁾; по если вѣдьма соберетъ эту росу, она именно ею можетъ погубить скотъ.

Въ Буковинѣ наканунѣ 23-го апрѣля вечеромъ копаютъ дернъ и кладутъ по два куска при воротахъ и колодцѣ; на зданіяхъ дѣлаютъ кресты дегтемъ, а дверь, за которою находится корова, закладываютъ боронами: въ эту ночь вѣдьмы пользуются особенною свободой и могутъ обобрать у коровъ молоко. Еще въ защиту противъ нихъ употребляютъ тернъ и макъ; послѣднимъ посыпаютъ дворъ. Въ эту же ночь вѣдьма раздвояетъ каждому пѣтуху по два пера на хвостѣ. Въ самый же Юрьевъ день скотъ стараются выгнать еще до свѣта, „чтобы напоить его Юрьевою манной“ ³⁾.

Гудулы и Подгоряне въ ночь на Юрья зажигаютъ костры, палатъ „Юрика“. Эта ночь считается страшною, такъ какъ вѣдьмы получаютъ полную свободу ⁴⁾; но за то съ слѣдующаго дня прекращается власть вѣдьмъ надъ скотиной ⁵⁾.

Въ приморскихъ славянскихъ земляхъ только съ этого дня выходятъ въ первый разъ въ море ⁶⁾.

¹⁾ *Аванасьевъ*, П. В., II, 255.

²⁾ *Терещенко*, VI, 28.

³⁾ *Зап. Юго-зап. Отд. Геогр. Общ.*, II, 356, 357, 384.

⁴⁾ *Ефименко*, I. с., 100—101.

⁵⁾ *Снегиревъ*, Праздники, I, 144.

⁶⁾ *Ibid.*, III, 65 в слѣд.

У Словенцевъ думаютъ, что только наканунѣ Юрьева дня можно добыть косточку зеленой лягушки, которая будетъ возбуждать всеобщую любовь къ ея обладателю. Если поймать въ этотъ день мотылька и носить его постоянно при себѣ, будешь счастливъ въ торговлѣ. Вываривъ въ молокѣ бѣлую змѣю и выпивъ это молоко, можно добыть себѣ необыкновенную силу; черезъ ту же змѣю добывается неразбѣнная монета и получается способность понимать языкъ животныхъ. Въ самый праздникъ Юрья (24-го апрѣля) выгоняютъ въ первый разъ стада и заговариваютъ ихъ на замкѣ, который кладутъ подъ порогъ ¹⁾. По Мангарту ²⁾, въ тотъ же день Словенцы ходятъ съ деревомъ (Maibaum), украшеннымъ платками и лентами, съ музыкой и пѣснями. Главная особа въ процессіи—Zélene Yurí, парень, покрытый съ головы до ногъ зеленою; потомъ его замѣняютъ куклой, которую и бросаютъ въ воду (въ иныхъ мѣстахъ самого парня), чтобы было больше дождей. Выгоняя скотъ въ поле, въ пѣснѣ угрожаютъ бросить Юрія въ воду, если онъ не убережетъ его.

Далматинскіе Славяне въ этотъ день, по свидѣтельству Фарлати ³⁾, осматривали и межевали поля свои и молили объ урожаѣ.

Чехи прославляютъ Юрья за то, что онъ отмыкаетъ землю для травы (aby tráva rostla ⁴⁾). У нихъ, какъ и у Словенцевъ, это день колдовства: тогда убиваютъ змѣю и содранную съ нея шкуру носятъ на шеѣ отъ лихорадки; кто отрѣжетъ въ Юрьевъ день змѣѣ языкъ и будетъ носить его на себѣ, тотъ будетъ непобѣдимъ въ рѣчахъ ⁵⁾. По моравскому повѣрью (Beneš Method Kulda, Moravské národní pohádka etc. 1874, стр. 304), увидишь змѣю въ этотъ день—змѣѣ всегда будутъ убѣгать передъ тобою. Родственные повѣрья находимъ мы и у Нѣмцевъ (откуда они, вѣроятно, и перешли къ западнымъ Славянамъ). По Вутке ⁶⁾, 23-го апрѣля нельзя пить изъ колодець, такъ какъ въ этотъ день земля выпускаетъ свой ядъ, который потомъ переходитъ на жабъ и змѣй, до тѣхъ поръ не лдовитыхъ. Вырѣзанный въ этотъ день языкъ змѣи даетъ необыкновенную силу. Если кто въ

¹⁾ Sborník Slovenských národních piesní и пр. vyd. Matica Slovenská Sv. I Ve Viedni, 1870, стр. 193 и слѣд.

²⁾ Mannhard: Der Baumkultus I, 1875 г., стр. 313.

³⁾ Iliricum sacrum I, 689.

⁴⁾ Asanascovez, II. B., I, 705.

⁵⁾ Ibid. II, 564.

⁶⁾ Wuttke, Volksaberglaube, 2-е изд., стр. 82, 110, 342, 422 и др.

этотъ день палкой убьетъ змѣю, то съ этою палкой онъ будетъ непобѣдимъ. Въ этотъ же день дѣлають любовныя заклинанія.

23-го апрѣля и на западѣ праздникъ настуховъ и скота: въ этотъ день срѣзають траву, солятъ ее святою солью и дають скоту ¹⁾; вокругъ церкви обводятъ лошадей, чтобъ онѣ были здоровы ²⁾.

Въ Тиролѣ 24-го апрѣля составляется полшуттовская процессія, въ которой несутъ разные атрибуты настухескаго и земледѣльческаго быта; по дорогѣ ея участниковъ одѣляютъ провизіей ³⁾.

Въ Валахїи въ этотъ день считаютъ скотъ и передаютъ его пастухамъ ⁴⁾. Тамъ же, равно какъ и въ Седмиградїи, ночь наканунѣ Юрьева дня — праздникъ вѣдьмъ; чтобъ защитить отъ нихъ свой скотъ, хозяева бодрствуютъ и обкладываютъ хлѣва дерномъ; мальчики всю ночь дудятъ ⁵⁾.

Въ Литвѣ ⁶⁾ въ этотъ день не сучать нитокъ, иначе волки цѣлый годъ будутъ бродить около дома, и не скачутъ на доскахъ, чтобъ колосья не припали къ землѣ.

Пословицы, загадки и народныя примѣты указываютъ на связь Егорья съ пастухствомъ и земледѣліемъ: „Якъ піде дощъ на Юрья, та буде хлѣбъ і в дурня“ ⁷⁾; „На Юрья дождь—скоту легкій годъ“, „на Юрья круна—урожай на гречу“; на Юрья дождь—гречи не родъ“ (Бѣлоруссія); „до св. Юрья кормъ есть и удурня“; „на Егорья роса—будутъ добрыя проса“ (Орл. губ.) ⁸⁾; „какъ Егорьевъ день въ исходѣ (то-есть, луннаго теченія), пускай коня на волѣ: какъ Егорьевъ день въ молоду, держи коня въ поводу“ ⁹⁾; „на Егорья морозъ, такъ будетъ и подъ кустомъ овесъ“ ¹⁰⁾; „кали на Ягорья марозъ тады и на гары вырастиць авесъ“ ¹¹⁾; „Юрьева раса, нѣ треба капіомъ ауса“

¹⁾ *Panzer*, Bayer. Sagen II, 1, 77.

²⁾ *Wuttke*, l. c., 422; то же *Mannhardt*, l. c., 404.

³⁾ *Ign.-Zingerle*, Sitte, Bräuche u. Meinungen des Tirolenvolkes, 1871, 2-е изд., стр. 144.

⁴⁾ *Schott*, Walach. Märch. 1845, стр. 299.

⁵⁾ *Wilh. Schmidt*, Das Jahr u. seine Tage in Meinungen u. Bräuche der Rumänen Siebenbürgens. 1866, стр. 9—11.

⁶⁾ Черты изъ жизни Литовск. народа, 1854, 94.

⁷⁾ *Зап. Юго-Зап. Отд. Геогр. Общ.*, II, 96.

⁸⁾ *Даль*, Пословицы, s. v.

⁹⁾ *Этногр. Сб.*, I, 167.

¹⁰⁾ *Ibid.* II, 60.

¹¹⁾ *Ibid.* III, 237.

(Бѣлоруссія)¹⁾; „Егорій лѣвивая сошка“ или „съ Егорья лѣвивая соха выѣзжаетъ“²⁾; „догадуй скотину до Юрья, та и вилы за-
винь“³⁾; „на Егорья брось жердку, обростетъ за ночь“; „сытъ, какъ
Юрьева гора“ (Нерехта); „на Юра сховається въ жито кура“; „св-
Юрій по полю ходить, хлѣбъ-жито робить“⁴⁾. Въ однихъ мѣстахъ
Егорій является съ водой, въ другихъ—съ тепломъ, съ кормомъ
и пр.⁵⁾. Нѣкоторыя поговорки опредѣляютъ календарное положеніе
Юрьева дня сравнительно съ Николинымъ днемъ или съ Юрьемъ
осеннимъ⁶⁾: „Юрій везетъ корму въ торокахъ, а Никола возомъ“; „Его-
рій съ корнемъ, Никола съ кормомъ“; „Егорій (осени.) съ мостомъ,
Никола (зимн.) съ гвоздемъ“; „Егорій съ лѣтомъ, Никола съ кор-
момъ“; „Егорій съ водой, Никола съ травой“; „Юрьемъ починають,
Юрьемъ и кончаютъ“ (крестьянскія работы); „на Руси два Егорья:
одинъ холодный, другой голодный“. У южныхъ Славянъ роль осен-
няго Егорья играетъ Дмитрій Солунскій, являющійся такимъ обра-
зомъ товарищемъ покровителю земледѣлія и истребителю всего враж-
дебнаго, нечистаго и злаго⁷⁾. Иногда и на Руси его день сопостав-
ляется съ Юрьевымъ, напримѣръ: „коли Дмитровъ день не въ снѣ-
гу, и Егорьевъ будетъ не въ снѣгу“⁸⁾.

Въ загадкахъ птичка, прилетающая на Юрьевъ день—соха; Его-
рій съ копьемъ—стогъ сѣна⁹⁾.

Въ одной бѣлорусской пѣснѣ¹⁰⁾:

Св. Егорья коровъ пасецъ!
Пасецъ, пасецъ, ды зыпасывыиць
Зъ борзымъ хортомъ, зъ вострымъ жезломъ
Отъ того гада бягучыга,
Отъ той вѣдьмы-чародѣйницы.

¹⁾ Ibid. III, 237.

²⁾ *Нижгород. Сб.*, III, 224.

³⁾ *Ефименко*, 99.

⁴⁾ Труды этн. эксп. въ З.-р. кр., III, 31.

⁵⁾ *Снегиревъ*, III, 65.

⁶⁾ 26-го ноября, заимствованъ изъ Византии (см. *Барсовъ* въ *Изв. Общ. Люб. Естество.*); на Руси приурочень къ освященію Кіевского храма; въ про-
логахъ сюда приурочивается иногда чудо о построении этого храма.

⁷⁾ *Каравеловъ*, Памятн. нар. быта Болг., стр. 211 и 260.

⁸⁾ *Этн. Сб.*, I, 167.

⁹⁾ См. *Худяковъ*, Великорусск. загадки, № 1423 и 1434.

¹⁰⁾ *Шейнъ*, № 138.

На поѣздѣ Божьей матери онъ „на козлахъ сядиць“ (Шейнъ, № 141), когда Илья стоитъ на запяткахъ, Никола же посреди экипажа; въ № 144 Юрій вмѣстѣ съ Николаемъ идетъ въ поле „жита глядѣць“. Въ № 147 онъ одинъ можетъ отправиться за недостающимъ святымъ, такъ какъ онъ одинъ „коня маеть“. Въ № 150 онъ засѣваетъ въ полѣ горохъ. Пѣсня, воспѣвающая пробужденіе природы весной (№ 176), имѣетъ припѣвомъ: „Юрья! Юрья!“

Въ буковинской рождественской пѣснѣ ¹⁾ Никола, Юрій и Господь являются какъ три „вивчарика“ прославляемаго пана Ивана; у Николая труба роговая, у Юрья мѣдная, а у Господа золотая:

Як затрубивъ св. Никола,
Всі се горы забіліли;
Як затрубивъ св. Юрій,
Всі ліса си *зазеленіли*;
Як затрубивъ св. Господь,
Пішли голоса по-нід небеса.

Въ заговорахъ Егорій вмѣстѣ съ Царицею (то-есть, Богородицею), Миколой и Господомъ ограждаетъ скотъ тыномъ ²⁾, вмѣстѣ съ Зосимой и Савватіемъ покровительствуетъ пчеловодству ³⁾, охраняетъ на пути отъ татя, при чемъ является, на бѣломъ конѣ и съ копьемъ ⁴⁾; въ томъ же видѣ онъ является помощникомъ на охотѣ (Майковъ, 124—125); при этомъ его замѣняетъ какой-то бѣлъ мужъ Жубрило, Михайлъ Архангелъ и др. (стр. 128); вмѣстѣ съ Михайломъ и другими святыми онъ охраняетъ скотъ „Власевъ родъ“ (стр. 114); Михайлъ Архангелъ и Егорій „съ тугими стрѣлами, съ острыми кнутами“ дѣйствуютъ въ заговорѣ противъ ногтевой болѣзни (стр. 76). Георгій Храбрый, Христовъ страстотерпецъ, помѣщенный въ зеленомъ саду на восточной сторонѣ, ограждаетъ растенія отъ червей (стр. 80); онъ же излѣчиваетъ своими стрѣлами отъ болѣзни, являясь въ видѣ бѣлаго человѣка въ бѣломъ платьѣ, на бѣломъ конѣ, на синемъ морѣ въ сообществѣ двухъ стрѣльцовъ Симеона и Герасима (стр. 86). Въ другомъ заговорѣ противъ болѣзни онъ сходитъ съ небесъ по золотой лѣстницѣ, сноситъ 300 луковъ златополосныхъ, 300 стрѣлъ златоперыхъ и 300 тетивъ златополосныхъ (ibid.). Въ заклятіи противъ бѣльма Егорій ѣдетъ по желѣз-

¹⁾ *Зап. Югозап. Отд. Геогр. Общ.*, II, 374.

²⁾ *Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, IV, 275.

³⁾ *Ниж. Сб.*, V, 259 и слѣд.

⁴⁾ *Л. Майковъ*, Великорусскія заклинанія, стр. 104.

ному мосту (вар.: по лѣсу) въ сопровожденіи 3-хъ хортовъ или псовъ: сѣраго (вар.: червоннаго), бѣлаго и чернаго ¹⁾. Въ другомъ заклятіи противъ бѣльма ²⁾ онъ ѣдетъ на вороныхъ коняхъ, на четырехъ колесахъ. На югѣ его часто призываютъ въ заклинаніяхъ отъ вредныхъ змѣй ³⁾. Заклинаясь отъ волковъ, въ Малороссіи берутъ палочку, однимъ концомъ упираются въ затылокъ, а другимъ въ стѣну или дерево и говорятъ: „Молюся Богу, Матери Божой, всѣмъ святымъ его, св. Георгію, хортовъ припинающему, якъ имъ сучкамъ не развиватися, такъ и хортамъ (въ смыслѣ волковъ) моей скотины не чопати ⁴⁾“. Къ Георгію же обращается одинъ заговоръ, употребляющійся, по всей, вѣроятности для смягченія сердца начальниковъ: „О св. Георгіе, умягчивый семь царей, какъ овче, а меня раба Божія, якоже льва свирѣпа (?) во имя Отца“ и пр. ⁵⁾.

Въ одномъ болгарскомъ заговорѣ св. Герги, сидя на горѣ, посредствомъ мѣдной свирѣли собираетъ къ себѣ всѣхъ дикихъ звѣрей, идетъ къ 300 ковачамъ, исковываетъ 300 ключей, „та заключилъ всячка дивина: съ уста да не ядоатъ, съ носъ да не думоатъ“ и т. д. ⁶⁾.

И въ поговоркахъ, и въ сказаніяхъ Егорій пасетъ звѣрей, особенно волковъ и распредѣляетъ имъ пищу ⁷⁾; въ сказаніяхъ проводится одна изъ двухъ тенденцій: или Юрій, отдавая волку овцу, имѣетъ въ виду пользу человѣка ⁸⁾, или назначенная волкамъ пища непременно имъ достанется, хотя бы совершенно непонятнымъ для людей образомъ ⁹⁾. При исполненіи обязанности змѣипаго пастыря Егорій

¹⁾ Майкова, стр. 39; ср. Чтенія 1874 г., I, Малорусск. заклинанія, 29; то же заклятіе употребляется и противъ червей см. *ibid.* № 58.

²⁾ Чтенія, I, с., № 428.

³⁾ Аванасьева, II, В., I, 420; Чтенія, I, с., № 54. Вѣроятно, вмѣсто него владельцемъ гадовъ въ одномъ малорусскомъ заклинаніи (*Драгоманова*, Малоросс. пред., стр. 30) является Ерусланъ Лазаревичъ.

⁴⁾ Ефименко, 100.

⁵⁾ Изъ раскольничьей рукописи *Щапова*: Ист. Очерки народн. міросозерцанія Ж. М. Н. Пр. 1863, стр. 57.

⁶⁾ Чалкова, стр. 15.

⁷⁾ Зап. Георг. Общ. по Отд. Этногр., III, 31.

⁸⁾ Отъ хищныхъ волковъ недалеко переходъ къ людямъ-хищникамъ; въ легендѣ *Афанасьева* (№ 12) Егорій даетъ средство жить *Цыгану*, котораго въ вар. замѣняетъ вороватый мужикъ Нестерка.

⁹⁾ *Ibid.* 91 и 93; Труды этн. эксп. I, 52; ср. *Аванасьева*, Легенды 201.

является иногда бородачымъ старикомъ ¹⁾; съ нимъ раздѣляетъ эту обязанность св. Власій и его замѣняетъ въ этомъ случаѣ иногда св. Николай ²⁾. вмѣстѣ съ Ильею и Михаиломъ Егорій колеблетъ скалы, отчего и происходитъ громъ (Углицкій уѣздъ); для той же цѣли онъ вмѣстѣ съ Гавріиломъ выкатываетъ тяжелое орудіе и заряжаетъ его каменною массой ³⁾.

Народный культъ святаго обусловливается главнымъ образомъ или письменнымъ преданіемъ, какъ признаннымъ церковью, такъ и апокрифическимъ, или художественнымъ преданіемъ, которое такъ или иначе связано съ литературнымъ, или временемъ празднованія, или наконецъ—именемъ. Въ отношенія народнаго культа Георгія дѣйствуютъ всѣ эти четыре мотива, какъ это часто случается; но первое мѣсто между ними на мой взглядъ занимаетъ время празднованія.

Конецъ апрѣля и начало мая во всемъ умѣренномъ поясѣ есть настоящій праздникъ природы, когда доброе начало окончательно беретъ верхъ надъ началомъ, враждебнымъ человѣку. Высокоцитимый святой, изображавшійся вооруженнымъ побѣдителемъ змѣя, стянулъ къ 23-му апрѣля массу обрядовъ, изстари сопровождавшихъ празднованіе окончательной побѣды весны. Литературное преданіе, то-есть, житіе и чудеса, бывшее отчасти въ зависимости отъ того же времени празднованія, съ своей стороны не осталось безъ вліянія на силу и формы культа: воскресеніе мертвецовъ, оживленіе быка, разказъ о пустившихъ ростки столбѣ и сѣдалищахъ, оживленіе цѣлаго стада быковъ, спасеніе царевны и царства, все это—такіе эпизоды, которые должны были способствовать сложенію типа Георгія, именно въ видѣ покровителя растений и домашняго скота.

Посредствующее звено между легендой, извѣстною все же немногимъ, и народнымъ культомъ составляютъ церковныя пѣсни и поученія, долженствовавшія разъяснить народу смыслъ праздника. Хотя какъ тѣ, такъ и другія, представляютъ по большей части буквальный, иногда бессмысленный переводъ съ греческаго, все же частое повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ должно было произвести свое дѣйствіе; гимны и поученія на день святаго Георгія закрѣпляли его связь съ весною, съ работами крестьянина и его главнымъ богатствомъ — скотомъ ⁴⁾.

¹⁾ Труды этн. эксп., I, 171.

²⁾ Ibid., I, 223.

³⁾ Ibid., I, 19 и 21.

⁴⁾ Въ гимнахъ и словахъ особенно часто встрѣчается толкованіе имени

Первый выгонъ скота въ поле — важный актъ въ крестьянской жизни; онъ долженъ былъ приурочиться къ извѣстному дню и популярному святому; этотъ день сталъ большимъ праздникомъ и въ то же время днемъ страшнымъ, когда человекъ, рискуя всѣмъ своимъ достояніемъ, долженъ былъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы рискъ разрѣшился въ его пользу. Отсюда масса разнообразныхъ заклинаній.

Топоръ, борона имѣютъ значеніе только какъ желѣзо, какъ продуктъ желѣзнаго вѣка, защищающій человекъ или его имущество отъ враждебныхъ силъ ¹⁾. Ключъ и замокъ имѣютъ тотъ же смыслъ, но въ то же время замкнутый замокъ долженъ замыкать уста дивнымъ звѣрямъ, а ключъ есть символъ того ключа, которымъ Егорій отмыкаетъ росу или землю ²⁾. Вежба на мой взглядъ въ данномъ случаѣ

Георгія въ прижизненіи къ характеристикѣ его дѣятельности: онъ «отъ дьявольскія дѣсти оледѣвшую землю добръ дѣлалъ», «терненное служеніе идольское искоренивъ, православную вѣру яко лоза насадилъ» (Минея служ. XVI в. I, F. 157); «создѣлавъ прилежно сѣмя божественныхъ заповѣдей, расточилъ... богатства» (печати. Минея). Также часто говорится о его борьбѣ съ демонами, съ которыми отождествляется его мучитель, имъ побѣжденный; на примѣръ «днесь мученикъ съ диволомъ соплетесе мужески, ко ополченію устремився, на землю храборски того низверже и всю его супостатную силу бѣжати сотвори (изъ об. XVI в. Публ. Библ. I, Q., 323); нерѣдко упоминается благочестивая продрозость, проявленная имъ противъ невѣрныхъ князей (см. канонъ Филофея Константинопольскаго) и чудотворная сила Георгія («струи исцѣленій подаещи къ тебѣ притекающимъ, Георгіе», изъ печати. Минея). Византійскіе ораторы, какъ извѣстно, любили риторическіе параллелизмы и обращались охотно къ жизни природы; здѣсь это было особенно удобно, и сколько мнѣ извѣстно, ни одно «слово» о Георгіѣ не пренебрегаетъ случаемъ восхвалить весну — время его празднованія; то же находимъ и въ гимнахъ («днесь бо весна разумная возсія намъ подающи цвѣты словесныя» и пр. ср. искусственный стихъ у *Безсон.* № 181). Оригинальную параллель проводитъ одинъ ораторъ между картиною весенней природы и муками Георгія: не такъ, говорятъ онъ, земля испещрена цвѣтами, какъ тѣло мученика ранами; не такъ стремительно источники текутъ, какъ кровь его и пр. Въ словѣ Аркадія Кипрскаго (Публ. Библ. Погод. № 808, л. 32) св. Георгій называется *путиникомъ—наставникомъ*, *плавающимъ—кормчимъ*, *сырымъ—предстателемъ... иже въ пустыняхъ скитающисся пастырь*. Отъ послѣдняго эпитета очень недалеко до Егорья-пастыря волковъ.

¹⁾ См. *Тейморъ*, Первобытн. культура, I, 131.

²⁾ Это—реторическій мифъ; въ такомъ же смыслѣ рыбаковы молятъ въ заговорахъ св. ангеловъ отомкнуть золотыми ключами синее море (*Аванисъевъ*, II, В. II, 411); Иванъ Креститель замыкаетъ въ заговорѣ кровь ключемъ Божиимъ (*ibid.* 406) и т. д. Кроме того, ключъ въ большей степени, нежели простой ку-

не имѣть никакого отношенія къ молніи (Аванасьевъ, II. В. II, 387), но фигурируетъ, какъ освященный церковью пруть. Яйцо, какъ символъ неба и земли, какъ символъ солнца и начала жизни¹⁾, къ тому же освященною церковью, есть могучее средство противъ грома, пожара и пр.²⁾, но въ данномъ случаѣ, кромѣ того, его прикосновеніе должно уподобить ему скоть по гладкости и круглости. Личницей угощаютъ пастуховъ, какъ кушаньемъ священнымъ уже по самому матеріалу; освященный хлѣбъ—моленникъ связанъ съ жертвоприношеніемъ, которое у Болгаръ сохранилось въ довольно первобытномъ видѣ; пироги въ видѣ барана и восковыя изображенія животныхъ есть любопытныя переходныя ступени отъ древняго закланія животного. Соль и головня, по видимому, суть только символы неприятностей, которыя защитники стада желали бы причинить исконному врагу. Чудотворная роса, катанье по мокрой травѣ, купанье, обмыванье пастуховъ связаны, съ одной стороны, съ ключами Юрія, съ другой—съ крестнымъ ходомъ на воду. Вѣра въ особую силу природы, проявляющуюся именно въ этотъ день празднованія окончательной побѣды, дала возможность соединить пастушескій праздникъ съ земледѣльческимъ; угощеніе на нивахъ, зарываніе косточекъ „святого“—тоже остатки жертвоприношеній. Лошади имѣютъ и свой особый весенній праздникъ (Николинъ день; для пастбища „въ ночномъ“ конецъ апрѣля въ средней Россіи—слишкомъ ранній срокъ), но такъ сказать, прикомандированы къ Юрьеву дню, судя по пѣснямъ не безъ вліянія литературнаго, или по крайней мѣрѣ, иконописнаго преданія; въ бѣлорусской же пѣснѣ Юрій играетъ роль кучера, находится впереди Николы, за которымъ слѣдуетъ Илья, только по времени своего

сока желѣза, — символъ высшей культуры и потому имѣетъ силу разрушать чары. Ключи были у Озириса и у Митры, но не думаю, чтобы ключи Егорья слѣдовало вести такъ далеко; ближе къ дѣлу церковно-художественное преданіе объ апостолѣ Петрѣ, ключникѣ рая (въ Воронежской губерніи плеяды называются *Петровы ключи*, Аванасьевъ, II. В., II, 404). Какъ тѣсно соединяется народное представленіе съ церковнымъ преданіемъ, показываетъ одна бѣлорусская юрьевская пѣсня, въ которой мать приглашаетъ Юрія отдать ключи *Петру*.

Землю отомкнути

Траву выпустити,

Скотъ накормити (*Бесѣда* 1872 г., IV, 262 и слѣд.).

¹⁾ *Vachofen*, Versuch über die Graebersymbolik der Alten. Basel, 1851, стр. 13, въ Вахovýchъ мистеріяхъ яйцо—Sinnbild des allgebährenden u. Alles in sich enthaltenden Wesens.

²⁾ Аванасьевъ, II. В. I, 537; *Зап. Георг. Общ. по ист. этногр.*, II, 7.

праздника. По времени посѣва овса и по связи съ лошадьми Егорій замѣняетъ Петра и Павла въ спорѣ съ чертомъ за овесъ; предположить образную замѣну неудобно, такъ какъ въ подобныхъ легендахъ рядомъ съ Богомъ Христомъ всегда являются апостолы.

Опасности, которымъ подвергается скотъ на поляхъ, сосредоточиваясь на этомъ днѣ, заставляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ именно въ этотъ день удерживать скотъ дома; но чаще эти опасности переносятся на ночь передъ Юрьевымъ днемъ, когда вѣдьмамъ дается полная свобода, вслѣдствіе чего люди должны принимать мѣры: закрещивать хлѣвы и бодрствовать при кострахъ: огонь и дернъ съ молодою весенней травой — символы побѣды свѣта надъ тьмою и лѣта надъ зимою. Ночь или весь капусъ Юрьева дня по той же причинѣ удобны и для всякаго волшебства, въ обрядахъ котораго видную роль играютъ змѣи, отчасти подъ вліяніемъ побѣжденнаго Георгіемъ дракона-змѣя; подъ тѣмъ же вліяніемъ и по связи съ вѣдьмами змѣи и всѣ ядовитыя гады въ эту ночь выпускаютъ ядъ свой въ воду.

Многія примѣты, указываемыя пословицами и поговорками, объясняются весьма несущественными причинами: риемою (роса: проса), фигурой языка (крупа — греча), наблюдениемъ (жердка за ночь обростетъ), расчетомъ (поздняя весна — хорошее лѣто).

Въ заговорахъ, какъ обыкновенно, силенъ элементъ произвола и литературно-художественное вліяніе; отъ иконописи идетъ бѣлый цвѣтъ коня Георгія, близкая связь съ змѣями (а черезъ нихъ съ червями), связь съ Михаиломъ Архангеломъ; а Шаповскій заговоръ прямо указываетъ на апокрифическое житіе и именно въ редакціи, близкой въ Хлудовской. Заговоры присоединяютъ Юрія къ другимъ святымъ (напримѣръ, къ Зосиму и Савватию), не имѣя на то никакого основанія, вромѣ его популярности. Заговоръ, помѣщенный въ сборникѣ г. Майкова на стр. 80, довольно отдѣленный со стороны формы, невольно напоминаетъ мусульманскаго Хызра; но зеленый саль Егорья могъ явиться подъ вліяніемъ времени празднованія и ассимилироваться съ раемъ, разумѣется, помѣщаемымъ на востокѣ.

Покровительство стадамъ ведетъ Егорья прямо къ начальству надъ волками и другими дикими звѣрями; но его заботливость о нихъ даже въ ущербъ интересамъ человѣка имѣетъ, по видимому, нѣсколько иную причину: представленіе дикихъ звѣрей домашними животными мѣсяческой фигуры владыки лѣсовъ и представленіе именно волковъ собаками божественнаго воеводы — обычное представленіе; переходъ

спеціального врага волковъ въ ихъ покровителя и хозяина не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго; этою ассоціаціей по противоположности, въ связи съ естественнымъ стремленіемъ окружать всякую божественную фигуру необычными аксессуарами, можно объяснить повсемѣстную связь свѣтовыхъ божествъ съ волками ¹⁾; объясненіе Гава кровожадностью солнца ²⁾ представляется мнѣ слишкомъ искусственнымъ. Сливаясь черезъ волковъ съ Полисуномъ, Егорій иногда измѣняетъ и свой юношескій обликъ.

Праздникъ весны можетъ двигаться и назадъ, и впередъ, и потому многіе обряды и повѣрья, соединенные съ Юрьевымъ днемъ, могутъ приурочиваться и къ другимъ христіанскимъ праздникамъ.

Уже спеціально Юрьевская пѣсня взываетъ къ Макарью, подь которымъ надо, по видимому, разумѣть мученика Макарія, митрополита Кіевскаго, убитаго въ 1497 г., (ему празднуютъ 1-го мая). Огни наканунѣ праздника умѣстятъ подь Свѣтлое Воскресенье и подь Ивановъ день; съ Иванова дня они переходятъ на капунъ Петрова дня. Тому же Воскресенью и Иванову дню чаще, нежели Юрьеву, приписывается игра солнца. Къ Воскресенью же приуроченъ въ Малороссіи жареный барашекъ; въ этотъ день распѣваются волочечниками Юрьевскія пѣсни. Поклоненіе Лялѣ въ иныхъ мѣстахъ переносится на Троицу ³⁾. Заклинанія и встрѣча весны производятся и 1-го марта ⁴⁾. Ключникомъ, отпирающимъ землю, называется и евангелистъ Маркъ (25-го апрѣля); свойства Юрьевской росы раздѣляетъ

¹⁾ Аполлонъ въ то же время *Λύκος* и *Λυκότροπος*; по тому же закону, проявляющемуся въ другой области, хортъ — собака получила значеніе волка. Оттого же волкъ, созданный чертомъ (по албанскимъ и восточнымъ преданіямъ *Аванасевъ*, П. В., I, 731), употребляется Богомъ, какъ его охотничья собака (*Grimm*, *Mythol.*, 634), мало того: волки оказываются врагами чертей и вѣдять ихъ (Труды этн. эксп., I, 51).

²⁾ *Paah*: *Sagwissensch. Studien*, Jena, 1876, стр. 445.

³⁾ *Ляля*, какъ существо женское и очерченное крайне неопредѣленно, не передава Егорью ничего, следовательно, до насъ непосредственно не касается; но чрезвычайно любопытно было бы собрать для ея опредѣленія побольше данныхъ и по возможности рѣшить вопросъ: есть ли это мифологическая древняя фигура или произведеніе новѣйшей символики. Фантазеръ мифологъ Древліанскій въ *Прибавленіяхъ къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1846 г. называетъ и описываетъ соответствующія ей фигуры для другихъ временъ года: *Жыцень* (осень), *Зюзя* (зима), *Целя* (лѣто). Не знаю, существуютъ ли на самомъ дѣлѣ такія фигуры въ представленіи Бѣлоруссовъ; если существуютъ, онѣ очевидно произведенія новѣйшаго времени.

⁴⁾ *Аванасевъ*, П. В., III, гл. XXVIII.

Крещенская вода и Купальская роса; кромѣ того, представленія объ отмываніи земли и чудесныхъ свойствахъ воды иногда являются не христианизированными и приурочиваются не къ извѣстному дню, а къ первому дождю или первой грозѣ: въ Литвѣ до сихъ поръ есть повѣрье, что трава не растетъ до первой грозы ¹⁾; Русскіе спѣшатъ умываться при первомъ ударѣ; дѣвицы умываются первымъ дождемъ или водою съ серебра и золота.

Связь Егорья съ громомъ и молніей, очевидно, не исконная, но легко понятная; какъ время празднованія, близкое къ первой грозѣ, такъ и художественное преданіе представляютъ для нея достаточно основаній.

Можно ли на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ сказать, какое языческое божество замѣнилъ собою Георгій? Г. Ефименко ²⁾ именно на основаніи данныхъ праздника доказываетъ, что Георгій замѣнилъ языческаго бога Ярилу. Не считаю нужнымъ повторять его доводовъ, такъ какъ статья его еще у всѣхъ въ памяти и помѣщена въ изданіи всѣмъ доступномъ; но позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

О изображеніи Ярилы въ видѣ молодого человѣка и о празднованія ему въ концѣ апрѣля (27-го числа, г. Ефименко въ скобкахъ ставитъ 23-го), г. Ефименко узнаетъ только изъ статьи г. Древлинскаго (Прибавленія къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1846). Я едва ли приму на себя большую отвѣтственность, если скажу, что факты, приводимые въ этой статьѣ, не заслуживаютъ довѣрія.

Ходъ мыслей ея автора весьма странный: онъ на первыхъ же порахъ заявляетъ, что народныя вѣрованія въ настоящемъ видѣ своемъ могли сохраниться только въ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему мѣстахъ (стр. 4). Ему кажется, что онъ знаетъ „истыя“ вѣрованія древнихъ Русскихъ Славянъ, и онъ желаетъ сличить съ ними преданія бѣлорусцевъ о различныхъ божествахъ. Такихъ божествъ авторъ знаетъ не мало: баганъ (вѣр. бог — анъ), бѣлунъ съ сумою денегъ на носу; Вавкалака, по догадкѣ автора тоже самое, что Ликаонъ, Ваструха, по увѣренію автора, то же, что Астрея — богиня правды и цѣломудрія; весь культъ Ваструхи ограничивается одною поговоркой — „бачишь якъ бы Ваструха“, то-есть, по объясненію

¹⁾ Моск. Унив. Изв. 1871 г., № 9 стр. 457.

²⁾ Зап. Георг. Общ. по отд. этногр., II, 79 и слѣд.

Древлянскаго, " видишь какъ будто цѣломудренная, справедливая "; „Дзѣва, Дзѣдка—что-то похожее на Дажбога“, Зорка, Калида ¹⁾, Кунала, Ладо, Леліо, Пагода, Церунъ, Расамаха („какой-то грозный духъ, не то ли же, что у Славянъ Чернобогъ“?), Чуръ-богъ, Яга-баба, Цмокъ и многіе другіе; между прочимъ и Ярило. Про послѣдняго Древлянскій говоритъ: „онъ — молодъ, красивъ, развѣзжаетъ на бѣломъ конѣ; на головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ; въ правой рукѣ держитъ онъ человѣческую голову, а въ лѣвой маленькій снопокъ ржаныхъ колосевъ: ноги у него босыя“. Немного ниже говоритъ онъ, что дѣвицу, избранную Ярилой, одѣваютъ точно также, какъ они представляютъ Ярилу, и сажаютъ на бѣлаго коня. Какъ точно также? Ужели ей даютъ въ руки человѣческую голову?

Можно ли основывать выводы на показаніяхъ такого собирателя народныхъ преданій, претворяющаго росомаху въ Чернобога? А между тѣмъ все, что говоритъ г. Ефименко о весеннемъ праздникѣ Ярилы въ началѣ весны, о праздникѣ возрожденія Ярилы, какъ его называетъ г. Ефименко, основано на словахъ Древлянскаго; по указаніямъ другихъ, праздникъ носитъ шутовской, фаллическій характеръ, и герой его не имѣетъ ничего общаго съ Егорьемъ.

Другое основаніе сближенія — лингвистическое: имя Юрья по мнѣнію г. Ефименка въ связи съ корнемъ яр, отъ котораго происходитъ и Ярило ²⁾. Но не говоря уже про общую слабость всѣхъ чисто корневыхъ сближеній, въ данномъ случаѣ это орудіе обоюдострое: Юрій есть фонетически законное упрощеніе формы Гюргій, въ какой имя Георгія встрѣчается часто въ лѣтописяхъ. Изъ его имени подъ вліяніемъ корня яр—ярый не могло ли возникнуть имя символической фигуры, удержавшей отъ своего первообраза бѣлаго коня?

¹⁾ Не удивительно, что миеологъ 40-хъ годовъ признаетъ Калиду — «божествомъ радости и веселья»; но удивительно, что и въ наше время находятся люди, заставляющіе Славянъ боготворить Календы, тогда какъ именно на этомъ примѣрѣ всего яснѣе можно видѣть, какъ опасно иногда довѣрять поговоркамъ, и пѣснямъ, какъ легко поэтическое олицетвореніе принять за остатокъ глубокой чутъ не арійской древности.

²⁾ Отъ того же корня г. Ефименко выводитъ названіе другаго «божества» — Ирѣя или *Вырѣя*, то-есть, стороны вѣчной весны, куда отлетаютъ на зиму птицы Ирій и Вырій, какъ уже указалъ проф. Котляревскій (О погреб. и пр., 196) только нѣки лингвистическія формы слова *рай*, происхожденіе котораго, если не ошибаюсь, остается неизвѣстнымъ.

Третье основаніе для сближенія Егорья и Ярилы г. Ефименко находитъ въ связи того и другаго съ лошадыю-символомъ солнца. Но самъ авторъ долженъ признать (стр. 97), что 23-го апрѣля конскимъ праздникомъ оказывается въ очень не многихъ мѣстахъ, и что лошадиный праздникъ почти повсемѣстно приурочивается къ 18-му августа, къ Фролу и Лавру. Егорій, дѣйствительно, всегда изображается всадникомъ, но это вліяніе церковнаго преданія; что же касается до отождествленія Егорья съ конемъ (стр. 90), то оно существуетъ только въ воображеніи автора; въ пѣсни Юрья не приложеніе къ коникъ, а род. принадлежности. Связь Ярилы съ конемъ тоже довольно слаба; изъ массы мѣстныхъ обрядовъ только въ двухъ случаяхъ проводяемая весна изображается въ видѣ лошади (стр. 86 и 87), да и въ нихъ лошадь „съ грубыми атрибутами“ явилась, можетъ быть, подъ вліяніемъ фаллическаго культа.

И такъ, Ярило, на мой взглядъ, не можетъ удовлетворительно объяснить Егорья; Перунъ—г. К-скаго и Дажбогъ г. Барсова рѣшительно ни на чемъ не основаны ¹⁾.

Карлъ Гауптъ ²⁾ безъ свяенхъ колебаній и оговорокъ высказываетъ убѣжденіе, что св. Георгій есть никто иное, какъ христианизованный Святovitъ (Swantewit—heil. Licht, какъ говоритъ онъ). Онъ приводитъ для этого два основанія: во первыхъ драконъ, по его мнѣнію, „есть ничто иное, какъ маска Чернобога“, и Лужичане до сихъ поръ вмѣсто Чернобога или (?) черта употребляютъ слова trach, strach (?) или drak. Въ вторыхъ, въ Прагѣ на Градчинѣ „на мѣстѣ древняго храма Свантевита поставили не только соборъ св. Вита, но и церковь въ честь св. Георга“.

Основанія очень слабы. Спеціальнѣйшій врагъ Чернобога—Бѣлбогъ, который если и составлялъ когда-нибудь одно цѣлое съ Святovitомъ, то скоро отдѣлился отъ него, и тогда Святovitъ получилъ спеціальное значеніе грозоваго божества (Афанасьевъ, II. В., I, 95 и др.); фигура четырехголоватаго, бородатаго Святовита не имѣетъ съ Георгіемъ ничего общаго, а его осенній послѣжатвенный праздникъ далекъ отъ 23-го апрѣля. Отождествленіе дракона съ чертомъ весьма понятно и истекаетъ главнымъ образомъ изъ церковнаго преданія, но я позволяю себѣ усумниться въ томъ, чтобы современные Лужичане знали

¹⁾ Но еслибы пришлось выбирать между Перуномъ и Дажбогомъ, разумѣется преимущество надо отдать послѣднему.

²⁾ *Neues Laus. Magazin* 1860, стр. 159 и слѣд.

Чернобога. Относительно храма въ Прагѣ самъ Гауптъ долженъ сознаться, что на смѣну Святовиту явился св. Витъ. Главный же доводъ, по моему мнѣнію, положительно уничтожающій значеніе конъектуры Гаупта для уясненія Георгія, тотъ, что юго-восточные Славяне, у которыхъ Георгій особенно ународился, совсѣмъ не знали Святовита.

Въ замѣнъ этихъ плохо обоснованныхъ или вполнѣ произвольныхъ конъектуръ я не могу представить ничего положительнаго и предлагаю до времени довольствоваться слишкомъ общимъ, безымяннымъ выводомъ: ¹⁾ св. Георгій, быстро популяризировавшійся на Руси ²⁾, благодаря условіямъ, указаннымъ въ началѣ главы, сталъ богомъ весны, покровителемъ земледѣлія, и особенно скотоводства, и при этомъ притянулъ къ себѣ черты, вѣроятно, нѣсколькихъ свѣтлыхъ и благодѣтельныхъ челоуѣчеству божествъ, которыхъ мы точнѣе опредѣлить не въ состояніи.

Почти навѣрно можно сказать, что Егорьевъ день—праздникъ солнечный; потому и начало празднованія предшествуетъ выходу солнца, и потому немногіе остатки мѣоовъ про солнце приурочиваются къ Юрьеву дню ³⁾. Отъ солнца Егорій получаетъ значеніе судьбы, раздавателя счастья (см. Афанасьевъ, II. В., I, 67), и солнце же закрѣпило его связь съ волками. Какъ по тождеству съ солнцемъ, такъ и по связи съ скотоводствомъ, Егорій совершенно соотвѣтствуетъ литов-

¹⁾ Такъ какъ нѣмецкая мѣология представляетъ несравненно болѣе достовѣрныхъ фактовъ и несравненно лучше разработана, нѣмецкіе мѣологи въ состояніи указать и назвать ту мѣологическую фигуру, поклоненіе которой *отчасти* замѣнялось культомъ Георгія: это—Одинъ, помощникъ и предводитель въ сраженіи, воинъ, сидящій на бѣломъ конѣ и сопровождаемый волками, дающій кольчугу побѣды, которой въ эпосѣ соотвѣтствуетъ St. Iörgenhemd (ср. I. Wolf: Beitrage 1, 54; II, 100 и др.). Но и отъ нѣмецкихъ ученыхъ въ подобныхъ случаяхъ нельзя требовать большой точности и строгости: вопервыхъ древній богъ передавалъ свои черты не одному христіанскому святому, а многимъ: того же Одина видятъ и въ св. Мартинѣ (Wolf, *ibid.* 39), и въ арх. Михайлѣ (*ibid.* 32), и воторыхъ, въ томъ же Георгіѣ видятъ отраженіе Тира, Ziu, нѣмецкаго бога войны (см. Rupp: Aus der Vorzeit Reutlingens, 2 Ausg., стр. 44 и слѣд. Ср. Wolf 1, 131).

²⁾ Уже Софійская летопись подъ 1471 г. называетъ его не по книжному, а по народному *Егорьмъ Храбрымъ*.

³⁾ *Крехъ* (Einleitung etc., стр. 325 и слѣд.) приводитъ болгарскую и словенско-кرواتскую пѣсню о сватовствѣ бога солнца за Гроздянку (Насту у Кرواتовъ); богъ солнца спускается за невѣстой колмбелъ именно въ Юрьевъ день.

скому Гониклинесу или Гониглису ¹⁾, въ честь котораго поютъ такую пѣсню:

Гониклинесъ божекъ,
 Наси мою корову,
 Наси мою телку.
 Не пускай вора волка.
 Пасу, пасу овцу;
 Тебя, волкъ, не боюсь,
 Ибо солнцевласый (saulinejis)
 Богъ тебя не пуситъ.
 Ладо, ладо солнце,
 Дай ему щелчекъ по головѣ ²⁾.

¹⁾ Если только собиратели вѣрно поняли и записали пѣсню. См. Черты изъ ист. и жизни лит. народа стр. 130. и у Нарбута, I, 303—4.

²⁾ Этого Гониглиса г. Ефименко, по примѣру другихъ, объединяетъ не только съ Егорьемъ и Ярилой, но и съ Геннилемъ языческихъ Соравовъ, и въ изложеніи г. Ефименки дѣло очень похоже на правду. Привожу его слова, какъ примѣръ того, на сколько въ современной мифологической наукѣ принимаетъ участіе творчество. Г. Ефименко говоритъ: «У древнихъ Соравовъ, по свидѣтельству Дитмара, осенью, при выгонѣ скота въ первый разъ на подножный кормъ существовалъ такой обычай: по цѣлому селенію отъ двора до двора носили палку, имѣвшую рукоятку въ видѣ руки, держащей желѣзный шаръ. Обносившій ее вмѣстѣ съ пастухомъ вступалъ въ избу и вскрикивалъ; Генниль, бди! *Вся думали, что эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ*». Не ясно ли отсюда выводъ, что Егорій только замѣна Генниля, что Егорьевъ день есть Геннилевъ день, что изслѣдователи должны сосредоточить все свои усилія на точнѣйшемъ опредѣленіи этого Генниля? Г. Ефименко не ссылается въ данномъ случаѣ на источникъ, на самого Дитмара, а только на пособія: *Лелевелл*: Polska wieków srednich. Poznań. 1855, I, стр. 417, и *Н. И. Костомарова*: Слав. мифология, стр. 77. У Лелевели въ указанномъ мѣстѣ мы читаемъ: «U Sorabów gdzieś w bliskości Silivelum (Selben blisko Delitsch) obnoszono po wsiach od chaty do chaty na kiję rękę trzymającą kolo (не шаръ) żelazne, obnoszący ją wraz z pastuchą wsi, wchodząc do chaty, wykrzykiwał: strzeż, Hennil, strzeż! Vigila, Hennil, vigila! (gonił? od pogonu) co miało zabezpieczać zabierających się do posiłku (Ditmar VIII, 4). Wprowadzać wykrzyk ten w rząd jestestw wyżej wymienionych zdaje się byłoby zbytесне». Такимъ образомъ Лелевелл ничего не говоритъ ни о времени, когда совершалось обнесеніе палки, ни о волкахъ, будто бы отгоняемыхъ ею. Напротивъ того, изъ его словъ ясно видно, что палка охраняла не стадо, а пирующихъ. Г. Костомаровъ, і. с., ближе къ г. Ефименкѣ: «Дитмаръ говоритъ, что у Славянъ осенью былъ такой обычай: пастухъ ходилъ по дворамъ съ палкою, которой рукоятка изображала руку, держащую желѣзный шаръ. Пастухъ кричалъ: Гонило, стережи! и все думали, что *эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ*. См. Ditm. Chr. Dzieje Nar. lit. I, 303» (на стр. 303 у Нарбута ничего нѣтъ о Генниль, а на 110, безъ ссылки на Дитмара, пересказываются, кажется, его слова,

IV.

Другой рядъ данныхъ для опредѣленія двоевѣрной фигуры Егорія представляютъ духовные стихи, воспѣвающіе его подвиги.

Эти стихи рѣзко распадаются на двѣ группы; стихи первой и большей группы воспѣваютъ мученіе Егорія, его освобожденіе и подвиги; стихи второй и меньшей группы излагаютъ только его чудо о змѣи и о дѣвицѣ. Сперва займемся первою группою.

Къ ней относятся 22 стиха, собранные изъ устъ пѣвцевъ: 2 помѣщены у Варенцова (стр. 95 и 100), 16 у Безсопова (№№ 98, 99, 100, 101 (ср. Варенцовъ, стр. 100), 102, 103, 104, 106, 107 (ср. Варенцовъ, стр. 95), 108, 110 (безъ конца), 111, 112, 113 (безъ конца), 114 (безъ конца), 115), у Сахарова одинъ, подвергшійся, по видимому, тенденціозной передѣлкѣ и урѣзкамъ, у Якушкина 2 (№№ 15 и 16), въ Олон. Губ. Вѣд. одинъ 1867 № 13 (безъ конца); у Аванасьева въ Легендахъ стр. 132 напечатанъ прозаическій пересказъ и одинъ стихъ (ср. Безсопова № 108) Отличія этихъ стиховъ довольно крупны; но въ то же время всѣ они сводятся къ одной поэтической схемѣ, которой мы напрасно стали бы искать въ книжномъ источникѣ. Чтò изъ этого слѣдуетъ? Очевидно, всѣ нынѣ расцѣвляемые стихи вышли изъ одного древняго стиха, который подъ вліяніемъ времени и возобновляемаго литературнаго преданія принялъ довольно разнообразныя формы. И такъ, это не самостоятельныя стихи, а варианты одного стиха.

но съ крайне фантастическими добавленіями). И такъ, г. Ефименко отъ себя прибавилъ точнѣйшее указаніе времени: *при первомъ выгонѣ скота на подможскій кормъ*, прибавилъ, очевидно, потому, что думалъ о Юрьевомъ днѣ; въ остальномъ же онъ слѣдовалъ г. Костомарову. Теперь спрашивается: кто же вѣрнѣе передалъ слова источника: Делевель или г. Костомаровъ? У Дитмара (Thitmarî Chron. Pertz VII, стр. 858; VII, 50) читаемъ: «*Audivi de quodam baculo, in cujus summitate manus erat unum in se ferreum tenens circulum, quod cum pastore illius villae, in quo is fuerat, per omnes domos has singulariter ductus in primo introitu a portitore suo (очевидно = pastore) sic salutaretur: vigila, Hennial, vigila! sic enim rustica vocabatur lingua, et epulantes ibi delicate de ejusdem se tueri custodia stulti autumabant, ignorantes illud Daviticum: simulacra gentium etc.* И такъ, Делевель только перевелъ Дитмара, хотя и не совсѣмъ вѣрно, а г. Костомаровъ прибавилъ отъ себя указаніе на несну, на отношеніе Генниля къ стадамъ и волкамъ. Такимъ образомъ въ новѣйшее время создаются мифы!

Чтобы съ возможно большею степенью вѣроятности опредѣлить содержаніе этого начальнаго стиха, мы должны выдѣлить изъ вариантовъ тѣ черты, которыя встрѣчаются въ большей части ихъ, и необходимость которыхъ обуславливается полнотой содержанія стиха. Они суть слѣдующіе:

1) Опредѣленіе времени событія; годъ опредѣляется такимъ образомъ: въ 6-мъ году 7-й тысячи (№ 99 и др.), въ 7-мъ году 8-й тысячи (№ 100 и др.), въ 6-мъ году 8-й тысячи. Нѣтъ надобности говорить, что ни одна изъ этихъ датъ не имѣетъ отношенія къ житію Георгія, такъ какъ самая ранняя изъ нихъ на 200 лѣтъ позже Діоклетіанова гоненія; тѣмъ не менѣе указаніе датъ можно смѣло отнести къ начальному стиху: этотъ приемъ совершенно чуждъ пѣвцамъ.

2) Вездѣ ¹⁾, гдѣ только упоминается отецъ Егорія, онъ называется Ѳеодоромъ, въ 4-хъ вариантахъ (Безс. №№ 98, 99, 103, 106) даютъ ему ближайшее опредѣленіе, называя его Ѳеодоромъ Стратилатомъ (Стратилаторомъ, Стрелелатомъ). Такое единогласіе слѣдуетъ тоже отнести на счетъ начальнаго стиха, авторъ котораго пожелалъ поставить въ гнестическую связь двухъ извѣстныхъ ему змѣубійцъ. Вѣроятнѣе предположить, что въ этомъ начальномъ стихѣ Ѳеодоръ имѣлъ при себѣ ближайшее опредѣленіе Стратилатора, которое было исковеркано или выброшено пѣвцами.

3) Давъ Егорію неизвѣстнаго намъ по его житію отца, стихъ далъ ему и мать: Софію Премудрую, то-есть, Софію Премудрость Божию, которой предоставлена довольно видная роль: ее встрѣчаетъ Егорій по выходѣ изъ рва и у ней беретъ благословеніе отмстить мучителю; въ нѣкоторыхъ вариантахъ она же указываетъ ему, какъ добыть оружіе.

4) У Егорія оказываются сестры ²⁾, которыя, убоившись смерти, покинули вѣру христіанскую.

5) Мѣсто рожденія Егорія и названіе страны, откуда явился врагъ-мучитель, равно какъ и другія географическія указанія, если не об-

¹⁾ Исключеніе составляетъ *Безс.* № 115, гдѣ отецъ Егорія называется Анохриемъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ Говорія въ стихѣ объ Алексѣѣ или Эноха страшнаго суда.

²⁾ Сестеръ нѣтъ въ 107 и у *Якушк.*, XVII; въ последнемъ случаѣ пѣвецъ, очевидно, забылъ о нихъ, такъ какъ въ началѣ стиха поминаетъ трехъ отроковъ (то-есть, трехъ дѣтей). У *Якушкима* XV ихъ замѣняютъ двѣ русскія поляночки.

ходятся молчаніемъ, сильно разнообразятся по вариантамъ ¹⁾. Однако все это разнообразіе сводится главнымъ образомъ или въ Иерусалиму, или къ Чернигову. Приуроченіе къ Иерусалиму очень понятно и должно быть отнесено на счетъ автора стиха: святой является сыномъ царя святаго города; кромѣ того, авторъ изъ литературнаго житія могъ почерпнуть смутное представленіе о святой землѣ, какъ о мѣстѣ мученія Георгія. Откуда же взялся такъ часто упоминаемый Черниговъ? Я объясняю это себѣ такимъ образомъ:

Авторъ стиха немного ниже заставляетъ Егорія выходить на святую Русь. Самостоятельный пѣвецъ - передѣльватель, не знавшій житія, стремился сгладить это противорѣчіе и переноситъ на Русь и самое мученіе. Мѣстомъ рожденія Егорія онъ избралъ Черниговъ, а не другою городъ, думаю, подъ вліяніемъ смутнаго воспоминавія о Михаилѣ Черниговскомъ и его бояринѣ Феодорѣ (ср. отца Егорія), замученныхъ Татарами.

6) Изъ 20 вариантовъ въ 11 встрѣчается описаніе наружности Егорія:

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,

¹⁾ № 98: туча, освобождающая Егорія, поднимается изъ за города Иерусалима; № 99: Богородица является отъ Кіева, а мать Егорій находитъ въ Черниградѣ, сестеръ посылаетъ въ Иорданъ рѣку, а Демьянище живетъ въ Кіевѣ; № 100: Богородица является отъ Кіева, Демьянище живетъ тамъ же; № 101: Егорій родится въ Иерусалимѣ, сестры его купаются въ Иорданѣ; № 102: Егорій находитъ мать въ Иерусалимѣ, сестеръ посылаетъ въ Иорданъ; № 103: Егорій живетъ, въ Иерусалимѣ, тамъ же находитъ и мать свою; сестры купаются въ Иорданѣ; герой проѣзжаетъ въ Кіевъ черезъ ворота Херсонскія; № 104: Егорій родится въ Черниговѣ и тамъ же находитъ свою мать; сестеръ посылаетъ онъ въ Иерусалимъ, на Иорданъ; птицу встрѣчаетъ на вратахъ Сибирскихъ; № 106: Богородица является изъ Чернигова; тамъ же Георгій находитъ мать; сестеръ посылаетъ въ Иорданъ; Демьянъ и Себриція ворота находятся въ Кіевѣ. № 107 не даетъ никакихъ географическихъ указаній; № 108: Егорій родится въ Иерусалимѣ; его освобождаютъ вѣтры, поднявшіеся съ Руси, мать онъ находитъ въ Иерусалимѣ; сестеръ посылаетъ въ Иорданъ; № 110 не даетъ указаній; № 111: Егорій и Демьянище живутъ въ Виедеемѣ (Хлеемѣ); сестеръ Егорій посылаетъ на Иорданъ; №№ 112, 113 и 114 не даютъ указаній; № 115: Егорій находитъ мать въ Черниговѣ; Демьянище живетъ въ землѣ Латынской; Вар. стр. 95: Егорій родится въ Черниговѣ; стр. 100: Егорій родится въ Иерусалимѣ, сестеръ посылаетъ въ Иорданъ; Дектіанище царствуетъ въ Вавилонѣ; *Якушкинъ*, № XV: Егорій родится въ Черниговѣ; № XVI: туча выходитъ изъ города Иерусалима; сестеръ Егорій посылаетъ на Кіянъ-море; № XVII: Диклітианище поднимается изъ города Китаева; Егорій отправляется въ Иерусалимъ градъ.

По локоть руки въ красномъ золотѣ
Голова его вся жемчужная.

Вмѣсто послѣдняго стиха болѣе подробныя указанія:

Во лбу то солнце, въ тылу то мѣсяць,
По косицамъ звѣзды переходя (Вар. 95).

Съ одинаковымъ удобствомъ это обычное описаніе красоты можно отнести на счетъ автора стиха и на счетъ пѣвцовъ; источникомъ его въ одинаковой мѣрѣ могли служить и иконописцы, и поэтическія чисто-народныя представленія ¹⁾.

7) Демьянице (осмысленный и передѣланный для укладыванія въ стихъ Діоклетіанище) нападаетъ на царство отца Егорія, самого царя убиваетъ, а дѣтей его беретъ съ собою. Гибель отца Егорія сохранилась въ меньшей части вариантовъ ²⁾, но нѣтъ основанія думать, чтобъ она была прибавлена пѣвцами, которые могли знать только подвигъ Θεодора; напротивъ того, болѣе книжный авторъ стиха долженъ былъ знать мученіе Θεодора.

8) Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе мукъ Егорія, которое довольно значительно разнится по вариантамъ. Въ самыхъ краткихъ число мукъ, если исключить заключеніе въ погребъ или яму, ограничивается тремя:—топоры, пилы и смола; въ другихъ (Безс., № 104, Вар., стр. 100) прибавляются сапоги, гвозди, по которымъ водить Егорія, колесо, которымъ его вертятъ и которое въ заключеніе ломается въ щепы, и вода, куда бросаютъ Егорія. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ (Безс., 107, 115) заранѣе указывается число мукъ 12; однако пѣвецъ не въ состояніи перечислить ихъ.

9) Во всѣхъ безъ исключенія вариантахъ мучитель, видя неэффективность своихъ мѣръ противъ Егорья, велитъ посадить его въ погребъ и засыпать пескомъ, послѣ чего онъ высказываетъ увѣренность, что Егорью уже „не бывать на святую Русь“. Время, которое Егорій проводитъ подъ землею, или не опредѣляется вовсе, или опредѣляется тремя или 33 годами; три года—цифра начальнаго стиха, происходящая отъ трехдневнаго пребыванія во рву.

10) Освобожденный высшею волей (очень часто Богордицей) изъ

¹⁾ Стихи Якушкина XVI, и Безсонова № 104, въ которыхъ у Егорія „волосы какъ ковыль трава“, очевидно, заимствовали эту черту изъ второй половины стиха, гдѣ описывается не красота, а безобразіе сестеръ Егорія.

²⁾ Безсоновъ, №№ 101, 107, 114; Вар. 95; Якушкинъ, XV—XVII, Легенда Ас.

рва ¹⁾, Егорій отправляется къ себѣ на родину, тамъ все разорено и опустошено; только стоитъ соборный храмъ, гдѣ молится мать его Софія. Принявъ отъ нея благословеніе, Егорій отправляется мстить мучителю и убійцѣ отца; по дорогѣ онъ долженъ преодолѣть препятствія. Вотъ они по вариантамъ. Горы: Безсоновъ, №№ 98, 99, 100, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 110, 111, 115; Якушкинъ, XV, XVI; Варенцовъ, стр. 95, 100. Лѣса: Безсоновъ, №№ 99, 100, 101, 103, 104, 106, 108, 110, 111, 115. Якушкинъ, XV, XVI; Варенцовъ, стр. 95, 100. Рѣка или рѣки: Безсоновъ, №№ 101, 107 (р. огненная); 115; Якушкинъ, XV; Варенцовъ, стр. 95 (рѣка огненная). Волки или звѣри: Безсоновъ, №№ 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 111, 115; Якушкинъ, XVI, XVII; Варенцовъ, стр. 100. Стадо змѣиное: Безсоновъ, №№ 98, 99 (?), 108, 111 (?), 115; Варенцовъ, 100. Змѣя: Безсоновъ, №№ 99, 100, 106; Якушкинъ, XV, XVII; Варенцовъ, 95. Птица: Безсоновъ, №№ 99, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107 (птицы клевучія), 108; Якушкинъ, XV, XVI; Варенцовъ, 95.

Изъ этого видно, что наибольшую степень вѣроятности принадлежести къ начальному стиху имѣютъ горы толкучія; ихъ нѣтъ только въ двухъ вариантахъ, которые другими пунктами выдають дѣятельную руку грамотника, не заботившагося о сохраненіи традиціи. Такъ у Безс. въ № 101 мучитель сажаетъ Федора въ столпъ, а у Якушк. XVII поминается Давыдовъ домъ и волковъ посылаетъ Диклитіанище. Изъ пятнадцати случаевъ въ десяти Егорій дѣйствуетъ на горы обѣщаніемъ построить на нихъ церковь соборную, изъ пяти остальныхъ въ трехъ онъ увѣщаетъ ихъ не вѣровать врагу. Этому обстоятельству нельзя не придавать значенія: оно показываетъ, что авторъ начального стиха понималъ Егорія исключительно какъ лице христіанское. Почти также часто (12 разъ) встрѣчаются и лѣса, которыми Егорій въ 8 вариантахъ обѣщаетъ воспользоваться для построенія церкви; въ виду параллелизма надо предполагать, что въ другихъ вариантахъ это обѣщаніе выпало. Волки или дикіе звѣри также принадлежатъ, по всей вѣроятности, начальному стиху; ихъ разгоняетъ Егорій своимъ могучимъ словомъ. Одинъ змѣй, съ которымъ пришлось биться Егорію, или стадо змѣиное, пасомое его сестрами, было въ начальномъ стихѣ? Вѣроятнѣе послѣднее, такъ какъ упо-

¹⁾ Нѣкоторые вар. (№№ 112, 113 и 114) заканчиваютъ стихъ этимъ освободеніемъ.

добленіе мучителя змѣю слѣдуетъ считать не за поэтическое украшеніе, а за отраженіе церковнаго преданія; битва же съ змѣемъ, поминаемая здѣсь, явилась бы ненужнымъ дубликатомъ. Рѣки или рѣка огненная встрѣчаются въ такомъ незначительномъ числѣ вариантовъ, что отнести ихъ къ числу препятствій начальнаго стиха, нѣтъ основанія.

Въ семи вариантахъ на воротахъ Себринскихъ ¹⁾ передъ дворцомъ мучителя сидитъ Нога птица (Астрахтирь и пр.) и держитъ въ когтяхъ осетра-рыбу (Сетру, Шатры).

Въ № 99 Егорій говоритъ ей:

Полети ты, птица, во сине море,
Дѣтей води на каменяхъ.

Въ № 100 къ этому прибавляется:

Будешь сыта безъ эстаго.

Въ № 101 нѣтъ рыбы, и Егорій приказываетъ Стратимъ-птицѣ ѣсть и дѣтей водить на Океанъ-морѣ; въ № 103 онъ говоритъ птицѣ:

Пей ты, ѣшь изъ синя моря,
Богу молись за сине море.

У Варенцова стр. 95 Егорій говоритъ безъимянной птицѣ:

Ты хватай поганыхъ Татаровей.

У Якушкина № XVI:

На вратахъ сидитъ Великанъ птица,
Въ носѣ держитъ Севру рыбу.
*Когда Севръ рыба поворотится,
Всѣ синія моря воскомянутся.*

Егорій говоритъ:

Ходи же ты, рыба, по синемъ морѣ;
Ходи же ты, птица, крутымъ берегомъ.
Питайся же, птица, бѣлой рыбицей.

При сличеніи всѣхъ этихъ вариантовъ съ известнымъ мѣстомъ Голубиной книги ²⁾ становится очевиднымъ, что образъ этотъ въ стихѣ

¹⁾ Варианты: Себрицкихъ, Симбирскихъ, Херсонскихъ, Кесарейскихъ.

²⁾ *Безсоновъ*, II, 369, сводный текстъ:

Астрафиль птица—всѣмъ птицамъ мать;
Что живетъ та птица на синемъ морѣ,
И живетъ на бѣломъ камени;
Она пьетъ и ѣсть на синемъ морѣ,
Она плодъ плодитъ на синемъ морѣ
И Богу молится за сине море.

о Егорѣ возникъ подъ вліаніемъ Голубиной книги; точнѣе сказать, это интерполяція стиха о Егоріи посредствомъ Голубиной книги. Рѣзко отличающійся вариантъ Якушкина № XVI, гдѣ главный интересъ сосредоточивается на рыбѣ, взятъ изъ другаго мѣста того же стиха ¹⁾.

Когда китъ-рыба потронуется,
Все спне море восколыхнется.

Названіе птицы Ногою объясняется, какъ извѣстно, южнославянскимъ названіемъ страуса; форма: Черногарь или Черногонъ, можетъ быть, явилась подъ вліаніемъ Чернигова.

И такъ, это интерполяція одного изъ пѣвцовъ, но интерполяція не бессмысленная. Внесшій этотъ украшающій эпизодъ имѣлъ определенное воззрѣніе, которое Ѡ. И. Буслевъ уже давно опредѣлилъ какъ воззрѣніе художественное: ему предносилось какое-то украшеніе романскаго стиля. Точнѣе опредѣлить источникъ я, къ сожалѣнію, не въ состояніи.

Что касается до имени рыбы, то общій принципъ критики заставляетъ непонятное пѣвцу названіе считать болѣе близкимъ къ подлинному: Шатры яснѣе отражаетъ какое-то мнѣ непонятное имя рыбы, чѣмъ осетръ.

Птицы клевучія—нагайцины и тѣ варианты, гдѣ птица является безъ рыбы и безъ имени, представляютъ ослабленіе и измѣненіе той же интерполяціи.

11) За исключеніемъ весьма немногихъ вариантовъ, Егорій по дорогѣ къ мучителю встрѣчаетъ своихъ сестеръ, увезенныхъ Демьяницею въ его землю. Онѣ оказываются чужды Егорію и христіанству, по вышнее выраженіе степени ихъ отчужденности различно: въ нѣкоторыхъ вариантахъ (Безс., 104 и 108) онѣ „набрались духу нечистаго“; чаще же онѣ обросли „еловой корою“ и волоса ихъ „какъ ковыль трава“, или онѣ обросли шерстью (Як. XVI); въ немногихъ вариантахъ онѣ вполне измѣнились и шипятъ на Егоріа, являясь такимъ образомъ въ числѣ препятствій, преграждающихъ ему путь; вездѣ онѣ пасутъ стадо змѣиное или звѣриное; только въ № 101 онѣ выходятъ изъ палатъ царя въ платьѣ латынскомъ; въ этомъ вариантѣ ихъ исторія разказана и въ другихъ отношеніяхъ иначе: Егорій встрѣчается съ ними, уже убивъ царя.

12) Стихъ во всѣхъ полныхъ вариантахъ оканчивается казнью му-

¹⁾ См. *ibid.*, стр. 368.

чителя, которая изображается въ довольно разнообразныхъ чертахъ. У Безс., въ №№ 98, 99, 100, 104, 106, 111, 115, Як. XVI, мучитель, застигнутый Егоріемъ, умоляетъ его даровать ему жизнь хоть на время и обѣщаетъ увѣрять. Егорій, забывъ христіанскій принципъ всепрощенія, не соглашается на отсрочку. У Вар. стр. 100 мучитель отождествляется съ змѣемъ, и Егорій ни въ какіе съ нимъ переговоры не входитъ. У Як. XVI:

Возговоритъ Егорій царю Диклѣтианцу:

«Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую?»

Ты состроишь ли въ своемъ градѣ три церкви соборныя?

Диоклѣтианще царь нашему богу не вѣровалъ.

Выше было замѣчено, что этотъ вариантъ принадлежитъ какому-то книжнику, который иногда самостоятельно возвращалъ стихъ къ его литературному источнику.

У Безс. въ №№ 98, 108, 101 и Вар. стр. 110, Егорій убиваетъ мучителя стрѣлой, въ №№ 99 и 104—палицей, которой онъ предварительно разрушаетъ царскія палаты, въ № 102 и Як. XVII — мечемъ, въ № 107 онъ вѣшаетъ его живаго и всякій день велитъ вытягивать изъ него по жилочкѣ. Это большое разнообразіе, по видимому, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи ближайшихъ указавій въ начальномъ стихѣ.

Потопъ отъ крови змѣя я не могу отнести къ числу чертъ первоначальнаго стиха уже по одному тому, что онъ встрѣчается только въ трехъ вариантахъ: Безс. № 108, Вар. стр. 100, и Безс. № 101, да и то въ послѣднемъ случаѣ онъ поставленъ не тамъ, гдѣ въ двухъ первыхъ: не послѣ окончательной побѣды, а послѣ того, какъ Егорій изрубилъ змѣиное стадо. Потопъ заимствованъ, по видимому, изъ стиха о Феодорѣ, гдѣ черта эта можетъ быть объяснена литературнымъ источникомъ (см. Ж. М. Н. Пр., 1877, октябрь, стр. 145) и встрѣчается во всѣхъ вариантахъ (въ вар. къ № 125 Безс. даже въ дублетѣ¹⁾).

¹⁾ *Авантисъевъ*, (И. В., II, 521 стр. 565) перечисляетъ случаи, гдѣ змѣяная кровь укрѣпляетъ героя или губитъ его. Смыслъ гибели героя тотъ, что «богъ громовникъ самъ уничтожается съ окончаніемъ грозы». Къ Феодору Тирону или къ варианту стиха о Егоріи, конечно, такое толкованіе не приложимо, но въ этомъ съ точки зрѣнія поэтической вѣроятности недѣломъ эпизодъ нельзя не видѣть воспоминанія о какомъ-то космогоническомъ преданіи, которое сказалося и въ потопѣ отъ крови Имѣра, и можетъ быть, въ потопѣ отъ крови Вейнемейнена. Есть небезъинтересное и нашему сюжету родственное указаніе, проводя-

Такимъ образомъ, руководствуясь чисто внѣшними данными—счетомъ вариантовъ ¹⁾, мы можемъ представить такой скелетъ начального стиха:

- 1) Опредѣленіе времени и мѣста событія; родъ Егорія (красота его).
- 2) Нападеніе Демьянища; смерть отца Егорія и похищеніе его сестеръ.
- 3) Муки Егорія: топоры, пилы (колесо), смола.
- 4) Егорій посаженъ въ погребъ.
- 5) Освобожденіе Егорія.
- 6) Свиданіе Егорія съ матерью.
- 7) Препятствія, встрѣченныя Егоріемъ на пути: горы, лѣса, волки, змѣи.
- 8) Птица на воротахъ.
- 9) Свиданіе Егорія съ сестрами и обращеніе ихъ.
- 10) Казнь мучителя.

Стихъ этотъ въ своей долговременной устной жизни подвергался многимъ передѣлкамъ и испытывалъ вліянія другихъ стиховъ, былинъ и сказаній.

Выше было показано, какая важная черта заимствована нѣкоторыми вариантами изъ стиха о Ѳедорѣ Тиронѣ. У Безс. № 104 заимствовалъ изъ стиха о Кирикѣ чуждое всѣмъ другимъ вариантамъ указаніе на возрастъ Егорія:

Онъ беретъ Егорья всего трехъ годовки.

Вар. стр. 100 изъ того же стиха о Кирикѣ заимствовалъ рѣчь мучителя и отвѣтъ мученика:

Ты увѣруй, Георгій, мою вѣру,
Поклоняйся, Георгій монгъ идоламъ,

шее, кажется, мостъ между разливомъ воды послѣ смерти дракона и потопомъ отъ его крови. Павзаній (IV, 35, 9), говоря о разныхъ цвѣтныхъ источникахъ, упоминаетъ *красный отъ крови* источникъ около Юппе, гдѣ Персей послѣ битвы съ змѣемъ обмывалъ кровь. Не имѣя возможности указать такую книжную редакцію чуда о змѣѣ, гдѣ встрѣчалось бы отраженіе этой подробности, я не могу добыть изъ этого свидѣтельства ничего положительнаго, но убѣжденъ, что оно очень пригодится будущимъ изслѣдователямъ. Что касается до способа спасенія отъ потопа, легко указать его литературный источникъ въ Апокалипсисѣ XII, 15; подражаніе этому см. *Девольскій*, Дни богослуженія. Изд. V, I, 191.

¹⁾ Известно, какъ эти внѣшнія данныя не тверды, особенно при отсутствіи возможности судить о степени древности вариантовъ, но все же они прочнее всякихъ субъективныхъ догадокъ и мечтаній.

Я устрою тебѣ свѣтлую свѣтлицу,
Дамъ тебѣ слугу вѣрную,
Дамъ тебѣ злата - серебра и пр.

Ср. съ Вар., стр. 79 и 80 ¹⁾.

Бѣлый оселъ роднитъ № 108 Безс. съ стихомъ о Дмитріи Солунскомъ. Богатырскій конь и оружіе, добываемое Егоріемъ по указанію матери, — черта, заимствованная изъ былинъ. У Вар. стр. 100 битва Георгія съ Дектіанищемъ есть непосредственное отраженіе битвы Ильи съ Соловьемъ. Въ томъ же вариантѣ отечество змѣеобразнаго Дектіана — Вавилонъ, по видимому, подъ влияніемъ сказанія о Вавилонскомъ царствѣ.

Между вариантами легко различить такіе, которые находятся въ генетической связи между собою; такъ № 99 Безс. особенно близокъ къ 102 и 103; № 100 — къ 104 и 106. Трава, произрастающая подъ котломъ, сближаетъ Безс. №№ 107, 114 и Вар. стр. 95 ²⁾; по началу близки Безс. № 104 и Як XVI.

Отъ первоначальнаго стиха сильно отклонились Сахаровскій вариантъ (см. у Безсонова № 119, о немъ ниже) и 2 варианта, приведенные въ легендахъ Аѳанасьева. Прозаическая легенда ³⁾ основана на стихѣ, какъ это видно изъ сохранившагося мѣстами размѣра, но произволь разказчика приурочилъ стихъ къ другимъ именамъ и мѣстностямъ.

Слѣдующій за прозаическою легендой вариантъ — поздняя и довольно свободная передѣлка какого-нибудь грамотника, который хотѣлъ исправить стихъ, превращая его мѣстами въ рифмованный (отборну : соборну, молилась : катилась).

Содержаніе первой половины стиха — муки Георгія; не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что источникъ ихъ — близкая легенда; вопросъ можетъ касаться только редакціи. Имя мучителя указываетъ на редакцію А, но впервыхъ, въ этой редакціи есть такіе черты, которыми поэтъ, стремящійся изукрасить свои сюжеты, долженъ былъ воспользоваться (Аѳанасій, воскресеніе мертвеца); ввторыхъ, изъ мукъ стиха въ А встрѣчаются только колесо и сапоги,

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что эти оба стиха записаны въ одной мѣстности, и можетъ быть, отъ одного лица.

²⁾ Это апокрифическая подробность, встрѣчающаяся въ мусульманскихъ легендахъ. См. у Вейля мученіе Авраама.

³⁾ Аѳ. Легенды, 132 и слѣд.

то-есть, именно тѣ муки, которыя встрѣчаются въ немногихъ вариантахъ. Всего ближе муки стиха къ редакціи С; мукѣ топорами можетъ соотвѣтствовать: „повелѣ въврещи и въ окринѣ мѣдьянъ и рублемъ мѣдьянмъ бити по главѣ“. Въ текстѣ „коло распадеса“; въ стихѣ

Колесо въ шепу все приломалося.

Мученію пилами соотвѣтствуетъ: „повелѣ царь претрети и пилою; пилѣ же отупѣвшей и слугамъ изнемогшимъ“ и пр. Кипѣнію въ смолѣ соотвѣтствуетъ: „повелѣ мучитель разварити лоѣ и пекольъ и жупель и смолю“.

У Безс. № 104, Як. XVI хотя мучитель отлично знаетъ, откуда онъ похитилъ Егорія, онъ спрашиваетъ его:

Какого ты рода, какого племени?

Али барскаго, князьинскаго?

на что Егорій отвѣчаетъ:

Я того роду христіанскаго.

Этотъ нелѣпный эпизодъ объясняется литературнымъ источникомъ: въ С (Тих. 103) Дадьянъ спрашиваетъ Георгія: „которыя еси вѣры или которыя земли или како ти имя“? На это Георгій отвѣчаетъ: „первое имя христіанинъ“. Замѣна Дадьяна Діоклетіаномъ удобно объясняется тѣми сводными редакціями, которыя такую же замѣной старались сдѣлать житіе каноническимъ. Впрочемъ, ниже мы увидимъ въ стихѣ черту, встрѣчающуюся въ А и не встрѣтающуюся въ С; это, вмѣстѣ съ отсутствіемъ Александры, заставляетъ насъ думать, что поэтъ не имѣлъ передъ собою одного житія опредѣленнаго типа, а составлялъ стихъ по памяти.

Что касается до второй половины стиха и заключенія Егорія въ погребъ, связывающаго обѣ половины, существуютъ два невольнѣ исключаяющія другъ друга толкованія: мифическое (О. Э. Миллеръ и Аванасьевъ) и историко-аллегорическое (гг. Щаповъ и Порфирьевъ). Первое видитъ въ Егорѣ древняго бога солнца ¹⁾ и въ то же время деміурга. Это солнце, рождающееся въ златосеребряной одеждѣ, по-

¹⁾ Съ этимъ близко по мнѣнію *Крека* (Eupl. 232), который, разделяя всѣ русскія сказки на три категоріи, относитъ стихъ о Егоріи къ третьей, гдѣ свѣтвые явленія представлены волиѣ антропоморфизированными, но допускаетъ, что черты этого цикла переплетены здѣсь съ христіанскими воззрѣніями. *Шептимиъ*, Русск. народн., стр. 100—102, погребъ Егоря приравниваетъ къ пещерѣ, гдѣ свѣтвые герои убиваютъ змѣевъ, а вътеръ, его освобождающій, сравниваетъ съ орломъ, выносящимъ героя изъ подземнаго царства стр. 95.

падаетъ временно со всѣмъ своимъ родомъ во власть представителя тьмы и холода; освободившись отъ дѣйствія весеннихъ вѣтровъ, свѣтлый богъ вступаетъ на опустошенную холодомъ землю и начинаетъ актъ творенія. Препятствія, встрѣчающіяся ему на пути. — всѣ мисическаго характера: движущіяся горы — крылатыя горы Индры ¹⁾, то-есть, тучи; то же значеніе имѣютъ и лѣса, и волки, и змѣи. Вѣщее слово бога приводитъ въ порядокъ хаосъ поднебесья и земной поверхности; онъ освобождаетъ сестеръ своихъ отъ зимней коры ²⁾ и посылаетъ ихъ въ Иордань, то-есть, въ дождевой потокъ. Его побѣда надъ мучителемъ есть окончательная побѣда свѣтлаго начала надъ темнымъ.

По другому воззрѣнію, Георгій есть „настоящій типъ духовныхъ богатырей“, распространявшихъ вѣру мирнымъ путемъ. Не мѣръ творитъ онъ, а обращаетъ въ христіанство и цивилизуетъ Русскую землю. Но Руси ни пройти, ни проѣхать отъ горъ и лѣсовъ; среди этой-то дичи Егорій прокладываетъ дороги и строитъ храмы, центры будущихъ городовъ. Онъ — типъ князя устроителя земли Русской, и по указанію г. Щанова ³⁾, можетъ быть, фигура его отражаетъ именно Юрія Долгорукаго, цивилизатора Сѣвера ⁴⁾.

Натурмиѳологическая экзегеза многимъ не внушаетъ довѣрія именно благодаря тому обстоятельству, что слишкомъ удобно прилагается ко всякому эпическому матеріалу. Предметъ эпоса — всегда борьба, а во всякой борьбѣ — двѣ стороны: симпатичная автору и антипатичная, иначе — добрая и злая; для миѳолога одна изъ нихъ свѣтъ, другая мракъ, или одна — лѣто, а другая зима; а въ подробностяхъ борьбы онъ всегда найдетъ двѣ-три черты, которымъ сумѣетъ придать спе-

¹⁾ Тоже А. А. Потебня, въ *Чтеніяхъ* 1865 г., IV, 269.

²⁾ Аэ., П. В. II, 623, сравниваетъ съ ними невѣсту Святогора и Брунгилду.

³⁾ Ж. М. II. Пр. 1863 г., стр. 27.

⁴⁾ Въ сторонѣ отъ этихъ двухъ теорій стоятъ два предположенія, брошенныя мимоходомъ двумя историками: Д. И. Иловайскій (Розысканія, стр. 309) популярность св. Георгія на Руси и форму его имени *Егоръ* объясняетъ вліяніемъ славы Игоря, а профессоръ Аристовъ, соглашаясь съ этимъ (*ibid.* 431), въ связь съ Игоремъ ставитъ Святогора. По его мнѣнію, «прибавка слова *святъ* къ имени Игоря получила подъ вліяніемъ христіанства и примѣшавшагося представленія о св. Георгіи». Но *Егоръ* есть сокращеніе формы *Егорій*, которая произошла черезъ перестановку изъ *Георгій* (ср. у *Тих.* Памятн. 100 и слѣд.), *Георгій*, а въ бытіи о Святогорѣ трудно усмотрѣть какъ отраженіе исторической личности Игоря, такъ и житія св. Георгія.

ціальное толкованіе. Въ силу этой-то эластичности мифологическаго толкованія, имъ можно пользоваться только въ крайнемъ случаѣ, когда другою способъ не приложимъ, и когда въ разбираемомъ сказаніи есть такія черты, которыя обязательно требуютъ именно мифологическаго объясненія. Въ стихъ о Егоріи такую чертой считаютъ описаніе его наружности; самый стихъ, думаютъ мифологи, указываетъ на солярное значеніе Егорія, помѣщая солнце на лбу его. Дѣйствительно ли такъ важна эта черта? Какъ извѣстно, это есть стереотипная черта сказочныхъ красавцевъ; намъ скажутъ: сказки съ такими героями — ничто иное, какъ варианты солнечнаго мифа. Можетъ быть, но здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ сказкой, а съ стихомъ, явившимся на свѣтъ въ эпоху христіанскую; тогда мифическій смыслъ этой черты былъ уже давно забытъ, и какъ Осетинъ, говорящій про отличный мечъ, что на одной его сторонѣ сіяетъ солнце, а на другой луна ¹⁾, не придаетъ этому мечу значенія бога солнца, а только желаетъ выразить его блескъ, также и слагатель стиха о Егоріи не имѣлъ ничего въ виду, кромѣ красоты героя и свѣтлости его лица, и на иконахъ окруженнаго снѣгомъ. Прославляя хозяйку, въ Греціи поютъ: *tu te mets le soleil au visage, la lune sur la poitrine* ²⁾. Ужели слагатель этой пѣсни или пѣвцы отождествляютъ хозяйку съ Гелиосомъ ³⁾?

Другую специально мифическую черту видятъ въ заключеніи Егорія въ погребъ, изъ котораго онъ выходитъ въ новомъ блескѣ. О. Θ. Миллеръ говоритъ: „Плѣнь Егорья у Діоклетіана въ подвалахъ глубокихъ долженъ оказаться мифическимъ плѣномъ яснаго солнышка“ ⁴⁾. Такое толкованіе могло бы считаться умѣстнымъ, еслибы плѣнь Егорія продолжался семь-восемь зимнихъ мѣсяцевъ, и еслибы не было ничего подобнаго въ литературномъ источникѣ. На мой взглядъ, это — распространеніе эпизода житія Георгія ред. А. о томъ, какъ Діоклетіанъ сажаетъ его въ ровъ варный, съ негашеною известью и черезъ три дня посылаетъ собрать его кости. Увѣренность Демьянища

¹⁾ *Сб. стод. о какк. торцахъ*, IX, 12.

²⁾ *Fauriel*, II, 251. *Ibid.* 379: приглашеніе одѣться лучше пѣвецъ выражаетъ такъ: *fais de ton visage le soleil, de ton sein la lune.*

³⁾ Ср. въ былинахъ, какъ искусственныя солнце и луна лучшее украшеніе чертоговъ, такъ у Дюка *на шляхъ*:

Спереду выведено красно солнышко,
И сзади выведенъ свѣтелъ мѣсяць.

Рыбн. I, 290.

⁴⁾ *Ист. Обзор.*, 2-е изд., стр. 316.

въ томъ, что не бывать Егорію на Святой Руси, соотвѣтствуетъ той увѣренности, съ которою Діоклетіанъ посылаетъ слугъ собрать кости мученика, чтобы не дать христіанамъ возможности отнестись къ нимъ съ благоговѣніемъ. Принявъ „ровъ варный“ за обыкновенный ровъ, поэтъ естественно долженъ былъ усилить разобщеніе Егорія съ поверхностью земли и продолжить его пребываніе въ немъ, чтобы спасеніе Егорія представлялось чудеснымъ.

Далѣе, и міоологическая, и историческая экзегеза одинаково могутъ опираться на то обстоятельство, что вся вторая половина стиха не имѣетъ ничего общаго съ житіемъ, и слѣдовательно, требуетъ много объясненія, кромѣ литературнаго. Это справедливо, но только отчасти.

Что составитель стиха зналъ о Георгіи? Одно ли мученіе его, при которомъ порокъ оставался торжествующимъ? Нѣтъ, кромѣ того онъ видѣлъ его икону, гдѣ онъ побѣждалъ змѣя не кротостью, а оружіемъ, и снисалъ отъ него какую-то женщину (самаго чуда о змѣѣ, послужившаго источникомъ второго стиха, онъ, по видимому, не зналъ). Кромѣ того, церковныя пѣсни; да и самое прозваніе побѣдоносца вели его къ тому, чтобы закончить стихъ не гибелью, а побѣдою героя. Объединеніе Діоклетіана гонителя и поражаемаго Егорьемъ змѣя¹⁾—фактъ не только естественный, но и необходимый; въ этомъ пѣвецъ былъ связанъ преданіемъ, но отъ него зависѣло помѣстить побѣду надъ змѣемъ Демьянищемъ немедленно послѣ освобожденія или удлинить промежутокъ, наполнивъ его новыми подвигами. Какъ человекъ со вкусомъ, онъ предпочелъ послѣднее: онъ не ограничилъ дѣятельности своего героя однимъ мщеніемъ злодѣю, но возложилъ на него и другія высшія задачи. Каковъ общій смыслъ этихъ задачъ? Толкователи обѣихъ партій, предоставляя Егорію дѣятельность деміурга или насадителя христіанской цивилизаціи, упускаютъ изъ виду самый текстъ стиха; они видятъ изначальный хаосъ и созданіе тамъ, гдѣ стихъ указываетъ только временное запустѣніе и воссозданіе. Выходя изъ погреба, Егорій видитъ, что

Все разорено да разломано.

Въ вариантахъ, точнѣе опредѣляющихъ мѣсто рожденія Егорія,

Ерусалимъ городъ пусть-пустехопекъ,

Вырубили его и выжегли.

¹⁾ Въ Сванетскихъ церквахъ встрѣчаются старыя иконы Георгія, побѣждающаго человека, иногда съ именемъ мучителя.

Даже толкучимъ горамъ говорить Егорій:

Станьте вы, горы, по старому.

Время дѣятельности князей устроителей—Ярослава — Георгія и Юрія Долгорукаго заслопилось вполнѣдствіи трагическимъ событіемъ, отразившимся во всей живой русской поэзіи — погромомъ татарскимъ, послѣ котораго земля Русская, дѣйствительно, имѣла такой видъ, какъ изображаетъ стихъ. Мучитель—Диоклетіанъ и „татарскій державецъ“ естественно слились въ одну фигуру, а въ прозаическомъ пересказѣ онъ даже носитъ имя Брагима Касимовскаго ¹⁾).

Мифологи считаютъ своею безспорною собственностью основное препятствіе — горы толкучія, и въ этомъ они до извѣстной степени правы. Горы толкучія встрѣчаются безпрестанно въ сказкахъ, и очень часто въ такой обстановкѣ, которая указываетъ на ихъ несомнѣнно облачное значеніе. Двѣ бьющіяся скалы являются изрѣдка въ сказкахъ о путешествіи къ солнцу или дѣду Всевѣду; такъ, въ славянской сказкѣ онъ спрашиваетъ, когда перестанутъ онѣ биться и отбрасывать искры ²⁾. Александръ Македонскій, по болгарскому преданію (Миладин. 526), ходилъ добывать безсмертную воду, сокрытую между „две планины, кои сѣ отвораха и сѣ затвораха“. Измѣнница-сестра посылаетъ героя за лѣкарствомъ на мельницу, ворота которой захлопнулись и удержали его охоту; а по варианту, прежде мельницы онъ долженъ идти къ двумъ горамъ, которыя стоятъ вплотную; только разъ въ сутки онѣ расходятся съ громомъ и молніей, а чрезъ двѣ-три минуты опять сходятся; въ нихъ вода живущая и цѣлющая ³⁾. По новогреческой сказкѣ (Наһи, II, 195) вода жизни находится въ горѣ, которая открывается и закрывается быстро, какъ молнія. Еще яснѣе такое значеніе толкучихъ горъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя предполагать ни заимствованія, ни древнеарійскаго сходства преданія: Мексиканцы ⁴⁾ вручали мертвецу извѣстную бумагу и говорили ему: ты пройдеши между ешибающихся горъ; далѣе пойдешъ по дорогѣ, гдѣ залегли крокодилы и другіи животныя-

¹⁾ Представленіе земли Русской опустошенною змѣемъ могло между прочимъ закрѣпиться иконописью: на образахъ Георгія-змѣеборца около мѣста битвы часто изображаются разбросанныя кости—остатки жертвъ змѣю. См. *Тромонина*: Очерки съ лучшихъ произведеній и пр., стр. 235 и слѣд.; *Снеспирова*: Памятники Моск. Древн., стр. 17.

²⁾ А. А. Нотебня въ *Трудахъ Моск. Арх. Общ.*, I, 2, 195.

³⁾ Ао. П. В. II, 351.

⁴⁾ *Спенсеръ*. Основ. социологій, I, 140.

И такъ, о первоначальномъ значеніи горъ толкучихъ не можетъ быть спора; но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы авторъ стиха, обдѣлывавшій житіе Георгія во вкусѣ героическаго эпоса, понималъ подъ горами облака; какой смыслъ имѣло бы въ такомъ случаѣ объясненіе Егорія построить на этихъ горахъ церковь?

Лѣса дремучіе явились въ параллель горахъ толкучимъ; это — дублетъ, принадлежащій впрочемъ не амплификатору, а автору.

Волки или звѣри и стадо змѣинос, какъ препятствія на пути героя объясняются, по моему миѣнію, тѣмъ представленіемъ, которое составлялъ себѣ о Георгіѣ народъ подъ вліяніемъ его апрѣльскаго праздника.

Когда Дюкъ Степановичъ собирается ѣхать въ Кіевъ, мать пытается удержать его, указывая ему на неодолимые препятствія:

Первая застава—горы толкучія,

Вторая застава—птицы клевучія,

Третья застава—змѣи Горшнице о двѣнадцати хоботахъ (*Рыбн. I, 296* ¹⁾).

Дюкъ избѣгаетъ всѣхъ этихъ опасностей, благодаря быстротѣ своего коня ²⁾. Въ другихъ вариантахъ препятствія видоизмѣняются; у Гильф. стр. 521 первая застава—змѣи поклевучія, вторая—звѣри поѣдучіе, третья—горушки толкучія; у Рыбн. II, 135, первая застава звѣриная, вторая—змѣиная, а третья—12-ти богатырей ³⁾. Рыбн. III, 151 представляетъ въ этомъ случаѣ сводный текстъ; тамъ четыре заставы: Горшнь змѣя, лютый звѣрь, стадо черныхъ вороновъ и Илья Муромецъ. Очевидно, что въ этой части былины о Дюкѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя редакціями; въ одной Дюку предстоитъ имѣть дѣло съ горами, птицами и змѣемъ, въ другой—съ звѣрями, змѣями и богатырями. Первая редакція, по видимому, первоначальная, вторая принадлежитъ пѣвцу, на котораго повлияли: 1) терминъ заставы, представляемой обыкновенно, въ видѣ заставы богатырской, и 2) стихъ о Егоріѣ введшій сюда заставу звѣриную—волчью. Каково отношеніе первой редакціи къ стиху о Егоріѣ? Они, очевидно, въ литературномъ отношеніи, но не въ непосредственномъ. Былина не можетъ быть оригиналомъ: въ ней это незначительный, легко выпадающій и неудачно

¹⁾ Ср. тѣ же препятствія у *Гильферд.* стр. 78, 776, 818, 1071, 1105,

²⁾ Иногда пѣвецъ забываетъ сказать о томъ, какимъ способомъ Дюкъ преодолеваетъ препятствія, *Гильф.* 1071 на оборотъ: онъ забываетъ предупредить Дюка; *ibid.* 1105: предупрежденіе въ дублетѣ отъ каликъ и отъ матери.

³⁾ Тоже *ibid.* 130 и III, 166 (Дюкъ избиваетъ звѣрей стрѣлой) и *Гильф.* 628.

обставленный эпизодъ; что за бѣда угрожаетъ богатырю отъ грачевъ стаи,

По русски сказать: да черныхъ вороновъ?

Былина не могла пользоваться стихомъ, такъ какъ въ послѣднемъ этихъ препятствій больше, и кромѣ одного варианта, въ немъ являются не птицы, а одна птица въ эффектной обстановкѣ. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ двумя пересказами литературнаго преданія. Что это за преданіе? Какова его исторія? Былина или стихъ ближе къ нему? Все это вопросы, на которые я отвѣчать не могу; но считаю не лишнимъ замѣтить, что въ препятствіяхъ, предстоящихъ Дюку, нельзя не видѣть поразительнаго сходства съ Симплегадами, Стимм-фалидами и дракономъ Аргонавтовъ.

Бродячія скалы, какъ извѣстно, упоминаются въ XII пѣсни Одиссеи, гдѣ Цирцея, какъ мать Дюка, предупреждаетъ героя объ опасности, также указывая ему двѣ дороги. Но въ этомъ мѣстѣ Одиссеи сильнѣйшая путаница: предупредивъ о двухъ путяхъ, изъ которыхъ самъ Одиссей долженъ выбрать лучший, Цирцея потомъ описываетъ только одинъ: сшибающихся скалъ Одиссей на дорогѣ не встрѣчаетъ. Если найдутся источники Дюка, не помогутъ ли они разобраться въ этой путаницѣ?

Мать Георгія, въ житіи или вовсе остающаяся безъ имени, или посящая другое имя, въ стихѣ называется Софіею-Премудростью. Источникъ ея имени уже давно указанъ (Ш. А. Безсоповымъ и О. Ф. Миллеромъ. См. Обзоръ, 318) въ художественномъ преданіи. Съ VI вѣка по всей Византійской имперіи строятся соборные храмы Софіи Премудрости Божіей, и что замѣчательно, въ очень многихъ случаяхъ такой соборный храмъ помнается рядомъ съ другимъ уважаемымъ храмомъ—св. Георгія¹⁾. То же самое находимъ мы и на Руси²⁾.

По изслѣдованію Максимовича³⁾, раньше большаго Кіевософійскаго собора въ Кіевѣ были двѣ церкви во имя св. Софіи, и первая была еще при княгинѣ Ольгѣ; о церкви св. Софіи въ Кіевѣ упоминаетъ Дитмаръ по поводу похода Болеслава⁴⁾; она сгорѣла въ 1017 году⁵⁾, а въ слѣдующемъ 1018 г. Ярославъ построилъ въ замѣнъ ея

¹⁾ Texier, L'architecture byzantine Londr. 1864, 154 и слѣд.

²⁾ См. *ibid.*, 119 и слѣд.

³⁾ Сочин. II, 137.

⁴⁾ Ист. Иловайскаго, 106.

⁵⁾ Труды Кіевскаго археологическаго съѣзда, ст. Лебединцева, стр. 54.

деревянный храмъ. Годъ заложенія Кіевософійскаго собора относятъ приблизительно къ 1020 году, но Ппатьевская лѣтонисъ прямо говоритъ, что въ 1037 г. Ярославъ „заложи церковь святія Софья, премудрости Божіи... по семь святаго Георгія монастырь и святія Орины“. Эта церковь считалась матерью всѣхъ церквей русскихъ, а со св. Георгіемъ была связана вдвойнѣ: воцѣрвхъ, въ ней самой былъ придѣлъ св. Георгія, а повторыхъ, настолованіе хиротонисанныхъ въ ней епископовъ происходило именно въ храмѣ св. Георгія (такъ какъ посторонній не могъ всходить на каедрю мѣстнаго епископа). Въ ней погребено тѣло князя Ярослава, его сына Всеволода и внука Владиміра Мономаха. Ей спѣшатъ поклониться пріѣзжающіе князья; опустошеніе и оскверненіе ея, бывшее слѣдствіемъ татарскаго погрома, не могло не поразить благочестивыхъ, и въ стихѣ безъ натяжки мы можемъ усмотрѣть отраженіе этого факта.

Въ первой главѣ нашего изслѣдованія мы видѣли, что эоіонское житіе, происшедшее изъ сирогреческаго, знаетъ сестеръ Георгія; родственная ему редакція могла ходить и по Руси и ссудить этою подробностью автора стиха; но считать такое предположеніе необходимымъ — нѣтъ основанія: достаточно было явиться Софіи, чтобы вызвать къ жизни ея дочерей — Вѣру, Надежду и Любовь¹⁾. Но откуда авторъ стиха взялъ ихъ податливость мучителю²⁾? Житіе святыхъ сестеръ, разумѣется, безусловно противорѣчитъ этому. За неизмѣнимъ литературнаго источника мы можемъ удовлетвориться такимъ объясненіемъ: поэтъ, объединивъ гоненіе Діоклетіана съ погромомъ татарскимъ, вспомнилъ и о томъ ужаснѣйшемъ съ нравственной точки зрѣнія бѣдствіи земли Русской, что люди русской крови поневолѣ татарились и въ глазахъ православнаго христіанина теряли человѣческой образъ до такой степони, что очистить ихъ вполне могли только родъ вторичнаго крещенія и тяжелый подвигъ паломничества въ Святую землю. Кромѣ

¹⁾ Въ томъ же Кіевософійскомъ соборѣ изображеніе жены и дѣтей Ярослава передѣлано въ изображеніе Вѣры, Надежды и Любви съ матерью. См. *Труды кіевскаго съезда*, ст. Павлова, 283—287.

²⁾ Мифологи сопоставляютъ съ этимъ мифическую (по моему мнѣнію, скорѣе этическую) измѣну жены, матери, сестры героя, добровольно вступающихъ въ связь съ врагомъ его. Но о такой сознательной измѣнѣ стихъ ничего не знаетъ: сестры Егорья взяты силою, и роль при мучителѣ имъ досталась не блестящая: онѣ пасутъ стада его. Сущность не въ томъ, что онѣ шипятъ на Егорія — шипѣнье онѣ заимствовали отъ пасомыхъ или змѣй, — а въ томъ, что онѣ одичали и лишились человѣческаго образа.

того, твердость великомученика рѣзче выдѣлялась при указаніи на слабость его ближнихъ, и свѣтлость лица всепретерпѣвшаго мученика прекрасно отгѣняется полувѣрнымъ видомъ неудержавшихся въ вѣрѣ.

Казнь Діоклетіана требовалась поэтическимъ правосудіемъ и основывалась на художественномъ преданіи. Литературное преданіе—ред. В—могло имѣть вліяніе только между прочимъ.

Считаю не лишнимъ свести вкратцѣ свои выводы о происхожденіи большого Егорьевскаго стиха.

Авторъ стиха имѣлъ цѣлю прославить не языческаго деміурга, не солнце красное, не князя-устроителя, а только христіанскаго святого, популярнаго на Руси, благодаря примѣру Грековъ и весеннему дню своего чествованія. Объ этомъ церковномъ Георгіѣ авторъ имѣлъ два несходныя представленія: онъ зналъ его по житію какъ мученика и на иконахъ видалъ его въ образѣ коннаго воина, побѣдителя змѣи, часто вмѣстѣ съ Фодоромъ Стратилатомъ. Какъ слить эти два представленія? Онъ слагаетъ стихъ изъ двухъ половинъ: первая вкратцѣ излагаетъ мученіе по памяти на основаніи одной изъ краткихъ и смѣшанныхъ редакцій, при чемъ излагаемыя событія получаютъ чуждую литературному источнику окраску набѣга на православную землю иновѣрнаго царя. Во второй половинѣ авторъ былъ несравненно болѣе предоставленъ самому себѣ; изъ художественнаго преданія онъ могъ заимствовать только основной фактъ, а изъ церковныхъ пѣсень—неясныя намеки, что герой „томителя врага побѣдивъ изложи“, „разсыпалъ идольскія службы“, что онъ былъ „хранитель церкви“, „плѣнныхъ свободитель.“ Поэтъ былъ не бездарный виршеслагатель въ родѣ автора Georgslied, а человекъ со вкусомъ, съ поэтической фантазіей, испытывавшій острое чувство боли при воспоминаніи, повидимому, довольно свѣжемъ, о погромѣ Русской земли невѣрными. Но при всемъ этомъ онъ человекъ не книжный. Не имѣя въ виду одного изъ князей Русскихъ, онъ тѣмъ не менѣе обрусилъ Георгія, до извѣстной степени отождествилъ его съ расадниками христіанскаго просвѣщенія на Руси и перенесъ на него свой идеалъ мстителя за землю русскую.

Все это объясненіе—вздоръ въ глазахъ тѣхъ, кто древнѣйшимъ, начальнымъ стихомъ признаетъ Сахаровскій вариантъ ¹⁾, гдѣ нѣтъ ни слова о мугахъ Егоря и нѣтъ Діоклетіана, гдѣ только изла-

¹⁾ О. Э. Миллеръ, Обзоръ, стр. 317.

гаются подвиги Егорья. По ихъ мнѣнію, въ этомъ стихѣ имя Егорья подставлено въ замѣнъ какого-то демурга языческаго и только въ позднѣйшихъ вариантахъ вызвало вставку о мученіи Егорія. Но Сахаровскій вариантъ, какъ замѣтилъ и г. Безсоновъ, только „любопытный образчикъ передѣлки“. Кто виновникъ ея: пѣвецъ или собиратель? Я безъ колебанія отношу вариантъ на счетъ послѣдняго; за это говорить весь тонъ стиха, масса внесенныхъ изъ былинь выраженій, эпитетъ Русской земли — свѣтло русская — фальсификаторъ считалъ неудобнымъ назвать святою землю еще не крещеную, — бессмысленный безъ первой части эпизодъ о дѣвахъ, а главное — отсутствіе параллелей: какъ это могло случиться, что сколько потомъ ни собирали вариантвъ, всѣ они ударяютъ особенно на первую часть, опуская иногда непонятную вторую ¹⁾, и только Сахарову случилось найти такого пѣвца, который сохранилъ отъ древнѣйшей эпохи начальный типъ стиха?

Противъ древности Сахаровскаго варианта (а слѣдовательно, и міеологическаго объясненія) и аналогія съ западною поэзіей: тамъ представленіе Георгія мученика предшествуетъ представленію Георгія богатыря и героя; на западѣ первое представленіе выразилось въ цѣломъ рядѣ стиховъ, близко слѣдующихъ за текстомъ легенды; были ли у насъ такіе стихи, мы не знаемъ, но мы смѣло можемъ утверждать, что князья и города, строившіе въ X—XII вѣкахъ церкви Георгію, представляли его не демургомъ, а святымъ мученикомъ. Какъ у насъ, такъ и на западѣ, въ то время, какъ другіе святые, находившіеся не въ столь благоприятныхъ условіяхъ, закрѣпились въ этомъ чисто-христіанскомъ представленіи, св. Георгій сталъ героемъ національнымъ, и въ глазахъ неграмотныхъ, двоевѣрныхъ людей — богомъ. Какъ Рейнботъ фонъ-Дорнъ, положивъ въ основу своей поэмы литературное преданіе, перенесъ на Георгія и его братьевъ длинный рядъ подвиговъ совершенно чуждаго легендѣ характера и поставилъ его въ связь съ національнымъ и заноснымъ

¹⁾ См. *Безсоновъ*, №№ 112, 113 и 114. Я колебался нѣкоторое время, не признать ли эти варианты за вѣрное воспроизведеніе начального стиха, который впоследствии былъ распространенъ присоединеніемъ второй части. При такомъ объясненіи параллель съ западною литературой была бы сильнѣе и представлялась бы возможность точнѣе опредѣлить время происхожденія нынѣ распадаемаго стиха (первая половина — до Татаръ, вторая — вскорѣ послѣ нихъ). Но противъ такого объясненія: вопервыхъ, число вариантвъ, вовторыхъ, недостатокъ законченности №№ 113 и 114 и явный недостатокъ памяти у пѣвца № 112.

эпосами, такъ и нашъ поэтъ, пересказавъ, какъ помнилъ, мученіе Георгія, заставилъ его странствовать по Русской землѣ въ полномъ вооруженіи богатыря и совершать подвиги богатырскіе. Разница въ послѣдующей судьбѣ поэмъ: Рейнботъ грамотникъ, поэтъ для высшаго сословія, и его поэма получаетъ доступъ въ Пасціонали; нашъ былъ не грамотень, и его произведенію суждено было скрываться въ неизвѣстности, пока не извлекли его на свѣтъ Божій любители „старинны и народности“.

Теорія литературнаго заимствованія тогда только имѣетъ доказательную силу, когда, указывая сходство между отдаленнымъ и близкимъ, древнимъ и новымъ, въ то же время указываетъ и пути перехода; но если и нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, не бесполезно указать на разительное сходство, хотя только въ видѣ вопроса, на пользу будущаго: въ данный моментъ и одному работнику пути не извѣстны, но они могутъ уясниться, особенно если есть основаніе уяснить ихъ. Такой вопросительный знакъ считаю не бесполезнымъ поставить по поводу сходства второй половины Егорьевскаго стиха съ нѣсколькими эпизодами персидскаго эпоса въ позднѣйшемъ пересказѣ.

Основной врагъ Ормузда и его сторонниковъ, только отчасти замѣненный Ариманомъ, есть змѣй Dahâk, соответствующій Бритрѣ Вѣдъ. Въ арійскій періодъ онъ—облачный змѣй ¹⁾, въ Авестѣ трехголовый змѣй: но у Фирдуси его мифическое значеніе забыто, и онъ только царь съ двумя змѣями на плечахъ. Его отечество въ Авестѣ—то Вавилонъ, то Іерусалимъ, у Фирдуси—только Вавилонъ; Авеста знаетъ его борьбу съ Іемомъ; Фирдуси разказываетъ, что онъ распилить побѣжденнаго врага на двое. Мстителемъ за родныхъ является Феридунъ; онъ чародѣйствомъ проникаетъ въ Вавилонъ, избавившись отъ смерти, которой угрожала ему скала, сдвинутая братьями. Подходя къ городу, онъ видитъ „талисманъ“ ²⁾, приготовленный Зохакомъ, голова котораго поднималась до неба; Феридунъ сбросилъ его сверху внизъ (=Стратимъ птица). Изъ гарема Захака онъ освободилъ двухъ сестеръ Іема;

„Il ordonna d'abord de laver leurs corps ³⁾, puis il se mit à purger leurs âmes de leurs ténèbres. Il leur montra la voie du très saint juge du monde et les purifia de leur souillures, car elles avaient été

¹⁾ *Spiegel*, *Eran. Alterthumsk.* I, 530 и слѣд.

²⁾ *Collection orientale: Le livre des rois trad. par Jules Mohl* I, стр. 99.

³⁾ Вы купайтесь во Іорданъ-рѣкѣ.

élevées par les idolatres et elles avaient l'esprit troublé ¹⁾, comme des gens ivres de vin“.

Препятствія, встрѣчаемыя Егорьемъ на пути, точнѣе выражены въ описаніи подвиговъ другаго героя, унаслѣдовавшаго роль Феридуна. Молодой Исфендіаръ ²⁾, сынъ Гунтаспа, отправляется по приказанію отца освобождать двухъ принцессъ, похищенныхъ Туранцами, своихъ родныхъ сестеръ. Ему говорятъ, что къ желѣзному замку ведутъ три дороги; онъ избираетъ кратчайшую, но исполненную опасностей. Тамъ ему встрѣчаются; два волка съ рогами, левъ и львица, драконъ, отъ крови и яда котораго онъ падаетъ безъ чувствъ, прекрасная волшебница; Птица Семургъ хочетъ со своими птенцами преградить ему путь; онъ ранитъ ее колесницей съ мечами, вслѣдствіе чего вся долина покрывается ея кровью и перьями; кромѣ того, ему мѣшаютъ проѣхать страшный снѣгъ, болотистыя дороги и потоки; провишки въ замокъ Туранскаго царя, онъ находитъ, что сестры его принуждены заниматься черными работами. Герой въ заключеніе убиваетъ врага своего рода.

Любопытно, что разказъ Книги царей (я считаю это за одинъ разказъ, но варьируемый) ³⁾ совпадаетъ съ стихомъ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ житіе Георгія отказывается служить намъ.

Егорій и Лизавета прекрасная.

Стиховъ этого содержанія значительно менѣе, нежели стиховъ, излагающихъ мученіе Георгія. У г. Безсонова помѣщено всего пять вариантовъ, одинъ напечатанъ въ Запискахъ Географическаго Общества по Отд. Этнографіи, II, 70 и слѣд., и въ тѣхъ же Запискахъ (V, 119—120) помѣщена бѣлорусская редакція, самою формою своею обличающая происхождение изъ рукъ книжника, а по содержанию довольно свободно относящаяся къ книжной легендѣ, и наконецъ, одинъ вариантъ напечатанъ въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1867 годъ № 13. Всѣ пять безошовскихъ стиховъ, олонецкій вариантъ и вариантъ Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., II, 70, стоятъ въ тѣснѣйшей генетической связи: они не только произошли изъ одной книжной редакціи, но и представляютъ

¹⁾ Набралися въ духу нечистаго, духу нечистаго бусурманскаго.

²⁾ См. *Spiegel*, I. c., 716; *Mohl*, I. c., IV, 489 и слѣд.

³⁾ *Шпигель*, I. c., во всей исторіи Исфендіара видитъ «Etwas gemachtes»; все это составлено изъ моментовъ «die wir schon kennen».

собою варианты одного стиха, сложеннаго однимъ лицомъ; бѣлорусская редакція стоитъ особнякомъ. Эти варианты даютъ намъ возможность опредѣлить до мелочей содержаніе начальнаго стиха, а слѣдовательно, приблизительно и содержаніе той книжной редакціи, изъ которой авторъ заимствовалъ его содержаніе.

Въ шести вариантахъ въ видѣ предисловія говорится о казни Содома и Гоморры, и царство, гдѣ происходитъ дѣло, называется Рахлейскимъ, Рахрынскимъ, Рохлинскимъ, Арахмельскимъ, Арапинскимъ (№ 107, какъ осмысленіе Рахлейскаго). Рахлейское царство, какъ уже доказано Ор. Э. Миллеромъ, произошло изъ Гераклеи, играющей роль въ подобномъ же чудѣ Федора Стратилата. Только въ № 120 является странный Антоній градъ, можетъ быть, объясняемый св. Антоніемъ, котораго пѣвцамъ стиха напоминала змѣя печерская. Очевидно, авторъ стиха имѣлъ передъ собою вариантъ чуда, близкій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ рукописи Погод. № 808 л. 19, и притомъ такой вариантъ, гдѣ въ параллель змѣю Георгія упоминалось и подвигъ Федора Стратилата.

Царь въ шести вариантахъ называется Агапій или близкѣ къ тому: Агафинъ, Огапигъ, Агапигъ; въ № 120 — Агей (сокращено изъ Агапія ¹⁾ Евсеичъ (по видимому, подъ влияніемъ Давида Іессеевича). Происхожденіе имени Агапій, — конечно, греческое; но откуда оно заимствовано и такъ ли онъ назывался въ оригиналѣ, не берусь сказать. Дочь въ шести вариантахъ называется Елизаветой или близко къ тому: Алисафой, Алексафіей, Лисафетой, Елисафіей. Только въ № 117, подъ влияніемъ стиха о мученіи Георгія, она названа Софіей ²⁾. Имя Елизаветы, не встрѣчающееся ни въ одной книжной редакціи, всякій, не задумываясь, отнесъ бы на счетъ слагателя, еслибы не существовало извѣстной иконы XIII в., гдѣ царица названа Елисава: источникъ иконы, разумѣется, книжная легенда. Причина появленія имени Елизаветы уже указана: ей празднуютъ 24-го апрѣля, и о ней говорится: „бысть же чудесь дѣлательница: змѣя лютого молитвою умер-

¹⁾ Можетъ быть, подъ влияніемъ царя Агея Римскихъ Дѣяній, который «пострада гордости ради».

²⁾ Это не единственный примѣръ заимствованія изъ большаго стиха: томъ же № 117 и въ олонцкомъ вариантѣ изъ него взято хронологическое указаніе, а въ вариантѣ къ № 120 по *Безсонову* обращеніе къ змѣю таково:

Ты будь, зивя, и кротка и смирна,
Ты пей и ѡшь мое повелѣнное;
Олексафіино благословенное.

тви“ (Рыбн. II, ХСVIII) ¹⁾. Въ стихѣ, какъ и въ его книжномъ источникѣ, царица не имѣла имени; встрѣчающееся въ одномъ № 120 имя Аксиньи есть первое попавшееся пѣвцу имя изъ употребительныхъ.

Книжная редакція, служившая источникомъ слагателю, не въ однихъ собственныхъ именахъ отклонялась отъ всѣхъ трехъ, мнѣ встрѣчавшихся. Во всѣхъ семи вариантахъ на царскую семью падаетъ жребій, котораго нѣтъ ни въ редакціи до смерти, ни въ редакціи послѣ смерти. Объяснить его произволомъ слагателя нельзя уже по одному тому, что онъ встрѣчается въ Золотой легендѣ и почти во всѣхъ западныхъ пересказахъ. Очевидно жребій принадлежитъ общему источнику Якова и той книжной редакціи, изъ которой вышелъ Георгій съ Елизаветой. Во всѣхъ семи вариантахъ жребій падаетъ на царя, а царица даетъ мужу совѣтъ обманомъ отправить иновѣрную дочь къ змѣю; такимъ образомъ въ противоположность той горести, которую испытываютъ родители въ западныхъ редакціяхъ и въ славянской „прежде мученія“, здѣсь они съ радостью готовы освободиться отъ героини. Нѣтъ сомнѣнія, что такая постановка семейныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ находится уже въ начальномъ стихѣ, но есть ли это выдумка слагателя, или онъ нашелъ ее въ своемъ источникѣ? Достоверности въ подобныхъ вопросахъ нельзя получить, но вѣроятнѣе, что въ книгѣ этого не было. А ригорі всякаго книжнаго редактора надо считать болѣе логичнымъ и послѣдовательнымъ и болѣе проникнутымъ принципами христіанской морали; а съ другой стороны, всякаго слагателя стиха надо считать болѣе знакомымъ съ народною моралью и съ поэтическими типами. Царь легенды, исполняя волю языческихъ боговъ, послѣ долгой борьбы съ горестью жертвуетъ змѣю свою дочь. Нежданное спасеніе этой дочери доставляетъ ему великую радость и предрасполагаетъ его къ принятію христіанства. Царь стиха не имѣетъ основанія радоваться, когда къ нему возвращается нелюбимая дочь; слагатель сознаетъ это и обращаетъ его въ христіанство угрозой. Страхъ передъ сильнѣйшимъ и житейскія выгоды могли на самомъ дѣлѣ служить мотивами для принятія христіанства, но авторъ легенды имѣетъ дѣло не съ исторіей, а съ идеалами.

Болѣе грубая среда рисуетъ свои идеалы и положительные, и отрицательные болѣе густыми красками, и чѣмъ хуже выйдетъ невѣрный царь Агапить, чѣмъ ближе подойдетъ онъ къ черночерному типу зла, тѣмъ лучше. Болѣе дальновидный авторъ легенды готовить

¹⁾ На сходномъ основаніи на западѣ часто является Маргарита.

себѣ изъ него царя равноапостольнаго и не будетъ чернить его безъ нужды.

Слагатель стиха выдвигаетъ на видный планъ царицу, влагая ей въ уста хитрый совѣтъ; онъ вѣрнѣе общему приему народной поэзіи, которая всѣ злостныя хитрости и противъ дѣтей ¹⁾, и противъ общихъ враговъ, приписываетъ женщинамъ. Играй эта царица роль и въ легендѣ, редакторъ счелъ бы нужнымъ снабдить ее собственнымъ именемъ, и это имя удержалось бы въ нѣсколькихъ вариантахъ.

Источникъ стиха, какъ мы видѣли, сходится въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ источникомъ всѣхъ западныхъ редакцій, и еслибы черта, нами разбираемая, была въ той греческой легендѣ, которая распространилась на западъ, мы нашли бы ее и въ пересказахъ.

И такъ, семейную вражду надо отнести на счетъ слагателя стиха; однако нельзя думать, что произволь его могъ идти очень далеко, и еслибы оригиналомъ ему служила та редакція „прежде мученія“, гдѣ царь предлагаетъ половину царства и жалостно причитываетъ надъ дочерью, слагатель едва ли дозволилъ бы себѣ представить дѣло совершенно въ иномъ свѣтѣ. Подъ руками у него, очевидно, была редакція, еще не столь развитая, которая, подобно редакціи „по смерти“, умалчивала о чувствахъ отца. Съ редакціей „по смерти“ стихъ сближаетъ и то обстоятельство, что въ № 120 и вариантѣ къ нему дѣвица молится Георгію, и Георгій велитъ построить въ свое имя церковь.

Обманное сватовство: „ты въ которую вѣру вѣруешь“ принадлежитъ къ числу такихъ деталей, которыя въ прозѣ не мыслимы, а въ поэзіи очень эффектны. Рѣзкій переходъ отъ ожидаемыхъ радостей брака къ горькой дѣйствительности долженъ былъ привлечь поэта, а толчекъ могло ему дать лирическое отступленіе книжной легенды или приводимая въ легендѣ записка царевны ²⁾, гдѣ сопоставляется смерть съ бракомъ и лютый змѣй съ любезнымъ женихомъ.

Черная повозка, черное платье и дѣтина „опальный“ опять-таки—деталь поэтическая, и именно того слоя поэзіи, гдѣ всѣ образы стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ содержаніемъ.

Въ книжныхъ редакціяхъ Георгій не силой, а словомъ побѣждаетъ змѣя; въ редакціи народной, болѣе пластической, мы должны бы ожидать битвы, которая, за немногими исключеніями, всегда изображается

¹⁾ Подъ вліяніемъ нравственнаго чувства, дѣтей замѣняютъ пасынки и падчерицы.

²⁾ Встрѣчается очень часто.

и на иконахъ; но изъ семи вариантовъ въ трехъ (№ 117, 119 и вар. Георг. Общ.) дѣло обходится безъ битвы; винасть ей—основанія не было; ясно, что въ трехъ редакціяхъ она появилась вслѣдствіе влеченія къ пластичности ¹⁾; авторъ начальнаго стиха остался вѣрнѣ книжному оригиналу.

Изъ него же взялъ онъ и поясъ, на которомъ царевна ведетъ змѣя; изъ него же и страшное явленіе змѣя изъ моря. Последнее обстоятельство указываетъ на Уваровскую редакцію; съ нею оригиналъ стиха сближается и другимъ образомъ: мы видѣли, что эта редакція, подобно западнымъ, стремится осмыслить человѣческія жертвы змѣю недостаткомъ скота; №№ 118, 119 и олопецкая редакція упоминаютъ о кормленіи змѣя скотомъ и лошадьми. Вѣроятно, эта черта выпала въ другихъ вслѣдствіе стремленія ассимилировать пѣсню народнымъ сказаніямъ о битвѣ съ змѣемъ.

Литературный источникъ стиха былъ изъ короткихъ и не заключалъ въ себѣ никакихъ подробностей о пребываніи Георгія въ спасенномъ имъ городѣ, такъ какъ всѣ варианты согласно говорятъ, что царевна одна приводитъ змѣя въ городъ, а избавитель ся исчезаетъ немедленно послѣ подвига. Любопытно окончаніе варианта № 118:

Змѣя разсыпалась на мелкіи пески,
На гаденыши, на червеныши.

Эта черта, очевидно, не принадлежала ни оригиналу, ни стиху, а явилась въ одномъ изъ вариантовъ подъ вліяніемъ во многихъ видахъ ходящаго космогоническаго преданія о происхожденіи гадовъ и другой нечести. Въ томъ видѣ, что отъ трупа змѣя начинается язва, мы встрѣчали его уже въ разказѣ о битвѣ Али съ дракономъ; нѣтъ необходимости во всѣхъ случаяхъ отыскивать для такого зарожденія гадовъ общій литературный источникъ или общее мифическое представленіе ²⁾; гдѣ существуетъ сказаніе о громадномъ драконѣ или змѣѣ, котораго убилъ герой, тамъ естественно возникаетъ вопросъ и о томъ, что сдѣлалось съ его трупомъ; опыты говорить, что въ разлагающихся трупахъ заводятся вредныя животныя; гады, выползающіе изъ трупа дракона, представляютъ какъ бы его

¹⁾ Вар. № 118 составляетъ переходъ: въ немъ есть и битва, и заклинаніе.

²⁾ Хотя и не трудно его выдумать съ точки зрѣнія грозовой теоріи: драконъ—темная туча, поражаемый молніей—копьемъ героя, изливаясь на землю массу змѣе видныхъ дождевыхъ колоній; или по теоріи солнечной: побѣжденная зима встаетъ побѣдителю, высылая изъ нѣдръ земли массу вредныхъ животныхъ.

дѣтьми, и гдѣ битву съ дракономъ относятъ ко временамъ отдаленнымъ, до устроенія настоящаго порядка вещей, естественно космогоническое представленіе такого рода. А гдѣ сказаніе стремится не къ разрѣшенію космогоническихъ вопросовъ, а къ большей законченности, тамъ оно разъясняетъ, какъ народъ былъ избавленъ отъ этого бѣдствія ¹⁾.

Въ южной Руси сказаніе о появленіи гадовъ встрѣчается не въ одномъ Кожемякѣ; гадъ выползаетъ изъ трупа лопнушаго змѣя, на которомъ пахали то Кузьма и Демьянъ ²⁾, то Борисъ и Глѣбъ ³⁾; преданіе о змѣиной бороздѣ, какъ извѣстно, приурочивается къ Троянову валу. Эти южно-русскія сказанія должны стоять въ литературной связи, а Трояновъ валъ есть не только мѣсто приуроченія, но вѣроятно, и мотивъ для сказанія о змѣиной бороздѣ.

Остается разобрать еще одну немаловажную черту, встрѣчающуюся во всѣхъ семи вариантахъ, и очевидно, принадлежащую къ начальному стиху, но не встрѣчающуюся ни въ одной книжной редакціи: разумѣю сонъ Георгія и пробуждающія его слезы паревны.

Чтобъ оцѣнить ея значеніе, необходимо обратиться къ родственнымъ нашему стиху пѣснямъ болгарскимъ, сербскимъ и греческимъ. По малой распространенности сборника Миладиневцевъ считаю не лишнимъ привести болгарскія пѣсни въ извлеченіи. № 38: „Убей Бога короля отъ Трояна! Онъ собралъ всѣхъ троянскихъ христіанъ. Слышите-ль, троянскіе горожане! Разорите единого Бога и напишите бога серебрянаго“. Горожане исполнили его приказъ, и всѣ тридцать-три ключа, бывшіе въ городѣ, потекли серебромъ и золотомъ. Пить нечего; только подъ городомъ находился одинъ глубокой колодезь съ студеной водой, но тамъ находится стихійная змѣя, которую каждый день должны снабжать живою пищею: „туда отправляются троянскіе христіане покупать воду на серебро и на жженое золото“. Король отъ Трояна одѣлъ свою милую дочь младшую Марію, наполнилъ ея пазуху серебромъ и золотомъ, далъ ей въ руки серебряный кувшинъ и послалъ ее къ источнику. На дорогѣ ей встрѣчается св. Георгій, общаетъ ей помочь и до прихода змѣи ложится отдыхать на колѣняхъ царевны. Змѣя изъ озера радуется: „До сихъ поръ я получала

¹⁾ Ср. эстонскую сказку (№ 18), гдѣ язва отъ трупа дракона служитъ мотивомъ для дальнѣйшаго разказа.

²⁾ См. Труды этнограф. въ зап.-рус. вр. экспед. I, 210.

³⁾ Бессарбск. Обл. Вид. 1861, № 2.

по одному таяну¹⁾, а нынѣ цѣлыхъ три“. Дѣвица не смѣетъ разбудить Георгія, но плачетъ, и слезы ея обжигаютъ его лицо. Георгій, увидѣвъ змѣю, испугался, но Господь, сошедшій съ неба, ободрилъ его и велѣлъ ему бросить змѣѣ стрѣлу между черныхъ очей. Поразивъ змѣю, Георгій обвязываетъ ее шелковымъ поясомъ и влечетъ за своимъ копьемъ. Притаивъ змѣю въ городѣ, онъ черезъ Марію вызываетъ ея отца, короля Латина; тотъ предлагаетъ ему свою дочь въ замужество, но Георгій отвѣчаетъ: „Я не какой-нибудь богатырь, я самъ ангель Божій святой Георгій“. Онъ велитъ Латину возстановить христіанство, иначе грозитъ выпустить на горожанъ змѣю. Латинъ исполняетъ его велѣніе, и всѣ тридцать-три ключа потекли студеною водою.

Въ № 31 начало то же, только число ключей—семьдесятъ. Какъ бы сжалившись надъ гражданами, лишенными воды, Господь далъ имъ одинъ источникъ, но около него находится ламія, требующая себѣ въ пищу по дѣвицѣ. На четвертый годъ отправляется за водою (sic) царская дочь, и ждетъ у озера, чтобъ ее поглотила ламія. Когда является Георгій, она жалуется ему на отца:

Онъ іе кадаръ, брате,
И сосъ парп друга да купе,
Таянъ да си пуци, и ворбалокъ да чпнятъ,
Таянъ да не даде;
А ела вели не вѣрува
Вспниски Господа,
Язе си вѣровамъ Исуса Христоса
Мене таянъ ме пуци
На сура та Ламіа,
Мене да ме г ѡле, таянъ ке ѣ бидамъ,
Вода да валеать Троемски христяни.

Георгій также ложится отдыхать и также проситъ дѣвицу: „Ти да ме пощимъ во глава та моя“. Поразивъ ламію копьемъ въ горло, онъ велитъ царевнѣ обвязать ее и вести въ городъ. Царь встрѣчаетъ его не съ радостью, но обвиняетъ его въ волшебствѣ; Георгій ударяетъ ламію ногою въ первый разъ, и она изрыгаетъ 360 дѣвицъ, пожранныхъ въ послѣдній годъ; онъ всѣ живы; послѣ второго удара она изрыгаетъ 360 дѣвицъ отчасти живыхъ, отчасти мертвыхъ; послѣ третьяго 360 дѣвицъ перваго года, онъ всѣ мертвы. Георгій грозитъ царю пустить ламію: голодная она поглотитъ весь городъ. Когда царь покорился, Георгій,

¹⁾ Порціи.

убилъ ламію, ударилъ потомъ коньѣмъ въ землю и снова во всѣхъ 70 влючахъ потекла вода ¹⁾.

Легко видѣть, что обѣ пѣсни—варианты одного стиха, вышедшаго изъ книжной редакціи, подобно русскому, но свободнѣе къ ней отпешемуся, нежели русской. Прежде всего останавливаетъ вниманіе имя Трояна: М. С. Дриновъ (Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами, стр. 77) уже высказалъ вполне основательное мнѣніе, что въ Троицкѣ сказокъ, Хожденіи и Слова о Полку Игоревѣ слѣдуетъ видѣть лицо историческое—Римскаго императора Трояна; думаю, что и въ приведенныхъ стихахъ Латипъ, царь Троицкій, есть тотъ же Троянъ, царь Латинскій; перестановку легко объяснить стремленіемъ приурочить битву со змѣемъ къ городу Трояну.

Исторія о ключахъ, протекшихъ серебромъ и золотомъ, есть воспоминаніе классическаго мифа о царѣ Мидасѣ ²⁾, съ котораго въ известной сказкѣ перенесенъ на Трояна разказъ о звѣриныхъ ушахъ ³⁾.

Что книжнымъ источникомъ болгарскаго стиха служила редакція родственная съ редакціей „прежде мученія“, доказывается также книжнымъ именемъ царевны (Марія), явленіемъ Георгія въ городъ, отсутствіемъ жребія и безучастностью царицы.

Это различіе книжныхъ источниковъ дѣлаетъ тѣмъ поучительнѣе тѣ пункты, гдѣ русскій стихъ сходится съ болгарскимъ, отличаясь въ одинаковой съ нимъ степени отъ всѣхъ известныхъ книжныхъ редакцій. Если въ болгарскихъ стихахъ нѣтъ злостнаго обмана царевны, то нѣтъ и горести отца, а въ № 31 царевна прямо указываетъ на свое иновѣріе и на злобу отца. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же стремленіемъ очернить черное и облито бѣлое.

Изъ естественнаго стремленія къ пластичности въ обоихъ болгарскихъ вариантахъ Георгій бьется съ змѣемъ (№ 31 съ ламіей) оружіемъ; различіе оружія указываетъ, по видимому, на то, что въ начальномъ болгарскомъ стихѣ боя не было.

¹⁾ Эта вторая редакція породила пѣсню, напечатанную въ томъ же сборникѣ, стр. 8—9, гдѣ Георгія замѣнилъ Марко-Кралевиць; что эта пѣсня не самостоятельна, указываютъ 70 колдцевъ, запираемыхъ самовилой и отпираемыхъ героемъ.

²⁾ Золотой источникъ, превращающійся по молитвѣ въ обыкновенный, напоминаетъ разказъ псевдо-Плутарха (см. *Panly Realenc.*, s. v.)

³⁾ См. то же сказаніе въ монгольской *Siddhi Kur.* № 22.

Въ № 38 змѣй, увидавъ при дѣвицѣ Георгія, радуется тому, что на этотъ разъ ему достанется тройная порція. Изъ семи русскихъ вариантовъ въ двухъ (№ 117 и вар. Георг. Общ.) змѣй говоритъ то же самое. Возможна ли такая рѣчь змѣя въ какомъ-нибудь книжномъ оригиналѣ? Очевидно, нѣтъ. Кромѣ того, еслибы была такая черта, какое основаніе ей вынасть? Какъ объяснить дословное сходство нѣкоторыхъ русскихъ редакцій съ болгарскою, и что еще затруднительнѣе, съ нѣкоторыми сказками о битвѣ съ дракономъ, гдѣ послѣдній при видѣ защитника дѣвицы, выражаетъ радость, что ему достанется двѣ головы вмѣсто одной¹⁾? Мифологическое объясненіе здѣсь, конечно, неумѣстно; думаю, что за невозможностью доказать литературную связь, можно удовольствоваться поэтической логикой. Пѣвецъ или разсказчикъ знаетъ печальную судьбу, угрожающую змѣю, и стремится сколько возможно эффектибѣе изложить дѣло; эффектны всѣ рѣзкія переходы къ противоположному, и между прочимъ, переходъ отъ полнѣйшей самоувѣренности змѣя и даже радости по поводу двойной, тройной добычи къ позорному смиренію или гибели; а этого эффекта можно достигнуть, вложивъ въ уста змѣю вышеприведенное замѣчаніе.

Въ № 31 конецъ существенно отличается отъ № 38 и всѣхъ русскихъ стиховъ: ламія изрыгаетъ всѣхъ поглощенныхъ ею дѣвицъ, на половину живыми, на половину мертвыми. Откуда это? Не изъ книжной же редакціи чуда о змѣи?

Наиболѣе вѣроятная, на мой взглядъ, причина такой приставки — литературное преданіе житія Георгія, именно въ редакціи В. Тамъ Георгій оживляетъ толпу язычниковъ: мужей, женъ и дѣтей и силою посмертнаго крещенія переводитъ ихъ изъ ада въ рай. Мы видѣли въ первой главѣ, что эта редакція давала сюжеты для живописи на западѣ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что то же было и на юго-востокѣ Европы. Въ какой иной формѣ искусство могло выразить этотъ важный моментъ житія, какъ не въ формѣ дракона—ада, изрыгающаго толпу нагихъ людей? Изображенія изъ житія большею частію помѣщаются вокругъ главной фигуры Георгія, побѣждающаго змѣя. Видя гдѣ-нибудь съ боку отъ большаго дракона дракона меньшаго, изрыгающаго человѣческія фигуры, малограмотный зритель долженъ былъ счесть это иллюстраціей къ чуду, а чудо онъ слышалъ и знаетъ (или по крайней мѣрѣ предполагаетъ), что царевна была отдана на съѣденіе послѣ другихъ; какъ ему объяснить этихъ изрыгаемыхъ тѣлъ-же дракономъ, какъ

¹⁾ См. напр. *Narr.*, I, 308, № 70; *Gongenbach*, Sic. Märch. № 40.

не возвращенными къ жизни дѣвицами? Невозможность факта, конечно, не остановитъ пѣвца-слагателя, такъ какъ невозможности для него нѣтъ; онъ стоитъ на той ступени, когда реальная вѣроятность ничего не значитъ въ сравненіи съ стремленіемъ къ эпической законченности, къ безусловному возстановленію всего добраго и къ исправленію всего злаго.

Въ обоихъ вариантахъ болгарскаго стиха залеганіе дракономъ воды, упоминаемое въ началѣ и лившееся, по видимому, не безъ вліянія народныхъ представленій¹⁾, тѣсно связано съ заключеніемъ стиха, гдѣ ключи, текшіе серебромъ, снова потекли водой, а это заключеніе объясняется книжнымъ источникомъ стиха, гдѣ въ редакціи „прежде мученія“ истекаетъ изъ земли водный источникъ для крещенія новообращенныхъ. Съ этою именно редакціей связываетъ болгарскій стихъ и имя царевны—Марія.

Съ болгарскимъ стихомъ въ несомнѣнной литературной связи стоятъ и сербская пѣсня, напечатанная въ сборникѣ Петрановича (у Биограду, 1867) подъ № 1. Битва Георгія съ змѣемъ привязана въ ней къ другому, довольно извѣстному мотиву: дѣленію міра между святыми. Городъ Троянъ съ невѣрными жителями достается Божіей матери; послѣ напрасныхъ стараній обратить Троянцевъ къ истинному Богу другими способами, она посылаетъ на нихъ дракона, который поселяется въ образовавшемся *ad hoc* озерѣ; на ночь ѣстъ драконъ по дѣвушкамъ, а утромъ по молодцу. Такъ проходитъ семь лѣтъ, и очередь доходитъ наконецъ до дочери Троянской королевы. Три дни оплакивала королева свою дочь, потомъ уснула; во снѣ явился ей человекъ, велѣлъ дочери умыться водой изъ озера, и обернувшись къ солнцу, помолиться не серебряному, а истинному Богу. Дѣвушка поступила согласно небесному велѣнію; у озера увидала она неизвѣстнаго юношу на бѣломъ конѣ; онъ спрашиваетъ ее, зачѣмъ она находится здѣсь. Царевна объяснила ему всю правду (она мысли, онъ за то не знаетъ). Юноша

¹⁾ Во множествѣ случаевъ, особенно въ южно-славянскихъ сказкахъ, дѣвица или юноша, выдаваемые дракону, ясно представляются платой за воду. По одному варианту малорусской сказки, у яриницы залегаютъ 12 змѣевъ, и чтобы получить воды, надо давать имъ по 12 человекъ (*Кулишъ*, II, 53—4); по другому варианту у колодца одинъ 12-главый змѣй; ему даютъ по одному человеку. По одной сказкѣ *Гана*, (II, 49) 12-главому змѣю даютъ за воду въ недѣлю по одной дѣвушкѣ; по другой (I, 308), змѣй позволяетъ только одинъ разъ въ годъ брать воду и за это требуетъ по дѣвушкѣ. Разумѣется, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ воспоминаніями о человѣческихъ жертвахъ.

сходить съ коня и владеть голову на колѣни дѣвушки: „Поишти ме у перчину млада“. Не смотря на предостереженіе дѣвицы, юноша за-сууль. Когда показалась змѣя, онъ проснулся самъ, вскочилъ на коня и пронзилъ змѣю. Освободивъ дѣвушку, онъ входитъ въ городъ и говоритъ Троянцамъ (здѣсь въ первый разъ пѣвецъ называетъ его св. Георгіемъ), чтобъ они оставили идолопоклонство и пороки, а то онъ выпуститъ на нихъ змѣю; онъ входитъ въ языческій храмъ и истребляетъ идоловъ. Заручившись согласіемъ народа принять христіанство, онъ закрестилъ озеро, и оно исчезло, какъ будто никогда и не бывало, змѣю убилъ и возвратился въ небесное царство.

Имя города Трояна заставляетъ производить сербскую пѣсню отъ болгарской, но не отъ той болгарской, которую мы знаемъ, а отъ ея прототипа, гдѣ исторія Георгія не успѣла еще слиться съ исторіей Мидаса-Трояна. Сонное видѣніе царицы, появленіе и исчезновеніе озера—самостоятельныя прибавки; истребленіе идола есть, по видимому, отзвукъ житія Георгія; плачь матери рѣзко отличаетъ сербскую пѣсню отъ болгарскаго № 31.

Наши соображенія подтверждаютъ двѣ очень интересныя ново-греческія пѣсни, переводъ которыхъ обязательно сообщилъ мнѣ проф. Г. С. Дестунисъ¹⁾. Болѣе пространная изъ нихъ напечатана въ сборникѣ Яннараки: „Аσματα Крътѣха. Leipzig. 1876, подъ № 1:

„Святой Гюрги, господинъ ты мой, прекрасный всадникъ, опоясанный мечемъ, вооруженный золотымъ копьемъ, желаю помянуть твои милости и твою славу за то большое, городское чудовище, что ты убилъ. Было у городского колодца одно чудовище, которое каждое утро и каждый вечеръ кормилось людьми. Если не понесутъ ему людей на ужинъ, оно не пропуститъ къ ключу ни капли воды. Метали жребій,—кому выпадетъ,—чтобы повелъ дитяtko свое этому льву въ гостинець. И выпалъ жеребій царевнѣ, а была она, распрекрасная, одна дочь у царя. А отецъ-то ея, какъ услыхалъ о томъ, не по нутру пришлось. Разбитыми ножонками добрелъ до милой доченьки своей. А тамъ мечи на-голо, да ножи заостренные. „Не шлешь своего дитяtko, такъ по крайности пошлемъ самого“. „Возьмите вы мое дитяtko, сдѣлайте невѣстой и отведите ко льву на ужинъ, въ гостинець“. Вошли и наряжали ее съ утра до вечера, одѣвали все въ зо-

¹⁾ Считаю приятнымъ долгомъ принести ему за это мою искреннѣйшую благодарность, которую, я убѣжденъ, раздѣлятъ со мною и читатели: пѣсня на критскомъ нарѣчій не нашла себѣ переводчика даже въ Лейпцигѣ.

лото, все въ жемчугъ. И вотъ солнце обратила она въ лицо свое, море—въ украшенія, песокъ — въ жемчугъ. И когда сводили ее къ большой пристани, вышла ея матушка и громко завопила: „Лучше мнѣ не кормить было тебя молокомъ изъ груди моихъ ¹⁾ и не носить было съ болью въ утробѣ своей, чѣмъ завопить такъ громко“. Тутъ вышелъ и отецъ ея съ золотымъ вѣнцомъ и оперся головою на дверной косякъ: „Лучше мнѣ горемычному никогда не видать было тебя, чѣмъ держать горящую свѣченку, что у меня погасла“. И народъ послѣдовалъ за нею и пошли къ ключу: а бѣдняжка невѣста воротиться не надѣялась. И дрожала всѣмъ тѣломъ и стройнымъ станомъ своимъ, что вотъ чудовище съѣстъ ее, эту кую красавицу. Какъ по той же по улицѣ проходилъ святой Гіорги. „Чего ты ищешь здѣсь, дѣвушка, что сидишь въ чащѣ?“ „Отойди, молодецъ, отойди ты, уйди отъ меня, чтобы чудовище не съѣло и тебя, также какъ и мою милость“. „Ты не бойся чудовища, потому что я его убью, а пусти меня заснуть на твоихъ колѣнахъ“. Наклонился къ ея колѣнамъ, чтобы поискала у него въ головѣ, а изъ очей ея текло, какъ изъ мутнаго ключа. Когда услышала дѣвушка шумъ, что вотъ бѣжитъ ее удупить, отъ страха крикнула она: „Святой мой Гіорги!“ А святой, какъ услышалъ ее, бѣжитъ спасти ее, избавить отъ того дикаго чудовища. „Дѣвушка, гдѣ узнала ты о моемъ имени? Какъ извѣстенъ тебѣ святой?“ Въ ту пору, какъ я искала у тебя въ головѣ, прилетѣлъ голубь и держалъ золотой крестъ въ правой ногѣ ²⁾; на верхушкѣ креста золотого написано: „святой Гіорги, кто любитъ его милость, тотъ никогда не скончается“. Всталъ на востокъ и перекрестился; разъ ударилъ его копьемъ и прокололъ ему шею, въ другой разъ угодилъ ему въ ротъ, и тотъ палъ наземь и бился на песокѣ. Вынимаетъ святой Гіорги золотую цѣпь, влечетъ его за шею: то-то радость настала во всей вселенной.— Отнынѣ и впредь всегда живи безъ боязни; изъ тѣхъ дикихъ чудовищъ ни одного ты не бойся. За руку ее хватаетъ, на коня сажаетъ, къ царю приѣзжаетъ и съ нимъ толкуетъ:—„Нѣ тебѣ, царь, дѣтище твое, возьми дочь свою; и изъ глубины сердца дай ей свое благословеніе“. „Здравствуй, всадникъ мой, скажи мнѣ имя свое, чтобы я сдѣлалъ твоей милости царскій подарокъ“. „Гіоргомъ Воиномъ зовутъ меня, изъ Скарпаоіи; коли желаешь сдѣлать подарокъ, построй церковь:

¹⁾ «Это перевожу по догадкѣ», слова Г. С. Дестуниса.

²⁾ Въ текстѣ: въ правой *рукѣ*.

и слѣва, и справа напиши ты всадника, чтобы кланялись христіане, и ты, и кто бы ни вошелъ“.

Другая пѣсня безъ начала напечатана въ *Νεοελληνικά ἀνάλεκτα* (Тѣ-
ис: Α' φολλαδ. В 1870) подъ № 21.

„Метали жребій, — кому выпадетъ, чтобы отдалъ дитяtko свое чудовищу въ гостинецъ. И вынулъ жребій царевнѣ, чтобы чудовище съѣло ее, маленькую дѣвушку. А царь, какъ услыхалъ о томъ, молвилъ таково слово: — „Все имѣніе мое возьмите, а дитяtko мое пустите“. А народъ, когда услыхалъ о томъ, идетъ къ царю: — „Либо выдай свою дочку. либо выдадимъ самого“. „Нарядите вы мое дитяtko, сдѣлайте ее невѣстой, чтобы пошла провести ночь съ дикимъ чудовищемъ“¹⁾. И провожали ее, пока дошла до ключа. Не надѣялася, бѣдняжка, воротиться назадъ. Какъ появился передъ нею верхомъ святой Гіорги, завопила тутъ дѣвушка громкимъ голосомъ: — „Уйди, чужестранецъ, чтобы не съѣло и тебя это дикое чудовище, которое съѣстъ и меня“. Святой Гіорги пожелалъ ее спасти, избавить отъ ея горькой смерти. Захватилъ копые и убилъ имъ чудовище; а дѣвушка отъ страха закричала: — „Святой Гіорги!“ А онъ за волосы ее схватилъ²⁾ и на коня посадилъ, поѣхалъ и привезъ ее въ отцовскій дворецъ“.

Критская пѣсня передаетъ тотъ же сюжетъ, что болгарскіе, сербскій и русскіе стихи, позволяя себѣ только одну крупную добавку: эпизодъ о небесномъ голубѣ. Въ другихъ подробностяхъ она сходится то съ русскимъ (на царевну падаетъ жребій), то съ болгарскимъ (драконъ залегаетъ ключъ); но ближе ихъ обоимъ подходитъ къ литературному источнику, такъ какъ не жалѣетъ красокъ на изображеніе горести отца.

Вторая пѣсня еще ближе къ легендѣ: въ ней нѣтъ эпизода о снѣ героя передъ битвой. Весьма важный общій вопросъ о силѣ литературнаго преданія въ такъ называемой народной поэзіи сводится въ данномъ случаѣ къ маловажному, по видимому, вопросу о томъ, какая изъ двухъ греческихъ пѣсень древнѣе? Иначе: прибавленъ ли эпизодъ о снѣ Георгія въ первой пѣснѣ, или онъ выпалъ во второй? Если эпизодъ этотъ принадлежитъ стариной греческой поэмѣ, трудно удержаться отъ искушенія усмотрѣть въ этой поэмѣ источникъ стараго болгарскаго стиха,

¹⁾ Вар: «Нарядите дитяtko мое на дорогіе камни, во все дорогое, въ золото и въ жемчугъ».

²⁾ «Харонъ хватаетъ свою добычу за волосы, а здѣсь такой образъ — неумѣтное подражаніе». Прим. Г. С. Дестуниса.

который въ свою очередь послужилъ источникомъ сербскаго и русскаго. Въ такомъ случаѣ нашъ стихъ со всѣми своими сказочными подробностями окажется переводомъ съ болгарскаго. Тогда можно дойти и до крайнихъ предѣловъ смѣлости: усмотрѣвъ разительное сходство Егорьевскаго стиха съ сказками о битвѣ съ дракономъ, гдѣ герой тоже засыпаетъ передъ битвою, зная источникъ стиха и не довѣряя мифологическому объясненію этого эпизода въ сказкахъ, можно рѣшить, что сказка въ данномъ случаѣ черпала свое содержаніе изъ греческой поэмы, сочиненной какимъ-то грамотникомъ.

Но факты, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, противорѣчатъ исходному предположенію. Вопервыхъ, въ критской пѣснѣ Георгій бѣжитъ къ царевнѣ, у которой онъ спалъ на колѣняхъ: очевидная нелѣпность, объясняющаяся только тѣмъ, что сонъ героя вставленъ позднѣе. Во вторыхъ греческая пѣсня вмѣстѣ съ болгарскою и сербскою заимствовала свое содержаніе изъ иной редакціи книжной, чѣмъ русскій стихъ: въ русскомъ стихѣ Егорій не показывается въ городѣ; въ греческой онъ ведетъ переговоры съ отцемъ царевны, велитъ построить въ свою честь церковь. Втретьихъ, при такомъ порядкѣ генезиса греческая пѣсня должна бы быть ближе всѣхъ къ книжному источнику, а русскій стихъ — быть вполне свободнымъ отъ вліянія книжности; а между тѣмъ въ послѣднемъ мы находимъ указанія на Содомъ и Гоморру, Гераклею, Теодора и прочія подробности, которыхъ не знаетъ греческій стихъ, и которыя легко указать или предположить въ книжной редакціи ¹⁾ Вчетвертыхъ, наконецъ, наше смѣлое предположеніе о происхожденіи эпизода русскихъ (пожалуй еще и греческихъ и албанскихъ) сказокъ не объяснило бы намъ безусловно сходнаго эпизода въ сказкахъ нѣмецкихъ, сицилійскихъ и пр.

И такъ, остается ограничиться скромнымъ выводомъ: вариантъ греческой пѣсни, напечатанный въ *Analecta*, ближе къ оригиналу; въ критскій вариантъ изъ народной сказки по сходству темы внесены пѣвцемъ эпизодъ о снѣ героя; такой же точно эпизодъ, но съ большею законченностью изъ однороднаго источника усвоенъ авторомъ русскаго стиха, который и въ другихъ частяхъ отнесся свободнѣе къ своему книжному оригиналу. Литературная связь болгарскаго стиха

¹⁾ Само собою разумѣется, я не думаю, что всѣ греческія пѣсни на эту тему ограничиваются двумя приведенными вариантами; завтра могутъ найдти новую пѣсню, которая будетъ заключать и Содомъ съ Гоморрою и пр. Тогда положеніе вопроса совсѣмъ измѣнится.

съ греческимъ не можетъ быть ни доказана, ни отвергнута; признать таковую между стихами болгарскимъ и русскимъ мѣшаютъ уже указанныя отличія ихъ книжныхъ источниковъ. И такъ, покаместъ приходится остановиться на томъ, что не Иванъ-царевичъ заимствовалъ свой сонъ отъ Георгія, а Георгій отъ Ивана-царевича ¹⁾.

Такимъ образомъ опасный вопросъ о разительномъ сходствѣ сказокъ, центромъ которыхъ служить борьба съ змѣемъ ²⁾, оказывается въ сторонѣ отъ Георгія, и я имѣю право объѣхать этотъ подводный камень, но считаю не лишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній вопрошающаго характера.

Обыкновенно для объясненія съ той или другой точки зрѣнія группы явленій изъ области народныхъ сказаній обращаютъ особенное вниманіе на сходство послѣднихъ; думаю, что иногда не худо обратиться къ несходному, къ отклоненіямъ, посредствомъ которыхъ сказаніе изъ одной группы переходитъ въ другую, и эпическій приѣмъ видоизмѣняется до неузнаваемости.

Въ большей части сказаній о битвѣ съ дракономъ или замѣняющими его тролемъ, лукавымъ, великаномъ, сонъ героя или искаше въ головѣ его составляетъ видный эпизодъ, но обстановка сна и способы пробужденія—очень разнообразны: герой засыпаетъ на колѣняхъ у красавицы въ жилищѣ дракона ³⁾; герой засыпаетъ отъ утомленія на полѣ битвы ⁴⁾ и этимъ сномъ пользуется лжегерой, чтобъ убить его

¹⁾ Этотъ выводъ не лишаетъ права видѣть на отдѣльныхъ членахъ обширной семьи сказокъ о битвѣ съ дракономъ слѣды литературнаго вліянія. Считаю не лишнимъ привести нѣсколько *возможныхъ* случаевъ. Одинъ плохой русский вариантъ сказки о двухъ Иванахъ (*Ае.*, II, 21) изображаетъ зѣбя посланника *морского царя* (ср. Уваровскую редакцію). Бернелавское сказаніе (*Отеч. Зап.* 1852 г., *Анонсъ*, ст. 2-я, стр. 109) приписываетъ освободителю царевны *бѣлаго коня* (ср. изображенія Георгія). По закону стремленія къ эпической законченности битва съ змѣемъ всегда кончается бракомъ; но новогреческая сказка (*Hahn*, I, 308), во всѣхъ подробностяхъ очень близкая къ болгарскому стиху о Георгіѣ заставляетъ героя отказаться отъ освобожденной красавицы: онъ проклятъ Не реядой и обращенъ въ женщину. Не есть ли это самовольное толкованіе цѣломудрія героя?

²⁾ Уже: о братьяхъ близнецахъ. См. *Grimm*, 60 и 85; *Köhler* въ *Jahrb. f. engl. u. rom. Lit.* VII, 133; *Hahn*, I, 22; *Рижскій Вѣстн.* 1874, № 242 и слѣд. и проч.

³⁾ *Hahn*, Griech und alban. Märchen, № 64.

⁴⁾ *Ае.*, Сказки, изд. 2-е, № 67 и др. *Schleicher*, Lit Märchen, стр. 4 и 58, *Grimm*, Märch. № 60 и др. Соединеніе обихъ приѣмовъ *Ае.*

и присвоить себѣ награду. Герой иногда гибнетъ именно потому, что драконъ находитъ его спящимъ (Ортнить). Если сонъ предшествуетъ битвѣ съ дракономъ, она сопровождается или замѣняется искашемъ въ головѣ ¹⁾ которое въ болѣе деликатныхъ новыхъ пересказахъ замѣняется приведеніемъ волосъ въ порядокъ ²⁾.

Съ точки зрѣнія натурмиеологической (въ данномъ случаѣ—спеціально метеорологической) теоріи сонъ героя передъ битвою есть зимній сонъ природы передъ весеннею битвою съ мракомъ и холодомъ; очевидно, что съ той же точки зрѣнія сонъ послѣ битвы есть осенній сонъ, которымъ пользуется врагъ свѣта и тепла, лжегерой.

Вотъ первое само собою напрашивающееся возраженіе противъ всеобъединяющей теоріи: одна и та же зима изображается въ томъ же мѣстѣ въ видѣ страшнаго дракона и комическаго водовоза, замарашки, трусливаго генерала или барина. Гдѣ тутъ глубокая мудрость миеа, продолжившая на тысячелѣтія его жизнь?

Но сонъ передъ боемъ встрѣчается не въ одной битвѣ съ дракономъ: герой сказки или быliny, отправляясь биться съ своимъ соперникомъ по силѣ, или находитъ его спящимъ, или самъ засыпаетъ, доѣхавъ до мѣста; въ тѣхъ же чертахъ изображаются и неожиданныя встрѣчи. Ужели и здѣсь весенній или осенній сонъ природы? А между тѣмъ здѣсь нельзя не видѣть единства приема.

Героя будить очень часто слеза женщины, которой угрожаетъ опасность отъ дракона или его замѣстителя. Миеологи видятъ въ этой слезѣ весенній дождь, пробуждающій силу земли ³⁾. Но надо обратить вниманіе на тѣ многочисленные случаи, гдѣ пробужденіе этимъ средствомъ является мотивированнымъ. Богатырь обладаетъ всѣми богатырскими свойствами, между прочимъ, и богатырскимъ сномъ: поэтому, ложась спать, онъ приказываетъ будить себя ударомъ дубины ⁴⁾, колоть шиломъ въ ухо ⁵⁾ и т. д. Женщина изъ любви не рѣшается прибѣгнуть къ такому сильному средству и достигаетъ той же цѣли своею горячею слезой. Иногда слеза является, какъ послѣднее и болѣе дѣйствительное средство послѣ того, какъ всѣ другія

¹⁾ *Hagn*, № 70; *Oberleitner*, стр. 64, 82, 110 и пр.

²⁾ *Schott*, № 10.

³⁾ Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ представителей школы Шеппингъ приравниваетъ ее живой и мертвой водѣ, напитку Ильи, водѣ колдуновъ и разбойниковъ и т. д. Ср. *Аэ.*, II, В., I, 603.

⁴⁾ *Аванасьева*, Сказки, II, № 27.

⁵⁾ Сборн. свѣд. о кавк. горц., II, стр. 30.

были перепробованы: женщина изъ всѣхъ силъ тормозитъ героя: тотъ ничего не слышитъ; тогда она начинаетъ плавать, и герой пробуждается. Особенно это ясно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ къ спящему заколдованнымъ сномъ является его настоящая возлюбленная, хотя тамъ это средство и не вполне достигаетъ цѣли; толчковъ и уколовъ герой совсѣмъ не чувствуетъ, а плачь слышитъ, хотя и не можетъ проснуться.

Очевидно, что единое мифологическое толкованіе—натяжка; очевидно, что нѣтъ возможности для всѣхъ подобныхъ случаевъ найти общій литературный источникъ; здѣсь вполне достаточно толкованія морально поэтическаго: женская слеза сильнѣе кулака и палки дѣйствуетъ на богатыря, недоступнаго физическимъ страданіямъ, но мягкаго сердцемъ.

Подобное толкованіе возможно и для сна героя. Сонъ есть естественное состояніе одинокаго богатыря, когда ему нечего дѣлать (какъ пиръ—естественное занятіе общества богатырей!); сонъ передъ битвой—естественное средство поддѣлать свои силы; сонъ послѣ утомительной битвы—единственное средство возобновить ихъ. Исканье въ головѣ, какъ извѣстно, любимое народное средство возбудить укрѣпляющій сонъ. Скажутъ: неестественъ сонъ передъ опасною битвой, но герой народной сказки потому и герой, что онъ неестественно силенъ и храбръ; засыпая въ виду близкой опасности, онъ доказываетъ, какъ презираетъ онъ своего врага, а низость врага, нападающаго во время сна ¹⁾, тѣмъ рельефнѣе представляется слушателямъ.

Подобныя толкованія не считаются научными, особенно когда они не подтверждены фактами изъ области сказаній не индоевропейскихъ народовъ ²⁾. Они дѣйствительно неумѣстны тамъ, гдѣ можно добиться литературной связи; но для отысканія ея или даже для окончательнаго рѣшенія вопроса о необходимости литературной связи между сказками нужно и болѣе матеріала, нежели доселѣ собрано, и выработанный методъ сортировки матеріала. А послѣдній еще въ туманѣ будущаго. Сказанія, генетическая связь которыхъ есть величина искомая, можно сличать или по основной темѣ, или по составляю-

¹⁾ Самъ герой не нападаетъ на спящаго, даже на востокъ. Викрамадитія (Арджан Борджи, нем. переводъ, стр. 93) не нападаетъ на царя Шимнусовъ, потому что тотъ спитъ пьяный.

²⁾ Извѣстно, какъ мало собрано въ этой области, и какъ трудно довѣрять въ этому малому.

щимъ сказаніе моментамъ; единство темы всегда есть извѣстное данное; рядъ сходныхъ моментовъ и при различіи темы можетъ указывать на генетическую связь. Вотъ уже двѣ точки зрѣнія, двѣ системы сличенія, которыя по большей части смѣшиваются. Но при различіи темы и при недостаткѣ сходныхъ моментовъ одна черта, собственное имя, мелкая, но специальная подробность, форма выраженія можетъ возбудить вопросъ о связи.

Что же выходитъ? Съ одной стороны, изъ фактовъ извѣстно, что сказанія, несомнѣнно относящіяся къ одной личности или исходящія изъ одного источника, варьируютъ, напримѣръ, и типъ побѣжденнаго врага, и способъ побѣды; съ другой стороны, постепенно расширяя предѣлы сличенія, изслѣдователь доходитъ до основной темы борьбы свѣтлаго начала съ темнымъ, подъ которую подходитъ все, что изобрѣтено воображеніемъ человѣческимъ. Особенно опасно основываться на единствѣ неспеціально выраженной темы и на немногихъ моментахъ. Рѣшилъ, напримѣръ, заранѣе Мангартъ ¹⁾, что всѣ разказы о борьбѣ съ чудовищемъ при помощи чудеснаго меча и о снѣ послѣ битвы входятъ въ одну группу, суть варианты одного разказа, и возстановляетъ по этимъ *disjecta membra* древнѣйшую формулу разказа—Пелеиду, такъ какъ и про Пелея разказывается нѣчто подобное. Но возможно ли думать, чтобы греческій миѳъ, не сохранившійся литературнымъ путемъ, выжилъ въ устной передачѣ столько столѣтій? Кто повѣрилъ въ его Пелеиду? Въмѣсто подобныхъ конъектуръ лучше до времени довольствоваться скромными не научными толкованіями.

Бѣлорусская редакція ²⁾ нашего стиха стоитъ совершенно особнякомъ отъ вариантовъ русскаго стиха о Егоріѣ и Елизаветѣ. Не смотря на забвеніе имени, на замѣну царя паномъ, стихъ ближе къ книжному, нежели прототипъ остальныхъ вариантовъ ³⁾. Источникъ его, по видимому—чудо „послѣ смерти“.

¹⁾ *Wald-und Feldculte*, II, 52 и слѣд.

²⁾ *Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, V, 119—120.

³⁾ Книжность часто является характернымъ признакомъ бѣлорусскихъ пѣсень. См. *ibid.* 123.

А. Кириичниковъ.

ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВГОРОДѢ.

I.

Утвержденіе христіанской церкви въ Великомъ Новгородѣ. (X—XII в.).

Господствовавшее въ древней Руси язычество далеко не отличалось такимъ сильнымъ развитіемъ, какое замѣчается у многихъ другихъ историческихъ народовъ. Оно только еще вступило въ періодъ антропоморфизма и выражало это вступленіе размѣщеніемъ человѣкообразныхъ идоловъ въ важнѣйшихъ религіозныхъ центрахъ. А при слабомъ развитіи антропоморфизма не могло быть ни храмовъ, которые служили бы покровомъ для языческой святыни, ни—что еще важнѣе,—самостоятельнаго жреческаго званія, не могло быть, слѣдовательно, класса лицъ, въ прямомъ интересѣ котораго было бы всѣми силами поддерживать старый, наслѣдованный отъ предковъ порядокъ вещей. Самое большее, что можно было тогда встрѣтить, это — волхвовъ, которые, конечно, тоже должны быть отнесены къ числу представителей старой религіи, но только совершенно въ иномъ, нежели жрецы, смыслѣ. Различіе между жрецами и волхвами видно уже изъ того, что въ языческія времена они нерѣдко одновременно существовали другъ подлѣ друга; сущность же различія заключается въ томъ, что, противоположно жрецамъ, волхвы не имѣли назначенія отправлять службы въ честь того или другаго божества и потому не могутъ считаться особенными, самостоятельными органами древняго

богослуженія. Они были только исполнителями тѣхъ дѣйствій языческаго культа, которыя были доступны не каждому, которыя, какъ на примѣръ, предсказываніе и толкованіе знаменій, требовали особеннаго дарованія. Это были люди, которые умѣли не только узнавать волю боговъ, но и управлять ею, которые въ случаѣ надобности могли перехитрить боговъ или даже употребить противъ нихъ силу. Какъ представители языческой религіи, волхвы, конечно, не могли относиться равнодушно къ религиознымъ нововведеніямъ и не отказывались по временамъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ послѣднихъ. Но серьезное значеніе эта враждебность не могла получить уже по той причинѣ, что между волхвами не было никакой организаціи: это были отдѣльныя единицы, не связанныя между собою никакими узами.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, было бы странно ожидать, чтобъ язычество явило собою на Руси примѣръ дѣятельнаго сопротивленія при встрѣчѣ съ христіанствомъ. И дѣйствительно, наблюдая процессъ начальнаго водворенія христіанства на Руси, мы нигдѣ не видимъ язычества въ дѣятельной борьбѣ съ новымъ вѣроученіемъ. Напротивъ того, какъ бы сознавая свою слабость, язычество вездѣ безъ боя очинило для христіанства поле дѣйствія. Не только въ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему древнерусскихъ земляхъ, но и въ болѣе отдаленныхъ сѣверо-восточныхъ краяхъ христіанство получало господство безъ всякихъ столкновеній съ народною массою. Это общее замѣчаніе примѣняется вполне и къ Великому Новгороду. Правда, многіе ученые, въ томъ числѣ гг. Соловьевъ и Костомаровъ, не только говорятъ о противодѣйствіи новгородскаго язычества водворенію христіанства, не только считаютъ себя въ правѣ передавать всѣ подробности происходившей между ними борьбы, но и вообще склонны смотрѣть на утвержденіе христіанства въ Новгородѣ, какъ на дѣло проповѣдниковъ особеннаго рода, какъ на подвигъ Владиміровыхъ полковъ¹⁾. Однако данныя, на которыхъ они основываютъ свои заключенія, являются слишкомъ шаткими и неубѣдительными, и не могутъ заставить насъ усомниться въ мирномъ распространеніи христіанства и въ Новгородѣ. Якимовская лѣтопись, откуда почерпаются свѣдѣнія о сопротивленіи язычества въ Новгородѣ, отличается такимъ мутнымъ характеромъ, что было бы уже давно пора совсѣмъ исключить ее

¹⁾ Исторія Россіи, I, 186—187; Сѣверно-русскіе народоправства, I, 37.

изъ числа источниковъ по новгородской исторіи ¹⁾. А за устраненіемъ Якимовской лѣтописи, у насъ для составленія понятія объ отношеніи язычества къ христіанству въ Новгородѣ имѣется всего только одинъ мѣстный новгородскій мнѣ, представляющій не историческую, а только образную картину паденія новгородскаго язычества. Но вопреки увѣренію г. Костомарова, даже и этотъ мнѣичскій источникъ ничего не говоритъ въ пользу дѣятельнаго сопротивленія язычества въ Новгородѣ ²⁾. Лѣтописное извѣстіе о крещеніи народа въ Кіевѣ сообщаетъ намъ, что жители города по крайней мѣрѣ выражали плачемъ свое пассивное сопротивленіе поруганію Перуна. Ничего подобнаго въ Новгородѣ мы не видимъ. Нѣтъ сомнѣнія, новгородскій божокъ выказываетъ въ преданіи болѣе энергіи, чѣмъ кіевскій. Когда Перунъ, повязанный веревками, былъ съ пинками и ударами палокъ влекомъ со своего мѣста на Перыни къ Волхону, то бѣсъ, вошедшій въ него, кричалъ: „О, горе мнѣ, ахъ, попался я въ руки немилостивыхъ людей!“ Плыви затѣмъ подъ Волховскимъ мостомъ, Перунъ бросилъ на него свою палицу; какъ бы завѣщая тѣмъ Новгородцамъ усобицы на этомъ самомъ мосту въ наказаніе за ихъ отступленіе отъ старой религіи. Но что въ мнѣе самое главное,—отношеніе новгородскаго населенія къ низвергнутому идолу, оно вездѣ является крайне враждебнымъ. Въ особенности ясно эта враждебность видна изъ послѣдняго разказа о судьбѣ Перуна: когда именно несчастный божокъ попробовалъ было пристать къ берегу у Пидьбы (рѣки, впадающей въ Волховъ съ лѣвой стороны ниже Новгорода), то Пидьбляиниъ, пришедшій на рѣку съ цѣлюю вести на лодкѣ въ городъ горшки, увидѣвъ его, оттолкнулъ шестомъ и сказалъ: „Довольно ты, Перунице, ѣлъ и пилъ, плыви теперь прочь“ ³⁾.

¹⁾ Разборъ сказанія Якимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода см. въ приложеніи I-мъ.

²⁾ Сѣверно-русскаго народопр. II, 261.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 207, 988 г.: „И прииде епископъ Іоакимъ, и требища разори и Перуна посѣче, что въ Великомъ Новгородѣ стоялъ на Перыни, и повелъ повлещи въ Волховъ; и повязавше ужи, влачаху ѣ по калу, бѣюще жезаіемъ и плающе, и въ то время баше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: о горе мнѣ, охъ, достася немилостивымъ судиямъ симъ! — и вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловаше сквозъ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, ео же безумніи убивающесея, утѣху творятъ бѣсомъ. И заповѣда никому же видѣти не перенати его. И иде Пидьбляиниъ рано на рѣку, хотя горницы везти

Но хотя язычество въ древней Руси и не имѣло вообще дѣятельной силы для борьбы съ христіанствомъ, тѣмъ не менѣе успѣхъ, сопровождавшій утверженіе послѣдняго, былъ въ разныхъ краяхъ Россіи далеко не одинаковъ. На югѣ Россіи, и въ особенности въ Кіевѣ, дѣло обращенія язычниковъ въ христіанство совершилось сравнительно не только легко, но и довольно основательно. Такой оборотъ дѣлъ былъ обусловленъ тамъ значительною предварительною подготовкой, бывшею слѣдствіемъ близкаго сосѣдства и частыхъ военныхъ и торговыхъ сношеній съ Греками. Благодаря этому обстоятельству, еще задолго до своего официального признанія господствующею религіею, христіанство имѣло въ Кіевѣ не только своихъ приверженцевъ, но и свои храмы. Въ другихъ условіяхъ находился Великій Новгородъ. Отдаленный большимъ пространствомъ отъ центра христіанской жизни и даже отъ Кіева, онъ тѣмъ самымъ былъ лишень подготовительнаго вліянія, которое впоследствии облегчило бы окончательное утверженіе въ немъ христіанства. Христіанство было тамъ явленіемъ совершенно новымъ, результатомъ официальной проповѣди, послѣдовавшей изъ Кіева уже послѣ совершившейся тамъ перемѣны, но извѣстной намъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало ¹⁾. А какъ явленіе новое, не подготовленное свободнымъ распространеніемъ новой вѣры, христіанство долгое время не могло быть въ Новгородѣ ни достаточно прочнымъ, ни достаточно глубокимъ. Оно не могло быть достаточно прочнымъ потому, что при свѣжести языческихъ преданій новообращенные христіане легко поддавались вліянію ревнителей старины и начинали колебаться въ привязанности къ новой вѣрѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить успѣхи, которыми сопровождалось появленіе волхвовъ на сѣверѣ. Въ Кіевѣ появленіе волхва, начавшаго возвѣщать о скоромъ наступленіи времени, когда послѣдуетъ премѣненіе странъ, и когда Греческая земля станетъ на мѣсто Русской, и Русская — на мѣсто Греческой, не сопровождалось никакими смятеніями: волхва слушали только простые люди, а вѣрные смѣялись и говорили: „Вѣсь тобою играетъ на пагубу тебѣ“ ²⁾. Напротивъ того, въ Новгородѣ когда въ княженіе Глѣба

въ городъ, и Перунъ приплылъ къ берегу, къ бервы, и отрину его шестомъ, и рече ему: Перунице! досыти еси вѣль и пиль, а вынь прочь плови...

¹⁾ Разборъ мѣталъ о двукратной проповѣди христіанства въ Новгородѣ см. въ приложеніи II-мъ.

²⁾ Лѣт. по Лавр. си., стр. 170, 1071 г.

явился волхвъ, и превознося собственное невѣдѣніе и способность творить чудеса, сталъ хулить христіанскую вѣру, то встрѣтилъ общее сочувствіе. Около Новгородскаго епископа Феодора, вышедшаго въ церковномъ облаченіи увѣщевать отпавшихъ, собрались только князь Глѣбъ да его дружина; вся же остальная масса новгородскаго народонаселенія пристала не колеблясь къ волхву. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, грозившемъ Новгородскому владыкѣ серьезною опасностью, только рѣшительность князя Глѣба спасла, по разказу лѣтописца, дѣло христіанства: спрятаннымъ на случай топоромъ Глѣбъ разсѣкъ волхва, собиравшагося сотворить великія чудеса, перейди на глазахъ у всѣхъ рѣку Волховъ, и тѣмъ остановилъ дальнѣйшее развитіе мятосжа ¹⁾. Въ ближайшихъ однако къ центру церковной жизни мѣстностяхъ, то-есть, въ самомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ, христіанское усиліе мало по малу все болѣе и болѣе входило въ сознаніе массы народа и тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе торжествовало надъ язычествомъ. Какую переиѣну въ понятіяхъ Новгородцевъ должны мы предположить, если сопоставимъ съ разказомъ о князѣ Глѣбѣ постунокъ Новгородцевъ съ волхвами въ 1227 году: волхвъ при Глѣбѣ чуть не совратилъ въ язычество всю массу новгородскаго населенія, а въ 1227 году мы не только не слышимъ ни о какихъ усилѣхъ волхвовъ между жителями вольнаго города, но и читаемъ извѣстіе, что Новгородцы сжигаютъ на Ярославомъ дворѣ четырехъ кудесниковъ почти не безъ всякаго изслѣдованія дѣла: разница огромная ²⁾!

Но, если виѣшнее торжество надъ язычествомъ доставалось уже не безъ особеннаго труда, то еще труднѣе было восторжествовать надъ нимъ внутренне, истребить въ умахъ новообращенныхъ христіанъ всѣ остатки прежней религіи. Неудивительно поэтому, что

¹⁾ Лѣт. по Лавр. си., стр. 175—176, 1071 г.: «Сиче бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новгородѣ, глаголетъ бо людемъ, творяся аки Богъ, (и) многы прельсти, мало не всего града, глаголашеъ бо, яко проведе вся и хуля вѣру христіанскую, глаголашеъ бо: яко преиду по Волхову предъ всеми». И бысть мятежъ къ градѣ, и вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста, рекъ: «яже хоцеть вѣру яти волхву, то да идетъ за нъ; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идетъ». И раздѣлишася на двое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а люде вси идоша за волхва; и бысть мятежъ великъ межи ими...

²⁾ П. С. Р. Л., III, 42, 1227: «съжгоша вѣлхвы 4, творяхуть ѣ потворы дѣюще, а Богъ вѣсть; и съжгоша ихъ на Ярославли дворѣ».

подъ внѣшнимъ христіанскимъ покровомъ еще долго скрывался густой слой языческихъ вѣрованій, и что вслѣдствіе того новообращенные долгое время казались какъ бы двоевѣрными. На верху, въ общественной жизни, несомнѣнно преобладало христіанство; но въ частномъ быту, гдѣ въ древности сосредоточивалось храненіе языческаго культа, и гдѣ каждый родоначальникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ, язычество долго сохраняло еще значительную силу. Такъ общественные языческіе идолы были ниспровергнуты, и князь не приносилъ имъ уже болѣе жертвы; но въ тиши домашней жизни ничто не препятствовало обращаться съ чествованіемъ не къ христіанской святынѣ, а къ жившимъ въ народной памяти домашнимъ языческимъ божкамъ, Роду и Роженицамъ, и приносить имъ въ жертву хлѣбъ, сыры и медь ¹⁾. Старые языческіе обряды были подвергнуты преслѣдованію въ публичной сферѣ, но они продолжали жить въ частномъ быту и даже вкрадывались въ обрядовую сторону христіанской церкви. Въ язычествѣ, на примѣръ, существовалъ обычай хоронить мертвыхъ не иначе, какъ съ извѣстными вещами, пригодными для умершихъ въ ихъ загробной жизни; новообращенные перенесли этотъ обычай и на христіанское погребеніе и стали класть съ умершими иконы. Церковная власть, правда, не считала этого явленія предосудительнымъ и не требовала обратнаго изытія иконъ изъ могилъ; тѣмъ не менѣе простые толки о степени законности существованія такого обыкновенія показываютъ, что для христіанской церкви это былъ совершенно чуждый обычай ²⁾. Значеніе волхвовъ, конечно, было сильно поколеблено съ общественной жизни; но въ частномъ быту религиозное чувство имѣло полный просторъ и побуждало, на примѣръ, матерей приносить своихъ больныхъ дѣтей не къ христіанскимъ священникамъ для молитвы, а къ блюстителямъ старой религіи, къ волхвамъ ³⁾. Вообще, послѣдніе и при господствѣ новой религіи умѣли сохранить за собою значительную долю вліянія. Быть можетъ, на развитіе въ Новгородской жизни волхвованія не осталось безъ вліянія присутствіе въ Новгородской землѣ массы финскаго населенія, кото-

¹⁾ *Калайдовичъ*, Пам. XII в., стр. 179: Аже се роду и рожаницѣ крають хлѣбы и сыры и медь. Бороняше велики: нѣгдѣ, рече, молвить(ся?): горе пьющимъ рожаницѣ.

²⁾ Тамъ же, стр. 184: «Икону погребли бяху съ мертвецемъ святаго Михаила, и не повелѣ възгребати: крестьянъ, рече, естъ».

³⁾ Тамъ же, стр. 202: «А еже дѣтій дѣля жены творять что-любо; а еже възбалать, или къ възхвамъ несуть, а не къ попови на молитву?»

рое какъ вообще славилось своими волхвами и вѣдунами, такъ въ частности пользовалось этою славой и у Новгородцевъ. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ случай, указывающій на склонность Новгородцевъ обращаться къ чудскимъ кудесникамъ съ цѣлію узнать непостижимое ¹⁾. Какъ бы то ни было, только волшебство въ его разныхъ видахъ пользовалось въ Новгородѣ большимъ распространеніемъ. Басни, примовленья, пользованье узлами и приворотными травами и вареньями, вороженье и т. д. ²⁾ могутъ служить примѣрами господствовавшихъ въ Новгородѣ въ теченіе всей его исторіи суевѣрій.

Еще болѣе, чѣмъ въ собственно религіозной жизни, сила язычества поддерживалась въ нѣкоторыхъ сторонахъ жизни соціальной, въ тѣхъ именно, которыя вообще стоятъ въ тѣсной связи съ религіей. Къ числу такихъ областей нужно отнести жизнь семейную и народныя увеселенія. Какъ извѣстно, въ періодъ язычества существовали двѣ формы брака, въ основаніи которыхъ лежало одинаково начало взаимнаго согласія (*mutuus consensus*) вступающихъ въ бракъ: формами этими были веденіе и умычка, различавшіяся тѣмъ, что въ первомъ случаѣ бракъ совершался съ согласія родителей, а во второмъ — совершенно не требовалось послѣдняго. Умычка въ свою очередь подраздѣлялась на два вида: на умычку на игрищахъ между селами, предполагавшую по крайней мѣрѣ согласіе жениха и невѣсты на бракъ, и на умычку у воды, представлявшую не что иное, какъ простое похищеніе женъ. Съ водвореніемъ христіанства, принявшаго семейный бытъ подъ свое особенное попеченіе, всѣ эти формы брака должны были уступить свое мѣсто церковному благословенію. Но церковное вѣнчаніе водворилось однако съ трудомъ. Въ обществѣ, кажется, господствовало убѣжденіе или предразсудокъ, что христіанская форма брака обязательна только для князей и знатныхъ людей. Что же касается до массы простаго народа, то полагалось, что при вступленіи въ бракъ она можетъ довольствоваться простыми, наслѣдованными отъ старины формами, минуя совершенно священническое благословеніе на глазахъ у всѣхъ въ церкви. Какъ бы то ни было, но мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ Новгородѣ подобное заключеніе брака веденіемъ и умычкой. На первое указываетъ заключеніе брака

¹⁾ Лвт. по Лавр. сп., 174, 1071 г.: «приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдь, и приде къ кудеснику, хотя волхвованья отъ него»...

²⁾ А. А. Э., I, 462 № 369, 1410 г.: «Такожь учите ихъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примовленья, ни зелія, ни вороженья... См. также П. С. Р. Л., IV, 279, 1505.

„именемъ и плесканіемъ“, то-есть, домашнимъ торжествомъ, на которомъ оглашались новобрачные и были привѣтствуемы окружающими плесканіемъ, то-есть, по всей вѣроятности, хлопаніемъ въ ладоши ¹⁾. Что же касается умочки, то есть извѣстіе, что въ новгородскихъ предѣлахъ еще въ XIII столѣтіи существовалъ обычай водить невѣсты къ водѣ и возбуждалъ противъ себя громкія порицанія со стороны церковной власти, очевидно, какъ противъ формы брака, несогласной съ обычаями христіанской церкви ²⁾. Далѣе, вѣдь извѣстно, что въ язычествѣ имѣло мѣсто многоженство. И вотъ, не смотря на водвореніе христіанства, мы видимъ, что церковныя правила по отношенію къ супружескому союзу соблюдаются очень слабо, и что семейная жизнь Новгородцевъ иногда мало отличается отъ временъ язычества. Въ Новгородѣ нерѣдки были случаи, что міряне не только вступали въ четвертый бракъ, но и разводились съ женами, бросали своихъ и брали чужихъ и даже къ вящему соблазну возвращались къ многоженству, имѣли одновременно по двѣ жены ³⁾. Распущенность новгородской семейной жизни была вообще такъ сильна, что проникла даже въ жизнь новгородскаго духовенства и повела, какъ увидимъ впоследствии, къ возникновенію вопроса о вдовствующихъ священникахъ.

Не менѣе ярко продолжали жить языческія преданія и въ народныхъ увеселеніяхъ, которыя, служа остатками языческихъ религиозныхъ торжествъ, необходимо сохраняли на себѣ многіе слѣды своего древняго происхожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что обличенія духовныхъ пастырей очень часто преслѣдовали въ народныхъ увеселеніяхъ и такія черты, которыя не имѣли никакой связи съ языче-

¹⁾ Русск. Достоп., I, 101—102, конца XII в.: «Яко же еси реклъ, оже не бывають на простыхъ людехъ благословеніе вѣчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются; простымъ же людемъ яко именемъ и плесканіемъ разумъ даемъ всякъ и речемъ: иже прости закони простыемъ и невѣжамъ си творять совокупленіе. Иже кроиъ божественныя церкви кроиъ благословенія творяще свадьбу, тайно поминаніе наречеть, иже тако понимаютъ, якоже блуднымъ опитемъ дають».

²⁾ Востокъ, Опис. Рукоп. Рум. Муз., 321, XIII в.: «и се слышахомъ: въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ; и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ».

³⁾ Русск. Достоп., I, 94, конца XII в.: «И иже понимаютъ безъ благословенія съчтаніе и жены отъзываются и своя жены пуцають и придѣпляются ииѣмъ? Тамъ же, I, 91: «Тоже створи (то-есть, лишн причащенія), иже бес труда и бестраха п бесрама двѣ женѣ имѣють, кроиъ сея вѣры нашея...»

ствомъ и вообще носили совершенно невинный характеръ. Достаточно указать на то, что обличители постоянно нападали на безнравственную музыку, бубны, сопѣли, гуденіе струнное, на всякія пляски со свистаніемъ, кличемъ и воплемъ и на распѣванье „скверныхъ бѣсовскихъ пѣсень“. Быть можетъ, побужденіемъ къ порицанію въ этомъ случаѣ служило то обстоятельство, что при нерѣдкомъ совпаденіи народныхъ увеселеній съ христіанскими праздниками, всѣ эти забавы находились въ противорѣчій съ тѣмъ образомъ поведенія, какой приписывался на это время христіанскою церковью. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно также и то, что народныя увеселенія представляли для обличителей не мало и дѣйствительно языческой пищи. Прежде всего, достаточный поводъ къ преслѣдованію подавала пастырямъ уже та масса языческихъ суевѣрій, которая по старинѣ связывалась съ этими увеселеніями, а именно—исканіе травъ и кореньевъ, которые должны были служить приворотными средствами въ разныхъ житейскихъ случаяхъ ¹⁾. Но еще болѣе негодованіе пастырей вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что къ народнымъ торжествамъ примѣшивались старинныя обычаи, рѣзко расходившіяся съ началами христіанской церкви. Такъ, въ нѣкоторыхъ описаніяхъ народныхъ увеселеній Новгородской земли нельзя не узнать подобія, или по крайней мѣрѣ, слѣдствія умычки на игрищахъ между селами, господствовавшей въ древнѣйшее время. Владимірскій соборъ 1274 года, уподобляя игрища, которыя имѣли мѣсто въ Новгородѣ въ XIII столѣтіи въ ночь съ субботы на воскресенье, греческому Дионисіеву празднику, говоритъ, что на нихъ мужчины и женщины, собравшись вмѣстѣ, ристали и ржали, какъ кони, и дѣлали скверну ²⁾. Въ чемъ состояла эта скверна, поясняетъ отчасти празднество, происходившее во Псковѣ еще въ XVI столѣтіи въ ночь на день св. Іоанна Предтечи. Пѣсни и пляски, которыми открывалось тамъ игрище, кончались дѣйствіями, въ которыхъ порицатели видѣли паденіе му-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 279, 1505: „еще прежде того великаго праздника, исходятъ огаилицы мужіе и жены, чаровницы, по лугамъ и по болотамъ и въ пустыни и въ дубравы, ищущи смертныя травы и привѣ то чрева... Ту же и двѣи коренія копають на потвореніе мужемъ своимъ: сіа вся творять дѣйствомъ діаволи въ день Предетечевъ, съ приговоры сотонинскими».

²⁾ *Востоковъ*, Опис. Рукон. Рум. Муз., 321, 1274 г.: „Се слышахомъ: въ субботу вечеръ собираются мужи и жены вкупѣ и играють безстыдно и скверну дѣють. внощъ святаго воскресенія, яко дионисіевъ праздникъ празднують нечестивыи еллинны вкупѣ, мужи и жены, яко и кони вискають и ржутъ и скверну дѣють“.

жей и отроковъ, оскверненіе замужнихъ жепщицъ и растлѣніе дѣвиць¹⁾. Наравнѣ съ игрищами, служившими остатками языческихъ праздниковъ, церковные пастыри находили основаніе возставать и противъ другихъ языческихъ новгородскихъ обычаевъ, въ особенности же противъ обычая „бить бочки“. Г. Костомаровъ полагаетъ, что подъ этими словами разумѣется народная игра попадать въ бочки, употребительная у Хорутанъ и до сихъ поръ²⁾. Почтенный изслѣдователь новгородской старины однако ошибается. Подъ битьемъ бочекъ разумѣлся въ древности обычай, связанный съ торжествомъ приготовления прохладительныхъ напитковъ. Какъ скоро именно при приготовленіи пива, меду и квасу дѣло доходило до извѣстнаго, важнаго въ производствѣ термина, какъ на примѣръ, до сливанія, то окружающіе поднимали страшный шумъ: били въ бочки и кричали громко, призывая и величая тѣмъ языческихъ божковъ, между прочимъ и божка кваса. Противъ этого-то величанія пьянства и возставали духовные пастыри, и сколько мы знаемъ, не совсѣмъ безуспѣшно. По крайней мѣрѣ, лѣтопись говоритъ намъ, что въ 1358 году Новгородцы постановили рѣшеніе не бить далѣе бочекъ³⁾. Поводомъ къ такому стремленію послужило, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ порицаніе противъ этого обычая со стороны представителей церкви. Но уничтоженный въ самомъ Новгородѣ, обычай этотъ продолжалъ жить, вѣроятно, въ его областяхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ господствовалъ въ нѣкоторыхъ краяхъ Русской земли еще въ XVI столѣтіи и былъ причиною новыхъ обличеній со стороны церкви⁴⁾.

Слабость сознанія началъ христіанской религіи препятствовала Новгородцамъ бить ревностными распространителями христіанства въ областяхъ, подчиненныхъ ихъ вліянію. Но за то, въ сравненіи съ

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 279, 1505 г.: «ту же есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе, ту же есть на женское и дѣвичье шатаніе блудное имъ возрѣніе, тако же есть и женамъ мужатымъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе».

²⁾ Сѣверно-русск. Народопр., II, 161.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 63, 1358 г.: „Того же лѣта цѣловаша бочекъ не бити“. Ср. Никои., лѣтоп. III, 211.

⁴⁾ Стоглавъ, гл. 93, стр. 397: „и надъ дельми сирѣчь надъ бочками и корчагами квасъ призывающе и грохочуще“. Тамъ же, стр. 399: „егда же вино топчють или егда вино въ сосуды преливають или иное кое питіе сливають гласованіе и вопль велій творять неразумніи по древнему обычаю еллинская прелесть. еллинскаго бога Диониса пьянству учителя призывають. и гласящи великимъ гласомъ квасъ призывають и вкусъ услаждають и пьянство величаютъ“.

своими ближайшими сосѣдями и соперниками по дѣлу распространенія христіанства, Нѣмцами и Шведами, они отличались другимъ важнымъ качествомъ. По словамъ самого нѣмецкаго лѣтописца, дѣло обращенія въ христіанство язычниковъ Ливоніи было слѣдствіемъ безчисленныхъ войнъ, религиозное просвѣщеніе слѣдовало тамъ не иначе какъ по пятамъ за оружіемъ, главнымъ двигателемъ былъ „страхъ Божій“, то-есть, опасеніе язычниковъ за сохраненіе своего существованія ¹⁾. Напротивъ того, по отзыву того же лѣтописца, Русскіе князья заботились главнымъ образомъ о простомъ подчиненіи сосѣдей своей власти, о полученіи съ нихъ дани, ни мало не хлопоча о насильственномъ принужденіи ихъ къ принятію христіанской вѣры ²⁾. Этимъ качествомъ, порицаемымъ въ Русскихъ князьяхъ нѣмецкимъ лѣтописцемъ, были одарены щедро и Новгородцы. Между тѣмъ какъ Шведы, недовольные своею просвѣтительною дѣятельностью между язычниками, предпринимали подъ руководствомъ Магнуса крестовый походъ противъ самаго Великаго Новгорода,—въ то время Новгородцы умѣли жить мирно съ латинскою вѣрою даже въ своихъ собственныхъ стѣнахъ. Не только иновѣрцы пользовались въ вольномъ городѣ безпрепятственно правомъ свободнаго богослуженія, но и сами Новгородцы обращались иногда къ нимъ за исполненіемъ церковныхъ требъ: матери, напримѣръ, носили своихъ дѣтей крестить вмѣсто православнаго къ варяжскому, то-есть, къ римско-католическому священнику ³⁾. Только впоследствии, какъ показываетъ легенда о построеніи варяжской божницы, возникло мнѣніе, порицавшее Новгородцевъ за допущеніе свободы вѣроисповѣданія для римскихъ католиковъ; но это фактическое мнѣніе было слишкомъ бессильно, чтобы поколебать уже прочно установившуюся въ жизни терпимость къ иновѣрцамъ ⁴⁾. Точно такая же снисходительность управляла дѣйствіями Новгородцевъ и въ отношеніяхъ ихъ къ религіи подчинен-

¹⁾ Script. Rer. Livon., I, 94, 1205. Тамъ же I, 106, 1206: «Et merito post bella doctrina sequitur theologica, cum eodem tempore, post bella omnia praedicta, conversa et baptizata sit tota Livonia. Nam post discessum regis Ruthenorum cum exercitu suo, invasit timor dei Livones per universam Livoniam».

²⁾ Script. Rer. Livon., I, 166, 1212 г.: «Est enim consuetudo regum Ruthenorum, quamcumque gentem expugnaverint, non fidei Christianae subicere, sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subiugare».

³⁾ *Калайдовичъ*, Памятн. XII в.: «А оже се носили къ варяжескому попу дѣти на молитву?».

⁴⁾ Пам. Ст. Рус. Лит., I, 251—252.

ныхъ имъ язычниковъ. Какъ ни важно было обращеніе послѣднихъ въ христіанскую вѣру для прочиѣйшаго утвержденія надъ ними власти Великаго Новгорода, мы не встрѣчаемъ однако въ послѣднемъ почти никакого вмѣшательства ни правительства, ни церковной власти въ дѣло распространения христіанства. Единственнымъ примѣромъ вмѣшательства могло бы служить крещеніе Корѣлы, совершенное въ 1227 году Новгородскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ ¹⁾. Но и здѣсь фактъ вмѣшательства былъ обусловленъ не столько собственными побужденіями Новгородцевъ, сколько давленіемъ извнѣ. Пользуясь крещеніемъ финскихъ народцевъ, какъ средствомъ къ подчиненію ихъ своей власти, Шведы старались поэтому распространить крещеніе огнемъ и мечемъ и на подвластныхъ Великому Новгороду Финновъ, въ томъ числѣ и на Корѣлу, въ надеждѣ тѣмъ легче исторгнуть ее изъ-подъ власти послѣдняго. Естественно поэтому, что и Новгородцы, для предупрежденія враждебнаго движенія, должны были прибѣгнуть къ тому же средству утвержденія своего владычества надъ подчиненными, то-есть, къ крещенію и дѣйствительно воспользовались имъ не безъ успѣха. Во всякомъ случаѣ этотъ примѣръ въ послѣдующее время остался безъ подражаній. Даже дальнѣйшее обращеніе Корѣлы шло совершенно естественнымъ путемъ, совершалось единственно усиліями Соловецкихъ подвижниковъ ²⁾.

Благодаря религиозной терпимости, которою характеризовалась новгородская жизнь, обращеніе въ христіанство населенія Новгородскихъ областей представляло, въ сравненіи съ обращеніемъ самихъ Новгородцевъ, еще болѣе медленный историческій процессъ, не завершившійся даже во все время самостоятельнаго существованія Великаго Новгорода. Можно даже сказать, что это было не столько распространеніе, сколько естественный, совершенно самородный ростъ христіанства, такъ какъ главную роль при этомъ играли не

¹⁾ Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 427, 1227 г.: «Князь Ярославъ Всеволодичъ пославъ крести множество Корѣлъ, мало не всѣ люди». П. С. Р. Л., III, 79, 1339 г.: «А сяхъ (Новгородскихъ Корѣлъ) не выдадимъ, крещены суть въ нашу вѣру, а и безъ того мало ихъ бѣ осталось, а то вси повроша словомъ Божиимъ».

²⁾ Архим. Досифея Описан. Солов. мон., I, 53. Сборникъ грам. Солов. мон., № 5: «Се азъ Феодоръ Ивановъ, воевода Каянскія рати, и подвойскіе Олороей и Феодоръ, и Новгородцы, и дѣти Корѣльскія, Вымольцы и Тиврульцы, и вся рать Каянская, что ходили есмя на Юу рѣку, за обиду дѣтей Корѣльскихъ, и на войнѣ своей дали есмя колоколъ св. Спасу на Соловки».

столько сознательныя стремленія Новгородцевъ, сколько безсознательныя факторы въ родѣ возростанія сношеній Новгорода съ окрестнымъ населеніемъ и расширенія новгородской колонизаціи въ области, населенныя не славянскими племенами. Эти факторы опредѣляли вмѣстѣ съ тѣмъ и самое направленіе распространенія христіанства. Тѣ Новгородскія области, въ которыхъ колонизаціонное движеніе шло особенно сильно, были вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе и прочнѣе другихъ обращаемы и въ христіанство. Къ числу такихъ областей нужно отнести сѣверо-восточную Новгородскую окраину, такъ какъ туда не только направлялась преимущественно новгородская колонизація, но и не встрѣчала тамъ никакихъ препятствій и даже была поддерживаема одновременною колонизаціей изъ другихъ земель древней Руси. Вслѣдствіе незамѣтности процесса колонизаціи, невозможно опредѣлить всѣ моменты постепеннаго обращенія въ христіанство сѣверо-восточнаго края; но изъ юридическихъ актовъ XIV столѣтія не трудно усмотрѣть, что въ это время Двинская земля носила уже несомнѣнный христіанскій характеръ ¹⁾. Христіанство если и оставалось въ этотъ вѣкъ чуждымъ какой-либо изъ сѣверо-восточныхъ областей, такъ это развѣ только Югрѣ, да и то потому, что Югра была не столько новгородскимъ владѣніемъ, сколько самостоятельной землей, обзаванною Новгороду только данью. Въ менѣе счастливыхъ условіяхъ находилась западная новгородская окраина, такъ какъ тутъ колонизація не только была значительно слабѣе, но и встрѣчала сильное противодѣйствіе со стороны Германскаго племени. Въ ближайшихъ земляхъ однако и здѣсь замѣчаются ясныя слѣды постепеннаго распространенія христіанства. Такъ извѣстно, что Псковичи еще въ началѣ XIII столѣтія обратили въ христіанство Эстовъ изъ окрестностей Толовы ²⁾ Положимъ, что Псковичамъ не удалось не только удержать Эстовъ въ греческой вѣрѣ, но даже и сохранить за собою обладаніе ихъ землею; угнетаемые съ запада

¹⁾ А. Ю., 145, 1452 г.: «Се дасть посадникъ В. Новгорода Василей Степановичъ въ домъ св. Іоанна Богослова, во общей монастырь, на Пънешку». Тамъ же, стр. 431, XV в.: «А что отпына моя на Бокшенгъ, у св. Федора, по церковной сторонѣ». Тамъ же, стр. 473, XV в.: «Се азъ... игумень Василій даъ есмь въ домъ св. Николи въ Чюхченему» (на Двинѣ). Но были мѣстности, которыя до конца новгородской самобытности оставались въ язычествѣ. Такъ въ А. А., 8, I, 72, № 93, 1471 г., читаемъ: «И на Суру на поганую».

²⁾ Script. Rer. Livon., I, 118, 1208 г.: «Nam Ruthani (de Plescekowe) eorum tempore venerunt baptizantes Lettigallos suos de Tholowa, sibi semper tributarios».

крестившими огнемъ и мечемъ Нѣмцами и не поддерживаемые должнымъ образомъ Новгородцами, Эсты принуждены были перейти въ католичество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и признать владычество Нѣмцевъ ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе фактъ этотъ несомнѣнно показываетъ, что религиозная проповѣдь достигла въ XIII столѣтіи уже самыхъ крайнихъ пунктовъ Новгородскихъ владѣній на западѣ. Но чѣмъ далѣе будемъ мы подвигаться отсюда къ сѣверу, тѣмъ распространеніе христіанства будетъ представляться слабѣе. Правда, въ Корѣлѣ собственно, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, христіанство утвердилось, какъ мы уже показали, въ 1227 году. Но въ Ижорѣ, другой вѣтви племени Корѣлы, жившей нѣсколько южнѣе первой, оно начало появляться только около половины XIII столѣтія. Такъ лѣтопись сообщаетъ намъ, что хотя въ 1240 году одинъ изъ старѣйшинъ Ижорской земли былъ уже христіанинъ, но тѣмъ не менѣе родъ его еще пребывалъ во мракѣ изычества ²⁾; что же касается до остальныхъ мѣстностей западной окраины, лежавшихъ къ сѣверу отъ Ижоры и Корѣлы, то тамъ слабости колонизаціи соответствовало почти полное отсутствіе христіанства. Такъ извѣстно, что къ числу новгородскихъ владѣній относились области, прилегавшія съ запада и съ сѣвера къ Бѣлому морю, но благодаря слабымъ сношеніямъ ихъ съ Новгородомъ, мы не видимъ тамъ христіанства во все время самобитнаго существованія Новгорода. Лопъ, финскій народецъ, занимавшій западные берега Бѣлаго моря (новгородское владѣніе Тре) была, напримѣръ, крещена только въ XVI вѣкѣ Новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ ³⁾.

Подобно тому какъ въ самомъ Новгородѣ христіанство долгое время оставалось чисто внѣшнимъ, такъ точно, и притомъ еще въ

¹⁾ Script. Rer. Livon., I, 1214 г.: «Et venerunt ad eum ibidem filii Tholibaldi de Tholova... tradentes se in potestatem episcopi, promittentes, se fidem Christianam a Ruthenis susceptam in Latinorum consuetudinem commutari... Et recepit eas episcopus cum gaudio, remittens cum eis sacerdotem suum... Ср. такъ же, I, 202, 1216 г.

²⁾ П. С. Р. Л., V, 178, 1240: «Бѣ нѣкто мужъ старѣйшина въ земли Ижорской, племезъ Пелгусій... и въспрїять святое крещеніе и живаше посредъ рода своего погана суца»...

³⁾ П. С. Р. Л., VI, 282, 1526 г.: «И государь князь великій велѣлъ послати архіеп. Макарію изъ Новгорода отъ соборныя церкви священника и діаконъ; и они вхавше... многихъ Лоплянъ («съ моря окияна, изъ Кандолашской губы, усть Невы рѣки, изъ дикой Лопи») крестиша». Подобнымъ образомъ, какъ показываетъ П. С. Р. Л., VI, 289, были крещены въ 1532 г. Лопляне «съ Мурманскаго берега, съ Колы рѣки, съ Тутоломи»...

гораздо большей степени внѣшнимъ характеромъ христіанство отличалось и въ Новгородскихъ областяхъ. Причина такой разницы заключалась не столько въ религиозныхъ, сколько въ національныхъ условіяхъ. Религіозное развитіе Финскаго племени, населявшаго въ значительной долѣ Новгородскія области, было само по себѣ слишкомъ слабо, чтобъ одно могло долго оспаривать у христіанства владычество надъ умами: у Финновъ, также какъ и у Русскихъ Славянъ, не было ни храмовъ, ни жрецовъ. Но слабость религіознаго развитія возмѣщалась отчасти въ финскихъ областяхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что христіанству приходилось бороться тутъ не только съ древними вѣрованіями, но и съ національнымъ самосохраненіемъ. Принятіе христіанскаго вѣроисповѣданія съ его славянскимъ богослужебнымъ языкомъ было для Финновъ равнозначительно съ потерей національнаго существованія, а потому самому и противодѣйствию, которое они оказывали религіозному перевороту, необходимо должно было стать если не гораздо сильнѣе, то во всякомъ случаѣ гораздо упорнѣе. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ въ собственно новгородскихъ владѣніяхъ гдохли мало по малу всякіе слѣды язычества, въ то же время въ финскихъ областяхъ дѣло христіанства какъ бы совсѣмъ не подвигалось впередъ. Тамъ скорѣе замѣчается противоположное движеніе. По мѣрѣ теченія именно исторической жизни впередъ, христіанство у Финновъ все болѣе и болѣе слабѣло, такъ что къ концу независимаго существованія Новгорода въ нѣкоторыхъ финскихъ областяхъ оно было почти совершенно забыто. Такое явленіе обнаруживается въ началѣ XVI столѣтія въ сѣверныхъ частяхъ Вотской пятинны, населенной Ижорой, а также въ Корѣлѣ и смежныхъ съ нею мѣстностяхъ. Населеніе этихъ областей уже давно было ознакомлено съ истинами христіанскаго ученія, но какъ довѣдался въ 1534 году митрополитъ Макарій, съ теченіемъ времени совсѣмъ перестало держаться ихъ и если не дошло до яснаго разрыва съ христіанствомъ, то только въ томъ, вѣроятно, расчетѣ, чтобы внѣшнимъ признаніемъ послѣдняго пріобрѣсти себѣ полнѣйшее право игнорировать его внутренне. Какъ бы то ни было, только возвращеніе Финновъ этихъ краевъ къ старымъ языческимъ вѣрованіямъ несомнѣнно. Къ началу XVI вѣка жители указанной мѣстности успѣли уже позабыть всѣ христіанскіе церковные обряды. Они бросили соблюдать посты, перестали возить мертвыхъ для погребенія къ церквамъ на погосты и носить новорожденныхъ для крещенія по христіанскимъ священникамъ. Въмѣсто того, Финны стали на сторонѣ погребать мертвыхъ

въ селахъ по курганамъ и коломицамъ, а при рожденіяхъ обращались къ своимъ языческимъ руководителямъ, арбуямъ, которые давали новорожденнымъ младенцамъ имена отъ себя, и только затѣмъ уже дѣло доходило до православныхъ священниковъ. Далѣе больше, мы снова видимъ ихъ поклоняющимися языческимъ божествамъ, небеснымъ святиламъ, солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ, естественнымъ предметамъ, какъ-то: камнямъ, горамъ, источникамъ, рѣкамъ и озерамъ, и приносящими имъ въ жертву разныхъ животныхъ, воловъ, овецъ и птицъ ¹⁾).

Существуетъ мнѣніе, что христіанство обязано своимъ начальнымъ насажденіемъ на Руси не только Грекамъ, но въ значительной долѣ и болгарскому духовенству. Мнѣніе это основывается на сказаніи Якимовской лѣтописи, сообщающемъ, что не только изъ Болгаріи были присланы въ Русь священники, способные учить народъ новой вѣрѣ на понятномъ ему языкѣ, но что и первые епископы и даже самъ митрополитъ Михаилъ были Болгары и даны Болгарскимъ царемъ Симеономъ. Но это сказаніе есть ни болѣе ни менѣе, какъ ученая догадка, и потому имѣть ничего удивительнаго, что она такъ полюбилась новѣйшимъ ученымъ, старающимся принимать историческій фактъ не такъ, какъ онъ есть, а съ разнаго рода поясняющими обстоятельствами, которыя облегчили бы для насъ пониманіе дѣла. Мы не имѣемъ надобности разбирать эту догадку вообще; но въ частности, въ отношеніи Великаго Новгорода, должны объявить ее лишенною всякаго основанія. Первоначальное новгородское духо-

¹⁾ Доп. къ А. Н., I, 27—28, № 28, 1534 г.: «Здѣсь мнѣ сказывали, что деи въ вашихъ мѣстахъ (П. С. Р. Л., V, 73: «въ Чюди и въ Ижерѣ... и по всему поморію Варяжскаго моря... и во всей Корвальской земли... и до Лексы рѣки до Лопи до Дикіе») многіе христіане съ женами и съ дѣтьми своими заблудили отъ истинныя христіанскія православныя вѣры... а молятца деи по сквернымъ своимъ молбищомъ древесомъ и каменью, по дѣйству діаволу; и среди деи и пятка и святыхъ постовъ не чтятъ и не хронятъ... и жертву деи и питія жрутъ и пьютъ мерзскимъ бѣсомъ, и призываютъ деи на тѣ свои скверныя молбаша злодѣевыхъ отступникъ арбуевъ Чюдскихъ, и мертвыхъ деи своихъ они кладутъ въ селѣхъ по курганомъ и по коломищамъ съ тѣми жъ арбуи, а къ церквамъ деи на погосты своихъ умершихъ онѣ не возятъ съхраняти; также деи у нихъ у которые жены дѣтя родитца, и они деи напередъ къ тѣмъ своимъ родилницамъ призываютъ тѣхъ же скверныхъ арбуевъ и тѣ деи арбуи младенцемъ ихъ имена нарицаютъ своики, а васъ деи, игуменовъ и священниковъ, онѣ къ тѣмъ своимъ младенцемъ призываютъ послѣ... См. еще П. С. Р. Л., V, 73, 1534 г. и VI, 296, 1535 г.

венство должно быть считаемо несомнѣнно греческимъ. Первый по преданію Новгородскій епископъ, Іоакимъ, носилъ прозваніе Корсу-
нянина, а это, очевидно, указываетъ не на Болгарь, а на Грековъ.
То же должно замѣтить и объ одномъ изъ послѣдующихъ епископовъ,
объ извѣстномъ Нифонтѣ. Греческое происхожденіе Нифонта свидѣ-
тельствуется двумя обстоятельствами. Прежде всего, въ спорѣ съ
Кіевскимъ митрополитомъ, Нифонтъ, какъ увидимъ позднѣе, твердо
поддерживалъ права Константинопольскаго патріарха. Для опредѣ-
ленія происхожденія Нифонта фактъ этотъ весьма важенъ, но къ
сожалѣнію, подверженъ нѣкоторому недоразумѣнію: противъ него
можно именно возразить, что Нифонтъ, и не будучи Грекомъ, могъ
имѣть греческія убѣжденія. Къ счастью, мы имѣемъ другія данныя,
которыя показываютъ, какъ слѣдуетъ рѣшить это недоразумѣніе.
Когда Нифонтъ оставилъ Новгородскую кафедру и направился на
югъ, то нѣкоторые Новгородцы говорили, что владыка пошелъ въ
Царьградъ, ограбивъ св. Софію. Слова эти несомнѣнно показываютъ,
что Новгородцы считали Нифонта Грекомъ: иначе они не приписали
бы ему намѣренія идти предъ смертью въ Царьградъ ¹⁾. Затѣмъ,
еслибы первоначальное новгородское духовенство происходило хотя
отчасти изъ Болгарь, то можно было бы ожидать, что память о немъ
выскажется въ позднѣйшее время въ какомъ-либо предпочтеніи бол-
гарскаго духовенства, какъ высшаго, новгородскому туземному. Съ
подобнымъ предпочтеніемъ чужаго духовенства мы дѣйствительно
встрѣчаемся въ новгородской исторіи, только это предпочтеніе каса-
лось не болгарскаго, а греческаго духовенства. Послѣ утвержденія
христіанства, въ Великомъ Новгородѣ именно довольно долго еще
существовала партія, которая при замѣщеніи церковныхъ должностей
обыкновенно выставляла кандидатовъ изъ Грековъ, обходя членовъ
мѣстнаго духовенства. Въ особенности это явленіе замѣчается, когда
рѣчь заходила о выборѣ Новгородскаго владыки или Юрьевскаго ар-
химандрита. Сколько мы знаемъ, этой партіи ни разу не удалось
провести своего кандидата Гречина на владычное мѣсто въ Новго-
родѣ; но благодаря ея стараніямъ, одинъ Грекъ все-таки попалъ въ
новгородскіе архимандриты ²⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 12, 1156 г.: „преставися архиепискупъ Нифонтъ... шлъ
баше Кыеву противу митрополита, инии же мнози глаголаху, яко полупивъ св.
Софію пошлъ Царюграду“...

²⁾ П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: „Новгородцы... гадаша промезу себе, сіи
хотяху поставити Митрофана, а инии Мартуріа, а друзіи Гречина и бысть ра-“

Согласно съ іерархическимъ положеніемъ новгородской христіанской общины, высшее духовенство въ Новгородѣ и въ послѣдующее за крещеніемъ время оставалось если и не непременно греческимъ, то во всякомъ случаѣ пришлымъ. Нельзя того же сказать о низшемъ духовенствѣ. При разширеніи христіанскаго ученія и при увеличеніи потребности въ церковнослужителяхъ, тутъ безъ пособія своихъ мѣстныхъ силъ обойтись было невозможно. Не трудно догадаться, какимъ образомъ долженъ былъ послѣдовать въ ряды духовенства этотъ приливъ мѣстныхъ силъ. Если князь бралъ отдѣльныхъ индивидовъ для составленія своей дружины и цѣля семьи для заселенія вновь построенныхъ городовъ, то отчего было ему не взять людей для удовлетворенія новой общественной потребности, для созданія класса служителей церкви? Но допуская возможность выдѣленія изъ общества людей для удовлетворенія новой религіозной потребности, мы не хотимъ этимъ сказать, что затрудненія при созданіи класса священнослужителей тѣмъ и исчерпывались. Всѣ другія званія того времени не требовали никакого спеціальнаго приготовленія, были легко доступны всѣмъ и каждому. Но этого никакъ нельзя сказать объ обязанностяхъ церковныхъ: исполненіе ихъ не только требовало особеннаго приготовленія, но и было обусловлено знаніемъ грамотности. Естественно поэтому ожидать, что взятые въ обществѣ для приготовленія къ духовному званію люди будутъ отданы предварительно въ обученіе. Дѣйствительно, подобная мѣра и была принята въ Великомъ Новгородѣ Ярославомъ Мудрымъ. Въ прѣздъ свой въ Новгородъ въ 1030 году онъ взялъ изъ мѣстнаго населенія, частью изъ дѣтей священниковъ, прибывшихъ въ Новгородъ, вѣроятно, еще во время крещенія, частью же изъ среды самихъ Новгородцевъ (отъ старостъ) триста человекъ и отдалъ ихъ въ обученіе ¹⁾. Цѣль обученія, какъ мы уже сказали, состояла въ приготовленіи къ священническому званію: этимъ объясняются какъ органы обученія, такъ и

спра въ нихъ... Тамъ же, III, 45, 1229 г.: „и рекоша нѣкоторіи князю: есть чрьбъ дьяконъ у св. Георгія, именемъ Спиридонъ, достоинъ есть того; а инии Осафа епископа Володимерьскаго Вельньскаго, а друзія Грыцина, кого дастъ митрополитъ, тотъ намъ отецъ». Тамъ же, III, 42, 1226 г.: „држе своего преставленія, Саватія (Юрьевскій архимандритъ)... запрошѣ братьѣ своей и всѣхъ Новгородѣ: избѣрѣте себѣ игумена; они же рекоша: въведѣте Грыцина поа св. Константину и Елены“.

¹⁾ П. С. Р. Л., V, 136, 1030: „иде великій князь Ярославъ на Чюдѣ и побѣдѣ я, и постави градъ Юрьевъ; и приде къ Новгороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей учити книгамъ“.

самые предметы его. Если князь отдавалъ въ древности людей, предназначенныхъ для занятія духовныхъ мѣстъ, кому-либо въ обученіе, то этими лицами скорѣе всего могли быть сами члены духовнаго званія, священники и причетники. Такъ догадывался уже Татищевъ, и догадка его находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что и въ послѣдующее время не только приготовленіе къ духовному званію, но и вообще распространеніе образованія совершалось при помощи лицъ церковныхъ причтовъ, которыя, конечно, не слѣдовали никакой однообразной системѣ, а учили какъ каждое знало и умѣло ¹⁾. Что касается до предметовъ обученія, то они состояли не въ чемъ иномъ, какъ въ грамотности и умѣньи отправлять богослуженіе. Для усвоенія ихъ юноши, конечно, одно время должны были учиться, а другое—присутствовать при совершеніи церковныхъ дѣйствій. О послѣднемъ источникахъ прямо не говорятъ, но такой порядокъ естественно возникалъ изъ самой сущности дѣла и подкрѣпляется данными о характерѣ ученія. Извѣстіе о распоряженіи Ярослава опредѣляетъ предметъ обученія словами „книжное ученіе“: а подъ этими словами по тому времени нельзя подразумѣвать лично другаго, кромѣ изученія Священнаго Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ настоящее время подъ словомъ книга и разумѣется всякая книга, а подъ словами книжное ученіе—всякое научное обученіе, тѣмъ не менѣе слово книга въ старину имѣло болѣе тѣсный смыслъ, употреблялось, подобно слову Библия—вмѣсто Священнаго Писанія, какъ книги по преимуществу. По крайней мѣрѣ у лѣтописца, въ которомъ и заключается въ этомъ случаѣ вся сила, въ примѣрахъ подобнаго употребленія слова книга нѣтъ недостатка ²⁾. Такъ при изображеніи обращенія въ христіанство Моравіи лѣтописецъ постоянно употребляетъ слово книга въ указанномъ смыслѣ: „И послѣте“, говоритъ онъ, на примѣръ, ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ“; или: „преложиста псалтирь и октаикъ и прочая книги“; или наконецъ: „Меѳодій же посади 2 попа скорописца зѣло и преложилъ всѣ книги исполнь“ и. т. п. ³⁾.

Отношенія, въ которыхъ стоялъ Великій Новгородъ къ Кіеву,

¹⁾ Россійская Исторія, II, 75—76: „и тако Владимиръ повелѣлъ брать дѣтей званыхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священниковъ со причетника въ наученіе книжное“.

²⁾ Neumann, Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, Dorp. 1850, S. 89—103. Разборъ противоположныхъ взглядовъ на мѣру Ярослава будетъ представленъ нами ниже, въ приложеніи III-мъ.

³⁾ Лѣт. по Лавр. сп., стр. 25, 26, 27, 398 г.

какъ къ разсаднику христіанства по всей Руси, опредѣлили вмѣстѣ съ тѣмъ и его іерархическое положеніе въ восточной церкви. Подобно тому какъ Русская земля, принявшая крещеніе изъ Византіи, образовала изъ себя самостоятельную церковь, а только одну изъ митрополій Константинопольскаго патріархата, такъ точно и Великій Новгородъ, получившій христіанство изъ Кіева, чрезъ то самое вошелъ въ число простыхъ епархій, находившихся въ зависимости отъ Кіевскаго митрополита. Главныя условія этой зависимости заключались, съ одной стороны, въ принятіи изъ Кіева церковныхъ властей, а съ другой въ сосредоточеніи верховнаго управленія по дѣламъ Новгородской епархіи въ Кіевѣ, въ рукахъ тамошняго митрополита, носившаго многозвучающій титулъ русскаго первопрестольника и намістника Константинопольскаго патріарха. Въ настоящее время врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ фактѣ, что подобно тому, какъ Кіевъ посылалъ въ Новгородъ свѣтскихъ правителей, такъ точно отсюда шли въ Новгородъ и церковныя власти, что Новгородскіе епископы были простыми подручными кіевскаго митрополита. По крайней мѣрѣ дѣтонисъ представляетъ важныя свѣдѣтельства, что двое изъ первыхъ Новгородскихъ владыкъ, и притомъ самые извѣстные, Лука Жидята и Нифонтъ, были несомнѣнно присланы изъ Кіева ¹⁾. Сомнѣваться можно только развѣ въ томъ, что выполнѣ ли безусловно Кіевскіе митрополиты пользовались своимъ правомъ поставлять владыкъ въ Новгородъ, что не проявлялось ли со стороны Новгородцевъ уже въ это начальное время нѣкоторое стремленіе къ церковной самостоятельности. Г. Костомаровъ считалъ себя въ правѣ видѣть подобное проявленіе стремленій къ самостоятельности въ назначеніи Новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ себѣ преемника въ епископскомъ званіи въ особѣ нѣкоего Ефрема. Но уже самъ г. Костомаровъ сознается, что въ случаяхъ подобныхъ назначеній уважалось не столько желаніе тѣхъ, кому завѣщалось (то-есть, Новгородцевъ), сколько воля самого завѣщателя ²⁾. Главное однако, что нужно имѣть при этомъ примѣрѣ въ виду, это то, что Ефремъ совсѣмъ не былъ Новгородскимъ владыкою. Онъ только

¹⁾ Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 147, 1036 г.: «иде Ярославъ Новгороду и посади сына своего Володимира Новгородѣ, епископа постави Жидату»; П. С. Р. Л., III, 6, 1130 г.: «поставиша архіепископа Нифонта... и приде къ Новгороду».

²⁾ Северо-русс. народопр., II, 265.

управлялъ Новгородскою епархіей и былъ наставникомъ новообращенной паствы въ періодъ времени отъ смерти епископа Іоакима (1030 г.) до прибытія новаго владыки Луки Жидята (1036 г.), самъ же никогда не былъ посвящаемъ въ епископы и потому никакъ не можетъ быть приводимъ, какъ доказательство существованія въ Новгородѣ стремленій къ церковной самобытности уже въ первоначальное время ¹⁾.

Еще менѣе можно сомнѣваться въ правѣ Киевскаго митрополита на верховный надзоръ надъ дѣлами Новгородской епархіи, тѣмъ болѣе, что во все послѣдующее время новгородской жизни, даже въ періодъ ея наибольшей самостоятельности, это право на надзоръ никогда вполне не забывалось. Надзоръ Киевскаго митрополита надъ дѣлами Новгородской епархіи выражался въ двухъ формахъ. Съ одной стороны, Киевскій митрополитъ, какъ верховный глава всей Русской церкви, могъ въ числѣ прочихъ епархій посѣщать и Новгородскую, чтобъ имѣть возможность убѣдиться лично въ степени ея благосостоянія. И, хотя въ виду того обстоятельства, что Новгородская святительская кафедра была замѣщена обыкновенно его же собственнымъ довѣреннымъ лицомъ, митрополитъ и могъ пользоваться своимъ правомъ посѣщенія очень рѣдко; тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, что онъ не прибѣгалъ къ нему никогда ²⁾. Съ другой стороны, въ случаѣ возникновенія какихъ-либо церковныхъ надобностей, митрополитъ могъ призывать Новгородскихъ епископовъ къ себѣ въ Киевъ. И сколько мы знаемъ, пользовался этимъ правомъ, сравнительно съ первымъ, гораздо чаще. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно не мало случаевъ пребыванія въ Киевѣ Новгородскихъ владыкъ, которые могутъ быть удовлетворительно объяснены не иначе, какъ призваніемъ со стороны митрополита. Такъ, владыка Новгородскій Стефанъ былъ, какъ извѣстно, удушенъ въ Киевѣ въ 1068 году своими собствен-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 179; тамъ же, III, 210, 1030 г.: «и бѣ въ его (Іоакима) мѣсто ученикъ его Ефремъ, и благословенъ бысть епископомъ Іоакимомъ, еже учити люди новопросвѣщенныя, «понеже Руская земля вновь крестися», чтобъ мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганскія вѣры не держали и не имѣли бѣ; сей поучивъ люди 5 лѣтъ, святительству же не сподобися».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 6, 1134 г.: «Я иде Ісаія игуменъ съюмъ Киеву; приде опять съ митрополитомъ Михайломъ Новгороду... и пустыша митрополита Киеву... а на Суждаль идуще не пустыша его, а онъ являше имъ: не ходите, мене Богъ послушаетъ».

ными холопами; епископъ Германъ умеръ тамъ же въ 1036 году ¹⁾. Въ большей части случаевъ пребыванія Новгородскихъ владыкъ въ Кіевѣ цѣлью призванія служила, по всей вѣроятности, потребность въ соглашеніи на счетъ административныхъ мѣръ, въ которыхъ нуждалась Русская церковь. По нерѣдко однако Новгородскіе владыки призывались въ Кіевъ и для суда, и здѣсь-то первопрестольники Русской церкви давали знать Великому Новгороду все значеніе своей власти. Такъ уже одинъ изъ первыхъ Новгородскихъ епископовъ, извѣстный своимъ поученіемъ Лука Жидята, былъ призванъ въ 1055 году въ Кіевъ вслѣдствіе доноса холопа Дудики, судимъ тамъ митрополитомъ Ефремомъ, осужденъ на заключеніе и только по прошествіи трехъ лѣтъ отпущенъ въ Новгородъ, гдѣ и успѣшилъ жестоко расправиться съ своимъ доносчикомъ ²⁾. Одинаковую участь съ Лукой Жидятой испыталъ и другой Новгородскій епископъ, извѣстный уже намъ Нифонтъ. И ему пришлось, какъ увидимъ впоследствии, узнать силу пастырской власти Кіевского митрополита и поплатиться продолжительнымъ заключеніемъ въ Кіевѣ за свою попытку противодѣйствія главѣ Русской церкви.

Кругъ вѣдомства, которымъ подъ надзоромъ Кіевского митрополита пользовался Новгородскій епископъ, отличался тѣми же особенностями, которыя вообще были свойственны церковной власти на Руси, какъ результатъ взаимодѣйствія византійской жизни и русской. Принесенная вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи, церковь Русская естественно должна принять Византію же въ образецъ при опредѣленіи своей внутренней сферы дѣйствія. Но такъ какъ, съ другой стороны, положеніе Византіи существенно отличалось отъ положенія, въ которомъ находилась Россія при началѣ своего историческаго поприща, то понятно, что церковь никакъ не могла остаться на Руси вполне вѣрною своему византійскому образцу. Въ Византіи существовала уже издавна вполне организованная гражданская власть, которая зорко слѣдила за всѣмъ, что касалось ея интересовъ, и между прочимъ, полагала предѣлы и всякому чрезмѣрному вторженію церкви

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 179, 1061 г.: «Поставленъ бысть епископъ Новуграду Стеванъ, и въ Кіевѣ свои холопа удавиша его; бысть во епископѣи 8 лѣтъ»; тамъ же, III, 179, 1078 г.: «Поставленъ бысть епископъ Германъ и преставися въ Кіевѣ».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 122, 1055 г.: «Блевета бысть на архіепископа Луку отъ своего холопа Дудики и изиде изъ Новгорода и иде къ Кіеву; и осуди митрополитъ Ефремъ и пребысть тамо три лѣта. Тамъ же, III, 122, 1058 г.

въ гражданскую область. Совсѣмъ другое мы видимъ въ древней Руси. Здѣсь гражданская (книжеская) власть отличалась крайнею слабостью и далеко не сознавала еще всѣхъ своихъ прямыхъ обязанностей. Вслѣдствіе того нѣтъ ничего удивительнаго, что при опредѣленіи сферы своей власти, церковь на Руси нарушала нерѣдко границу, отдѣляющую церковную область отъ государственной, предъ-являла притязанія на такія отрасли, которыя составляютъ необходимую принадлежность гражданского вѣдомства, и успѣвала добиться признанія ихъ за собою если и не сразу, то по крайней мѣрѣ постепенно. Такое вторженіе церкви въ гражданскую область замѣчается на Руси какъ при опредѣленіи круга дѣлъ, такъ и круга лицъ, подвѣдомственныхъ церковной власти. Нѣтъ сомнѣнія, церковь не безъ опоры въ каноническомъ правѣ могла претендовать на предоставленіе въ ея вѣдѣніе преступленій противъ христіанскаго ученія, какъ-то: отпращиванія языческихъ обрядовъ, волхвованія и еретичества, а также преступленій противъ святости и ненарушимости храмовъ, какъ напримѣръ, святотатства и ограбленія мертвыхъ, равно какъ и нарушеній чистоты нравовъ, какъ напримѣръ, вступленія въ бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства и похищенія женъ. Но было бы напрасно искать въ византійскомъ церковномъ правѣ постановленій, касавшихся семейнаго и наслѣдственнаго права, въ родѣ нарушенія святости власти родительской, тяжбы между мужемъ и женою объ имѣніи и споровъ между дѣтьми и братьями умершаго о наследствѣ. Всѣ эти дѣла присвоивались церковью на Руси отнюдь не въ силу каноническаго права, а единственно вслѣдствіе слабости княжеской власти¹⁾. То же должно быть сказано и о кругѣ лицъ, подвѣдомственныхъ церкви. Нѣтъ сомнѣнія, церковь не безъ каноническаго основанія могла претендовать на подчиненіе себѣ лицъ духовнаго званія и богоугодныхъ заведеній. Но было бы напрасно искать въ византійскомъ церковномъ законодательствѣ всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ церковь на Руси считала подлежащими своей власти.

¹⁾ *Макарій*, Ист. Русск. Ц., II, 381—382: «А се суды церковныя (говоритъ церковный уставъ Новгородскаго князя Всеволода): роспуски, смильное, заставаніе, умычка, пошибальное, промѣжь мужемъ и женою о животѣ и о бездѣтномъ животѣ; въ племени или въ сватовствѣ поймутся, повторы, чародѣяніе, волхваніе, вѣдство, зелейничество, зубовжа; уречанія три — блядию, землі, еретичествомъ; отецъ или мати биеть смнѣ или дощч, или сноха свекровь; братія или дѣти тяжутся о задницѣ; церковная татьба... или кто молится подъ овинюмъ или въ рошеньи, или у воды»...

Паломникъ, сторонникъ, свѣщегасъ, вдовица, пущеникъ, задушный человекъ, слѣпецъ, хромецъ, въ ней подлежали въ Византіи не церковной власти, а мірской ¹⁾).

Если въ іерархическомъ отношеніи Новгородская епархія зависѣла отъ Кіевскаго митрополита, то въ матеріальной части она находилась въ подобной же зависимости отъ Кіевскаго великаго князя, открывавшей послѣднему значительный просторъ на ходъ новгородскихъ церковныхъ дѣлъ. Своимъ водвореніемъ въ Новгородѣ христіанство еще болѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, было обязано почину князей, а потому естественно, что по крайней мѣрѣ въ первое время на нихъ же должна была пасть и забота о содержаніи новгородскаго духовенства. Такая обязанность была тѣмъ осуществимѣе, что церковей въ первоначальное время было еще слишкомъ мало, и что, слѣдовательно, заботиться приходилось главнымъ образомъ о доставленіи доходовъ епископской каедрѣ. А на этотъ предметъ было достаточно частію тѣхъ пошлинъ, которыя по характеру времени шли въ пользу владыкъ съ церковнаго управленія и суда, частію же десятины, которая, по примѣру Кіева, была введена и въ Новгородѣ. Происхожденіе церковной десятины на Руси неизвѣстно; но нѣтъ сомнѣнія, она представляла собою явленіе, совершенно отличное отъ того, что разумѣлось подъ десятиной въ западной церкви. Противоположно западу, десятина обозначала на Руси не десятую часть доходовъ, которые получало отъ своихъ занятій русское народонаселеніе, а только десятую часть доходовъ, которые шли въ пользу князя, какъ принадлежность его званія. Но даже и въ этой формѣ отдѣленіе десятины въ пользу церкви не совершалось само собою, а обуславливалось еще предварительно соглашеніемъ между княземъ и духовенствомъ. Въ особенности требовалъ соглашенія размѣръ десятины. Правда, духовенство склонно было смотрѣть на десятину, какъ на десятую часть всѣхъ княжескихъ доходовъ, и сообразно съ этимъ формулировало свои притязанія. Такъ какъ именно княжескіе доходы въ древней Руси состояли частію въ даянхъ, собираемыхъ съ жителей подвѣдомственныхъ имъ областей, частію же въ пошлинахъ, торговыхъ и судеб-

¹⁾ Макарій, Ист. Русск. Ц., II, 382—383: «А се церковныя люди: игумень, игуменія, попь, діаконь и дѣти ихъ; а се кто въ клыросѣ: попадьа, чернецъ, черница, паломникъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человекъ, изгой троя: поповъ сынъ грамотѣ не умѣеть, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ... монастыреве, больницы, гостиницы страннопріимницы»....

ныхъ или штрафахъ за различныя преступленія, то и стремленія духовенства клонились къ полученію отъ князя десятины со всѣхъ трехъ источниковъ его дохода, или иначе десятины отъ дани, десятины отъ варъ и продажъ (десятой вѣкши) и десятины отъ торгу (десятой недѣли) ¹⁾. Дѣйствительность однако, особенно въ началѣ, мало соответствовала этимъ притязаніямъ. Князья совсѣмъ не такъ легко разставались съ своими доходами, какъ было желательно духовенству, и не только ограничивали размѣръ десятины однимъ какимъ-либо отдѣломъ своихъ доходовъ, но даже и въ этомъ отдѣлѣ исключали въ свою пользу извѣстныя статьи. Такъ, въ Смоленскѣ, который даже могъ похвастать щедростью своего десятиннаго устава, изъ десятины не только были исключены совсѣмъ судебныя пошлины, но даже и между данями была статья (полюдь), съ которой церкви не представлено было права брать десятину ²⁾. Въ сравненіи съ Смоленскомъ Великій Новгородъ представляетъ совершенно противоположное явленіе. Сколько можно судить по собственнымъ новгородскимъ уставамъ о церковной десятинѣ, тамъ размѣръ десятинѣ ограниченъ былъ вначалѣ всего одною десятою частью отъ ежегодной суммы судебныхныхъ штрафовъ, а о десятинѣ отъ дани и торгу совсѣмъ не было даже и помину ³⁾.

Церковная десятина, какъ она была установлена первоначально въ Новгородѣ, весьма мало соответствовала желаніямъ Новгородскихъ

¹⁾ Доп. къ А. И., LXI, стр. 1: «Создахъ (говорить—по словамъ церковнаго устава—Владиміръ Святой) церковь св. Богородица десятинную и дахъ ей десятину по всей земли Русьской ис княженія въ сборную церковь, отъ всего княжа суда десятую вѣкшию, а не торгоу десятую недѣлю, а изъ домовъ на вся лѣто отъ всякого стада и отъ всякого жита»...

²⁾ Доп. къ А. И., I, 5, № 4, 1150 г.: «И се даю св. Богородица и епископу десятину отъ всѣхъ дани Смоленскихъ, что ся въ нихъ сладить нетыхъ кушь, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья»... Въ некоторомъ противорѣчій съ этимъ основнымъ положеніемъ находится слѣдующее мѣсто того же Устава (стр. 6): «На Путинѣ присно платятъ 4 гривны, Бѣница 2 гривны, Корчмити 4½ гривны, Дѣдича и дань и вира 15 гривенъ, гость 7 гривенъ, а изъ того св. Богородици и епископу 3 гривны безъ семи ногать». Но противорѣчіе это только кажущееся. Со всѣхъ указанныхъ мѣстностей княжескихъ доходовъ сходилось 32½ гривны; десятины съ нихъ слѣдовало бы 3¼ гривны; а между тѣмъ десятина означена 3 гривнами безъ 7 почать: ясно, слѣдовательно, что вира тутъ исключена изъ счисленія.

³⁾ *Микарія*, Ист. Рус. Ц., VI, 383: «а съ суда давати девять частей князю, а десятую (гласитъ уставъ Всеволода) св. Софьи за княжу душу».

владыкъ, ихъ идеалу настоящей десятины. Она не только не отличалась надлежащею полнотой, не заключала въ себѣ десятины отъ княжескихъ дани, но и не чужда была нѣкотораго колебанія. Княжескіе доходы, съ которыхъ получалась десятина на Руси, представляли вообще не постоянную, а крайне переменную величину. При всякомъ измѣненіи въ численности народонаселенія и въ количествѣ преступленій, необходимо измѣнилась и цифра княжескихъ доходовъ. А такъ какъ десятина понималась въ древности дѣйствительно, какъ десятая часть княжескихъ доходовъ, то колебаніе распространялось и на нее, вслѣдствіе чего возникала необходимость производить ежегодно новое отчисленіе ¹⁾. Но постоянное повтореніе процесса отчисленія уже само по себѣ не могло не быть обременительнымъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Къ тому же при всякомъ невыгодномъ для себя оборотѣ дѣлъ, при всякомъ сокращеніи десятины или обманѣ въ расчетахъ на ея увеличеніе, владѣтели могли приписывать неблагоприятный результатъ не случайнымъ условіямъ, а намѣренному неблагоприятію князей. Но какъ бы ни мало отвѣчала десятина въ Новгородѣ желаніямъ тамошняго духовенства, объ измѣненіяхъ въ ней не могло быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока назначеніе ея зависѣло отъ Кіева. Совсѣмъ иной видъ получило дѣло, коль скоро, съ увеличеніемъ самобытности Новгорода, новгородскіе правители изъ кіевскихъ послушниковъ сдѣлались мѣстными князьями. Мѣстные князья уже по своему своему характеру должны были гораздо ближе принимать къ сердцу интересы новгородскаго духовенства. Но къ этому присоединилось еще одно случайное обстоятельство, которое не мало подвинуло вопросъ о десятинѣ къ рѣшенію въ желательномъ для Новгородскихъ владыкъ смыслѣ. Одинъ изъ первыхъ мѣстныхъ Новгородскихъ князей, Святославъ, вопреки запрещенію владыки Нифонта, сочетался въ Новгородѣ при помощи своего домашняго клира какимъ-то незаконнымъ бракомъ и тѣмъ подалъ владыкѣ основательный поводъ къ недовольству ²⁾. Нужно было какъ-либо поправить дѣло, смягчить недовольство владыки, а для этой цѣли измѣненіе десятины въ выгоднѣйшемъ для церкви смыслѣ представляло самое вѣрное средство. Святославъ такъ и сдѣлалъ. По соглашенію съ Нифонтомъ, онъ далъ Новгородской церкви въ 1137 году новый

¹⁾ Доп. къ А. И., I, 5, № 4, 1150 г.: «въ въ тѣхъ погостехъ», говоритъ Смоленскій уставъ, — «а изъ который погибнетъ, то ты и десятины убудеть».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 7, 1136 г.

установъ о десятинѣ. По этому уставу десятина отъ вирь и продажъ была замѣнена опредѣленною ежегодною суммой въ пользу владыки, совершенно независимо отъ измѣнчивой цифры судебныхъ княжескихъ доходовъ. Сумму эту составляли сто гривенъ кунъ, которыя было предоставлено получать владыкѣ изъ денегъ, шедшихъ въ руки князя изъ Олѣги¹⁾; въ случаѣ недостачи послѣднихъ, владыка могъ требовать исполненія изъ княжеской казны. Но кромѣ этой замѣны, являвшейся только средствомъ облегченія выдачи десятины, уставъ Святослава вводилъ въ доходы владыки и совершенно новую статью. Статьей этою была десятина изъ даней, которыя шли въ княжескую казну изъ Олѣги. Уставъ Святослава опредѣлялъ именно, сколько каждая изъ сѣверныхъ Новгородскихъ мѣстностей, платившихъ дань князю, должна была ежегодно среднимъ числомъ отдѣлять деньгами или естественными произведеніями и десятину Новгородскому владыкѣ²⁾. Послѣдующіе же классы распространили пожалованіе Святослава и на другіе края Новгородской земли, которые платили дань князю, а именно на Обонѣжье и на Бѣжецкій рядъ³⁾.

Складывая въ одно цѣлое оба вида владычюй десятины, Карамзинъ пришелъ къ убѣжденію, что общая цифра выдачи изъ доходовъ въ Новгородѣ простиралась до 250 гривенъ кунъ⁴⁾. Но этотъ результатъ, долго повторившійся въ нашихъ историческихъ трудахъ, одобряется однако не всѣми позднѣйшими историками. Г. Прилежаевъ,

¹⁾ Русск. Достоп., I, 83, 1137 г.: «А здѣ в Новгородѣ что есть десятина, отъ данни, обрѣтохъ уряжено прже мене бывшими князи, толико отъ вирь и продажъ десятины зръѣлъ, олюко дѣнии въ рудѣ князии въ клѣтъ его. Нужа же баше пискупу, нужа же князю въ томъ, въ десятой части Божию. Того дѣла уставилъ есмь святой Софии, ать емлетъ пискупъ, за десятину отъ вирь и продажъ 100 гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаетъ Домажиричъ изъ Олѣга; аче не будетъ полна ста у Домажирича, а осмьдесятъ выдать, а доподонокъ възметъ 20 гривенъ у князя ись клѣти».

²⁾ Рус. Достоп., I, 83—84, 1137 г.: «Урядилъ есмь азъ святѣй Софии и написалъ Никола князь Новгородскыи Святославъ: во Онегѣ на Волдутовъ погостъ 2 сорочка, на Тудоворѣ погостъ 2 сорочка, на Ивани погостъ с даромъ 3 сорочки... у Еми скоро, а на мори отъ Чрена и отъ Салгы по лузу, у Тудора сорочекъ».

³⁾ Русск. Достоп., I, 84: «Асе Об-Олѣзьскыи рядъ: во Олонци 3 гривны... Тамъ же, I, 85: «А се Бѣжичьскыи рядъ: въ Бѣжичихъ 6 гривенъ... Разборъ противоположныхъ воззрѣній на первоначальное сличеніе и послѣдующія измѣненія новгородской десятины см. въ приложеніи IV.

⁴⁾ Ист. Гос. Росс., II, прил. 267.

одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса о новгородской церковной десятинѣ, находить, на примѣръ, цифру Карамзина слишкомъ низкою. Но основанія, которыми онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе, не довольно убѣдительно. Г. Прилежаевъ полагаетъ именно, что Святославовъ уставъ не можетъ дать намъ настоящаго понятія о полной суммѣ доходовъ Новгородскаго владыки, такъ какъ онъ дошелъ до насъ безъ конца ¹⁾. Почтенный изслѣдователь однако ошибается. Уставъ Святослава дошелъ до насъ не только въ полномъ видѣ, но, какъ мы уже замѣтили выше, и съ прибавленіями, занесенными въ него, очевидно, въ послѣдующее время, а въ такомъ случаѣ объ отсутствіи конца устава и вытекающей отсюда низкости цифры Карамзина не можетъ быть и рѣчи ²⁾. Да и дѣйствительно, цифра, добытая Карамзинымъ, если и возбуждастъ какое-либо сомнѣніе, то скорѣе всего своею излишнею высотой. Вмѣсто 250 гривенъ кунъ, принимаемыхъ Карамзинымъ, на долю Нижегородскаго владыки по уставу Святослава и его прибавленіямъ врядъ ли приходилось больше 200 гривенъ. Прежде всего, цифра, принятая Карамзинымъ, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ только круглая цифра, превышающая, даже по собственному разчету исторіографа, настоящую цифру владычныхъ доходовъ почти на цѣлыхъ 30 гривенъ. Въ самомъ дѣлѣ, по уставу Святослава и его прибавленіямъ, кромѣ 100 гривенъ кунъ, замѣнившихъ десятину отъ виръ и продажъ, въ пользу владыки вмѣстѣ со священникомъ шло гривнами кунъ 51 гривна слишкомъ, а сорочками— $43\frac{1}{2}$ сорочки, всего, слѣдовательно, 151 гривна кунъ и $43\frac{1}{2}$ сорочки. Далѣе. Разумѣя подъ сорочками вмѣстѣ съ Карамзинымъ сорочки кунъ и полагая гривну кунъ, опять-таки по системѣ Карамзина, въ 25 кунъ, мы получимъ, что $43\frac{1}{2}$ сорочки образуютъ $69\frac{3}{5}$ гривенъ кунъ, слѣдовательно, всего вмѣстѣ съ предыдущимъ 220 гривенъ кунъ или на 30 гривенъ меньше итога, принятаго Карамзинымъ. Производя это разчисленіе, мы, какъ уже замѣчено раньше, держались вездѣ системы Карамзина; но нужно принять во вниманіе, что и система эта не совершенно точна. Карамзинъ подъ сорочками разумѣлъ сорочки кунъ, а въ дѣйствительности сорочками считалась бѣлка. Къ сожалѣнію,

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. за июль 1875, стр. 100—101.

²⁾ Рус. Достоп., I, 84: «Ожели кто въ которое время а то рюшитъ или огнемъ, что я урядилъ князь Никола Святославъ съ владыкою Нисонтомъ... а будетъ Богу противенъ и святѣй Софии». Очевидно, слова эти должны быть поняты, какъ заключеніе устава Святослава: все остальное, слѣдовательно, есть не что иное, какъ позднѣйшія прибавленія.

отношеніе сорочки бѣлки къ гривнѣ купъ до сихъ поръ точно не извѣстно. Можно только думать, что сорочекъ бѣлки былъ именно не болѣе гривны купъ, а въ такомъ случаѣ 43½ сорочка будутъ составлять никакъ не болѣе 43½ гривенъ купъ¹⁾. Слѣдовательно, общая сумма владычныхъ доходовъ въ Новгородѣ никакъ не могла превосходить 194½ гривенъ купъ, а съ прибавленіемъ поборовъ естественными произведеніями, очень незначительныхъ, — не могла превысить 200 гривенъ.

Въ этой первоначальной формѣ Новгородская церковь продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока въ политической жизни Великаго Новгорода не обнаруживалось никакихъ стремленій къ самобытности. Но какъ скоро новгородскій гражданскій строй сталъ мало по малу принимать самостоятельный характеръ, тотчасъ же и въ церкви замѣчается соответственное движеніе. По тѣсной связи въ древнее время церковной жизни съ гражданской, успѣхи, достигнутые Новгородцами въ политической области, необходимо побуждали ихъ стремиться и къ самостоятельности церковной, къ возвышенію Новгорода и въ разрядѣ простыхъ епархій на степень мѣстной церкви, глава которой занимала бы относительно Кіева возможно независимое положеніе. А такъ какъ къ этой конечной цѣли вели, съ одной стороны, возвышеніе сана Новгородскаго владыки, а съ другой — измѣненіе въ способѣ его назначенія, то понятво, что обѣ эти послѣднія задачи и становятся двигающими вопросами начальной новгородской церковной исторіи. Казалось, что благопріятному разрѣшенію ихъ вполне соответствовали и самыя обстоятельства времени. Около половины XII вѣка въ самой Русской митрополіи обнаружались подобныя же стремленія къ независимости отъ Константинопольскаго патріарха и выразились въ избраніи новаго митрополита Климента соборомъ Русскихъ епископовъ. Но не смотря на всю благопріятность минуты, Новгородскій владыка Нифонтъ не умѣлъ извлечь изъ нея никакой пользы для Новгорода. Какъ Грекъ по происхожденію, онъ считалъ своею первою обязанностью защищать права Константинопольскаго патріарха на назначеніе Русскихъ митрополитовъ и потому вмѣсто приобрѣтенія отъ новаго митрополита льготъ для Новгорода, онъ затѣялъ только съ Климентомъ бесполезный споръ о законности его избра-

¹⁾ Нѣкоторое понятіе объ отношеніи сорочки къ гривнѣ купъ можно получить изъ сооставленія *Калайдовича*, Памяти. XII в., съ А. Юрид., стр. 432—433, № 409, III.

ніи ¹⁾. Правда, Бѣляевъ сообщаетъ, что отрицая законность избранія Кіевскаго митрополита, Нифонтъ якобы имѣлъ въ виду особенный планъ поднятія Новгородской епархіи, составленный имъ съ согласія Ростовскаго епископа Нестора и состоявшій въ томъ, что Ростовскій владыка долженъ былъ искать въ Константинополѣ отдѣльной митрополіи для Ростова, а Нифонтъ за участіе въ дѣлѣ и призваніе въ Несторѣ будущаго митрополита, уже заранѣе награждался званіемъ архіепископа ²⁾. Въ доказательство своего мнѣнія Бѣляевъ приводитъ надпись, встрѣчающуюся на древнемъ антиминосѣ, найденномъ въ одной изъ Новгородскихъ церквей, и гласящую, что антиминосъ священъ въ 1149 году архіепископомъ Новгородскимъ Нифонтомъ по повелѣнію Ростовскаго епископа Нестора ³⁾. Но намъ это доказательство кажется крайне неубѣдительнымъ. Съ одной стороны, мы ничего не знаемъ о предполагаемыхъ стремленіяхъ Нестора къ возведенію Ростова на степень митрополіи; по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ объ этомъ Ростовскомъ владыкѣ мы должны скорѣе считать такіа стремленія совсѣмъ невѣроятными ⁴⁾. Съ другой, и самая надпись можетъ быть объяснена гораздо проще. Повелѣніе освятить антиминосъ могло быть дано Новгородскому владыкѣ Ростовскимъ и не въ качествѣ старшаго, какъ полагаетъ Бѣляевъ, а просто на просто въ качествѣ жертвователя антиминоса. Что же касается титула архіепископа, усвоеннаго попечителемъ Нифонту, то если только это не есть позднѣйшая ошибка, онъ могъ быть употребленъ и изъ подобострастія. Какъ-то бы ни было, только образъ дѣйствія Новгородскаго владыки, во всякомъ случаѣ мало сообразный съ обстоятельствами времени, не привелъ ни къ какому положительному результату, и Нифонту

¹⁾ Лвт. по Лавр. сп., стр. 241, 1147 г.: «Постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича... И свидошася Черниговьскіи епископъ Онофрій, Бѣлогородскіи еп. Феодоръ, Переяславскіи епископъ Евфимій, Гюргійскіи епископъ Демьянъ, Володимерьскіи Феодоръ. Новгородскіи Нифонтъ, Смоленскіи Мануиль рекоша: «не есть того в законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патріарха, но ставити патріархъ митрополита». Приводя это мѣсто, мы для ясности позволили себѣ употребить собственную пунктуацию.

²⁾ Разк. изъ Русск. Ист., II, 115—116.

³⁾ *Куріиновъ*, Прогулка по Новгороду, 1862, стр. 88—89: «Древнѣйшій изъ нихъ (антиминосъ, найденныхъ въ Никольской церкви) относится къ половинѣ XII в. и заключаетъ въ себѣ слѣдующую уставную надпись: «жертвникъ св. мученика Георгія священъ отъ Нифонта архіепископа Новгородскаго повелѣніемъ епископа Ростовскаго Нестора».

⁴⁾ Лвт. по Лавр. сп., стр. 329, 1150 г., и 334, 1164 г.

вмѣсто достиженія архіепископскаго сана пришлось только, за свое противодѣйствіе митрополиту, выдержать продолжительное заключеніе въ Киевскомъ Печерскомъ монастырѣ, пока Суздальскій князь Юрій, благопріятствовавшій Нифонту и не жаловавшій Климента, утвердись въ Киевѣ, не освободилъ узника ¹⁾.

Неудача, сопровождавшая попытку противодѣйствія Нифонта главѣ Русской церкви, ни въ какомъ случаѣ не могла служить пророчествомъ, что и дальнѣйшія стремленія Новгородцевъ останутся также безъ всякаго успѣха. Вторая половина XII столѣтія была эпохой, слишкомъ благопріятною для осуществленія мѣстныхъ стремленій, чтобы они прошли безслѣдно и въ новгородской церковной исторіи. Въ это время первопрестольники Русскіе уже не могли рассчитывать на безусловное поддержаніе стараго порядка въ строѣ церкви; напротивъ того, повсемѣстное паденіе значенія Кіева научило ихъ быть спиходительнѣе по крайней мѣрѣ къ тѣмъ мѣстнымъ требованіямъ, которыя не ставили своею цѣлю нарушеніе церковнаго единства. А такимъ именно характеромъ и отличались тогдашнія стремленія Великаго Новгорода. Новгородцы совсѣмъ не имѣли въ виду вполне разрывать церковную связь съ Киевомъ; они хотѣли только посредствомъ устраненія митрополита отъ назначенія своего владыки придать послѣднему болшую независимость и сдѣлать его изъ пришельцевъ однимъ изъ первыхъ гражданъ Великаго Новгорода. Не удивительно поэтому, что Новгородцы не встрѣтили со стороны Кіева никакого противодѣйствія, когда, воспользовавшись вакантною митрополичьей каедрой, сами назначили себѣ въ 1156 году новаго владыку и чрезъ два-года послали его въ Кіевъ на посвященіе: новый митрополитъ Кіевскій Константинъ посвятилъ присланнаго ими кандидата въ епископы безъ всякаго со своей стороны прекословія ²⁾. Образъ дѣйствія, сопровождавшій назначеніе Аркадія, сталъ съ тѣхъ поръ нормою для всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ случаевъ; но тѣмъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 10, 1149 г.: «иде архіепископъ новгородскыи Нифонтъ въ Русь, позванъ Ізяславомъ и Климомъ митрополитомъ»... Тамъ же, III, 11, 1150 г.: «приде архіепископъ Нисонтъ изъ Кіева, пущень Гюргемъ княземъ»...

²⁾ П. С. Р. Л., III, 12, 1156 г.: «събрася всь градъ, людья, изволиша собѣ епископъ поставити мужь Богомъ избранъ Аркадія; и шьдше всь народъ, поаша ѿ изъ монастыря отъ святыя Богородици... и въведоша ѿ поручивше епископью въ дворъ святыя Софіѣ, дондеже придетъ митрополитъ въ Русь». Тамъ же III, 12, 1158 г.: «Ходи Аркадъ Кіеву ставитъся епископомъ, и поставленъ бысть отъ митрополита Константина»...

не менѣе Новгородцы не сразу избавились отъ всѣхъ остатковъ старины. Въ самомъ дѣлѣ, хотя съ этихъ поръ званіе Новгородскихъ владыкъ и стало удѣломъ обыкновенно самихъ же Новгородцевъ, тѣмъ не менѣе въ Великомъ Новгородѣ, какъ уже замѣчено раньше, довольно долгое время существовала партія, отдававшая влѣдствіе исторической привычки предпочтеніе греческому духовенству и потому предлагавшая въ кандидаты на владычную кафедру какого-либо Грециа ¹⁾. Точно также, хотя съ этихъ поръ назначеніе Новгородскихъ владыкъ и стало внутреннимъ дѣломъ Великаго Новгорода, тѣмъ не менѣе, при возникновеніи разногласія, очень часто являлась тамъ партія, предлагавшая передать споръ на рѣшеніе митрополита, говоря, что „каго намъ дастъ митрополитъ, тотъ намъ и отецъ“, и временами успѣвала даже настоять на своемъ: это имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда къ внутреннему разногласію присоединялось еще церковное затрудненіе, когда кандидатами на кафедру являлись лица, уже раньше посвященныя въ епископы и управлявшія прежде Новгородскою церковью ²⁾. Наконецъ, хотя съ паденіемъ правъ Бѣвскаго митрополита и для великаго князя былъ закрытъ путь къ вмѣшательству въ дѣла Новгородской церкви,—тѣмъ не менѣе раздѣленіе Новгорода на партіи еще оставляло и ему нѣкоторую возможность вліянія на замѣщеніе владычной кафедры. Конечно, князь не могъ уже посылать въ Новгородъ владыкъ изъ среды собственнаго духовенства; но опираясь на партію своихъ новгородскихъ благопріятелей, онъ успѣвалъ временами дать торжество въ Новгородѣ тому изъ кандидатовъ на владычную кафедру, который хотя и не имѣлъ за собою большинства населенія, но за то былъ желателенъ князю. Нѣтъ сомнѣнія, подобные случаи были не часты и сопровождались для владыки обыкновенно нѣкоторою непрочною его положенія; но все же, какъ показываетъ примѣръ Митрофана, получившаго этимъ путемъ Новгородскую кафедру въ 1199 году, далеко не невозможны ³⁾.

¹⁾ Доказательства существованія такого предпочтенія уже приведены раньше.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 38, 1219 г.: «князь и Новгородци рекопа Митрофану и Онтону: идита къ митрополиту, да кого намъ прислетъ, то нашъ владыка». Тамъ же, III, 45, 1229.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 25, 1199 г.: «а въ Новгородъ, съдузавъ съ посадникомъ, присла, и съ Новгородци, и въведе (Всеволодъ III) въ епискупію Митрофана, мужа Богомъ избранна». Тамъ же, III, 31, 1211 г.: «злудыи исперва не

Кромѣ приобрѣтенія вѣкоторой независимости отъ Кіева, Новгородской церкви во второй половинѣ XII столѣтія удалось усвоить себѣ и сравнительно большій блескъ и значеніе. Съ одной стороны, санъ архіепископа, ставшій уже равно одною изъ ея завѣтныхъ цѣлей, въ это время какъ бы самъ собою достался въ руки Новгородскаго владыки и далъ ему возможность занять между русскими іерархами почетное мѣсто тотчасъ послѣ главы Русской церкви. Митрополиту, нашедшему возможность отказаться отъ всякаго вліянія на назначеніе Новгородскихъ владыкъ, нечего уже было затрудниться пожалованіемъ имъ архіепископскаго сана, и потому новгородское посольство, отправленное съ этою цѣлю въ 1165 году въ Кіевъ, встрѣтило тамъ самый благосклонный пріемъ ¹⁾. Весьма возможно, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ сана Новгородскаго владыки, исходатайствованнымъ въ Кіевѣ въ 1166 году, былъ возвышенъ въ это время и санъ настоятеля Юрьевскаго монастыря. Юрьевскій игумень Діонисій стоялъ на челѣ посольства, хлопотавшаго въ Кіевѣ о дарованіи архіепископскаго званія Новгородскому владыкѣ: естественно поэтому ожидать, что послѣдній не оставитъ безъ вознагражденія успѣшныя труды своего подчиненнаго. И дѣйствительно, есть извѣстіе, что Діонисій былъ поставленъ въ это время владыкой Іоанномъ въ Юрьевскіе архимандриты ²⁾. Съ другой стороны, рядомъ съ іерархическимъ возвышеніемъ поднялось и внутреннее значеніе Новгородскаго владыки. Вторая половина XII столѣтія была эпохой, памятною въ новгородской исторіи. Это было время самой опасной борьбы Великаго Новгорода за свою самобытность, время нашествія на Новгородъ страшной рати, собранной Андреемъ Суздальскимъ въ союзъ чуть не со всѣми Русскими князьями. И въ этой-то важной для Новгорода борьбѣ владыка Іоаннъ стоялъ явно на сторонѣ своихъ согражданъ, явился такъ сказать, духовнымъ защитникомъ мѣстной новгородской самобытности. Оттого личность его сдѣлалась эпическою, дошла до насъ въ лучахъ поэтической прелести. Благодаря духовной силѣ его молитвы, совершилось извѣстное чудо Знаменской Божіей

хотя добра, зависть въложи людямъ на архіепископу Митрофану съ княземъ Мстиславномъ, и не даша ему правитися, и ведоша ѿ въ Торопць».

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 13, 1165 г.: «ходи игумень Діонисіи съ любовью въ Русь и повелѣно бысть владыцѣ архіепископство митрополитомъ». Ср. съ этимъ баснословіе, сообщаемое Татищевымъ въ Росс. Ист., III, 145, 6663 г.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 180, вар.: «а Юрьевскій игумень Діонисій поставленъ бысть во архимандриты Іоанномъ архіепископомъ».

Матери, обратившее оружіе Суздальцевъ противъ нихъ же самихъ, и тѣмъ положившее конецъ всѣмъ ихъ замысламъ, — событіе, служившее въ дальнѣйшей новгородской исторіи живительнымъ воспоминашемъ о древней славѣ, вѣковѣчнымъ свидѣтельствомъ небеснаго благоволенія къ Великому Новгороду. А такъ какъ совершенію этого чуда владыка Іоаннъ содѣйствовалъ не только въ качествѣ богоугоднаго человѣка, какимъ онъ былъ извѣстенъ въ Новгородѣ, но также и въ качествѣ главы церкви, то понятно, что слава Іоанна перенеслась вмѣстѣ съ тѣмъ и на владычній санъ и такимъ образомъ положила одинъ изъ первыхъ камней въ основаніе того высокаго значенія, которымъ пользовался владыка въ послѣдующее время Новгородской жизни.

А. Никитскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВѢЙШІЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕ-ЧЕШСКАГО ЯЗЫКА ¹⁾.

Критическія замѣтки о древнемъ и новомъ по исторіи славистики.

(ПАМЯТИ АББАТА ІОСИФА ДОБРОВСКАГО.)

IV.

Для полнаго ознакомленія съ значеніемъ труда г. Патеры о Mater Verborum, по видимому, было бы достаточно сослаться на Ученія Записки Имп. Академіи Наукъ. Въ приложеніи къ XXXI-му тому Записокъ напечатана статья г. Патеры: „Чешскія глоссы въ Mater Verborum. Рукопись XIII в. въ Прагѣ“, и при этой статьѣ тамъ же напечатаны „Дополнительныя Замѣчанія“ И. И. Срезневскаго. При всей общедоступности изданій нашей Академіи, нельзя однако сказать, чтобы русское общество было теперь поставлено въ условія вполне благоприятныя для правильной оцѣнки важнаго научнаго значенія новѣйшихъ чешскихъ изслѣдованій о Mater Verborum. Прежде всего изслѣдованіе г. Патеры напечатано въ Запискахъ Академіи довольно небрежно, съ опечатками и грубыми ошибками. Изъ Дополнительныхъ Замѣчаній И. И. Срезневскаго оказывается, на примѣръ, что г. Патера не зналъ, что 1) слово *děveč* было въ древне-чешскомъ языкѣ, есть и въ новомъ, по крайней мѣрѣ въ словенскомъ (ссылки

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Ж. М. Н. П.*, январь 1879 года. Считаю нужнымъ исправить ошибку, допущенную въ первой статьѣ. На стр. 141 неврѣно сказано, что Добровскій обвинялъ Ганку въ поддѣлкѣ пѣсни о королѣ Вячеславѣ; его обвиненія касались только Суда Любуши и пѣсни о Вышеградѣ.

на Словарь Палковича и Діалектологию и матеріалы Шемберы въ *Cas. Mus.* XXII); 2) слово *hrad grando*—удержалось въ словенскомъ. было и въ древне-чешскомъ; 3) *hriesti sepelire* было въ древне-чешскомъ; 4) *chvor imbecillis* было въ древне-чешскомъ. Изъ этихъ дополняющихъ трудъ г. Патеры замѣчаній иной читатель легко придетъ къ заключенію, что г. Патера въ чешскомъ языкѣ весьма недалекъ, а слѣдовательно, и строгій его приговоръ о поддѣльныхъ глоссахъ *Mater Verborum* не можетъ имѣть научнаго значенія. Далѣе, Дополнительныя Замѣчанія И. И. Срезневскаго, слѣдующія непосредственно за такимъ изданіемъ труда г. Патеры, стараются подорвать главные выводы его изслѣдованія и поселяютъ въ читателя убѣжденіе, что приписываемыя поддѣлки, если онѣ и были, скорѣе были сдѣланы еще въ средніе вѣка, что въ Чехіи въ первой четверти нынѣшняго столѣтія нужно было совершиться чуду, дабы такъ искусно поддѣлать эти глоссы. Но какъ чудесамъ въ области палеографіи никто не вѣритъ, то остается объяснять дѣло прозе. Г. Патера, какъ новичекъ, желавшій отличиться, слишкомъ поторопился и наговорилъ крайностей. Надо ему еще поучиться и поработать, прежде чѣмъ обличать такихъ старыхъ и заслуженныхъ ученыхъ, каковъ, напримѣръ, В. В. Ганка. Такое мнѣніе о трудѣ г. Патеры дѣйствительно и сложилось уже у нѣкоторыхъ ученыхъ въ Петербургѣ ¹⁾, неспеціалистовъ по славистикѣ, бѣгло прочитавшихъ приложенія къ XXXI-му тому Записокъ Академіи.

Я позволю себѣ вовсе не знать изданія труда г. Патеры въ Запискахъ Академіи. Оно исполнено ошибокъ, которыя г. Патера не могъ бы допустить, еслибы, напримѣръ, самъ держалъ корректуру. Смѣло можно сказать, что г. Патера, вслѣдствіе долгодѣтнихъ и упорныхъ работъ, обладаетъ такими глубокими и обширными знаніями въ древне-чешскомъ языкѣ, что не только кто-либо изъ русскихъ славистовъ старыхъ и молодыхъ (изъ молодыхъ въ послѣднее время, сколько мнѣ извѣстно, наиболѣе занимался древне- и средне-чешскими рукописями гг. Кочубинскій и Аппенковъ), но и немногіе чешскіе спеціалисты едва ли могутъ съ легкостью и удобствомъ дополнять и исправлять свѣдѣнія его въ древне-чешскомъ языкѣ. Имъ изготовлено къ изданію множество древнихъ чешскихъ памятниковъ съ палеографическими и филологическими комментаріями. Г. Патеру напрасно побивать смѣ-

¹⁾ См. также статью г. Колосова въ I-й книжкѣ *Русскаго Филол. Вѣстника*, издаваемаго съ 1879 года въ Варшавѣ, о Дополн. Замѣчаніяхъ г. Срезневскаго.

ками на словарь Палковича и Юнгманна или на Ганковскія Starobyła akladanie. Имъ самимъ собрано изъ древнихъ и средневѣковыхъ чешскихъ памятниковъ большое количество данныхъ, обогащающихъ и дополняющихъ чешскій словарь. Я уже не говорю о томъ, что г. Патера прошелъ настоящую филологическую школу, знакомъ хорошо съ сравнительнымъ языкознаніемъ, занимался санскритомъ, древне-готскимъ и литовскимъ языками и постоянно слѣдитъ за всѣмъ, что выходитъ новаго въ области славистики. Ошибки же, допущенныя г. Патерою въ его рукописи, присланной въ Петербургъ, объясняются очень просто известною разсѣянностью, забывчивостью и поспѣшностью, благодаря которымъ каждый изъ работающихъ невольно дозволяетъ себѣ ошибки, если не успѣетъ внимательно перечестъ свою рукопись. Каждый знаетъ, что и послѣ такого чтенія сколько еще всегда требуется поправокъ и измѣненій въ корректурѣ. Конечно, было бы лучше или послать корректуру статьи г. Патера въ Прагу, или прямо въ его текстѣ исправить нѣкоторыя его ошибки (напримѣръ, о словѣ деверь и проч.).

Наконецъ, изслѣдованіе г. Патера, при всей его важности, неполно и недостаточно безъ статьи г. Баума. Она по истинѣ составляетъ дополненіе, и въ высшей степени цѣнное, къ труду г. Патера. Академія Наукъ оказала бы большую услугу русскому читающему міру, еслибы въ дополненіе къ статьѣ г. Патера напечатала переводъ или подробное извлеченіе этой статьи г. Баума. Кажется, и самъ И. И. Срезневскій не познакомился съ нею, когда писалъ свою статью въ ослабленіе важности и вѣрности обличенія подлоговъ въ Mater Verborum. Еслибъ И. И. Срезневскій читалъ эту статью, то онъ, конечно, никогда не написалъ бы слѣдующихъ строкъ: „Изъ сравненія написанія глоссъ неподдѣльныхъ съ тѣми, которыя признаны поддѣльными, какъ и изъ всего другого (?), видно, что тотъ, кто писалъ эти поддѣльныя глоссы, не рабски слѣдовалъ какому бы то ни было случайному образцу, а свободно владѣлъ навыкомъ древняго правописанія, и притомъ не навыкомъ того давняго времени, къ которому относили и до 1827 г. (?), и долго послѣ рукописи Mater Verborum, то-есть, не конца XI или начала XII вѣка, а болѣе поздняго“... (стр. 99). Въ статьѣ г. Баума и въ примѣчаніи къ ней г. Эйлера положительнѣйшимъ образомъ доказано, что годъ рукописи написанъ фальсификаторомъ, который именно имѣлъ въ виду 1202 г. и неумѣлымъ его обозначеніемъ только блистательно изобличилъ свой подлогъ.

Еслибъ И. И. Срезневскій, ниша свои замѣчанія на изслѣдованіе г. Патеры, былъ знакомъ съ статьею г. Баума, то онъ, конечно, никогда не написалъ бы и слѣдующихъ строкъ: „Вѣрно ли въ такой же степени и то, что всѣ глоссы, написанныя иначе, чѣмъ не заподозрѣнныя, написаны въ недавнее время? Это еще вопросъ. Говорить объ этихъ глоссахъ, какъ о написанныхъ въ XIX вѣкѣ, не наблюденіе, а предположеніе, явившееся только какъ послѣдствіе подозрѣнія, основаннаго на особенностяхъ почерка, чернила и т. п. Нельзя не желать, чтобы такое предположеніе было обставлено неопровержимыми доказательствами. Съ нимъ (съ этимъ предположеніемъ?) соединится, кажется, очень естественно другое предположеніе: если поддѣльщикъ взялъ на себя трудъ надѣлать глоссъ въ рукописи *Mater Verborum*, то едва ли могъ удержаться отъ вожделѣнія надѣлать разныхъ приписокъ и въ другихъ рукописяхъ, — и потому слѣдуетъ разсмотрѣть рукописи Чешскаго музея, ища въ нихъ такихъ же поддѣлокъ. Если ихъ нигдѣ не окажется, то будетъ одно изъ самыхъ вѣскихъ доказательствъ новой поддѣлки. Тѣмъ внимательнѣе надо будетъ добиваться другихъ доказательствъ. До тѣхъ же поръ, пока ихъ на лицо нѣтъ, позволительнымъ считаю вопросъ“ и проч. (стр. 150—151).

Какъ не грустно, а намъ придется еще обратиться къ разбору этого мѣста. Здѣсь же замѣтимъ, что оно также изобличаетъ незнакомство И. И. Срезневскаго со статьею г. Баума, которая именно и представляетъ эти требуемыя нашимъ академикомъ доказательства и разныхъ другихъ подлоговъ. Какъ будто впрочемъ въ чешской письменности ихъ и безъ того мало! И какъ будто для признанія подложности одного памятника, необходимо доказать подложность и другихъ памятниковъ, рядомъ съ нимъ хранящихся! Очевидно, тутъ была мысль о библиотечкарѣ музея Ганкѣ: если онъ поддѣлалъ чешскія глоссы въ *Mater Verborum*, то отчего же бы ему не надѣлать было и другихъ подлоговъ? Въ этомъ смѣлѣ, и именно только въ этомъ, и можно признать законность требованія г. Срезневскаго, но законность только логическую. На дѣлѣ же это требованіе значительно запоздало. Оно желало и просило подачи доказательствъ, когда онѣ уже были представлены.

Позволяю себѣ, въ виду важности дѣла, прежде всего изложить почти дословно содержаніе прекрасной статьи г. Баума.

„Писаніемъ и разрисовкою рукописей занимались монахи и послушники монастырскіе. Каллиграфія, какъ и всякое искусство въ

средніе вѣка, была на службѣ у церкви. Монастыри въ то время были по своей религіозной задачѣ и училищами, и средоточіями образованности. Не удивительно, что и въ нашей странѣ въ теченіе XII и XIII вв. было основано много монастырей, ибо сыновья нашей шляхты и богатѣйшаго мѣщанства, для полученія образованія, принуждены бывали посѣщать школы иностранныхъ монастырей, и дабы не отстать въ образованности отъ другихъ народовъ, предкамъ нашимъ пришлось завести подобныя учрежденія у себя въ Чехіи. Такъ, въ эти два вѣка были основаны монастыри доминикановъ, миноритовъ, храмовниковъ и пр. въ Прагѣ и внутри Чехіи — въ Хотѣшовѣ, Коуримѣ, Бенешовѣ, въ Высшемѣ Бродѣ, въ Ждярѣ, въ Плавнѣ, Бохинѣ, Домажлицахъ, Осѣцкѣ и Збраславѣ... Богато жалованные монастыри воздвигали великолѣпныя зданія, на ихъ имѣніяхъ выростали храмы за храмами, а шляхта слѣдовала примѣру церкви, строила и обогащала новые костелы въ своихъ земляхъ. Объ этой зодческой дѣятельности свидѣтельствуютъ понынѣ сохранившійся отъ XIII в. стиль множества нашихъ костеловъ, а также и письменные памятники этого столѣтія. Художественная дѣятельность не ограничивалась зодчествомъ; монастыри и храмы нуждались въ украшеніяхъ, литургическихъ книгахъ, ризахъ, иконахъ, сосудахъ и пр. Пужды эти удовлетворялись въ странѣ, или же необходимые предметы покупались за границею. Монахи были зодчими, каменотесами, столярами, рѣзчиками, живописцами, писцами, золотыхъ дѣлъ мастерами и т. д. Монахи же ткали и вышивали ризы и иные предметы церковныя. Лѣтописецъ Ждярскій былъ сынъ каменотеса, самъ также былъ каменотесъ. Леогарда, служанка Сибиллы и Евфимія Бочковыхъ, умѣла вышивать церковныя ризы золотомъ, серебромъ и шелкомъ. Осѣцкій монахъ Рудгеръ списывалъ въ Ждярскомъ монастырѣ Библію для потребностей монастырскихъ. Деканъ Пражскаго костела Витъ былъ, можетъ быть, также зодчимъ или по крайности знатокомъ зодчества и любителемъ искусствъ. Онъ приказалъ построить и живописать монастырь канониковъ въ Кремлѣ Пражскомъ, былъ причиною, что высшій судья Чехъ выстроилъ костелъ всѣхъ святыхъ (постройкою завѣдывалъ Витъ), писалъ самъ много рукописей, напримѣръ, Утренникъ (Matutinale) 1271 г. По его перученію написаны были миссалы, градуалы, антифонаріи, бревіаріи, псалтыри, канціоналы, коллектаней, балтистеріи, гомиліи и т. д. не только для Пражскаго, но и для другихъ костеловъ. О такихъ сохранившихся при костелахъ Пражскаго деканата книгахъ говорить вамъ инвентари въ Libro visitationumъ съ 1379 г., гдѣ онѣ приво-

дятся, какъ книги старья. Можетъ быть, между ними были книги и болѣе ранняго времени, чѣмъ жилъ деканъ Витъ. Когда была надобность, покупались книги и за границею. Въ 1292 г. аббаты Вальдзасскій, Сьдлецкій и Збраславскій отправились къ назначенному собранію въ митропольномъ монастырѣ въ Ситѣ (Cîteaux); отъ короля Вячеслава они получили подарки для этого монастыря, а также и деньги на покупку необходимыхъ книгъ для монастыря Збраславскаго. Аббаты отправились въ Парижъ и тамъ накупили себѣ рукописей.

„Является вопросъ какъ возможно распознавать рукописи, писанныя и разрисованныя дома, отъ купленныхъ чужихъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нелегокъ, и вотъ почему:

„Какъ уже сказано, переписка и разрисовка рукописей въ XIII в. была по преимуществу въ рукахъ монаховъ. Средневѣковая церковь не знала народности или языка въ смыслѣ XIX в. Единая латинская рѣчь была связью, объединявшею весь образованный міръ и уравнивавшю народныя различія, особенно въ древнѣйшее время. Образованный Французъ, Италіанецъ, Пѣмецъ, Славянинъ и т. д., говоря по латыни, легко обмѣнивались своими взглядами; христіанское ученіе было всюду одно и то же. Въ цѣломъ христіанскомъ (то-есть, западномъ) мірѣ монастыри руководствовались уставами одного митропольнаго монастыря; мѣстныя уклоненія отъ общихъ правилъ были незамѣтны. Главною основою каждаго устава было послушаніе своему аббату. Когда аббатъ приказывалъ монаху отправиться на чужбину, гдѣ въ то время заводился братскій монастырь, онъ долженъ былъ идти безъ прекословія; латинская рѣчь облегчала ему новую жизнь; духовенство и монахи были настоящими космополитами среднихъ вѣковъ. Въ италіанскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ монастыряхъ находимъ монаховъ самыхъ различныхъ народностей. Римъ и главнѣйше Парижъ были центрами всего ученаго міра, и наши лѣтописцы видимо указываютъ на Парижъ и Францію, какъ на источникъ образованности. Уже Козьма Пражскій въ концѣ своей лѣтописи говоритъ, что нынѣ юноши сидятъ во Франціи у полнаго стола господи философіи, чего онъ не сподобился. Безъ сомнѣнія, почти вся образованность и искусство средней Европы, а слѣдовательно, и Чехіи, идетъ изъ Франціи. Что въ нашихъ монастыряхъ были монахи различныхъ народностей, о томъ даетъ намъ знать лѣтописецъ монастыря Ждярскаго: въ монастырь вступили братья Вирикъ и Симонъ, и послушники Здиславъ и Одикъ изъ Помука, Генрихъ и Конрадъ

изъ Велеграда, Іоаннъ изъ Брабанта, Генрихъ изъ Франціи, Ілія изъ Вальдзассъ, Саломонъ изъ Австріи, Рудгеръ изъ монастыря Осѣцкаго, Ольдрихъ и Петръ изъ Мейссена. Аббатъ былъ изъ Сѣдльца и т. д. О томъ же, какой они были народности, монахъ ждярскій забылъ упомянуть; онъ только называетъ монастыри тѣхъ странъ, изъ которыхъ они пришли. Когда же монахъ или послушникъ, обученный каллиграфіи и живописи во Франціи и Италіи, переводился въ Чехію, то онъ и у насъ занимался, конечно, своимъ искусствомъ въ манерѣ уже имъ приобрѣтенной; и слѣдовательно, его работы по существу не отличались отъ работъ италіанскихъ или французскихъ, хотя бы этотъ монахъ и былъ природнымъ Чехомъ. Чѣмъ старше рукопись, тѣмъ труднѣе замѣтить различія и распознать происхожденіе. Нѣкоторые знатоки пытались подмѣтить особенности въ технической отдѣлкѣ, но и тутъ пришлось разочароваться.

„Быть можетъ, возразятъ, что имя писца или живописца обозначенное въ рукописи — что однако очень рѣдко бываетъ, — можетъ помочь опредѣленію происхожденія рукописи, но и здѣсь часто являюся неодолимыя препятствія. Пока юноша посѣщалъ школы или имѣлъ только низшія степени, онъ еще сохранялъ свое домашнее, то-есть, свѣтское имя. Но какъ только онъ становился священникомъ или монахомъ, онъ очень часто оставлялъ свое прежнее и принималъ другое имя. Такъ находимъ нѣмецкія имена во Франціи и Италіи, и имена французскія и италіанскія въ Германіи. У Славянъ, какъ говоритъ нашъ лѣтописецъ каноникъ Вышеградскій, славянскія имена почитались за варварскія, то-есть, за поганья или языческія, и латинская церковь старалась о преданіи ихъ забвенію. Св. Войтѣхъ оставилъ свое имя и принялъ имя Адальберта, Здикъ, сынъ Козмы (Пражскаго), ставши епископомъ Оломуцкимъ, началъ называться Генрихомъ и т. д. Учившіеся въ иностранныхъ монастыряхъ Чехи принимали чужія имена, особенно нѣмецкія. И если такой монахъ писалъ, то онъ, конечно, подписывался своимъ нѣмецкимъ именемъ, хотя и былъ природнымъ Чехомъ, и даже можетъ быть, патриотомъ. Такимъ образомъ нельзя думать, когда писецъ или живописецъ называется Рудгеръ, Бруно, Гейнрихъ, Эггардъ и т. д., что онъ былъ непременно Нѣмецъ. Иное дѣло впрочемъ, когда рукопись писалъ ученикъ, еще не измѣнившій своего имени и называвшійся, напримеръ, Здиславомъ, Мирославомъ, Велиславомъ и т. д. Въ такихъ случаяхъ всякое сомнѣніе исчезаетъ, и работа является чешскою, хотя бы она и не отличалась отъ подобныхъ работъ иностранныхъ.

„Точно также ошибочно бы было по одной рукописи судить о состояніи искусства известнаго времени или народа. Предположимъ, что нашлась бы рукопись, которая отличалась бы отъ современныхъ иностранныхъ своими особенностями, наприимѣръ, особымъ совершенствомъ. По этой одной рукописи было бы неозвонительно заключать, что вся эта страна и народъ достигли великаго каллиграфическаго искусства. Еслибы нашлось много такихъ или подобныхъ рукописей, то такое заключеніе имѣло бы свое основаніе, но не иначе. Уклоненія, совершенство или несовершенство можно всегда въ отдѣльныхъ случаяхъ приписать личности писца или живописца, ибо рѣдко когда ученикъ бывалъ выше мастера.

„У насъ въ Чехіи сравненіе древнихъ письменныхъ и живописныхъ памятниковъ, за ихъ малочисленностью, дѣло весьма нелегкое, хотя нѣтъ сомнѣнія, въ средніе вѣка они были въ изобиліи. Гуситскія войны, затѣмъ война Тридцатилѣтняя и эпоха Иосифовская разнесли эти сокровища по всему міру (собственно по всей западной Европѣ и частью Россіи). Но сколько еще погибло отъ невѣжества! Для представленія полной картины каллиграфіи и миниатюрнаго искусства въ Чехіи среднихъ вѣковъ, нужно было бы прежде осмотрѣть всѣ библиотеки и собранія въ Европѣ, а затѣмъ, что нашлось бы нашего, описать и срисовать. Но и на родинѣ нашей осталось достаточно обломковъ, свидѣтельствующихъ, что мы не очень отставали отъ другихъ народовъ, и что по многимъ сторонамъ художества даже опередили иныхъ.

„Разумѣется, и у насъ, какъ и всюду, устраивались монастыри со своими школами и, слѣдуя своимъ учителямъ, ученики принимали личныя ихъ особенности въ письмѣ и живописи и старались усовершенствовать ихъ. Ученики эти вообще были уроженцами чешскими, и такимъ образомъ письмо и живопись приобрѣли свой особый характеръ, который должно называть чешскимъ. Само собою первоначальныя работы были скорѣе ремесленныя, чѣмъ художественныя, только съ ознакомленіемъ лучшихъ образцовъ въ путешествіяхъ по Италіи, Франціи и т. д. стали приобретать дѣйствительно художественный, а позже и вполне самостоятельный характеръ.

„Чѣмъ старше рукопись и живопись, тѣмъ труднѣе узнать ихъ происхожденіе, какъ я уже это замѣтилъ. Хочу здѣсь упомянуть о нѣкоторыхъ примѣрахъ, по которымъ можно судить о происхожденіи рукописей, не писанныхъ на чешскомъ языкѣ. Гдѣ присоединены календарь, надо искать праздниковъ святыхъ, особенно почитаемыхъ

въ нашей землѣ, на примѣръ, св. Вячеслава, Людмилы, Войтѣха, Прокоса, перенесеніе тѣла св. Вячеслава, перенесеніе тѣла св. Людмилы, и т. д. Если есть въ рукописи часы, гадо смотрѣть, какъ они расположены, по какимъ днямъ и праздникамъ, что опять можетъ вести къ узнанію существованія чешской литургіи, а слѣдовательно, и происхожденія рукописи. Надо обращать вниманіе, нѣтъ ли въ латинской рѣчи чехизмовъ и нѣтъ ли мѣстъ выскобленныхъ, подчистокъ (gasigu); часто находится пробѣлы въ латинскомъ текстѣ, гдѣ первоначально былъ чехизмъ. Иногда бываютъ современныя приписки въ рукописи или данныя на доскѣ, объясняющія происхожденіе рукописи. Достойны вниманія и посвященія, иногда встрѣчающіяся. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ характеръ письма часто свидѣтельствуетъ объ ихъ происхожденіи.

„Перѣдко замѣчается въ рукописяхъ, что надъ одною и тою же книгою работало двое, трое и болѣе писцовъ и живописцевъ. Это легко объяснить. Письмо и рисунки болѣе роскошныхъ и обширныхъ сочиненій требовали много времени; дабы ускорить работу, она раздѣлялась на двѣ и болѣе частей и отдавалась двумъ или болѣе писцамъ и живописцамъ. Дѣло было легкое при способѣ тогдашняго писанія по рубрикамъ. За это говоритъ то обстоятельство, что появляются повторенія, иногда только словъ, иногда же и цѣлыхъ предложеній въ началѣ письма второй руки, а на концѣ имѣются слѣды письма первой руки. Часто находимъ послѣдній столбецъ рукописи, не дописанный первою рукою до послѣдней рубрики (потому что писецъ писалъ размахистѣе, чѣмъ предполагалось, и мѣста ему не хватало), часто одинъ кончаетъ на половинѣ предложенія, а вторую его половину начинаетъ другой писецъ. Какъ было съ письмомъ, такъ и съ миниатюрами. И тутъ находимъ разнообразныя раздѣленія, потому что работа также раздѣлялась и различалась по умѣлости отдѣльныхъ рисовальщиковъ. Само собою понятно, что такія рукописи, при коихъ работало нѣсколько человекъ, обыкновенно изготовлялись гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ. При указанныхъ обстоятельствахъ также нелегко опредѣлять личности отдѣльныхъ писцовъ и живописцевъ. Такимъ образомъ смѣшны мнѣнія, какъ на примѣръ, о Велиславовой библии, будто бы она не чешское произведеніе, а чешская только легенда о св. Вячеславѣ. Библия эта въ Чехіи написана для Чеховъ, и этого думаю достаточно. Оригиналъ ли это или копія, это уже все равно, но конечно, оригиналъ—легенда о св. Вячеславѣ, присоединенная къ Библии и имѣющая тотъ же характеръ, какъ и все остальное, будь то уда-

шеея или менѣе совершенное. Едва ли бы иностранецъ присоединилъ къ Библии легенду о св. Вячеславѣ. Былъ ли Велиславъ писцомъ или миниатюристомъ, или наконецъ, жертвователемъ, все это дѣло побочное, но имя Velislavъ едва ли принадлежитъ чужеземцу. То же бы можно было сказать о роскошномъ памятникѣ „Liber viaticus“, гдѣ въ концѣ находится грубая живопись. Есть въ концѣ св. Вячеславъ, довольно неудачно изображенный, но и въ наилучшей части рукописи встрѣчается также св. Вячеславъ; въ календарѣ съ самаго начала книги находятся чешскіе праздники, молитвы къ чешскимъ святымъ и т. д. Можемъ ли такимъ образомъ сомнѣваться, что и въ этой лучшей части рукописи мы имѣемъ также чешскую работу, чешское искусство? Никакъ! Въ концѣ рукописи работали писецъ и художникъ менѣе искусный и даровитый. Утверждать же, напримѣръ, что лучший писецъ и живописецъ былъ иноземецъ или на оборотъ—неосновательно. Въ подобныхъ утвержденіяхъ обыкновенно скрывается народная зависть или ненависть второй половины XIX в., а никакъ не знаніе отношеній, въ какихъ находилось ? наше искусство въ средніе вѣка.

„Обратимся же къ рисункамъ рукописи Mater Verborum. Эти рисунки и самое письмо относятся приблизительно къ половинѣ XIII в. На стр. 457 находимъ правда то же обозначеніе года: A. MСII, что объяснялось, какъ будто это имѣлъ быть 1202 г., но эта дата, какъ я уже указалъ девять лѣтъ тому назадъ, принадлежитъ къ тѣмъ патріотическимъ продѣлкамъ, которыя, быть можетъ, были и благонамеренны, но все таки нечисты, и встрѣчаются еще въ нѣкоторыхъ другихъ рукописяхъ музейной библиотеки (библия Яромирская, Concordantia discordantium canonum, Mariale Arnesti и Liber viaticus) ¹⁾.

¹⁾ Я къ сожалѣнію поздно узналъ и еще позже успѣлъ, наконецъ, себя добыть *Repertorium für Kunstwissenschaft*. II B. 1 H. (Stuttgart, 1877), гдѣ помѣщена замѣчательная статья профессора Пражскаго университета Вольтманна «Zur Geschichte der böhmischen Miniaturmalerei. Aufdeckung von Fälschungen» (стр. 1—25). Изъ этой статьи, подписанной «Прага, 22-го октября 1876 г.», оказывается, что г. Вольтманъ самъ независимо отъ г. Баума пришелъ къ открытію подлога въ этихъ же рукописяхъ музея: «Bei dem Studium derselben kam ich zu meiner grössten Ueberraschung dem Sachverhalt auf die Spur. Ehe ich den Nachweis der Fälschung führe, will ich vor allem hervorheben, dass ich bei meinen Arbeiten von dem Herrn Bibliothekar u. den Beamten des böhmischen Museums zuvorkommende Förderung gefunden habe» (стр. 2). Въ Яромирской библии сверхъ именъ славянскихъ художниковъ фальсификаторъ написалъ и годъ, именно anno MССIVIII. Судя по всему, Яромирская библия принадлежитъ къ лучшимъ па-

Этому патриоту казалось, что письмо и чешскія глоссы не довольно представляют доказательствъ, что рисунки въ рукописи *Mater Verborum* — работа чешская, и потому онъ внесъ въ рукопись имена писца, рисовальщика и опредѣленный годъ. На стр. 457 находится инициала Р, въ ней нарисованы Мадонна съ Иисусомъ младенцемъ, Богородица держитъ бѣлый свитокъ, а на немъ красная надпись: *Mater. IN V. XPI*. Внизу находятся два монаха, также держащіе бѣлые свитки. Въ свиткѣ монаха по лѣвой сторонѣ написало: *ORA. P. SCRE. Vascido*. Монахъ по правой рукѣ извѣтъ надпись въ свиткѣ *ORA. P. ILLE. MIROZLAO. A. MCII*. Такимъ образомъ, писецъ назывался бы Вацерадь, а рисовальщикъ Мирославъ, и конечно, то были бы заслуженные мужи, еслибы только исторія сохранила о нихъ какое-нибудь извѣстіе. Уже простымъ глазомъ можно замѣтить нѣкоторую шероховатость (*rozvlňni*), въ этихъ свиткахъ, а черезъ увеличи-

матникамъ французской миниатюрной живописи начала XIV в. Замѣчательно, что известный чешскій археологъ Воцель еще въ 1845 г. (*Grundzüge der böhm. Alterthumskunde*), говоря объ Яромирской (Брезницкой) библии, пренебрегъ именами живописцевъ и годомъ и сказалъ про нее: «wahrscheinlich gegen das Ende d. XIII Jhrh. entstanden». Между тѣмъ, еще въ 1837 г. (въ статьѣ о древнѣйшей эпохѣ чешскаго искусства) Паладкій упоминалъ о Богушѣ Литомѣрицкомъ. Въ 1867 г. въ одномъ примѣчаніи къ статьѣ своей *Ueber die Ornamentirung der Kirche am Karlshofe* (*Mittheil. d. k. Centralcommission*, XII, S. 168), говоря объ одной французской рукописи, видѣнной имъ въ Венеціи и другихъ, Воцель высказался еще яснѣе: «Die Miniaturen dieser Handschrift stimmen in den Motiven u. der technischen Behandlung der Ornamente mit jenen der Jaromirscher Bibel überein, die letztere rührt daher offenbar aus dem XIV, nicht aber, wie man bisher behauptete, aus d. XIII Jhrh. her, u. ist wahrscheinlich ein ausländisches Werk» (стр. 21). «Въ этихъ словахъ, справедливо замѣчаетъ г. Вольтманъ, — содержится правда между строкъ, но несомнѣнное, утверждение подлога». Имѣлъ же Воцель друзей между чешскими учеными и писателями. Имъ, безъ сомнѣнія, онъ говорилъ же о замѣченномъ имъ подлогѣ въ Яромирской библии; тѣ въ свою очередь передавали объ этомъ своимъ друзьямъ. Такимъ образомъ смѣло можно предполагать, что не немногіе уже знали объ этомъ. И все это молчало и скрывало. Вотъ одинъ изъ образчиковъ темныхъ сторонъ провинціализма и внутренней жизни малыхъ народностей, гдѣ деспотизмъ общественный, патриотическій давитъ часто мысль сильнѣе иного вѣдѣнаго деспотизма. Другаго чешскаго писателя, автора прекрасныхъ статей *Tagesbote aus Böhmen* 1858 г. (№№ 276, 286, 289, 292 в 299), совсѣмъ было загнали и заѣли за откровенное и искреннее слово. Его обвиняли чуть не въ измѣнѣ, его чурались, какъ замученнаго. Замѣчательно, что тотъ же Воцель указалъ на заимствованіе сочинителемъ «Ярослава» въ Краледворской рукописи одного мѣста о гаданіи Татаръ изъ чешскаго перевода Путешествія Марка Поло, о чемъ скажемъ впоследствии.

тельное стекло узнаемъ грубую подчистку (*gasugi*), которая у свитка монаха по правой сторонѣ проходитъ за А, написаннаго подлѣ инициалы. Очевидно, первоначальная надпись въ свиткахъ монаховъ выскоблена. Бѣлая краска, которою теперь наведены эти свитки, совершенно иная, чѣмъ въ остальныхъ миниатюрахъ. Наконецъ, свитки въ инициалахъ на стр. 297, 336, 358 и 423, гдѣ находится тоже красное письмо, суть чистый пергамень безъ всякой бѣлой краски. Свитки съ черными надписями также бѣлыя (*bile roñlozenu*) и имѣютъ черныя контуры. Подчистка на стр. 457 видна также и противъ свѣта. Киноварь, которою сдѣланы надписи и контуры, также другая, чѣмъ въ остальныхъ миниатюрахъ. Она груба и безъ всякаго блеску, ибо безъ бѣлилца. Приписки на поляхъ, если какія вообще есть, залѣплены. Исправитель надписи недостаточно осторожно обращался съ бѣлою краскою; несомнѣнно она недовольно покрывала, и потому онъ весьма значительно протянулъ старыя черныя абрисы руки монаха, стоящаго по правой сторонѣ. Дабы не дать замѣтить этого подновленія, было проведено еще бѣлою и красною краской и на другихъ свиткахъ. Неудивительно такимъ образомъ, что подновленіе на стр. 458 такъ долго не было замѣчаемо, и что наши и чужіе знатоки, особенно при бѣгломъ разсмотрѣніи рукописи, проглядѣли его.

„Если зашла уже рѣчь о такихъ исправленіяхъ, то упомянемъ еще и о другихъ, сдѣланныхъ въ нѣкоторыхъ иныхъ вышеупомянутыхъ и хранящихся въ музейной библіотекѣ, рукописяхъ. Въ такъ называемой Яромирской библіи точно также обозначены годъ, писецъ и рисовальщикъ. Яромирская библія есть роскошная и драгоценная рукопись французскаго происхожденія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ миниатюры и письмо. Она относится также къ XIII в. Эту рукопись присвоилъ намъ также какой-то патриотъ. На л. 298 изображенъ пророкъ Варухъ со свиткомъ въ рукѣ. На свиткѣ имѣется надпись: *Sbigneus de Ratibor scripsi*. Кто подумалъ бы, что пророкъ Варухъ — уроженецъ Ратиборскій.

„На л. 340 пророкъ Аггѣй тоже со свиткомъ, на которомъ надпись: *Volhuse Lutomer pinxi*, а подъ рисункомъ anno *MCCCLVIII*. Пророкъ Аггѣй былъ, пожалуй, изъ Литомѣриць. Такая наивность просто удивительна. У другихъ пророковъ, имѣющихъ также свитки по старому обычаю, стоятъ только точки вмѣсто надписей, и не обозначено, откуда они родомъ.

„Подобнымъ же образомъ поступилъ нашъ чудакъ и съ рукописью *Concordantia discordantium canonum*. Памятникъ это несомнѣнно италянскій. На каждомъ свиткѣ написано: *grossu pravo* чернымъ

на бѣло. Отчего онъ не прописалъ намъ здѣсь писца и рисовальщика, пожалуй даже многихъ, какъ это сдѣлалъ онъ въ *Liber viaticus*, въ этомъ образцовомъ произведеніи чешской Каролинской школы? Тутъ ему надо было приписать только писца и художника. *Liber viaticus* сдѣлался галлереею средневѣковыхъ миниаторовъ.

„Просто не знаешь, что сказать о порчи такого памятника, чешскаго памятника, возвышающагося надъ прочими памятниками славной Каролинской эпохи, гордости старочешской живописи. Почти каждый свитокъ имѣлъ надпись; такъ напримѣръ, на л. 69: *Neplescho a Stibogius*; на л. 83 об.: *Stilco*; на л. 157: *Iohannes*. на л. 254 об.: *Sbisco de Trotina*, а на л. 261 об. *Petrus*... и т. д.

„Я уже сказалъ, что свитки имѣли надписи; нынѣ же онѣ вновь выскоблены какимъ-то милосерднымъ Самаряниномъ, которому жалко стало такой порчѣ рукописи, но впрочемъ, на свѣтъ и противъ свѣта онѣ удобочитаемы ¹⁾. Въ *Liber viaticus* находятся, какъ извѣстно, портреты, напримѣръ, Карла и Вячеслава IV; на л. 254 внизу направо находится портретъ старика съ довольно широкою бланкою въ рукѣ. И мнѣ кажется, портретъ принадлежитъ или императору, или иллюминатору, надпись же выскоблена теперь до самаго пергамента.

„Наивность нашего любителя миниатюръ достигла въ *Magiale Augusti* своего апогея. Этотъ памятникъ есть также безспорно произведеніе чешской Каролинской школы. Между разными миниатюрами находится здѣсь и Благовѣщеніе въ обыкновенномъ видѣ. Архангелъ Гавріиль

¹⁾ Однако, странные, удивительные порядки существуютъ въ библиотекѣ Чешскаго музея. Одинъ патріотъ вписываетъ древнимъ почеркомъ въ драгоценную древнюю рукопись имена вымышленныхъ миниаторовъ. Ну, случилось несчастіе, такъ сказать не удержался отъ домашняго вора. Другой патріотъ вместо того, чтобы описать эти подлоги и составить имъ акты, протоколъ и напечатать его въ исправленіе старыхъ и предупрежденіе новыхъ ошибокъ ученыхъ, другой патріотъ вместо всего этого выскабливаетъ потихоньку въ древеснѣхъ памятникахъ все эти новѣйшія приписки. Чего же смотреть начальство библиотека? Значить, почти на его глазахъ можно преспокойно въ древнихъ рукописяхъ выскабливать одно, вписывать другое и потомъ опять выскабливать первое. Положимъ, патріота-фальсификатора мы знаемъ, но кто же этотъ милосердный Самарянинъ, потихоньку, украдкою выскабливающій и смывающій грѣхи своего предшественника въ порчѣ рукописей? Вольтманнъ высказалъ предположеніе, что самъ же фальсификаторъ уничтожилъ свои приписки (стр. 12). Съ этимъ нельзя согласиться и потому уже, что, кромѣ Пассавана, другія лица упоминали имена художниковъ *Liber Viaticus* и въ Германіи, и въ Чехіи, и въ Россіи (ст. А. Попова: *O starob. č. malbě* (*Cas. Č. Mus.* 1846, стр. 501—516 и 627—687) и ст. Ваалека (*Blätter f. lit. Unterh.* 1846, № 84).

держитъ свитокъ въ рукѣ, гдѣ вмѣсто Ave Maria gratia pl. написано: „hoc Sbisso de Trotina p.“. Наконецъ, подчистка (разура) и новая надпись такъ жалко сдѣланы, что каждый съ перваго взгляда можетъ узнать подлогъ. Легко каждый можетъ замѣтить остатки первоначальной надписи между словомъ Sbisso и „de“. На вопросъ, какую же цѣль имѣли эти наивные (?) подлоги, мы положительно отвѣчать не можемъ, но ограничимся здѣсь одною догадкою. Всѣ упомянутыя рукописи поступили въ музей тотчасъ по его основаніи, какъ пожертвованіе изъ бібліотеки Брезницкой. Находились ли в тогдѣ ужь эти подчистки и исправленія въ упомянутыхъ рукописяхъ, отвѣчать на это могли бы современники, но судя потому, что объ этихъ рукописяхъ было писано, я сомнѣваюсь, чтобы изъ современниковъ кто-либо внимательно ихъ просматривалъ. Нельзя сказать, кто былъ этотъ фальсификаторъ; полагаю однако, что онъ былъ горничимъ и весьма наивнымъ патриотомъ, старавшимся присписывать для рукописей имена писцовъ и художниковъ или приписывать извѣстнымъ именамъ работы неизвѣстныхъ писцевъ и рисовальщиковъ. Онъ, конечно, не думалъ, что окажетъ намъ, потомкамъ, дурную службу своею горячностью, очевидно рассчитывая, что и будущія поколѣнія не распознаютъ его грубыхъ подлоговъ. Наконецъ, должно упомянуть, что уже много лѣтъ (jiz ro vice let) чиновники музейной бібліотеки, когда кому представляли указанныя рукописи, всегда обращали ихъ вниманіе на эти поддѣлки“.

Таково разсужденіе г. Баума. Мы еще обратимся къ вопросу о времени этихъ подлоговъ и о личности этого патриота-палеографа; здѣсь же не скроемъ только сожалѣнія и удивленія, что эти любопытныя данныя такъ поздно являются въ печати: г. Баумъ, какъ самъ утверждаетъ, открылъ подлогъ въ Mater Verborum еще въ 1868 или 1869 г. и указалъ на это, очевидно, служащимъ въ музей; служащіе же въ музейной бібліотекѣ, какъ онъ говоритъ, jiz ro vice let всегда обращали вниманіе постороннихъ на эти поддѣлки. Печально однако то, что Чешскій народный музей, имѣющій свой литературный органъ, въ продолженіе девяти или многихъ лѣтъ не нашелъ возможнымъ и не счелъ нравственнымъ долгомъ обозрѣвать извѣстныя ему данныя объ этихъ подлогахъ. Такимъ образомъ, завѣдомо попускали держаться и развиваться лжи въ наукѣ. Напримѣръ, еще во второмъ изданіи V-го тома прекраснаго сочиненія д-ра Карла Шнаазе: Geschichte der bildenden Künste V. B. bearbeitet vom Verfasser unter Mithilfe v. Dr A. Woltmann. Düsseldorf, 1872, на стр. 492 въ примѣчаніи, приведенъ

подложный годъ *Mater Verborum*, на который уже указалъ г. Баумъ служащимъ въ музеѣ еще въ 1869 или 1868 г. Еслибъ у служащихъ въ музеѣ, и особенно у преемника Ганки, бібліотекаря г. Вртятки, давно уже было заведено указывать посѣтителѣмъ эти подлоги, то трудно себѣ представить, чтобы слухи о нихъ не дошли до Шнаазе и Вольмана. Значить, по крайней мѣрѣ въ 1871 г. извѣстія объ этихъ подлогахъ держали въ музеѣ больше подъ секретомъ. Вообще трудно приискать извиненіе и оправданіе совершенному объ этомъ молчанію въ печати со стороны бібліотекаря музея г. Вртятки. Не лежитъ ли на прямой обязанности начальства каждой бібліотеки немедленно доводить путемъ печати до всеобщаго свѣдѣнія объ обнаруженныхъ подлогахъ и поддѣлкахъ въ ея рукописяхъ, особенно такихъ, которыя уже много разъ служили и постоянно служатъ предметомъ особеннаго вниманія разныхъ ученыхъ? Во всякомъ случаѣ, было бы гораздо полезнѣе и для музея, и для науки, еслибы г. Вртятко напечаталъ въ *Музейникѣ* все, что ему было извѣстно о подлогахъ и поддѣлкахъ въ разныхъ рукописяхъ музейной бібліотеки, чѣмъ сочинять и помѣщать въ этомъ журналѣ статьи о Китаѣ и Монголахъ хана Кублая ¹⁾. Г. Вртятко никогда къ знатокамъ Азіи не принадлежалъ, восточныхъ языковъ не вѣдаетъ, съ ориентальною наукою не знакомъ. Слѣдовательно, къ этимъ дилетантскимъ опытамъ можно было бы обратиться и послѣ, а прежде всего надо было обнаружить вышеуказанныя свѣдѣнія о подлогахъ. Далѣе, всѣ русскіе и прочіе слависты, бывавшіе въ эти послѣдніе годы въ Прагѣ, надѣюсь, не опровергнуть, а подтвердятъ мое личное наблюденіе, вторично мною сдѣланное на мѣстѣ еще нынѣшнею весною (1873 г.). Оно заключается въ томъ, что въ Прагѣ, въ музеѣ и вообще въ кругу ученыхъ и писателей почти господствуетъ и довольно открыто высказывается полное убѣжденіе, что указанные подлоги, подчистки и поддѣлки въ рукописяхъ принадлежатъ Ганкѣ, бывшему бібліотекарю музея. Объ этомъ не я, конечно, одинъ слышалъ собственными ушами и не разъ отъ самого бібліотекаря музейной бібліотеки г. Вртятки (я увѣренъ, что онъ это подтвердитъ). То же самое, если не ошибаюсь, думаетъ и г. Патера, авторъ прекраснаго изслѣдованія о подложныхъ чешскихъ глоссахъ *Mater Verborum*. Ниже я представлю нѣкоторыя данныя и соображенія, заставляющія меня считать именно Ганку, а никого иного авторомъ этихъ подложныхъ глоссъ. Я не

¹⁾ *Čas. Česk. Mus.* 1873. I, III.

имѣю чести знать г. Баума, и не знаю, что онъ думаетъ и говорить объ авторѣ этихъ подлоговъ, только смѣю полагать, что будь онъ убѣжденъ, что Ганка тутъ рѣшительно неповиненъ, онъ г. „Баумъ, безъ всякаго сомнѣнія, не преминулъ бы взять его подъ свою защиту. Если мы, наѣзжающіе по временамъ въ Прагу, могли убѣдиться, что въ бібліотекѣ музея и въ кругу чешскихъ филологовъ и археологовъ господствуетъ такая увѣренность относительно Ганки, то Чеху г. Бауму это уже не могло оставаться безъизвѣстнымъ. Очень возможно, что онъ не имѣетъ таковой полной увѣренности, какъ другіе, но судя по тому тону, съ которымъ онъ говоритъ о поддѣльщикѣ, можно съ вѣроятностью предполагать, что и самъ г. Баумъ разумѣетъ и подозрѣваетъ Ганку: náš rodinín, horlivý ač velmi naivní vlastenec... Въ этомъ тонѣ вообще принято въ послѣднее время у Чеховъ говорить о Ганкѣ. Его обыкновенно представляютъ теперь, какъ человѣка очень благодушнаго, но крайне ограниченнаго и бездарнаго, который самъ не вѣдалъ что творилъ.

Въ концѣ 1870 года г. Врятко уже долженъ былъ знать объ упомянутыхъ подлогахъ, подчисткахъ и поддѣлкахъ въ *Matce Verbohum* и другихъ рукописяхъ музея: г. Баумъ самъ говоритъ въ исходѣ 1876 г., что онъ за девять лѣтъ передъ тѣмъ указалъ на поддѣлку года въ *Matce Verbohum*, а вѣроятно и надписей о Вацерадѣ и Мирославѣ. И вотъ г. Врятко напечаталъ въ *Музейникѣ* 1871 г. статьи въ защиту Суда Любуши, такъ называемой нынче Зеленогорской, и Краледворской рукописи. Здѣсь преемникъ Ганки, и кажется бывшій его подчиненный, всячески силится доказать—мы еще съ этими статьями будемъ имѣть дѣло,—что Ганка былъ бездарный стихоплетъ, дурной знатокъ старо- и ново-чешскаго языка и прежалкій палеографъ, или какъ Врятко, вѣроятно, для пущей важности, выражается *paleoognosta*. Впрочемъ въ статьѣ „Hanka so paleoognosta“ г. Врятко не говоритъ ничего почти о Ганкѣ, за то достаточно распространяется о своихъ великихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ величайшемъ поэтическомъ памятникѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ, какъ онъ умѣренно выражается о Краледворской рукописи: *Já první obrátil sem zřetel k žlutým plámkám... Já první ukázal k utlým propíchnutím... Já první k velikému udivení osob, ježto rukopisy denně se obírají, ukázal sem k drobounkým mikrografickým literkam v místech, kam potom červené iniciálky versány byly.* По русски это означаетъ: „Я первый обратилъ вниманіе на желтыя пятнышки... Я первый указалъ на нѣжные вышки... Я первый, къ великому удивленію людей, ежедневно

занимающихся рукописями, указаль на мелкія микрографическія буквы въ мѣстахъ, гдѣ потомъ были вписаны красныя инициалы". Кто послѣ этого можетъ еще сомнѣваться въ великихъ ученыхъ познаніяхъ и въ палеографической наблюдательности г. Вртятки? Конечно, передъ тѣмъ онъ внимательно и долго разсматриваль и хорошо изучилъ много рукописей въ музеѣ. Неужели при такой палеографической опытности и проицательности, онъ не замѣчалъ никакихъ подлоговъ и поддѣлокъ, часто видимыхъ простому, не вооруженному глазу? Хотъ бы тутъ г. Вртяткѣ сказать по крайности о подлогахъ и поддѣлкахъ въ *Mater Verborum*, уже замѣченныхъ другими, напримѣръ, Баумомъ, еще года за два, за три до появленія статей: „*Hanka a Rukopis Kralové-dvorskú*". Пѣтъ, Вртятко тутъ совершенно умалчиваетъ объ этихъ подлогахъ и упоминаетъ лишь о *skutečných falsifikátech*, о дѣйствительныхъ поддѣлкахъ, о Пѣсни о Вышеградѣ и Любовной пѣсни короля Вячеслава, но ни о чемъ больше.

Представимъ еще сдѣланное г. Баумомъ описаніе заглавнаго листа съ рисункомъ, изображающимъ А въ *Mater Verborum*. Выше были у насъ представлены его описанія, сдѣланныя И. И. Срезневскимъ и Ѳ. И. Буслевымъ.

„Рисунокъ этотъ“, говоритъ Баумъ,— „въ 0,37 метра выш. и 0,25 метр. ширины. Буква (А) окружена орнаментальными рамками въ 0,032 метр. въ ширину. Рамки эти обведены (съ внутренней и наружной стороны) золотыми блестящими полосками, которыя скрепчиваются въ углахъ. Въ угольномъ скрещиваніи рамокъ имѣются розетки, сдѣланныя такимъ образомъ, что черная краска составляетъ поле, по которому выдается розетка, чистый пергамень, вытертый бѣлковиною. Нижняя рамка въ верхней части не имѣетъ золотой полоски. Боковыя рамки украшены романскимъ орнаментомъ зеленаго цвѣта и каждая по-своему. Тѣни древесныхъ листьевъ обозначены просто черными чертами, свѣтлая ихъ сторона—точками бѣлой краски. Орнаментъ въ лѣвой рамкѣ относительно стили лучше выработанъ, чѣмъ въ рамкѣ на правой сторонѣ. Въ верхней рамкѣ нитеобразный орнаментъ выведенъ бѣлою краскою, напоминаетъ намъ украшенія меньшихъ инициалъ въ той же рукописи. Въ нижней рамкѣ находятся бѣлыя и желтыя буквы ВВА (*Abba*). Желтая краска теперь потемнѣла. Стилизація этихъ буквъ та же, что въ Антифонаріи Сѣдлицкомъ. Между этими буквами есть нитеобразное украшеніе желтаго цвѣта. Главная буква А на золотомъ полѣ; поле обрѣзаетъ голубая лента; во многихъ мѣстахъ голубая краска стерлась, особенно налѣво отъ изображенія аббата, что очень жалко,

такъ какъ на этой лентѣ бѣлою краскою было написано имя аббата. Теперь можно только разобрать одну букву G и кусочки остальныхъ буквъ; но изъ нихъ нельзя возстановить первоначальной надписи. Вершина буквы A образована сплетеніемъ вѣтвей, изъ коихъ составлена эта буква. Контуры буквы черныя, а ея свѣтлая сторона — бѣлая. Вѣтви, изъ коихъ составлено A, различныхъ красокъ, оживлены древесными листьями и звѣрями (обезьяны, сова, львы и т. д.). Въ орнаментикѣ находимъ также скрипача и въ кругломъ медальонѣ грудной портретъ съ надписью *Estas Siva*.

„Воцель, Гаушъ и другіе знатоки пытались разъяснить символику этихъ звѣрей, скрипача и груднаго изображенія. Дѣло доходило даже до очень неприятныхъ споровъ. Мнѣ кажется, что въ этой мѣшанинѣ дѣйствительно нѣтъ никакой символики, что все это капризъ художника, который при этомъ не думалъ ни о христіанской, ни о языческой символикѣ, какъ и теперь, въ декоративной живописи, часто изображаютъ различныхъ звѣрей и чудовищъ, не думая ни мало ни о какой символикѣ. Я просмотрѣлъ довольно много разрисованныхъ рукописей, и признаюсь, рѣдко когда, даже при внимательномъ чтеніи текста, находилъ какую-либо символику въ декоративной живописи. Можетъ быть, иногда я и находилъ ее, потому что ея искалъ. Чаше всего такъ называемая символическая живопись находится внѣ всякой связи съ содержаніемъ текста, который она украшаетъ. Правда, имѣются цѣлыя сочиненія, посвященные объясненію такихъ предполагаемыхъ символовъ, но мнѣ невольно при чтеніи ихъ припоминается пословица: что поищешь, то и найдешь. Вѣрно, что въ древнѣйшемъ періодѣ декоративная живопись сюжетовъ христіанскихъ была символическая; вѣрно и то, что эта символика рано пропала, и позднѣйшіе рисовальщики, не понимая данныхъ формъ, употребляли ихъ безъ склада и ладу, смотря по личному вкусу и фантазіи. Любопытно было бы получить объясненіе живописныхъ околичностей въ такъ называемой Яромірской библии или въ *Liber viaticus* въ музейной библіотекѣ, или каррикатуру одного Бривіарія въ Пражской университетской библіотекѣ.

„Но послѣ этого отступленія воротимся къ описанію. Во главѣ письма изображенъ сидящій левъ ¹⁾, ниже вѣнчаютъ сову сѣдая и гнѣдая обезьяны. Вправо лѣзетъ по орнаменту бѣловолосяй мужичка

¹⁾ На рисункѣ, помѣщенномъ при *Изв. Археол. Общ.*, видна одна голова львиная. В. Л.

и держать человѣческую голову за волосы; изъ-за древесныхъ листьевъ выступаетъ звѣриная голова и помогаетъ этому истязанію. Кто не вспомнилъ бы при этомъ подобныхъ же иностранныхъ изображеній и объ очень ученоемъ объясненіи ихъ по Физиологу. Середина буквы обозначена львами, сросшимися на задней части тѣла по образу узоромъ на средневѣковыхъ сицилійскихъ коврахъ ¹⁾. Ниже сидитъ скрипачъ на стулѣ, покрытомъ подушкою (а не на костельной крышѣ, какъ гдѣ-то написано), и играетъ на скрипкѣ о трехъ струнахъ дугообразнымъ смычкомъ. Желтый кафтанъ музыканта переходитъ въ зеленоватый; тутъ опять приближеніе къ миниатюрамъ позднѣйшаго времени. Штаны скрипача чернаго цвѣта. Углы золотого поля надъ буквами заняты львами, другъ отъ друга отвернувшимися (головами обращены другъ къ другу). Нижнюю часть, то-есть, конецъ буквы, составляютъ драконы чудовища. Разъясненіе символики см. въ *Mittheilungen d. k. k. Centralcommission f. Erforschung u. Erhaltung d. Baudenkm.*, вып. 5-й. Очень занимателенъ медальонъ съ надписью „Estas Siva“. Въ немъ находится грудное изображение юности, по другимъ женщины, держащаго въ правой рукѣ геральдическую лилію, въ лѣвой геральдической трилиственникъ. Это изображение кругомъ обведено зеленою лентою, въ которой написано „Estas Siva“. Почему думали, что изображение представляетъ женщину, мнѣ неясно. Волосы, которыя въ нашей рукописи въ другихъ миниатюрахъ у женскихъ фигуръ всегда бываютъ длинныя, на этомъ портретѣ Живы коротки, какъ во всѣхъ миниатюрахъ, представляющихъ мужчинъ. Въ нашей рукописи у Живы находимъ мужской вихоръ (Haarzopf), который по языческой символикѣ объяснялся за пламя, хотя на стр. 297 можно видѣть, какъ живописецъ представлялъ пламя (въ видѣ красныхъ языковъ). Не находимъ у Живы и груди, сильно выдающихся, какъ всегда въ болѣе старой живописи обозначаются женщины. Повязка (rāska), стягивающая волосы, типическая въ XIII в., встрѣчается одинаково у юношей и у дѣвицъ (см. библию Велиславову V) ²⁾. Я того мнѣнія, что полъ изображенія Живы долженъ быть еще доказанъ, прежде чѣмъ признавать въ изображеніи медальона: *Dea frumenti Siva (sive) Ceres*. Когда же полъ его будетъ доказанъ, тогда пусть опять оживають ученые споры о Живѣ ³⁾. Для

¹⁾ Они не срослись, а сошлись спинами. В. Л.

²⁾ На рисункѣ *Изв. Археол. Общ.* этой повязки не видно. В. Л.

³⁾ Это напрасно. Но странно одно, и слѣдовало бы объяснить, почему у юности обнажена грудь? В. Л.

живописи XIII в. замѣчательно изображеніе монаха на правой сторонѣ. Онъ держитъ свитокъ въ рукѣ, но надпись стерта до незамѣтныхъ остатковъ. Рисунокъ правильный, и вся фигура почтенная и достойная. Намъ кажется, что рисовальщикъ особое стараніе приложилъ въ этой миниатюрѣ.

„Сужденіе о нашей рукописи, какъ и объ ея миниатюрахъ, будетъ только тогда вполне самостоятельно, когда всѣ извѣстныя рукописи *Mater Verborum* будутъ сравнены между собою. Только тогда можетъ открыться, какія имѣетъ особенности наша рукопись, и чѣмъ чешская „работа отличается отъ другихъ“¹⁾.

Въ заключеніе приведемъ замѣчаніе лучшаго въ настоящее время чешскаго палеографа г. Эмлера, одного изъ почтеннѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ современныхъ чешскихъ ученыхъ:

„Годъ въ рукописи написанъ такъ: МСII. Верхняя черта предназначалась для указанія удвоенія буквы С, такъ что читать слѣдовало бы МССII. Такое объясненіе и такой способъ написанія свидѣтельствуеетъ о великомъ познаніи средневѣковыхъ сокращеній. Одинъ уже этотъ фактъ говоритъ о неправильности показанія года сравнительно съ характеромъ письма. Въ такую ошибку могъ впасть лишь тотъ, кто перенесъ на давнія времена нынѣшній способъ сокращенія *m* или *n* въ нѣмецкой скорописи. Особенно при числахъ въ средніе вѣка никогда не представляется ничего подобнаго. Редакція этого журнала готова давать по червонцу (?) за каждый приведенный изъ подлинныхъ средневѣковыхъ памятниковъ примѣръ подобнаго сокращенія чиселъ. Все это дѣло можетъ быть объяснено тѣмъ, что сочинитель надписи на свиткѣ не имѣлъ мѣста для втораго С, а такъ какъ онъ хорошо зналъ, что по письму рукопись должна относиться къ XIII в., то въ своемъ невѣдѣніи помогъ бѣдѣ тѣмъ, что прибѣгъ къ нынѣшнему, обычному въ нѣмецкой скорописи, способу удвоенія *m* и *n*“.

V.

Г. Патера раздѣлилъ свое изданіе чешскихъ глоссъ *Mater Verborum* на двѣ части. Въ первой онъ помѣстилъ съ критическимъ вве-

¹⁾ Сверхъ указанной статьи проф. Вольмана, см. его же *Gesch. d. Malerei* (2 и 3 Lief.) Leipzig, 1878. Между прочимъ онъ замѣчаетъ (S. 282): „Dass auch die böhmischen Glossen im Texte meist gefälscht sind, fallen die früheren Gründe für die Entstehung d. Codex in Böhmen fort“. Выводъ послѣдній: все же считается болѣе 300 (339) подлинныхъ, древнихъ чешскихъ глоссъ. В. Л.

деніемъ настоящія, подлинныя, древнія глоссы, во второй съ такимъ же введеніемъ глоссы поддѣланныя. Г. Патеръ былъ сдѣлавъ упрекъ, что его дѣленіе глоссъ слишкомъ субъективно, довольно пропзвольно и мало доказательно. Съ этимъ положительно нельзя согласиться. Участіе личнаго элемента въ такихъ работахъ совершенно устранить невозможно. Палеографія есть не только дисциплина, но и искусство. Есть много данныхъ, правилъ и пріемовъ, которыя свѣдущій и опытный наблюдатель можетъ передать своему ученику, но есть и много трудно опредѣляемыхъ, невыразимыхъ мелочей, которыя не передаются въ наставленіяхъ, а пріобрѣтаются при собственной работѣ, съ развитіемъ извѣстной споровки, приходящей незамѣтно и постепенно. Наконецъ появляется извѣстное чутье и, если можно такъ выразиться, своего рода вдохновеніе, даръ отгадки. Палеографъ иногда отгадываетъ время диплома или его подложность почти мгновенно и внезапно, прежде чѣмъ онъ успѣлъ аналитически перебрать даже главнѣйшія данныя, свидѣтельствующія о вѣкѣ или подложности памятника. Выводы палеографическихъ, какъ и всякаго рода ученыхъ наблюдений, строго говоря, никогда не могутъ быть совершенно свободны отъ субъективнаго элемента, отъ личныхъ возрѣній, ибо наблюдательность пзслѣдователя есть часть его духа. При одинаково точныхъ методахъ и одинаковыхъ условіяхъ наблюдаемыхъ явленій результаты наблюдений всегда окажутся богаче и важнѣе у того изъ наблюдателей, кто добросовѣстнѣе и даровитѣе другихъ. Говорятъ: подавайте доказательства, а то теперь многое неубѣдительно; надо теперь вѣхать, говорить г. Ягичъ, самому въ Прагу и глядѣть въ *Mater Verborum*. Что же дѣлать, это болѣе или менѣе судьба всѣхъ наблюдений рѣдкихъ или объединенныхъ явленій. Всѣхъ доказательствъ, что А есть, а В происходитъ такъ, а не иначе, — передать цѣликомъ и живьемъ не возможно ни лингвисту, изслѣдующему малоизвѣстные нарѣчія и говоры, ни зоологу, наблюдателю жизни и обычаевъ птицъ, звѣрей, ни географу-путешественнику въ дальнихъ странахъ. Иное дѣло, когда въ опытѣ можно повторить явленіе. Во всякомъ случаѣ всякій ученый наблюдатель нуждается въ довѣрїи. Отъ себя онъ долженъ требовать строгости и добросовѣстности, и тогда онъ вселяетъ къ себѣ довѣріе и имѣетъ право требовать его отъ другихъ.

Обращаясь къ труду г. Патеры, замѣчу, что въ бытность мою весною 1878 г. въ Прагѣ я разсмотрѣлъ выстѣ съ нимъ въ увеличительное стекло весьма большое количество подлинныхъ и поддѣльныхъ глоссъ, и признаюсь, получилъ полное внутреннее убѣжденіе, что представленныя

миѣ г. Патерою доказательства или объясненія не обнаруживали ни малѣйшихъ натяжекъ, никакого желанія во что бы ни стало увеличить число поддѣльныхъ глоссъ. Въстѣ съ тѣмъ эти доказательства и объясненія г. Патеры часто бывали такъ мелочны и подробны, что не только относились къ общему характеру написанія какой-нибудь глоссы, но останавливались на отдѣльныхъ буквахъ, на отдѣльныхъ чертахъ нѣсколькихъ буквъ въ одной глоссѣ. Эти мелочи и подробности доказательствъ едва ли и могутъ быть все цѣликомъ переданы въ печати. Конечно, можно было бы фотографировать все эти поддѣльныя глоссы и каждую изъ нихъ подробно описать. Но чего бы это стоило, сколько денегъ и сколько времени? Впрочемъ, г. Ягичъ, вполне признавая важное критическое значеніе общихъ замѣчаній г. Патеры, полагаетъ однако, что для изданія отдѣльныхъ глоссъ было бы лучше не избирать алфавитнаго порядка, а расположить глоссы по категоріямъ ихъ подозрительности, и наконецъ, нужно было бы подвергнуть эти поддѣльныя глоссы филологическому разбору (*einges genauen sprachgeschichtlichen Analyse*). Не отрицая пользы такого анализа и лишь нѣсколько сомнѣваясь въ пользѣ и удобствахъ особаго не алфавитнаго порядка для изданія подложныхъ глоссъ, я позволю себѣ впрочемъ относительно труда г. Патеры выразить одно лишь сожалѣніе, что онъ самъ умолчалъ и другіе чешскіе ученые ничего не сказали объ одномъ обстоятельстве, которое должно было бы служить весьма вѣскимъ подтвержденіемъ дѣйствительной подложности указанныхъ г. Патерою, какъ поддѣльныхъ, 800 слишкомъ глоссъ. Работа г. Патеры ведена было очень несмотрительно. Еще въ 1866 г. выписалъ онъ изъ *Mater Verborum* все чешскія глоссы, и тогда еще убѣдился, что нѣкоторые изъ нихъ подчищены и поддѣланы, другія же, то-есть, весьма и весьма многія, недавно вновь написаны. Обнародовать результаты своихъ наблюденій онъ медлилъ и сообщилъ ихъ только нѣкоторымъ своимъ друзьямъ. Между тѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ онъ постоянно былъ занятъ разными палеографическими работами и пересмотрѣлъ за это время много древнихъ рукописей. Глазъ его изощрился, опытность приобрѣтена большая, и вотъ въ 1876 г. г. Патера вновь занялся *Mater Verborum*, пересмотрѣлъ все глоссы и пришелъ къ полному убѣжденію, что сдѣланныя имъ десять лѣтъ тому назадъ наблюденія были вѣрны. Объ этомъ сказалъ г. Патера въ одномъ изъ своихъ примѣчаній. Но вотъ о чемъ онъ умолчалъ къ великому сожалѣнію и къ немалому ущербу для своего труда. Г. Патера сообщилъ о своихъ результатахъ г. Эмлеру, отличному и опытному палеографу,

архивариусу Пражскаго архива, издателю втораго тома Регестъ, многихъ важныхъ средневѣковыхъ латинскихъ памятниковъ по чешской исторіи, и г. Эмлеръ разсмотрѣлъ эти признанныя г. Патерою поддѣльными или новѣйшими чешскія глоссы *Mater Verborum*. Но сейчасъ ли было рѣшено напечатать это изслѣдованіе г. Патеры? Нѣтъ, собралось нѣсколько членовъ музея въ родѣ комиссіи, тутъ были гг. Эмлеръ, многозаслуженный проф. Томекъ, тоже отличный знатокъ палеографіи, дажѣ, весьма начитанный въ старо-чешской письменности, такъ называемый въ Прагѣ *rap ministr* (разъ какъ то недолго бывшій министромъ) г. Иосифъ Иречекъ, этотъ ангель-хранитель старо-Чеховъ, подражатель апостольской ревности св. Войтѣха у Славянъ Карпатскихъ и непостыдный оберегатель и поборникъ непорочнаго зачатія...¹⁾ Отрывковъ Евангелія отъ Іоанна, Суда Любуши и Краледворской рукописи; были тутъ, кажется, еще и другіе,—впрочемъ боюсь ошибиться. И вотъ всѣмъ этимъ лицамъ вмѣстѣ г. Патера развертывалъ страницы *Mater Verborum*, указывалъ поддѣльныя и подложныя глоссы и разъяснялъ причины, почему онъ не можетъ считать ихъ древними и настоящими. И только послѣ такой предварительной провѣрки, послѣ такой *enquête*, рѣшено было наконецъ напечатать въ *Музейникѣ* статьи г. Патеры. Что такое совѣщаніе дѣйствительно должно было происходить, это разумѣется само собою. Печатавъ въ *Музейникѣ* изслѣдованіе г. Патеры, музей взялъ, такъ сказать на свою отвѣтственность всѣ главнѣйшіе выводы г. Патеры и г. Баума. Такое совѣщаніе было необходимо и состоявшееся на немъ рѣшеніе — печатать изслѣдованія гг. Патеры и Баума—принеситъ честь этой комиссіи²⁾. Но нельзя не

¹⁾ Для непосвященныхъ замѣчу, что г. Иречекъ былъ любимцемъ и довереннымъ лицомъ извѣстнаго австрійскаго ультрамонта Гельферта, игравшаго во времена Туновскаго конкордата большую роль въ Австріи по министерству народнаго просвѣщенія. Какъ *Ministerial-Secretär*, г. Иречекъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ извѣстной Римско-Вѣнско-Польской попыткѣ 1859—1860 г. ввести у Русскихъ въ Галиціи азбуку латинскую и уничтожить у нихъ русскую азбуку для цѣлей понятныхъ. См. *Die Ruthenische Sprach- und Schriftfrage in Galizien, Lemberg. 1861*. Позднѣйшее преданіе приписывало св. Войтѣху искорененіе славянскаго обряда и русской азбуки у сѣверо-западныхъ Славянъ.

²⁾ Особенно если ея члены ничего не знали о приготовляемой г. Вольгмюномъ статьѣ о подлогахъ, и если, слѣдовательно, надо приписать простой случайности совпаденіе времени напечатанія статей гг. Патеры и Баума въ 1-й книжкѣ *Музейника* за 1877 годъ со временемъ появленія статьи Вольгмюна въ первой книжкѣ Шестагова *Repertorium* 1877, г.

пожалѣть, что эти почтенные члены музея не нашли удобнымъ или нужнымъ дать болѣе формальный и пожалуй торжественный характеръ своему совѣщанію и засѣданію. Это было бы, кажется, лучше для науки и для чести музея: вѣдь тутъ набѣдилъ бывшій музейный бібліотекаръ, который такъ долго, въ продолженіе не одного десятка лѣтъ, въ тиши и на досугѣ безъ всякаго зазрѣнія и удержу портилъ цѣлыя рукописи, сначала, можетъ быть, изъ любви въ отчизнѣ и народности, а потомъ уже просто, по страсти и привычкѣ, изъ любви къ искусству; избаловали его ужъ очень и вскружили ему голову неслыханный успѣхъ и никогда, можетъ быть, нечаемая удача первыхъ молодыхъ опытовъ подлоговъ и поддѣлокъ. Отчего не составили формальнаго протокола почтенные чешскіе ученые о результатахъ своего совѣщанія относительно изслѣдованія г. Цатеры? Я положительно не берусь отвѣчать на этотъ вопросъ. Но позволю себѣ высказать предположеніе, что однимъ изъ мотивовъ нерѣшимости ихъ выступить прямо и открыто въ такомъ дѣлѣ служить то обстоятельство, что чешскій патриотизмъ, чешское сознаніе хотя и не можетъ отказаться отъ массы фактовъ обличающихъ односторонность и ложь нѣкоторыхъ сторонъ недавней чешской дѣятельности, но не имѣетъ смѣлости, мужества и достаточно мысленной свободы, чтобы прямо назвать вещь своимъ именемъ, осудить въ себѣ и вырвать изъ себя ложь съ корнемъ, отказаться отъ нѣкоторыхъ прежнихъ излюбленныхъ мыслей и приемовъ и вступить на новый, нѣсколько иной путь развитія. Такое официальное и торжественное заявленіе со стороны главныхъ членовъ музея объ открытыхъ уже и еще быть можетъ имѣющихся, музеемъ вѣдомыхъ, а ученому міру еще неизвѣстныхъ, подлогахъ и поддѣлкахъ, подчисткахъ и припискахъ въ рукописяхъ музея и всякаго рода ихъ порчи и искаженіяхъ становится все болѣе и болѣе необходимымъ. Отъ этого требованія, отъ исполненія этого долга нельзя устраниваться. Рано или поздно прійдется же выступить съ такимъ заявленіемъ. Его не могутъ не желать не только всѣ слависты, но и всѣ европейскіе ученые разнообразныхъ спеціальностей. Потребность въ такомъ заявленіи всего болѣе должны чувствовать само чешское ученое общество и правленіе музея, наконецъ все чешское земство и чешскій народъ, справедливо глядящій на музей, всѣ его коллекціи и бібліотеку, какъ на свое великое достояніе и дорогое сокровище. Все это очень хорошо должны понимать почтенные чешскіе ученые. Но они, по всей вѣроятности, не рѣшаются и медлятъ, потому что такое ихъ заявленіе бу-

детъ заключать въ себѣ строгое осужденіе всѣхъ прежнихъ правленій музея и главныхъ его членовъ, такъ долго попускавшихъ баловать Ганкѣ, такъ равнодушно сквозь пальцы глядѣвшихъ на его палеографическія шалости, ученія проказы и безчинства: вѣдь когда еще Добровскій сталъ уличать его въ подлогахъ, значить, считалъ его способнымъ на это и къ этому, а впрочемъ, всегда осторожный Добровскій съ своимъ тонкимъ проницательнымъ умомъ зналъ Ганку хорошо и видѣлъ его пасквозь. Но этого мало: такое торжественное заявленіе заключало бы въ себѣ осужденіе всѣхъ этихъ театральнхъ, дѣланыхъ и шумныхъ демонстрацій, яко бы проявленій народнаго энтузіазма и народной воли, которыя двадцать лѣтъ назадъ устраивались, напримѣръ, въ честь Ганки и Краледворской рукописи послѣ извѣстнаго процесса съ Tagesbote, или на похоропахъ Ганки съ 30-ти-тысячною процессіей. Наконецъ, изъ таковаго заявленія не могутъ не выйдти весьма непріятныя заключенія о многихъ будто бы поразительныхъ и неопровержимыхъ новѣйшихъ доводахъ въ пользу яко бы невозможности допустить подложность такъ называемыхъ Зеленогорской и Краледворской рукописей. Но объ этомъ послѣ, а теперь ознакомимся съ общими критическими замѣчаніями г. Патера о чешскихъ глоссахъ Mater Verborum сначала настоящихъ и древнихъ, а потомъ новыхъ и подложныхъ.

VI.

Древне-чешскія глоссы, говоритъ г. Патера,—тройкаго рода:

1) Глоссы въ самомъ текстѣ, то-есть, въ строкѣ, прекрасно писанныя большою минускулою, какъ и весь текстъ. Такихъ немного, всего 12. Перечисливъ ихъ, г. Патера прибавляетъ, что остальныя чешскія глоссы въ текстѣ принадлежатъ къ подложнымъ.

2) Глоссы междустрочныя, написанныя вскорѣ по окончаніи рукописи, какъ свидѣтельствуя чернила, но уже другимъ писцомъ вѣроятно—тѣмъ монахомъ, который исправлялъ ошибки и дополнялъ пропуски. Эти глоссы жирнаго и не столь красиваго письма, какъ первыя. Ихъ всего 42.

3) Прочія настоящія глоссы, то-есть, значительное большинство (285) писаны красивымъ мелкимъ, обличающимъ искуснаго писца письмомъ, также вскорѣ по написаніи рукописи. По письму онѣ очень похожи на латинскія приписки на поляхъ, сдѣланныя писцомъ для рубрикатора съ тою цѣлью, чтобъ онъ, проведши инициалы, вписалъ ихъ

красками. Писецъ этихъ глоссъ зналъ хорошо и по нѣмецки, ибо большая часть нѣмецкихъ междустрочныхъ глоссъ писана его же рукой.

Затѣмъ г. Патера останавливается на правописаніи этихъ глоссъ, но этого мы коснемся ниже, а теперь перейдемъ къ общимъ критическимъ его замѣчаніямъ о глоссахъ подложныхъ и новыхъ.

„Хотя“, говоритъ онъ, — „съ точки зрѣнія филологической и миеологической есть важныя данныя, которыя возбуждаютъ сомнѣніе въ подлинности многихъ чешскихъ глоссъ въ *Mater Verborum*, однако палеографическая сторона имѣетъ въ этомъ отношеніи наиболѣе рѣшающій голосъ. Хотя мы вполне сознаемъ трудность рѣшать вопросъ о подлинности или подложности исключительно съ точки зрѣнія палеографической, но долготными работами надъ рукописями и въ этомъ отношеніи можно достигнуть опредѣленныхъ результатовъ. Глазъ, постояннымъ и продолжительнымъ чтеніемъ пріученный къ древнему письму, видитъ тотчасъ нѣкоторую неровность письма при поддѣланныхъ и новонаписанныхъ глоссахъ. Поддѣланныя глоссы фальсификаторъ смастерилъ по большей части изъ словъ латинскихъ. У нихъ замѣчаемъ подчистки (*rasury*), но обыкновенно небрежныя, такъ что при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи можно различить слѣды и остатки ихъ первоначальныхъ буквъ. Чернила нововписанныхъ буквъ значительно разнятся отъ первоначальнаго письма, а буквы обыкновенно несоразмѣрно вмѣщены въ промежутокъ, получившійся отъ подчистки. Письмо при нововписанныхъ глоссахъ не одинаковое, часто писецъ забывался и смѣшивалъ въ одной глоссѣ буквы различныхъ временъ. Рука много разъ какъ бы тряслась, поэтому почеркъ не твердый и не ровный. Многія буквы часто ему не удавались, особенно *c*, *r* и *s* (*r* снабжалъ онъ какою-то запятою, *c* горбомъ, а *s* обыкновенно писалъ округленнѣе). Чернила у нихъ разные, иногда очень черныя, иногда сильно смѣшанныя съ красною краскою. Многія глоссы написаны какою-то смѣсью красокъ, которая, если поглядѣть на нее со стороны, лоснится и густо и сильно нанесена на пергаментъ. Если же внимательно посмотрѣть черезъ хорошее увеличительное стекло на такія глоссы, то найдемъ чернила или мазь очень жидкими.

„На многихъ мѣстахъ замѣтны подчистки (*rasury*), и видно, что тутъ поддѣльщикъ вписывалъ чешскую глоссу; но какъ она ему не удалась, то онъ самъ признавалъ за благо выскоблить ее, и затѣмъ писалъ ее вновь или подъ тѣмъ же словомъ, надъ которымъ ему глосса не удалась, или на другомъ удобномъ и неудобномъ мѣстѣ. Въ об-

ясненіе перваго случая приведемъ въ примѣръ глоссу: *mēna*, втораго — глоссу: *chrānu*. Всѣ глоссы, находящіяся въ нашей рукописи подъ словами латинскими, рѣшительно всѣ вновь написаны. На многихъ страницахъ, гдѣ поддѣльщикъ приписалъ много глоссъ, и если тамъ ужь была древняя чешская или латинская и нѣмецкая глосса, онъ вновь или частью, или цѣликомъ обводилъ ее своими чернилами, или смачивалъ глоссу, дабы ея поддѣлки не очень отличались отъ глоссъ настоящихъ. Изъ такихъ чешскихъ древнихъ глоссъ приведемъ, на примѣръ: *blizkota, deska, dirne, hreben kokotou, hruda, inh, crabosca, kilavec, krepelice, matki, rodvouy, prezada, vratec*. Изъ латинскихъ глоссъ укажемъ: *heretici, fecittaga, seruum, fingitur* и т. д.; изъ нѣмецкихъ: *fagn, melcvaz, merisnekko, suht, drischil*, у слова *slaven* вновь написано *l* надъ словомъ и т. д. Отъ этого происходитъ, что самая глосса, можетъ быть—и первоначально древняя, глядитъ недавновописанною, ибо была вновь совершенно обведена черниломъ.

„Изъ вновь написанныхъ латинскихъ и нѣмецкихъ глоссъ приведемъ: *apseres, vnschafa, basa, drischin* и т. д. Многія недавно писанныя глоссы писаны веровно и переходятъ черты, между которыми находится текстъ, чего не замѣчаемъ при подлинныхъ глоссахъ. На страницахъ, гдѣ много находится древнихъ глоссъ, поддѣльщикъ рѣдко когда отваживался вписывать свою глоссу, напр. стр. 137, 139, 177, 178, 252 и т. д. Многія глоссы написаны очень искусно и только чернила выдають ихъ, за то многія—очень дурно и неудачно. Вообще видно, что недавно вписанныя глоссы не были написаны заразъ, а въ промежуткахъ, быть можетъ, нѣсколькихъ лѣтъ, то съ большею, то съ меньшею ловкостью. Поддѣланныя глоссы въ текстѣ, числомъ девятнадцать, суть слѣдующія: *blaži, sebole, dennice, hoste, iun, nēmec, okurka, pastyr, plst, rak, svatovit, srbi, svēt, vaha, varle, vēnec, vlhvice, živa*, между строками поддѣлано только слово *krahaq*“.

Затѣмъ г. Патера объясняетъ порядокъ, которому онъ слѣдовалъ въ изданіи глоссъ подложныхъ. Онъ выбралъ, какъ мы уже видѣли, порядокъ алфавитный и затѣмъ пользовался старопечатнымъ изданіемъ *Mater Verborum* для возстановленія подскобленныхъ латинскихъ и нѣмецкихъ глоссъ, изъ коихъ были поддѣланы чешскія. Въ заключеніе г. Патера говорить, что поддѣльщикъ бралъ слова и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, когда ему не помогали старыи и новыи чешскій языкъ.

Таковы замѣчанія г. Патеры. Знаменитый нашъ маститый славистъ И. И. Срезневскій, самъ усердно занимающійся палеографіей

около двадцати лѣтъ, произнесъ свое сужденіе о палеографическомъ изслѣдованіи г. Патеры. Въ своихъ Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ къ его труду, на стр. 151, И. И. Срезневскій говоритъ: „Нельзя не быть признательнымъ А. О. Патерѣ за его превосходное изслѣдованіе“. Это сказано почти въ самомъ концѣ статьи; а въ началѣ ея досто-почтенный профессоръ и академикъ говоритъ: „*Mater Verborum* представляетъ собою новое доказательство необходимости самаго внимательнаго палеографическаго разбора всякаго сколько-нибудь важнаго памятника, прежде чѣмъ его начать употреблять въ дѣло при рѣшеніи или разъясненіи научныхъ задачъ“ (стр. 82). Нѣ сколько далѣе онъ замѣчаетъ: „Изданіе чешскихъ глоссъ, выбранныхъ ими самими (Шафарикомъ и Палацкимъ), независимо отъ прежняго изданія Ганки, не могло не утвердить за этими глоссами безусловнаго уваженія и довѣренности. Того, что голословно же, безъ всякихъ доказательствъ говорили о древности чешскихъ глоссъ въ *Mater Verborum* все, которые ими занимались, никто не замѣчалъ. Можно сказать даже болѣе: считалось совершенно достаточнымъ простое довѣріе къ нимъ, какъ къ несомнѣннымъ. Такъ было до сихъ поръ. Такъ уже не можетъ остаться послѣ того, какъ внимательный и подробный переборъ этихъ глоссъ, сдѣланный А. О. Патерою, станетъ въ рядъ необходимыхъ пособій для ихъ изученія. Будь исполненъ такой трудъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ этимъ, и ни одинъ изъ писателей, пользовавшихся чешскими глоссами въ *Mater Verborum*, ни самъ бы не впалъ, ни другихъ бы не ввелъ въ тѣ жалкія ошибки, которыми не только наполнились многія и многія замѣчательныя произведенія ума и знанія, но овладѣло уже и научное преданіе, перешедшее изъ ученыхъ книгъ въ учебники, въ училища, въ общечитаемыя книги, книжки и листки, всюду, гдѣ не доискиваются прямыхъ источниковъ, питающихъ преданія“ (стр. 83).

Съ величайшею радостью и удовольствіемъ приводимъ эти слова одного изъ старѣйшихъ въ настоящее время славистовъ: Миклошичъ родился въ одинъ годъ—1812—съ И. И. Срезневскимъ. Онѣ какъ нельзя лучше подтверждаютъ наши замѣчанія о томъ, что критика до послѣдняго времени была еще слабо развита въ славистикѣ, и что изслѣдованія гг. Патеры и Баума о *Mater Verborum* съ своими откровеніями представляютъ дѣйствительно капитальное явленіе въ наукѣ.

VII.

Намъ слѣдовало бы теперь остановиться на нѣкоторыхъ подложныхъ глоссахъ, которыя сами по себѣ очень поучительны, даютъ важныя указанія для объясненія другихъ чешскихъ подложныхъ памятниковъ, для исторіи разныхъ ученыхъ мнѣній и толкованій въ нашей наукѣ, наконецъ—для опредѣленія личности поддѣльщика чешскихъ глоссъ. Но мы, къ сожалѣнію, не можемъ тотчасъ же приступить къ этой работѣ, а должны еще остановиться на Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ г. Срезневскаго. Въ нихъ между извѣстнымъ намъ началомъ (стр. 82—83) и приведеннымъ нами замѣчаніемъ въ концѣ (стр. 151), на семидесяти почти страницахъ, говорится нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что было приведено нами изъ начала и конца.

Всѣ эти безъ мала семьдесятъ страницъ заняты особымъ разсужденіемъ, которое рѣшительно противорѣчитъ и идетъ въ полный разрѣзъ съ выводами гг. Патеры и Баума. Это разсужденіе состоитъ изъ трехъ частей: въ первой нашъ академикъ разсматриваетъ правописаніе объявленныхъ г. Патерою подложными, глоссъ, а также и всѣ попадающіяся въ нихъ формы склоненія и спряженія,—во второй части обсуждаетъ вопросъ о знаніяхъ, выказанныхъ предполагаемымъ фальсификаторомъ, „въ выборѣ словъ, которыми онъ переводилъ слова латинскія“, и въ третьей части занимается обзоромъ миеологическихъ словъ и понятій въ выданныхъ г. Патерою за подложныя и новыя чешскихъ глоссахъ *Mater Verborum*. Въ первой части нашъ академикъ приходитъ къ заключенію, что поддѣльщикъ былъ особенно хорошо приготовленъ, „не только знаніемъ того, что могло быть особенно занимательнымъ для изслѣдователей, но и знаніемъ особенностей древняго чешскаго языка и правописанія и умѣнемъ пользоваться своими знаніями, которое должно было быть подкрѣплено увѣренностью въ достаточность силъ своихъ, чтобы вся рукопись вмѣстѣ съ приписками считалась памятникомъ начала XII вѣка (какъ въ то время полагали). Кто же могъ быть знатокомъ дѣла, приписавшимъ поддѣланныя глоссы?.. Когда жилъ и работалъ этотъ замѣчательный поддѣльщикъ, когда, слѣдовательно, была возможность сдѣлаться такимъ знатокомъ древностей быта и языка?“ (стр. 88). Въ немъ было „чутье удивительное“ (стр. 93).

Наконецъ, приведя немногіе встрѣчающіеся примѣры формъ склоненія и спряженія, нашъ академикъ говоритъ: „Всего этого вмѣстѣ

очень немного; но и въ этомъ немногомъ видно знаніе древняго чешскаго языка, мѣшавшее поддѣльщику дѣлать ошибки — даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда древніе памятники, которые могли быть у него подъ руками, не давали ему никакихъ указавій, какъ видно изъ вышеприведенныхъ наблюденій Добровскаго и Ганки. Позволяю себѣ думать, что для полнаго избѣжанія ошибокъ поддѣльщику мало было знать древній чешскій языкъ болѣе, чѣмъ могли знать его тѣ, у которыхъ подъ руками были тогда доступные памятники, но и вообще древній складъ славянскаго языка. Кто бы ни былъ поддѣльщикъ, а онъ не могъ не быть превосходнымъ знатокомъ древняго славянскаго языка, какимъ былъ, напимѣръ, Добровскій, едва ли даже не смысленѣе его“ (стр. 102).

Что же вытекаетъ изъ этихъ словъ нашего маститаго академика? Это выводъ изъ разсмотрѣнія его всѣхъ 800 слишкомъ подложныхъ глоссъ относительно правописанія и знанія вообще склада древне-чешскаго и древне-славянскаго языка. Не могу понять, зачѣмъ тутъ понадобился послѣдній. Излишекъ доводовъ всегда вредитъ убѣждающимъ ораторамъ. До 1827 г. (это послѣдній срокъ поддѣлокъ и подлоговъ въ *Mater Verborum*) въ Прагѣ и вообще въ Чехіи не было рѣшительно ни одного человѣка, который не только въ знаніи древне-славянскаго, но и древне-чешскаго языка не то что превосходилъ бы Добровскаго, но и сколько-нибудь могъ равняться съ нимъ. Уже не говоримъ объ истинно-ученой подготовкѣ Добровскаго, его образованности и его геніальности. Всѣ тогдашніе старшіе и младшіе Чехи, — выключаемъ Палацкаго, собственно Мораванина и пріѣхавшаго въ Прагу поздно (1823 г.) и Словака Шафарика, еще позже переселившагося въ Чехію (1833 г.), — были или люди заслуженные, но довольно посредственныхъ дарованій или люди горячіе, способные (но не геніальные) и трудолюбивые, но все почти дилеттанты и научнымъ образомъ къ избранной ими дѣятельности вообще мало приготовленные по части наукъ нравственныхъ. Всѣ эти похвалы и одобренія, расточаемыя поддѣльщику, однозначительны, строго говоря, съ полнымъ отрицаніемъ дѣйствительности поддѣлокъ и подлоговъ.

Итакъ, разсмотрѣвъ всѣ, рѣшительно всѣ выданныя г. Патерою за подложныя, глоссы, И. И. Срезневскій въ заключеніе высказываетъ такія замѣчанія, которыя cadaго читателя, умѣющаго связывать понятія и дѣлать правильныя заключенія, непременно приводятъ къ такой дилеммѣ: Или фальсификаторъ былъ такой великій знатокъ и талантъ, какого въ Чехіи во времена Добровскаго (до 1827 г.) не было и быть не могло; слѣдовательно, совершилось нѣкое чудо, по-

жалуй въ родѣ того, что незримая рука жителя иного міра подскоблила латинскія и нѣмецкія глоссы *Mater Verborum*, передѣлала ихъ въ чешскія и вписала новыя, иногда довольно искусно, а иногда и очень грубо, какъ свидѣтельствуеть и превосходное изслѣдованіе г. Патеры. Или же никакого чуда не было, а слѣдовательно, не было и подлоговъ и поддѣлокъ. Правда, были поддѣльныя глоссы: „Нѣкоторыя сдѣланы изъ словъ, прежде написанныхъ, подчисткою, передѣлкою буквъ, припискою новыхъ буквъ и т. п. Это дознано наблюденіями и должно быть признаваемо вѣрнымъ“ (стр. 150). Къ этому г. Срезневскій прибавляетъ: „Вѣрно ли въ такой же степени и то, что всѣ глоссы, написанныя иначе, чѣмъ не заподозрѣнныя, написаны въ недавнее время? Это еще вопросъ. Говорить объ этихъ глоссахъ, какъ о написанныхъ въ XIX вѣкѣ, не наблюденіе, а предположеніе, явившееся только какъ послѣдствіе подозрѣнія, основаннаго на особенностяхъ почерка, чернилъ и т. д.“ (стр. 150). Нашъ палеографъ произнесъ тутъ строгое осужденіе и порицаніе палеографической работѣ г. Патеры. Вслѣдствіе „подозрѣнія, основаннаго на особенностяхъ почерка, чернила и т. п.“, г. Патера составилъ предположеніе, съ которымъ не усумнился явиться въ учебный міръ доказывать, что 800 слишкомъ глоссъ въ *Mater Verborum* подложны.

Недоумѣваемъ, какъ все это согласить съ замѣчаніями того же ученаго авторитета, что работа г. Патеры есть „превосходное изслѣдованіе“, „что его внимательный и подробный переборъ глоссъ... станетъ въ рядъ необходимыхъ пособій для ихъ изученія“, что „будь исполненъ такой трудъ (то-есть, Патеры) за пятьдесятъ лѣтъ“, не было бы де и тѣхъ жалкихъ ошибокъ.

Но какія же это ошибки, и еще жалкія, если значительнѣйшая часть этихъ глоссъ неподложна и не можетъ быть подложна? Быть можетъ, возразятъ мнѣ, что нашъ академикъ ставитъ собственно въ заслугу г. Патерѣ то, что онъ указалъ на подчистки и поддѣлки? Но честь перваго ихъ указанія принадлежитъ не г. Патерѣ, а Ганушу¹⁾. Что же тогда останется за г. Патерою, можно ли называть его изслѣдованіе превосходнымъ и приписывать ему такую важность, когда въ немъ такъ легкомысленно, вслѣдствіе одного „подозрѣнія, основаннаго на особенностяхъ почерка, чернила и т. п.“ (вѣдь у каждаго

¹⁾ *Sitzungsberichte d. königl. böhm. Gesellsch. d. Wissensch. in Prag.* Jhrg. 1865, Ss. 84 ff.

писца свой почеркъ, могутъ у разныхъ писцовъ быть и разныя чернила),—объявлена подложными цѣлая масса глоссъ, которая, по тщательномъ, надо думать, разборѣ правописанія и языка не обнаруживаетъ такой подложности. Превосходно изслѣдованіе г. Патеры, но неподложны и глоссы.

But Brutus says: he was ambitious,
And Brutus in an honourable man.

Невольно припоминается рѣчь Марка Антонія надъ трупомъ Цезаря. Дѣйствительно, приемы, употребляемые въ Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ, совершенно ораторскіе. Разсматриваемыя съ этой стороны, онѣ представляютъ собою замѣчательное литературное произведение, настоящий памятникъ ораторскаго искусства. Говомъ, приемами, оборотами, эффектами и преувеличеніями это разсужденіе нашего почтеннаго академика — *sit venia verbo* — очень напоминаетъ блестящую адвокатскую рѣчь. Тутъ есть приступъ, гдѣ сначала сказано нѣсколько теплыхъ словъ въ похвалу палеографіи и работы г. Патеры, затѣмъ идетъ самая рѣчь, это настоящая *oratio pro Venceslao Hanke* и отчасти *pro domo sua*, — то-есть, въ защиту и оправданіе ученыхъ, впадавшихъ въ нѣкоторыя ошибки, только потому, что фальсификаторъ былъ такъ великъ. Наконецъ, слѣдуетъ заключеніе: здѣсь выражено много горячихъ словъ въ доказательство, что подлоги не доказаны, и что ихъ вѣрнѣе вовсе не было, затѣмъ прибавлено, что если новыя изслѣдованія (опять, можетъ быть, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ?) докажутъ неопровержимо, что поддѣлки дѣйствительно были, и г. Патера былъ правъ, то все еще остается вопросъ: „Не списаны ли они съ какого-нибудь утраченнаго или скрывающагося древняго памятника, — такъ что вписывавшій ихъ только переписывалъ, и если мудрствовалъ лукаво, то только въ подчисткахъ и въ подправкахъ?“ Какъ будто это предполагаемое, впрочемъ вовсе тутъ не имѣвшее мѣста, вписываніе изъ одной рукописи въ другую, древнюю, почеркомъ древнимъ, не есть то же лукавство? Наконецъ, послѣ новой похвалы вскользь г. Патерѣ, идетъ финаль, имѣющій окончательно растрогать слушателей, привести всѣхъ въ умиленіе, и возбудить въ нихъ потребность полного всепрощенія фальсификатору и даже чувства уваженія къ его самобытнымъ силамъ. „не подчинявшимся современнымъ увлеченіямъ“. Вотъ этотъ финаль: „Если же онѣ (объявленныя г. Патерою подложными чешскія глоссы) окажутся сочиненными недавно, то-есть, не менѣе какъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, то вскроется не менѣе — если даже не болѣе — важное обстоятельство:

ясное, неопровержимое указаніе, что одновременно съ Добровскимъ былъ у Чеховъ такой ученый знатокъ древности чешской и вообще славянской, который по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ этой древности знаетъ болѣе и лучше, изслѣдовалъ и судилъ осторожнѣе самаго Добровскаго. Нисколько не унижая достоинства и заслугъ знаменитаго слависта, всюду и всѣми одинаково чтимыхъ(?), надобно будетъ помнить, что одновременно съ силой его учености дѣйствовали въ народѣ Чешскомъ и другія тавія же силы, хотя и не такъ счастливо направленныя (—это про подлоги и подчистки, указанныя гг. Патерою и Баумомъ—), но не могшия оставаться безъ всякаго добраго вліянія на другихъ дѣятелей, силы болѣе или менѣе самобытныя, не подчинявшіяся современнымъ увлеченіямъ, могшия оцѣнять ихъ по достоинству строгою критикою ума и знанія, богатыя знаніемъ и того, что всякому другому оставалось недоступнымъ“.

Мнѣ въ высшей степени грустно, но я долженъ откровенно сказать, что нельзя не считать крайне вреднымъ для развитія науки введеніе въ ученныя изслѣдованія пріемовъ и эффектовъ ораторскихъ. Языкъ и способъ изложенія въ научныхъ изслѣдованіяхъ долженъ быть прямой и строгій. Въ суровой простотѣ и ясности истинныхъ научныхъ изслѣдованій особенно великихъ мастеровъ есть своя прелесть и изящество. Факты приводятся точяне, провѣренные; ими доказывается или изъ нихъ выводится не болѣе и не менѣе того, что слѣдуетъ; одинъ выводъ связывается съ другимъ, третьимъ, безъ всякихъ натяжекъ и насилій; затѣмъ, быть можетъ, высказываются догадки, предположенія, гипотезы, часто потомъ не оправдываемыя, но всегда небезполезныя, если придуманы способнымъ знатокомъ и высказаны прямо, безъ утаекъ, съ рѣшимостью не отступать и не отрѣкаться отъ своихъ мнѣній, пока ихъ неосновательность не обнаружится, и съ готовностью откровенно и искренне сознаться въ своихъ ошибкахъ, если онѣ окажутся. Наука живетъ и развивается только въ свободѣ и требуетъ себѣ языка свободнаго, и слѣдовательно, искренняго. Мысль должна не скриваться, прятаться по угламъ и убѣгать въ потемки, а напротивъ стремиться къ простотѣ, ясности и свѣту; ученое же изслѣдованіе, громоздящее примѣры надъ примѣрами, доводы надъ доводами, быть можетъ эффектные, но не доказанныя, носить въ самомъ себѣ и наказаніе. Вопросы, сами по себѣ несложныя, запутываются и усложняются, доказательства, небрежно приводимыя, порождаютъ новыя ошибки, ложныя заключенія, и вообще является путаница и хаосъ.

Признаюсь откровенно, мы такъ привыкли къ строгому анализу въ послѣднихъ палеографическихъ трудахъ нашего маститаго наставника, что никогда не ожидали встрѣтиться съ такимъ его разсужденіемъ, которое невольно приводитъ въ смущеніе. Тутъ часто рѣшительно недоумѣваешь, на чемъ остановиться, какъ объяснить себѣ разныя невѣрности и неточности, поспѣшные выводы и не вытекающія изъ дѣла заключенія. Быть можетъ, это произошло отъ того, что въ палеографическихъ трудахъ И. И. Срезневскій является преемникомъ и строгимъ продолжателемъ Востокова, а въ Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ о *Mater Verborum* снова выступилъ увлекающійся славистъ Харьковскаго періода съ прежнею живостью, энергіей и талантомъ, но и съ прежними недостатками.

Позволяю себѣ остановиться на нѣсколькихъ частностяхъ. Въ первой части, въ числѣ немногихъ примѣровъ формъ спряженія, имѣющихъ доказать неподложность глоссъ, приведено между прочимъ и слово *blažn*. А эта глосса явилась такимъ образомъ, какъ видно изъ сравненія рукописи *Mater Verborum* съ старопечатнымъ экземпляромъ: въ первоначальномъ текстѣ было *beatum reddo*. Поддѣльщикъ оставилъ *b* (въ *beatum*), изъ *e* сдѣлалъ *l*, изъ *t-s* и надъ *u* выскоблilъ поперечную черточку (знакъ сокращенія *m*). Явилось *blasn-blažn*.—Это же *blasn* приведено въ числѣ примѣровъ употребленія *s* вм. *ж*. (с. 97).

Положимъ, все это приведено, какъ примѣры отличнаго знанія поддѣльщикомъ древне-чешскаго языка, но затѣмъ изъ этихъ же, а не иныхъ примѣровъ выводится яко бы древность и неподдѣльность этихъ подложныхъ и новыхъ глоссъ. Въ числѣ такихъ же примѣровъ употребленія *s* вм. *с*, приведена глосса *hoste*, а она явилась очень просто; въ подлинникѣ было: *hospitales hostes perduelles*. Поддѣльщикъ выскоблilъ *s*, и вышло славянское *hoste*¹⁾. Въ примѣрѣ употребленія *k* вмѣсто *k* приведена глосса *kramar*. Въ подлинникѣ было *kramer*. Поддѣльщикъ выскоблilъ *e* и написалъ вм. него: *a*. Въ примѣрѣ употребленія *y* вм. *ы* (*у*) приведены всего два примѣра: *pastyr*, *sytiwrat*. Слово *pastyr* поддѣланное: въ подлинникѣ было *pastor*; фальсификаторъ выскоблilъ *o* и написалъ *y*. Значить, глосса *pastyr* несомнѣнно подложная. Если поддѣльщикъ могъ употребить *y* въ глоссѣ *pastyr*, то и правописаніе глоссы *sytiwrat* (палеографически при-

¹⁾ Глосса *hoste* приведена и въ примѣрахъ склоненія (стр. 101).

знанной за новѣйшую) не можетъ служить доказательствомъ ея древности.

За исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, отмѣченныхъ И. И. Срезневскимъ, то-есть, употребленія *he* вм. *e* (*lovehs*), *sz* вм. *š* (*ч*), *y*=*ы*, правописаніе подложныхъ глоссъ находить себѣ оправданіе въ правописаніи подлинныхъ древнихъ глоссъ. Только нѣкоторыхъ способовъ написанія, употребительныхъ сверхъ того въ древнихъ подлинныхъ глоссахъ, не находится вовсе въ глоссахъ новѣйшихъ или подложныхъ. (Дополн. Зам. стр. 98). И. И. Срезневскій заключаетъ: „Чутье удивительное. Онъ могъ принять въ руководство для надежнаго управленія своимъ чутьемъ только одно средство: изучить правописаніе тѣхъ чешскихъ глоссъ въ *Mater Verborum*, которыя были въ рукописи прежде, чѣмъ онъ принялся за свое дѣло; но этихъ глоссъ было очень немного (всего однако 339), не говоря уже о томъ, что немалого труда должно было стоить—отыскать ихъ въ огромной рукописи (?). Къ тому же и ихъ онъ не держался исключительно: кое-чѣмъ не пользуясь, онъ употреблялъ и такіе приемы правописанія, которымъ образца не было въ тѣхъ глоссахъ“ (стр. 93).

Неужели такимъ образомъ доказано какое-то удивительное чутье? Если человѣкъ рѣшился поддѣлывать и вписывать свои глоссы, дабы выдать ихъ за древнія, то конечно, онъ не побоялся бы труда перелистовать внимательно всю рукопись и выписать себѣ всѣ настоящія древнія глоссы. Онъ ихъ исключительно не держался, то-есть, кое въ чемъ ими не пользовался, а слѣдовалъ въ иныхъ случаяхъ, впрочемъ весьма немногихъ, иному способу правописанія, на который имѣлись у него образцы не только въ другихъ рукописныхъ памятникахъ, но и въ изданіяхъ Томсы, Добровскаго (*Geschichte der böhmischen Sprache*), Ганки (*Starobyta Skladanie*). Разумѣю весьма замѣчательную для своего времени книгу: *Tomsa, Fr. Ueber die Veränderungen der českischen Sprache, nebst einer českischen Chrestomathie seit d. dreizehnten Jhrh. bis jetzt. Prag. 1805.* Изъ этой книги еще въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія можно было довольно близко и основательно ознакомиться съ чешскимъ правописаніемъ XIII — XIV в. и тѣмъ болѣе послѣдующихъ столѣтій. Въ прекрасномъ для своего времени введеніи (стр. 9—62) толково и дѣльно разсматриваются измѣненія въ теченіе времени чешскаго языка—въ письменахъ, буквахъ (*die Veränderungen... in den Buchstaben*). Тутъ почтенный авторъ прибѣгаетъ, и болѣею частью удачно, къ сравненію чешскаго языка съ другими славянскими, именно съ русскимъ и церковно-

славянскимъ, для котораго впрочемъ онъ пользуется изданіемъ Новаго Завѣта 1771 г. Во второй главѣ разсматриваются перемѣны языка въ словахъ, въ третьей—въ грамматическихъ формахъ и въ синтаксисѣ (тутъ отмѣчено и двойств. число глаголовъ на *wa, we*); въ четвертой изложены измѣненія чешскаго языка въ правописаніи. Послѣ введенія идетъ христоматія, въ которой всѣ образцы издавы буква въ букву. Первый образецъ—отрывокъ листка Псалмовъ, хранившася у Длабача въ Страховѣ (XIII в.); второй—сатира о швецахъ и прочихъ ремесленникахъ, полученная отъ Добровскаго, XIV в.; третій—небольшой отрывокъ *Officium* о Св. Духѣ, отъ Длабача; четвертый—большой отрывокъ изъ *Омни Штитнаго* (стр. 85—104) и проч.

Я позволилъ себя остановиться на этомъ весьма почтенномъ и замѣчательномъ для своего времени изданіи, дабы показать, какъ неосновательно и напрасно преувеличивать, съ одной стороны, незнакомство всѣхъ Чеховъ первой четверти нынѣшняго столѣтія съ древне-чешскимъ языкомъ, а съ другой—также неумѣренно возвеличивать и превозносить заслуги и познанія Ганки, ставя его даже рядомъ съ Добровскимъ. Такъ И. И. Срезневскій говоритъ про введеніе Ганки въ *Starobyta Skladanie*: „Ганка пользовался въ немъ тѣмъ, что было подъ рукою и у Добровскаго, и кое чѣмъ съ большимъ вниманіемъ“ (стр. 90). Что это не такъ, и что все это освѣщено невѣрно, я не стану распространяться, а позволю себѣ только сослаться на переписку Ганки и Добровскаго, не такъ давно изданную въ Музейникѣ. Желая такъ сказать убить двухъ зайцевъ разомъ, говорятъ на двое, или де подложныя глоссы не подложны, а настоящія и древнія, или если уже подложны, то поддѣльщикъ былъ глубокимъ знатокомъ не только древне-чешскаго, но и древне-славянскаго (церковнаго) языка. „Онъ не могъ не быть превосходнымъ знатокомъ древняго славянскаго языка, какимъ былъ, на примѣръ, Добровскій, едва ли даже не смысленѣе его“ (стр. 102). Все это производить въ высшей степени грустное впечатлѣніе. Положимъ, что заподозрѣнныя глоссы обличаютъ въ писавшемъ ихъ такія удивительныя знанія въ древне-славянскомъ, то-есть, церковномъ языкѣ. Что же говоритъ это обстоятельство хотя сколько-нибудь въ пользу ихъ древности и неподложности? Неизвѣстный авторъ чешской *Александриды*, *Ома Штитный*, великій Я. Гусъ были превосходными знатоками чешскаго языка своего времени. Намъ извѣстны ихъ настоящія, неподложныя сочиненія. Обнаружено ли въ нихъ хотя какое-нибудь знаніе древняго церков-

но-славянскаго языка? Ни мало. Совершенно естественное, неизбежное и необходимое незнакомство древне-чешскаго образованнаго писателя съ языкомъ древне-славянскимъ составляетъ такое постороннее обстоятельство, котораго вовсе и не слѣдуетъ касаться при разсмотрѣннй вопроса о подлинности или подложности того или другаго древне-чешскаго памятника. Еслибы напротивъ въ какомъ-нибудь древне-чешскомъ памятникѣ дѣйствительно обнаружались такія необыкновенныя знанія въ древне-славянскомъ языкѣ, что слѣдовало бы признать автора превосходнымъ знатокомъ древняго славянскаго языка такимъ, какимъ былъ, на примѣръ Добровскій, едва ли даже не смышленіе его,—еслибы это было такъ, то въ этомъ обстоятельствѣ заключалось бы самое неопровержимое доказательство подложности даннаго памятника. Въ заключеніи, гдѣ, какъ мы ужь видѣли, такъ сказать допускается уже подложность чешскихъ глоссъ *Mater Verborum*, сказано, что изъ этого вскрыется — „ясное, неопровержимое указаніе, что одновременно съ Добровскимъ былъ у Чеховъ такой ученый знатокъ древности чешской и вообще славянской, который по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ этой древности зналъ болѣе и лучше, изслѣдовалъ и судилъ осторожниѣе самого Добровскаго“ (стр. 151).

Эти строки, писанныя въ 1878 г. однимъ изъ старѣйшихъ славистовъ, могутъ служить вѣрнымъ указателемъ того уровня, на которомъ еще стоитъ славистика, особенно русская. Какъ не пожелать изданія полнаго собранія мелкихъ сочиненій Добровскаго и всей его обширной переписки. Тогда намъ предстала бы во всей античной простотѣ и ясности эта истинно гениальная голова. Долго перебирая кучу примѣровъ, ни въ чемъ не убѣждающихъ ни въ подлинности подложныхъ глоссъ, ни въ величій ума и глубинѣ знаній Ганки (ибо, по-моему и какъ покажу ниже, фальсификаторомъ былъ онъ), я долго искалъ примѣровъ, имѣющихъ доказать въ авторѣ подложныхъ глоссъ такія удивительныя знанія въ древнемъ славянскомъ языкѣ, и наконецъ пришелъ къ заключенію, что всѣ эти доказательства ни въ чемъ иномъ не могутъ заключаться, какъ въ глоссахъ, которыя такъ толкуетъ Ганка въ своемъ изданіи 1833 г.: „dle analogie, mati, dei, treba skloňovati i sestí, sestie, neti netie aneb neteie; na způsob staroslowanského luby, kteréž i zde přicházj, tež wěty wětwe, kony konwe, koty kotwe, kry krwe a t. d. (есть еще croki, zvekri), gečmi, kami, kori, gečmene, kamene, kotene a t. d. (Zbjrka стр. VI—VII). И. И. Срезневскій, приведя эти глоссы, прибавляетъ: „Это тѣмъ болѣе замѣ-

чательно, что въ подлинныхъ глоссахъ видимъ окончаніе *ev* (*mickev*; *мръкъвъ*) и *en* (*kamen*, *kremen*)“ (стр. 101). Прибавимъ, все это еще тѣмъ замѣчательно, что не только въ древнихъ чешскихъ глоссахъ, но и въ другихъ чешскихъ памятникахъ, этихъ словъ не встрѣчается. Для составленія этихъ словъ не требовалось ни гениальности, ни знаній,—достаточно было знать грамматику Добровскаго, а у Ганки была копія съ подлинной рукописи *Institutiones* еще за нѣсколько лѣтъ до выхода ея въ печати (съ 1817 г.). Слово *sesti*, какъ вѣрно замѣтилъ г. Ягичъ ¹⁾, невѣроятное и невозможное. Поддѣльщикъ не понималъ значенія звука *t* въ словѣ *сестра*. Передъ фальсификаторомъ было слѣдующее мѣсто въ *Institutiones* Добровскаго: „Сестра, чрезъ прибавленіе *ra* отъ *сест*;... срв. нѣм. *Schwester*, шв. *syster* и лат. *soror*“... (русск. пер., I, стр. 190, т. I, гл. I, § 7).

Приведа особые способы написанія (*ц*, *ч*, *ы*) въ подложныхъ глоссахъ, которые не встрѣчаются въ глоссахъ древнихъ, И. И. Срезневскій прибавляетъ: „Все это однако не нововведеніе, а нерѣдко встрѣчается въ памятникахъ не только конца XIII в. и болѣе позднихъ, которые могли быть извѣстны поддѣльвателю, но и въ древнѣйшихъ, одновременныхъ съ *Mater Verborum* и болѣе раннихъ“ (стр. 97). Можно подумать, что этихъ „древнѣйшихъ, одновременныхъ и болѣе раннихъ“ памятниковъ поддѣльщикъ 1818—1827 г. не могъ знать. Но этого не сказано, да и сказать было нельзя, ибо всѣ почти памятники чешскаго языка XI—XII в., извѣстные теперь, были извѣстны и въ 1818 — 1826 г. Да и во всякомъ случаѣ, если почтенный академикъ самъ признаетъ, что эти черты правописанія „встрѣчаются въ памятникахъ конца XIII в. и болѣе позднихъ, которые могли быть извѣстны поддѣльвателю“, то нельзя уже изъ этихъ особенностей правописанія выводить что-либо въ пользу подлинности подложныхъ глоссъ или какихъ-то чрезвычайныхъ знаній, удивительнаго чутія и великихъ способностей фальсификатора.

¹⁾ Только г. Ягичъ просмотрѣлъ замѣчанія Баума и Эллера о подложности года МСII и говорить: «Man muss dabei nicht vergessen, dass zu Hanka's Zeiten geglaubt wurde, der Codex der M. V. rühre aus dem Anfang d. XII Jhrh. her, was um so eher den Fälscher veranlassen konnte, einige recht alt ausschende Glossen zu machen. (*Arch. f. Slav. Phil.* V. III. H. I, S. 122). Дѣло въ томъ, что Ганка молчалъ, не возражалъ, когда другіе относили рукопись *Mater Verborum* къ 1102 г., а самъ онъ въ своемъ изданіи ограничился только приведеніемъ надписи съ годомъ съ черточкою наверху, при чемъ арабскими цифрами не привелъ года, какъ онъ приводитъ, напримѣръ, говоря о рукописи Богемарія (*Zbjrka*, стр. X). Въ статьѣ 1827 г. Ганка впрочемъ привелъ годъ МСII безъ черты надъ С.

Въ числѣ доказательствъ удивительнаго чутья фальсификатора, а не то и подлинности подложныхъ глоссъ, не разъ въ первой части Дополнительныхъ Замѣчаній указывается на то обстоятельство, что *Mater Verborum* „значительно долго считалась памятникомъ начала XII в. (1102 г.), а не начала XIII в. (1202 г.), какъ открылось послѣ. Поддѣльщикъ долженъ бы былъ, слѣдовательно, держаться тѣхъ данныхъ, которыя были на виду о языкѣ и правописаніи обѣ XI, много что о XII в.; но онъ ихъ не строго держался, а напротивъ отъ кое-какихъ положительно удался“... Приведены примѣры (h вм. g, ch вм. x, и только разъ h вм. ch, ни разу ks или kz, перегласовка a въ e послѣ мягкихъ). „Чутье удивительное!“ (стр. 93).

Поддѣльщикъ былъ де необыкновенно приговоренъ знаніемъ того и другаго, умѣнъ пользоваться своими знаніями, и это умѣнъ должно было быть подкрѣпляемо увѣренностью въ достаточность силъ своихъ, чтобы вся рукопись вмѣстѣ съ приписками считалась памятникомъ начала XII в. (какъ въ то время солагали, — только, прибавимъ, не самъ фальсификаторъ, не нуждавшійся поэтому и въ такой увѣренности о началѣ XII в.). „Кто же могъ быть знаткомъ дѣла, приписавшимъ поддѣланныя глоссы въ *Mater Verborum*?“ (с. 88).

Кажется, безъ увѣренности въ достаточность силъ своихъ никто не пристунаетъ къ подлогамъ. Для такого дѣла во всякомъ случаѣ требуются большая храбрость, и что называется — свобода ума отъ разныхъ предразсудковъ.

„Изъ сравненія написанія глоссъ неподдѣльныхъ съ тѣми, которыя признаны поддѣльными, какъ изъ всего другаго (жаль, что не сказано опредѣлительнѣе, въ чемъ все это другое заключается)—видно, что тотъ, кто писалъ эти поддѣльныя глоссы не рабски слѣдовалъ какому бы то ни было случайному образцу, а свободно владѣлъ навыкомъ древняго правописанія, и притомъ не навыкомъ того давняго времени, къ которому относили и до 1827 г. (но кто же до 1827 г. говорилъ и писалъ о глоссахъ *Mater Verborum*?) и долго послѣ рукописи *Mater Verborum*, то-есть, не конца XI или начала XII в., а болѣе поздняго, когда уже писали h вм. g и e вм. a въ мягкихъ слогахъ ¹⁾“ (стр. 99).

¹⁾ Употребленіе h вм. g въ подложныхъ, по Патеръ, глоссахъ, не можетъ совсѣмъ быть приводимо въ доказательство подлинности. Изъ глоссы *gaha lanx, statera*, видно, что въ подлинникѣ было *waqa, g* частью выскоблено и вписано h. Патера прибавляетъ, что h соединено здѣсь съ слѣдующею буквою сверху, чего не могло бы быть, еслибъ это h не было поддѣлано. Мудрости большой

Еслибъ И. И. Срезневскій былъ знакомъ съ статьею г. Баума и примѣчаніемъ г. Эйлера въ Музейникѣ, вышедшемъ въ началѣ 1877 г. (а Дополнительные Замѣчанія вышли весною 1878 г., если не позже), то безъ сомнѣнія, онъ не возвращался бы такъ часто къ этому доводу, который впрочемъ и безъ того не доказываетъ ничего рѣшительнаго противъ подложности или въ пользу особенныхъ знаній поддѣльщика. Какъ отъ XIII в. дошло болѣе памятниковъ, чѣмъ отъ XII в., то и овладѣть „навыкомъ правописанія“ XIII в., было легче, чѣмъ навыкомъ XII в.

Вторая часть Дополнительныхъ Замѣчаній направлена не столько въ прославленіе предполагаемаго фальсификатора, сколько въ оправданіе ученыхъ, которые въ своихъ работахъ надъ *Mater Verborum* впади въ разныя жалкія ошибки.

„Въ выборѣ словъ, которыми онъ переводилъ слова латинскія, его (поддѣльщика) руководило не простодушное самомнѣніе, а именно знаніе, покойное, вѣрное самому себѣ и времени, котораго отголоскомъ должно было быть все имъ припоминаемое. Этимъ знаніемъ только и можно было вовлечь въ довѣренность такихъ знатоковъ, каковымъ пришлось потомъ работать надъ *Mater Verborum*. Увѣренный въ этомъ, считаю не лишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ словахъ, обращавшихъ или теперь обратившихъ на себя вниманіе“ (стр. 102).

Затѣмъ нашъ почтенный академикъ останавливается на 67 глоссахъ (подложныхъ по мнѣнію г. Патеры). Слова *děver*, *hrad* (*grando*), *hriestí*, *chvoγy*, эти четыре слова, какъ оказывается, встрѣчаются въ старыхъ памятникахъ чешскихъ, изданныхъ между прочимъ Гавкою въ *Star. Skl.* и *Zbjrka Slovn.* Значить, безъ всякаго затрудненія онѣ могли быть приписаны въ *Mater Verborum* въ новѣйшее время, особенно Гавкою. Про слово *spaha* И. И. Срезневскій говоритъ, что по чешски оно значить то же, что русское снока. Но въ *Mater Verborum* *spaha* стоитъ при лат. *pronuba*, что значить сваха, сватья, а „чешское *svatka* отъ *svat* значить то же, что снока“. Слѣдовательно, прибавимъ, и слово *spaha* могло быть приписано въ новѣйшее время, и даже это вѣроятнѣе, потому что въ древнемъ чешскомъ *spaha*, конечно, тверже сохраняла

поддѣльщику не требовалось, чтобы употреблять въ рукописи XIII в. *h* вм. *g*. «Vor dem 13-ten Ihrh. kommt in Urkunden noch kein *h* für *g*, d. i. man schrieb Dragomir, Praga, nicht Drahomir, Praha». (Dobrovsky, Gesch. d. böhm. Spr. Prag. 1818. S. 38). Да и въ подлинныхъ глоссахъ нигдѣ не употреблено *g* вм. *h*, а болѣею частью *ch* и два раза *h*.

свое общеславянское значеніе, чѣмъ теперь. Остальные 62 слова по большей части объясняются нашимъ академикомъ такимъ образомъ: приводятся слова чешскія близкія или производныя, а иногда и инославянскія, и затѣмъ говорится: эта глосса, правда, не отыскана въ древнихъ памятникахъ, но она могла быть въ древне-чешскомъ языкѣ. Напримѣръ:

„bezslavie ignominia. Слово slava и другія того же корня принадлежатъ чешскому языку также, какъ и другимъ славянскимъ партиціямъ. Слово, образованное съ помощью предлога *bes*=безъ, также множество. Теперь слово *bezslaví* вообще не употребительно; но ручаться, что его никогда не было также нельзя, какъ ручаться, что и теперь никто изъ Чехо-Славянъ его не употребляетъ и употребить не можетъ“.

По признакамъ палеографическимъ, эта глосса оказывается недавно приписанною. Изъ замѣчанія академика слѣдуетъ, что новѣйшій фальсификаторъ легко могъ употребить это слово.

„Bledý delirus, bledí peligni, stultí. Корень этого слова“, говоритъ И. И. Срезневскій, — „bled. блѣд... Прилаг. bledý могло быть образовано также, какъ образовалось blědý, rudý“.

Полагаю, что и это слово могло быть образовано новѣйшимъ фальсификаторомъ. Онъ видѣлъ въ Inst. Добровскаго въ ч. I, гл. I, § 7, при корняхъ III-го года разр.: „блѣдъ λήρος (deliramentum)“, а въ Mater Verborum глоссу delirus. Съ палеографической точки зрѣнія глосса bledý признана новѣйшею.

Про слово boges г. Патера замѣтилъ, что эта глосса взята съ русскаго, въ чешскомъ же этого слова нѣтъ. И. И. Срезневскій приводитъ слова bořiti se, bořitel и bořič, и замѣчаетъ, что сл. boges образовалось какъ слова honet, loves. Въ этомъ же родѣ пройдены въ Дополн. замѣч. слова bračka, cédu, čerep, čeridlo, dětel, děvosnub, drebne, hrez, chlast, knížný, komonničí starosta, ložesny, lukavá, — при словѣ majčenie priapismus поставленъ впрочемъ вопросительный знакъ, — maturěju, mračice, mřáčiny, murin, nečestie, něba, noza, oboz, odr и т. д. (см. стр. 103—110).

Въ заключеніе своихъ замѣчаній И. И. Срезневскій говоритъ: „Кто бы ни былъ составитель глоссъ, оказывающихся поддѣльными, онъ составлялъ ихъ не зря, не съ надеждою, что его незнаніе и легкомысліе никогда не обнаружатся, а вооруженный полнымъ знаніемъ и чутъемъ своего роднаго языка, не могшими его допустить до ошибокъ, легко подмѣчаемыхъ“. Далѣе употребляется ораторскій

пріемъ, то-есть, представляется, что могъ бы говорить поддѣльщикъ, обвиняемый въ поддѣлкѣ, наконецъ снова произносится похвальное слово поддѣльщику: „Такой поддѣльщикъ долженъ былъ понимать и чувствовать, что онъ трудился не для одного часа, не для прельщенія людей малознающихъ, а для долгаго будущаго и для работы судей опасныхъ силою знанія и критическаго размышленія“ (стр. 111). Здѣсь, по видимому, поддѣлка признается вполне. „Не будь сдѣлано, что сдѣлано А. О. Патерою, не было бы и теперь возможности отстраняться отъ данныхъ, даваемыхъ этими глоссами. Именно потому и не было возможности ими не пользоваться, что ничто въ нихъ не навлекло тѣни подозрѣнія“ (стр. 111—112).

Но далеко не всѣ подложныя глоссы были рассмотрѣны И. И. Срезневскимъ, и между ними, какъ увидимъ, найдется нѣсколько словъ, которыя такъ довольно занимали ученыхъ, но силы критическаго ихъ размышленія проявить не заставили.

Въ третьей части Дополнительныхъ Замѣчаній, гдѣ разсматривается миеологическая сторона подложныхъ глоссъ *Mater Verborum*, особенно кажется много употреблено усилій со стороны нашего знаменитаго академика, чтобы, съ одной стороны, представить какъ бы невозможность подлога, а съ другой — выставить поддѣльщика въ самомъ, такъ сказать, лучшемъ видѣ со стороны учености и дарованій. „Помочь себѣ онъ могъ, даже долженъ былъ своимъ воображеніемъ, но не теряя изъ виду, или лучше сказать, внимательно всматриваясь въ тѣ данныя, которыя были у людей ученыхъ, занимавшихся славянскою миеологіей, и въ тѣ выводы, къ которымъ они пришли, разработывая эти данныя, оцѣняя ихъ строго-критически, чтобы какъ-нибудь не впасть въ какую-нибудь непоправимую ошибку“ (стр. 112).

Затѣмъ перечисляются различныя изданія латино-нѣмецкихъ, латинско-славянскихъ, чешскихъ и польскихъ лѣтописцевъ. Здѣсь выпана масса цифръ и именъ... Но все это кажется недостаточнымъ. Поддѣльщику невозможнымъ казалось не заглянуть въ хронику Ботона, хроники прусскія, въ Мѣховиту, въ сочиненія Гваньини, Странскаго, Стредовскаго. Затѣмъ И. И. Срезневскій излагаетъ вкратцѣ содержаніе диссертаций двухъ извѣстныхъ ученыхъ Сербско-Лужицанъ XVII—XVIII в. Френцелей и приводитъ разныхъ славянскихъ боговъ, въ прежнее бытіе коихъ они вѣрили, затѣмъ останавливается на сочиненіи Маша: *Die gottesdienstlichen Alterthümer d. Obotriten aus d. Tempel in Retra*, Berlin. 1771. При этомъ въ числѣ ученыхъ, поль-

зовавшихся Машемъ и не отвергавшихъ подлинности его древностей, упомянуть и Добровскій. Далѣе г. Срезневскій останавливается на рецензій Добровскаго на книжку Кайсарова (*Versuch einer slaw. Mythologie in alphab. Ordnung*, 1804), указываетъ на труды по славянской мифологии митрополита Сестренцевича-Богуша (1812), Карамзина (1816), Раковецкаго (1820), Нарушевича (1824) и Авт. Юнгманна (1832).

„Чѣмъ бы меньше было у него (фальсификатора) пособій, тѣмъ бы онъ больше могъ бояться надѣлать промаховъ; а чѣмъ больше, тѣмъ бы болѣе онъ могъ растеряться въ разнообразіи данныхъ и ихъ объясненій. Не могли не явиться ему вопросы: употреблять ли въ дѣло прусскія божества, отмѣченныя Гарникнохомъ и принятыя многими и многими въ число славянскихъ? Какъ быть съ ретрскими идолами, будто бы стоявшими вмѣстѣ съ Радегастомъ? Чтò дѣлать съ моравскими божествами Стредовскаго и съ чешскими Странскаго, или съ тѣми особенными, о которыхъ говоритъ Гаекъ въ своей хроникѣ чешской? Чтò дѣлать съ показаніями польскихъ хроникъ и русскихъ толкователей? Какой смыслъ дать тѣмъ, которыя объяснены были различно? Каждый невѣрный отвѣтъ долженъ былъ повести къ болѣе или менѣе рѣзкой ошибкѣ, которую могутъ сначала не замѣтить и даже довольно долго не замѣчать, и которая все-таки должна наконецъ вскрыться? Какъ стать выше возможности ошибаться? Отвернуться отъ всего, чтò даетъ наука, тоже нельзя: черезъ это можно впасть въ ошибку еще легче. И все-таки заподозрѣнныя глоссы *Matter Verborum* показываютъ, что чародѣй смогъ изловчиться такъ, какъ не могъ бы изловчиться ни одинъ изъ извѣстныхъ мифологовъ его времени. Нѣтъ въ этихъ глоссахъ ни слѣда ретрскихъ сокровищъ, ни прусскихъ и литовскихъ, ни русскихъ боговъ, ни многихъ изъ чешскихъ, замѣченныхъ Странскимъ и другими. И есть то, чтò въ поддѣльщикѣ предполагаетъ не только художественное умѣнье выдѣлать достойное вѣры, но и знаніе времени, подъ которое надо было поддѣлываться, знаніе приемовъ, употреблявшихся глоссаторами среднихъ вѣковъ, приемовъ и теперь еще не вполне объясненныхъ“ (стр. 125—126).

Къ крайнему нашему сожалѣнію, и здѣсь заключенія не совсѣмъ согласны съ приводимыми фактами, а нѣкоторые факты или данныя, служащіе важными доказательствами, представлены невѣрно и ложно освѣщены.

На стр. 124 И. И. Срезневскій говоритъ, что „Раковецкій ограничилъ списокъ боговъ очень немногими именами. Обозначены у него

только Перунъ, Перкунъ, Бѣлый богъ и Черный богъ, Святovidъ, Радгастъ, Прове, Ладо, Ко-Лядо, Купало и только. Трудъ Раковецкаго внушалъ къ себѣ уваженіе; но такая умѣренность едва ли кому могла понравиться¹⁾. Съ послѣднимъ замѣчаніемъ относительно умѣренности Раковецкаго спорить не будемъ. Это дѣло личнаго вкуса. Позднѣйшимъ русскимъ мифологамъ она не нравилась, и не только списокъ боговъ, но и богинь, у нихъ умножался до 1857 г. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что у нашего фальсификатора гораздо болѣе славянскихъ именъ божествъ, чѣмъ у Раковецкаго. У него встрѣчаются: Бѣлбогъ, Велесъ, Лада, Морана, Перунъ, Прія, Радгостъ, Жива, Святovitъ, Бѣсы, Дясы, Моруси, Прѣшера, Дѣвана, Лѣтница, Лютница, Сытивратъ, Триглавъ, Хлипа и проч.

Но достопочтенный академикъ разбиваетъ эти мифологическія глоссы, впрочемъ, совершенно произвольно, на свои особныя категоріи или отдѣленія. Первые девять (Бѣлбогъ, Велесъ и пр.) онъ отчисляетъ въ одну группу—это единичныя боги славянскаго язычества. Второе отдѣленіе составляютъ мифическія существа, живущія или жившія въ славянскомъ суевѣрїи (бѣсы, вѣлкодлаци, Дясы, Моруси, Прѣшера, Сави, Скреги, Шетьци). Въ третьей категоріи авторъ заподозрѣнныхъ глоссъ выступаетъ, „какъ совершенно свободный осмыслитель языческихъ представленій древняго міра“. Сюда, по мнѣнію академика, относятся Божъ—genius, deus, врагъ—diabolus, Дѣвана, Кридлаецъ (pegasus), лихоядцы—syrenae, Лѣтница—Latona, Лютница—Furia, Porvata-Proserpina, Своба—Feronia, Свѣтлоноша—Lucifer, Свѣтлуша—Lucina, Свѣтница—Eumenidae, deae, sanctae, Страецъ—Picus, Сытивратъ—Saturnus, Триглавъ—Triceps, Хлипа—Salacia, Uzpesi-triptes.

Затѣмъ г. Срезневскій спрашиваетъ: „Куда отнести названія Kirt (Radhost wnukk Kirtow) и Jassni Jesen Jsis, не знаю“²⁾ (стр. 148).

¹⁾ О мифологіи Раковецкаго см. замѣчанія Добровскаго (*Wien. Jahrb.* 1824. В. 27. Ss. 90—91). Какимъ изслѣдователемъ представлялся Раковецкій Добровскому, видно изъ его словъ о второй половинѣ 2-й части сочиненія Раковецкаго: *Prawda Ruska* (ib. S. 99). И. И. Срезневскій не обратилъ вниманія на II ч. книги Раковецкаго, стр. 164 и сл., гдѣ объясняется мифологическое значеніе *аллегорическихъ* именъ Леха, Крака, Любуши, Премисла...

²⁾ Очевидно, И. И. Срезневскій отказывается отъ своего прежняго положенія: «Вацерадовъ Кьртъ (Kirt) есть тотъ же Хорь»... что доказывается и хорутанскою пословицею, гдѣ *Krtovo* или *Krtova dežda* (должно быть *deželja*) означаетъ небо или рай... Приводятся еще и слѣдующія поговорки: *Ne vsi gremo v*

Постороннему тутъ пособить трудно. Впрочемъ кажется, послѣдовательность требовала бы причислить эти двѣ глоссы въ третьей категоріи, такъ какъ сюда отнесены всѣ подозрительныя божества, и здѣсь знаменитый творецъ глоссы является совершенно свободнымъ осмыслителемъ языческихъ представленій древняго міра. Kirt долженствовалъ, вѣроятно, представить древнѣйшую форму нашего черта, и ему кажется, но праву принадлежало бы мѣсто рядомъ съ діаволомъ (wraŭ), котораго нашъ осмыслитель съ свойственною ему свободою помѣстилъ въ сонмъ языческихъ боговъ древняго міра. Противъ отчисленія къ третьему отдѣленію Kirta могутъ, пожалуй, возразить, что онъ былъ дѣдомъ Радигоста, а Радигостьъ былъ богъ славянскій и обитаетъ въ первомъ отдѣленіи (категоріи). Но этимъ, кажется, стѣсняться нечего: Дѣвана-dévana letuicína i regnova deí—уже отдѣлена отъ своего отца и преспокойно пребываетъ вмѣстѣ съ матерью въ классическомъ мірѣ, въ третьемъ отдѣленіи. Куда причислить yassní, yesen Isis lingua egiptiorum terra dicitur? Видя и здѣсь совершенную свободу осмысленія языческихъ представленій древняго міра, нахожу полезнымъ отнести и эту нелѣпую глоссу къ третьей категоріи.

Я позволилъ себѣ остановиться на этихъ категоріяхъ потому, что дѣло это новое ¹⁾. Мы видѣли, что самъ почтенный академикъ не признавалъ ихъ, когда въ своемъ Исслѣдованіи объ языческомъ

Kertovo, marsikteri v cěrtovo (не всѣ идемъ въ рай, иные и къ черту) или vsi gremo v kertovo (всѣ умремъ). Позволю себѣ думать, что тутъ kertovo есть производное отъ kěrt, что у Словинцевъ означаетъ *крота*, и именемъ kertovo называется *подземное*, и что тутъ не при чемъ ни рай, ни солнечный богъ Хорсъ, а разумѣются кротъ и его норы. Достопочтенный чешскій писатель Эрбенъ пытался построить чуть не всю Славянскую мифологію на этомъ выдуманномъ Ганкою *Крѣтѣ*, дѣдѣ Радигостовъ. Съ обычнымъ своимъ благочестіемъ воспользовался этими припоминаніями и домыслами трудолюбивый, но не критическій, Аонасьевъ въ своемъ трехтомномъ сочиненіи. Ср. Ж. М. Н. II. 1846 г., ч. II, стр. 50: «Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ», ст. II. II. *Срезневскаго*. Гильфердингъ отождествлялъ *крѣта* (собственно *крѣса*, *крѣса*) съ *хрѣсомъ*. Но кажется ближайшее родство *хрѣса* съ слов. с-т-рах- (только не Краледв. рукоп.). Въ одномъ словѣ удержалось второе с, а въ другомъ первое с.

¹⁾ Кажется, на это дѣленіе имѣло вліяніе примѣчаніе Гильфердинга (694) въ Исторіи Балт. Славянъ (Сочин. IV, 179 сл.). Этимъ же замѣчаніемъ, только въ другомъ отношеніи, обильно воспользовался Юс. Иречекъ (*Саз. Česk. Muz.* 1863, 3).

богослуженіи древнихъ Славянъ, въ введеніи (на стр. 6) Дѣвану, Лѣтницу, Ладу, Лютицу, Хлипу причислялъ къ богинямъ славянскимъ.

Во всякомъ случаѣ авторъ подложныхъ мѣологическихъ глоссъ былъ „чародѣй“, который смогъ изловчиться такъ, какъ не могъ бы изловчиться ни одинъ изъ извѣстныхъ мѣологовъ его времени. Онъ является осторожнѣе самаго умѣреннаго изъ нихъ Раковецкаго.

На этихъ категоріяхъ и этомъ выводѣ построены уже другой, и даже двойкіи: Или это не былъ поддѣльникъ, а былъ настоящій средневѣковъй глоссаторъ, и слѣдовательно, это глоссы не поддѣльныя и подложныя, а настоящія и древнія. Или, если это была поддѣлка, то за то ужъ такой первый сортъ, что неизбежно слѣдуетъ признать, „что одновременно съ Добровскимъ былъ у Чеховъ такой ученый знатокъ древности чешской и вообще славянской, который по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ этой древности звалъ болѣе и лучше, изслѣдовалъ и судилъ осторожнѣе самаго Добровскаго“ (стр. 151).

Съ неосторожностью добродушнаго мѣолога Добровскаго, такъ далеко превзойденнаго В. В. Ганкою (кто же былъ этотъ чародѣй какъ не онъ?) мы познакомимся послѣ, а теперь замѣтимъ, что первая наша категорія, говоря на двое, служить у насъ въ одномъ отношеніи сильнымъ доказательствомъ подлинности и древности мѣологическихъ глоссъ, а въ другомъ отношеніи (если первое не удастся) свидѣтельствуетъ о томъ, что новооткрытое свѣтило науки славянской „по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ древности (чешской и славянской) звалъ болѣе и лучше, изслѣдовалъ и судилъ осторожнѣе самаго Добровскаго“.

Къ первой категоріи у насъ отнесены *Belboh, veless, lada, morana, perun, priyc, radihost, wnukk kirtow* (одинъ внукъ безъ дѣдушки, который отправился къ классикамъ, узнавъ, конечно, не безъ удивленія, о пребываніи въ ихъ средѣ діавола (*wraha*), *suatouytt*, и наша старая знакомая Жива).

Въ своихъ примѣчаніяхъ на мѣологическія глоссы (по г. Патерѣ новѣйшія или подложныя) И. И. Срезневскій говоритъ о Живѣ:

„*Ceres fruges, frumentum, vel dea frumenti sua; diva dea sua; estas sua*: одно изъ немногихъ названій божествъ, которыя извѣстны и по древнимъ памятникамъ не чешскимъ. Найденное прежде всего въ хроникѣ Гельмольда, а потомъ отмѣченное и въ другихъ памятникахъ, оно было понимаемо, а потому и читаемо различно: даже (?)

чешскіе ученые читали слово *siva*, *sieva* и какъ *živa*, *živena* и какъ *siva*, и какъ *siba*“ (стр. 132).

По видимому, изъ этого должно слѣдовать, что глосса эта можетъ быть признана древнею, настоящею. Это одно изъ названій божествъ, „которыя извѣстны и по древнимъ памятникамъ не чешскимъ“. Сначала оно было найдено у Гельмольда, а потомъ отмѣчено и въ другихъ памятникахъ. Здѣсь хотя и не прибавлено древнихъ, но судя по предыдущему, это само собою подразумѣвается. Но богиня *Siva* (*dea Polaborum* Гельмольда) встрѣчается еще въ недревней и малодостоверной (относительно древности) Саксонской или Ботоновской хроникѣ (XV в.). Здѣсь подъ 1134 г. помѣщено совершенно вымышленное извѣстіе объ этой богинѣ, при чемъ приложено и столь же достоверное ея изображеніе. Хроника была напечатана впервые въ 1489 г. *Chronicon Bothonis picturatum*, переиздана у Лейбница (*Scr. ger. Brunsv. III*). Издатель Гельмольда, Бангертъ приложилъ въ объясненіе мѣста Гельмольда о *Siwa* это изображеніе въ своемъ изданіи 1659 г. Съ этихъ поръ *Siva* или *Жива* или *Дѣва* и получила право гражданства въ писаніяхъ такихъ ученыхъ вралей XVII и XVIII в., какъ напримѣръ, знаменитаго моравскаго Гайка, католическаго священника Стредовскаго (*Sacta Moraviae historia. 1710*). Такимъ образомъ если не причислить лѣтопись Длугоша, который говоритъ о *Żywie deus vitae*, къ древнимъ памятникамъ не чешскимъ, и не признавать снова подлинности хроники Прокоша, то кромѣ хроники Гельмольда, ни одного древняго, не чешскаго, памятника съ упоминаніемъ Сивы или Живы и пр. не окажется. Замѣчаніе: „извѣстны и по древнимъ памятникамъ не чешскимъ“ можетъ заставить подумать, что и въ древнихъ чешскихъ памятникахъ встрѣчается эта злополучная богиня. Но кромѣ *Mater Verborum*, она нигдѣ не упоминается. Тутъ она встрѣчается на первомъ листѣ, въ надписи на медальонѣ, гдѣ скорѣе изображенъ молодой человекъ или юноша, чѣмъ женщина, и затѣмъ въ глоссахъ два раза. Въ одномъ мѣстѣ тутъ *siva* сдѣлано изъ слова *aiunt, sed hoc pagani aiunt*: а частью выскоблено и изъ него сдѣлано *s*, знакъ сокращенія *p* выскобленъ, изъ *t* сдѣлано *a*. Въ другомъ мѣстѣ дѣло было проще. Въ подлинникѣ было: *Diva dea sive impetratrix*. Чародѣю уже нетрудно было изловчиться и сдѣлать изъ лат. частицы *sive* славянскую богиню *siva*.

Въ своемъ примѣчаніи къ мнѣологической глоссѣ: *Ares bellum suatozuit* И. И. Срезневскій говоритъ: „Свидѣтельства разныхъ свазаній XII в. достаточно доказываютъ, что язычники Славяне и тогда, и раньше обожали Святовѣда. Глосса только показываетъ, что глосса-

торъ понималъ языческое значеніе Святовида иначе, чѣмъ бы можно было ожидать отъ принимавшихся во вниманіе сказаній Гельмольда и Саксона Грамматика и отъ узнаваго всѣ послѣдовавшія толкованія ученыхъ мифологовъ¹⁾ (стр. 130).

И такъ, эта глосса заключаетъ въ себѣ внутреннія доказательства своей древности и неподложности! Святовитъ попадаетъ въ трехъ мѣстахъ. Въ двухъ г. Патера считаетъ эти слова, по палеографическимъ признакамъ, совсѣмъ недавно написанными, новѣйшими глоссами, а въ третьемъ мѣстѣ въ подлинникѣ стояло *Ares bellum pincupatur*. Кое-что выскоблено, изъ *pup* сдѣлано *suat*, изъ *cupatur* — *ouytt*. Еслибы первыя двѣ глоссы были древнія, подлинныя, то чародѣю не было никакой нужды скоблить *pincupatur* и выдѣлывать изъ него *svatouytt*. Но латыни въ этихъ двухъ случаяхъ просто сказано: *Mavors, mavortem poete dicunt martem*. Фальсификаторъ могъ и дѣйствительно иногда вновь вписывать чешскія глоссы, уже имѣвшіяся въ подлинникѣ, но онъ подчищалъ и поддѣлывалъ изъ глоссъ латинскихъ или нѣмецкихъ только новыя, особыя слова.

При глоссѣ *vilchvice* нашъ академикъ замѣчаетъ: „Въ древнихъ старославянскихъ памятникахъ, какъ отмѣтилъ уже только Востоковъ въ своемъ словарѣ, встрѣчается слово влѣхва; возможны и слова влѣхвецъ и влѣхвица. Первое изъ этихъ двухъ словъ есть въ не заподозрѣнныхъ глоссахъ *Mater Verborum vilchves vlichues*; также естественно можно было ожидать *vilchvice*“ (стр. 144). Но нельзя же не заподозрить слова *vilchvice*, когда въ подлинномъ текстѣ было *vilcfulla*. *Vilc* оставлено, а изъ *fulla* поддѣлано *hvice*.

При словѣ *трѣба* И. И. Срезневскій замѣчаетъ:— „*sacrificium est victima et quaecunque in ara concremantur seu proponuntur treba*. Какъ мало знали Чехи о значеніи слова *treba*: *трѣба*, здѣсь опредѣленномъ, до сороковыхъ годовъ, можно удостовѣриться изъ словаря Юнгманна. Тогда еще не знали древнихъ церк. слав. памятниковъ, гдѣ слову этому дано именно это значеніе; а немногіе отмѣченные случаи его употребленія въ православныхъ церковныхъ книгахъ не обращали на себя вниманія“... (стр. 143).

¹⁾ Иначе ли? См. *Гельбарди* (S. 243): *Man hielt diesen Götzen (Святовида) für einen mächtigen Sieger und Vorausseher künftiger Zufälle*. У *Раковецкаго Prawda Ruska*. 1820, I, 25, сказано про Святовида: «*Bóstwo to uważanem było za boga słońca i wojny*». Также понимается Святовидъ и въ романѣ Линды, друга Ганки (1818). Объ этомъ романѣ рѣчь впереди. Даже въ Абевергъ *Чулкова* (1786) «Святовидъ—богъ солнца и войны».

Но еще въ Instit. Добровскаго (ч. I., гл. 1, § 7) слѣд. въ 1822 г. напечатано: „треба-жертва. Исх. 8,26 шгребатися отъ требъ идолскихъ. Дѣян. 15, 20. ἀπέχεσθαι ἀπὸ τῶν εἰδωλῶν τῶν εἰδῶλων¹⁾ и пр.

Что касается третьей категоріи мѣологическихъ, подложныхъ, по мнѣнію г. Патеры, глоссъ, нелишнимъ считаю замѣтить, что не во всѣхъ ихъ нашъ глоссаторъ является „совершенно свободнымъ осмыслителемъ языческихъ вѣрованій древняго міра“. Такъ слово *litice furia* встрѣчается въ этомъ смыслѣ у Далимила (XV), въ этомъ же смыслѣ отмѣчено и въ словарѣ Палковича 1818—1821 г. (*litice furię*), у Палковича же находятся слова *swětice-sancta*, *trihlawy*, *trihlawec triceps*, *swětlonoš*, с. m. *dennice-Morgenstern*, *Lucifer*. Глосса *Kridlatec-pegasus*, а у Палковича—*křidlaty kůň pegasus*, а *křidlatec-geflügelte Schlange*.

На вопросъ И. И. Срезневскаго, почему глоссаторъ, если то былъ новѣйшій фальсификаторъ, не воспользовался божествами Маха, богами прусскими и т. д., и на его же слова, что Добровскій не отвергалъ подлинности древностей Маха (стр. 117), съ уваженіемъ отнесся о книжкѣ Кайсарова, въ рецензіи на которую Добровскій показалъ себя такимъ добродушнымъ мѣологомъ (стр. 120, 121), на все это я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько скромныхъ замѣчаній.

Вопросъ, зачѣмъ фальсификаторъ не внесъ множества разныхъ боговъ славянскихъ и прусскихъ, напоминаетъ мнѣ другой вопросъ, сдѣланный въ видѣ возраженія въ Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ. Брать слова изъ русскаго и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, „конечно, было такъ легко, что можно даже удивляться умѣренности поддѣльщика, ограничившагося только 70-ю словами, тогда какъ съ помощью словарей... онъ могъ бы выбрать не 70, а 700, если не 7000“ (стр. 103).

На это можно замѣтить, что есть же всему мѣра. Да и фальсификаторъ не могъ же всѣ часы въ музей посвящать подлогамъ и подчисткамъ. Онъ не былъ и такъ одностороненъ. Его вниманіе занимали, сверхъ *Mater Verborum*, и другія рукописи. Наконецъ, не явился профессоръ Граффъ въ музей въ 1827 г., кто знаетъ, сколько бы еще написалось новыхъ глоссъ? Человѣкъ, отдающійся подлогамъ изъ корысти ли или изъ ложной любви къ народности, а больше изъ любви

¹⁾ На замѣчаніе г. Срезневскаго о глоссѣ *prıye-afrodıs grece, latine venus*, (с. 131) скажемъ, что изъ нѣм. Фрей не трудно было сдѣлать *Прію* послѣ Дуриха (Bibl. slav., p. 130), который указывалъ, что нѣм. *f* соответствуютъ въ слав. аз. *н* и *б*.

къ искусству, во всякомъ случаѣ уже утратилъ внутреннее чувство правды. Его умъ и сердце не только преспокойно мирятся съ ложью въ другихъ, но и добровольно приняли ложь внутрь себя, дабы съ ея помощью обманывать ближнихъ, хотя бы и съ благою цѣлью. О добросовѣстномъ отношеніи къ факту и мысли, о чистой любви къ знанію и къ наукѣ у такого человѣка не можетъ быть и рѣчи. Но у него развивается своего рода критика, предусмотрительность и осторожность, такъ сказать, воровская, какъ бы спрятать концы, какъ бы его не поймали. На бѣду фальсификаторъ (1818—1827 гг.), жившій въ Прагѣ и работавшій надъ чешскими древними рукописями, не могъ не знать и не слышать о Добровскомъ, не читать его сочиненій и не чувствовать строгости и проницательности его критическаго взгляда. Фальсификаторъ не могъ не соображаться съ возрѣніями Добровскаго, котораго онъ не столько, конечно, цѣнилъ и уважалъ, сколько боялся, ибо тотъ всего легче могъ обнаружить его подлоги. Фальсификаторъ долженъ былъ считаться и съ мнѣніями тѣхъ ученыхъ, коихъ Добровскій наиболѣе уважалъ. Однимъ изъ такихъ былъ Фортунатъ Дурихъ. Этотъ достойный ученый въ замѣчательномъ для своего времени сочиненіи: *Bibliotheca Slavica antiquissimae dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis (Vindobonae. 1795, Vol. I.)* очень воздержно воспользовался древнѣйшими извѣстіями, собственно только Прокопія и Константина Багрянороднаго (о Руссахъ) для третьей главы § 3: *De Slavorum religione antiquiori et ritibus*. Здѣсь Дурихъ говоритъ въ самомъ началѣ: „Qui de Slavorum notitiis rerum ad Deum pertinentium egerunt scriptores recentiores, hi passim antiquiora eorum scita cum recentioribus corruptelis et superstitionibus longe maioribus confuderunt, ut nec diversi temporis, neque locorum ratione habita, quidquam certae omnino fidei et cum antiquitatibus cohaerentis protulerint“ (р. 338). Фальсификаторъ, конечно, съ удовольствіемъ воспользовался бы выдумками Маша, ибо для него это было все равно, но онъ, къ сожалѣнію, лучше своихъ апологетовъ зналъ последнее мнѣніе Добровскаго объ этихъ древностяхъ. Въ *Slovanka*, II, 1815, напечатанъ слѣдующій его отзывъ объ Оботритскихъ древностяхъ: „Uebrigens kann ich nicht bergen, dass man gleich bey der ersten Bekanntmachung dieser Alterthümer manche Zweifel gegen ihre Aechtheit äusserte. Auch mir kommt jetzt gar vieles bey diesem Schatze von Götzen und Geräthen sehr verdächtig vor, aber darüber abzusprechen darf ich nicht anmassen“ (S. 175). Ни съ какимъ особеннымъ уваженіемъ не относился Добровскій и къ книжкѣ Кайсарова. Онъ просто уважилъ его скромность и

въ самомъ началѣ своей рецензіи привелъ собственныя слова Кайсарова, который самъ прямо и откровенно назвалъ свою книжку компиляціей. Добровскому, какъ онъ выражается, поправилось свободное сужденіе Кайсарова о Поповѣ и Леклеркѣ. Затѣмъ Добровскій говоритъ: „Nichts bedarf einer kritischen Revision und Mustering im Gebiete der slavischen Alterthumskunde so sehr als die Mythologie. Doch diess war nicht der Zweck vorliegender Schrift“. (Slavin. 1808. S. 402).

Гдѣ же тутъ уваженіе Добровскаго къ книжкѣ Кайсарова? Сильный ироніей, какъ всѣ критическіе умы, Добровскій бывалъ необычайно мягокъ и добръ, когда имѣлъ дѣло съ скромнымъ незнаніемъ, грозенъ и ѣдокъ, когда встрѣчался съ наглымъ невѣжествомъ и полужнаніемъ, на примѣръ, въ отвѣтъ своему Свободѣ и другимъ о Судѣ Любуши. Во всей рецензіи Добровскаго на Кайсарова разлита эта мягкая иронія. Если можно его называть добродушнымъ, то только потому, что онъ всецѣло принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ натурамъ, которыя обладаютъ великимъ умомъ и сильнымъ дарованіемъ и лишены всякой хитрости и лукавства. Добровскій еще при жизни своей былъ опереженъ, какъ филологъ, собственно по части древнеславянскаго языка. Но какъ критикъ источниковъ и разныхъ болѣе или менѣе сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ древностей и исторій, Добровскій стоитъ необыкновенно высоко и, можно сказать, настоящаго себя преемника въ славистикѣ не имѣлъ.

„Замѣчательно“, говоритъ г. Срезневскій, — „что стараясь держаться древнѣйшихъ источниковъ вмѣстѣ съ народными преданіями, онъ не зналъ что дѣлать съ указаціями древней русской лѣтописи, которую тогда единодушно считали Несторовою и не разъ задалъ вопросъ: да сказалъ ли это Несторъ? Не прибавка ли это переписчика? Не высказался онъ съ полною довѣренностью и къ такимъ лѣтописцамъ, каковы Гельмольдъ и Саксонъ Грамматикъ; а темныя мѣста сказанія Дитмара оставилъ въ сторонѣ“. (стр. 121).

На это прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что вся статья Добровскаго занимаетъ въ книжкѣ маленькаго формата и весьма разгонистой печати не болѣе 15 страницъ. Если къ этому прибавить, что болѣе 11—12 страницъ заняты простою передачею содержанія книжки Кайсарова, то на собственныя замѣчанія Добровскаго прійдется не болѣе 3—4 страницъ, что составитъ едва ли болѣе двухъ страницъ Записокъ Академіи. Гдѣ же тутъ было Добровскому объяснять темныя мѣста сказанія Дитмара? И это было бы вовсе не кстати по поводу Кайсарова.

Добровскій объяснялъ нѣкоторыя мѣста Дитмара, толькоиндѣ. Приведя слова Кайсарова о представленіи Бѣлбога у Славянъ, Добровскій прибавилъ: «Hier möchte ich doch fragen, welches slawische Volk, wo u. wann hat ihn so vorgestellt? Gewiss rührt d. Wahn nur daher, dass man den slawischen Bjelbog mit Belzebub, dem Gott d. Fliegen, verglich. Künftigen Mythologen möchte ich auch rathen, nicht spätere Schriftsteller, sondern immer den ältesten Zeugen bey jedem Artikel anzuführen. Helmod wird zwar in der Einleitung genannt, aber aus ihm nie eine Stelle herausgehoben, Ditmar wird nicht ein mal genannt“ (S. 404). И. И. Срезневскій говоритъ (стр. 120) про Кайсарова, что у него въ изобиліи явились русскія божества. Перечисливъ ихъ, при чемъ между прочимъ называетъ: Czudo morsкое, Detines, Did, Woloty, Czar morskoj, нашъ академикъ прибавляетъ: „Сообщенныя Кайсаровымъ данныя объ этихъ новозаявленныхъ нѣмецкимъ ученымъ членахъ славяно-русскаго многобожія Добровскій принялъ къ свѣдѣнію, давъ даже отъ себя кое-какія добавочныя припоминанія“ (стр. 121).

Къ сожалѣнію, я долженъ привести эти припоминанія добродушнаго миеолога Добровскаго: «Bey czudo morskoje d. i. Meerwunder, sagt H. v. Kayssarow: nach aller Wahrscheinlichkeit kann man schliessen, dass sie etwas ähnliches mit den Tritonen hatten. Sie wurden sehr fürchterlich vorgestellt (doch nicht in Bildern?) und noch jetzt hat man ein russisches Sprichwort, welches das Schreckenbild dieser Gottheiten aufbehalten hat. In der Note wird aber nur die französische Uebersetzung von diesem Sprichworte aus Le Clerc angeführt (S. 404 — 405)... Den Jüngling Detinetz, wovon die Stadt gleiches Namens benannt worden sey, erklärt H. K. selbst für eine Fabel, u. strafft seinen Landsmann Popow deshalb, dass er keinen Gewährsmann dafür angeführt hat (S. 405). ... Die Didilia, poln. dzidzilia, die Gottheit der Ehen, ist nur aus Dlugozs bekannt. Und der russische Did, wovon H. K. zweifelhaft spricht, scheint eben nichts anders zu seyn“ (S. 405 — 406).

Миеологи недобродушныя, какъ Добровскій, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой статейки, приводили Дидилію, какъ одну изъ несомнѣнныхъ богинь славянскихъ, и не смущались пользоваться, какъ важнымъ источникомъ грубѣйшею поддѣлкою, хроникою Паркюша.

«Die Woloty werden von einigen (von wem, wo, wann?) mit den Giganten verglichen, heisst es S. 117. In der slaw. Bibel aber wird gigas häufig durch ispolin übersetzt (S. 405 — 406). Der Name Zar (lies tsar) morskoj kommt oft in russ. Volkserzählungen vor. Wahr-

scheinlich waren ihm, meynt H. K., die Wunder d. Meeres untergeordnet» (S. 416).

Приведу еще два замѣчанія Добровскаго: «Von dem unerklärbaren korschа, aus Chors (mit der Ableitung von korezit', constringere, ist K. nicht zufrieden), heisst es endlich: also nichts entscheidendes dürfen wir darüber sagen. Sehr wohl. Popow machte den korschа zum Aesculap d. Slawen; Tatistschew verglich ihn mit dem Bachus. Blossе Vermuthungen! Aber warum untersucht man nicht, wer den Korschа zuerst genannt habe? (S. 408—9). Devana (Dzewanna) wurde von den Polen als Göttin d. Wälder u. der Jagd verehrt. Man dachte also an die Diana. Von den Gottheiten Semargh u. Simzerla weiss man noch weniger. Ich möchte aber wieder fragen, wer hat sie zuerst genannt» (S. 413).

Изъ всѣхъ этихъ замѣтокъ Добровскаго видно, съ кѣмъ онъ имѣлъ въ свое время дѣло, какихъ авторовъ приходилось ему разбирать.

Вообще знаніе нами настоящаго значенія юсовъ и отсталость для нашего времени нѣкоторыхъ филологическихъ понятій Добровскаго еще не позволяютъ намъ такъ слегка и свысока относиться къ этому истинно гениальному ученому. Добровскій не имѣлъ просто физической возможности дойти до выводовъ, къ которымъ пришелъ Востоковъ въ своемъ знаменитомъ разсужденіи. Не недостатокъ провизитальности или научнаго метода, а неимѣніе подъ руками древнихъ славянскихъ рукописей было причиною, что Добровскій еще при жизни былъ опереженъ въ наукѣ, собственно въ области древне-славянскаго языка. Но надо помнить, занятія Добровскаго не ограничивались однимъ древнимъ славянскимъ языкомъ, его грамматикою, словаремъ и письменностью, хотя и тутъ сколько важнаго имъ сдѣлано (Кирилль и Меѳодій, глаголица, въ самой грамматикѣ). Сколько темныхъ угловъ въ славистикѣ было освѣщено Добровскимъ, какіе разнообразныя вопросы науеславянской имъ были разъяснены, и затронуты, вопросы, на которыхъ мысль Востокова никогда не останавливалась и не бросила никакого свѣта. Говорю это не изъ желанія умалить великія заслуги Востокова, но съ намѣреніемъ лучше освѣтить колоссальную фигуру Добровскаго, которымъ съ 30-хъ, 40-хъ годовъ стали не въ мѣру пренебрегать и у насъ, и у Чеховъ, за непониманіе юсовъ съ одной стороны и за непризнаваніе разныхъ патріотическихъ подлоговъ съ другой. Мы признаемъ въ свою очередь одну дѣйствительно важную по своимъ послѣдствіямъ ошибку за Добровскимъ, которую попытаемся разъяснить, говоря о такъ-называемой Краледворской

рукописи, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ скрыть нашего удивленія и весьма тяжелыхъ и грустныхъ впечатлѣній, которыя произвела на насъ странная, причудливая попытка поставить несчастнаго фальсификатора чешскихъ глоссъ въ *Mater Verborum* выше Добровскаго и по званіямъ, и по критикѣ. Благодаря тому обстоятельству, что въ нашей Академіи Наукъ такая обширная, разнообразная и важная для Россіи область вѣдѣній, какъ славистика, имѣетъ въ средѣ своей только одного представителя ¹⁾,— за исключеніемъ членовъ-корреспондентовъ, которые при чтеніи записокъ академикомъ въ засѣданіяхъ не могутъ имѣть никакого голоса),—это не въ мѣру низкое мнѣніе о Добровскомъ и столь же высокое мнѣніе о Ганкѣ, ибо онъ, какъ увидимъ, и былъ фальсификаторъ, будетъ считаемо и у насъ въ Россіи, и за границею—у Славянъ и въ западной Европѣ,—не только за личное мнѣніе перваго и старѣйшаго русскаго слависта, но и за общее мнѣніе первостепеннаго русскаго ученаго учрежденія. Впрочемъ и это послѣднее обстоятельство не должно, кажется, имѣть вліянія на людей знающихъ и на развитіе славистики какъ въ Россіи, такъ и у Славянъ и въ западной Европѣ.

¹⁾ Почтеннѣйшіе знатоки своего дѣла А. Ф. Бычковъ, А. Н. Веселовскій, Я. К. Гротъ и М. И. Сухомаиновъ многими своими трудами безспорно принесли пользу и славистикѣ, но не она вѣдь составляетъ главный и любимѣйшій предметъ ихъ занятій. Никогда они сами себя и не называютъ специалистами по славистикѣ. Было время, когда наша Академія Наукъ по крайней мѣрѣ помышляла о привлеченіи къ себѣ возможно большаго числа славистовъ; еще академикъ Беръ мѣтко указывалъ на необходимость энергическихъ мѣръ въ этомъ смыслѣ. Такъ, намъ слѣдуетъ, что было время, когда Академіи Наукъ было бы не трудно сдѣлать, чтобъ *Archiv* г. Ягича издавался не въ Берлинѣ и не по нѣмецки. Какое свѣжее и крупной силы совершенно напрасно лишена теперь Академія!

В. Ламанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕИЗДАННЫЯ РЪЧИ И ПИСЬМА МИХАИЛА АНОМИНАТА. ¹⁾

3. Рѣчь къ претору Дмитрію Дрими, προσφώνημα εἰς τὸν πραι-
τορα κῆρ Δημήτριον τὸν Δριμὸν ταῖς Ἀθήναις ἐπιστάλντα ²⁾). Начало: Τὸν
Θηρέα φασὶν ἐκείνον τὸν συνοικιστὴν τῶν ἐμῶν Ἀθηναίων. „Сей городъ въ
моемъ лицѣ привѣтствуетъ тебѣ, благородный мужъ Божій, сильный
словомъ и дѣломъ, посылаемый сюда освободить его отъ лютыхъ
страданій и укротить оружіемъ правды тѣхъ, которыхъ снѣдаетъ
жало стяжанія, и которые, подобно Ефрему, сбросили съ себя ярмо
справедливости. Въ древности это былъ счастливый городъ, обило-
вавшій всѣми благами, нынѣ же онъ устарѣлъ отъ времени и опу-
стился до земли, хотя все же предлагаетъ съ готовностью нероскош-
ную трапезу слова, и какъ можетъ, обнаруживаетъ знаки прежняго
гостеприимства и любомудрія. Я не говорю, что онъ можетъ воз-
двигнуть мѣдный памятникъ или построить его изъ другаго вещества:
уже давно время отсѣкло искусныя въ ваяніи руки, которыми увѣко-
вѣчивалась память лучшихъ гражданъ. Онъ можетъ еще составлять
похвальные слова и украшать похвалами, хотя и не владѣетъ болѣе
благороднымъ, мудрымъ языкомъ, способнымъ выразить въ дивномъ
словѣ достойное удивленія ³⁾; скоро время отниметъ и это послѣд-

¹⁾ Продолженіе. См. январскую книжку Ж. М. Н. Пр. за 1879 годъ.

²⁾ Cod. Laur. Fol. 39.

³⁾ Οὐ λέγω τὸ χαλκοῦν ἀνιστᾶν ἢ ἐξ ἑτέρας ὕλης δημιουργεῖν· πάλα γὰρ ἀνδριαν-
τοποιοῦς ἐξεκόπη χεῖρας τῷ χρόνῳ, δι' ὧν τοὺς ἀγαθοὺς περὶ αὐτῆν ἄνδρας ἐδεξιοῦτο,
ἀλλὰ λόγους ἐξαιρεῖν καὶ τοῖς ἐπαίνοις κοσμεῖν. καίτοι οὐδὲ τὴν γλῶτταν ἐκείνην ἐπι-
τὴν εὐγενῆ τὴν σοφὴν εὐτυχεῖ, ἵνα λόγῳ θαυμάσῃ τὰ θαυμάσια δέξια.

нее, какъ тотъ безстыдный Эракіецъ у дочери Палдіона. Несчастливъ и я, пастырь, который на великой пустынѣ когда-то пространнаго города пасу нынѣ совершенно жалкое и малое стадо, и подобно подвѣшавшемуся на эту скалу, провянося рѣчи, говорю только для себя самого. Не имѣя похвалъ и ни одного яснаго отвзвукъ на мою пастырскую рѣчь, я боюсь одичать, съ тѣхъ поръ, какъ живу въ мудрыхъ Аѳинахъ ¹⁾. Почти же Аѳины, облобызай землю краснорѣчія, мудрый мужъ: только удержиись отъ слезъ и не омрачай настоящаго торжества. Ибо я вижу, у тебя наворачиваются слезы при взглядѣ на Аѳины, такъ утратившія, не говорю прежній блескъ — давно уже цѣтъ его, — но и самый видъ, и строй, свойственный городамъ. Взгляни на стѣны, частію полуразвалившіяся, частію совсѣмъ разрушенныя, на эти дома, сравненные съ землей и покрытые растительностію, на этотъ какъ бы бѣшеный пиръ грабителей; посмотри на эту почти пустынную и необитаемую землю. Такъ время буйствуетъ съ варварствомъ Персовъ въ городѣ. И не трудись напрасно искать слѣдовъ Илиен, Портика или Ликейя: увидишь развѣ каменистый холмъ Ареопага, ничего священнаго, кромѣ обнаженнаго края скалы, распознаваемаго по священному имени, да развѣ случайно малецкій остатокъ изыщпой Стои, на которомъ пасутся овцы, и который грызетъ всепожирающее время. Музы и хариты, философія и софистика покинули Аттику, и ее унаслѣдовала крестьянская и варварская рѣчь ²⁾. Какъ будто пророчество о Ва-

¹⁾ ...ὡς ἀγροικισθῆναι κινδυνεύειν ἐξ οὐπερ τὰς σοφὰς παροικεῖν Ἀθήνας ἐλιχομεν.

²⁾ Οὐδ' ἐρείπιον γούν Ἠλιαίας ἢ Περιπάτου ἢ Λυκείου εἶροις ἀν πλείστα καμῶν, μόνον ἀν ἴσοις πετραῖον Ἀρσίου Πάγου γεώλοφον· οὐδὲν ὃ φασιν ἱερὸν, ὅτι μὴ στεφάνην πέτρας ψιλὴν καὶ μόνον τῷ σερμῶ γνωρίζομένην ὀνόματι, τυχὸν δέ τι καὶ τῆς ποικίλης Στοᾶς μικρὸν λείψανον, μηλόβοτον καὶ αὐτὸ καὶ τοῖς ὁδοῦσι τοῦ χρόνου τὰς πλείους παρατραγόμενον. Οὕτω μοῦσαι μὲν καὶ χάριτες, αὐτὴ φιλοσοφία καὶ αὐτὴ σοφιστικὴ Ἀττικῆς ἐξῆλπησαν. ἀγροικία δὲ βάρβαρος φωνὴ τούτην κατεχλήρωσαν. Илиен — μέγιστον δικαστήριον τῶν Ἀθηνῶν, мѣсто, гдѣ совершается судъ въ Аѳинахъ; см. *Hermann*, *Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer*, пятое изд., *Heidelberg*, 1875, ss. 515—517; the original and proper meaning of the word Ἠλία is, the public assembly; *Grote*, *History of Greece*, III, p. 128, nota, IV, p. 141 sq. Относительно словъ «ἢ Περιπάτου ἢ Λυκείου», которыя мы переводимъ портика (также аллея) или ликейя, считаемъ умѣстнымъ привести одно мѣсто изъ *Rauy*, *Real-Encyclopädie*: «Перипатητικοὶ назывались послѣдователи Аристотелевой философіи не потому, что Аристотель ambulans disserabat, а потому что мѣсто его преподаванія было въ галлерей (in dem Säulengang) гимназія, посвященной Аполлону Ликейскому; statt перипатητικοὶ wird daher auch οἱ ἐκ αὐτοῦ ἀπὸ

вилонѣ сбылось надъ нами: пастыри не усвоются въ немъ, почиютъ же дикіе звѣри и будутъ скакать привидѣнія, и населятъ его оно-кентавры, и въ домахъ будутъ гнѣздиться змѣи ¹⁾. Теперь, съ твоимъ прибытіемъ, мы надѣемся на возвратъ лучшихъ дней. Тебя, справедливейшаго изъ мужей и отличавшагося уже на судебномъ поприщѣ, божественный императоръ послалъ въ сіи отдаленнѣйшія страны, какъ строгаго судью и притана Θεμίδы, дабы ты однихъ оживилъ согрѣбающею справедливостію, другихъ же освободилъ отъ мрачной неправды. Нынѣ возвратилась въ города правда, давно улетѣвшая, нынѣ открываются въ Елладѣ суды (βήματα), вступаютъ въ силу законы, обижаемому дана защита, надъ обидчикомъ простирается карающій мечъ ²⁾.

Трудно было бы даже кратко упомянуть о дѣлахъ царя и воздать имъ приличную похвалу. Но если и невозможно разказать всего, что мы слышали и что повѣствовали намъ тѣ, которые возвѣщаютъ хвалы царя, то не отказываемся бросить бѣглый взглядъ на то, что мы сами знаемъ и что видѣли собственными глазами. И прежде всего, какъ въ смутную и тяжкую годину Ромейская имперія возвала къ прежнему любимцу своему, великому Андронику, дабы онъ низвергъ уже напиравшую латинскую тиранию, и какъ полныя привившюся въ юной отрасли царства, и освободилъ Константинополь отъ нелѣпныхъ и низкихъ любовниковъ, волновавшихъ имперію ³⁾. Онъ же воз-

τὸ περιπάτου gesagt. *Ueberweg*, Grundriss der Geschichte der Philosophie, I, S. 167; Аристотель училъ въ Ликейской гимназій (посвященной Аполлону Ликейскому), гуляя въ тѣнистыхъ аллеяхъ (περίπατοι) которой, онъ бесѣдовалъ о проблемахъ философскихъ въ тѣсномъ кругу учениковъ (περίπατοί). Ареопагъ, на каменистомъ холмѣ Марса,—аѳинскій сенатъ, мѣсто разбора дѣлъ по предумышленному убійству и пораненію, по поджогамъ и отравленію ядомъ. *Hermann*, 395—396, 613; *Grote*, III, 73, 122 и сл. Стоя изящная, собственно расписанная, галлерей, въ которой вывѣшивались новые законы для общаго свѣдѣнія.

¹⁾ Книга пророка Исаіа, XIII. 20—21.

²⁾ Νῦν ἀνοίγοντα: βήματα καθ' Ἑλλάδα καὶ νόμοι παρρησιάζονται, καὶ τῷ μὲν ἀδίκουμένῳ παρέστηκε ψῆφος ἐπίκουρος, τοῖς δ' ἀδικοῦσιν ἀμφίχες ξίφος ἐπανατίθεται.

³⁾ Πλὴν εἰ καὶ ἄλλως οὐκ οἶόν τε πάντων διεξεσθαι ὅποσα ἠκούσαμεν καὶ διηγήσαντο ἡμῖν οἱ τὰς αἰνήσεις τοῦ αὐτοκράτορος ἐπαγγέλλοντες, ἀλλ' οὖν ὅσα περ ἐγνωμεν αὐτοῖ καὶ ὀφθαλμοῖς ἰδόντες ἐξέστημεν, ἐπιτροχαστέον ὡς οἶόν τε καὶ πρό γε τῶν ἄλλων ὄπως ἢ τῶν Ῥωμαίων ἀρχὴ πλημμελῶς καὶ τεταραχμένως ἐφέρετο. Καὶ παρὰ τοῦτο αὐτῇ μὲν ἀνεκαλεῖτο τὸν ἐρόμενον αὐτῆς πάλαι μέγαν Ἀνδρόνικον, ἐφ' ᾧ καταλύσει μὲν τὴν ὑφέρπουσαν ἤδη λατινικὴν τυραννίδα, καὶ τῷ τῆς βασιλείας ἐπαναφουμένῳ

радовался какъ исполнить теши путь свой. Не громадную пѣшу и конную силу вель онъ, но вооруженный справедливостью шель налегкѣ въ любящій городъ. Самъ Иксіонъ легко былъ схваченъ и потерпѣлъ справедливое наказаніе за то, что несправедливо замышлялъ сорвать такой цвѣтокъ имперіи, иностранный же отрядъ, нанятый за громадныя суммы изъ разныхъ разбойническихъ племенъ, въ которомъ онъ думалъ имѣть несокрушимую броню тиранніи, разсѣялся по морю и исчезъ ¹⁾. Какъ вода распустился въ морѣ этотъ островъ тиранніи. Чтò мнѣ сказать о послѣдовавшемъ затѣмъ утрѣ, которое мы радостно встрѣтили, освобожденные отъ густой тьмы ²⁾, или о праздничномъ ликованіи города? Цареградъ открылъ все ворота, въ которыхъ какъ, рой пчелъ выбѣжали граждане, тріирами и лодками почти запруженъ былъ проливъ Пропонтиды. Тогда никто не имѣлъ другаго желанія, какъ увидѣть великаго Андроника, несущаго великія блага Римлянамъ: освобожденіе узниковъ, возвращеніе бѣжавшихъ, уничтоженіе тиранніи и укрѣпленіе власти. Этотъ царскій подвигъ остановилъ страшное волненіе столицы, или лучше сказать, прекратилъ колебаніе вселенной. Первое, чѣмъ онъ воздалъ столицѣ за ея чистую любовь, это было освобожденіе отъ тираннической и латинской наглости, и очищеніе царства отъ варварской примѣси ³⁾. Потомъ, подобно тому многоблуждавшему и хитроумному герою, онъ прогоняетъ тѣхъ, которые съ дѣтскою навязчивостью домогались имперіи, Богомъ ему предопредѣленной и волновали Римскую монархію, разрывая ее въ поликиранію ⁴⁾. Увы, какой потопъ угрожалъ царственному городу, или лучше—стоящему надъ нимъ міру всему, пока этотъ искусный кормчій не взялся за руль управленія! Какая же те-

μοσχεύματι ὡς μίλαξ περιπλεκομένην, κατὰ τὴν τῆς προφητείας εἰκόνα, ἀπαλλάξαι τὴν Κωνσταντινούπολιν ἀτόπων καὶ ἀγενῶν ἐραστῶν ἄνω κάτω κινῶντων τὰ Ῥωμαίων πράγματα.

¹⁾ Подъ Иксіономъ разумѣется Алексѣй Протосевасть. Τὸ δὲ περὶ ἐκεῖνον ξενικὸν οὐδ' ἄλλον ἐξ ἄλλου ληστῆριου πολλοῖς θησαυροῖς μισθωσάμενος, ἀδρακτικῆν ὡς ἐδόκει τῆς τυραννίδος φρουρὰν συναστήσατο, εἰς θάλασσαν διεφόρησεν ἀθρόον καὶ ὄψετο σχεδασθέν.

²⁾ ἦν εἶδομεν ἄσμενοι τῆς ἐπικειμένης οὐμίχλης ἀπαλλαγέντες.

³⁾ Καὶ τοῦτο πρῶτον τῇ βασιλείᾳ τῶν πόλεων τῶν περὶ αὐτῶν ἀκλιθέκτων ἐρώτων ἀντέδωκεν ἀπαλλαγῆναι τυραννικῆς καὶ λατινικῆς παρουσίας καὶ καθαρὰν καθαρῶς βασιλεύειν ἐπιμείξιας βαρβαρικῆς.

⁴⁾ . . . ἐκποδῶν ποιῆται τοὺς ὅσοι τὴν θεοθεν ἀφωρισμένην αὐτῷ καὶ προηρημοσμένην βασιλείαν μεिरακιωδῶς καὶ μοχθηρῶς ἐμνηστεύοντο καὶ συνετάρραττον τὴν Ῥωμαίων μοναρχίαν εἰς πολυκοιρανίην καταμερίζοντες.

перъ тишина улыбається всему и приготовляетъ помазанному царю елей радости ¹⁾: всякая война прекратилась, погасли смуты, которыя столько же страшнѣе войны, сколько война ужаснѣе мира. Вслѣдствіе того окрестные враги простираютъ въ страхѣ руки, и забывъ оружіе, принимаютъ покорный видъ; послы, приходящіе съ разныхъ сторонъ, влетаютъ въ царскій вѣнецъ побѣдныхъ украшеній. Не дѣвушки только въ пѣсняхъ и хорахъ принѣваютъ великому Андронику мириады, но на всѣхъ устахъ лежитъ это прославляемое имя“. Далѣе, коснувшись раздоровъ, бывшихъ между Андроникомъ и императоромъ Мануиломъ, Михаилъ продолжаетъ о странствованіяхъ перваго: „Обозрѣвъ почти всю поднебесную, исходилъ и жилъ со всѣми народами, предъ которыми какъ сосудъ избранія апостольски разносилъ имя Христова. О, какъ своенравна судьба: ради добродѣтели отчужденный отъ своихъ, за добродѣтель онъ былъ принятъ чужими. Залетѣлъ высоко парящій орелъ въ самую Палестину, возбуждивъ громкое карканье всеязычныхъ вороновъ. Тогда нѣкоторые варвары дѣлаютъ нападеніе на святой городъ, который, по случаю появленія непріятелей въ другомъ мѣстѣ, оставался бы безъ защиты и охраны, и если бы сей, равносильный многимъ династамъ, находился тамъ, не отразилъ нападеніе ²⁾. Удивлялись Германцы, защитники гроба Господня, прославленной храбрости императора и воинственнымъ дѣламъ; они признали его непобѣдимымъ и несравненнымъ въ военной тактикѣ и предсказали ему обладаніе Ромейскимъ царствомъ ³⁾. Таковая власть не могла остаться неизвѣстною и другимъ народамъ: что разносила молва, то должны были увидѣть потомъ собственными глазами. Но не дремала и зависть, ее тревожили и мучили палестинскіе подвиги, почему отправлены были граматы, начертанныя ядомъ клеветы и подлинными кровью. Онъ уходитъ и отсюда, путешествуетъ изъ народа въ народъ и изъ одного царства въ другую землю, и что всего уди-

¹⁾ οἷα δὲ ἀρχὴ γαλήνῃ διαγελᾶ τῷ παντί καὶ συναγάλλεσθαι παρκαλεῖσθαι τῷ βασιλεὶ κεχρισμένῳ τῆς ἀγαλλιᾶσεως ἔλαιον.

²⁾ Ἐπιπερὸν μὲν γὰρ ὁ ὑψιπέτης οὗτος ἀεὶ εἰς Παλαιστίνην αὐτὴν τοὺς παγέλασσις ἕσασιν κώρας κρῶζειν ἀπέραντα... Βάρβαροι δὲ τινες κατὰ τῆς ἀγίας ἐπιστρατεύουσι πόλεως, κἄν ὑπὸ τοῖς πολεμίοις ἢ κλίην τοῦ ἀληθινοῦ Σολομῶντος ἐγένετο, ἐφ' ἧς ἀναπερῶν ὡς λέων κεκοίμητο, ἐρήμη γὰρ τῶν κυκλοῦντων αὐτὴν δυνατῶν καὶ φυλασσόντων τηρικῶτα καταλείπτο, ὡς τοῖς πολεμίοις ἐπεξιόντων ἐτέρωθι, εἰ μὴ οὗτος ὁ πολλῶν δυνατῶν ἰσοστάσις, τῷ τότε παρῶν τὴν ἐπέλευσιν ἀπεώσατο.

³⁾ Ἐληχόρασαν... Γερμανοὶ... καὶ τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀρχῆς κληροῦσαν ἔσσεσθαι προηγόρευσαν.

вительнѣе—не какъ скромный чужестранецъ обращался онъ къ различнымъ владѣтелямъ, но какъ стоящій во главѣ народовъ, съ властію монарха надъ подвластными ему сатрапами, въ сопровожденіи свиты изъ сорока домохадцевъ. Среди народовъ онъ былъ какъ левъ между домашними животными и какъ скимень въ стадѣ овецъ. Ему нечего было усвоить отъ автохтоновъ, города которыхъ посѣтилъ онъ; но они получили отъ него много выгодъ, какъ отъ участника въ ихъ совѣтѣ, какъ отъ союзника и помощника. Поучиться законамъ тактики у такого прекраснаго руководителя не считали ниже своего достоинства и сами храбрые Иверійцы. Ибо не было случая, гдѣ онъ не снискалъ бы къ себѣ любви и великаго удивленія, и гдѣ его доблесть не оказала бы вліянія, такъ что его всюду сопровождали величайшій почетъ и честь и участіе во власти. Когда надлежало ему уходить, онъ едва освобождался изъ объятій, которыми старались задержать у себя такое совершенство и не позволить ему идти въ другое мѣсто. Такъ онъ умѣлъ поработить иноземцевъ не оружіемъ, но одною только добродѣтью, о которой могли бы засвидѣтельствовать и самые варвары, неприязненные и враждебные по природѣ, но не предубѣжденные завистью глашатаи истины ¹⁾. Владѣствіе того Господь возвысилъ его и поставилъ господиномъ не надъ нами только Римлянами, но думаю, и надъ тѣми, у кого онъ былъ, и землю которыхъ попиралъ своими ногами; онъ уже унаслѣдовалъ Римской державѣ всѣ тѣ земли, которыя исходила взадъ и впередъ. Такъ Римляне будутъ пить изъ Тигра и Евфрата, пронесутся по Месопотаміи и прорвутъ Каспійскіе ворота ²⁾. Уже царь открылъ и прошелъ черезъ нихъ. Еще же удивительнѣе то, что сдѣлалъ намъ Соломонъ относительно трона: онъ удостоилъ священное сословіе соуданія и участія въ высочайшей чести ³⁾. Царская справедливость не только возвышала тронъ патріарха, но подняла этимъ и весь подчиненный ему святой родъ. Она судитъ униженныхъ, спасаетъ бѣдныхъ и унижаетъ клеветниковъ. Отъ мудрой внимательности царя не укрылось, чѣмъ болѣютъ римскіе города, или лучше, отчего большая часть ихъ уже погибла и въ конецъ исчезла. То ненасытные сборщики

¹⁾ ...ἤς (то-есть, ἀρετῆς) εἶσι γενέσθαι καὶ τοὺς βάρβάρους μάρτυρας, ἀπαρχαίτους μὲν ἅτε δι' ὀλιγαρίους φύσει, κηρόζοντας δὲ τ' ἀληθῆς ὡς μὴ προληφθέντας φθόνου.

²⁾ καὶ πίονται μὲν Ῥωμαῖοι Εὐφράτου καὶ Τίγριδος, καθιππάσονται δὲ τῆς μέσης τῶν ποταμῶν καὶ τῶν Κασπίων πολῶν διελάσουσι.

³⁾ ἱερωσύνην παρέδρον προσλαμβάνει καὶ μερίτιν ποιεῖται τῆς ἀνωτάτω τιμῆς.

подаей разорили все, то гореть богачей, напавъ на оставшееся послѣ нихъ, поглотила достояніе Рима ¹⁾). Въ предупрежденіе чего, на каждый округъ поставленъ судья, дабы онъ раскаленнымъ желѣзомъ справедливости пресѣкалъ заразу любостыжанія“. Между злоупотребленіями предыдущей эпохи Михаилъ указываетъ между прочимъ: „Умираетъ кто, оставивъ жену и дѣтей, сирья дѣти и вдова и у справедливейшихъ преторовъ находили не много утѣшенія. У нихъ отнимали состояніе, такъ что они не имѣли даже мѣста приѣхать къ родному трупу и оплавать его; ихъ подвергали допросамъ и истязаніямъ изъ-за передачи имѣнія и какъ бы понуждали прекратить свое земное существованіе. Смерть одного члена становилась пагубною и разорительною всему роду ²⁾). Нынѣ умираютъ спокойно, оставляя имущество законнымъ наслѣдникамъ, а жестокимъ сборщикамъ покидая лишь горькій плачь. И самая преторская власть, распространившаяся на Элладу и Пелопоннись, угрожала уничтожить остающіеся слѣды городовъ и какъ бы исхитить изъ памяти людей самое имя Эллады, еслибъ императоръ, нашъ новый Заровавель, не очистилъ эту власть отъ покрывавшей ее ржавчины и не освободилъ ея отъ прежняго позора... Принявъ мѣры къ возстановленію справедливости, онъ приказалъ пополнить общественные продовольственные запасы ³⁾. Ввѣряетъ Θεμиду мужу, извѣстному уже на судебномъ поприщѣ, прошедшему италянскую науку ⁴⁾, собесѣднику Θεμиды, лучшему политику, богатому всякими знаніями, который успѣлъ соединить съ ораторскими харитами и юридическое образованіе и способенъ написать новые законы, подобно тому сладостнѣйшему Тривуніану“ ⁵⁾).

Прежде чѣмъ говорить о значеніи этой превосходной во всѣхъ от-

¹⁾ Καὶ ὡς τοῦτο μὲν ἡ φορολογικὴ ἀπληστία τὰ πάντα κατενεμήσατο, τοῦτο δὲ καὶ ἡ τῶν πλουτοῦντων ὀλιγαρχία τοῖς ἐκείνων ἐπεβλήθη ἐγκρατεῖμασιν ἐν βρώσει: ἄρτου τὸ δημοτικώτερον κατεσθίουσα.

²⁾ Κατέλοιε τις τὸν ζῖον ἐπὶ γυναίκεϊ καὶ παισὶ, καὶ παῖδες μὲν ὄρφαναι, γυνὴ δὲ χηρείας παραμύθιον εὗρισκον παρὰ τῶν δικαστῶν πρακτόρων τὴν τῶν προσόντων ἀφαίρεσιν καὶ τὸ μὴδὲ χάριαν εἶναι παρακαθίσει τῷ οἰκείῳ νεκρῷ καὶ προσκλύσει, ἐλκομένους καὶ βασανιζομένους ἐπ' ἀποδόσει τῆς περιουσίας... ὡς τὴν τελευταίην τοῦ ἐνόου παγγενῆ εἶναι φθορὰν καὶ πανέστιον.

³⁾ ἀλλὰ καὶ δημοσίαις ἐθέσεισι σιτηρεσίαις ἐφοδιάζεσθαι.

⁴⁾ πιστεύει ταύτην ἀνδρὶ οὐ σχεδὸν τὰ δικαστικά, ἢ τῆς ἰταλικῆς ἐπιστήμης ἀμελετήτῃ....

⁵⁾ Тривуніанъ — извѣстнѣйшій ученый юристъ Юстиніана I (526—565); подъ редакціей его изъ прежнихъ законовъ составленъ былъ Codex Justinianens (529 г.), Digesta и Pandectae (533), вообще такъ называемый Corpus iuris.

ношеніяхъ рѣчи, считаемъ нужнымъ сообщить здѣсь письмо М. Акомината къ тому же самому вельможѣ. Дѣлаемъ такъ потому, что оно весьма близко подходитъ къ рѣчи по содержанію, и какъ единственное письмо во всемъ сборникѣ, адресованное къ Д. Дрими, должно служить комментариемъ къ приведенной выше рѣчи М. Акомината ¹⁾.

„Я не хотѣлъ было и теперь писать къ тебѣ, если бы меня не побудилъ къ тому мой братъ. Если захочешь узнать причину, вотъ она: ты былъ однажды въ нашей отдаленной странѣ, гдѣ царствуетъ зависть и гнѣвъ и всякія страсти, и далъ намъ вкусить отъ добрыхъ законовъ и справедливости. Побывъ немного времени, ты удалился. Императоръ поручилъ тебѣ еще разъ исправить Элладу законами и судебными учрежденіями ²⁾, ты же не соблаговолилъ пожаловать къ намъ во второй разъ, пожалѣвъ для насъ, жаждущихъ справедливости и законнаго суда, роскошнаго пира твоей Θεμίδы. Я никакъ не могу простить тебѣ этой несправедливости, какъ не извиню хорошаго кормчаго, не захотѣвшаго взять руль во время бури. Поэтому я и удерживался отъ переписки съ тобой. Но затѣмъ я знаю, какъ трудно съ тобою спорить, и что ты не задумаешься привести тысячу оправданій. Пріятнѣе и выгоднѣе жить подъ безоблачнымъ небомъ Константинополя въ сообществѣ доброї жены и милыхъ дѣтей. Принявъ на себя во второй разъ управление Элладой, ты не только долженъ былъ бы лишить себя этихъ благъ, но и подвергнуться другимъ безчисленнымъ неудобствамъ: разумѣю дальнюю и утомительную дорогу, назойливость безпокойныхъ мужей, которые ссылаются на свою автономію чуть не съ деревянныхъ столбовъ Солона и объявляютъ притязаніе на всевозможныя изытія, и которые издаютъ свои законоположенія, подрывающія силу судейскихъ опредѣленій, такъ что изъ положенія является отрицаніе, какъ говорятъ (философы з). Какъ ораторъ, я пожалуй не нашель бы ничего сказать на

¹⁾ Cod. Laur. Fol. 71. Τῷ Πρωταρχερῆτι Δημητρίῳ τῷ Δριμῷ.

²⁾ πάλιν ἐναγγερίζῃ σοι βασιλεὺς ὁ θεσιότατος τὴν Ἑλλάδα νόμοις ἰθύνειν καὶ βῆμασι...

³⁾ Καὶ ὡς οὐ μόνον τούτων ἐπιλείπει ἀπέροσθαί τὴν ἀρχὴν τῆς Ἑλλάδος ἀναζωομένης δευτέρον, ἀλλὰ καὶ μυρίαὶ δυσχερεῖαι ἐπιπίπτειν ὀδοιπορίᾳ φησὶ μακρᾷ, τῇ ἐξ ὀδοιπορίας ταλαιπωρίᾳ καὶ κακοχρησίᾳ ἀνδρῶν μαθητῶν καὶ τὴν αὐτονομίαν προβαλλομένων, ὡς ἀπὸ τῶν ἀξόνων τοῦ Σόλωνος καὶ τὸ ἐπ' αὐτοῖς ἀνεύθυνον αἰεὶ καὶ ταῖς δικαστικαῖς ψήφοις ἀντινομοθετούντων καὶ ἀντικειμένων, ὡς ἂν τεκτεῖσθαι φασὶ τῇ καταστάσει τὴν ἀπόφασιν οἱ φιλόσοφοι. Недостаточно было бы привести это прекрасное мѣсто: оно заслуживаетъ обширнаго комментарія. Сознавая это, авторъ боится

это, во какъ епископъ, имѣю возразить многое. Каждому нужно сдѣлать свое дѣло, всякій долженъ приращать ввѣренный ему отъ Бога талантъ. Чѣмъ можешь ты оправдаться, что свой даръ судіи не порадишь приумножить такъ, чтобъ украсить законами и правдой Тессалию, Элладу и Пелопоннись? Блаженны тѣ мужи, которые хотя и жили въ превратной вѣрѣ, но ревностно состязались въ прекрасныхъ и доблестныхъ дѣлахъ¹⁾. Они смѣло пускались моремъ въ дальнія страны и предпринимали продолжительныя путешествія, чтобъ имѣть случай провести строй въ жизнь человѣческую. Одинъ ввелъ подать на островахъ и прозывался справедливымъ, другой устроилъ города законами, а иной отправлялся въ Сицилію и неоднократно держалъ путь черезъ Харивду, чтобъ ослабить грубую тиранию своимъ філософскимъ ученіемъ...²⁾.

„А вы, избѣженные христіане Константинополя, не хотите выйти изъ-за стѣнъ и воротъ, лѣнитесь взглянуть въ сосѣдніе и ближайшіе города, чтобы дать имъ воспользоваться черезъ васъ добрымъ устройствомъ. Высылалъ же одного за другимъ сборщиковъ податей, которые, какъ зубы звѣрей, пожираютъ послѣдніе пожитки, сами проводятъ спокойную жизнь въ своихъ помѣстьяхъ.... а города опустошаетъ порча и язва вымогателей податей³⁾! Какое вамъ дѣло до Македоніи, Фравіи и Тессалии? Для васъ воздѣлываются пшеничныя поля, не

сказать слишкомъ мало въ подстрочномъ примѣчаніи и откладываетъ комментарий до другаго случая. Къ объясненію выраженія τῶν ἀξίων τοῦ Σόλωνος приведемъ слова Германа (*Hermani, Lehrbuch der Griechisch. Staatsalterthum.*, S. 402): „Солонъ приступилъ къ разрѣшенію задачи Дракона посредствомъ письменныхъ опредѣленій (которые писались на деревянныхъ, гладко обтесанныхъ, четырехугольныхъ столбикахъ или небольшихъ колоннахъ, называемыхъ Κόρυμβοι, или также Ἀξῶνες, потому что они посредствомъ приспособленныхъ сверху и снизу стержней могли быть поворачиваемы и оттого удобнѣе со всѣхъ сторонъ читаемы...), чтобы дать для судебной практики основы, общія для всѣхъ и независимыя отъ личнаго произвола».

¹⁾ Ὁ μακαρίων ἐκείνων ἀνδρῶν οὐ γὰρ οὐκ εἰδίζω τῆς ἐνδιαστροφῆς θεοσεβείας, μακαρίζω δὲ ὅτι καὶ τοιαῦτα θερησκούντες ὄρωμε τοῦ καλοῦ καὶ τῆς ἀρετῆς ἀντεπιούοντο προθύμως.

²⁾ Καὶ ὁ μὲν φόρος ταῖς νήσοις ἀμόσας ὠνομάζετο δίκαιος, ὁ δὲ νόμοις τὰς πόλεις ἐρρόθμιζεν, ὁ δὲ τις ἐπὶ Σικελίαν ἀπέπλει καὶ πολλάκις τὴν ὅλην ἀνεμέτροσε Харυβδιν, ὡς φιλοσοφίᾳ χαλάσει τυραννίδος ὁμότητα.

³⁾ μόνους δὲ φορολόγους καὶ θηρίων ὀδόντας στέλλετε, ἄλλους ἐπ' ἄλλοις καταμωμένους τὰ τῶν πόλεων ἐγκαταλείμματα, αὐτοὶ δὲ μένετε κατὰ χώραν ἡσυχίαν ἀγοντες, εἴ τις νόμων ἐπιστήμην πλουτεῖ, εἴ τις δικαστικὴν ἐπισκήσατο, εἴ τις δικαιοσύνην ἀσπάζεται.... ἐξερρημοῦσι δὲ τὰς πόλεις οἱ φθόροι καὶ λοιμοὶ πράκτορες.

для васъ ли готовится евбейское и птелеатское, хіосское и родосское вино? Не вамъ ли ткуть туники ѳиванскіе и коринѳскіе пальцы, не сливаются ли всѣ рѣки золота въ царственный городъ, какъ въ море? Зачѣмъ же вамъ ходить на чужбину и мѣнить привычную жизнь на другую, неизвѣстную, когда, не подвергшись ни дождю, ни солнцу и спокойно сидя дома, вы наслаждаетесь всевозможными благами... Или думаете безбѣдно и до конца проводить счастливую жизнь, когда страдаютъ подчиненные столицѣ города извнѣ отъ морскихъ разбойниковъ, внутри отъ разнообразной неправды? Но я выступилъ изъ обычныхъ границъ письма, ибо отъ сильнаго желанія побесѣдовать съ тобою растянулъ его сверхъ мѣры. Или лучше, забывъ, что веду заочную бесѣду, пустился въ болтовню, умѣстную при личномъ разговорѣ. О, еслибъ удалось и въ самомъ дѣлѣ свидѣться намъ и насладиться пріятною бесѣдой!"

Первая часть рѣчи къ Д. Дрими рисуетъ картину бѣдственнаго положенія Аѳинъ. Какъ мы говорили выше, это самый благодарный мотивъ, съ разнообразными измѣненіями повторяющійся почти во всѣхъ произведеніяхъ М. Акомината. Когда получится возможность рассмотретьъ вариации, много новыхъ и неожиданныхъ фактовъ представится нашему наблюденію. Вторая, несравненно бѣльшая и любопытнѣйшая часть посвящена похваламъ императору Андронику. Особый интересъ этой части заключается въ томъ, что она есть единственное произведеніе изъ всей дошедшей до насъ литературы того времени, которое знакомитъ насъ не съ Андроникомъ — тираномъ, а съ Андроникомъ — устроителемъ имперіи. Хвалебная литература кратковременнаго царствованія Андроника или истреблена, или утрачена ¹⁾, и только счастливая случайность сохранила въ большомъ кодексѣ приведенную выше рѣчь. Время назначенія претора Дрими въ Элладу опредѣляется концемъ 1183 и началомъ 1184 года. Ораторъ называетъ Андроника уже помазаннымъ царемъ, слѣдовательно, рѣчь должна быть произнесена послѣ того, какъ оный, умертвивъ императора Алексѣя въ октябрѣ 1183 г., сдѣлался единовластнымъ го-

¹⁾ Существованіе хвалебныхъ произведеній въ честь императора Андроника подтверждается приведеннымъ выше мѣстомъ нашего писателя: πλὴν εἰ καὶ ἔλλωσ' οὐκ' οἶοῦ τε πάντων διέφθεθα: ἕποσα ἤκουσαμεν καὶ διηγήσαντο ἡμῖν οἱ τὰς αἰνέσεις τοῦ αὐτοκράτορος ἐπαγγέλλοντες. Поиски въ заграничныхъ библіотекахъ могутъ сопровождаться и въ этомъ отношеніи кое-какими находками. Такъ, намъ удалось видѣть въ Оксфордѣ, въ библіотекѣ Бодлея (Cod. Baroc. 216) отрывокъ изъ произведенія неизвѣстнаго оратора, трактующій объ Андроникѣ Комнинѣ.

сударемъ. Можно также утверждать, что она не могла быть произнесена и въ 1185 г., ибо въ послѣднемъ случаѣ оратору нельзя было не коснуться сицилійскихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, по всѣмъ внутреннимъ вѣроятіямъ, слѣдуетъ помѣтить эту рѣчь 1184 годомъ. Въ послѣдующемъ году назначенъ былъ въ Элладу пропреторъ, что вызвало М. Акомината на энергическія представленія своимъ друзьямъ въ Константинополѣ въ томъ смыслѣ, что это измѣненіе весьма нежелательно, и что полезно, напротивъ, руководиться прежнимъ обычаемъ, то-есть, періодически назначать претора (письмо къ логоеету Дмитрію Торнику) ¹⁾. Этою рѣчью подтверждается до полной несомнѣнности, что М. Акоминатъ былъ очевидцемъ первыхъ дѣйствій Андроника въ Константинополѣ, и что его свидѣтельство, такимъ образомъ, приобретаетъ силу перваго авторитета въ вопросѣ обсужденія внутренней политики императора. Слѣшимъ сейчасъ же, на случай весьма вѣроятнаго возраженія, что похвальная рѣчь по самому роду своему не можетъ имѣть значеніе авторитетнаго источника, замѣтить слѣдующее: изъ настоящаго состоянія науки о Византіи XII вѣка слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что, за исключеніемъ немногихъ документовъ, похвальные рѣчи и письма были первымъ, если не единственнымъ, матеріаломъ сохранившихся историческихъ сочиненій ²⁾. Сообщенія М. Акомината объ Андроникѣ — такого впрочемъ свойства, что не требуется много усилій оправдать ихъ.

Ужъ императоръ Мануилъ подѣ конецъ жизни, частію вслѣдствіе собственныхъ политическихъ соображеній, частію уступая общественному мнѣнію, искалъ средствъ развязаться съ традиціонною политикой дѣда и отца по отношенію къ западу. Національная партія въ Константинополѣ считала въ своихъ рядахъ многихъ лицъ изъ придворной аристократіи. Когда Алексѣй протосевасть, опираясь на расположеніе императрицы Маріи (она была латинскаго происхожденія), опекувши надъ Алексѣемъ II, захватилъ всю власть въ свои руки, вожди національной партіи, поддерживаемые духовенствомъ и наро-

¹⁾ Cod. Laur. Fol. 52 οὐ μεγάλα τινὰ καὶ ἐπιζήνια τῶ δημοσίῳ αἰτούμεθα, ἀλλὰ πρῶτον μὲν μὴ στέλλεσθαι εἰς Ἀθήνας ἀντιπραίτορα, αὐτὸν δὲ τὸν πραίτορα κατὰ περιόδους ἐπιθήμεῖν καὶ βούλει δεήσειε.

²⁾ Мысль, уже съ полною основательностію высказанная разъ авторомъ Русско-Византійскихъ Отрывковъ, В. Г. Васильевскимъ (изъ исторіи Византіи въ XII в. въ *Славянскомъ Сборникѣ*, II, стр. 265), какъ поучительно впрочемъ и цѣнно и многое другое, что онъ вычитываетъ у Византійцевъ тамъ, гдѣ другіе примѣчали весьма мало.

домъ, завязали съ нимъ упорную борьбу. Андроникъ воспользовался раздоромъ партій и выступилъ какъ защитникъ законнаго наследника престола противъ протосеаста Алексѣя, едва ли не завѣдомо ложно обвиненнаго въ покушеніи на царскую власть, равно какъ носителемъ весьма популярныхъ политическихъ и экономическихъ преобразованій. Именно, онъ разослалъ агентовъ, которые сулили народу близкое освобожденіе отъ стѣснительныхъ для туземной производительности и торговли привилегій въ пользу иностранцевъ и обѣщали экономическія реформы. Въ этихъ планахъ и обѣщаніяхъ нужно искать причину популярности Андроника, такъ какъ онъ дѣйствительно „не съ бранною силою“ подошелъ къ Константинополю. Первые дѣйствія Андроника какъ нельзя болѣе удовлетворяли общимъ желаніямъ: онъ возвратилъ господство національной партіи устраненіемъ отъ дѣлъ Алексѣя Протосеаста и изгнаніемъ Латинянъ; „освободилъ имперію отъ тиранической латинской наглости и очистилъ царство отъ варварской примѣси“. Дальнѣйшія слова М. Акомината па столько драгоцѣнны для разгадки проблематическаго характера Андроника, что ихъ смѣло можно поставить эпиграфомъ въ монографіи объ этомъ императорѣ: „потомъ онъ изгоняетъ тѣхъ, которые съ дѣтскою навязчивостью домогались Ромейской имперіи и разрывали ее въ поликиранію“ (многовластіе). Андронику пришлось вести упорную, ожесточенную борьбу съ тою партіей, за которою была вся сила и популярность, и на которую сначала онъ опирался. Не совсѣмъ ясно еще для насъ, какъ объяснить дѣйствительно ужасныя жестокости Андроника по отношенію къ боярамъ; но не рѣшаемся также говорить о звѣрскихъ инстинктахъ, кровожадности и тому подобныхъ качествахъ, которыми объясняется систематическое преслѣдованіе Андроникомъ родовитаго дворянства. Нужно внимательнѣе присмотрѣться къ тѣмъ планамъ, предположеніямъ и попыткамъ реформъ, которые занимали Андроника, и осуществить которые онъ не имѣлъ времени. Наши матеріалы въ этомъ отношеніи все же еще недостаточны, хотя и даютъ поводъ къ нѣкоторымъ запросамъ и ожиданіямъ ¹⁾.

¹⁾ Слѣдующее мѣсто изъ письма къ Дмитрію Торнику весьма важно въ этомъ отношеніи (Cod. Laur. Fol. 49): εἰ δὲ τὴν γενομένην ἐπὶ τοῦ μακαρίτου βασιλέως κτθρ 'Αλεξίου ἐκκοπὴν λέγοις, πρῶτα μὲν οὐχ ἡμεῖς μόνοι ἀλλ' καὶ Κόρινθος ἀπῆλυσαν ἐκκοπῆς παρὰ τοῦ αὐτοῦ βασιλέως. Εἶτα εἰ μὴ καταστρωθῆναι γένηται ὀρισμὸς τὸ παρὰ τοῦ μακαρίτου Προσοῦχ γεγόμενον κατὰ στυγρον, οὐδ' ἐκ τῆς ἐκκοπῆς ταύτης ὠφελούμεθα εἰ μᾶλλον ἐλέους δεόμενοι. Ἡ γὰρ τοῦ Χούμνου οἰκονομ... τοῖς

Даже та часть рѣчи, которая, по видимому, всего болѣе богата картинами и образами, то-есть, повѣствованіе о приключеніяхъ Андроника на востокѣ, и она построена на дѣйствительныхъ фактахъ и отношеніяхъ. И прежде всего нужно замѣтить, что натянутыя отношенія между императоромъ Мануиломъ и Андроникомъ обусловливались не столько личными качествами, сколько родовыми счетами. Императоръ Іоаннъ Комнинъ назначилъ своимъ преемникомъ Мануила помимо старшаго его брата Исаака, который, равно и его дѣти, Іоаннъ и Андроникъ, не могли питать пріязни къ Мануилу и не всегда сдерживали свое неудовольствіе на распоряженіе императора Іоанна. Вслѣдствіе того, императоръ Мануиль былъ склоненъ подозрѣвать въ Андроникѣ врага, и весьма вѣроятно, давалъ больше вѣры доносамъ и клеветамъ, чѣмъ сколько требовала деликатность положенія. Андроникъ и Мануиль не уживались вмѣстѣ въ Константинополѣ, и послѣдній если не получалъ административнаго поста въ провинціи, или если не содержался подъ стражей, охотно удалялся за границу ¹⁾.

Такъ, въ 1164 году онъ жилъ при дворѣ Галицкаго князя Ярослава Владиміровича, что отмѣчено и въ русской лѣтописи ²⁾: „Прибѣжа изъ Царя города братанъ царевъ кюръ Андроникъ къ Ярославу у Галичь, и прія ѿ Ярославъ съ великою любовью; и да ему Ярославъ вѣколко городовъ на утѣшеніе; потомъ же присла царъ два митрополита, ваби ѿ къ собѣ; Ярославъ же пусти къ нему съ великою честью, приставивъ къ нему пискупа своего Кузму и мужа своя переднія“ ³⁾. Какъ пребываніе Андроника въ Россіи въ 1164 г. есть дѣйствительно историческій фактъ, такъ и приключенія его въ Палестинѣ, въ Грузіи и другихъ странахъ не вымыслены нашимъ ораторомъ, но подтверждаются мѣстными хрониками, не говоря уже

διυναμένοις ταύτην ἀπέδοτο. Ἄλλα καὶ ὅστις ἐν πράκτωρ ταύτην ἐμπιστευθῆ τὸ αὐτὸ ποιήσει καταστρωθήτω τοίνυν δι' ὀρισμοῦ τὸ τοῦ Προσοῦχ.

¹⁾ Nicetas, Thesaurus, cod. Roe № 22, Fol. 416 (въ библиотекѣ Бодлея, въ Оксфордѣ): οὗτος γὰρ τοῦ βασιλέως Μανουὴλ ἐξιδελεφος ὢν ὑπώπτευέ τε ἐξ ἐκείνου χείρωνιν καὶ κάκωσιν, ἦν καὶ πέπονθε πολλάκις διὰ χρόνιον καθείρξεων καὶ οὐχ ἤττον ὑπεβλέπετο παρ' ἐκείνου διὰ τὸ φιλαρχον τοῦ τρόπου καὶ τὸ τοῦ φρονήματος ἀκαθαίρετον.

²⁾ Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, II. 6673 годъ.

³⁾ Ср. Сіпп. 232, 4; Nicet. 168. 17, 172. 18 οὕτω δὲ πρὸς τὸν ἑαυτοῦ πόθον ὄλον ἐκείνον Ἀνδρόνικος ἀνηρέησατο, ὡς καὶ συνθηρεῖσιν καὶ συνθωκεῖσιν ἐκείνῳ, ὁμέσσιός τε εἶναι καὶ σύσσιτος.

о византійскихъ ¹⁾). Лучшимъ комментариемъ къ тому мѣсту рѣчи, гдѣ говорится о пребываніи Андроника въ Палестинѣ, служитъ Вильгельмъ Тирскій ²⁾, который между событіями 1167 — 1168 гг. сообщаетъ слѣдующее: „Въ это время Андроникъ, одинъ знатный и могущественный Грекъ, родственникъ императора Константинопольскаго, пришедшій изъ Киликіи, съ значительною военною силой, когда король еще занятъ былъ дѣлами въ Египтѣ, жилъ у насъ до самаго возвращенія короля, и его пребываніе было для насъ утѣшительно. Король, тотчасъ по возвращеніи, наградиъ его городомъ Беритомъ. Пригласивъ сюда подъ предлогомъ осмотра города Феодору, коварно, говорятъ, увлекъ ее и увелъ съ собою въ непріятельскую землю, сначала въ Дамаскъ, потомъ въ Персію, пользуясь благорасположеніемъ Нуреддина“. Причина, заставившая Андроника скрыться изъ Палестины и искать безопасности во владѣніяхъ калифа, весьма ясно указана Никитой ³⁾).

„Такъ Римляне будутъ пить изъ Тигра и Евфрата, пронесутся по Месопотаміи и прорвутъ Каспійскія ворота. Уже царь открылъ и прошелъ черезъ нихъ“. Одно мѣсто грузинской лѣтописи чрезвычайно удачно дополняетъ эти слова рѣчи М. Акомината...“ въ Георгіѣ, помазанникъ Божіемъ (Каспій, Б. Дорна, С.-Пб. 1875 г., стр. 389), проявлялся очевидно потомокъ Давида и Соломона; какъ Соломону, всѣ цари земные повиновались ему и повергали дары къ стопамъ его. И дѣйствительно, однажды прибылъ къ нему Андроникъ Комнинъ, сынъ брата отца Мануила Великаго, владыки всего запада и императора Греческаго, съ своею супругой, лицо которой сіяло красотой, со своими сыновьями и сыномъ своей сестры. Воздавъ Богу должную благодарность, Георгій сдѣлалъ ему почетный пріемъ, какъ подобало его высокому роду, отвелъ ему достаточное число городовъ и крѣпостей и назначилъ ему мѣстопробываніе, по сосѣдству съ своею собственною резиденціей, насупротивъ Агсартана, сына сестры своего роднаго отца, царя Мовакана и Ширвана и приморской страны отъ Дербенда до Хилкала.... Однажды этотъ ширваншахъ, обезпokoенный дербентскими Хозарами, прибѣгнулъ къ царю, который, собравъ

¹⁾ Подробныя извѣстія у Nicet. 182, 184—185. Сіпп. 250—251. Нѣсколько прекрасныхъ замѣчаній посвящено этому вопросу академикомъ А. А. Куникомъ въ статьѣ: Основаніе Трапезунтской имперіи (*Ученныя Записки Имп. Академіи Наукъ*, II, стр. 715 и др.).

²⁾ Книга XX, гл. 2.

³⁾ Nicet. 184, 15.

войско съ обѣихъ сторонъ Лихской горы и взявъ съ собою Андроника, брата Греческаго императора, дошелъ до воротъ Дербентскихъ, разорилъ страны Мускурскую и Шарабамскую и взялъ городъ Шабуранъ, у воротъ котораго, въ глазахъ царя и всего войска, Андроникъ ознаменовалъ себя великими подвигами¹⁾.

Ἐρασίου γὰρ παράδροον προσλαμβάνει καὶ μερίτιν ποιεῖται τῆς ἀνωτάτω τιμῆς. Это мѣсто, по нашему мнѣнію, только частію объясняется параллельнымъ свидѣтельствомъ Н. Акомината¹⁾. Андроникъ, принявъ царскую власть, оказался клятвopреступникомъ въ глазахъ церкви и народа. Еще при Мануилѣ онъ далъ торжественную присягу, что отказывается отъ притязаній на тронъ. Патріархъ Θεодосίη, ближайшій душеприкащикъ царя Мануила, не соглашавшійся разрѣшить Андроника отъ присяги, былъ лишенъ сана. Избранный на его мѣсто Василій Каматиръ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ логоветомъ того же имени, былъ не такъ чувствителенъ къ вопросамъ чести и достоинства, какъ Θεодосίη, и согласился торжественнымъ церковнымъ актомъ освятить совершившійся фактъ. Въ награду за это духовенство получило нѣкоторыя существенныя политическія права, между которыми право патріарха и епископовъ на кресло возлѣ императорскаго трона есть лишь внѣшній знакъ мало разъясненныхъ преимуществъ. Едва ли съ этимъ не соединялось дарованіе духовенству права участвовать въ судѣ рядомъ съ свѣтскими чиновниками, то-есть, ставить свои стулья въ провинціальныхъ судебныхъ учрежденіяхъ (βῆμα). Вообще, конецъ рѣчи М. Акомината, не исполнѣ нами списанной, заслуживаетъ полнаго вниманія. Здѣсь нужно искать разгадки реформъ, которыя были задуманы Андроникомъ и возбудили противъ него бурю негодованія и вражды среди помѣстнаго дворянства Византіи. Нѣкоторыя данныя, заимствованныя изъ богословскаго сочиненія Н. Акомината, еще не исполнѣ изданнаго, убѣждаютъ насъ, что со вступленіемъ Андроника на престолъ, византійскій клиръ дѣйствительно обнаружилъ такія притязанія, на которыя онъ не осмѣливался при Мануилѣ²⁾.

¹⁾ Nicet. 357, 358.

²⁾ Nicet., Thesaurus том. 27 (cod. Roc 22, Fol. 416) ἤρξατο παρὰ πολλῶν ὑπολαλεῖσθαι καὶ καταστρέφαι τὸ περὶ τῆς τοῦ θεανθρώπου φωνῆς δόγματος (какъ понимать слова: Отець мой болий мене есть). Ὡς οὖν οἱ τὸ δόγμα τοῦτο διακωδωνίζοντες καὶ τὴν ἀλήθειαν καταστρέφαι πειρώμενοι, ἧτις ἐν τῷ μεγίστῳ τέμενει ἀνάκειται, ῥαδίως Ἀνδρόνικον ὑπαγαγέσθαι τῷ σφετέρῳ βουλήματι ἐκ μακροῦ φιλαπεχθούντα τοῦτον τῷ βασιλεῖ Μανουῆλ ἐπιστάμενοι καὶ ταῖς ἐκείνου δόσανον ἐνορῶντα πράξεις.

4. Рѣчь къ шурина императора и логовету Василию Каматиру. Προσφώνημα εἰς τὸν γυναικῶδες ἀδελφὸν τοῦ βασιλέως (καὶ λογοθέτην Βαγосс) κῆρ Βασίλειον τὸν Καματηρόν ¹⁾. Начавъ съ подвиговъ Пракла, ораторъ переходитъ къ похваламъ дѣятельности В. Каматира, который то по дипломатическимъ порученіямъ переплывалъ Адриатику и приставалъ къ сицилійской Харивдѣ, то вель дѣло съ династами и тиранами, страшнѣйшими всякаго звѣря и угрожавшими царству какъ многоглавая гидра ²⁾. „Исполняя разные подвиги въ разныхъ мѣстахъ, напоследокъ ты не отказался отъ порученія посѣтить и эту даль, эту вторую преисподнюю. Ты явился къ намъ, какъ Солонъ съ сисахоей. Всѣ здѣсь присутствующіе со слезами касаются твоихъ ногъ, умоляя за сіе общее отечество, которое не менѣе приличествуетъ и тебѣ, какъ отечество мудрости. Оно находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что почитаемое за одно славное имя, въ остальномъ представляетъ лишь трупъ нѣкогда большаго города. И эти останки не щадитъ зависть, губящая все прекрасное; приморское положеніе области подвергаетъ ее набѣгамъ пиратовъ ³⁾. Чтò говорить уже о селеніяхъ на берегу моря, когда грабители злодѣйствуютъ и внутри страны, и у самыхъ горъ. Гдѣ только берегъ образуетъ мысъ, отсюда нападаютъ на несчастную страну многочисленныя шайки грабителей, которые свирѣпствуютъ безпощаднѣе всѣхъ Лангобардовъ ⁴⁾. Этотъ пограбить и бѣжить, — отъ губительнаго, какъ пожаръ все опустошающаго, набѣга тѣхъ ничто не можетъ уберечься. Подъ маской преторской власти онъ стрижетъ всю Элладу. Не будучи въ состояніи грабить Вотию, такъ какъ многолюдная Кадмея легко принимаетъ недоступный видъ, высылая какъ бы изъ священной засады мужествомъ дышащее войско, онъ пытается внести опустошеніе въ Евбею ⁵⁾. Не остановила бы его деревянная стѣна, которую перепры-

¹⁾ Cod. Laur. 93, Bagoss. 165. Начало: Τὸν μεγαλοῦργόν Πρακλῆν.

²⁾ ...καὶ νῦν μὲν ἐπὶ πρεσβείᾳ τὸν Ἀδριανὸν διαπειρούμενος καὶ πρὸς τὴν Σικελικὴν παραβαλλόμενος Χάρυβδιν νῦν δὲ ὡς ἄλλαις ὕδραις πολυκεφάλους βασιλειῶσι δυνάσταις καὶ τυράννοις παντὸς θηρίου προσβάλλειν δεινότεροις ἀντιπαραταττόμενος.

³⁾ ἀλλὰ κύκλω μὲν διὰ τὸ τῆς γῆρας σχεδὸν ἀμφίρροτον τὰ ἐπιθαλαττίδια πάντα πειραταὶ ληίζονται.

⁴⁾ Τί λέγω τὰ ἐπὶ θαλάττῃ κωμῶδρια ἤδη καὶ μεσόγειαν αὐτὴν κακοῦργοισι, καὶ πᾶσαν ἀκρώρειαν. Ὅση δὲ τάχα καὶ γερωνησιάζουσι αὐτῇ τὰ τῆς θέσεως. πάλιν ἐκεῖθεν ἐπιστρατεύουσι τῇ θλίμῳ: ἐκηρεστῶν ἔθνη μύρια καὶ λογγιβάρδων ἀπάντων πειρατικώτατα.

⁵⁾ ὁ ὑπὸ προσωπίῳ πραίτωρειας ἀρχῆς πᾶσαν Ἑλλάδα κηλαμώμενος ὡς Βοιωτῶν μὲν οὐχ οἷος τὸ ἐστὶ καταρωχεῖσθαι: ὅσον ἐφίεται, ἄλλων τε πολλῶν ἕνεκα καὶ οἷς τὸ

гнуть также легко, какъ мигнуть глазомъ; но шумящій у Авлиды заливъ ему недоступенъ, какъ и море по ту сторону Гадирь. Итакъ, оставляя въ сторонѣ Фивы и Авлиды, подобно тому какъ бурный потокъ пробѣгаетъ мимо утесовъ, онъ и пригрѣтые имъ разбойники со всюю яростію устремляются на однѣ бѣдныя Аѳины, лишеныя всякой обороны ¹⁾. Аѳины — теперь уже мертвецъ, и самое имя исчезло бы изъ памяти людей, еслибъ его не удерживали эти упорнѣйшіе и могущественнѣйшіе, чѣмъ зависть и время, предметы: Акрополь и Ареопагъ, Имѳтъ и Пирей и другіе недвижимые натуральные памятники ²⁾. Когда же вздохнуть, встать и оправиться Аѳинамъ, какъ не теперь, когда Римская имперія вручена свыше гуманнѣйшему изъ всѣхъ императоровъ. И онъ уже распорядился осмотрѣть нашъ пропадающій городъ и принять мѣры къ его возстановленію ³⁾. Мы привѣтствуемъ тебя какъ третьяго, послѣ Фемистокла и Конона, возстановителя Аѳинъ.

„Дарій и Киръ не наложили руки на городъ, время же и зависть опустошили его съ большимъ варварствомъ, чѣмъ Навуходоносоръ. Но Дарій и Киръ не любезнѣ Богу благочестиваго Алексѣя, и Зоровавель не мудрѣ тебя по замысламъ, чтобъ и тебѣ въ награду за мудрость не предоставлена была честь возстановленія Аѳинъ. Состоя въ свойствѣ съ царемъ, обладая даромъ великой мудрости, ты скажешь только слово, и Аѳины скорѣ воспрянутъ отъ твоихъ звуковъ, чѣмъ прежніе Фивы отъ ударовъ Амфіона, такъ какъ императоръ больше поддается на твои слова, чѣмъ Александръ увлекался игрой Тимофея. Онъ возставилъ уже павшую имперію и отразилъ обиду (позоръ) разгульно пирующихъ на ней псевдо-Алексѣевъ, которые, подобно Спартамъ, стремительно бросаясь, то тамъ, то здѣсь попирали

πολυανδρούμενον τῆς Καδμείας βαθείως παρατραχύνεται: καὶ μᾶλλον εἰ παρά τῶν Βοιωταρχούντων πρὸς κατέντεξιν ἐκκομᾶναιτο, ὡς παρὰ τοῦ ἱεροῦ ποτῆ λεγομένου λόγου τὸ κατ' αὐτοὺς ἐς ἀνδρείαν ἐπεβρώνοντο στρατεύματα, Εὐβοίας δὲ καὶ αὐτῆς βούλεται μὲν κατεμφορεῖσθαι.

¹⁾ αὐτὸς τε καὶ οἱ παρ' αὐτοῦ ἐπισχρόμενοι ἐπηρεασταί, ὡς περ ἄρα καὶ τὰς ὑπερανестηκείας πέτρας οἱ χεῖμαρροι παρατρέχουσι ἐπὶ μόναις τὰς ἀθλίαις Ἀθήνας παντὶ θύμῳ βέουσαι, ἀπείργοντες οὐδενὸς ἐρύματος.

²⁾ εἰ μὴ συνείχε τοῦτο (нимя) τὰ κατερώτατα καὶ φθόνου καὶ χρόνου καθυπέριτερα Ἀκρόπολις αὕτη, καὶ Πάγος ἐκαῖνος Ἀρείος, Ὑμηττός τε καὶ Παιραιεύς καὶ εἴ τί που ἄλλο φύσεως ἔργον ἰκίνητον.

³⁾ Βασιλέως δὲ οὐκ ἀκοή μόνον καὶ ὀφθαλμὸς καὶ γλῶττα, ἀλλὰ καὶ νοῦς ἀτεχνῶς, ὥς μᾶλλον ὄρα καὶ μᾶλλον ἀκούει τὸν ἀφανισμὸν τῆς καθ' ἡμᾶς ἐπισκέψαι πόλεως καὶ οἷός τε εἰ τὰ εἰς ἀνοικισμὸν αὐτῆς διοικησάσθαι.

выставленное на соблазнъ для многихъ имя царя Алексѣя, или лучше, подобно мнѣическому кимейскому ослу снимали съ него львиную кожу и приводили въ смущеніе неразумныхъ ¹⁾. Между членами династій Комниновъ первый и великій Алексѣй есть ея виновникъ, второй Алексѣй — законный преемникъ великаго Мануила, за этими двумя возсіалъ сей третій величайшій Алексѣй, соименный и родственный, какъ истинная защита и помощь противъ дерзкихъ псевдо-Алексѣевъ. Ибо всѣ тѣ, которые осмѣливались самонадѣянно рыкать, оказались просто ослими, тщетно носившими, какъ львиную кожу, царское имя. Достоинъ удивленія и тотъ императоръ, который, отсѣкая голову болтунамъ, заставилъ забыть не только рыканіе, но и самую толщину ²⁾; гораздо же удивительнѣе тотъ, который, вынося безразсудство другихъ безчисленныхъ явныхъ возстаній и открытыхъ козней, ограничился въ наказаніи за такое сумасбродство простымъ заключеніемъ. Въ какой же мѣрѣ поразительно даже не заключить въ оковы бунтовщика, облекшагося въ царскую порфиру, котораго всѣ приговорили къ смертной казни? Отрада Комниновъ и всѣхъ царей, Іоаннъ, смягченіе казней уже не тебѣ только свойственной подвигомъ! Уже не будетъ какъ бы отличительнымъ признакомъ твоего царства запрещеніе разсѣкать на части тѣло осужденныхъ преступниковъ ³⁾. Вотъ и великій Алексѣй, преемникъ власти, явился подражателемъ и твоей филантропіи. Такой мягкой и доброй власти не было ни до тебя, ни послѣ тебя до сего времени, нынѣ же она ожила и встала, живая и видимая. Есть ли кто, лишенный зрѣнія или потерявшій другой родъ увѣчья, чье имущество конфисковано, кто лишенъ отечества и изгнанъ на чужбину, какая женщина, потерявъ сына или мужа по гнѣву царя, носить черное покрывало? Уже ли же только Аѳины будутъ обойдены всеобщимъ благомъ? Аѳины! Не этотъ

¹⁾ Ὁς ὄλην τὴν Ῥωμαίων ἀρχὴν ἤδη πίπτουσαν ἔστησεν καὶ τῶν ἐπ' αὐτῇ κωμαζόντων Φευδοαλεξείων τὴν ὄβριον ἀνέστειλεν· οἱ κατὰ τοὺς Σπαρτοὺς ἀναθρώσκοντες, ἄλλος ἄλλαχόθεν ἐπαγοῦντο τῷ τοῦ κατεργασμένου βασιλέως Ἀλεξίου ἐπὶ φανάκι τῶν πολλῶν ὀνόματι, μᾶλλον δὲ ὡς μυθευόμενος Κυραῖος ὄνος τὴν λεοντὴν τοῦτω προὐβάλλοντο καὶ παρείχον τοῖς ἀγροικωτέροις πράγματα. Спарты—вооруженные воины, выросшіе изъ зубовъ дракона, посвященныхъ Кадмомъ,—Grote, I, p. 258—259.

²⁾ Θεωμιστὸς μὲν οὖν ὁ αὐτοκράτωρ καὶ οἷς κόπτων ροπάλοις τῶν οὕτω ληρούων τῶν τὰς κεφαλὰς, ἐπεισε λαθεῖσθαι μὴ τοῦ βρυχηθμοῦ μόνον, ἀλλὰ καὶ αὐτοῦ ἤδη τοῦ ὀγκηθμοῦ.

³⁾ οὐκέτι τῆς σῆς ἀρχῆς ὡσπερ τι παράσημον νομισθήσεται τὸ μὲνῆμα τῶν ὑποδίκων ὁραθῆναι παρ' ἑνὶ τῶν μελῶν τοῦ σώματος.

ли городъ, первый и одинъ между другими, возымѣлъ мысль и воздвигъ сей жертвенникъ ¹⁾),—и онъ лишень будетъ того блага, котормъ дѣлился со многими? Нѣтъ, не вѣрю: это не согласно съ твоею мудростію и благочестіемъ, которыя побудили тебя подъять сіе длинное и утомительное путешествіе. Взирая на твои общественныя дѣла и на свойствò съ царемъ, я питаю надежду, что ты употребишь всѣ средства, дабы Аѳины не распахивались плугомъ какъ поле, отчего уже начали теритъ разбросанныя здѣсь развалины бѣжавшихъ поселенцевъ, и чтобъ аѳинскій храмъ не считался болѣе мѣстомъ состязанія. Ибо не малый вредъ и позоръ для имперіи вычеркнуть Аѳины изъ цикла Эллинскихъ городовъ ²⁾).

Уже не малое время всѣмъ извѣстна твоя доблесть: Богу ты отдаешь Божіе и кесарю кесарево. Посему ты благородно выдержалъ и эпоху Андроника. Съ одной стороны, признавая всю силу за изреченіемъ: отдай Господу клятву твою, ты неизмѣнно сохранилъ священную вѣрность законному преемству царства; съ другой же, пользуясь довѣріемъ обоихъ, не соблюлъ вѣрности и выступилъ противникомъ безбожнаго тирана ³⁾. Почему Андроникъ дерзнулъ не прежде обнаружить свой тиранническій замыселъ, какъ устранить тебя, великій оплотъ царства? Зная очень хорошо, что ему не похитить любезную власть у всевидящаго стража и не пересилить мужественнаго Сампсона, многомошнаго и кудряваго противника, онъ нападаетъ на тебя перваго, и тебя перваго, око и красу имперіи, устраняетъ отъ власти, и скорѣе наводитъ мракъ на Римскую имперію, погасявъ въ тебѣ ея свѣточъ, чѣмъ ослѣпляетъ тебя лишеніемъ тѣлеснаго свѣта. Но оставался ли спокойнымъ этотъ жестокій мужъ послѣ того, какъ онъ ослѣпилъ и обезсилилъ имперію, скрылся ли онъ отъ тебя изувѣченнаго? Нѣтъ, тиранъ не избавился отъ страха передъ тобою и чуть не умеръ изъ боязни, чтобъ одинъ твой умный ударъ не разру-

¹⁾ Ἀθήναις αἱ τοιοῦτον βωμὸν πρῶται καὶ μόναι τῶν ἄλλων πόλεων ἐνθουσιάζουσαι καὶ ἰδρυσάμεναι...

²⁾ ὡς μῆτε Ἀθήνας ὡς ἀγρὸν ἀροτριωθῆναι, ὅπερ καὶ πάσχειν ἤρξαντο σπειρόμεναι τὰ τῆς δουρατικῆς ἀποικισμένων ἐνθένδε ἐφυγάδων οἰκόπεδα, μῆτε τὸν ἐν αὐταῖς θεῖον οἶκον ὡς ἄλλος λογισθῆναι δρόμου... ὁράσεις γὰρ τοῦτο εὖ οἶδα... οὐ γὰρ φαύλη ἔφημι καὶ ἕβρις τῆς Ῥωμαικῆς ἀρχῆς Ἀθήνας διαγραφῆναι τοῦ κύκλου τῶν Ἑλληνῶν πόλεων.

³⁾ ...τούταις τὰς ἐνόχους πίστει τῆ γνησίᾳ διαδοχῇ τῆς βασιλείας ἐμπέδους ἐτήρησας· οἷς δὲ πιστὸς ἀμφοῖν εἶναι πεπίστευσαι, τούτοις ἀντίζους ἀθέψ τυραννίδι καὶ ἀπιστὸς ἐδοξας.

шилъ разнообразіе его козней, и чтобъ ему не потерять тираннію, прежде чѣмъ овладѣлъ ею, и не поплатиться дипломдой позора за незаконное покушеніе на порфиру. И такъ, страшный этотъ чловѣкъ рѣшился сослать тебя на поселеніе (удалить за границу). Для чего назначенъ былъ не тотъ или другой островъ, не отдаленная какая-либо страна, но негостепримная Тавроскиѳія и область, ближайшая къ океаническому острову Оулѣ съ разлитымъ тамъ киммерійскимъ мракомъ ¹⁾. Ибо, какъ и по законамъ природы, противоположные элементы людямъ отдаляются одинъ отъ другаго, такъ и онъ отослалъ свой антитетъ (своего противника) въ возможно дальнюю страну, дабы ты не видѣлъ и не слышалъ о его дерзкихъ и преступныхъ дѣяніяхъ. Но то, чѣмъ онъ думалъ поразить тебя какъ наказаніемъ, послужило тебѣ наоборотъ въ удовольствіе. Ибо пріятнѣе проводилъ ты время въ скиѳской пустынѣ, чѣмъ въ отечествѣ, страдавшемъ подъ суровою тиранніей. Какъ, примѣняя напѣвы твоей мудрой рѣчи, на мѣсто автономнаго звѣрства Ипербореевъ поселялъ ты тамъ добрый порядокъ? Какъ варварскій слухъ постепенно смягчался подъ мѣрными ударами твоихъ рѣчей? Или какъ многихъ амазговъ ты въ болѣзняхъ родилъ во Христа своимъ благочестивымъ ученіемъ, и напоивъ апостольскимъ молокомъ Павла, отвелъ отъ козней и млекояденія ²⁾. Такъ-то, благородный, ты великодушню переносилъ изгнаніе. Когда же миновала непогода тиранніи, и занялась чистая заря законной политіи, кого другаго, какъ не тебя, прежде всего вспомнилъ и возжелалъ императорскій дворъ, или кому первому ускорилъ возвращеніе посылкой корабля, быстро какъ брыло или мысль ³⁾. Ибо не находили болѣе никого, способнаго возстановить имперію и прекратить смуту и придать прежній строй и видъ тому, что было испорчено тиранніей. Какъ историческій Зороваель возвратилъ изъ Вавилона въ Іерусалимъ плѣнный Сіонъ, такъ и ты

¹⁾ Ἔγνω δεῖν ὁ θεῖος ἐκεῖνος ἀνὴρ.. ὑπερόριον ἐκτοπίσαι σε. οὐ παρὰ τήνδε τήν νῆσον, ἢ τήνδε τὴν ἐσχάτην, ἀλλ' ἐπὶ τὴν ἄξενον Ταυροσκυθίαν καὶ τῆς ὠκεανίτιδος νήσου τῆς Θεούλης ἄγιστα καὶ τὸν αὐτοῦ που κεχορμένον σκότον Κιμμέριον.

²⁾ Ἦδιον γὰρ διήγεις ἐπ' ἐρημίας Σκυθικῆς ἢ ἐπὶ τῆς ἐνεγκαμένης οὕτω τυραννομένης ὠμότατα· ἐνθα ποῖα μὲν ὑπερβόρων αὐτόνομος θηριωδία οὐ πρὸς εὐνομίαν ἐτιθασσεύθη σοι φαρμακευομένη τοῖς τῆς σοφῆς γλώττης ἐπίσμασιν; ποῖα δὲ βάρβαρος οὐκ εἴληκε ἀκοή τῶν σῶν λόγων ρυθμιζομένη τοῖς κρούσμασιν; ἢ που καὶ πολλοὺς τῶν ἀμαξοβίων δι' εὐσεβοῦς διδασκαλίας ὠδινῆσας κατὰ Χριστὸν ἐγέννησας καὶ τὸ ἀποστολικὸν γάλα Παύλου ποτίσας, τοῦ ἱππομολογεῖν ἐπὶ γαλοφαγεῖν ἐπαύσας.

³⁾ ..ἢ τίς πρῶτον τὴν κάθοδον ἐπέπευσε διὰ ναυστολήσεως ὁρεῖται ὡσεὶ πτερόν ἢ νόημα;

возстановилъ и изъяснилъ низверженные и пренебреженные государ- ственные законы и древнія общественныя учрежденія ¹⁾, за что и прежніе, и нынѣшніе цари тебѣ платяты признательностію. Пбо какъ философъ Анаксагоръ поставилъ умъ надо всѣмъ, изъ чего познается сущность вещей ²⁾, такъ и тебя, бывшаго душой сената, блаженнѣй- шій императоръ Мануилъ поставилъ во главѣ управления своей обшир- ной имперіи, дабы обсудить и лучше направить все царское устрое- ніе. Въ качествѣ начальника совѣта ты давалъ вѣсь чужому полез- ному мнѣнію; въ великихъ же и затруднительныхъ вопросахъ твое мнѣніе было принимаемо какъ бы отъ нѣкоего божественнаго тре- нежника ³⁾. Послы, отовсюду приходившіе, дрожали передъ представ- леніемъ въ тебѣ больше, чѣмъ передъ царскою аудіенціей, хорошо зная, съ какимъ острымъ умомъ, проникающимъ и угадывающимъ самныя ихъ мысли, придется имъ имѣть дѣло, съ какимъ непобѣди- мымъ языкомъ предстоитъ имъ вступитъ въ состязаніе. Пбо ни сим- волическая краткость Скиоа не укроется отъ хладнокровнаго взгляда мудраго царя, какъ говоритъ о Даріи Геродотъ, ни притворство Ар- мянина, какъ бы онъ ни былъ способенъ скрывать свое коварное зло- правіе ⁴⁾. Не открывалъ ли ты и не выводилъ ли на свѣтъ замыслы, сотканные ими на родинѣ и скрываемыя въ тайникѣ души? Ты изу- чилъ, какъ никто другой, какъ слѣдуетъ держать себя съ Шверійцемъ, какъ съ Персомъ, какъ съ Измаилитомъ, короче говоря, какъ нужно трактовать о дѣлахъ съ каждымъ посломъ всѣхъ націй. П высококомѣр-

¹⁾ οὗτω καὶ αὐτὸς θεσμούς πολιτευμάτων καὶ λόγους διοικήσεων ἀρχικῶν καταφ- ρονήτας καὶ παρεφθαρμένους ἐπισκεύασω καὶ διασέφρασας, ἐξ ἐκείνου γούν μᾶλλον δὲ καὶ πολλῶν πρότερον καὶ ἐς δεῦρο βασιλεῖς μὲν ἤμειψαν.

²⁾ ὡς γὰρ ὁ μετεωρολόγος Ἀναξαγόρας γούν ἐπέστησε τῷ παντί δι' οὗ τὰ πάντα ἴσως κατ' ἐκείνον ὄντα γρήματα διακρίνεται.... По ученію Анаксагора (род. около 500 г. до Р. Х.), первоначально было беспорядочное смѣшеніе частицъ: всѣ вещи были выѣсть (подъ частицами онъ разумѣеть неограниченное множество квали- тативно определенной первичной матеріи, названной имъ сѣменами вещей). Но божественный духъ, который есть тончайшій изъ всѣхъ вещей, простой, несмѣ- шанный и безстрашный Разумъ (νοῦς), творчески присоединился и образиналъ изъ Хаоса Миръ». См. *Ueberweg, Grundriss der Gesch. der Philosophie*, пятое изданіе, Berlin, 1876, I, s. 75.

³⁾ ..ἐπέστησε... ἀρχόντα μὲν βουλευμάτων, ἐπισφραγίζοντά δὲ καὶ εἰ τις παρελλῶν δοκεῖ τι συνοίσαν ὑποτίθεσθαι. Περὶ δὲ πρακτικῶν μεγαλοπραγμάτων ἀντικρὺς ἀπὸ στέρ- νου θεασπιδούδωντος ὅσα καὶ μαντικῶς τινος τρίποδος.

⁴⁾ Οὐτε γὰρ Σκύθης συμβολικῶς βραχυλογῶν τοῦ σοφοῦ βασιλέως διαφυγγάνοι τὴν ἀτυχίαν, ὡς τοῦ Δαρίου παρ' Ἡρόδοτου ποταῖ οὐθ' ὁ κρυφίνους Ἀρμένιος οἷος τέ ἐστι ἐπικρύπτειν τὴν ἐπίκλησον αὐτοῦ κακοήθειαν.

ныхъ Аламановъ, и съ колесницъ сражающихся Германцевъ ты съ такимъ искусствомъ обличаешь въ неспосномъ хвастовствѣ и непомѣрномъ корыстолюбіи, что они, покидая тщетную вичливость, челоуѣчнѣе и благоразумнѣе возвращаются домой“¹⁾).

Рѣчь къ В. Каматиру имѣеть въ виду событія, относящіяся къ царствованію Алексѣя III Комнина-Ангела (1195—1203 гг.). Родъ Каматиоровъ пользовался при этомъ императорѣ особеннымъ почетомъ и вліяніемъ, такъ какъ супруга императора Алексѣя, царица Евфросинія, происходила изъ этого рода. Мы знаемъ патріарха Василия Каматира, заступившаго мѣсто Теодосія и лишеннаго сана Исаакомъ Ангеломъ въ 1186 г.,—патріарха Іоанна Каматира, управлявшаго Константинопольскою церковью съ 1198 по 1204 годъ и умершаго въ Дидимотикѣ, по завоеваніи Латинянами Цареграда. Третій Каматиръ оставался въ свѣтскомъ званіи и былъ, какъ видно изъ рѣчи М. Акомината, могущественнымъ лицомъ при Алексѣѣ Ангелѣ. Логоуетъ В. Каматиръ приходился роднымъ братомъ царицѣ²⁾; въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ къ ней былъ патріархъ, сказать трудно; въ *Thesaurus* Никиты Акомината, томъ 27, говорится о патріархѣ I. Каматирѣ: *ὁ δὲ γὰρ πατριάρχης τῆ τῆς βασιλίδος Ευφροσύνης συγγενὴς κοδρόβρευος*.—Объясненіе довольно темныхъ намековъ на дипломатическую дѣятельность логогета В. Каматира мы начнемъ съ опредѣленія даты этой рѣчи.

Къ сожалѣнію, рѣчь представляетъ мало признаковъ, по которымъ можно было бы приурочить ея происхожденіе къ опредѣленному времени. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, во первыхъ, что В. Каматиръ пользовался тогда, по видимому, безспорнымъ вліяніемъ на императора; во вторыхъ, при всемъ желаніи сказать что-нибудь похвальное объ Алексѣѣ, М. Акоминатъ не нашель другаго подвига, кромѣ отраженія позора разгульно пирующихъ псевдо-Алексѣевъ, то-есть, побѣды надъ самозванцами; въ третьихъ—запрещеніе членовредительныхъ наказаній. Скучную почву для ораторской музы представляла обстановка, въ которой произнесена рѣчь. Разсматривая же событія времени императора Алексѣя III, мы не находимъ, чтобъ его царствованіе было бѣдно внѣшними фактами, при всей ничтожности его личныхъ талан-

1) "Ὁς γὰρ καὶ τοὺς ὑπερφροσύνοντας Ἀλαμανοὺς καὶ τοὺς ἀγερῶλους Γερμανοὺς... οὕτω κατασπᾶν οἶδας ἐμβριθεστέρας μεγαλχηγορίας καὶ ὑπερφρονεστέρω λήμματα, ὡς τοῦ παρφολλογγώδους καὶ διακένου φροσῆματος ἀποπίπτοντες ἀνθρώπινα τοῦ λοιποῦ καὶ διανοεῖσθαι καὶ φθεγγεσθαι καὶ σωφρονεῖν οὐκ ἔδεξε φέρεσθαι.

2) *Nicet.* 641, 5.

товъ и предприимчивости. Достаточно указать на борьбу съ Болгарами, которая продолжалась при немъ не менѣе упорно, чѣмъ началась при его предшественникѣ. Что касается временщиковъ, сильныхъ не расположеніемъ, впрочемъ, императора, а супруги его, царицы Евфросиніи, въ этомъ отношеніи господство В. Каматира не было всегда прочно, но подвергалось сильнымъ колебаніямъ. Болѣе его счастливымъ временникомъ былъ Константинъ Месопотамитъ, котораго звѣзда взшла около 1199 года. Новое свѣтило должно было омрачить блескъ перваго, почему началась упорная борьба придворныхъ партій, которая окончилась неблагопріятно для В. Каматира ¹⁾. Уже это обстоятельство служить для насъ достаточнымъ основаніемъ относить рѣчь М. Акомината къ первымъ тремъ годамъ царствованія Алексѣя III, между 1195 — 1198 г. Борьба съ самозванцами, принимавшими имя Алексѣя, составляетъ дѣйствительно весьма рѣзкую черту того же времени. Въ другомъ мѣстѣ ²⁾ мы доказали, что возмущеніе І. Толстаго случилось въ 1198 г.; въ рѣчи Михаила толщина самозванца также послужила оратору мотивомъ для образованія одной фигуры: ἔπειτα λαθέσθαι μὴ τοῦ βροχῆθροῦ μόνου, ἀλλὰ καὶ αὐτοῦ ἧδὴ τοῦ ὀγκηθροῦ.

Такимъ образомъ, относя происхожденіе рѣчи къ 1198 году, мы получаемъ возможность найти въ другихъ источникахъ объясненіе дипломатической дѣятельности В. Каматира, которая имѣла мѣсто въ первые три года царствованія Алексѣя III. Въ началѣ и въ концѣ рѣчи указываются народы, съ которыми велъ онъ переговоры: Сициліицы, Германцы и Армяне. Благодаря нашему писателю, мы знаемъ теперь, кто стоялъ во главѣ византійской администраціи, рѣшавшей въ это время дѣйствительно весьма сложныя дипломатическія задачи, о чемъ сообщаетъ намъ историкъ Никита ³⁾. Не названный въ рѣчи пиратъ, опустошавшій Аттику и другія приморскія византійскія области, хорошо извѣстенъ также по исторіи Никиты Акомината ⁴⁾.

¹⁾ Nicet. 641, 4, 13. οἱ δ' ἐξ αἵματος τῆς δεσποίνης.... προσιαι βασιλεῖ πρός τὰ ἑσπέρια μέρος ἀπείρουσι и далее.

²⁾ Византійскій писатель Никита Акоминатъ, стр. 196—197.

³⁾ Nicet. 627, 20, 631 и др.

⁴⁾ Ibid., p. 636. Для характеристики положенія весьма любопытенъ документъ отъ 1165 г., сообщаемый Тринкерой (*Trincherà, Syllogus graecarum membranarum*, p. 219). Содержаніе акта заключается въ томъ, что одинъ настоятель монастыря хлопочетъ, чтобы съ него сложили подати за тѣхъ, жившихъ на монастырской землѣ, поселантъ, которыхъ ἐν κερῶν ἀφίλον αὐτῶν οἱ κώμηται τῶν γαλιῶν Μολδέτου δια τὸ ποιεῖν νάπται, ὡς ἔχωνται τὴν εἰσὺν τῶν κλωσίωνων...

Рѣчь къ В. Каматиру имѣеть для насъ особенный интересъ по упоминанію въ ней о Тавроскѣи, подъ которою разумѣется Русь. Черноморскіе берега были мѣстомъ изгнанія не одного В. Каматира; у Н. Акомината находимъ извѣстіе, что туда же были сосланы Андроникомъ и нѣкоторыя другія лица ¹⁾; и вообще выраженія τῆ ὑπερῶρα κατὰ βορρᾶν едва ли не обозначаетъ у Византійцевъ ссылку на сѣверные берега Чернаго моря. Существованіе торговыхъ сношеній Руси съ Византіей подтверждается въ одномъ изъ писемъ М. Акомината къ императору Θ. Ласкарю ²⁾. На такія же отношенія указываетъ въ весьма любопытномъ и въ другихъ отношеніяхъ разказъ Евстація Солунскаго о томъ, какъ однажды Мануиль Комнинъ задумалъ почью праздновать брачный пиръ, и какъ слуги его затруднялись отыскать потребныя для того съѣстные припасы во дворцѣ. Дѣло было во Влахернскомъ дворцѣ, неподалеку отъ котораго находился монастырь Продрома, чѣмъ на скалѣ. Мануиль сказалъ своимъ слугамъ: „Все нужное найдете на скалѣ“. И дѣйствительно, въ кладовыхъ монастыря нашлось все необходимое для пиршества, принесена была и соленая икра ³⁾.

Въ небогатомъ запасѣ фактовъ сношеній Византіи съ сѣверными черноморскими берегами имѣеть значеніе письмо къ Константину Пигониту, который, какъ кажется, былъ сборщикомъ податей въ одной изъ сосѣднихъ съ Русью областей ⁴⁾. „Ты увлекся собираніемъ податей, и твоя корреспонденція оказывается въ стѣснительномъ положеніи“, шутливо замѣчаетъ Михаилъ о продолжительномъ молчаніи Пигонита ⁵⁾.

¹⁾ Nicet. 384, 14.

²⁾ Cod. Laur. Fol. 163—καί μοι γούν τήν λεγομένην θηριακὴν ἀποστείλας, ζωώεις με κινδυνεύοντα. Εἰ δὲ καὶ λαγῶν λευκῶν, ὁποῖους ἡ Ρωσία κατάγει εἰς τὴν μεγάλῃ πόλιν σὺν τῇ θηριακῇ ἐπιστείλαις μοι, ταύτην γάρ λέγουσιν οἱ ἰατροὶ διαφερόντως θεραπεύειν, μέγα ἂν βοήθημα ἐπαρήξεις μοι.

³⁾ De emendanda vita monachica, c. 66 (Tafel, Eustathii Opuscula, 1832, p. 280): οὐκ ἐνέλιπον δὲ οὐδὲ ψά ἰχθύων τεταριχευμένα γένος αὐτὰ ἐκότερον, ὅσα τε εἰς δουὰδα πλακώδη παρακείνται παραυάζοντα εἰς ὑπέροθρον, καὶ ὅσα ἐπὶ ἀφρίχων μέλανα κέχοντα σωρηδόν. ὧν χορηγὸς ἐκ τῶν βορείων πρὸς ἄλλοις τόποις καὶ ὁ εἰς τὸν Εὐξείνιον ἐκβάλλων Τάναϊς.

⁴⁾ Cod. Laur. Fol. 2, Barocc. 107.

⁵⁾ Приводимъ мѣсто: καὶ μᾶλλον γε νῦν ὅτε τοῖς ὑπερβόρειοις ἀνδράσι: καὶ ἀνεράστοις ἀγχιθυραῖς καὶ τῶν πάλαι κακοξείνων ποντικῶν ἐπιχωριάζεις τοῖς κλίματιν, ἣ ταχὰ σιδηρεῶσι τῶν Χαλύβων ἐγγεγονῶν οὐκ ἀγανοῖς ἐτι βέλεις: Χαλοβδικῶ δὲ μᾶλλον κινδυνὸν τὴν σὴν ὀπίστας ἐρωτα. Θράττει με καὶ τὸ τῆς Ταυросκηνίας ἀντίπαρθμον,

Къ Василию Каматиру имѣется еще два письма между сочиненіями М. Акомината. Одно вводитъ насъ въ событія и отношенія имперіи Θ. Ласкаря и относится приблизительно къ 1208 году, другое написано вскорѣ послѣ несчастія, постигшаго В. Каматира, имѣеть характеръ утѣшительнаго посланія и должно быть отнесено къ началу царствованія Исаака Ангела, то-есть, къ концу 1185 или къ началу 1186 г. ¹⁾ Оно надписано: Λογοεϋτο Βασιλίῳ Καματίρῳ. „Я не знаю, всечестивѣйшая глава, какъ мнѣ быть съ настоящимъ письмомъ, ибо я борюсь съ двумя чувствами: съ горемъ и радостью. Когда поразмыслию о томъ, какое око царства вырвалъ тотъ преступный мужъ, и какой локонъ обрѣзалъ у благородной Ромейской имперіи, лишивъ ее черезъ то силы, какъ тѣ, которые наложили руку на великаго Сампсона,—я наполняюсь слезами и весь отдаюся печали; но удерживаюся отъ скорби и успокоиваюся отъ слезъ, представляя себѣ скорую благодать Божию, какъ въ утѣшеніе печальныхъ она возвратила тебя изъ бѣдственной ссылки. Если насиліемъ и поврежденъ у тебя внѣшній и тѣлнный человѣкъ, то сохранился здоровъ и невредимъ внутренній, созданный по образу Божию. По существу есть одинъ только грѣхъ—зло; болѣзнь же, бѣдность и увѣчье еще не большое зло. Можетъ быть, ты будешь благословлять того жесточайшаго за то, что черезъ него принялъ отеческое вразумленіе“.

5. Рѣчь къ великому дукѣ Стрифну. Προσφώνημα εἰς τὸν μέγαν δούκην τὸν Στροφόνῳ. Cod. Vatoss. Fol. 167; Laur. 98. Начало: Ἐδει μὲν διαμεμενικέναι Ἀθήνας μέχρι καὶ ἐς δεῦρο. Въ Оксфордскомъ спискѣ эта рѣчь не имѣеть оглавленія и соединена съ другимъ трактатомъ.

„Достоинъ всѣхъ почестей, какими древніе украшали своихъ героевъ, тотъ, кого боговидный императоръ, много пекущійся о нашихъ дѣлахъ, посылаетъ въ сію страну. Ты являешься, какъ второй великій Иракль, съ тѣмъ, чтобъ освободить Элладу и Целопоннисъ отъ пресмыкающихся, которые гнѣзятся въ недоступныхъ мѣстахъ и наносятъ вредъ ²⁾, или какъ второй Аристидъ, устроитель городовъ. Поелику же всесокрушающее время съ яростію мидійскаго войска ринулось на благосостояніе этого города, и свирѣпствуя съ варвар-

μη τὸ τῆς ξενοκτονίας κακὸν ἐλαίθην διαβῆ καὶ πρὸς σε, ἐπεὶ ῥαδίως ὄρω σε τὰ τῶν ἀνθρώπων εἶη μεταλαμβάνοντα παρ' οἷς ἂν συνοικεῖν σοὶ προσγένηται.

¹⁾ Первое—cod. Laur., f. 139, Vatoss. 163; второе cod. Laur., Fol. 51.

²⁾ ὡς παρὰ τοῦ θεοειδοῦς ἡμῶν αὐτοκράτορος... κατεπέμφθη δεῦρο ἄλλος μὲν μεγαλοεργός Ἰρακλῆς ἐρπετῶν τοῖς ἐρυμοῖς ἐμπεφωλευκότων καὶ κακοεργούτων ἀπαλλὰξων Ἑλλάδα καὶ τὴν τοῦ Πελοποῦ.

ствомъ безстыднаго Оракійца, вырвало у него и языкъ, какъ у известной дѣвицы, то ужели же Аѣины встрѣтятъ тебя молчаніемъ и не увѣнчаютъ обычнымъ въ ихъ преданіяхъ словеснымъ вѣнкомъ, и не сдѣлаютъ почетныхъ провозглашеній и не введутъ въ свои таинства, какъ Діоскуровъ или какъ Иракла ¹⁾? Нѣтъ, не сдѣлаютъ Аѣины такой неправды, хотя и совсѣмъ пресѣклась туземная рѣчь и восхваляющая доблести пѣсня ²⁾, и хотя вмѣстѣ съ лишеніемъ человѣческихъ благъ Аѣины утратили издавна унаслѣдованные импъ Божьи дары: слово, благочестіе, божественныя дѣйствія, чудо, добродѣтель обоготворяющее. И такъ, вступи, честиѣйшая и божественная глава, во храмъ Богоматери. Ницѣйшія Аѣины привѣтствуютъ твое благочестіе сими священными предметами (указываетъ на предметы, особенно чтимые въ аѣинскомъ храмѣ), одними ими онѣ еще богаты. Какъ же жалки во всемъ другомъ, объ этомъ вопіютъ камни не только старыхъ разрушенныхъ стѣнъ, но и разбросанныхъ вездѣ развалинъ. Въ древности былъ обычай награждать пословъ вѣнкомъ: я сплету тебѣ такой вѣнокъ. Это не будетъ вѣнокъ изъ масличнаго дерева, или изъ сосны, изъ золота или драгоценныхъ камней, но изъ того многоцѣннаго металла, который добывается въ Аѣинахъ ³⁾. Ты знаешь, что Аѣины—разсадникъ краснорѣчія, и что всякій мудрецъ, гдѣ бы онъ ни родился и ни воспитался, возводитъ къ Аѣинамъ источникъ своей мудрости, хотя бы и не владѣлъ чистою аттическою рѣчью. И такъ, хотя бы и въ другихъ мѣстахъ ты чтимъ былъ рѣчами, здѣсь сплетенный и предложенный тебѣ вѣнокъ будетъ настоящимъ вѣнкомъ. Если благословеніе слова возложено на тебя въ Аѣинахъ іереемъ и старцемъ, управляющимъ Аѣинскою каедрой, это уже соломоновское, чисто и воплоѣ туземное и истинно аттическое дѣло.

„Не излишне будетъ сказать, что ты, неразлучный съ царемъ, такъ удалился отъ него и сошелъ въ нашу пропасть. Это достойно великаго удивленія, хотя и согласно съ царскимъ всеустроеніемъ. Ибо, когда само великое солнце Ромейской имперіи возрадовалось тенци въ европейскіе климаты, чтобы начавшюся тамъ зиму возстанія или

¹⁾ ἄρα σιωπῇ τὸν τηλικούτον σε παραπέμφουσιν Ἀθῆναι καὶ οὐχ ὡς πάτριον αὐταῖς τῷ παρὰ τῶν λόγων στέμματα στεφανώσουσιν; οὐδ' ἐπικηρύξουσὶ σοὶ τὰ τῶν ὀνομάτων σεμνότατα, οὐδ' εἰσποιήσουσιν καὶ μυήσουσιν ὡς Διοσκόρους ὡς Ἰρακλήην;

²⁾ Μὴ τοσοῦτον κακοπραγήσαιεν Ἀθῆναι, ὡς ἐκκεκέρφθαι παράπαν τοῦπιχφῶριον φθέγμα καὶ ὕμνωδὸν ἀρετῆς.

³⁾ τοιοῦτος δὲ νῦν καὶ αὐτὸς ἐγὼ σοὶ διαπλέξω τὸν στέφανον... ἀλλ' ἀπὸ τοῦ μεταλλευθέντος Ἀθῆναισι πολοτιμῆτου χρῆματος.

бунта перемѣнить въ весеннее равноденствіе ¹⁾, остальные свои лучи оно разбросало по другимъ частямъ, самый же чистый и самый горячій пугъ разлило по Элладѣ и Пелопоннису, дабы разогнать мрачныя облака раздоровъ и волненій и установить ясность мирной тишины. Нужно ли кому указывать на твои совершенства, свѣтлѣйшіи лучъ и свѣточъ самодержда! Императоръ почтилъ тебя полнымъ довѣріемъ, поставилъ первымъ надо всѣми другими довѣренными лицами и удѣлилъ тебѣ часть царской власти“. Дѣлая характеристику лучшаго государственнаго челоуѣка, ораторъ говоритъ въ заключеніе о Стрифнѣ: „Эти качества, по моему мнѣнію, и дали Стрифну славное прозваніе, слово, которое означаетъ не хитраго и многорѣчиваго, а остроумнаго, подобно какъ солью приправляющаго рѣчь и пресѣкающаго пустословіе скорѣе, чѣмъ говорятъ это о Фокіонѣ, котораго Демосѳенъ называлъ бритвой за его рѣчи ²⁾. И супругу получилъ онъ отъ Бога такую, которая заслужила удивленіе Соломона. Ибо и она восходитъ съ прекрасною луной-царицей, какъ онъ блеститъ между лучами великаго солнца и царя. Сестра-царица заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца-императора, и сія, принимая отъ нея блескъ свѣта, является какъ бы другою луной, второю за первую, сестрой и равною по свѣту, какъ происходящая изъ того же самаго акрополя царскаго рода и красоты. Такъ что нашъ низкій земной міръ, освѣщаемый этимъ антисолнцемъ и этою антилуной, является вторымъ небомъ высшей политіи, а первые свѣточы царства воспринимаютъ на себя и отражаютъ ихъ блескъ. Свѣтъ царя отражается въ близкомъ родственникѣ, свѣтъ царицы—въ сестрѣ. Ибо та, какъ отличная хозяйка, занимаясь и вязаніемъ шерсти, въ присутствіи мужа не предается праздности и находящагося въ отлучкѣ поддерживаетъ въ увѣренности ³⁾, эта же, не останавливаясь и передъ трудами, свойственными мужу, вмѣстѣ съ нимъ путешествуетъ въ чужія земли, мужественно со-

¹⁾ Ἐπεὶ γὰρ αὐτὸς ὁ μέγας τῆς Ῥωμαικῆς ἀρχῆς ἥλιος ἠγαλλιάσατο δραμεῖν ἐπὶ τὰ τῆς Εὐρώπης κλίματα τὸν αὐτοῦ πᾶσι συνιστάμενον τῆς ἐπαναστάσεως εἰς ὄν ἀποστάσεως χειμῶνα πρὸς ἑαρινὴν μετασκευάσων ἰσημερίαν...

²⁾ ἄπερ οἶμαι καὶ τὸν Στρυφὸν φερωνόμως ἐπίκλησιν προσκεκλήρωται, φθέγμα δὲ οἷον αὐτῷ αἰμόλην καὶ πολυρρήμονι ἐξυδαρούμενον· τῷ δ' εἰς νοῦν βαπτομένῳ ὅσα καὶ ἄλλα τί κατα στόφον τι ἀρτιόμενον καὶ τὰς ἀπεραντολογίας ὑποτερνόμενον θᾶπτον ἢ φασὶ τὸν Φωκίωνα τὸν καὶ διὰ τοῦτ' αὐτὸ παρὰ τοῦ Δημοσθένους κοπίδα τῶν αὐτοῦ λόγων ἐπωνομαζόμενον.

³⁾ Ἐκείνη μὲν γὰρ ὡς οἰκουρὸς ἀγαθὴ θαυμάζεται· ἐπὶ τὸν ἀτρακτὸν ἐρείδουσα τοὺς πῆχεις καὶ περὶ τὴν θαλασσίαν πονομένη, καὶ τ' ἀνδρὶ παρόντι μὲν ἀσυχολίαν περιποιουμένη, δὲ διδοῦσα θαρσύνει.

вершаетъ длинный и тяжкій путь и весело сопутствуетъ ему въ походахъ. Женщины нашего времени не считаютъ похвальнымъ подобно древнимъ выходить на войну и носить доспѣхи. Онѣ сидятъ дома и занимаются хозяйствомъ. Жена Стрифна, подражая царицѣ Еленѣ, совершаетъ благочестивое путешествіе изъ Константинополя въ Аѳины, пролетѣвъ находящіяся между этими мѣстами разстоянія—моря и горныя тропинки, подкрѣпляемая любовію по Богѣ“. Стрифнъ прибылъ въ Грецію ранѣе и заболѣлъ. Узнавъ объ этомъ, его жена послѣдила къ нему на свиданіе, Стрифнъ же скоро выздоровѣлъ. Это обстоятельство дало оратору богатое содержаніе для риторической трескотни. Послѣ сего слѣдуетъ вновь обращеніе къ самому Стрифну: „Боже-ственный императоръ, какъ бы подѣлившись съ тобою имперіей, поручаетъ твоему управленію міръ отъ Фракіи до границъ Пелопоннуса и посылаетъ тебя, какъ утѣшителя смуть, воссоединителя того, что разрѣшилось на составныя части, чтобы ты ослабѣвшее закрѣпилъ и натянутое ослабилъ и перепутанному указалъ свое мѣсто.

„Кто не слыжалъ о сынѣ цесаревны Алексѣѣ, о сынѣ той просвѣщенной и мудрой царицы? Чтò же сдѣлало столь почтеннымъ это имя? Онъ каралъ злоупотребленія, такъ что за вымогательства надъ бѣдняками наносилъ позорные удары людямъ, облеченнымъ въ высшія достоинства. Я затруднился бы разказать по порядку о золотыхъ дняхъ управленія этого мужа, какъ погибъ отъ недостатка наживы рой второстепенныхъ чиновниковъ, который жнетъ, гдѣ не сѣялъ, и собираетъ, гдѣ не расточалъ, или лучше, который расчищаетъ пожатое и собранное, какъ не засѣянное и вспаханное, и пожираетъ жалкихъ поселянъ; какъ за исключеніемъ немногихъ, которые служили ему за опредѣленное жалованье и подвергались отвѣтственности, еслибы даже только коснулись чужой собственности, всѣ остальные поставлены были въ положеніе волковъ, тщетно раскрывающихъ пасть; какъ они, томясь голодомъ, стали добывать себѣ средства пропитанія то земледѣліемъ, то ремеслами. Самъ же великій мужъ напрягалъ свои силы въ борьбѣ со звѣрями, то-есть, съ эгоистами и сикофантами, которые пытались помѣшать справедливости и строгой законности его. Этого человѣка всѣ знаютъ. Кто же не назоветъ его: сынъ цесаревны, справедливый, преторъ!..“

Къ опредѣленію даты этой рѣчи можетъ служить указаніе въ ней на походъ императора Алексѣя III въ европейскіе климаты, „чтобы начавшуюся тамъ зиму возстанія или бунта переимѣнить въ весеннее равноденствіе“. Посѣщеніе Стрифномъ Аѳинъ совпадаетъ съ этимъ по-

ходомъ. Хронологически эта рѣчь слѣдуетъ за предыдущею, сказанною къ В. Каматиру. Господство двухъ названныхъ временщиковъ раздѣляетъ нѣкоторый періодъ могущества Константина Месопотамита. Михаилъ Стрифнъ, великій дука византійскаго флота, былъ вивонникомъ паденія временщика К. Месопотамита, который ввелъ въ практику странное притязаніе—въ одно и то же время быть епископомъ въ Солуни и полномочнымъ министромъ при дворѣ ¹⁾. Время господства Стрифна, челоуѣка въ высшей степени корыстолюбиваго, было періодомъ полнаго упадка морской силы Грековъ: великій дука, женатый на сестрѣ императрицы Евфросиніи, распродалъ византійскія суда и поручилъ пиратамъ оберегать греческія приморскія области ²⁾. Михаилу Акоминату приходилось собственно откупаться деньгами отъ такого посѣтителя, и расточаемыя въ рѣчи похвалы—ничто иное какъ уточненная вѣжливость. Когда Стрифнъ возвратился въ Константинополь, архіепископъ Аѳинскій послалъ вслѣдъ за нимъ своего грамматика, чтобы переговорить съ полномочнымъ вельможей, во сколько онъ оцѣнитъ свое расположеніе къ Аѳинамъ: *περὶ ὧν κατὰ μέρος ἐντιμότητος ἀπαγγελεῖ γραμματικός, καὶ ἡμεῖς ἑτοίμοι ἀντιφέρειν τὰς τοιαύτας ἀντιδόσεις τῇ ἀδελφείᾳ σου*,—такъ успокоиваетъ Стрифну М. Акоминатъ въ письмѣ, которое мы передадимъ ниже. Что касается до точнаго указанія времени, на которое падаетъ путешествіе Стрифна, то мы сошлемся въ этомъ отношеніи на сдѣланное нами ранѣе изслѣдованіе о событіяхъ, соприкасающихся съ походомъ Алексѣя Ангела на западъ ³⁾. По нашему мнѣнію, рѣчь нужно помѣтить 1201 годомъ.

Въ заключеніе приведемъ вышеуказанное письмо къ Стрифну ⁴⁾:

„Твоя всечестная милость знаетъ, что нашъ аѳинскій округъ неплодороденъ, не богатъ пастбищами и не производитъ шелковыхъ тканей. Не обладая и никакими другими жизненными благами, онъ обилуетъ одними морскими разбойниками. Послѣдніе не ограничиваются хищничествомъ береговыхъ мѣстъ, но заходятъ внутрь страны, такъ что и самое море, изъ котораго прежде Аѳиняне извлекали нѣкоторую выгоду, нынѣ обратилось имъ въ гибель. Я помню, ты сказалъ во время пребыванія здѣсь, что Аѳины походятъ на царственный городъ, и что какъ Византія посредствомъ фрагтовыхъ судовъ пользуется всевозмож-

¹⁾ Nicet. 651, 8.

²⁾ Nicet. 716, 11.

³⁾ Византійскій писатель Н. Акоминатъ, стр. 204—205.

⁴⁾ Cod. Laurent. Fol. 86.

ными благами, такъ и многонаселенныя будто бы Аѳины процвѣтають отъ продажи судовъ (торговыми судами) ¹⁾. Ибо городъ не пользуется никакимъ другимъ благомъ, какъ морскимъ мѣстоположеніемъ, которое, вмѣстѣ съ выгодами, получаемыми отъ моря, дастъ ему и хорошее физическое положеніе. Сей-то городъ, выгоды котораго такъ справедливо подмѣтила твоя наблюдательность, сокрушаютъ и на перерывъ стараются опустошить многія бѣдствія: зависть нѣкоторыхъ здѣшнихъ донощиковъ (злодѣевъ), злоба сосѣдей, набѣгъ пиратовъ, ненасытность разорителей. Видя несчастную страну, объятую такими и подобными несчастіями и не имѣя, чѣмъ помочь ей, я въ отчаяніи прибѣгаю подъ твою защиту. Останови стремящіяся на насъ со всѣхъ сторонъ бѣдствія. Объ этомъ передасть тебѣ достойнѣйшій грамматикъ, и мы готовы вознаградить твою милость за благораспоряженіе“.

¹⁾ καὶ μὲννημαὶ σου εἰπόντος ἕτε δεῦρο ἐπιδεδήμηκας ὡς εἰσικαὶν Ἀθῆναι τῇ νῦν βασιλευούσῃ τῶν πόλεων καὶ ὡς ἐκείνη διὰ τῶν φορταγωγῶν πλοίων πάντα καρπίζεται τὰ ἀγαθὰ οὕτω καὶ Ἀθῆναι τῇ παρὰ τῶν πλοίων ἐμπορεῖα ἐνευθηνοῦντα πολυανδροῦμεναι ὡς φασιν.

Ф. Успенскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Мнѣніе преосвященнаго Порфирія о кириллицѣ и глаголицѣ.

Востокъ христіанскій. Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты архимандрита, вѣнѣ епископа, *Порфирія Успенскаго* въ 1846 году. Кіевъ. 1877.

Еще въ 1847 году къ 55-й части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія былъ напечатанъ почтеннымъ авторомъ настоящаго сочиненія „Каталогъ разныхъ актовъ, хранящихся въ монастыряхъ, скитахъ и келліяхъ св. горы Аѳонской“, богатый многими драгоцѣнными свѣдѣніями, которыя всякій давно желалъ видѣть обнародованными въ полномъ изданіи. Къ сожалѣнію, многое изъ желаемаго еще не выполнено, и какъ кажется, не такъ-то скоро будетъ выполнено. У почтеннаго автора накопилась такая масса матеріала, съ которою нельзя скоро справиться. Къ тому же онъ, какъ видно изъ изданныхъ имъ уже сочиненій: 1) Первое и второе путешествіе на Синай, 2) Путешествіе по Египту, 3) Египетъ и Синай въ картинахъ и друг.—рѣшился передать все имъ найденное и видѣнное во всей полнотѣ, не опуская даже самыхъ мелочныхъ подробностей. Такого же рода и подлежащее настоящему разсмотрѣнію сочиненіе его; оно представляетъ много интереснаго и важнаго и въ то же время кое-что малозначительное.

Авторъ принялъ методъ хронологическій: отмѣчаетъ, когда, гдѣ былъ, что видѣлъ и нашелъ. Описывая мѣстности, чрезъ которыя проѣзжалъ, преосвященный Порфирій нерѣдко дѣлаетъ историческій

очеркъ извѣстнаго города или области, подчасъ довольно богатый свѣдѣніями; онъ сообщаетъ всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія въ хронологическомъ порядкѣ; очень часто приводитъ переводъ грузинскихъ написей, находимыхъ въ извѣстной мѣстности, грамотъ; свидѣтельства этихъ источниковъ онъ сопоставляетъ съ свидѣтельствомъ современныхъ византійскихъ лѣтописцевъ, дѣлаетъ свои выводы и соображенія, важныя и уясняющія исторію какъ Византійской имперіи, такъ и сосѣднихъ Славянскихъ народовъ; сообщаетъ свѣдѣнія о построеніи и возобновеніи разныхъ монастырей и храмовъ. Разсмотрѣніе одного экземпляра Новаго Завѣта въ библиотекѣ монастыря Руссико дало автору возможность сдѣлать замѣтку о преемственныхъ изданіяхъ Н. Завѣта въ египетской Александріи, именно: первое изданіе полнаго Апостола съ Апокалипсисомъ было сдѣлано Дидимомъ въ 396 г., а второе — Евваліемъ въ 462 г.; четыре же Евангелія изданы были тамошнимъ монахомъ Козьмою Индоплавателемъ около 510 г. (ч. I, отд. I, стр. 114 — 115). Сообщаются также подробныя описанія разной старинной церковной утвари, хранящейся въ Аѳонскихъ монастыряхъ. Кромѣ того, авторъ описываетъ лица, съ которыми ему приходилось встрѣчаться во время путешествія, и сообщаетъ иногда о ихъ литературныхъ трудахъ (см. ч. I, отд. I, стр. 59). Не въ этомъ, впрочемъ, главное достоинство сочиненія, а въ тѣхъ новыхъ, до того времени неизвѣстныхъ свѣдѣніяхъ, которыя были собраны авторомъ съ великимъ самопожертвованіемъ.

Въ этомъ же своемъ сочиненіи авторъ помѣстилъ нѣсколько отрывковъ и изъ славянскихъ рукописей: въ I-й части I-го отдѣла находятся отрывки изъ Номоканона и Патерика, подаренныхъ автору настоятелемъ Филофеевскаго монастыря; правописаніе въ нихъ юсовое: употребляются большой и малый юсы, но нѣтъ іотированныхъ юсовъ, а малый юсъ замѣняется простымъ я (см. ч. I, отд. I, стр. 326—332); въ части II-й, отд. II, приведенъ отрывокъ (на двухъ страницахъ) изъ апостола Ресавскаго перевода (стр. 17—18), по рукописи 1638 г. и при этомъ сообщаются свѣдѣнія о значеніи Ресавы; сообщается содержаніе найденныхъ авторомъ 14-ти словъ Григорія Цамблака (ч. I, отд. III, стр. 23 — 64); подробно передается содержаніе житія св. Панкратія, ученика св. апостола Петра, епископа Тавроменійскаго, которое у насъ на Руси читалось до 1143 года; при этомъ авторъ обследуетъ это житіе въ отношеніяхъ историческомъ, этнографическомъ и филологическомъ (ч. II, отд. I, стр. 39—98). Довольно внимательно останавливается авторъ на Мирославовомъ Евангеліи (ч. II,

отд. I). Но самая важная находка—это: глаголическая подпись попа Георгія на письменномъ удостовѣреніи одного солунскаго дѣла, отъ 982 г.; ее авторъ сдѣлалъ еще въ 1846 году; въ настоящемъ же сочиненіи онъ, на основаніи ея, въ связи съ другими соображеніями призналъ несомнѣнными слѣдующіе факты: „а) Глаголическое письмо было извѣстно въ X вѣкѣ Болгарамъ, поселеннымъ около Аѳонской крѣпости Териссо. б) Ихъ священникъ по глаголически написалъ свое имя и нарицавіе, поцъ, и слово, знакъ на судебномъ актѣ. Стало быть: оное письмо видали и признавали судьи. γ) Всѣ буквы въ прописи этого священника—такія же, какими писались и богослужебныя книги. Значить: богослуженіе онъ совершалъ по книгамъ глаголическимъ. δ) Если въ 982 году ему было только 30 лѣтъ отъ роду, (ранѣе онъ не могъ быть рукоположенъ по соборному правилу), то онъ обучался глаголической грамотѣ въ 962 или 960 году. Стало быть: сія грамота употреблялась у Болгаръ ранѣе сего послѣдняго года. е) Такъ какъ Териссовскіе Болгары заняли участки земли, издавна принадлежавшіе обители Іоанна Колову, основанной въ царствованіе Василія Македонскаго около 870 г.; значить, они поселились въ нихъ недавно—я полагаю—въ 960 г., когда царь Романъ. вмѣсто занятой имъ земли, подарилъ помянутой обители 40 поселянъ. Тогда пришелъ съ ними священникъ и принесъ глаголическія письмена. ζ) Откуда бы ни пришли въ Териссо эти Болгары, но оказывается, что глаголическая грамота въ X в. была уже не новость въ Болгаріи“ (ч. I, отд. II, стр. 315—316).

Не мало въ концѣ новыхъ свѣдѣній изъ исторіи литературы византійской и классической. Такъ, въ ч. I, отд. II, сообщено содержаніе одного греческаго сборника, содержащаго въ себѣ, между прочимъ, одну греческую хронику, составленную или продолженную лицомъ, жившимъ въ 1521 году и въ ближайшихъ слѣдующихъ годахъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ лѣтописи: „въ 7029 (= 1521 г.) умеръ Селимъ, и султаномъ сталъ нынѣшній Сулейманъ“ (срв. ч. I, отд. II, стр. 211); авторъ сдѣлалъ русскій переводъ этой хроники. Въ ч. II, отд. I, сообщается свѣдѣніе о многихъ другихъ памятникахъ византійской словесности и о Сивиллиныхъ книгахъ, также о произведеніяхъ духовнаго содержанія, о богослужебныхъ книгахъ на греческомъ языкѣ; кромѣ того, авторъ касается греческаго пѣнія, объясняетъ иѣвческіе знаки на греческихъ профитологахъ и Евангеліяхъ рукописныхъ (срв. ч. II, отд. I, стр. 365—383)—трудъ совершенно новый не только въ русской, но и въ европейской ли-

тературѣ, — и затѣмъ дѣлаетъ перечень ирмологійныхъ пѣснотворцевъ, сообщая при этомъ кое-какія біографическія свѣдѣнія о нихъ; опредѣляетъ вѣкъ появленія извѣстныхъ ирмологійныхъ пѣсней (*ib.*, 383—469). Эта часть отличается особеннымъ богатствомъ матеріала. Отъ вниманія тщательнаго наблюдателя не ускользнуло и нынѣшнее пѣніе у Грековъ; онъ иногда переводитъ его на ноты (ч. I, отд. I, стр. 72). Сообщаетъ также авторъ кое-что и по части церковнаго законовѣдѣнія и дѣлопроизводства (стр. 469—491, гдѣ между прочимъ представлены образцы слога царскаго и патриаршьяго), исторіи греческаго искусства (ч. I, отд. I), греческой медицины и языковѣдѣнія (*ib.*)

Въ упомянутомъ уже греческомъ сборникѣ почтенный авторъ нашелъ неизвѣстныя до него стихотворенія Θεокрита: 1) Девятизвукъ свирѣль, 2) Крылышко, 3) Сѣкира, 4) Жертвенникъ и яйцо; эти стихотворенія изданы цѣликомъ, съ русскимъ переводомъ и факсимиле (ч. I, отд. II, стр. 222—226).

Въ трудѣ преосв. Порфирія не мало можно найти данныхъ для исторіи проживавшихъ на Аѳонѣ русскихъ инокъ, начиная съ перваго Автонія Печерскаго (ч. I, отд. I, стр. 75). Автору удалось найти въ Хиландарскомъ монастырѣ и пріобрѣсть въ полную собственность рукопись „Въ лѣто 6889 Сказаніе о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владимиру Андрѣевичу“ (ч. II, отд. I, стр. 130).

Разнообразіе собраннаго преосвященнымъ Порфиріемъ матеріала лишило его, по видимому, возможности всегда съ надлежащею критическою оцѣнкой отнестись къ извѣстнымъ памятникамъ. Мы имѣемъ въ виду его выводъ о значеніи Солунской легенды о Кириллѣ (Слово Кирилла Славенца солунскаго філософа бугарскога); онъ признаетъ вполнѣ исторически вѣрнымъ этотъ памятникъ и категорически заявляетъ, что „мы рѣшительно должны считать первымъ нововодителемъ у Славянъ такъ называемой кириллицы, — Кирилла Каппадоко-Солунскаго, жившаго во второй половинѣ седьмаго вѣка (какъ это видно изъ того, что онъ жилъ у Солунскаго митрополита Іоанна, который есть тотъ самый Солунскій митрополитъ, который въ 680 году присутствовалъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ), а не того Кирилла, который училъ Славянъ Мораво-Паннонскихъ въ IX столѣтіи“ (см. ч. I, отд. I, стр. 105 — 106; см. также монографію преосвященнаго Порфирія въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1877 г., октябрь: „О св. Кириллѣ просвѣтителѣ Славянъ Моравскихъ“). Счи-

таемъ нужнымъ нѣсколько подольше остановиться на этомъ мнѣніи почтеннаго автора.

По изслѣдованію А. А. Куника о Солунской легендѣ (выводы всего приведены г. Вильбасовымъ (Кирилль и Меѳодій) и г. Вороновымъ (Источники для исторіи Кирилла и Меѳодія въ Труд. Кіевск. Акад. за 1877 г.), значеніе этого памятника выясняется тремя упомянутыми въ ней историческими данными: 1) опредѣленіемъ времени занятія епископскаго престола митрополитомъ Іоанномъ, 2) хронологическимъ опредѣленіемъ похода (852 года) Болгарскаго великаго хана Бориса и другихъ Болгарскихъ князей къ Солуни, и 3) Брегалницею, какъ мѣстомъ первой славянской проповѣди св. Кирилла. Съ появленіемъ изслѣдованія почтеннаго академика источникъ этотъ получилъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ ряду другихъ источниковъ: ему уважаемый академикъ далъ предпочтеніе предъ пространнымъ Лапновскимъ житіемъ. Но новѣйшее изслѣдованіе по исторіи св. славянскихъ первоучителей: „Источники для изученія исторіи св. первоучителей“, принадлежащее, г. Воронову, пришло къ совершенно противоположному выводу. Г. Вороновъ указалъ, что слова Комбефиза: „Fuit deinde archiepiscopus Thessalonicensis“, прибавленныя въ концѣ слѣдующаго свидѣтельства, приведеннаго Декіеномъ въ *Oriens Christianus*: „Iannem sive Ioannem, qui ante Methodium haereticus patriarcha sederat, omnes catholici scriptores necromantiae insimulant. Nec Leontis Sapientis alio forte spectant oracula quae extant, ac quae narrantur illius portento similia. Erat ille Ioannis nepos, cujus institutus potuit secretiori doctrina, ipsique magistro in ea praecellere“, не относятся къ патриарху Іоанну, а къ родственнику его философу Льву, который былъ дѣйствительно поставленъ Солунскимъ митрополитомъ въ 839 году, какъ видно изъ Византійской хронографіи Муральта ¹⁾. Затѣмъ г. Вороновъ показалъ, что и другіе выводы А. А. Куника мало убѣдительны и представляютъ лишь предположеніе, требующее доказательствъ: что вся Солунская легенда есть произведеніе тенденціозное, составленное съ цѣлью приурочить миссію св. Константина исключительно къ Болгаріи, безъ малѣйшаго намека на миссію у Хозарь и Моравань. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній г. Вороновъ пришелъ къ тому заключенію что Солунская легенда можетъ

¹⁾ *Essai de Chronographie Byzant.*, 421; см. изслѣдованіе: Воронова: Источники для исторіи Кирилла и Меѳодія (*Труды Кіевск. Духовн. Акад.* 1877 г. стр. 444.

занять въ ряду однородныхъ источниковъ по исторіи славянскихъ апостоловъ развѣ последнее, но никакъ не первое мѣсто. Послѣ этого ясно, что нельзя совершенно полагаться на такой источникъ. Но сверхъ того, нельзя не обратить вниманія на разницу въ мнѣніяхъ А. А. Куника и преосвященнаго Порфирія о времени жизни Солунскаго митрополита Іоанна, на основаніи помянутаго источника: первый относитъ его къ IX вѣку, а второй къ VII. Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе г. Воронова, и потому не соглашаемся съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ преосвященнаго Порфирія. Придавъ столь важное значеніе Солунской легендѣ и приурочивъ ее къ VII вѣку, преосвященный Порфирій долженъ былъ, по естественному порядку вещей, стать въ противорѣчіе съ установившимся мнѣніемъ и прійти къ невѣрнымъ выводамъ относительно дѣятельности св. Кирилла, просвѣтителя Славянъ: онъ полагаетъ, что „этотъ Кирилль—IX вѣка — не изобрѣлъ письменъ для Мораво-Паннонскихъ Славянъ, а сложилъ тѣ русскія письмена, которыя онъ изучилъ въ Херсонесѣ, и которыя нашъ авторъ считаетъ глаголическими¹⁾; „въ 867 году Константинъ“, говоритъ авторъ, — „отправился въ Моравію и у тамошнихъ Славянъ-христіанъ, молившихся на непонятномъ имъ языкѣ латинскомъ и употреблявшихъ латинскія буквы, учредилъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, принеся имъ готовую глаголитскую азбуку, которую видѣлъ въ Херсонесѣ“ (Шушен., ч. II, отд. I, стр. 115); этими письменами онъ „началъ писать имъ богослуженное Евангеліе... А сотрудники его заготовили нѣсколько славяно-россо-глаголитскихъ азбукъ и краткихъ грамматикъ“ (ib., стр. 118). На этомъ преосвященный Порфирій не остановился, а пошелъ еще дальше. Поставивъ вопросъ: какой чинъ—латино-римскій, или православно-греческій, преподавалъ св. Константинъ (Кирилль) Мораво-Паннонскимъ Славянамъ, — онъ отвѣчаетъ такъ: „Константинъ философъ, не возлюбившій учителя своего Фотія, когда онъ сталъ вселенскимъ патріархомъ на мѣсто Игнатія, принесшій св. мощи Климента въ Римъ, а не въ Константинополь, онъ она шившійся въ Римѣ, и слѣдовательно, имѣвшій глубокое, быть можетъ, даже фамильное уваженіе къ престолу Римскаго епископа (если предки его во дни Константина Великаго переселились въ Солунь изъ Рима), Константинъ этотъ не хотѣлъ, чтобы Римскій папа объявилъ его

¹⁾ Того же мнѣнія былъ покойный профессоръ В. Н. Григоровичъ (срв. его Статьи, касающіяся древне-славянскаго языка. Казань. 1852).

отщепенцомъ, еретикомъ, но вмѣстѣ зналъ и то, что во дни его Римъ и Константинополь не чуждались другъ друга по причинѣ разностей церковнаго чина у нихъ, и потому пошелъ среднимъ путемъ, то-есть, ввелъ въ Моравіи церковный чинъ богослуженія греко-православный, но съ внесеніемъ въ него нѣкоторыхъ дополненій, особенно въ славу первоверховнаго апостола Петра, основателя Римской церкви“. Въ подтвержденіе этого своего мнѣнія авторъ приводитъ отрывокъ изъ очень стараго глаголическаго литургарія, именно—молитву входную „егда хотяще въ церковь вѣннѣти“, въ коей, въ отличіе отъ употребительной въ православной церкви входной молитвы, есть слѣдующая вставка: „Вѣдѣ ꙗ҃и вѣрховнѣаго апѣла твоего Петра просльзивъшасѣ горьцѣ на прѣданіи твоемъ. имы покаапи... и тѣмъ приидѣ ключѣмъ Х҃р... твоего“¹⁾. Авторъ вполне убѣжденъ, что св. Кириллъ вносилъ въ чинъ славянскаго богослуженія латинскія добавленія, но онъ не представилъ вполне на то убѣдительныхъ оснований: изъ того, что „нѣкоторые ученики св. Кирилла посвящены были въ санъ діакопскій и іерейскій двумя латинскими епископами, во время его посѣщенія Рима въ 872 году“ (ib.), нельзя еще дѣлать выводы слѣдующаго рода: „что учитель Моравскихъ Славянъ подчинялъ ихъ Римскому папѣ, а не Константино-польскому патріарху, и слѣдовательно, вносилъ въ чинъ славянскаго богослуженія молитвословія латинскія“ (ib.). Авторъ еще не доказалъ, что служащій подтвержденіемъ этого его мнѣнія „глаголическій литургарій“ принадлежитъ св. Кириллу. По точкамъ, поставленнымъ почти послѣ каждого слова, онъ заключаетъ, что этотъ памятникъ „писанъ былъ по крайней мѣрѣ во второй половинѣ X вѣка, если не въ первой“, и дальше продолжаетъ: „слѣдовательно, спустя менѣе ста лѣтъ по смерти Константина философа, когда и у греческихъ краснописцевъ была старая привычка ставить точки послѣ каждого слова для болѣе вразумительнаго чтенія“. Мы признаемъ вполне вѣрнымъ мнѣніе почтеннаго автора о вѣкѣ этой рукописи. Принять его слѣдуетъ потому, во-первыхъ, что оно принадлежитъ палеографу, собравшему великое множество образчиковъ многовѣковаго письма греческаго и славянскаго съ годами (слова автора, ib. стр. 120), и во-вторыхъ, потому, что срав-

¹⁾ Дѣлалъ эту выписку по изданію уважаемаго нашего академика И. И. Срезневскаго въ «Обзорѣннѣ глаголич. памятниковъ» (см. *Извѣстія Имп. Археол. Общ.*, вып. IV, стр. 492); въ выдержкѣ же у преосвящ. Порфирія есть нѣкоторыя отклоненія въ правописаніи.

неніе правописанія этого памятника съ правописаніемъ другаго глаголическаго памятника сборника поученій графа Клоца (Glagolita Clozianus), относимаго всѣми учеными (начиная съ перваго—Копитара) къ XI вѣку, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что первый старше втораго ¹⁾. Въ синайскомъ служебникѣ (то-есть, помянутомъ литургаріѣ) нѣтъ того крайняго смѣшенія твердыхъ и мягкихъ слоговъ, какое замѣчается въ Glagolita Clozianus: если встрѣчаются рѣдкіе случаи смѣшенія *ъ* и *ь*, напримѣръ, *ъ* вм. *ь* въ окончаніи творит. пад. ед. ч.: *дохомъ*, *стымъ*, *твоимъ* и т. п., или *ъ* вм. *ь*: *сѣврѣшеніе* вм. *сѣврѣшеніе*, *врѣховѣнѣаго* вм. *врѣховѣнѣаго*, или въ такихъ словахъ, которыя по коренному свойству славянскаго языка должны быть мягкими (съ ж, ч, ш): „*слоужьбѣ* (нѣсколько разъ),—то нѣтъ ни одного случая смѣшенія *ь* съ *ѣ* (если не считать слова *блѣдъницѣ*, которое, быть можетъ, предполагаетъ именит. пад. съ мягкимъ окончаніемъ) и *и* съ *ь*. Но еще нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписывать его св. Кириллу, если только мы вѣрно поняли слѣдующія слова нашего автора: „Достаточна эта выписка изъ глаголитской литургии (то-есть, „Вѣдѣ господи“ и пр., см. выше) для подтвержденія выше сказаннаго мнѣнія моего о томъ, что Константинъ Философъ, какъ умный человекъ, внесъ въ греко-славянскую литургію кое-что изъ молитвослововъ латинскихъ, дабы ладить съ Римскими папами“ (ч. II, отд. I, стр. 120). Но если мы и не такъ, какъ слѣдуетъ, поняли, то тѣмъ лучше для нашего возраженія: изъ того, что въ какомъ-нибудь глаголическомъ служебникѣ мы встрѣтили слѣды латинскаго вліянія въ видѣ вставки извѣстнаго выраженія, еще не слѣдуетъ, чтобы эта вставка была сдѣлана славянскимъ первоучителемъ; самъ авторъ, соображая палеографическія данныя, не считаетъ этотъ служебникъ современнымъ св. Кириллу, относитъ къ X вѣку, и при всемъ томъ—считаетъ св. Кирилла виновникомъ этой вставки и другихъ, конечно, еще неизвѣстныхъ. Затѣмъ, такъ какъ авторъ, вопреки ясному свидѣтельству Папнонскаго житія: „сложи (Константинъ философъ) письмена и нача бесѣду писати евангельскую“, предназначенную для Мораванъ, что было тотчасъ послѣ предложенія Византійскаго императора предпринять миссію въ Мораву, до отъѣзда въ Мораву ²⁾ (но на какомъ языкѣ?), держится того мнѣнія, что св.

¹⁾ П. И. Срезневскій относитъ синайскій служебникъ къ XI вѣку (до 1100 года) (срв. Древніе памятники юго-западныхъ Славянъ, стр. 40).

²⁾ Срв. И. И. Срезневскаго, Древ. памятники языка юго-запади. Славянъ, стр. 5.

Кирилль не проповѣдывалъ Болгарамъ, а только Мораво-Паннонскимъ Славянамъ. Для которыхъ онъ составилъ богослужебныя книги глаголицею,—то само сабою вытекаетъ, что въ найденномъ имъ глаголическомъ служебникѣ можно видѣть памятникъ исчезнувшаго паннонскаго нарѣчія¹⁾, наслѣдниками коего чешскій ученый П. І. Шафарикъ считалъ нынѣшнія нарѣчія—хорватское и словенское. Известно, что Шафарикъ, желая оправдать свое мнѣніе о глаголицѣ, какъ изобрѣтеніи св. Кирилла, допустилъ предположеніе, что находящіяся въ глагольскихъ памятникахъ слова и формы, принадлежащія нарѣчіямъ западнымъ—хорватскому и словенскому, находились также и въ исчезнувшемъ паннонскомъ нарѣчіи. Это предположеніе было необходимо для той цѣли, чтобъ устранить ту несообразность, что св. Кирилль, никогда не проповѣдывавъ у Хорватовъ и Словенцевъ, могъ заимствовать у нихъ слова, занесенныя въ его богослужебныя книги, писанныя глаголицею. Но такое предположеніе, конечно, недѣло: ничего не зная о паннонскомъ нарѣчіи, невозможно приписывать ему гипотетически тѣ или другія слова. Если же преосвященный Порфирій раздѣляетъ приведенное сейчасъ мнѣніе Шафарика объ исчезнувшемъ паннонскомъ нарѣчіи, то значитъ, онъ склоненъ синайскій отрывокъ глаголическаго литургарія относить къ памятникамъ исчезнувшаго паннонскаго нарѣчія. Но гдѣ же доказательства тому? Ихъ нѣтъ, а потому нельзя принять и самое мнѣніе. Скорѣе можно было бы принять, что синайскій служебникъ принадлежитъ къ хорватскому римско католическому отдѣлу глаголической письменности и занесенъ въ Болгарію латинскою пропагандою. Въ пользу мнѣнія о хорватскомъ происхожденіи этого памятника говорятъ, какъ присутствіе въ немъ (какъ и въ другихъ глагольскихъ памятникахъ: сборникъ Клоца, Четвероевангеліе В. И. Григоровича и др.) начертанія буквы ѣ (евѣстѣхъ)²⁾, не встрѣчаемаго въ чисто болгарскихъ памятникахъ, такъ и вышеупомянутая вставка объ апостолѣ Петрѣ, какъ намѣстникѣ Иисуса Христа, возможная никакъ не раньше X вѣка.

Находясь подъ вліяніемъ предвзятаго мнѣнія, что у Болгаръ до проповѣди св. Кирилла и Меодія была въ употребленіи кириллица, составленная Кирилломъ Каннадоко-Солунскимъ въ VII вѣкѣ по об-

¹⁾ Впрочемъ мы сомнѣваемся, чтобы нашъ авторъ былъ такого мнѣнія.

²⁾ И. Н. Срезневскій, Обзорніе глагол. памятниковъ въ *Изв. Археол. Общ.*, вып. IV, 1863 г. стр. 493—494.

разу греческой, авторъ въ юсахъ видитъ остатки этой греческой кириллицы ¹⁾), забывая, что въ греческомъ алфавитѣ нѣтъ юсовъ...

Довольно страннымъ представляется слѣдующее заявленіе нашего автора: „Одно прелюбопытное сказаніе, которое составляетъ часть сказанія о мученіи св. великомученика Никиты (приведено авторомъ во II-ой ч., отд. 1, стр. 128—130), докажетъ намъ, что Славянамъ въ Сербіи еще въ 1336 году извѣстенъ былъ переводъ Св. Писанія на языкъ готскій“ (стр. 128). Въ какомъ смыслѣ понимаетъ авторъ, что этотъ готскій переводъ Св. Писанія былъ извѣстенъ Сербамъ? Изъ приведеннаго имъ сказанія видно только то одно, что составитель сказанія о мученіи св. Никиты, родомъ Готь, ученикъ перваго Готскаго епископа Теофила, современникъ Теофилова преемника Ульфила. Очевидно, это сказаніе о мученіи св. Никиты довольно рано распространилось между южно-славянскими книжниками. Нашему автору удалось найти его въ одномъ сербскомъ спискѣ житій; ему при этомъ слѣдовало бы задать себѣ вопросъ, какимъ образомъ это сказаніе могло попасть въ сербскую рукопись, писанную 6844 (=1336 г.) вѣвмъ Θεодуломъ, (красивымъ сербскимъ полууставомъ), но не утверждать, что „готскій переводъ Св. Писанія былъ извѣстенъ Сербамъ“.

По исторіи южныхъ Славянъ въ разсматриваемомъ сочиненіи находится немного данныхъ, и притомъ есть въ сообщеніяхъ автора нѣкоторыя невѣрности. Такъ онъ невѣрно называетъ Сербскаго короля Степана Первовѣнчаннаго „слѣпорожденнымъ“; между тѣмъ въ житіи сего короля ясно говорится, что онъ былъ лишенъ зрѣнія по наущенію своей мачихи, византійской царевны; въ выраженіи же самого Степана Дечанскаго (въ одномъ его хрисовулѣ, пайденномъ почтеннымъ авторомъ): „слѣпорожденному мнѣ прозрѣніе даруй“ (ч. II, отд. I, стр. 133) можно видѣть смиреніе короля и нежеланіе его открыто объявлять виновниковъ своей слѣпоты—отца и мачиху. Невѣрно также авторъ полагаетъ время правленія Степана Дечанскаго съ 1321 по 1336 г. (ч. II, отд. I, стр. 133), когда уже вполне доказано, что онъ умеръ 1331 г., и въ тотъ же (1331) годъ вступилъ на престолъ его сынъ Степанъ Душанъ. Не точенъ авторъ, говоря, что царь Урошъ V, сынъ царя Душана, былъ лишенъ пре-

¹⁾ Путеш., ч. II, отд. I, стр. 138. Но всего замѣчательнѣе правописаніе болгарскаго акта (даннаго Константиномъ Асѣнемъ, XIII вѣка), испещренное юсами (тамъ же).

стола въ 1367 году (*ibid.*), давал тѣмъ поводъ полагать, что послѣ своего низверженія съ престола Урошь продолжалъ еще жить: это невѣрно, ибо краль Вукашинъ убилъ Уроша V, царя Сербовъ, сидѣвшаго на престолѣ, но не имѣвшаго дѣйствительной власти, а правившаго номинально.

Не смотря однако на указанные недостатки, справедливость требуетъ замѣтить, что достоинства сочиненія преосв. Порфирія далеко превышаютъ ихъ, и что вообще это трудъ очень важный и полезный, дѣлающій большую честь русской наукѣ.

Вл. Кочановскій.

Земельные радье Неманьне. Историческо-географическа студія Стојана Новаковића. У Београду. 1877.

Исслѣдованія по сербской исторической географіи уже были начаты почтеннымъ сербскимъ ученымъ Данничемъ. Его „Рѣчникъ изъ книжовнихъ старина српскихъ“ представляетъ матеріалъ для изслѣдованій въ этой области, хотя впрочемъ далеко недостаточный; въ него вошло, по мѣрѣ возможности, все по этому предмету изъ письменныхъ источниковъ. Но кромѣ этихъ данныхъ, необходимо еще имѣть въ виду и названія мѣстностей, сохранившіяся донинѣ изъ отдаленной старины. Г. Новаковичъ принялъ въ разчетъ оба эти источника; онъ остановилъ свое вниманіе на періодѣ образованія Сербскаго государства при Степанѣ Немани. Указавъ на связь исторіи съ географіей, авторъ приступаетъ къ опредѣленію границъ удѣловъ Немани и его братьевъ—Завида, Срацимира и Первослава, полученныхъ ими по смерти ихъ отца. Свѣдѣній объ удѣлѣ Немани больше, сравнительно со свѣдѣніями объ удѣлахъ его братьевъ, и потому почтенному ученому удалось высказаться нѣсколько опредѣленнѣе объ удѣлѣ перваго. Именно, удѣлъ Немани занималъ пространство „отъ Звѣчанскаго предѣла по западнымъ притокамъ рѣки Ибра, кромѣ Рашки, по р. Моравѣ; затѣмъ отъ Сталача граница шла на Расину подлѣ Мойсины, затѣмъ къ Ястребцу — къ тому мѣсту, гдѣ раздѣляются воды рѣкъ Моравы и Топлицы, затѣмъ на Прокупле; отсюда граница шла по горному хребту, раздѣляющему съ юга воды р. Топлицы, и пересѣкая верхнюю долину р. Лаба, направлялась къ р. Ситницѣ по вершинамъ,

которыя дѣлятъ воды рѣкъ Ибра, Ситницы и Бѣлаго Дрина“. Главныя оборонительныя пункты составляли на сѣверѣ — Сталачъ, на югѣ — Звѣчанъ, и на востокѣ Прокупле (стр. 16). По высказаннымъ затѣмъ предположеніямъ объ удѣлахъ братьевъ Немани нельзя ясно представить, какъ велики были ихъ удѣлы, сравнительно съ удѣломъ Немани, были ли они равны, или напротивъ, удѣлы старшаго Завида и другихъ по старшинству были больше удѣла самаго меньшаго (Немани). Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ, но отвѣчать на него не возможно по недостатку данныхъ. Не смотря на то, почтенный авторъ рѣшился высказаться опредѣленно о пространствѣ всѣхъ четырехъ удѣловъ. Упомянувъ о занятіи Степаномъ Неманей удѣловъ своихъ братьевъ, почтенный авторъ счелъ нужнымъ опредѣлить границы всего новаго владѣнія Немани. По его мнѣнію, „граница шла отъ окрестностей Пантіаа повше Звѣчана на западъ по хребту горъ, раздѣляющему воды рѣкъ Ибра и Бѣлаго Дрина, затѣмъ по хребту между рѣками Лимомъ, Тарой и Пивой и вдали Скадрскаго озера, затѣмъ по возвышенностямъ нынѣшней Герцеговины, поближе рѣкъ Пивы и Дрины, выше Прача къ Вышеграду; затѣмъ по правому берегу р. Дрины граница шла ниже Баиной бапты, заходя къ Повлену, и затѣмъ между равнинами рѣкъ Колубары, Лиги, Ясеницы, Лепеницы, Каленичской рѣки и Моравы къ Столачу на этой послѣдней рѣкѣ; отсюда мимо Мойсиня къ Ястребцу, къ Прокуплю, затѣмъ по хребту горъ, отдѣляющему воды Толицы, чрезъ долину р. Лаба, по утесамъ области рѣкъ Ибра и Ситницы къ Звѣчану“.

Понятно, что приведенныя границы не могутъ быть вполне точными, а лишь приблизительными.

Опредѣливъ съ болѣе или менѣе вѣроятною точностью границы владѣнія Степана Немани, почтенный ученый разсматриваетъ свидѣтельства самого Немани въ его дарственной грамотѣ Хиландарскому монастырю и его біографовъ-сыновей, св. Саввы I и Степана Первоначальнаго, въ составленныхъ ими житіяхъ своего отца о приращеніяхъ этой наследственной державы путемъ завоеваній. Авторъ съ замѣчательною точностью собралъ свѣдѣнія объ упомянутыхъ въ этихъ источникахъ мѣстностяхъ изъ грамотъ позднѣйшаго времени и описаній путешественниковъ нынѣшняго столѣтія—Ами-Буе, Гана, Иречка, Гильфердинга, Милоевича, Ястребова и друг., и на основаніи ихъ постарался указать, на сколько это было возможно, мѣстоположеніе каждаго изъ нихъ. Внимательное отношеніе автора къ по-

ставленной задачѣ дало ему возможность указать причину нѣкаго разлічія въ показаніяхъ трехъ поименованныхъ источниковъ. Такъ, самъ Немани въ хиландарскомъ хрисовулѣ говоритъ меньше св. Саввы I, а этотъ послѣдній меньше Степана Первовѣчаннаго (стр. 70). Въ этомъ разлічіи авторъ справедливо усматриваетъ разновременность появленія самихъ памятниковъ. Что касается хиландарскаго хрисовула Немани, то это было ясно безъ всякихъ другихъ доказательствъ: онъ данъ при жизни самого Немани, то-есть, явился раньше житій, составленныхъ его сыновьями уже, конечно, по его смерти. Дѣло другое — по отношенію обоихъ житій. До сего времени не было извѣстно, какое житіе появилось раньше; въ настоящее же время, послѣ изслѣдованія г. Новаковича, ясно видно, что Степанъ Первовѣчанннй писалъ позднѣе св. Саввы. Степанъ Первовѣчанннй внесъ въ свой трудъ разказъ о такихъ событіяхъ изъ исторіи расширенія владѣній Немани, которыя произошли уже по смерти сего послѣдняго, именно послѣ 1212 года; въ послѣдней главѣ своего труда онъ повѣствуетъ о томъ, какъ Угорскій король Андрей II и Византійскій императоръ поднялись походомъ на Сербію, какъ съ Угорскимъ королемъ былъ заключенъ миръ въ Равномѣ, вслѣдствіе чего силы Византійскаго императора были уменьшены, и Сербіи удалось возвратитъ всѣ тѣ владѣнія, какія ей принадлежали въ 1184 году, при Степанѣ Немани. Степанъ Первовѣчанннй возвратилъ Сербіи то, что уже было занято его отцомъ; изъ смиренія, какъ мѣтко замѣчаетъ нашъ авторъ, онъ не приписалъ себѣ того, что уже было сдѣлано его отцомъ, но утеряно, а имъ только возвращено (стр. 74). Но Степанъ Первовѣчанннй, допустивъ такую, скажемъ, неточность, не могъ скрыть достовѣрнаго факта, который въ свою очередь даетъ ключъ къ рѣшенію вопроса о времени появленія его труда.

Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что не все изложенное авторомъ въ разсматриваемомъ изслѣдованіи можетъ и должно быть принято безъ всякаго сомнѣнія; впрочемъ, это нѣрѣдко замѣчаетъ и самъ авторъ. Многое еще должно подвергнуться проверкѣ. Въ настоящее время мы указываемъ на то, что не слѣдуетъ соглашаться (стр. 11) съ слѣдующимъ объясненіемъ г. Павловича, почему въ сербской лѣтописи говорится, что Степанъ Немани вторично крестился (по православному обряду) на 30-мъ году своей жизни, когда св. Савва относитъ это крещеніе къ младенческому возрасту Немани (изнесеноу содштуу младѣнцѣоу томоу). Намъ кажется неубѣдительнымъ объ-

ясненіе г. Павловича, что сербскіе лѣтописцы приняли тридцатилѣтній возрастъ для вторичнаго крещенія Немани потому, что и Иисусъ Христосъ крестился у Іоанна Крестителя на томъ же году своей земной жизни ¹⁾. Намъ кажется, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что сербскій лѣтописецъ XV—XVI в., повѣствуя объ этомъ событіи, въ состояніи былъ сдѣлать одно добавленіе къ свидѣтельству біографовъ: это—обозначеніе по имени Рапскаго епископа (Леонтія), крестившаго Неманю. Слѣдуетъ допустить, что у составителя Карловицкой лѣтописи былъ источникъ новый, кормѣ житій, составленныхъ Саввой и Степаномъ Первовѣнчаннымъ. Но мы, однако, вовсе не намѣрены оспаривать достовѣрность свидѣтельства Саввы относительно обозначенія возраста, въ который Неманя былъ вторично крещенъ. По нашему мнѣнію, все различіе будетъ устранено (при чемъ несколько не пострадаетъ историческая критика) предположеніемъ, что составитель лѣтописи (или позднѣйшій переписчикъ) по ошибкѣ принялъ л за д. Такъ мы объясняемъ себѣ слѣдующее мѣсто лѣтописи: „и тоу (въ Росѣ) пріемлетъ (Неманя) светое крещеніе, роукою всеосвещеннаго епископа рапскога Леонтія, възрастомъ си. л. лѣтъ“ (Карл. лѣт. Рат., стр. 58) вмѣсто: д лѣтъ.

Съ географическимъ изслѣдованіемъ у почтеннаго автора само собою соединяется изслѣдованіе чисто-историческое, такъ что его трудъ представляетъ въ то же время довольно удачный, хотя не вполне исчерпывающій предметъ очеркъ исторіи Сербіи въ эпоху Немани. Но нужно помнить, что авторъ не задавался цѣлью написать обстоятельную исторію. Вообще, монографія г. Новаковича представляетъ хорошій вкладъ въ науку.

¹⁾ Домаћи извори. Збитакъ... стр. 1, прим. 1-е.

В. Качановскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ И ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЯМЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1878 ГОДЪ ¹⁾.

Истекающій годъ останется въ нашей лѣтописи печально памятнымъ по многочисленности утратъ, постигшихъ Академію.

Въ числѣ нашихъ почетныхъ членовъ не стало князя С. И. Давыдова, бывшаго долгое время нашимъ вице-президентомъ, и С. А. Геденова, съ успѣхомъ посвящавшаго русской исторіи и литературѣ немногіе часы досуга, которые оставляли ему лежавшія на немъ важныя служебныя обязанности.

Изъ списка отечественныхъ членовъ-корреспондентовъ мы съ прискорбіемъ должны были вычеркнуть служившія его украшеніемъ имена, дорогія для русской науки и просвѣщенія: сошли въ могилу Осипъ Михайловичъ Ковалевскій, старѣйшій изъ русскихъ ориенталистовъ, и Николай Владиміровичъ Ханниковъ, соединившій въ себѣ съ обширными энциклопедическими познаніями рѣдкую любовь къ кабинетной лѣтательности, плодомъ которой былъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ сочиненій; Дмитрій Васильевичъ Полѣновъ, неутомимый дѣлатель на

¹⁾ Составленъ и читанъ въ торжественномъ годичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1878 г. непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ К. С. Веселовскимъ.

поприцѣ отечественной археологіи, отличный знатокъ русскихъ лѣтописей и издатель Историческихъ свѣдѣній о знаменитой Екатерининской комисіи уложенія; наконецъ, Юлій Андреевичъ Гагеѣмейстеръ, котораго многочисленныя труды по статистикѣ и финансамъ Россіи останутся на всегда образцами для работъ подобнаго рода.

Изъ знаменитыхъ ученыхъ, принадлежавшихъ къ нашей средѣ въ качествѣ иностранныхъ членовъ-корреспондентовъ, скончались: плодovitый математикъ Бьенеме, членъ Французскаго института; знаменитый физикъ Реньо, членъ того же института; Фрисъ, отличный шведскій ботаникъ, оказавшій наукѣ незабвенную услугу разработкою флоры Скандинавскаго сѣвера; Клодъ-Бернаръ, одинъ изъ перво-классныхъ физиологовъ нынѣшняго столѣтія, котораго остроумныя труды составляли эпоху въ развитіи нашихъ познаній о главнѣйшихъ отправленияхъ человѣческаго тѣла, и въ особенности, о пищевареніи и функціяхъ печени; Бруно Гильдебрандтъ, профессоръ Гельскаго университета, основатель и директоръ статистическаго бюро Тюрингіи, стяжавшій своими работами по статистикѣ и политической экономіи почетное мѣсто среди ученыхъ, оказавшихъ наиболѣе услугъ этимъ двумъ отраслямъ знанія; Руле, профессоръ въ Гентѣ, прославившійся сочиненіями по классической археологіи, и въ особенности, объясненіемъ изображеній на античныхъ вазахъ; Р. Герхеръ, членъ Берлинской академіи наукъ, много способствовавшій восстановленію правильнаго текста греческихъ прозаиковъ; Лерсъ, кенигсбергскій профессоръ, одинъ изъ первыхъ авторитетовъ по вопросамъ о греческой грамматикѣ; Торнбергъ, въ Лундѣ, ученикъ знаменитаго Сильвестра де Саси, считавшійся по праву однимъ изъ основательнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ ориенталистовъ въ Европѣ; наконецъ, Гарсенъ де-Тасси, знаменитый профессоръ языка и литературы Индустана въ Парижской школѣ живыхъ восточныхъ языковъ.

Какъ ни горестно было для насъ исчезновеніе этихъ свѣтилъ науки, смерть которыхъ была утратой и для всего ученаго міра, еще болѣе отозвалась въ сердцѣ каждаго изъ насъ потеря, постигшая Академію въ самой ближайшей ея средѣ. Намъ, болѣе или менѣе стоящимъ уже близко отъ предѣла человѣческой жизни, пришлось 7-го іюля сего года проводить въ могилу академика Е. П. Золотарева, которому его годы и цвѣтущее здоровье давали право надѣяться пережить всѣхъ насъ.

Не смотря на свою молодость, онъ успѣлъ уже проявить столь блестящій талантъ, что мы съ полнымъ основаніемъ смотрѣли на

него, какъ на будущую славу русской науки и нашей Академіи. Но этимъ ожиданіямъ не суждено было исполниться: роковой случай неожиданно положилъ конецъ едва разцвѣтшей жизни и оставилъ въ нашей средѣ пробѣлъ, который не легко будетъ заполнить.

Егоръ Ивановичъ Золотаревъ родился въ 1847 г., въ Петербургѣ, и здѣсь же получилъ образованіе, сначала въ 5-й гимназій, а затѣмъ въ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1867 г. со степенью кандидата. Рѣдкія математическія способности, выказанныя имъ еще на студенческой скамьѣ и развившіяся подѣ влияніемъ отличныхъ геометровъ, руководствомъ которыхъ онъ имѣлъ счастье пользоваться, доставили ему уже весьма рано ученую зрѣлость, впервые выразившуюся въ его диссертациі обѣ одномъ вопросѣ о наименьшихъ величинахъ. Это сочиненіе, заключающее въ себѣ полное рѣшеніе такихъ задачъ, которыя, по своей трудности, были оставлены безъ рѣшенія болѣе опытными математиками, доставило Золотареву кафедру приватъ-доцента въ здѣшнемъ университетѣ. Всего черезъ годъ послѣ того, Егоръ Ивановичъ уже является публично защищающимъ важное въ своемъ родѣ разсужденіе обѣ одномъ неопредѣленномъ уравненіи третьей степени и получаетъ за него званіе магистра. Наконецъ, высшую ученую степень, доктора математики, и вслѣдъ затѣмъ званіе экстраординарнаго профессора, онъ по праву приобрѣлъ не менѣ замѣчательнымъ сочиненіемъ о теоріи цѣлыхъ комплексныхъ чиселъ и обѣ ихъ приложеніи къ интегральному исчисленію. Когда, въ концѣ апрѣля 1876 г., внезапная смерть вырвала изъ среды нашей такого высокодаровитаго и дѣятельнаго представителя математическихъ наукъ, каковымъ былъ О. И. Сомовъ, Академія, желая вознаграждать хотя бы только въ нѣкоторой степени, эту невозмѣстимую утрату и съ этою цѣлью обзрѣвая семью русскихъ математиковъ, остановила свое вниманіе на Золотаревѣ, какъ на такомъ ученомъ, котораго напечатанные имъ труды указывали, какъ на наиболѣе достойнаго быть преемникомъ Сомова. Егоръ Ивановичъ былъ принятъ въ Академію со званіемъ адъюнкта въ концѣ 1876 года. Плодовитость бываетъ почти всегдашней спутницею истиннаго таланта: не успѣлъ Золотаревъ вступить въ Академію, какъ онъ уже представилъ ей, одинъ за другимъ, два важные мемуара; въ первомъ изъ нихъ онъ далъ полную теорію комплексныхъ чиселъ, которыя уже были предметомъ его докторской диссертациі, а во второмъ, „О приложеніи эллиптическихъ функций къ вопросамъ о функцияхъ наиболѣе или наименѣе отклоняющихся отъ нуля“, имъ дано рѣшеніе нѣсколькихъ задачъ, составляющихъ новое

приложеніе эллиптическихъ функций къ алгебрѣ. Кромѣ этихъ трудовъ, онъ успѣлъ въ теченіе своей недолгой жизни напечатать нѣсколько замѣчательныхъ статей въ специальныхъ математическихъ сборникахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Безусловная преданность Золотарева наукѣ, его рѣдкая неутомимость въ трудѣ, разнообразіе усвоенныхъ имъ знаній, его проницательный взглядъ и быстрая сообразительность въ труднѣйшихъ вопросахъ математическаго анализа, все это позволяло ожидать отъ нашего соотеченца еще болѣе блестящихъ и цѣнныхъ трудовъ, чѣмъ тѣ, которыми онъ уже ознаменовалъ свою дѣятельность; все предвѣщало ему будущность мощнаго двигателя любимой имъ науки. Судьбѣ угодно было разрушить эти ожиданія. На близкую и полную замѣну Золотарева едва ли мы можемъ рассчитывать, потому что подобныя ему, истинные избранники науки представляютъ явленіе крайне рѣдкое. Во всякомъ случаѣ, если Академіи со временемъ и посчастливится при выборѣ преемника Золотареву, тѣмъ не менѣе въ исторіи нашего учрежденія навсегда сохранится воспоминаніе о немъ, какъ о свѣтломъ метеорѣ, блеснувшемъ на горизонтѣ науки.

Кабинетные труды ученыхъ, доведенные до болѣе или менѣе законченныхъ выводовъ, были предметомъ чтеній въ нашихъ засѣданіяхъ.

По математикѣ, академикъ П. Л. Чебышевъ, продолжая свои изслѣдованія, которыя уже и прежде привели его къ весьма важнымъ результатамъ, читалъ намъ записку о паралелограмахъ, состоящихъ изъ трехъ элементовъ и симметрическихъ относительно одной оси. Здѣсь онъ предложилъ формулы для опредѣленія простѣйшихъ составчатыхъ системъ, доставляющихъ прямолинейное движеніе съ возможно большею точностью.

Членъ-корреспондентъ Миндичъ сообщилъ намъ двѣ статьи, изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ любопытное приложеніе исчисленія конечныхъ разностей къ суммованію ряда особаго вида, а другая служитъ весьма важнымъ дополненіемъ къ прежнимъ изслѣдованіямъ заслуженнаго геометра о кривыхъ наименьшаго периметра на кривыхъ поверхностяхъ.

По астрономіи чтеніями, занимавшими наши засѣданія, служили преимущественно труды Пулковской обсерваторіи.

Появленіе въ свѣтъ IX тома Пулковскихъ наблюденій, содержащаго въ себѣ 40-лѣтнія микрометрическія измѣренія, произведенныя академикомъ О. В. Струве надъ двойными звѣздами Дерптскаго и Пулковскаго каталоговъ, несомнѣнно имѣетъ высокое значеніе для

ислѣдованій объ относительныхъ движеніяхъ въ звѣздныхъ системахъ. Эти наблюденія, важныя по своей многочисленности и точности, имѣютъ для науки еще большую цѣну вслѣдствіе того, что они, за весь весьма продолжительный періодъ наблюдений, произведены однимъ и тѣмъ же лицомъ, при помощи одного и того же инструмента и съ примѣненіемъ одинаковаго способа. Благодаря этому обстоятельству, г. Струве получилъ возможность придать своимъ выводамъ высокую степень точности, освободивъ ихъ отъ личныхъ и систематическихъ погрѣшностей, свойственныхъ этого рода наблюденіямъ. Эти изслѣдованія подробно изложены въ введеніи къ IX тому Пулковскихъ наблюдений. Къ нимъ присоединены тщательно выведенныя постоянныя разности между рядами измѣреній другихъ извѣстнѣйшихъ наблюдателей, позволяющія привести всѣ эти измѣренія къ одной и той же нормальной системѣ.

Прохожденіе Меркурія 6-го мая (24-го апрѣля) было наблюдаемо въ Пулковѣ четырнадцатью трубами различной силы; эти наблюденія доказали тотъ важный фактъ, что планета Меркурій не имѣетъ такой густой атмосферы, какую замѣтили астрономы на Венерѣ, при ея прохожденіи. Какъ о любопытномъ фактѣ упомянемъ, что адъютантъ-астроному Пулковской обсерваторіи Гассельбергу удалось видѣть, помощью спектроскопа, за двѣ минуты до прикосновенія краевъ Меркурія и Солнца, дискъ планеты, проектированный на солнечномъ вѣнцѣ.

Ученому міру уже извѣстны остроумныя изслѣдованія г. фонъ-Астена о движеніи кометы Энке и о возникшей по ея поводу гипотезѣ относительно противодѣйствующей среды. Въ настоящемъ году наши Мемуары украсились новымъ трудомъ г. фонъ-Астена, въ которомъ онъ распространилъ свои изслѣдованія на всѣ появленія кометы съ 1819 по 1875 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ эфемериду этой кометы для ея появленія въ нѣлѣшнемъ году; точность его вычисленій уже подтвердилась многочисленными наблюденіями, произведенными на южномъ полушаріи. Къ сожалѣнію, самому автору, не суждено было дожидаться этого блестящаго подтвержденія его теоріи безвременная смерть прекратила столь полезную для науки дѣятельность даровитаго астронома.

Безъ преувеличенія можно сказать, что наши познанія о сущности кометъ вообще находятся въ состояніи младенчества; едва лишь начинаютъ зарождаться нѣкоторыя опредѣленныя понятія о силахъ, дѣйствующихъ въ этихъ свѣтилахъ и производящихъ столь разнообраз-

ныя и величественныя явленія. Лишь послѣднія десятилѣтія показали путь, на которомъ мы можемъ надѣяться достигъ до болѣе вѣрнаго представленія о кометахъ. Въ этомъ отношеніи составляетъ эпоху извѣстная теорія Бесселя объ образованіи кометныхъ хвостовъ, вызванная появленіемъ Галесвой кометы въ 1835 году. Дальнѣйшему развитію этой теоріи содѣйствовали нашъ членъ-корреспондентъ Вредихинъ. Произведенныя имъ въ настоящемъ году изслѣдованія по этой части привели его къ заключенію, что существуетъ три типа кометныхъ хвостовъ, опредѣляемые отношеніемъ притяженія солнца къ его отталкивательной силѣ, дѣйствующей въ близкомъ разстояніи на частицы кометъ и находящейся въ зависимости отъ свойствъ этихъ частицъ. Должно надѣяться, что спектральный анализъ дастъ въ непродолжительномъ времени дальнѣйшее подтвержденіе этимъ предположеніямъ.

Вообще отъ спектральнаго анализа можно ожидать весьма важныхъ послѣдствій для нѣкоторыхъ отраслей астрономіи. Однако, въ примѣненіи къ небеснымъ тѣламъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, онъ стоитъ еще на шаткихъ основаніяхъ, которыя необходимо упрочить, прежде чѣмъ выводить изъ спектральныхъ наблюденій надъ свѣтилами заключенія съ такою точностью, какою отличаются другія астрономическія изслѣдованія. Къ этой цѣли главнымъ образомъ направлена дѣятельность астрофизической лабораторіи Пулковыя. Сюда, между прочимъ, относятся два сочиненія г. Гассельберга, изъ которыхъ одно посвящено приведенію спектральныхъ наблюденій Кирхгофа въ длины волнъ, а другое имѣетъ своимъ предметомъ точное описаніе и измѣреніе спектровъ поглощенія паровъ азотнатовой кислоты и брома. Въ послѣднемъ трудѣ автору удалось доказать неосновательность мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, будто перемѣщеніе линій спектра находится въ зависимости отъ плотности газа.

Спектральный анализъ, вѣроятно, разъяснитъ также и многое относительно физическихъ свойствъ такихъ звѣздъ, яркость которыхъ періодически измѣняется. Такъ какъ подобныя звѣзды отличаются по большей части красноватымъ цвѣтомъ, то астрономы обращаютъ теперь особенное вниманіе на красныя звѣзды, первый каталогъ которыхъ, составленный г. Шьелерупомъ, появился лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Къ числу 280 звѣздъ, указанныхъ г. Шьелерупомъ, въ недавнее время прибавилось еще 42 звѣзды, открытыя г. Линдема-

номъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Пулковскія фотометрическія наблюденія позволяютъ уже подозрѣвать измѣненіе яркости.

Въ заключеніе обзора астрономическихъ трудовъ, упомянемъ о наблюденіяхъ, произведенныхъ академикомъ А. Н. Савичемъ надъ противостояніями планетъ и надъ прохожденіемъ Меркурія. Сверхъ того, нашъ сочленъ читалъ намъ любопытную записку о гнутіи ножекъ штативовъ въ оборотномъ маятникѣ Релсольда и о зависящей отъ того поправкѣ въ выводѣ длины простаго маятника.

Связь, существующая между астрономіей и геологіей, всего поразительнѣе выступаетъ въ наблюденіяхъ колебаній, замѣчаемыхъ на чувствительныхъ уровняхъ астрономическихъ инструментовъ при землетрясеніяхъ даже въ отдаленныхъ странахъ. Перечень явленій этого рода обогатился новымъ, весьма любопытномъ фактомъ. Одинъ изъ Пулковскихъ астрономовъ, г. Нюренъ, 9-го мая 1877 г. замѣтилъ довольно значительное безпокойство на уровнѣ пассажнаго инструмента, установленнаго въ первомъ вертикалѣ, а чрезъ нѣсколько дней телеграммы принесли извѣстіе о случившемся въ ночь того же числа землетрясенія, жертвою котораго сдѣлался городъ Иквикву въ Перу. По вычисленію оказалось, что колебаніе уровни въ Пулковѣ произошло лишь часомъ позднѣе главныхъ ударовъ землетрясенія, изъ чего должно заключить, что дрожаніе почвы у насъ не составляло продолженія колебанія земной коры, распространившагося къ намъ изъ Америки, но что оба феномена были отдѣльными проявленіями одной и той же силы, дѣйствовавшей внутри земнаго шара.

Для насъ, обитателей земной поверхности, особый интересъ представляютъ явленія, происходящія въ слоѣ земли, непосредственно находящемся подъ нашими ногами, и въ особенности явленія, зависящія отъ дѣйствія солнечныхъ лучей на нашу планету. Хотя геотермическія изслѣдованія издавна занимали физиковъ, однако въ этой области остается еще много неразъясненныхъ вопросовъ. Поэтому академикъ Г. И. Вильдъ счелъ полезнымъ подвергнуть подробному изслѣдованію ряды весьма точныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ температурою земли въ Петербургѣ и въ Нукусѣ, на Аму-Дарьѣ.

Для нефизиковъ можетъ показаться поразительнымъ, что до сихъ поръ въ наукѣ оставался не рѣшеннымъ съ необходимою точностью вопросъ о томъ, что собственно должно разумѣть подъ температурою воздуха. Между тѣмъ этотъ вопросъ представляется основнымъ для метеорологій. Это побудило г. Вильда заняться изслѣдованіемъ по этому предмету, и плодомъ его трудовъ была читанная намъ записка,

въ которой нашъ сочленъ изложилъ строгій методъ, употребленный имъ для рѣшенія означенной задачи, и практическое приложеніе этого метода къ такой установкѣ термометра, при которой онъ показывалъ бы истинную температуру воздуха, не измѣненную вліаніемъ лучеиспусканія. Въ запискѣ подробно описаны наблюденія, произведенныя г. Вильдомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на открытомъ воздухѣ и въ комнатѣ надъ показаніями термометра, заключеннаго въ жестяной будочкѣ такого устройства, которое позволяетъ опредѣлять истинную температуру воздуха съ точностью до 0,1 градуса. Снарядъ подобнаго устройства уже четыре года какъ введенъ на русскихъ метеорологическихъ станціяхъ, и такимъ образомъ уже принесъ свою пользу для оцѣнки точности нашихъ наблюденій при прежнемъ способѣ выставки термометровъ. Для достиженія большей точности при опредѣленіи атмосфернаго давленія въ различныхъ мѣстахъ, г. Вильдъ предложилъ весьма существенныя улучшенія въ устройствѣ сифоннаго барометра, съ тѣмъ, чтобы онъ служилъ для точнаго сравненія между собою, такъ называемыхъ нормальныхъ или первоклассныхъ барометровъ отдаленныхъ одна отъ другой станцій. Этотъ повѣрочный барометръ имѣетъ еще и то преимущество, что въ путешествіи можетъ быть удобно разбираемъ, безъ измѣненія величины поправки его показаній. Наконецъ, для усовершенствованія методовъ наблюденій земнаго магнетизма имѣетъ значеніе записка г. Вильда объ опредѣленіи абсолютнаго наклоненія помощью индукціоннаго индуктора.

Послѣ того, какъ главная физическая обсерваторія, вслѣдствіе своего преобразованія въ 1872 г., получила больше средствъ къ дѣятельности, одною изъ важнѣйшихъ задачъ ея стала основательная обработка всего богатаго матеріала ежечасныхъ наблюденій надъ явленіями метеорологическими и земнаго магнетизма, производимыми въ Россіи въ такомъ значительномъ числѣ пунктовъ, какимъ не можетъ похвалиться ни одна страна. Такимъ образомъ въ предшествовавшихъ годахъ, нашъ Метеорологическій сборникъ представилъ на своихъ страницахъ полную обработку всѣхъ ежечасныхъ наблюденій надъ температурой и влажностью воздуха въ Россійской имперіи и такую же обработку наблюденій магнитнаго склоненія на главныхъ станціяхъ. Въ настоящемъ году окончены г. Рыкачевымъ обширный трудъ, имѣющій своимъ предметомъ ежечасныя измѣненія давленія воздуха въ Россіи. Желая достигнуть болѣе общихъ и прочныхъ результатовъ, авторъ распространилъ свои изысканія, сверхъ 11-ти русскихъ

ставцій, еще на 24 иностранныхъ. При помощи богатаго, критически очищеннаго митеріала, онъ получилъ возможность характеризовать лучше, чѣмъ это было до сихъ поръ сдѣлано, суточный ходъ атмосфернаго давленія и яснѣе выказать зависимость этого хода отъ географическаго положенія мѣста и отъ времени года. Какъ на весьма важный результатъ такого изслѣдованія, можно указать на то, что для объясненія причины суточныхъ колебаній барометра, г. Рыкачевымъ предложена теорія, болѣе простая и правдоподобная, чѣмъ та, которая, будучи предложена Дове почти полвѣка тому назадъ, до сихъ поръ господствовала въ наукѣ.

Кромѣ означенныхъ статей, въ нашихъ изданіяхъ напечатаны по части физики и метеорологіи: 1) разсужденіе члена-корреспондента Академіи Р. Ленца о гальваническомъ сопротивленіи водныхъ растворовъ солей, калия, натрія и аммонія, 2) записка г. Рыкачева о распредѣленіи вѣтровъ на Балтійскомъ морѣ, 3) статья г. Дорандта о показаніяхъ анеометра, 4) записка г. Гельмана о сравненіи нормальныхъ барометровъ Петербурга, Дерпта, Гельсингфорса, Стокгольма и Уисалы, и 5) сдѣланный г. Штеллигомъ сводъ фотометрическихъ наблюденій надъ силою дневнаго свѣта въ Петербургѣ.

По отдѣлу химіи, профессоръ Н. А. Меншуткинъ сообщилъ намъ результаты дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованій о вліяніи изомеріи алкогелей и кислотъ на образованіе сложныхъ эфировъ. Сверхъ того, помѣщены въ нашемъ Бюллетенѣ слѣдующія работы постороннихъ лицъ: 1) г-жи Лермонтовой—о дѣйствиіюдістаго третичнаго бутила на изобутиленъ въ присутствіи металлическихъ окисей, 2) г. Павлова—о тетраметиленѣ и его производныхъ и о химическомъ строеніи пинакона, и 3) г. Явейна—о гексиленахъ, получаемыхъ изъ третичныхъ гексильныхъ спиртовъ и объ ихъ уплотненіи.

Весьма цѣннымъ вкладомъ для геологіи Россіи является начало обширнаго труда академика Шмидта о трилобитахъ силурійской формации на восточномъ побережьи Балтійскаго моря, изученіемъ которыхъ онъ занимается уже болѣе двадцати лѣтъ. О русскихъ трилобитахъ было до сего времени писано не мало гг. Фольбортомъ, Эйхвальдомъ, Куторгой и другими. Но всѣ эти ученые имѣли въ своихъ рукахъ только отдѣльныя коллекціи и не могли пользоваться достаточно-богатымъ матеріаломъ. Поэтому результаты, къ которымъ они приходили, были весьма различны между собою, такъ что до сихъ поръ трудно сдѣлать вѣрное сравненіе трилобитовъ русской силурійской почвы съ силурійскими же трилобитами другихъ странъ, обра-

ботанными гораздо полнѣе, на основаніи болѣе богатыхъ матеріаловъ. Обстоятельства поставили г. Шмидта въ весьма счастливое положеніе, давъ ему возможность пользоваться всеми матеріалами, собранными въ разное время о нашей силурійской формации и хранящимися въ разныхъ музеяхъ Петербурга, Дерпта и Ревеля. Кромѣ того, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ шведскими учеными, онъ получаетъ отъ нихъ матеріалъ, необходимый для сравненій нашихъ трилобитовъ съ силурійскими окаменѣlostями Швеціи. Вся монографія г. Шмидта будетъ содержать въ себѣ описаніе около 140 трилобитовъ, найденныхъ въ силурійской почвѣ Петербургской и Эстляндской губерній. Первый ея выпускъ, уже поступившій въ печать, заключаетъ въ себѣ описаніе группы *Rhacoridae*, въ числѣ 20 видовъ вмѣстѣ съ краткимъ изложеніемъ геологическаго строенія силурійской системы въ названныхъ двухъ губерніяхъ.

По части палеонтологіи, отмѣтимъ еще записку, въ которой профессоръ В. Меллеръ представилъ разборъ коллекцій, привезенныхъ г. Данилевскимъ съ р. Манычъ, и пришелъ къ заключенію, что новѣйшія геологическія отложения въ долину этой рѣки относятся къ Каспійскому, а не къ Азовскому морю, какъ предполагалось прежде.

Отечественная флора получила существенное приращеніе въ монографіи г. Гоби о водоросляхъ Бѣлаго моря. Воспользовавшись богатымъ матеріаломъ, накопившимся въ музеяхъ Академіи со времени путешествій Вэра, Миддендорфа и другихъ ученыхъ, авторъ подробно описалъ всѣ свойственные этому морю виды водорослей и чрезъ то далъ прочное основаніе для характеристики растительности въ этомъ отдаленномъ бассейнѣ. Теперь стало ясно, что бѣломорская флора состоитъ изъ двухъ элементовъ: изъ представителей западно-европейскихъ морей, или точнѣе, Атлантическаго океана, и изъ водорослей Сѣвернаго Ледовитаго моря, при чемъ, по числу видовъ, первые составляютъ большинство; тѣмъ не менѣе характеръ флоры опредѣляется вторыми, такъ какъ они, сравнительно съ первыми, имѣютъ здѣсь большее распространеніе.

По физиологіи растений, профессоръ А. С. Фаминцынъ посвятилъ теоріи зародышевыхъ пластовъ любопытное изслѣдованіе, въ которомъ, при помощи препаратовъ, приготовленныхъ имъ по способу Нестермейера, онъ убѣдился, что въ зародышѣ нѣкоторыхъ растений образованіе тканей въ сѣмядоляхъ слѣдуетъ тому же правилу, какъ и въ корешкѣ — выводъ, при настоящемъ положеніи растительной

эмбриологіи, чрезвычайно важный и гораздо болѣе правдоподобный, чѣмъ тотъ, который существовалъ до сихъ поръ въ наукѣ.

Здѣсь же мы должны упомянуть о сравнительно-гистіологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ г. Клинге надъ корвями злаковъ и ситовниковыхъ.

Нашъ маститый зоологъ, академикъ *Θ. Θ. Брандтъ*, какъ извѣстно, посвятилъ уже много лѣтъ изученію главныхъ представителей фауны, современной началу потретичнаго періода въ Европѣ и Азіи, а слѣдовательно, и Россіи. Недавнія, чрезвычайно замѣчательныя пріобрѣтенія по этой части, обогатившія нашъ зоологическій музей, доставили г. Брандту возможность издать существенныя дополненія къ его обширной, напечатанной въ 1877 году монографіи о семействѣ носороговъ, какъ живущихъ, такъ и вымершихъ.

Но съ особымъ вниманіемъ будетъ встрѣченъ въ учебномъ мірѣ другой трудъ г. Брандта, имѣющій своимъ предметомъ также гигантское, давно вымершее животное, извѣстное подъ именемъ эласмотерія. Извѣстныя до сихъ поръ остатки этого животнаго, обитавшаго нѣкогда отъ Рейна до Киргизскихъ степей, состояли лишь изъ нѣсколькихъ зубовъ и обломковъ челюсти и черепа; основываясь на нихъ, г. Брандтъ, въ свое время, опредѣлилъ для эласмотерія мѣсто въ зоологической системѣ, причисливъ его къ семейству носороговъ, но какъ форму, по строенію зубовъ напоминающую лошадь. Этотъ взглядъ нашель себѣ въ настоящее время блестящее подтвержденіе въ полномъ черепѣ означеннаго животнаго, найденномъ на Волгѣ, близъ Саренты. Основываясь на этой находкѣ, г. Брандтъ дополнилъ наши познанія объ эласмотеріѣ, показавъ, что при общемъ сродствѣ своемъ съ носорогами, онъ наиболѣе близокъ къ тѣмъ ихъ видамъ, которые отличаются костяною носовою перегородкой, и что по нѣкоторымъ признакамъ, общимъ съ лошадьми, его слѣдуетъ считать особымъ подсемействомъ въ группѣ носороговъ. Свои соображенія объ этомъ г. Брандтъ изложилъ въ подробномъ мемуарѣ, въ которомъ, сверхъ того, собралъ факты, доказывающіе, что эласмотерій существовалъ одновременно съ упомянутыми носорогами, бизономъ, гигантскимъ оленемъ, а вѣроятно, и съ человекомъ.

Нашъ знаменитый русскій ихтіологъ, членъ-корреспондентъ *К. Θ. Кесслеръ*, подѣлился съ нами новѣйшими своими изслѣдованіями, предметомъ для которыхъ послужили ему драгоценныя коллекціи рыбъ, привезенныя изъ Средней Азіи послѣдними путешественниками въ этомъ краѣ.

Класеѣ морскихъ губокъ, любопытный для зоологовъ по разнообразію и непостоянству формъ, остановилъ на себѣ вниманіе г. Мерезковскаго, который, проведя лѣтніе мѣсяцы 1876 и 1877 гг. на Соловецкихъ островахъ съ спеціальною цѣлью изученія губокъ Бѣлаго моря, сообщилъ намъ выводы изъ своихъ наблюденій какъ относительно встрѣчающихся тамъ породъ этихъ животныхъ, такъ и въ отношеніи ихъ анатомическихъ и физиологическихъ особенностей.

Сокровища, собранныя въ нашемъ зоологическомъ музеѣ, послужили г. Бетхеру основою для монографіи, содержащей въ себѣ обзоръ встрѣчающихся въ Россіи представителей богатаго по формамъ и труднаго для обработки рода сухопутныхъ улитокъ *Clausilia*.

Въ заключеніе перечня чтеній въ засѣданіяхъ физико-математическаго отдѣленія Академіи укажемъ на сочиненіе академика Ф. В. Овсянникова объ анатомическомъ строеніи большихъ полушарій мозга и мозжечка у дельфина и у другихъ позвоночныхъ животныхъ, и на три записки нашего неутомимо дѣятельнаго члена корреспондента, доктора г. Грубера, служація продолженіемъ его изслѣдованій о варіаціяхъ разныхъ мускуловъ и костей у человѣка.

Въ области занятій нашего историко-филологическаго отдѣленія изученіе Востока продолжало занимать важное мѣсто.

Академикъ Б. А. Дорнъ посвятилъ особый мемуаръ знаменитымъ надписямъ на древней башнѣ въ Радеканѣ, мазандеранскомъ селеніи, лежащемъ на пути отъ Гезскаго берега къ Шахруду, воспользовавшись при этомъ пріобрѣтенными для нашего азіатскаго музея снимками. По мнѣнію ориенталистовъ, изданіе этихъ двуязычныхъ надписей принесетъ немалую пользу для изученія пеглевійскаго языка.

Предметомъ другаго труда г. Дорна было семнанское нарѣчіе, весьма древняя, почти вымершая, но оставшаяся внѣ вліянія новоперсидскаго языка, отрасль иранскаго корня. Въ настоящее время это нарѣчіе существуетъ, въ видѣ живаго языка, только въ городкѣ Семнанѣ и въ окружающихъ его селеніяхъ, по дорогѣ къ Тегерану. Семнанское нарѣчіе, подобно нарѣчіямъ мазандеранскому, гиланскому, татскому и талышинскому, тѣмъ примѣчательнѣе, что въ немъ сохранились слова и формы, уже не употребительныя въ новоперсидскомъ языкѣ, а потому оно полезно при изученіи иранскихъ языковъ и нарѣчій.

Предметомъ занятій академика М. И. Броссе были двѣ армянскія редакціи любопытнаго какъ въ литературномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, сказанія о Варлаамѣ и Іоасафѣ.

Академикъ А. А. Шифнеръ, продолжая свои развѣдки по части буддизма, напечаталъ собраніе изрѣченій, составленное знаменитымъ буддѣйскимъ ученымъ Васубанду, снабдивъ ихъ съ своей стороны объяснительными примѣчаніями.

Въ области лингвистики, изслѣдованіе разныхъ отраслей финской семьи языковъ составляетъ задачу жизни нашего маститаго сочлена, академика Ф. И. Видемана. Въ настоящемъ году онъ представилъ намъ, въ видѣ оконченной работы, словарь зырянскаго языка, обнимающій собою не только этотъ языкъ, но и относящійся къ нему, какъ его нарѣчіе, пермичій языкъ, а въ особомъ приложеніи — отстоящій отъ него нѣсколько далѣе вотячскій языкъ. Такимъ образомъ въ словарь г. Видемана содержится весь лексикальный составъ цѣлой бѣарской или пермской группы финской семьи.

По части исторіи, членъ-корреспондентъ академіи Цахаріе фонъ-Лингенталь украсилъ наши изданія новымъ своимъ трудомъ о сборникахъ каноническаго права изъ временъ упадка Византійской имперіи и турецкаго владычества. Это сочиненіе ученаго византиста, конечно, будетъ встрѣчено съ признательностью славянскими и въ особенности русскими канонистами, какъ извѣстно, обращающими теперь свое особенное вниманіе на источники и руководства, составленные греческими духовными лицами въ означенный періодъ времени и отчасти переведенные въ послѣднія столѣтія на церковно-славянскій языкъ.

Представитель въ нашей средѣ классической филологіи, академикъ А. К. Наукъ сосредоточивалъ свои труды на критикѣ Гомера и Софокла и по поводу изданныхъ г. Кинкелемъ отрывковъ изъ твореній греческихъ эпиковъ, сообщилъ въ нашемъ Бюлетенѣ рядъ дополненій и поправокъ къ тексту этихъ поэтовъ.

Наконецъ, замѣчательные памятники древне-классическаго искусства, извлеченіе которыхъ изъ мрака вѣковыхъ могилъ составляетъ неотъемлемую заслугу Императорской археологической комисіи, доставили нашему сочлену Л. Э. Стефани поводъ обогатить новыми изслѣдованіями нѣкоторые еще недостаточно разъясненные вопросы науки о древностяхъ. Въ вышедшемъ въ нынѣшнемъ году отчетѣ комисіи за 1875 г. онъ подробно описалъ многіе любопытные предметы, найденные въ 1874 году при раскопкахъ въ южной Россіи, и при этомъ случаѣ сообщилъ ученое изслѣдованіе объ одной мраморной головѣ, относимой нашимъ сочленомъ къ числу прелестнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ произведеній греческаго ваянія, удѣль-

лихъ до нашего времени. Это голова Зевса, относящаяся ко II вѣку по Р. X. и служащая нынѣ украшеніемъ Императорскаго эрмитажа. Г. Стефани доказываетъ, что тѣ представленія, которыя были до сихъ поръ въ ходу о Зевсѣ Фидія, недостойны великаго художника и составились лишь на основаніи такихъ воспроизведеній, въ которыхъ мысль Фидія была затемнѣна и искажена, тогда какъ хранящаяся въ эрмитажѣ мраморная голова совершенно соотвѣтствуетъ изображенію, находящемуся на одной современной Фидію монетѣ, воспроизводящей во всемъ существенномъ созданный художникомъ типъ олимпійскаго Зевса. Изъ этого нашъ археологъ заключилъ, что въ этомъ мраморѣ мы имѣемъ воспроизведеніе того же оригинала, который послужилъ основаніемъ и монеты, и такимъ образомъ мы получаемъ возможность составить себѣ самое точное и полное понятіе объ одномъ изъ величайшихъ твореній древняго искусства.

Независимо отъ чтеній въ нашихъ засѣданіяхъ, академики посвящали не мало времени разсмотрѣнію и оцѣнкѣ сочиненій присылаемыхъ для соисканія разныхъ премій. Изъ такихъ наградъ въ настоящемъ году мы имѣли удовольствіе наконецъ присудить премію по конкурсу, остававшемуся цѣлыхъ двадцать лѣтъ открытымъ, за составленіе біографіи одного изъ сподвижниковъ великой Екатерины. канцлера князя А. А. Безбородка. Эта награда, которая, вмѣстѣ съ накопившимися на первоначальный капиталъ процентами, составляетъ около 10,000 руб., досталась начальнику архива св. синода Николаю Ивановичу Григоровичу, многолѣтній трудъ котораго, находящійся теперь въ печати, составитъ важное пріобрѣтеніе для исторіи Екатерининской эпохи.

Уваровскія награды, имѣющія цѣлью поощрять русскихъ писателей къ занятіямъ русскою и славянскою исторіей, присуждены авторамъ пяти сочиненій, проливающихъ свѣтъ на многія стороны отечественной древности. На оборотъ, двѣ другія преміи, бывшія въ нынѣшнемъ году въ распоряженіи Академіи, а именно Ломоносовская—за труды и открытія въ области химіи, физики и минералогіи, и премія Буняковскаго—за сочиненія математическія, остались никому не присужденными по неимѣнію конкурентовъ. Наконецъ, число премій, раздаваемыхъ Академіей по различнымъ частямъ знанія, увеличилось въ настоящемъ году чрезъ учрежденіе еще одной, новой преміи, которая будетъ носить названіе преміи академика Гельмерсена и служить наградою за сочиненія по геологическимъ наукамъ.

Въ числѣ учреждений, состоящихъ при Академіи, музеи содер-

жать въ себѣ разнообразныя и богатыя коллекціи, представляющія неисчерпаемый матеріалъ для ученыхъ работъ и служащія, вмѣстѣ съ тѣмъ, средствомъ нагляднаго поученія для многочисленныхъ посѣтителей. Постоянно обращая заботы свои на пополненіе этихъ драгоценныхъ собраній и на поддержаніе ихъ въ уровнѣ требованій двигающейся впередъ науки, Академія въ нынѣшнемъ году нашла возможнымъ приступить къ мѣрамъ для удовлетворенія давно ощущавшейся потребности преобразовать свой этнографическій музей.

Извѣстно, что въ послѣднія десятилѣтія изъ всѣхъ наукъ наиболее прочихъ расширились въ своемъ объемѣ антропология и въ связи съ нею этнологія и этнографія. Когда были найдены несомнѣнныя доказательства одновременнаго существованія человѣка со многими, нынѣ уже вымершими животными, когда сохранившіеся въ пластахъ земли остатки дали возможность прослѣдить существованіе человѣка съ отдаленныхъ временъ,—кругозоръ антропологии необязательно расширился, и повсюду было приступлено къ собиранію и изученію слѣдовъ и остатковъ доисторическаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для объясненія этихъ остатковъ, потребовалось болѣе подробное изученіе нынѣшнихъ племенъ и народовъ, какъ въ антропологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Словомъ, одновременно съ антропологіей, оживились этнологія и этнографія. Во всѣхъ странахъ Европы, а равно и въ Америкѣ, были основаны обширные музеи, куда стекались отовсюду драгоценныя антропологическіе и этнографическіе матеріалы; вездѣ образовались ученые общества, возникли изданія, специально посвященныя названнымъ наукамъ, и въ короткое время образовалась по нимъ богатая литература. Даже въ такой странѣ, какъ Данія, нашлись средства для созданія особаго музея антропологии, ставшаго нынѣ однимъ изъ самыхъ важныхъ центровъ для ея разработки.

Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на Россію, на пространство, ею занимаемое, на разнообразіе и многочисленность племенъ, ея населяющихъ, то нельзя не признать, что она представляетъ крайне обширное поле для антропологическихъ изслѣдованій. Судя по нѣсколькимъ случайнымъ находкамъ и по результатамъ немногочисленныхъ раскопокъ, можно утверждать, что въ дилувіальныхъ пластахъ, въ особенности по берегамъ нашихъ многочисленныхъ рѣкъ и озеръ, кроется несмѣтное множество слѣдовъ и остатковъ доисторическаго человѣка, и именно изъ древнѣйшаго, такъ называемаго каменнаго вѣка. О существованія у насъ такихъ же памятниковъ бронзоваго

вѣка, находимыхъ въ могилахъ и курганахъ, уже давно извѣстно изъ свидѣтельствъ какъ старинныхъ, такъ и повѣйшихъ путешественниковъ по Россіи. Что касается до этнографіи, то для нея Россія представляетъ не менѣе благодарную почву. Стоитъ только вспомнить о многочисленныхъ племенахъ Кавказа, Средней Азіи, Сибири и Амурскаго края, изъ которыхъ каждое составляетъ еще задачу, любопытную для этнографа. Отсюда видно, до какой степени велика у насъ потребность въ такомъ музеѣ, въ которомъ сосредоточивались бы все матеріалы для ближайшаго изученія нашего отечества со стороны антропологии и этнографіи, и который, по важности своей задачи и по полнотѣ своихъ коллекцій, занялъ бы по означеннымъ наукамъ такое же первенствующее и центральное мѣсто, какое нашъ зоологическій музей занимаетъ по другой отрасли знанія.

Хотя при Академіи существуетъ этнографическій музей, однако онъ, возникнувъ въ давнее время, подъ вліяніемъ взглядовъ тогдашней науки, и располагая недостаточными средствами для своего пополненія, въ настоящее время очутился въ положеніи, въ которомъ онъ не можетъ соответствовать вышеначертанной программѣ. Тѣмъ не менѣе въ его составъ входятъ многія очень цѣнныя и любопытныя коллекціи. Признавая, что большая часть этихъ коллекцій, а также нѣкоторые предметы нашего анатомическаго музея, могутъ быть употреблены съ пользою въ этомъ случаѣ, Академія положила вмѣсто нынѣшнихъ двухъ музеевъ, анатомическаго и этнографическаго, учредить одинъ музей—по антропологии и этнографіи, преимущественно Россіи, съ тѣмъ, чтобъ онъ, наравнѣ съ прочими академическими музеями, былъ открытъ для посѣщенія публики.

Конечно, при тѣхъ размѣрахъ, какіе новый музей будетъ имѣть на первое время, и въ особенности при тѣхъ средствахъ, какими располагаетъ теперь Академія для этого дѣла, новый музей будетъ еще далеко не вполне соответствовать обширности и значенію своей задачи. Но самая важность предпріятія и польза его для русской науки внушаютъ намъ надежду, что дѣло это не останется безъ поддержки со стороны общества и правительства.

Изъ прочихъ нашихъ музеевъ, особое развитіе въ нынѣшнемъ году выпало на долю зоологическаго. Весьма существенная часть его, остеологическое собраніе, получила расширеніе своего помѣщенія присоединеніемъ къ нему двухъ обширныхъ и свѣтлыхъ залъ, влѣдствіе чего во всемъ этомъ отдѣлѣ, благодаря неутомимымъ трудамъ нашего сочлена А. А. Штрауха, единственное въ своемъ родѣ собраніе ске-

детовъ и костей размѣщено теперь въ строгомъ систематическомъ порядкѣ и съ большимъ удобствомъ для обозрѣнія. вмѣстѣ съ тѣмъ счастливая случайность доставила этому отдѣлу неоцѣнимыя пріобрѣтенія. Позволю себѣ упомянуть о двухъ изъ нихъ, такъ какъ они, по своей важности, могутъ считаться событіями въ кругу зоологовъ.

Извѣстно, какую до сего времени рѣдкость составляли имѣющіеся въ нашемъ музеѣ остатки морской коровы, открытой въ прошломъ столѣтіи академикомъ Стеллеромъ въ Беринговомъ морѣ и вскорѣ послѣ того окончательно исчезнувшей. Благодаря г. Филиппеусу, мы пріобрѣли еще значительное число череповъ и различныхъ костей Ритины, такъ что теперь ни одинъ музей въ мірѣ не обладаетъ такою богатою коллекціей остатковъ этого интереснаго китообразнаго животного.

Второе пріобрѣтеніе имѣетъ еще большую важность. Сарептскій житель г. Кноблохъ принесъ Академіи въ даръ найденный на Волгѣ полный черепъ эласмотерія, гигантскаго носорогообразнаго животного, которое до сихъ поръ было извѣстно въ ученomъ мірѣ только по нѣсколькимъ обломкамъ костей. Важность этого пожертвованія увеличивается превосходно-сохранившимся состояніемъ черепа, и навѣрное, любой изъ большихъ иностранныхъ естественно-историческихъ музеевъ, какъ напримѣръ, Британскій или Соединенныхъ Штатовъ, сочли бы за счастье пріобрѣсти его даже за весьма высокую цѣну. Это обстоятельство было вполнѣ извѣстно г. Кноблоху, и тѣмъ не менѣе, онъ предоставилъ Академіи свою находку совершенно безвозмездно. Надо желать, чтобы почаще встрѣчалось такое безкорыстное отношеніе къ интересамъ науки и академическихъ музеевъ. Много важныхъ, драгоцѣнныхъ остатковъ вымершихъ животныхъ таится еще въ пластахъ, изъ которыхъ слагаются обширныя степныя пространства южной Россіи; нѣкоторые изъ подобныхъ остатковъ, отъ времени до времени, случайно, безъ всякихъ раскопокъ, появляются на свѣтъ дневной, но пропадаютъ для науки единственно потому, что на мѣстѣ не оказывается лицъ, способныхъ оцѣнить ихъ значеніе. Грустно подумать, что и черепъ эласмотерія, не попадись онъ въ руки такого патріота и ревнителя науки, какъ г. Кноблохъ, легко могъ бы подвергнуться такой же участи или переселиться со дна Волги въ одинъ изъ иностранныхъ музеевъ.

По отдѣлу современной фауны, мы не можемъ умолчать о коллекціи, которую Николай Михайловичъ Пржевальскій обогатилъ нашъ зоологическій музей. Эта коллекція, состоящая изъ млекопитающихъ,

птицъ и рыбъ, есть плодъ путешествія, совершеннаго имъ съ такимъ самопожертвованіемъ по малоизвѣданнымъ и дикимъ странамъ Восточнаго Туркестана, окрестностей озера Лобъ-Нора и западной Джунгаріи. Вмѣстѣ съ коллекціей, привезенною г. Пржевальскимъ изъ прежней его экспедиціи и пожалованной Академіи Государемъ Императоромъ, настоящее приношеніе почтеннаго путешественника образуетъ въ нашемъ музеѣ обширный и крайне любопытный матеріалъ для изученія фауны наименѣе изслѣдованныхъ частей центральной Азіи, и навсегда останется свидѣтельствомъ о благородной преданности г. Пржевальскаго интересамъ науки.

ОТЧЕТЪ ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1878 ГОДЪ ¹⁾.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности остается вѣрнымъ той цѣли, которая поставлена при самомъ его учрежденіи. Въ учредительномъ актѣ сказано, что въ кругъ занятій втораго отдѣленія Академіи Наукъ входятъ: изслѣдованіе свойствъ русскаго языка, изученіе славянскихъ нарѣчій, славяно-русская филологія вообще, и въ особенности, исторія русской словесности; сверхъ того, отдѣленію не чуждо будетъ все входящее въ область изящной словесности и русской исторіи.

Въ истекшемъ году члены втораго отдѣленія Академіи Наукъ занимались изслѣдованіями различныхъ вопросовъ, относящихся къ области отечественной словесности и исторіи, русской и славянской филологіи и сравнительнаго изученія литературы.

Ординарный академикъ, высокопреосвященный Макарій, архіепископъ Литовскій, напечаталъ въ этомъ году девятый томъ своего замѣчательнаго труда — „Исторіи Русской церкви“, заключающей въ себѣ исторію Западно-Русской или Литовской митрополіи до конца XVI столѣтія. Ученый авторъ изображаетъ въ новомъ свѣтѣ многія лица и событія, и исправляетъ значительныя погрѣшности, допущенныя, намѣренно и ненамѣренно, іезуитскими и уніатскими писателями, а потомъ повторившіяся и у насъ. Главными матеріалами почтенному

¹⁾ Составленъ и читанъ въ торжественномъ годичномъ собраніи Академіи, 29-го декабря 1878 г. академикомъ М. И. Сухомлиновымъ.

историку служили акты, издаваемые въ десяти томахъ вилнскаго Археологическаго сборника, и драгоценныя рукописи униатскаго митрополитальнаго архива, хранящагося при святѣйшемъ синодѣ.—Въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ помѣщены нѣсколько словъ и рѣчей высокопреосвященнаго Макарія, въ томъ числѣ: рѣчь при встрѣчѣ въ Вильнѣ, 29-го августа, лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, и слово въ день пятидесятилѣтняго юбилея Литовской духовной семинаріи.

Ординарный академикъ И. И. Срезневскій издалъ въ свѣтъ исследование свое о чешскихъ глоссахъ въ *Mater Verborum* — памятникѣ, заключающемъ въ себѣ, въ краткомъ и сжатомъ видѣ, весь кругъ средневѣковой образованности. Исследование академика Срезневскаго проливаетъ новый свѣтъ на состояніе образованности въ родственной намъ Чехіи въ тѣ недавнія времена, къ которымъ относятся предлагаемую поддѣлку глоссы. Если глоссы, говоритъ академикъ Срезневскій,—скажутся сочиненными недавно, то-есть, не менѣе какъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, то вскроется важное обстоятельство: ясное, неопровержимое указаніе, что одновременно съ Добровскимъ былъ такой ученый знатокъ древности чешской и вообще славянской, который по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ этой древности зналъ болѣе и лучше, исследовалъ и судилъ осторожнѣе самого Добровскаго. Надобно будетъ помнить, что одновременно съ силой его учености дѣйствовали въ народѣ Чешскомъ и другія такія же силы, хотя и не такъ счастливо направленныя, силы болѣе или менѣе самобытныя, не подчинившіяся современному увлеченіямъ, могшія оцѣнить ихъ по достоинству строгою критикой ума и знанія.— Въ собраніяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности академикомъ Срезневскимъ предложены были, подъ скромнымъ именемъ записокъ, докладовъ, и т. п., цѣлый рядъ исследованийъ, имѣющихъ высокую научную цѣну и важность. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) о древнихъ кормчихъ книгахъ; 2) объ археологическомъ изученіи памятниковъ древне-русской словесности; 3) о книгѣ С. А. Геденова: „Варяги и Русь“; 4) по поводу присланнаго изъ Загреба образцоваго листа хорватскаго словаря, издаваемого Юго-славянскою академіей подъ редакцію Даничича, и т. д. Чтенія И. И. Срезневскаго, изданныя подъ названіемъ: „На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи“, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній объ этихъ труженикахъ науки. Славянская филологія введена у насъ въ универси-

тетское преподаваніе четырьмя замѣчательными учеными; три изъ нихъ сейчасъ названы, четвертый — И. И. Срезневскій. Понятно, сколько живаго интереса заключается въ воспоминаніяхъ почтеннаго слависта о его достойныхъ сподвижникахъ въ изученіи славянства. Такимъ же живымъ интересомъ отличаются воспоминанія И. И. Срезневскаго о Г. Θ. Квиткѣ, писателѣ, извѣстномъ подъ именемъ Осповляненка. Воспоминанія свои И. И. Срезневскій, близко знавшій покойнаго писателя, читалъ въ отдѣленіи по тому поводу, что 18-го ноября этого года исполнилось сто лѣтъ со времени рожденія Г. Θ. Квитки.

Ординарный академикъ Я. К. Гротъ продолжалъ и окончилъ, по порученію Русскаго историческаго общества, печатаніе писемъ Екатерины II къ Гримму съ своими пояснительными примѣчаніями и издалъ ихъ въ началѣ минувшей осени, приложивъ подробный указатель и съ предисловіемъ, въ которомъ сообщены свѣдѣнія о жизни Гримма и о ходѣ сношеній его съ императрицею. По этому же предмету была напечатана въ Русскомъ Архивѣ статья его: „Гриммъ и г-жа д'Эпинъ“, въ которой объяснено значеніе этой писательницы, такъ часто упоминаемой въ письмахъ государыни. Эта обширная и единственная въ своемъ родѣ переписка Екатерины II-й, составившая объемистый (XXIII) томъ Сборника историческаго общества, должна быть признана новымъ весьма важнымъ и богатымъ источникомъ для исторіи не только Россіи, но и другихъ государствъ за вторую половину прошлаго столѣтія, не говоря уже о ея значеніи для біографіи и характеристики гениальной монархини. Поэтому не удивительно, что письма Екатерины къ Гримму уже обратили на себя вниманіе любителей исторической литературы въ западной Европѣ, и вѣроятно вскорѣ появятся на иностранныхъ языкахъ статьи, посвященныя разсмотрѣнію этой переписки. Между тѣмъ, и самъ издатель приступилъ къ составленію на русскомъ языкѣ систематическаго обзора содержанія этихъ писемъ, и относящійся къ нимъ трудъ его уже печатается въ Запискахъ академіи. Въ тѣсной связи съ этимъ трудомъ находится рѣчь, написанная академикомъ Гротомъ для произнесенія въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря. — Въ истекающемъ году приведена къ окончанію біографія Державина, имѣющая составить послѣдній (VIII) томъ сочиненій этого писателя, издаваемыхъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Въ настоящее время отпечатано болѣе двадцати листовъ біографіи, то-есть, около половины всего приготовленнаго имъ тома. — Академикомъ Гротомъ со-

ставленъ также разборъ труда Николая Ивановича Григоровича: „Біографія князя Алекс. А. Безбородка“. Разсмотрѣніе этого труда, представленнаго на премію, учрежденную при Академіи Наукъ, поручено было особой комиссіи изъ членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности и академика А. А. Куника. Комиссія, найдя сочиненіе г. Григоровича вполне соответствующимъ тѣмъ условіямъ, которыя постановлены учредителемъ преміи, опредѣлила представить общему собранію Академіи Наукъ о присужденіи означенной преміи г. Григоровичу. Отчетъ комиссіи, составленный академикомъ Гротомъ, прочитанъ имъ въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ 6-го апрѣля этого года. — Въ истекающемъ году академикъ Я. К. Гротъ не оставлялъ и филологическихъ своихъ изслѣдованій о русскомъ языкѣ. Филологическія розысканія Я. К. Грота сдѣланы настольною книгою у всѣхъ, занимающихся отечественнымъ языкомъ. Приготовляя матеріалы для начатой имъ грамматики, онъ написалъ слѣдующія статьи, отчасти читанныя имъ въ засѣданіи отдѣленія: 1) „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка“. Статья эта написана по поводу труда профессора А. С. Будиловича: „Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія“. Она помѣщена, съ нѣкоторыми сокращеніями, и въ издаваемомъ въ Берлинѣ профессоромъ славянскихъ нарѣчій Ягичемъ *Archiv für slavische Philologie*. 2) Объ упоминаемыхъ не разъ въ древнихъ памятникахъ русской письменности „шпилянахъ“ или „шпиляхъ“ и о родствѣ этого названія съ позднѣйшимъ словомъ „шпынь“. 3) Разборъ брошюры Англичанина Кіри, появившейся и въ нѣмецкомъ переводѣ, о новыхъ основаніяхъ лексикографіи. Какъ эта статья, такъ и предыдущая, должны появиться въ первомъ выпускѣ новаго журнала, предпринимаго въ Варшавѣ профессоромъ Колосовымъ подъ заглавіемъ *Филологическій Вѣстникъ*. 4) Разборъ одной главы сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Миклошича касательно именнаго склоненія. Эти критическія замѣчанія будутъ напечатаны въ *Филологическихъ Запискахъ*, издаваемыхъ въ Воронежѣ г. Хованскимъ. Наконецъ, академикъ Я. К. Гротъ прочелъ въ отдѣленіи оцѣнку литературнаго значенія покойнаго князя П. А. Вяземскаго, напечатанную въ видѣ некролога его въ двухъ еженедѣльныхъ газетахъ.

Ординарный академикъ А. Ѳ. Бычковъ, по порученію Академіи Наукъ, продолжалъ печатаніе Матеріаловъ для бібліологическаго словаря П. М. Строева и окончилъ печатаніе тома Новгородскихъ лѣтописей, въ который вошли такъ названныя вторая и третья Новго-

родскія лѣтописи. Въ этомъ новомъ изданіи, предпринятомъ по порученію археографической комиссіи, текстъ является въ болѣе точномъ видѣ и исправлены нѣкоторыя хронологическія данныя.—Тотъ же академикъ издалъ въ свѣтъ первый выпускъ составляемаго имъ „Описанія славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской публичной бібліотеки“. Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ подробно изложено содержаніе описанныхъ сборниковъ и приведены наиболѣе характеристичныя выдержки почти изъ каждой статьи, входящей въ составъ сборниковъ. Приступивъ къ печатанію каталога русскихъ и славянскихъ рукописей публичной бібліотеки, А. Ѳ. Бычковъ—говоря его словами—рѣшилъ прежде всего издать описаніе „сборниковъ, имѣющихъ большіе значеніе какъ по разнообразію входящихъ въ ихъ составъ статей и по значительному количеству новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній, въ нихъ заключающихся, такъ и для исторіи умственнаго движенія въ нашемъ отечествѣ. По этимъ сборникамъ, если только они составлены съ опредѣленною цѣлью или однимъ лицомъ, изслѣдователь можетъ до извѣстной степени знакомиться съ разными вопросами, занимавшими книжныхъ людей въ ту или другую эпоху“.

Ординарный академикъ С. М. Соловьевъ издалъ въ этомъ году XVIII томъ своего знаменитаго труда Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ.

Академикъ А. Н. Веселовскій читалъ въ собраніяхъ отдѣленія изслѣдованія свои: 1) О снахъ Шахнаша, съ критическимъ разборъ различныхъ списковъ и редакцій этого памятника. 2) О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа. Отдѣленіе опредѣлило: напечатать эти изслѣдованія въ Запискахъ Академіи Наукъ и въ Сборникѣ отдѣленія.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе дѣятельности II-го отдѣленія Академіи Наукъ, позволю себѣ замѣтить слѣдующее. Многія изъ предпріятій, счастливо задуманныхъ, никогда бы не осуществились, или по крайней мѣрѣ, не достигли бы желаемой полноты и обработки, еслибы авторы должны были работать въ одиночку, внѣ общенія съ людьми науки, работающими въ той же отрасли знанія. При этомъ нельзя не указать на изданіе сочиненій Державина, предпріятое акад. Гротомъ. Первый томъ этого изданія вышелъ въ 1864 году; послѣдній томъ представленъ въ отдѣленіе въ нынѣшнемъ году въ рукописи, и по всей вѣроятности, выйдетъ въ свѣтъ въ наступающемъ году. Ученый издатель еще въ свои молодые годы изучалъ Державина, привлекаемый

особенно историческимъ значеніемъ поэта. Сознаніе этого значенія для знакомства съ тогдашнею общественною жизнію, съ русскимъ восемнадцатымъ вѣкомъ росло все сильнѣе и сильнѣе, изученіе становилось все шире и глубже; но въ литературѣ являлись только кое-какіе слѣды долгой критической работы надъ избраннымъ писателемъ. Только со вступленіемъ нашего ученаго въ Академію Наукъ открылась для него возможность осуществить во всей полнотѣ свою задачу, и при содѣйствіи отдѣленія русскаго языка и словесности появился трудъ, имѣющій такое важное значеніе въ исторіи русской литературы.

Книгами и статьями, ежегодно появляющимися въ печати, не исчерпывается дѣятельность членовъ втораго отдѣленія. Есть труды, требующіе для своей обработки чрезвычайно долгаго времени, нѣсколькихъ десятилѣтій, и служащіе краеугольными камнями науки. Таковъ трудъ старѣйшаго изъ членовъ отдѣленія, академика И. И. Срезневскаго—Словарь древняго русскаго языка. Словарь этотъ еще не появился въ печати, а уже началъ оказывать свое вліяніе на научныя работы; благодаря готовности автора помогать труженикамъ науки, нѣкоторые изъ ученыхъ пользовались и пользуются рукописнымъ словаремъ И. И. Срезневскаго. Отдѣленіе неоднократно выражало почтенному автору свое убѣжденіе въ необходимости скорѣйшаго появленія въ свѣтъ этого капитальнаго труда: оно повторяетъ свое убѣжденіе во всеуслышаніе въ полной увѣренности, что голосъ отдѣленія будетъ въ настоящемъ случаѣ и голосомъ всего просвѣщеннаго общества, то-есть, всѣхъ тѣхъ, кто искренно сочувствуетъ движенію русской науки.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности приобрѣло въ истекшемъ году новую живую силу въ лицѣ достойнаго представителя кафедры исторіи всеобщей литературы въ С-Петербургскомъ университетѣ, профессора А. Н. Веселовскаго. Дѣятельное участіе его въ трудахъ отдѣленія тѣмъ важнѣе, что для объясненія многихъ и многихъ запутанныхъ и спорныхъ вопросовъ въ исторіи русской словесности необходимо полное и всестороннее знакомство съ литературами иностранныхъ, съ цѣлымъ кругомъ идей и сказаній, переходившихъ отъ одного народа къ другому. Еще будучи студентомъ Московскаго университета, А. Н. Веселовскій съ особенною любовью занимался русскою словесностью, въ преподаваніе которой профессоръ Булаевъ вносилъ значительную долю сравненія съ литературами и искусствомъ запада. По выходѣ изъ университета А. Н. Веселовскій думалъ обра-

тяться къ специальному изученію славянства подъ руководствомъ профессора Бодянского. Но съ одной стороны, нѣкоторыя побочныя обстоятельства, съ другой — открывшаяся возможность побывать за границею— въ Италіи, Испаніи, Франціи, отвлекли А. Н. Веселовскаго отъ славянства и опредѣлили его специальность. Литературную дѣятельность свою онъ пачалъ весьма рано и трудами своими успѣлъ пріобрѣсти себѣ почетную извѣстность и въ русской, и въ италянскои литературѣ. Многія изъ его изслѣдованій имѣютъ прямое отношеніе къ памятникамъ русской литературы, которые авторъ постоянно имѣетъ въ виду, и при тщательной разработкѣ подробностей, и при общихъ выводахъ и соображеніяхъ. Такимъ образомъ, отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣло полное основаніе для выбора А. Н. Веселовскаго, какъ и онъ, въ свою очередь, имѣлъ неоспоримое право на это избраніе.

Число членовъ-корреспондентовъ отдѣленія русскаго языка и словесности увеличилось новыми избраніями, происходившими въ концѣ этого года: имена избранныхъ будутъ провозглашены въ настоящемъ собраніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣленіе понесло и потери. Въ октябрѣ этого года скончался членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ Дмитрій Васильевичъ Полѣновъ, сынъ бывшаго члена Россійской академіи, внука русскаго законовѣда, писавшаго болѣе ста лѣтъ тому назадъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи. Д. В. Полѣновъ пріобрѣлъ почетную извѣстность въ нашей литературѣ своими научными трудами, каковы: Библиографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей, и другіе. Послѣднимъ трудомъ его было изданіе драгоценныхъ матеріаловъ для внутренней исторіи Россіи восемнадцатаго столѣтія, вышедшихъ въ свѣтъ въ трехъ томахъ подъ названіемъ: Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія.

10-го ноябрю этого года скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, ординарный академикъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Въ теченіе семидесяти лѣтъ трудился онъ на литературномъ поприщѣ и трудами своими пріобрѣлъ неотъемлемое право на почетное мѣсто въ исторіи русской литературы. Нѣсколько поколѣній прошло передъ его глазами, и онъ не оставался безучастнымъ зрителемъ смѣны поколѣній, отзываясь съ необыкновенною живостью на всѣ крупныя и жгучіе вопросы, возникавшіе какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Многое пере-

жилъ, передумалъ и перечувствовалъ Вяземскій на своемъ долгомъ литературномъ вѣку, Постараемся собрать хотя нѣсколько чертъ изъ этого многого и представимъ ихъ въ самомъ бѣгломъ очеркѣ.

Князь П. А. Вяземскій родился 12-го іюля 1792 года, въ Москвѣ. Воспитывался онъ частію въ Москвѣ, подъ руководствомъ профессоровъ тамошняго университета, частію въ Петербургѣ, въ іезуитскомъ пансіонѣ. Образование свое Вяземскій довершилъ въ домѣ своего отца, въ обществѣ такихъ представителей нашей литературы, какъ Карамзинъ, Дмитріевъ и Жуковскій.

По складу своего ума, по кореннымъ особенностямъ своей природы Вяземскій былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ; „русскій ключъ пробивался въ немъ изъ-подъ французской насыпи“. Къ чисто русской основѣ весьма рано присоединилось и французское вліяніе. Вяземскій говорилъ, что умъ его воспитанъ во французской школѣ; но сочувствіе свое къ Франціи и ея литературѣ онъ объяснялъ не одною случайностью своего воспитанія и житейской обстановки, а причинами болѣе глубокими, чертами болѣе существенными, сближающими русскихъ людей съ французскими. По замѣчанію Вяземскаго, „мы въ Французѣ сочувствуемъ не Латинцу, а Галлу. Галльскій умъ, съ своею веселостью самородною, съ своею насмѣшливостью, быстрымъ уразумѣніемъ, имѣетъ много общаго съ русскимъ умомъ. Никто изъ образованныхъ народовъ европейскіхъ не понимаетъ французской остроты, французской шутки, какъ мы понимаемъ ихъ на лету. Ривароль говорилъ, что Нѣмцы складываются (se cotisent), чтобы понять французскую шутку. Французскій театръ—нашъ театръ. Французъ общелюдный, уживчивъ, и съ нимъ легко уживаться, онъ не злопамятенъ, но и не предусмотрителенъ; поговорка „день мой—вѣкъ мой“ могла бы родиться на французской почвѣ, какъ родилась на нашей, и т. д.

Вяземскій зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и въ томъ числѣ латинскій, и былъ знакомъ съ литературами: нѣмецкою, англійскою, италіанскою и римскою.

Пятнадцати лѣтъ отъ роду Вяземскій поступилъ на службу, опредѣленъ юнкеромъ въ межевую канцелярію. Находясь при главномъ директорѣ межевой канцеляріи Обрѣзковѣ, во время пребыванія его по дѣламъ службы въ губерніяхъ Пермской, Казанской, Нижегородской и Владимірской, онъ весьма дѣятельно исполнялъ возложенную на него обязанность. Въ 1822 году Вяземскій вступилъ въ ополченіе, въ „московскую военную силу“, и принималъ участіе въ Бородинскомъ сраженіи, въ которомъ убиты подъ нимъ двѣ лошади. По окончаніи

войны онъ снова числился при межевой канцеляріи до самаго переселенія своего въ Варшаву, гдѣ состоялъ при Новосильцовѣ.

Живя въ Варшавѣ и вращаясь въ польскомъ литературномъ кругу, Вяземскій хорошо ознакомился съ польскимъ языкомъ и словесностью, и плодомъ этого знакомства былъ переводъ на русскій языкъ крымскихъ сонетовъ Мицкевича. Переводчикъ въ трудѣ своемъ руководствовался не столько художественными, сколько филологическими соображеніями, желалъ наглядно показать кровное родство языковъ русскаго и польскаго, и проложить путь къ сближенію двухъ родственныхъ литературъ. По выходѣ изъ канцеляріи Новосильцова и послѣ долгаго, почти десятилѣтняго промежутка, Вяземскій снова появляется на служебномъ поприщѣ, именно въ министерствѣ финансовъ. Есть основаніе предполагать, что онъ опредѣленъ въ вѣдомство Канкринна отчасти съ тою же цѣлью, съ какою назначенъ былъ и въ канцелярію Новосильцова. Въ Варшавѣ онъ занимался переводомъ официальныхъ бумагъ съ французскаго языка на русскій; въ министерствѣ финансовъ онъ долженъ былъ на первыхъ порахъ очищать дѣловыя бумаги отъ германизмовъ. Министръ финансовъ графъ Канкринъ, говорившій порусски и неправильно, и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, имѣлъ слабость считать себя превосходнымъ стилистомъ и съ наивною самоувѣренностью утверждалъ, что никто лучше его не умѣетъ писать порусски, и что языкъ и слогъ Карамзина несвойственны духу Русскаго народа. Вслѣдствіе того Канкрину было не по сердцу назначеніе Вяземскаго, русскаго писателя, очевидно для редакціи бумагъ: онъ видѣлъ въ этомъ назначеніи живой укоръ и явный знакъ неодобренія слога дѣловыхъ бумагъ, выходящихъ изъ канцеляріи министерства. Въ министерствѣ финансовъ Вяземскій послѣдовательно занималъ мѣста чиновника особыхъ порученій, члена общаго присутствія департамента вѣншей торговли, управляющаго заемнымъ банкомъ и члена совѣта министерства. Но служба по вѣдомству финансовъ была вовсе не въ духѣ Вяземскаго, отъ юныхъ лѣтъ и до глубокой старости не питавшаго расположенія къ вычисленіямъ, счетамъ и цифрамъ. Онъ самъ сознается, что если при немъ не было обмолвки въ итогахъ ни по департаменту, ни по заемному банку, то единственно потому, что Богъ спасаетъ невинность.

Въ іюнь 1855 года князь Вяземскій назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ ходатайствовалъ о назначеніи князя Вяземскаго товарищемъ министра, зная его съ давнихъ лѣтъ и убѣжденный въ его высокихъ душев-

ныхъ достоинствахъ и основательномъ просвѣщеніи“. Князь Вяземскій оставался въ должности своей до марта 1858 года, до назначенія министромъ Е. П. Ковалевскаго.

2-го сентября 1839 года въ собраніи Россійской академіи князь Вяземскій единогласно избранъ въ дѣйствительные члены академіи. Академическимъ уставомъ назначенъ былъ трехмѣсячный срокъ для полученія голосовъ отъ отсутствующихъ членовъ. По минованіи срока и по полученіи голосовъ, 2-го декабря 1839 года состоялось окончательное, также единогласное избраніе князя Вяземскаго въ члены Россійской академіи.

Россійская академія доживала тогда свои послѣдніе дни, и не смотря на то, что въ составѣ ея были такія свѣтила литературнаго міра, какъ Жуковский, Крыловъ и Вяземскій, въ академической средѣ не замѣчалось живаго сочувствія въ литературѣ и ея движенію. Главныя усилія академикомъ, вторившихъ своему маститому президенту А. С. Шишкову, направлены были на корнесловіе и на очищеніе русскаго языка и слога отъ чужеземной примѣси. О литературныхъ понятіяхъ, господствовавшихъ тогда въ Россійской академіи, можно судить по высказанному въ ней взгляду на различіе между писателемъ и академикомъ. Оно состояло, по мнѣнію членовъ академіи, въ слѣдующемъ: Писатель употребляетъ иногда слова въ превратномъ смыслѣ, безъ дальнѣйшаго о томъ размысленія: академикъ возстаетъ противъ употребленія словъ, не соответствующихъ своему коренному значенію. Писатели любятъ вносить въ языкъ чужеземныя слова, и вмѣсто: природа, престоль, звѣздословіе, чинъ, тискаря, обзоръ, отвѣсъ, и проч., говорятъ, натура, тронъ, астрономія, рангъ, типографія, горизонтъ, перпендикуляръ, и проч. Академики противятся употребленію подобныхъ словъ, видя въ немъ господство безразсуднаго навыка надъ разсуждающимъ умомъ. Писатель для выраженія своихъ мыслей придумываетъ, изобрѣтаетъ новыя слова, иногда хорошо, но чаще худо; академикъ смотритъ, нужны ли оны, и не забыты ли старыя. Писатель горячъ; академикъ хладнокровенъ. Академикъ въ академіи хозяинъ; писатель — гость.

Послѣднее Вяземскій исполнилъ въ точности: онъ является въ Россійскую академію только гостемъ, и то чрезвычайно рѣдкимъ. Подсмѣиваясь надъ своимъ знаменитымъ сочленомъ по академіи, Вяземскій разсказываетъ, что на предложеніе чаще собираться для совѣщаній, Крыловъ отвѣчалъ: „Разумѣется, кромѣ почтовыхъ дней“, забывая, что онъ не въ провинціи, а въ Петербургѣ, гдѣ почта от-

ходить каждый день. Князь Вяземскій хотя и твердо помнилъ это, рѣшился, кажется, посѣщать академію также, кромѣ почтовыхъ дней. Онъ былъ только въ двухъ-трехъ собраніяхъ, и именно тогда, когда бывалъ и Жуковскій.

Съ преобразованіемъ Россійской академіи въ отдѣленіе русскаго языка и словесности Вяземскій назначенъ ординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ. Новымъ уставомъ полагалось въ отдѣленіи шестнадцать ординарныхъ академикомъ; въ число ихъ, вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ, вошли: Жуковскій, Крыловъ, митрополитъ Филаретъ, епископъ Иппокрентій, Востоковъ, Каченовскій, Арсеньевъ, Плетневъ, Погодинъ и другіе ученые и писатели. Князь Вяземскій, будучи отвлекаемъ служебными обязанностями, и часто и на долго уѣзжая за границу, не могъ принимать постояннаго участія въ академическихъ трудахъ и собраніяхъ; но онъ не разрывалъ своихъ связей съ Академіей, сообщая ей свои произведенія, которыя были и останутся навсегда прекраснымъ вкладомъ въ нашу литературу.

Литературная дѣятельность составляла истинное призваніе Вяземскаго. Самая продолжительность ея есть уже фактъ, и весьма рѣдкій, и весьма краснорѣчивый. Свидѣтели первыхъ шаговъ князя Вяземскаго на литературномъ поприщѣ давно уже сошли въ могилу или живо похоронены представителями позднѣйшихъ поколѣній. Въ замѣчательномъ обзорѣ русскихъ писателей, вышедшемъ около двадцати лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ выдающихся сверстниковъ Вяземскаго былъ помѣщенъ въ числѣ умершихъ. Черезъ нѣсколько времени по выходѣ книги авторъ обзора получилъ отъ покойнаго писателя изъясненіе признательности за сочувственный отзывъ. Невольная ошибка произошла оттого, что маститый писатель давно не подавалъ о себѣ вѣсти въ литературѣ. Такая ошибка была бы невозможна въ отношеніи къ Вяземскому. Не смотря на то, что сверстники его давно уже кончили свои счеты и съ литературою, и съ жизнью, несмотря на чувство своего одиночества въ литературѣ, Вяземскій не переставалъ заявлять о своемъ существованіи, и въ словахъ его было столько жизни и силы, что какъ-то не вѣрилось, что они идутъ отъ человѣка, родившагося еще во времена Екатерины.

При оцѣнкѣ литературной дѣятельности князя Вяземскаго никакъ нельзя упустить изъ виду, что онъ былъ современникомъ нѣсколькихъ поколѣній и направленій, и потому въ каждомъ изъ нихъ естественно и невольно искалъ связи и сходства съ тѣмъ, что ему предшествовало. Многія изъ явленій, слышавшихъ и новыми, и небывалыми, не

имѣли яркой новизны для наблюдателя, умудреннаго опытомъ, напоминающая собою многое изъ того, что и родилось, и умерло на его глазахъ.

Крайности сходятся, говоритъ пословица; они сходились и въ дѣйстви на умъ нашего писателя, вызывая его на борьбу съ тѣмъ, въ чемъ онъ видѣлъ уклоненіе отъ истины и отъ вѣрнаго пониманія жизни и литературы. Вяземскій, жившій и дѣйствовавшій въ девятнадцатомъ столѣтіи, одинаково порицалъ и наклонность пятидесяти назадъ въ восемнадцатое столѣтіе, и стремленіе перескочить, очертя голову, въ двадцатое или даже въ тридцатое столѣтіе. Въ молодости своей Вяземскому приходилось считаться съ литературными старовѣрами, которые удивлялись смѣлости писать трагедіи послѣ Сумарокова и называли святотатствомъ рѣшимость Карамзина писать исторію послѣ Елагина. Въ старости Вяземскій былъ свидѣтелемъ, отнюдь не равнодушнымъ и не безмолвнымъ, рѣзкихъ порицаній и обвиненій въ отсталости, направленныхъ противъ Пушкина и противъ современныхъ намъ писателей. Современникъ и отчасти предшественникъ Пушкина, Вяземскій не могъ безусловно подчиниться подобнымъ приговорамъ. Требовать отъ него такой покорности значило бы лишать его дорогой для каждого писателя свободы мысли и слова.

Дѣятельность князя Вяземскаго, какъ писателя, весьма разнообразна. Отъ него остались и въ печати, и въ рукописяхъ множество стихотвореній, рядъ критическихъ статей, нѣсколько историко-литературныхъ изслѣдованій, большое количество записокъ и замѣтокъ, любопытныхъ и важныхъ по своему содержанію, и т. д. На всемъ, что выходило изъ-подъ пера князя Вяземскаго, лежитъ печать таланта; во всемъ видѣнъ слѣдъ живаго и свѣтлаго ума. Не даромъ Вяземскій такъ беспощадно преслѣдовалъ свою сатирою глупость и пошлость: природа дала ему на это полное право.

Не воображеніе, не чувство, а „умъ, острый и пронизательный, есть собственность князя Вяземскаго“, говорила критика болѣе жолувѣка тому назадъ. То же самое должно сказать и теперь. Онъ былъ поэтомъ-мыслителемъ по преимуществу. Мысль его работала неутомимо до самой поздней поры его жизни, обращаясь съ особенною любовью къ вопросамъ общественнымъ и литературнымъ. Тѣ и другіе составляли въ его понятіи одно нераздѣльное цѣлое. Онъ не могъ себя представить литературы, вполне отрѣшенной отъ жизни и отъ общества. „Исторія литературы народа“, говоритъ онъ, — „должна быть вмѣстѣ исторіей его общежитія. Если на литературѣ, разсма-

триваемой вами, не отражаются мнѣнія, страсти, оттѣнки, самыя предразсудки современнаго общества; если общество, предстоящее наблюденію вашему, чуждо господству и вліянію современной литературы, то можете заключить безошибочно, что въ эпохѣ, изучаемой вами, нѣтъ литературы истинной, живой, которая не безъ причины названа выраженіемъ общества“.

Замѣчательнѣйшіе изъ писателей нашихъ восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій нашли въ князѣ Вяземскомъ добросовѣстнаго и просвѣщеннаго критика. Въ монографіяхъ своихъ онъ разбиралъ болѣе или менѣе подробно, произведенія Державина, Фонъ-Визина, Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и другихъ писателей. Обширное изслѣдованіе его о Фонъ-Визинѣ, оконченное въ 1830 году и напечатанное въ 1848 году, до сихъ поръ сохраняетъ высокое значеніе въ ряду трудовъ по исторіи русской литературы. При оцѣнкѣ заслугъ русскихъ писателей Вяземскій постоянно обращаетъ вниманіе на связь разбираемыхъ писателей съ ихъ предшественниками, на отношеніе къ иностраннымъ образцамъ и на историческія и бытовыя условія, неизбѣжно отражающіяся въ произведеніяхъ литературы; въ монографіи объ Озеровѣ разсматриваетъ предшествовавшее Озерову состояніе русской драмы, опредѣляетъ значеніе Сумарокова и Княжвина; при разборѣ комедіи Фонъ-Визина подробно останавливается на предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ явленіяхъ нашей драматической литературы, говоритъ о комедіяхъ Екатерины II, княгини Дашковой, о „Горѣ отъ ума“ Грибоѣдова и т. п. При указаніи свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ въ трагедіяхъ Озерова, заимствованныхъ изъ древняго міра, Вяземскій основываетъ свои выводы на сравненіи трагедій русскаго поэта съ произведеніями Софокла и съ французскими передѣлками и подражаніями; въ превосходномъ трудѣ о Фонъ-Визинѣ приводитъ весьма любопытныя данныя, доказывающія, что многія и яркія черты въ заграничныхъ письмахъ Фонъ-Визина принадлежатъ не личной наблюдательности нашего путешественника, а заимствованы имъ изъ сочиненія Дюкло: *Considérations sur les moeurs de ce siècle*.

Рисуя картину общественной и литературной жизни Фонъ-Визина, князь Вяземскій знакомитъ читателей съ выдающимися людьми тогдашней эпохи, говоритъ о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Панинѣ, объ Александрѣ Ильичѣ Бибииковѣ, маршалѣ или предводителѣ комисіи, составленной для составленія проекта новаго уложенія, и о многихъ другихъ лицахъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Фонъ-Визинимъ. Къ изслѣ-

дованію своему Вяземскій приложилъ весьма любопытныя и цѣнныя матеріалы, тщательно имъ собранныя: письма разныхъ лицъ къ Фонъ-Визину, свѣдѣнія о пребываніи въ Петербургѣ Альфіери и Дидро, и т. д. Объясненія смысла и духа литературныхъ произведеній Вяземскій ищетъ въ условіяхъ общественной жизни. Отличительныя черты нашей лирики восемнадцатаго столѣтія онъ ставитъ въ прямую связь съ ходомъ историческихъ событій и съ преобладавшимъ тогда настроеніемъ общества. Разгадка безжизненности и безцвѣтности нашихъ комедій заключается, по мнѣнію князя Вяземскаго, въ томъ, что „у насъ почти нѣтъ общественной жизни: мы или домосѣды или, дѣйствуемъ на поприщѣ службы. На той и на другой сценѣ мы мало доступны преслѣдованіямъ комиковъ: на первой—изъ уваженія къ семейнымъ тайнамъ; на второй—потому, что злоупотребленія чиновниковъ болѣе подлежатъ вѣдѣнію правительствующаго сената, нежели комедіи. Во всѣхъ званіяхъ, во всѣхъ степеняхъ общества нашего удивительное однообразіе: всѣ какъ будто вылиты въ одну форму, выкрашены подъ одинъ цвѣтъ. Въ людяхъ—что Иванъ, что Петръ; во времени—что сегодня, что завтра. Чтò соединяетъ у насъ членовъ общества? Не нравственная и первическая необходимость привести языкъ въ движеніе, какъ во Франціи; не добродушное товарищество Нѣмцевъ, собирающихся кое-о чемъ помолчать, но по крайней мѣрѣ на людяхъ: нѣтъ, у насъ краеугольный камень, связъ и ключъ общества—карты. Онѣ за зеленымъ сукномъ, уравниваютъ званія, возрасты, полы, глупость и умъ, образованность и невѣжество, честность и корыстолюбіе. Одно условіе, одно отличіе—курсъ игры, кто по чемъ и кто во чтò играетъ: по этому сходятся и не расстаются. Батюшковъ говорилъ, что для представленія комедіи въ русскихъ нравахъ должно поставить на сценѣ столько ломберныхъ столовъ, сколько умѣстится можетъ. Запримѣньте театры у насъ, запрети драматическія представленія и сочиненія, какъ пуритане запрещали ихъ въ Англіи, и мѣра сія не будетъ общественнымъ лишеніемъ; сіе гоненіе не породитъ многихъ мучениковъ. Но уничтожь Александровскую мануфактуру картъ, запрети всѣ игры, запрети въ столицѣ англійскіе клубы,—и новыя пещеры, новыя оиваиды населятся добровольными изгнанниками“...

Сознавая живую связь литературы съ окружающею ея средою, Вяземскій въ статьяхъ своихъ историко-литературнаго содержанія отмѣчалъ наиболѣе яркія черты, рисующія отношеніе писателя къ обществу и къ понятіямъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей эпохи. Опредѣляя литературное значеніе писателей, онъ не забывалъ и за-

служъ ихъ передъ обществомъ, въ оцѣнкѣ которыхъ видѣнь его собственный благородный образъ мыслей, дѣлающій честь и писателю, и человѣку. Въ критической статьѣ о Дмитріевѣ князь Вяземскій открыто и смѣло выражаетъ свой взглядъ на крѣпостное право, говоря, что въ управленіе Дмитріева министерствомъ юстиціи послѣдовалъ замѣчательный по государственной важности указъ, запрещающій личнымъ дворянамъ приобрѣтать крестьянъ и дворовыхъ людей: въ этомъ распоряженіи люди благомыслящіе съ радостью увидѣли „отсѣченіе одной изъ отраслей бѣдственнаго злоупотребленія и надежду на совершенное искорененіе зла“. Замѣтимъ, что это писано не послѣ 19-го февраля 1861 года, а почти за сорокъ лѣтъ до освобожденія крестьянъ.

Блестящему таланту князя Вяземскаго открывалось обширное поле въ журналистикѣ. Онъ участвовалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, и самъ, вмѣстѣ съ Полевымъ, издавалъ Московскій Телеграфъ, появленіе котораго было рѣшено въ кабинетѣ князя Вяземскаго, въ бесѣдѣ хозяина съ графомъ Вильгорскимъ и съ Полевымъ. Мнотія книжки Телеграфа были на половину написаны самимъ Вяземскимъ или состояли изъ доставленныхъ имъ матеріаловъ. „Журнальная дѣятельность была по мнѣ“, говоритъ Вяземскій,—„все подстрекало, подбивало меня; я стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изъ всѣхъ орудій, партизанилъ, паѣздничалъ и подѣ собственнымъ именемъ, и подѣ разными заимствованными именами и буквами; журнальный сыщикъ все ловилъ на лету“.

До глубокой старости сохранялъ Вяземскій привычку задѣвать своихъ противниковъ, горячо спорить съ ними и преслѣдовать ихъ своею мѣткою сатирою. Вотъ его собственное свидѣтельство:

«Зачѣмъ глупцовъ ты задѣваешь?»
 Не разъ мнѣ Пушкинъ говорилъ,—
 «Ихъ не сразишь, хоть поражаешь;
 Въ нихъ перевѣсъ чпсла и силы.
 Ты только имъ къ возстанью служишь;
 «Пожалуй, ранишь кой-кого:
 «Что жъ? Одного обезоружишь,
 «А сотня встанетъ за него».
 Совѣтъ разумешь былъ. Но къ горю,
 Не вразумилъ меня совѣтъ;
 До старыхъ лѣтъ съ глупцами спору,
 А переспорить средства нѣтъ.
 Сѣдывамъ въ бороду, на встрѣчу,
 Знать за всегда и бѣсъ въ ребро:

Какъ скоро глупость гдѣ подмѣчу,
Сейчасъ зачешется перо.

Зорко слѣдя за явленіями общественной жизни и литературы, Вяземскій отзывался на нихъ своимъ смѣлымъ и искреннимъ словомъ, и не боясь ни гнета, ни опалы ни сверху, ни снизу, открыто высказывалъ свои убѣжденія и называлъ вещи ихъ настоящими именами.

Въ природѣ Вяземскаго было стремленіе къ самостоятельности и свободѣ въ убѣжденіяхъ и въ сочувствіяхъ; онъ не подчинялся всецѣло авторитетамъ даже общепризнаннымъ, которымъ и самъ онъ придавалъ высокое значеніе; съ другой стороны, онъ не позволялъ себѣ бездоказательно и повально осуждать явленія, котормъ онъ рѣшительно не сочувствовалъ. Скентическій складъ его ума удерживалъ его отъ увлеченій какъ въ ту, такъ и въ другую сторону. Своею живою и мѣткою сатирой Вяземскій задѣвалъ представителей и старыхъ, и новыхъ поколѣній. не щадя и сильныхъ міра, какъ литературнаго, такъ и общественнаго. „Не слѣдуетъ злоупотреблять ни мыслью, ни словомъ“, говорилъ онъ— „прекрасная мысль и прекрасный образъ могутъ неузнаваемо измѣниться и опозлиться отъ неумѣлаго, съ ними обращенія“. Въ доказательство приводимъ слово „прогрессъ“, расточавшееся въ недавнее время съ необычайною щедростью:

Глаза туманить отъ печати
И закружится голова,
Когда и встати, и не встати
Все тѣ же прыгають слова.
Хоть, напримѣръ: *прогрессъ*. Кто спорить?
Есть въ этомъ словѣ смыслъ и вѣсъ;
Но ужь когда затараторить
Журнальный клиръ: прогрессъ, прогрессъ!
Я радъ надѣтъ зипунъ, опучи,
Бѣжать назадъ за триста лѣтъ,
Бѣжать готовъ я въ лѣсъ дремучій,
Гдѣ о прогрессѣ рѣчь нѣтъ.

Рядомъ съ этою насмѣшкою надъ новыми литераторами находится, въ томъ же стихотвореніи и выходка противъ Ломоносова. Ода Ломоносова на возшествіе на престолъ императрицы Елизаветы начинается такимъ образомъ:

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Вяземскій говоритъ по этому поводу:

Я, старожилъ было вѣка,
Перѣдко старца стихъ твержу,
Но, каюсь, грѣшный, не безъ смѣха
Я на зарю его гляжу.
Заря багряною рукою
Напоминаетъ прачку мнѣ,
Которая бѣлье зимою
Полощетъ въ ледяной волнѣ.

Какъ слова и образы, такъ и обычаи и понятія, могутъ измѣняться до невѣроятной степени. То, что когда-то имѣло высокое значеніе въ общественной жизни, можетъ потерять всякій смыслъ и обратиться въ пустую и праздную забаву. Торжественное и ужасное можетъ со временемъ сдѣлаться и смѣшнымъ, и пошлымъ. Вглядываясь въ животрепещущія событія дня, Вяземскій говоритъ: „Съ нѣкотораго времени идетъ у насъ непомѣрный расходъ на юбилей, телеграммы, адреса и револьверы. Въ старое время юбилей праздновался рѣдко, въ память великихъ событій. У насъ юбилей празднуются едва ли не безъ году въ недѣлю, съ гостями, рѣчами и неминуемыми телеграммами куда-нибудь и кому-нибудь. Обѣдъ не въ обѣдъ, если не дать себѣ удовольствія пустить вдоль по проволоку извѣстіе, что мы, дескать, обѣдаемъ. Въ старину каждый имѣлъ табакерку въ карманѣ, частью для собственнаго употребленія, частью и на показъ; теперь подчуютъ сосѣда уже не шепоткою табаку, а щепоткою пороха при нѣсколькихъ пуляхъ изъ револьвера“ и т. д.

Относясь недоувѣрчиво къ ходячимъ взглядамъ и къ быстрымъ и диктаторскимъ рѣшеніямъ самыхъ сложныхъ общественныхъ вопросовъ, Вяземскій порицалъ крайнія мнѣнія, изъ какого бы лагеря они ни выходили. И крайній радикализмъ, и крайній консерватизмъ одинаково вызывали его насмѣлку: и въ томъ, и въ другомъ онъ видѣлъ не живую жизнь, а неудачную пересадку на нашу почву того, что вычитано изъ иностранныхъ книжекъ. Какъ слабый отголосокъ броженія, происходившаго за тридцать земель, появлялись и у насъ охотники прослыть во что бы то ни стало за красныхъ:

Начнутъ они ныть и падуваться
И горло драть, подсаживая грудь,
Чтобъ покраснѣть, чтобъ *красными* казаться,
Чтобъ, наконецъ, казаться чѣмъ-нибудь.

Съ другой стороны, поэтъ мастерски изображаетъ ложный страхъ играющихъ роль консерваторовъ, которые едва слышать, что въ

Парижѣ идетъ дождь, сейчасъ же совѣтуютъ распускать у насъ зонтики:

Огонь ли дальній домъ затронетъ,
У нихъ ужь дѣйствуетъ труба,
И, какъ во дни потопа, тонетъ
Ихъ неповинная изба.

Въ то время, когда жгучимъ вопросомъ въ литературѣ нашей былъ вопросъ объ искусствѣ для искусства и о тенденціозности въ художественныхъ произведеніяхъ, Вяземскій сохранилъ свою обычную сдержанность и свободу мысли, и потому подвергся нареканію изъ двухъ противоположныхъ лагерей. Въ ту пору трудно было и молодому писателю поладить съ крайностями, и не жертвуя своими убѣжденіями, найти пріютъ и сочувствіе въ томъ или другомъ литературномъ органѣ. Одинъ изъ современныхъ намъ писателей весьма живо и остроумно изобразилъ безвыходное положеніе своего юнаго собрата, который понесъ свое произведеніе въ одну редакцію: „Прочли, сказали: это поэзія, чистая поэзія, въ наше время порядочные люди такимъ вздоромъ не занимаются; понесъ въ другую редакцію,—прочли, нашли, что въ стихахъ его все какія-то модныя тенденціи, все какал-то скорбь гражданская, и ни на каплю поэзіи, ни на грошъ искусства“. Подобно этому злосчастному новичку въ литературѣ, и нашъ маститый писатель очутился между двухъ огней. Сознавая свое положеніе, онъ изобразилъ его слѣдующими чертами:

Для стариковъ я слишкомъ молодъ,
Для молодыхъ я слишкомъ старъ:
Одни въ вину мнѣ ставятъ холодъ,
Другіе—неумѣстный жаръ.
Кому кажусь въ отбѣикѣ аломъ,
Кому же выжившимъ пѣть лѣтъ,
И въ туноумъ запоздаломъ
Не знающимъ, гдѣ тьма, гдѣ свѣтъ.
Идемъ ли среднею дорогою,
Тебѣ со всѣми врозь идти,
Ни добрымъ словомъ, ни подмогой
Никто не встрѣтитъ на пути...

Но доброе, безпристрастное слово ожидаетъ князя Вяземскаго на страницахъ правдивой и безпристрастной исторіи русской литературы. Тѣмъ болѣе имѣетъ онъ право на сочувствіе потомства, что самъ, въ свою очередь, умѣлъ поминать добрымъ, правдивымъ словомъ своихъ предшественниковъ.

Завѣтнымъ убѣжденіемъ Вяземскаго была необходимость преданія, преемственнаго перехода свѣта истины отъ поколѣнія къ поколѣнію. Его поражало отсутствіе преданія, разрывъ съ прошедшимъ, замѣчаемый и въ литературѣ, и въ нашемъ частномъ и общественномъ воспитаніи. Въ училищахъ нашихъ, говоритъ онъ, —ведутъ счетъ стариннымъ писателямъ только для порядка, словно Ассирійскимъ царямъ. А между тѣмъ преданіе, въ смыслѣ изученія и разумѣнія прошлаго, имѣетъ великую просвѣтительную силу. Оно указываетъ пытливому уму надежный путь къ открытію истины и удерживаетъ отъ смѣшнаго и жалкаго самообольщенія. Противникамъ этой истины онъ возражаетъ со всѣмъ жаромъ человѣка убѣжденнаго: „Ниспровергая, ломая все прошедшее, вы хотите выдавать себя за передовую дружину умственнаго движенія, а на дѣлѣ вы отсталие. Вы настоящіе гасители, ибо покушаетесь потушить неугасимый свѣтъ, разлившійся изъ одного негасимаго свѣтильника:

Вамъ, чуждымъ лѣтописи древней,
Вамъ въ умъ забрать немудрено,
Что съ той поры и свѣтъ въ деревнѣ,
Какъ сталъ вы смотрѣть въ окно.
Цѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ,
А въ окна многіе смотрѣли,
Которые позорче васъ.

Вяземскій горячо вѣрилъ въ преемство добра, въ живую и разумную связь лучшихъ преданій стараго и прошлаго съ лучшими надеждами и стремленіями новаго и молодаго. По его глубокому убѣжденію, люди, работающіе для общаго блага, къ какому бы поколѣнію они не принадлежали, составляютъ одну семью; они служатъ одной великой цѣли; трудъ ихъ одинаково святъ, и различіе только во времени, когда труженики привялись за свою работу. Обращаясь къ молодому поколѣнію, онъ говоритъ:

Успѣхамъ вашимъ и побѣдамъ
Готовы мы рукоплескать.
Но въ пѣсняхъ торжества—и дѣдамъ
Не грѣхъ поминомъ честь отдать...
Хозяинъ мудрый вертограда
Распредѣлитъ часы работъ:
Всѣмъ есть урочъ свой, всѣмъ награда—
Кто раньше вѣкъ позднѣй прійдетъ.
Несите вы свою заботу:

Одно различье между насъ;
 Мы утромъ вышли на работу,
 А вы въ одиннадцатый часъ.
 Да, плодъ воздастъ благое сѣмя,
 Чья ни поспѣй его рука:
 Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
 И вамъ, грядущіе вѣка!

Въ теченіе всей литературной дѣятельности Вяземскій оставался вѣренъ глубокому и непоколебимому убѣжденію, что истинное призваніе писателя — быть защитникомъ правъ разума и ревностнымъ поборникомъ просвѣщенія. Писатель, говорилъ онъ, — долженъ дорожить своею независимостью и служить одной истинѣ, а не лицамъ; онъ долженъ быть двигателемъ образованности, провозвѣстникомъ истины и вожааемъ общественнаго мнѣнія: „Отъ писателя, дѣйствующаго на общее мнѣніе, требуется и постоянное исповѣданіе одного мнѣнія. Писатель, который, по званію своему, обязанъ быть проповѣдникомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ доносчикомъ на него, подобенъ сатиру, который дуетъ и тепломъ и холодомъ, или еще болѣе врачу, который призванъ будучи къ больному, пугаетъ его невѣрностію своей науки и раскрываетъ передъ нимъ гибельныя ошибки врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно и безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ“.

Руководимый уваженіемъ къ званію писателя, какъ просвѣтителя общества, Вяземскій осуждалъ тенденціи басенъ Крылова: „Огородникъ и философъ“ и „Сочинитель и разбойникъ“. Въ баснѣ: „Огородникъ и философъ“ Вяземскій не могъ простить Крылову выходки его противъ людей науки, которые читаютъ, выписываютъ, справляются и рожутся въ книгахъ. О баснѣ: „Сочинитель и разбойникъ“ Вяземскій замѣчаетъ: „Признаюсь, по моимъ понятіямъ какъ-то неловко и неблаговидно сочинителю выводить рядомъ на очную ставку разбойника и сочинителя, и еще съ тѣмъ, чтобъ отдать преимущество разбойнику предъ сочинителемъ. Найдутся и безъ поэта люди, которые охотно выведутъ такое заключеніе и подпишутъ подобный приговоръ. Намъ, людямъ пера, не подобаетъ мирволить и потакать такимъ безпощаднымъ осужденіямъ“.

Писатель долженъ дорожить своею независимостью, не уклоняясь отъ своего прямого назначенія и отнюдь не принимая на себя роли цензора. Можно быть увѣреннымъ, прибавляетъ Вяземскій, — что

„бдительная цензура, которую нельзя упрекнуть у насъ въ потворствѣ, умѣть и безъ помощи посторонней удерживать писателей въ предѣлахъ дозволеннаго“. Эта оговорка подсказана самою жизнью, близкимъ знакомствомъ съ цензурными правами и обычаями. Еще въ молодости своей Вяземскій испыталъ на себѣ предупредительное вниманіе цензуры. Благодаря цензору Красовскому, поддержанному цензурнымъ комитетомъ *in concreto*, запрещена статья Вяземскаго самаго невиннаго содержанія. Неписанная въ 1822 году, она впервые появилась въ печати только въ 1878 году, то-есть, черезъ пятьдесятъ-шесть лѣтъ послѣ написанія. Причиной задержки послужило употребленіе такихъ безобидныхъ выраженій, какъ задѣваетъ, апатія общественнаго мнѣнія, полемическая тактика, и т. п. Слово: задѣваетъ цензура предложила замѣнить словомъ: упрекаетъ. какъ болѣе деликатнымъ. Цензура находила также, что публика можетъ оскорбиться названіемъ ея общественнаго мнѣнія апатіей. Въ выраженіи: полемическая тактика цензурный комитетъ открылъ за-таенное кощунство на томъ основаніи, что прилагательное женскаго рода: полемическая прикладывается обыкновенно къ богословію обличительному или состязательному, и т. п. Вяземскій протестовалъ противъ подобнаго нарушенія авторскихъ правъ. Онъ выступилъ какъ лицо потерпѣвшее; на его сторонѣ были и цвѣтъ тогдашней литературы, и общественное мнѣніе; противную сторону представлялъ цензоръ Красовскій, увѣковѣчившій себя своими цензурными подвигами.

Но прошло много и много времени, прошло болѣе полустолѣтія; обстоятельства рѣзко измѣнились. Князь Вяземскій поставленъ во главѣ цензурнаго вѣдомства, и имѣлъ полную возможность, если бы только пожелалъ, вмѣсто оборонительной начать войну наступательную, устремлять свои громы на литературу. По сложности обязанностей, лежавшихъ на министрѣ народнаго просвѣщенія, главное завѣдываніе всѣми цензурными дѣлами и наблюденіе за цензурными учрежденіями возложено на князя Вяземскаго, какъ на товарища министра. Положеніе его въ литературѣ было на ту пору самое неутѣшительное; представители литературы показывали ему холодность, весьма тяжелую и для его выносливой натуры; противъ него образовался тотъ заговоръ молчанія, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей автобиографіи. Не было недостатка и въ разныхъ постороннихъ вліяніяхъ, крайне враждебныхъ литературѣ, обвиняемой во всевозможныхъ посягательствахъ и вредныхъ замыслахъ и стремленіяхъ.

Чѣмъ же отвѣтилъ Вяземскій на всѣ эти постороннія вліянія?

Чѣмъ отплатилъ онъ за недоброжелательство и вражду къ нему, за несочувственные отзывы и оскорбительные для него толки? Отвѣтилъ тѣмъ, что снялъ печать молчанія, наложенную на многихъ писателей. Отплатилъ тѣмъ, что горячо отстаивалъ права своихъ литературныхъ противниковъ и доказывалъ неосновательность возводимыхъ на нихъ обвиненій.

Извѣстно, что вслѣдствіе ловкой мистификаціи со стороны нашихъ иноземныхъ друзей, самою опасною партіей общественною и литературною считались у насъ такъ называемые славянофилы; прозвище славянофилъ служило несомнѣннымъ признакомъ политической неблагонадежности. Каждая статья, можно сказать, каждая строка, написанная славянофиломъ, подлежала самой строгой, усиленной цензурѣ; объ основаніи литературнаго органа съ славянофильскимъ направленіемъ нельзя было и думать. При всемъ уваженіи Вяземскаго къ умственному и нравственному достоинству вождей славянофильства, для снятія опалы съ славянофиловъ требовался значительный запасъ гражданскаго мужества. И Вяземскій обладалъ этимъ мужествомъ; онъ принялъ участіе въ дѣлѣ славянофиловъ, хотя во многомъ имъ и не сочувствовалъ, и опальнымъ писателямъ развязаны были руки. Въ апологіи своей князь Вяземскій говоритъ: „Отказаться отъ чувства любви ко всему славянскому значило бы отказаться намъ отъ исторіи нашей и отъ самихъ себя. Государь императоръ Николай I, въ достопамятныхъ словахъ своихъ, обращенныхъ къ профессорамъ, сказалъ: „Надобно сохранить то въ Россіи, что искони бѣ“. Слѣдовательно, должно сохранять и родовое чувство любви къ славянскому нашему происхожденію. Нельзя преслѣдовать славянолюбія, иначе, пришлось бы преслѣдовать чувство и образъ мыслей чисто русскіе и свойственные каждому изъ насъ, кому только дороги имя русское и сопряженные съ этимъ именемъ родственныя, семейныя и духовныя преданія нашей народнои, исторической и государственной жизни. Намъ нечего опасаться злоупотребленій нашей литературы. Скорѣе слѣдуетъ опасаться дѣйствія и послѣдствій насильственнаго молчанія. Въ заперти всякій протестъ, даже въ основаніи своемъ безопасный, крѣпнетъ и безмолвно вооружается“ и т. д.

Обвиненія не ограничивались какою-либо партіей: они падали съ большею или меньшею силою на всю литературу; въ оживленіи ея, въ ея сочувствіи къ движенію общественной жизни видѣли злобѣщіе признаки. Состояніе умовъ было напряженное; мнѣнія сере-

щивались, слѣды недавняго прошлаго были еще черезчуръ ярки, а новыя силы неудержимо стремились къ дѣятельности. Призванный, въ качествѣ государственнаго человѣка, высказать свой взглядъ на состояніе современной литературы, князь Вяземскій писалъ слѣдующее: „Общественные вопросы возбуждаютъ пытливость современной литературы и подвергаются ея изслѣдованіямъ. Литература наша, и особенно журналы, дѣятельно принялись въ послѣднее время за обличеніе злоупотребленій, укоренившихся въ нижнихъ слояхъ нашей администраціи. Отъ этихъ тысячи разказовъ, тысячу разъ повторяемыхъ, общество наше ничего новаго не узнаетъ. Зло не въ томъ, что разказывается, а въ томъ, что дѣлается. Каждый крестьянинъ, и не читая журналовъ, знаетъ лучше всякаго остроумнѣйшаго писателя, что за человѣкъ становой приставъ. Нѣтъ сомнѣнія, что внутри Россіи журнальныя нескромности не имѣютъ никакого вреднаго дѣйствія и не производятъ соблазна. Но въ высшемъ обществѣ, и то въ весьма ограниченномъ кругу тѣхъ, которые изрѣдка и случайно читаютъ по русски, русская грамота, мало имъ знакомая, имѣетъ въ глазахъ ихъ особенную важность. Имъ какъ-то дико и страшно видѣть мысль, облеченную въ русскія буквы. Имъ кажется, что русская азбука совсѣмъ не на то составлена, чтобы служить проводникомъ и выраженіемъ русскаго ума... У насъ въ литературѣ могутъ быть единомышленники, партіи, но злоумышленниковъ нѣтъ. Можно сказать положительно, что современная наша литература не заслуживаетъ, чтобы заподозрили ея политическія и нравственныя убѣжденія. Никому не уступлю въ любви къ отечеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ скажу, что не вижу ни малѣйшей опасности, угрожающей со стороны литературы. Напротивъ, думаю, что для общей пользы не должно усыплять ее“.

Вотъ какимъ благороднымъ языкомъ говорилъ кн. Вяземскій въ защиту литературы и ея представителей. Слова Вяземскаго, по всей справедливости, могутъ быть названы дѣлами его. Въ нихъ выражаются тѣ начала, которыми онъ руководствовался въ своей общественной и государственной дѣятельности. Къ чести нашего писателя должно замѣтить, что начала эти вполнѣ совпадаютъ съ основными убѣжденіями, проникающими его литературные труды и придающими имъ особенную цѣну. Въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, съ кѣмъ бы ни сталкивала его судьба, онъ не переставалъ быть писателемъ, не отрекался отъ своего званія и отъ братскаго чувства къ людямъ пера, призваннымъ трудиться для умственнаго, нрав-

ственного и общественнаго блага. Мысль о высокомъ призваніи писателей онъ высказывалъ и въ обществѣ Пушкина и Жуковскаго, и въ обществѣ Фарнгагена и Гумбольдта, и въ бесѣдахъ съ молодымъ поколѣніемъ, и въ состязаніяхъ съ людьми, предубѣжденными противъ литературы.

Много разъ, въ теченіе своей долгой жизни, Вяземскій отвлекаемъ былъ отъ занятій литературныхъ, но никогда не измѣнялъ своей любви къ литературѣ и своимъ понятіямъ о нравственныхъ обязанностяхъ ея представителей. Его честное перо не писало доносовъ на просвѣщеніе; въ каждомъ честномъ писателѣ онъ привѣтствовалъ друга и брата, идущаго къ одной и той же цѣли

...сподвижника высокаго служенья
Во имя грамоты, добра и просвѣщенья.

ИСТОРИЧЕСКІЯ РОЗЫСКАНІЯ ВЪ ИТАЛІАНСКИХЪ АРХИВАХЪ И БИБЛІОТЕКАХЪ ¹⁾.

Въ Сіенѣ я пробылъ съ 19-го іюля по 10-е августа новаго стиля. Церковные архивы—архіепископскій и соборнаго капитула, не представляютъ ничего интереснаго для того, кто занимается первою половиною среднихъ вѣковъ: документы перваго восходятъ только до XIV вѣка, втораго до XI ²⁾. Притомъ, доступъ къ нимъ чрезвычайно затрудненъ, и я не пытался въ нихъ проникнуть, а посвятилъ свое время занятіямъ въ государственномъ архивѣ.

Сіенскій *archivio di stato* имѣлъ для меня особенный интересъ благодаря тому, что въ немъ находится собраніе грамотъ монастыря *S. Salvatore di M. Amiato*, около Кіузи. 205 изъ этихъ грамотъ ³⁾ относятся къ періоду до 1000 года и распредѣляются слѣдующимъ образомъ по столѣтіямъ: сорокъ-семь—VIII вѣка (начиная съ 736 г.); сто-двадцать-три — IX в., и тридцать-пять—X в. Императорскихъ и королевскихъ привилегій, которыя я обходилъ, потому что онѣ всѣ уже изданы и будутъ изданы во второй разъ въ *Monumenta Germaniae*, сравнительно немного—тринадцать, за то купчихъ—шестьдесятъ-четыре, дарственныхъ записей — двадцать-четыре, размѣнныхъ ак-

¹⁾ Извлечено изъ втораго отчета кандидата Императорскаго Московскаго университета Павла Виноградова о поѣздкѣ за границу лѣтомъ 1878 года; извлеченіе изъ перваго отчета см. въ декабрьской книжкѣ *Ж. М. Н. Пр.* за 1878 годъ.

²⁾ *Cappelletti*, *Chiese d'Italia*, *Diocesi di Siena*.

³⁾ Я не считаю нѣсколькихъ экземпляровъ какого-либо документа за отдѣльныя грамоты.

товъ — пяти, восемьдесятъ-три арендные (либеллярные) договора, четыре судебныхъ рѣшенія, четыре грамоты въ подтвержденіе прежде составленныхъ договоровъ и семь документовъ смѣшаннаго содержанія. Грамоты до 814 г. вошли въ изданіе Брунетти ¹⁾; изъ прочихъ нѣкоторыя напечатаны у Муратори ²⁾, Учелли ³⁾, Пиццетти ⁴⁾, Делла Рена и Камичи ⁵⁾, въ послѣднее время—у Фивкера ⁶⁾ и Ливерани ⁷⁾. Я не буду возвращаться къ характеристикѣ всѣхъ этихъ трудовъ, а замѣчу только относительно послѣдняго, что монсиѣръ Ливерани, извѣстный своей рѣзкостью и строгостью по отношенію къ другимъ и неумѣреннымъ уваженіемъ къ своей собственной особѣ, издалъ приводимыя имъ грамоты небрежно и неправильно. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности, но можетъ быть, нелишне будетъ указать, какъ на образчикъ его работы, на грамоту S. Salvadore 950 г. settembre ⁸⁾, въ которой онъ даже произвольно вставляетъ слова. Такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ нѣтъ возможности полагаться на изданія, даже когда они существуютъ, но большинство интересныхъ амьятинскихъ грамотъ не изданы вовсе. На мою долю досталось такихъ совершенно не изданныхъ документовъ болѣе ста—не опредѣляю цифру точнѣе, потому что относительно нѣкоторыхъ еще долженъ сдѣлать дополнительныя справки, и вообще при разрозненности и малоизвѣстности италіанскихъ сочиненій XVII и XVIII вв., заключающихъ въ себѣ грамоты, весьма трудно дѣлать совершенно опредѣленные заключенія, когда дѣло идетъ о частныхъ договорахъ IX и X вѣковъ.

Эти частные договоры, имѣющіе первостепенную важность въ своей совокупности для экономической и юридической исторіи, въ то же время не даютъ повода выдѣлять тотъ или другой документъ изъ общей массы. Поэтому я не могу входить здѣсь въ разборъ ихъ содержанія, которымъ должна будетъ заняться моя диссертація ⁹⁾.

¹⁾ Codice diplomatico toscano.

²⁾ Antiquitates italicæ.

³⁾ Italia Sacra.

⁴⁾ Antichità toscane.

⁵⁾ Serie degli antichi duchi e marchesi di Toscana.

⁶⁾ Forschungen zur italienischen Reichs- und Rechtsgeschichte, IV Band.

⁷⁾ Le Catacombe e le antichità cristiane di Chiusi. Il ducato Langobardo di Chiusi.

⁸⁾ Ducato di Chiusi, 268.

⁹⁾ Точно также не представляютъ особенныхъ признаковъ и прочіе доку-

За то въ архивѣ соборнаго капитула города Ареццо, въ которомъ я работалъ съ 10-го по 18-е августа, одна изъ группъ, находящихся тамъ документовъ заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. И разумѣю грамоты, относящіяся до знаменитаго и нескончаемаго спора между епископами Сиены и Ареццо о границахъ ихъ епархій. Самаго краткаго очерка хода этого спора достаточно, чтобы показать, что тутъ дѣло идетъ не только о мелкихъ фактахъ, интересныхъ лишь для Тосканцевъ или вообще Италианцевъ, но что съ этимъ процессомъ переплетаются и интереснѣйшіе общіе вопросы. Споръ возникъ, если можно такъ выразиться, на почвѣ такого общаго вопроса именно, — относительно реорганизации католической церкви у Лангобардовъ послѣ припятія католичества ихъ королями.

Сиенская епархія пострадала въ эпоху преобладанія арианства гораздо болѣе, чѣмъ сосѣднія епархіи. Преемственность епископовъ совершенно прекратилась ¹⁾, и сиенскіе католики обращались въ случаяхъ необходимости къ сосѣднимъ епископамъ Кіузи, Ареццо и Равелле ²⁾. Послѣ Ротари начинается возрожденіе католической церкви въ Сиенской области, главными признаками чего является дѣятельность по возобновленію разрушенныхъ церквей и постройка новыхъ, съ одной стороны, возстановленіе епископской линіи, и власти—съ другой. Разрозненные члены Сиенской епархіи снова срастаются въ одно тѣло; затрудненія являются только на востокѣ, Аретинскіе епископы не соглашались уступить свои пасторскія права въ восточныхъ приходахъ Сиенской области, утверждая, что эти права возникли не послѣ лангобардскаго завоеванія, а при римскомъ владычествѣ, при самомъ учрежденіи епархій ³⁾. Начинается ожесточенная борьба, въ которой замѣшаны не одни епископы, но и сиенскій гастальдъ, видимо не желающій, чтобы въ границахъ его области распоряжался, хотя бы въ духовномъ отношеніи, чужой епископъ. Вмѣшательство областныхъ властей придаетъ борьбѣ особенно насильственный характеръ: гастальдъ Гаубертъ пользуется своею судною властью, чтобы притѣснять людей Аретинскаго епископа, проживавшаго въ одномъ изъ спор-

менты, которыми я пользовался въ Сиенскомъ архивѣ: три грамоты, переписанныя въ Saleffo Veschio, пять—собранія покойнаго графа Сципіона Бики Боргези, три—монастыря св. Евгенія, два—св. Августина въ Сиень, наконецъ двѣ—гор. Массы; изъ послѣднихъ грамота 756 г. подложная.

¹⁾ *Troya*, Codice diplomatico langobardo, документъ за № 400.

²⁾ *Troya*, № 406, показанія 14-е, 23-е и др.

³⁾ *Troya*, №№ 400, 408.

ныхъ приходовъ; Аретинцы убиваютъ Гауберта ¹⁾. Вообще, стороны не останавливаются ни передъ какимъ средствомъ для одержанія побѣды. Чтобы добиться благопріятныхъ показаній передъ судомъ, сіенскіе гастальды застрачиваютъ свидѣтелей ²⁾; Сіенскій епископъ, желая чѣмъ-нибудь заявить свое право на приходъ, является туда ночью, ставитъ тамъ священника и освящаетъ алтарь ³⁾. Дѣло обсуждается самыми разнообразными трибуналами: сохранились рѣшенія королевскаго посланца, комиссіи четырехъ епископовъ, короля. Есть даже слѣды, что уже въ самомъ началѣ этимъ дѣломъ заинтересовался Римскій папа ⁴⁾.

Признаюсь, я не могу сказать когда кончилась тяжба: слѣдя за нею по рукописной описи документовъ капитула Ареццо, составленной каноникомъ Жанперини, я находилъ относящіяся сюда рѣшенія папъ и императоровъ въ IX, X, XI, XII и XIII вѣкахъ. Такъ какъ для меня процессъ имѣлъ главнымъ образомъ значеніе потому, что онъ проливаетъ свѣтъ на судоустройство, церковную организацію, администрацію и нравы лангобардской эпохи, то я и ограничился подробнымъ изученіемъ документовъ этой эпохи. Оказалось, что, не смотря на весь интересъ этихъ документовъ, они изданы вообще весьма дурно, а нѣкоторые, правда немногіе, но за то особенно важныя, совсѣмъ не изданы ⁵⁾. Подробное изслѣдованіе по этому поводу я отправляю на дняхъ въ одинъ изъ италіанскихъ журналовъ, а здѣсь сообщая только общее описаніе.

№№ 2—5 грамотъ *capitolo d'Arezzo* заключаютъ въ себѣ копии различныхъ актовъ процесса относящихся къ времени Лангобардскаго королевства. Копіи сняты, за исключеніемъ небольшихъ отрывковъ ⁶⁾, однимъ лицомъ, какъ видно изъ одного не изданнаго отрывка—нота-

¹⁾ *Troya*, № 389.

²⁾ *Troya*, № 406, показанія 44-е, 73-е и др.

³⁾ *Troya*, показанія 43-е и др.

⁴⁾ *Troya*, № 408.

Muratori, *Antiquitates*, VI, 389, с.

⁵⁾ Видѣли документы и печатали прямо съ нихъ только Бурали (*Vescovi d'Arezzo*, 1638 г.), Гранди (*Epistola de Pandectis Pisanis*, 1727 г.) и Муратори (*Antiquitates*, VI fol. *Annali* подъ 792 годомъ). Впоследствии тексты, данные такимъ образомъ въ XVII вѣкѣ и первой половинѣ XVIII, только перепечатывались. Я ссылаюсь на *Codice diplomatico* Тройи не потому, чтобъ онъ давалъ лучшій или самостоятельный текстъ, а потому что въ немъ сведены всѣ документы.

⁶⁾ Напримѣръ, такъ называемаго *Libello contra il vescovo di Siena*, *Troya*, № 660 въ началѣ рукописи № 3.

ріусомъ Аретинской церкви Гецо, подъ личнымъ наблюденіемъ примицерія соборнаго капитула Герарда, въ тридцатыхъ годахъ XI вѣка ¹⁾). Изданные до сихъ поръ документы распредѣляются такимъ образомъ по рукописямъ: рѣшеніе палатнаго пера Амвросія ²⁾—№ 3; декретъ короля Ліутпрайда, подтверждающій рѣшеніе Амвросія ³⁾, — № 8; допросъ свидѣтелей королевскимъ нотаріусомъ Гунтерамомъ ⁴⁾ — № 2; рѣшеніе четырехъ епископовъ ⁵⁾ — № 3; декретъ Ліутпрайда въ подтвержденіе этого рѣшенія ⁶⁾— № 3 и отчасти ⁷⁾— № 4; булла папы Стефана ⁸⁾ — № 3 и № 5.

Я нарочно не упомянулъ между изданными разказа примицерія Герарда въ формѣ лѣтописнаго повѣствованія, который занимаетъ значительную часть рукописи подъ № 3. Муратори напечаталъ только отрывокъ изъ этого повѣствованія ⁹⁾.

Совершенно не изданы слѣдующія части все того же сборника документовъ подъ № 3: заголовокъ, заключающій въ себѣ извѣстіе о способѣ составленія сборника: первая часть — договоръ между епископами Мавромъ Сиенскимъ и Сервандомъ Аретинскимъ, и каталогъ Аретинскихъ епископовъ ¹⁰⁾. Особенно интересенъ второй изъ упомянутыхъ документовъ, относящійся къ первому столкновенію между сосѣдами епископами, во времени Мавра, перваго въ новой линіи Сиенскихъ епископовъ. Одно только обстоятельство можетъ объяснить полное забвеніе, которому подвергся этотъ актъ, не уступающій по возмож-

¹⁾ Доказательства будутъ приведены мною въ моей италянкой статьѣ.

²⁾ *Troya*, № 400.

³⁾ *Troya*, № 405.

⁴⁾ *Troya*, № 406.

⁵⁾ *Troya*, № 407.

⁶⁾ *Troya*, № 408.

⁷⁾ Лѣвая половина рукописи оторвана.

⁸⁾ *Troya*, № 661, уже упомянутый разъ *Libello contra il vescovo di Siena*, приписанный къ рукописи № 3, относится не къ 752 году, какъ полагаютъ Тройя и Муратори, а къ XI вѣку. См. *Bethmann Holweg*, *Germanisch-römische Civil-process*, IV томъ, экскурсъ о дѣлѣ между епископами Сиены и Арццо.

⁹⁾ *Annali* подъ 712; *Troya*, № 389.

¹⁰⁾ Епископъ Мавръ подписался подъ постановленіями Латеранскаго собора 649 года (*Mansi*, *Conciliorum amplissima Collectio* X, 868). Преемникъ Серванда, Кирианъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти подписывается съ другими епископами подъ писемомъ папы Агафона Константину Августу (*Mansi*, XI, 286 и сл.). Между этими годами, приблизительно около 660 г., мы должны помѣстить нашъ документъ.

ности ни одному изъ остальныхъ, уже напечатанныхъ. Переписчикъ XI вѣка не въ состояніи былъ прочесть оригиналъ, написанный въ половинѣ VII вѣка, и потому пропускалъ, какъ самъ оговариваетъ, цѣлыя слова и фразы. Поэтому для насъ сохранился только фрагментъ, которымъ Муратори пренебрегъ, вѣроятно, только за эту фрагментарность. Смысла все-таки можно доискаться почти вездѣ безъ особеннаго затрудненія. Какъ я уже сказалъ, епископы Мавръ и Сервандъ, вмѣсто того, чтобъ идти судиться передъ королемъ или другими какими-либо свѣтскими судьями, рѣшили покончить дѣло миромъ и выдали другъ другу обязательства, въ которыхъ были опредѣлены способы разрѣшенія спора относительно пяти-шести пограничныхъ приходовъ ¹⁾. Обыкновенно такимъ способомъ долженъ быть розыскъ на мѣстѣ, произведенный въ присутствіи обѣихъ сторонъ. Сохранившійся въ Ареццо документъ есть обязательство, выданное Сіенскимъ епископомъ Мавромъ. Относительно подлинности документа не можетъ быть никакого сомнѣнія: впрочемъ, сообщеніе какъ текста, такъ и критическій разборъ этихъ документовъ, я долженъ отложить до специально посвященной имъ статьи.

Кромѣ только что упомянутыхъ рукописей, я нашелъ въ архивѣ соборнаго капитула много другихъ грамотъ, однородныхъ съ сіенскими и флорентинскими и весьма важныхъ для моей работы.

Документы, происходящіе изъ самаго *capitolo d'Arezzo*, очень извѣстны въ наукѣ, потому что представляютъ полный рядъ императорскихъ и королевскихъ привилегій; частныхъ договоровъ немного, и потому я занимался главнымъ образомъ грамотами бенедиктинскаго монастыря свв. Флоры и Луциллы, перешедшими въ архивы соборнаго капитула послѣ упраздненія монастыря въ концѣ прошлаго вѣка. „*Provenienza*“ свв. Флоры и Луциллы, оставшаяся до сихъ поръ въ полномъ пренебреженіи, содержитъ въ себѣ для исторіи IX и X вѣка двѣ купчія, шестнадцать дарственныхъ актовъ, восемь арендныхъ условій, одно судебное рѣшеніе и четыре грамоты въ подтвержденіе прежнихъ договоровъ.

Исслѣдованіе документовъ соборнаго капитула составляло главную мою задачу въ Ареццо; кромѣ того, я осмотрѣлъ грамоты, принадлежавшія извѣстному тосканскому юристу Франческо Реди. Онѣ находятся теперь въ владѣніи семейства Таванти. Для меня эти документы оказались неинтересными, такъ какъ онѣ относятся почти всѣ

¹⁾ Впослѣдствіи дѣло идетъ о 18 — 20 приходохъ.

къ сравнительно позднимъ эпохамъ: одна привилегія Оттона III отъ 1001 года ¹⁾, затѣмъ дарственный актъ въ пользу Волатерранскаго епископства отъ 1007 года, двѣ грамоты XII вѣка, остальные—около 50, большею частью XIV и XV вѣковъ.

Изъ Аренцо я выѣхалъ въ Римъ, гдѣ пробылъ дня два, и затѣмъ отправился въ Монтекассино. Мнѣ было извѣстно, что въ знаменитомъ бенедиктинскомъ монастырѣ сохранился не только богатѣйшій запасъ рукописей отцовъ церкви, древнихъ писателей и средне-вѣковыхъ лѣтописцевъ, но также множество грамотъ, особенно интересныхъ для исторіи южныхъ лонгобардскихъ герцогствъ—Беневента, Капуи и Салерно. Судя по тому, что сообщено въ „Исторіи Монтекассино“ аббата Тости, и особенно въ незамѣнимыхъ пока сочиненіяхъ Р. Gattola ²⁾, можно было надѣяться найдти тамъ такой же драгоценный матеріалъ, какой открытъ намъ классическимъ изданіемъ бенедиктинцевъ S. Trinita della Cava около Неаполя ³⁾. Матеріалъ дѣйствительно казался громаднымъ и весьма интереснымъ, но мнѣ лично не удалось имъ воспользоваться, какъ я желалъ бы, потому что надъ нимъ уже работаетъ неутомимая монастырская братія, приготовляющая подъ руководствомъ аббата Тости изданіе своего Codex diplomaticus. Бенедиктинская ученость и трудолюбіе, очевидно, также мало потеряли отъ измѣнившихся условій, какъ и бенедиктинское гостепріимство; но самая колоссальность ученыхъ работъ, задуманныхъ и начатыхъ въ монастырѣ ⁴⁾, внушаетъ мысль, что онѣ долго еще не прійдутъ къ концу, и поэтому для постороннихъ ученыхъ изысканій слѣдовало бы пошире открывать дверь въ монастырскій архивъ. За неимѣніемъ подлинныхъ грамотъ, я занялся большимъ сводомъ Петра Діакона, составленнымъ около 1137 года. Петръ Діаконъ рассчитывалъ списать по извѣстнымъ рубрикамъ всѣ грамоты своего монастыря, но ему

¹⁾ Издана Della Rena e Camici, Serie dei duchi toscani, I, 48.

²⁾ Historia abbatae Cassinensis; Accessiones ad historiam abbatae Cassinensis. Montecassino, 1733.

³⁾ Codex diplomaticus Cavensis, пока три тома.

⁴⁾ Въ настоящее время работаютъ надъ монументальнымъ изданіемъ Bibliotheca Cassinensis, заключающей въ себѣ подробное описаніе Монтекассинскихъ рукописей съ выдержками изъ наиболее интересныхъ (вышло три тома); надъ Palaeografia Cassinensis, заключающей исторію письменности въ Монтекассино, съ роскошными образцами орнаментаціи буквъ; надъ Codex diplomaticus, задуманнымъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; сверхъ того, имѣется въ виду изданіе по исторіи миниатюры и т. д.

удалось привести въ исполненіе только начало своего предпріятія. *Regestum Petri Diaconi* содержитъ въ себѣ болѣе 600 привиллегій папъ, императоровъ, королей, герцоговъ и т. д. Очень многіе изъ этихъ документовъ уже изданы Гаттола. Я провѣрялъ его текстъ и сдѣлалъ выписки изъ неизданныхъ грамотъ.

Изъ Монтекассино я отправился въ двадцатыхъ числахъ августа въ Беневентъ, рассчитывая найти тамъ какіе-нибудь слѣды исторіи Беневентскаго герцогства. Тутъ мнѣ пришлось убѣдиться, какая великая разница между южною Италіей и сѣвѣрною по отношенію къ сохраненію документовъ. Изъ беневентскихъ архивовъ многое было передано въ Ватиканъ во время владычества папъ надъ Беневентомъ. Когда послѣ 1860 года новое италіанское правительство упразднило монашескія корпораціи, большая часть документовъ была передана въ управленіе королевскихъ доменовъ, гдѣ или никто не занимался, и гдѣ они, кажется, безвозвратно погибли. Меньшая часть осталась въ различныхъ церквахъ и монастыряхъ. Хотя депутаціи для изученія отечественной исторіи существуютъ и дѣйствуютъ на югѣ, какъ и на сѣверѣ, тѣмъ не менѣе дѣятельность ихъ—можетъ быть, потому, что началась позднѣе—гораздо менѣе плодотворна. Изъ документовъ знаменитаго монастыря св. Софіи *in Ponticello*, напримѣръ, который пользовался особенными милостями Беневентскихъ герцоговъ, остались въ Беневентѣ только позднѣйшіе; они въ тридцати-двухъ томахъ или связкахъ валяются въ сиротскомъ заведеніи—*orfantofrio di S. Filippo*, чиновники котораго менѣе всего имѣютъ время на архивныя труды. Въ этихъ тридцати-двухъ связкахъ сохранились случайно три грамоты X вѣка. Всего болѣе матеріала осталось въ архивѣ соборнаго капитула, гдѣ я и занимался до конца августа. Неизданныхъ грамотъ IX и X вѣковъ нашлось пятнадцать: это большею частью дарственные записи и привиллегіи Лонгобардскихъ герцоговъ.

Въ Беневентѣ я кончилъ свои занятія по италіанскимъ источникамъ; хотя въ Неаполѣ и былъ въ архивѣ, но не нашелъ тамъ никакихъ лонгобардскихъ документовъ, кромѣ тѣхъ, которые уже помѣщены въ изданіи *Regii Neapolitani Archivii Monumenta*. Начало сентября я употребилъ на путешествіе изъ Неаполя черезъ Геную въ Миланъ, Мюнхенъ и Берлинъ. Въ Берлинѣ я пробылъ дней десять, до возвращенія въ Россію, и занимался въ королевской бібліотекѣ нѣмецкою литературой по отдѣльнымъ сторонамъ своего вопроса.

Въ заключеніе считаю нужнымъ прибавить, что въ Италіи я пользовался вездѣ самымъ радушнымъ приемомъ и самымъ доброжелатель-

нымъ содѣйствіемъ со стороны ученыхъ начальниковъ архивовъ и библіотекъ. Безъ этой помощи иностранцу было бы часто совершенно невозможно оріентироваться какъ слѣдуетъ, и не терять времени на лишніе розыски, находить прямо необходимое. Предоставляя себѣ въ своемъ сочиненіи высказать мою признательность за оказанныя мнѣ гостепріимство и помощь, упомяну уже здѣсь, что я особенно обязанъ во Флоренціи профессорамъ Паоли и Мальфатти, въ Римѣ — барону Подеста, Иньяціо Джоржи и Энрико Мольтени, въ Сіенѣ — Лучано Банки и Алессандро Лизини, въ Ареццо — канонику Пачи, въ Монтекассино — аббату Гости, и въ Венеventѣ — архидіакону графу Капассо.

Навелъ Виноградовъ.

Москва, 30-го октября 1878 г.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ НА ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ ¹⁾.

Въ истекшемъ году былъ я командированъ совмѣстно съ К. К. Сентъ-Илеромъ для устройства на Парижской выставкѣ спеціальнаго отдѣла Министерства Народнаго Просвѣщенія. Послѣ устройства этого отдѣла, занятія мои состояли въ объясненіяхъ и отвѣтахъ на вопросы, вызываемые выставленными предметами. Для этой цѣли были мною назначены особые часы, въ теченіе которыхъ я безотлучно находился при отдѣлѣ. Число посѣтителей-специалистовъ было весьма значительно, такъ что неоднократно вынужденъ былъ я назначать дополнительные часы, дабы имѣть возможность удовлетворять любознательности иностранцевъ. Весь сентябрь былъ почти исключительно посвященъ французскимъ народнымъ учителямъ, командированнымъ правительствомъ для ознакомленія съ выставкою.

Эти посѣщенія можно отнести къ характеристическимъ чертамъ Парижской выставки; вслѣдствіе того позволю себѣ упомянуть о нихъ подробнѣе. Французское министерство народнаго просвѣщенія, испросивъ для означенныхъ поѣздокъ особый кредитъ, предписало почетителямъ (recteurs d'académies) предоставить народнымъ учителямъ право избирать изъ среды своей тѣхъ лицъ, которыя должны будутъ принять участіе въ поѣздкѣ, при чемъ министерство, соображаясь съ количествомъ начальныхъ училищъ, находящихся въ округѣ, указало лишь общее число представителей округа, имѣющихъ право воспользоваться правительственною субсидіей. Общее число командирован-

¹⁾ Въ январьской книжкѣ нашего журнала за текущій годъ напечатанъ отчетъ г. Сентъ-Илера о командировкѣ его на Парижскую выставку. Теперь печатаемъ такой же отчетъ князя Кантакузина. Ред.

ныхъ такимъ образомъ на выставку учителей доходило до 1500. Они были раздѣлены на нѣсколько группъ, человекъ по 300; при чемъ каждая группа, снабженная даровыми желѣзнодорожными билетами, прибывала въ Парижъ въ предварительно назначенный день. На станціяхъ ихъ встрѣчали особо уполномоченныя лица, преимущественно изъ инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ, которымъ поручено было размѣщать ихъ по гимназіямъ (*lycées et collèges*), дортуары коихъ были свободны вслѣдствіе наступившихъ вакацій, наблюдать за тѣмъ, чтобы они пользовались возможными удобствами, и наконецъ сопровождать ихъ на выставку и руководить ими при посѣщеніи педагогическихъ отдѣловъ. Каждая группа учителей оставалась въ Парижѣ цѣлую недѣлю, и всѣ дни и часы были распределены такимъ образомъ, чтобы дать ей возможность ознакомиться, кромѣ самой выставки, еще и съ главными достопримѣчательностями города и даже съ театромъ, такъ какъ въ *Théâtre Français* были даваемы для нихъ спеціальныя, даровыя представленія, составленныя изъ лучшихъ произведеній классическаго репертуара. Кромѣ того для каждой группы, въ большой Сорбонской залѣ читались по утрамъ особыя лекціи лучшими педагогами Парижа, въ томъ числѣ столь авторитетными лицами какъ напр. Бюиссовомъ (*Buisson*), главнымъ инспекторомъ начальнаго образованія, извѣстнымъ своимъ образцовымъ отчетомъ объ элементарномъ образованіи въ Сѣв. Американскихъ Штатахъ. Лекціи эти имѣли цѣлью ознакомить слушателей съ новѣйшими успѣхами педагогіи и съ новыми болѣе усовершенствованными методами по элементарному преподаванію французскаго языка, географіи, исторіи и пр. По возвращеніи домой, каждый изъ учителей долженъ былъ представить отчетъ о своей поѣздкѣ, съ указаніемъ на тѣ предметы, которые обратили особое его вниманіе. Извлеченія изъ этихъ отчетовъ французское министерство предполагаетъ напечатать; такое изданіе несомнѣнно представитъ значительный интересъ и будетъ служить драгоценнымъ матеріаломъ для правильной оцѣнки уровня умственнаго и педагогическаго развитія сословія французскихъ начальныхъ учителей, т. е. одного изъ важнѣйшихъ элементовъ для правильнаго развитія народнаго образованія. Съ значительнымъ большинствомъ учителей я имѣлъ случай вести довольно продолжительныя бесѣды; почти всѣ они производили самое пріятное впечатлѣніе своею любознательностію, осповательностію и мѣткостью предлагаемыхъ вопросовъ и, насколько я могъ судить, преданностію своему дѣлу. Въ русскомъ отдѣлѣ вниманіе ихъ было особенно при-

влечено инородческими училищами, значительнымъ ихъ числомъ и полною вѣротерпимостью правительства по отношенію къ нимъ. Вопросъ объ особыхъ учебныхъ заведеніяхъ для инородцевъ, не смотря на всю его важность для Алжира и для прочнаго водворенія въ этомъ краѣ французскаго вліянія, еще весьма мало разработана въ Франціи и немногія сравнительно учебныя заведенія, предназначенныя для Арабовъ и Кабиловъ едва ли, по отзывамъ столь компетентныхъ лицъ, какъ напр. попечитель Алжирскаго учебнаго округа, удовлетворяютъ своему назначенію. Совершенно новымъ фактомъ являлось также существованіе при нѣкоторыхъ начальныхъ училищахъ особыхъ ночлежныхъ домовъ или пріютовъ для учениковъ изъ отдаленныхъ деревень, польза и часто даже необходимость коихъ вытекаетъ изъ мѣстныхъ нашихъ условій, столь мало сходныхъ съ общими условіями французскихъ департаментовъ. Вообще французскіе учителя старались вникать во всѣ подробности русской школьной организаціи, изучали и переписывали учебныя программы и нерѣдко копировали нѣкоторые изъ выставленныхъ плановъ начальныхъ училищъ.

Помимо начального образованія, вниманіе специалистовъ особенно часто было обращено на организацію у насъ средняго женскаго образованія. Если исключить нѣкоторыя женскія училища при монастыряхъ, то можно сказать, что эта важная отрасль народнаго образованія почти не существуетъ во Франціи; даже вопросъ о ея необходимости недавно только пашель ревностныхъ защитниковъ среди компетентныхъ и вліятельныхъ дѣятелей страны. Всеобщее удивленіе было возбуждено работами, дѣйствительно въ высшей степени замѣчательными, частной классической гимназіи г-жи Фишеръ въ Москвѣ; только нѣкоторыя и то весьма немногія заведенія Сѣв. Американскихъ Штатовъ могли по достигнутымъ результатамъ выдержать съ нею сравненіе.

Письменные работы экзаменовъ зрѣлости, выставленныя въ довольно значительномъ числѣ изъ разныхъ нашихъ мужскихъ гимназій по латинскому, греческому языкамъ и математикѣ заслужили полное одобреніе жюри, при чемъ въ нихъ особенно поражали тщательныя и безупречныя поправки преподавателей. Означенныя работы, выставленныя въ подлинникахъ, нѣкоторыя даже съ присоединеніемъ черновыхъ и протоколовъ, имѣли то огромное преимущество передъ ученическими работами нѣкоторыхъ другихъ странъ, что носили на себѣ явный отпечатокъ подлинности.

Относительно успѣховъ рисованія въ училищахъ, мнѣнія спеціалистовъ не были такъ рѣшительно благопріятны, какъ относительно предыдущихъ отраслей. Признавая нѣкоторые изъ достигнутыхъ результатовъ весьма почтенными, какъ на примѣръ, работы учениковъ Лодзинскаго ремесленнаго училища и Варшавскаго рисовальнаго класса, многіе указывали, повидному справедливо, на недостатокъ строго выработаннаго метода преподаванія, на отсутствіе строгой послѣдовательности при выборѣ моделей, на нѣкоторую даже склонность придерживаться рутиннаго способа почти исключительно пользоваться литографированными образцами, пренебрегая рельефами (гипсами и проволочными фигурами). Отсюда вытекаетъ значительная неравномѣрность въ достигнутыхъ результатахъ, при чемъ работы даже весьма удовлетворительныя носятъ отпечатокъ случайности, а не результата строго выработанной и точно примѣненной системы. Ярko выдающимся исключеніемъ служили работы I-го С.-Петербургскаго реальнаго училища, самостоятельный методъ рисованія котораго заслужилъ всеобщее одобреніе по вѣрности основныхъ его принциповъ и по строгой послѣдовательности приемовъ. Одесское реальное училище тоже слѣдуетъ отнести къ исключеніямъ, такъ какъ въ работахъ его учениковъ замѣтна была строгая послѣдовательность и прочно установившійся взглядъ учителя на способъ преподаванія предмета.

На основаніи предписанія главнаго комиссара барона Нолькена, 4 ноября н. ст. и приступили къ укладкѣ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые подлежали возврату въ министерство, а все остальное, въ томъ числѣ и предметы, принадлежавшіе нѣкоторымъ частнымъ экспонентамъ, участвовавшимъ въ нашемъ отдѣлѣ и выразившимъ на то согласіе, передалъ французскому министерству народнаго просвѣщенія для предполагаемаго въ Парижѣ центральнаго педагогическаго музея.

Относительно второй части нашего порученія, то-есть, изученія педагогическихъ отдѣловъ иностранныхъ государствъ, то, по богатству выставленнаго матеріала, оказалось почти невозможнымъ каждому изъ насъ ознакомиться со всѣми подробностями оныхъ. Вслѣдствіе сего, по обоюдному согласенію, каждый изъ насъ выбралъ ту изъ отраслей, которая болѣе всего соответствовала его постояннымъ занятіямъ, не упуская впрочемъ изъ вида, по мѣрѣ возможности, и остальные. Такимъ образомъ г. Сентъ-Илеръ посвятилъ все свободное время на изученіе чисто педагогической части (учебныя пособия, руко-

водства, школьная мебель и проч.) преимущественно по отношенію къ начальному образованію, а равно и къ заведеніямъ, предназначаемымъ для подготовленія учителей и учительницъ, а я съ своей стороны обращалъ главное вниманіе на учебную статистику и администрацію.

Позволяю себѣ представить здѣсь общій очеркъ наиболѣе характеристическихъ особенностей педагогическихъ отдѣловъ, представленныхъ на выставку иностранными государствами.

Педагогическія выставки отличались крайнею неравномѣрностію: нѣкоторыя государства, какъ напримѣръ, Франція и Бельгія, представили весьма полныя и, вообще говоря, систематическія коллекціи, другія же, въ томъ числѣ Англія, удовольствовались самими незначительными присылками, не дававшими возможности составить себѣ какое-либо понятіе о состояніи въ нихъ народнаго образованія. Такая неравномѣрность имѣла то неудобство, что препятствовала сравненію результатовъ, достигнутыхъ въ разныхъ странахъ, а вслѣдствіе этого не позволяла судить объ относительныхъ достоинствахъ отдѣльных системъ или методовъ. Отсутствие Германіи, отказавшейся принять участіе въ выставкѣ, было особенно ощутительно въ учебномъ отдѣлѣ, оставляя весьма важный пробѣлъ для составленія общей картины успѣховъ и усовершенствованій новѣйшей педагогіи.

По объему своему французскій отдѣлъ занималъ самое видное мѣсто; представленный матеріалъ можно даже смѣло назвать черезъ чуръ обильнымъ, такъ какъ въ немъ встрѣчалось много излишнихъ повтореній, особенно между ученическими работами начальныхъ школъ, и много совершенно бесполезнаго, даже недостойнаго серьезнаго вниманія, между частными экспонентами.

Весь педагогическій отдѣлъ состоялъ изъ 7 залъ и длинной галереи, исключительно посвященной ученическимъ работамъ элементарныхъ школъ мужскихъ и женскихъ и работамъ по рисованію и скульптурѣ ремесленныхъ училищъ. Французское министерство занимало, собственно говоря, двѣ весьма обширныя залы. Первая посвящена была ученымъ экспедиціямъ и результатамъ оныхъ. Этотъ отдѣлъ можно считать самымъ замѣчательнымъ и безспорно наиболѣе полнымъ и законченнымъ. Каждому изслѣдователю предоставлено было особое мѣсто для установки важнѣйшихъ предметовъ, добытыхъ имъ во время своихъ путешествій, съ приложеніемъ плановъ, чертежей и печатныхъ матеріаловъ. По добытымъ результатамъ, какъ на самые выдающіеся можно указать на экспедицію Винера (Wiener)

въ Южную Америку, на нивеллировку низменности, расположенной между Алжиромъ и Тунисомъ (такъ называемыхъ Шотавъ) въ связи съ проектомъ внутренняго Африканскаго моря, капитана Рудера (Roulaire) и ученныя изслѣдованія надъ Камбоджскими древностями. Выставку собственно учебную, занимавшую вторую залу и продольную галерею, нельзя назвать вполне удовлетворительною по недостатку общей системы и значительнымъ пробѣламъ. Весьма полно представлено было только начальное образованіе; число ученическихъ работъ было даже, какъ я замѣтилъ, слишкомъ значительно. За то по среднему образованію не было выставлено ровно никакихъ матеріаловъ; посетителю невозможно было составить себѣ понятія ни о состояніи учебныхъ заведеній, ни о методахъ преподаванія, ни даже о расположеніи и внутреннемъ устройствѣ лицеевъ и коллегій, хотя подробное знакомство съ ними было бы во всѣхъ отношеніяхъ крайне полезно. Министерство сочло достаточнымъ удовольствоваться выставкой большой бібліотеки, въ числѣ около 10 т. томовъ, состоявшей изъ сочиненій, изданныхъ въ послѣднее десятилѣтіе преподавателями правительственныхъ заведеній, и работами, преимущественно по естественнымъ наукамъ, нѣкоторыхъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній. Остальныя залы предоставлены были частнымъ учебнымъ заведеніямъ и педагогамъ. Недостаточная строгость выбора привела къ тому, что этотъ отдѣлъ отличался крайнею нестротою и смѣшеніемъ весьма почтенныхъ результатовъ и методовъ съ другими, не заслуживающими никакого вниманія. Самое видное мѣсто принадлежало несомнѣнно техническимъ и ремесленнымъ училищамъ, а между послѣдними—заведеніямъ, предназначеннымъ для дѣвочекъ. Результаты ихъ можно назвать поразительными по замѣчательной отдѣлкѣ выставленныхъ предметовъ, по разнообразію изучаемыхъ ремеслъ, а главное, по вниманію, обращенному на развитіе вкуса учениковъ и ученицъ. Слѣдствіемъ такого стремленія являются усиленные занятія по рисованію, съ примѣненіемъ его къ практическимъ цѣлямъ. Тѣмъ же самымъ объясняется и значительное число выставленныхъ учебныхъ пособій по этому предмету и даже цѣлыхъ самостоятельныхъ методовъ его преподаванія. Между частными экспонентами также замѣтно было, какъ и у правительства, стремленіе обращать особенное вниманіе на начальное образованіе; большинство выставленныхъ предметовъ относилось именно къ этой отрасли педагогіи. Особенно новыхъ приемовъ или даже учебныхъ пособій трудно было найти; въ большинствѣ случаевъ приходилось видѣть только усо-

вершенствованія прежде существовавшего или упроченіе и удешевленіе такихъ предметовъ, которые при несомнѣнной ихъ пользѣ были недоступны большинству заведеній. Сюда относятся главнымъ образомъ учебники, карты, физическіе инструменты и школьные музеи. При возрастающемъ значеніи нагляднаго преподаванія въ элементарныхъ школахъ такіе музеи становятся весьма важнымъ пособіемъ, особенно когда сами ученики принимаютъ дѣятельное участіе въ ихъ составленіи. Странно было незначительное число выставленной школьной мебели; экспонентовъ было менѣе десяти и среди представленныхъ ими образцовъ только одинъ столъ системы Кардо (Cardo) являлся дѣйствительно новостью, остроумно соединяя необходимое отрицательное разстояніе между сидѣньемъ и столомъ, съ доставленіемъ ученику возможности легко вставать и перемѣнять положеніе. Школьныхъ зданій, возведенныхъ въ дѣйствительныхъ размѣрахъ, встрѣчалось только одно, построенное архитекторомъ Ферраномъ. Этотъ проектъ привлекалъ общее вниманіе и возбуждалъ довольно оживленныя пренія; потому считаю не лишнимъ упомянуть о немъ подробнѣе. Онъ былъ вызванъ новымъ закономъ, ассигнующимъ подъ различными условіями 120 м. фр. на улучшеніе существующихъ и постройку новыхъ начальныхъ училищъ. Зданіе имѣло цѣлю доказать возможность постройки рационально-устроеннаго училища при незначительной, по мѣстнымъ понятіямъ, затратѣ денегъ. Съ этой цѣлю школа, раздѣленная по общепринятой нынѣ во Франціи системѣ на два совершенно самостоятельныя отдѣла, одно для мальчиковъ, а другое для дѣвочекъ, соединена съ мэри и включаетъ въ себя, кромѣ того, квартиры преподавателя и преподавательницы. Сама постройка состоитъ изъ желѣзнаго остова, обложеннаго снаружи и внутри кирпичемъ, такимъ образомъ, чтобы оставлять вездѣ среди стѣны пустое пространство (*matelas d'air*), служащее предохраненіемъ отъ перемѣнъ внѣшней температуры. Означенная школа дѣйствительно представляла многія хорошія стороны: удобное расположеніе комнатъ, значительный объемъ классовъ, остроумно придуманную для нихъ форму, способствующую легкой перемѣнѣ комнатнаго воздуха, и правильное расположеніе освѣщенія. Къ недостаткамъ слѣдуетъ отнести отсутствіе въ зданіи отхожихъ мѣстъ, предполагаемыхъ отдѣльно во дворѣ, и неудачный и весьма сомнительный принципъ устройства вентиляціи, не смотря на вниманіе, обращенное авторомъ на эту столь важную сторону дѣла. По смѣтамъ архитектора стоимость подобнаго зданія не должна превышать 25,000 франковъ.

При сравненіи съ цѣнностью роскошныхъ здацій, занимаемыхъ начальными училищами въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, судя по крайней мѣрѣ по выставленнымъ чертежамъ и моделямъ, такую цифру дѣйствительно слѣдуетъ считать относительно умѣренной. Само собою понятно, что выставленный проектъ, возможный и даже отчасти полезный для Франціи, не говоря уже о цѣнѣ его, никакъ не можетъ быть примѣненъ у насъ. Опытъ показалъ всѣ неудобства, вытекающія изъ соединенія въ одномъ помѣщеніи школы и волостнаго правленія, соответствующаго отчасти французской мэри: самый способъ постройки (соединеніе желѣза и кирпича) едва ли возможенъ у насъ, за исключеніемъ развѣ весьма немногихъ мѣстностей; наконецъ размѣры оконъ и система отопленія никакъ не соответствуютъ нашимъ климатическимъ условіямъ. Муниципальный совѣтъ Парижа явился въ качествѣ частнаго экспонента и помѣстилъ свою педагогическую выставку въ особомъ, весьма обширномъ павильонѣ, въ которомъ были сосредоточены и прочія отрасли городского хозяйства. Эта отдѣльная учебная выставка особенно отличалась превосходно исполненными моделями школьныхъ зданій, вновь воздвигаемыхъ въ различныхъ кварталахъ города и дѣйствительно заслуживающихъ полного одобренія, какъ я могъ убѣдиться при личномъ посѣщеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ. Любопытна была также модель центрального склада учебныхъ пособій (*magasin scolaire*), снабжающаго всѣми нужными учебными предметами отдѣльныя муниципальныя школы. Изъ ученическихъ работъ были представлены почти исключительно образцы по рисованію и по разнымъ техническимъ отраслямъ. Затѣмъ слѣдуетъ указать на частное среднее учебное заведеніе *Ecole Monge*, содержимое акціонернымъ обществомъ, училище братства *Frères des écoles chrétiennes*, о которомъ я буду имѣть случай упомянуть впоследствии, высшее инженерное и технологическое училище, *Ecole centrale* и издательскія фирмы Гашетъ и К-ія (*Hachette et Cie*), Деллагравъ (*Delagrave*) и Делаленъ (*Delalain*), представившія весьма замѣчательныя собранія руководствъ, географическихъ картъ и учебныхъ пособій для нагляднаго обученія.

Бельгійская выставка, немного менѣе обширная, имѣла то значительное преимущество передъ французской, что составлена была весьма тщательно и не представляла никакихъ пробѣловъ. Ее также можно дѣлить на двѣ части: отдѣлъ правительственный и отдѣлъ, посвященный частнымъ экспонентамъ. Въ первомъ, наиболѣе обширномъ, можно было найти всѣ необходимыя матеріалы для изученія отдѣльныхъ от-

раслей народнаго образованія, высшаго, средняго и элементарнаго. По высшему, кромѣ уставовъ, статистическихъ данныхъ и отчетовъ, были представлены также важнѣйшіе труды профессоровъ. По среднему образованію особенно обращали на себя вниманіе ученическія работы *athénées royales*; къ сожалѣнію, они не были представлены въ подлинныхъ тетрадахъ, а только въ видѣ отдѣльныхъ работъ, заданныхъ ученикамъ едва ли не специально для выставки. Невольно рождалась мысль, что для этой цѣли избраны были въ каждомъ заведеніи наилучшіе ученики. Несмотря на это, работы были крайне любопытны, такъ какъ онѣ обнимали всѣ классы и относились къ весьма значительному числу предметовъ: математикѣ, латинскому, греческому, французскому, фламандскому языкамъ и проч. Полнотою этихъ собраний я воспользовался для того, чтобы переписать цѣлый послѣдовательный рядъ ученическихъ работъ по латинскому языку. Такъ какъ г. Сентъ-Илеръ и я, не будучи специалистами по древнимъ языкамъ, не могли составить себѣ правильнаго мнѣнія о способахъ преподаванія этихъ предметовъ, то я полагалъ не бесполезнымъ представить на обсужденіе лицъ компетентныхъ нѣкоторую часть сыраго матеріала, по крайней мѣрѣ по латинскому языку, по которому, вѣроятно, возможно будетъ придти къ какимъ-либо выводамъ относительно употребляемыхъ въ Бельгіи методовъ и результатовъ, достигаемыхъ такимъ путемъ. Выставка по начальному образованію отличалась весьма хорошимъ выборомъ ученическихъ работъ, въ томъ числѣ и изъ заведеній, предназначенныхъ для приготовленія будущихъ преподавателей, но главнымъ образомъ богатствомъ статистическихъ данныхъ, изложенныхъ въ прекрасныхъ графическихъ таблицахъ, привлекавшихъ общее вниманіе. Между частными экспонентами первое мѣсто принадлежало безспорно братству *Frères des écoles chrétiennes* имѣющему въ Бельгіи значительное число начальныхъ школъ. Братство это, основанное Лассалемъ (*Lassale*) въ прошломъ вѣкѣ, состоитъ изъ лицъ, принявшихъ монашескій обѣтъ и посвятившихъ себя исключительно элементарному обученію юношества. Начавъ свою дѣятельность въ весьма скромныхъ размѣрахъ, братство достигло главнаго своего развитія въ нынѣшнемъ столѣтіи и заслуги, которыя оно оказывало и оказываетъ донинѣ, не могутъ быть достаточно оцѣнены. Училища его разсѣяны въ большинствѣ городовъ Франціи и Бельгіи, въ Алжирѣ, Сѣверной Америкѣ, Кохинхинѣ, на островѣ Мадагаскарѣ и даже, въ послѣднее время, въ Испаніи. Такой повсемѣстный успѣхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того обстоятельства,

что никто не слѣдитъ болѣе зорко за успѣхами педагогiи и не стремится столь упорно къ улучшенiю и усовершенствованiю методовъ преподаванiя. Нельзя не пожалѣть, что французское и бельгійское правительства относятся къ нему, если не враждебно, то по крайней мѣрѣ не дружелюбно, и не вполне, повидимому, сознаютъ всю важность его для быстрого распространенiя образованiя въ бѣднѣйшихъ слояхъ населенiя. Высшее начальство ордена, находящееся въ Парижѣ, обратило серьезное вниманiе на выставку и на обильный педагогическiй материалъ, выставленный нѣкоторыми государствами; не довольствуясь представленiемъ весьма тщательно составленныхъ коллекцій собственнаго своего преподаванiя, размѣщенныхъ во французскомъ и бельгійскомъ отдѣлахъ, оно распорядилось отправить значительное число своихъ представителей для разработки и изученiя отдѣльныхъ вопросовъ, для оцѣнки всѣхъ педагогическихъ нововведенiй, встрѣчающихся у иностранцевъ, и наконецъ для прiобрѣтенiя для педагогическаго музея, устраиваемаго при центральномъ его домѣ, учебныхъ пособiй, могущихъ имѣть значенiе въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ для младшихъ братьевъ, приготавливающихся къ учительской дѣятельности. Но не довольствуясь удачнымъ примѣненiемъ иностранныхъ методовъ, для оцѣнки которыхъ собирались особыя комиссіи, братство представило на обсужденiе публики нѣсколько весьма почтенныхъ трудовъ своихъ сочленовъ. Между ними слѣдуетъ обратить особенное вниманiе на методъ преподаванiя географiи брата Алексѣя, бывшаго преподавателя въ Бельгiи, а нынѣ переведеннаго въ Парижъ, и на полный курсъ рисованiя брата Викториса, съ продолженiями брата Бернара; эта послѣдняя коллекція выставлена была во французскомъ отдѣлѣ.

Въ Австрiйскомъ отдѣлѣ главное вниманiе специалистовъ и публики вообще было обращено на школы министерства финансовъ (Kunstgewerbeschulen). Училища эти, предназначенныя къ примѣненiю искусства къ ремесламъ, судя по выставленнымъ работамъ, дѣйствительно могутъ считаться однимъ изъ вѣнковыхъ явленiй выставки. Представленные ученическіе труды были самаго разнообразнаго рода, начиная съ мебели, каменной и металлической посуды и кончая рисунками. Всѣ предметы отличались въ высшей степени тщательною отдѣлкой, а главное—правильностью рисунка и прекраснымъ выборомъ стили и орнаментовъ, заимствованныхъ въ большинствѣ случаевъ изъ эпохи нѣмецкаго Renaissance. Всѣ упомянутыя работы

свидѣтельствуютъ о значительныхъ усиліяхъ Австріи поддерживать, на ряду съ высокою техникой, правильный взглядъ на стилистику и развивать основательное изученіе рисованія,—условія, безъ которыхъ въ нынѣшнее время нѣтъ возможности соперничать съ другими государствами во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ проявляется хотя бы отдаленная связь съ искусствомъ. Практическая польза, принесенная этими, столь недавно основанными учебными заведеніями и дѣятельностью Вѣнскаго Oesterreichisches Museum, была ясно замѣтна въ нѣкоторыхъ отрасляхъ австрійской промышленности, какъ на примѣръ во всѣхъ произведеніяхъ изъ кованаго жѣлѣза, кожи и стекла. Быстрыя усовершенствованія, достигнутыя въ послѣдніе годы этими отраслями производства, доказываютъ какъ необходимы усилія правительства для развитія художественной стороны промышленности, и въ то же время указываютъ на то, что значительныя матеріальныя жертвы, приносимыя съ этою цѣлью, вознаграждаются весьма скоро улучшеніемъ производства и, вслѣдствіе сего, увеличеніемъ сбыта. Успѣхи Австріи на этомъ поприщѣ столь очевидны, что вселяютъ даже Французамъ справедливыя опасенія относительно будущаго. Кромѣ Kunstgewerbeschulen, въ австрійскомъ отдѣлѣ обращалъ также вниманіе цѣлый рядъ ученыхъ работъ, представленныхъ агрономическими опытными станціями, учебники по рисованію, изданные министерствомъ народнаго просвѣщенія, а между частными экспонентами превосходныя стѣнныя таблицы Форстера и Ленуара (Forster и Lenoir) по технологіи.

Интереснымъ явленіемъ была выставка японскаго министерства народнаго просвѣщенія. Понимая всю важность установленія на прочныхъ и правильныхъ основахъ народнаго образованія для водворенія въ краѣ европейской цивилизаціи, японское правительство не пожалѣло значительныхъ жертвъ для достиженія этой цѣли. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ образована была цѣлая школьная администрація съ особымъ министромъ во главѣ и цѣлая послѣдовательная система учебныхъ заведеній, начиная съ университета въ Такію и кончая начальными училищами, причемъ было обращено должное вниманіе на образованіе дѣвочекъ и учреждена для нихъ особая учительская семинарія. Устройство учебныхъ курсовъ, программы и пособія представляютъ смѣсь заимствованій изъ различныхъ странъ, причемъ особенно замѣтно вліяніе педагогическихъ приемовъ, употребляемыхъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Са-

мая выставка состояла изъ собранія учебныхъ пособій, изготовляемыхъ весьма тщательно по иностраннымъ образцамъ въ особой для сего учрежденной мастерской, изъ нормальной зоологической коллекции для среднихъ учебныхъ заведеній, школьной мебели, моделей и фотографій учебныхъ заведеній, собранія программъ (на французскомъ языкѣ), учебниковъ и наконецъ ученическихъ работъ. Эти послѣднія къ сожалѣнію были недоступны незнакомымъ съ японскимъ языкомъ, но между ними обращали на себя вниманіе работы по рисованію. Въ нихъ были замѣтны какъ бы два направленія, весьма ясно другъ отъ друга отличающіяся: подражанія иностраннымъ образцамъ и упражненія по приемамъ туземнаго искусства. Работы, относящіяся къ первой категоріи, нельзя назвать удовлетворительными, работы же второй отличались замѣчательною бойкостью исполненія и вѣрнымъ иногда до крайности подражаніемъ природѣ, отличительными чертами, какъ извѣстно, японской живописи. Любопытны были также тетради учениковъ школы иностранныхъ языковъ съ сочиненіями на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и даже на русскомъ языкѣ. Это послѣднее, о русско-турецкой войнѣ, довольно незначительное по содержанию своему, отличалось замѣчательною стилистической правильностью и почти полнымъ отсутствіемъ орфографическихъ ошибокъ; подобное относительное совершенство невольно даже наводило на сомнѣнія въ полной самостоятельности ученическаго труда, особенно по сравненію съ работами на остальныхъ европейскихъ языкахъ, которыя по употребленнымъ оборотамъ рѣчи и по встречающимся погрѣшностямъ носили болѣе ясные признаки подлинности.

Выставка Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отличалась главнымъ образомъ, богатствомъ ученическихъ работъ въ томъ числѣ и многихъ женскихъ школь, къ которымъ впрочемъ можно отнести такой же упрекъ, какой былъ выраженъ мною относительно Бельгійскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Не смотря на это, подробное ихъ изученіе представляло много интереснаго, особенно по отношенію къ начальному образованію и по господствующему стремленію вызывать, на сколько возможно, самостоятельный трудъ ребенка, даже въ самомъ раннемъ возрастѣ. Своеобразная классификація американскихъ учебныхъ заведеній, не соответствующая общепринятому въ Европѣ дѣленію ихъ на высшія, среднія и низшія, значительно затрудняла, на первыхъ порахъ, всѣхъ посѣтителей, желавшихъ ближе

познакомиться съ этимъ отдѣломъ; къ сожалѣнію, объяснительная записка, столь необходимая даже для спеціалиста, появилась передъ самымъ концомъ выставки, да и то на англійскомъ языкѣ, недоступномъ большинству Французовъ, интересующихся учебнымъ дѣломъ. Эти, такъ сказать, внѣшнія причины, помѣшали успѣху американскаго отдѣла и не дали возможности публикѣ вообще достаточно оцѣнить всѣ достоинства педагогическаго матеріала, представленнаго на выставку. Дѣйствительный недостатокъ этого отдѣла заключался въ неравномѣрности участія отдѣльныхъ штатовъ; большинство выставленныхъ предметовъ принадлежало восточнымъ штатамъ, остальные же представлены были весьма слабо, а многіе совершенно не приняли никакого участія въ выставкѣ. Такіе весьма важныя пробѣлы произошли отъ полной автономіи въ учебномъ дѣлѣ каждаго мѣстнаго училищнаго совѣта (board of education) и отсутствія какого либо центральнаго правительственнаго учрежденія, объединяющаго и дающаго общее направленіе дѣлу народнаго образованія. Существовавшій съ 1867 года въ Вашингтонѣ при департаментѣ внутреннихъ дѣлъ, національный учебный бюро (National bureau of Education) не можетъ считаться такого рода учрежденіемъ, такъ какъ онъ предназначенъ исключительно собирать и обнародовать статистическія данныя о состояніи народнаго образованія въ республикѣ.

Педагогическія выставки прочихъ государствъ представляли мало замѣчательнаго и, въ большинствѣ случаевъ, по самому объему своему не соответствовали успѣхамъ, достигнутымъ правительствами и частными лицами. Это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ выставкамъ Швейцаріи и Англій. Первая, болѣе значительная, отличалась неполнотою и отрывочностью,—явленіе тѣмъ болѣе прискорбное, что народное образованіе въ Швейцаріи могло бы представить много поучительнаго. Выставка Англій едва существовала; ни одно учебное заведеніе, исключая школы, существующей при Кенсингтонскомъ музеѣ, не приняло участія въ выставкѣ, да и эта послѣдняя, не смотря на совершенство представленныхъ работъ, являлась въ столь ограниченномъ объемѣ, что не могла дать правильнаго понятія объ этомъ замѣчательномъ учрежденіи, столь сильно повліявшемъ на распространеніе искусства въ Англій. Нѣсколько издательскихъ фирмъ, выставившихъ учебныя книги, два или три фабриканта школьной мебели и физическихъ инструментовъ и весьма отчетливый планъ Лондона, съ обозначеніемъ на немъ всѣхъ существующихъ начальныхъ училищъ, составляли весь педагогическій отдѣлъ этой страны.

Такая бѣдность англійской выставки была тѣмъ болѣе поразительна, что одна изъ англійскихъ колоній, именно Канадская провинція Онтарио, представила весьма полное и удовлетворительное собраніе учебниковъ, учебныхъ пособій по наглядному обученію, физическихъ инструментовъ и моделей школьныхъ зданій, отличавшихся значительною роскошью и отдѣлкой; ученическихъ же работъ было весьма мало и онѣ не представляли собою систематическаго цѣлаго, могущаго дать понятіе объ общемъ ходѣ преподаванія и о достоинствахъ употребляемыхъ методовъ.

Одна изъ отличительныхъ особенностей Парижской выставки, по отношенію къ учебному дѣлу, заключалась въ стремленіи почти всѣхъ государствъ не довольствоваться одними учебными выставками, но дополнять ихъ печатными сочиненіями, изданными съ спеціальною цѣлью пополнить все то, что не могло быть представлено и дать такимъ образомъ возможность посѣтителю составить себѣ общее понятіе о состояніи и успѣхахъ народнаго образованія. Стремленіе это проявилось впервые въ Вѣнѣ на выставкѣ 1873 г., замѣтно было также и въ Филадельфій, но никогда не получало такого сильнаго развитія, какъ въ Парижѣ. Подобнаго рода изданія служатъ въ высшей степени драгоцѣннымъ матеріаломъ для изученія статистики и учебной администраціи, такъ какъ они отличаются болѣею частью основательностью и богатствомъ передаваемыхъ фактовъ, иногда впервые появляющихся въ печати. Перечислить всѣ такого рода изданія не представляется здѣсь возможнымъ, но я не могу не упомянуть о превосходномъ сборникѣ статистическихъ данныхъ, касающихся училищъ Парижа, составленномъ г. Греаромъ, о статистикѣ средняго образованія во Франціи, изданной министерствомъ, и о многочисленныхъ изданіяхъ австрійскихъ и американскихъ. Здѣсь опять я долженъ упомянуть объ отсутствіи подобнаго англійскихъ работъ, появленіе коихъ могло бы, хотя отчасти, пополнить тотъ важный пробѣлъ, о которомъ я упомянулъ выше. Изученіе всѣхъ сочиненій такого рода составляло одно изъ главныхъ моихъ занятій.

По окончательной организаціи нашего отдѣла и нанечатаніи спеціальнаго къ оному каталога, оказался остатокъ отъ суммъ, ассигнованныхъ на покрытие расходовъ по выставкѣ. На эти деньги приобретены были для министерства народнаго просвѣщенія учебныя пособия и прочіе предметы, представляющіе интересъ или по новостямъ своей или по пригодности ихъ для русскихъ учебныхъ заведеній.

Выборъ предметовъ и оцѣнка ихъ достоинствъ были исполнены г. Сентъ-Илеромъ, единственно компетентнымъ судьей, какъ по званію члена жюри, такъ и по предварительнымъ научнымъ занятіямъ и по долготѣтней практикѣ. Я имѣлъ случай замѣтить, что большинство выставленныхъ учебныхъ предметовъ, особенно во французскомъ отдѣлѣ, имѣвшемъ самое значительное число экспонентовъ, относилось къ начальному образованію; такое обстоятельство, въ связи съ ограниченностью находящейся въ нашемъ распоряженіи суммы, заставило г. Сентъ-Илера при выборѣ предметовъ останавливаться главнымъ образомъ на такихъ, примѣненіе которыхъ могло бы быть по возможности разностороннее и относилось бы къ преподаванію не только въ низшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Само собою понятно, что незначительность свободнаго денежнаго остатка дѣлала совершенно невозможнымъ всякое приобрѣтеніе, относящееся къ предметамъ, входящимъ въ составъ курса высшихъ учебныхъ заведеній. Изъ числа приобрѣтеній, какъ на болѣе выдающіяся, можно указать на слѣдующія: упомянутыя уже мною полныя системы по преподаванію рисованія и географіи, изобрѣтенныя членами братства „Frères des écoles chrétiennes“, Алексѣемъ и Викторисомъ, которыя вѣроятно будутъ не бесполезны для русскихъ педагоговъ. Указанная система географіи дополнена упрощеннымъ карманнымъ съемочнымъ инструментомъ президента Парижскаго топографическаго общества Геннекина (Hennequin), дающимъ возможность воспроизводить даже въ начальныхъ училищахъ окружающую мѣстность въ видѣ гипсометрическаго рельефа. Гимнастическіе аппараты Лионскаго преподавателя Гимара (Guimar): они приспособлены для всякихъ учебныхъ заведеній, не только мужскихъ, но и женскихъ, и вполне замѣняютъ, при незначительной сравнительно затратѣ и безъ всякаго ущерба для преподаванія, извѣстные приборы Паса (Paz), цѣною своею не всегда доступные для среднихъ учебныхъ заведеній; изобрѣтенія г. Гимара удостоены были серебряной медали. Новый волшебный фонарь, изготовляемый по указаніямъ извѣстнаго Дюма (Dumas) издательскою фирмою Делагравъ: онъ представляетъ то важное преимущество передъ другими системами, что своеобразное устройство его допускаетъ употребленіе всѣхъ возможныхъ рисунковъ и фотографій на бумагѣ, картонѣ и пр. и даже выпуклыхъ тѣлъ. Приобрѣтеніе школьныхъ столовъ представляло, по мнѣнію нашему, многія неудобства, а потому мы сочли достаточнымъ удовольствоваться покупкою двухъ моделей—

французскаго стола Кардо (Cardo), получившаго золотую медаль, и англійскаго стола системы Мосса (Moss), изготовляемаго Гаммеромъ (Hammer) въ Лондонѣ, которому присуждена была серебряная медаль. Модели эти совершенно достаточны для демонстрацій при урокахъ педагогическомъ въ учительскихъ семинаріяхъ или институтахъ и въ то же время имѣютъ то значительное преимущество, что занимаютъ мало мѣста въ педагогическихъ музеяхъ. Изъ географическихъ картъ исключая тѣхъ, которыя составляютъ принадлежность системы брата Алексѣя, приобретена только новая карта Европы, изданная домою Гашетъ и К^о и отличающаяся замѣчательною отдѣлкой. Изъ стѣнныхъ картинъ для нагляднаго обученія мы удовольствовались упомянутымъ мною изданіемъ Форстера и Ленуара и историческими картинами Лангльа (Langl), такъ какъ австрійское правительство, между прочимъ, передало намъ безвозмездно нѣкоторые изданія этого рода. Не лишнимъ считаю также упомянуть о весьма остроумно придуманномъ способѣ сохранять въ порядкѣ карточки, на коихъ заносится въ бібліотекахъ систематическій каталогъ. Изобрѣтатель ихъ г. Бонанжъ (Bonange), состоя самъ при одной изъ публичныхъ бібліотекъ Парижа, имѣлъ случай убѣдиться во всѣхъ неудобствахъ существовавшихъ до нынѣ системъ, не допускающихъ легкаго переставленія отдѣльныхъ фишекъ, или же представляющихъ опасность трудно поправимыхъ въ послѣдствіи перестановокъ и смѣшеній при пользованіи каталогомъ. Выставленная система, повидимому, устраняетъ всѣ эти неудобства и даетъ возможность предоставить публикѣ пользованіе такого рода каталогами, что до настоящаго времени разрѣшалось только специалистамъ. Система эта примѣнена въ значительныхъ размѣрахъ въ бібліотекахъ французскихъ министерствъ военнаго и морскаго и одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія. Приобрѣтенный нами экземпляръ, весьма скромныхъ размѣровъ, пригоденъ для бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и долженъ главнымъ образомъ служить, по нашему мнѣнію, лишь образцомъ для основательнаго испытанія его практичности. Къ числу приобретеній слѣдуетъ также отнести не большую коллекцію земледѣльческихъ продуктовъ различныхъ странъ, предназначаемую для музея земледѣльческаго и издана въ Новой Александріи, а также нѣкоторые образчики шерсти изъ Австраліи и южной Америки, частью для того же заведенія, частью для ветеринарныхъ институтовъ. Благодаря любезности и предупредительности иностранныхъ комиссаровъ, между ко-

торыми слѣдуетъ особенно упомянуть о комиссарахъ италіанскомъ, голландскомъ и японскомъ, мнѣ удалось воспользоваться, хотя отчасти, драгоцѣннымъ случаемъ снабдить единственное высшее земледѣльческое учебное заведеніе вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія по крайней мѣрѣ нѣкоторыми изъ многочисленныхъ образчиковъ сырыхъ продуктовъ, выставленныхъ въ Парижѣ, большинство коихъ поступило въ богатое собраніе, существующее при агрономическомъ институтѣ въ Гриньонѣ (Grignon).

Князь М. Кантакузинъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Одноклассныя народныя и приходскія училища Каневского, Черкаскаго и Чигиринскаго уѣздовъ, Кіевской губерніи, въ періодъ съ 10-го по 30-е мая 1878 года.

Продолжаемъ обзоръ состоянія училищъ Каневского уѣзда.

Исайковское одноклассное народное училище. Находится въ селѣ Исайкахъ, имѣющемъ дѣтей: мужскаго пола—1,130, женскаго—1,180, всего—2,310. Учащихся въ училищѣ по журналу числилось—71, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—24, въ средней—21, въ младшей—26; на лицо же при осмотрѣ ¹⁾ состояло—24, въ старшей группѣ—19, въ младшей—5; всѣ учащіеся—православнаго исповѣданія, крестьянскаго сословія; они достаточно снабжены книгами и учебными пособіями. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—священникъ, окончившій курсъ семинаріи, отличный преподаватель и весьма усердный къ точному исполненію своихъ обязанностей; прочіе предметы—учитель, окончившій курсъ въ педагогической школѣ, бывшей при Кіевской 1-й гимназіи, опытный и усердно преданный своему дѣлу преподаватель, возбуждающій учащихся къ трудолюбію собственнымъ примѣромъ. На содержаніе училища отпускается: отъ казны—150 руб., отъ мѣстнаго общества—290 руб., всего—440 руб. Изъ этой суммы расходуются: законоучителю—50 руб., учителю—250 руб., на

¹⁾ 10-го и 11-го мая.

отопленіе, освѣщеніе, прислугу, ремонтъ и страхованіе дома—140 руб. Въ библіотекѣ училища имѣлось: книгъ—169 названій, 627 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—189; книгъ и пособій достаточно какъ для преподавателей, такъ и для учащихся. Помѣщеніе училища весьма удовлетворительно: классная комната имѣетъ 8.820 куб. фут., три комнаты квартиры учителя—по 2,304 куб. фут. каждая. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: 19 учениковъ старшей группы, окончившіе курсъ, подвергались во временной испытательной комисіи, въ присутствіи сельскихъ властей и родителей учащихся, экзамену для полученія свидѣтельствъ на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности. По выбору инспектора народныхъ училищъ назначена была статья для диктовки, которую и продиктовалъ учитель; за диктовкой слѣдовала, для письменнаго рѣшенія, арифметическая задача, указанная инспекторомъ, которая также продиктована была учителемъ; тетради письменныхъ работъ учащихся были представлены на разсмотрѣніе испытательнаго комитета. Эти работы оказались вполнѣ удовлетворительными: въ продиктованномъ отрывкѣ у каждаго ученика не было ни одной грубой ошибки, не только искаженія словъ, и даже большая часть изъ экзаменованныхъ сами поставили, довольно правильно, главнѣйшіе знаки препинанія: письменная задача была подробно изложена во всѣхъ частяхъ ея. По закону Божиему учащіеся знали гораздо больше требуемаго программу: они не только подробно рассказывали о событіяхъ, упоминаемыхъ въ Священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, но даже отвѣчали весьма удовлетворительно о чудесахъ и притчахъ Христовыхъ и изъясняли смыслъ послѣднихъ. О догматахъ, излагаемыхъ въ православномъ катихизисѣ, отвѣчали съ надлежащею отчетливостію и полнотою. По русскому языку учащіеся читали довольно бѣгло указанныя статьи изъ „Книги для Чтенія“. Водовозова, и основательно рассказывали читанное, свободно читали на славянскомъ языкѣ „Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ“ и переводили читанныя отрывки на русскій языкъ, объясняя значеніе каждаго непонятнаго слова подходящимъ русскимъ словомъ. Рукопись, напечатанную даже мелкимъ шрифтомъ, читали безъ затрудненія. Умственные задачи, относящіяся ко всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ простыхъ чиселъ и взятыя изъ практической жизни, рѣшали бѣгло и правильно. Въ заключеніе экзамена, учащіеся, по предложенію инспектора народныхъ училищъ, пропѣли весьма стройно: „Тебѣ поемъ“, „Отче нашъ“ и „Слава въ вышнихъ Богу“. Комисія признала изъ 19-ти экзаменованныхъ 16 уче-

никовъ, окончившихъ курсъ, достойными получить свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности.

Медвинское однокласное училище, открытое въ октябрѣ 1876 года въ селѣ Медвинѣ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—2,970 и женскаго — 3,150, всего — 6,120; училище это содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся считалось по спискамъ—61, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—20, въ средней—18, въ младшей—23; на лицо же при осмотрѣ ¹⁾ оказалось—12 учениковъ старшей группы, окончивавшихъ курсъ, изъ которыхъ 11 явились на экзаменъ для полученія свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; всѣ учащіеся—православнаго вѣроисповѣданія, по сословіямъ: духовнаго—1, мѣщанскаго—3, крестьянъ—57. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи со степенью студента, занимавшій прежде учительскую должность въ Уманскомъ, а также учительскую и инспекторскую должности въ Кіево-Софійскомъ духовномъ училищѣ; прочихъ предметовъ—учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи,—весьма способный преподаватель пользующійся расположеніемъ къ себѣ мѣстныхъ жителей. На содержаніе училища ассигнуется: отъ казны—150 руб., отъ общества—190 р., всего—340 руб. Изъ этой суммы производится: заоночителю—60 руб. и учителю—280 руб.; отопленіе, освященіе, прислуга, ремонтъ дома и страхованіе его отнесены на счетъ общества. Въ библиотекѣ училища имѣлось книгъ—76 названій, 373 экземпляра, другихъ учебныхъ пособій—43. За краткостію времени библіотека, при скудности училищныхъ средствъ, не имѣла еще возможности обзавестись многими книгами, необходимыми для преподавателей и учащихся; эти послѣдніе, впрочемъ, достаточно снабжены книгами и учебными пособиями, частію (дѣти достаточныхъ родителей)—на свои средства, частію (дѣти бѣдныхъ родителей)—на счетъ училища. Помѣщеніе училища вполне удобно и соответствуетъ своему назначенію: классная комната имѣетъ 9,963 кубич. фут., библіотека — 1,440, двѣ комнаты квартиры учителя—по 2,720 каждая, кухня—2,317, одиѣ сѣни—1,404, другія—943, кладовая—997 кубич. фут. Въ испытательной при училищѣ комисіи подвергались испытанію, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, сельскихъ властей и почетнѣйшихъ жителей села Медвина, 11 учениковъ старшей группы,

¹⁾ 12-го мая.

оканчивавшихъ курсъ; изъ нихъ по письменнымъ работамъ и по устнымъ отвѣтамъ по закону Божію, русскому языку и ариѳметикѣ удостоены свидѣтельствъ 7 учениковъ; остальные 4 ученика въ письмѣхъ подь диктовку надѣлали не мало грубыхъ ошибокъ, и потому не были допущены къ дальнѣйшему устному испытанію. Причиною недостаточнаго успѣха этихъ послѣднихъ было краткое пребываніе ихъ въ училищѣ, около двухъ лѣтъ, недостаточное для подготовленія въ правильномъ письмѣхъ подь диктовку, тогда какъ остальные 7 учениковъ поступили изъ бывшей въ селѣ Медвинѣ церковно-приходской школы, умѣя уже читать по-славянски и по-русски, слѣдовательно могли въ теченіе двухъ лѣтъ достаточно подготовиться къ испытанію. Учащіеся оказали хорошіе успѣхи въ церковномъ пѣніи, такъ что изъ нихъ составился хоръ, поющій въ воскресные и праздничные дни попеременно то въ одной, то въ другой церкви села Медвина. Дѣти занимались комнатною гимнастикой, ремеслами же не занимались.

Стеблевское одноклассное училище. Училище это, находящееся въ мѣстечкѣ Стеблевкѣ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—1,589 и женскаго—1,750, всего—3,339, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся считалось по журналу—86, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—17, въ средней—30 и въ младшей—39; въ дѣйствительности же при осмотрѣ училища, 13-го мая, оказалось на лицо—22, изъ нихъ старшей группы—8, средней—14. Учащіеся всѣ—православнаго исповѣданія; по сословіямъ: духовнаго званія—1, остальные 85—крестьянскаго. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ наукъ въ духовной семинаріи со степенью студента, преподаватель начитанный, способный и вполне преданный исполненію своихъ обязанностей; прочихъ предметовъ—учитель, обучавшійся въ Киевской семинаріи, имѣющій свидѣтельство на званіе учителя,—преподаватель, приобрѣвшій своею опытностію и трудолюбіемъ искреннее сочувствіе и уваженіе къ себѣ всего населенія мѣстечка Стеблева. Училище получаетъ на свое содержаніе: отъ казны—150 руб., отъ общества—190 руб., всего—340 руб., изъ которыхъ назначается: законоучителю—50 руб., учителю—200 руб., на наемъ служителя, отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и на учебныя пособія—90 руб. Въ библиотекѣ училища имѣется: книгъ—148 названій, другихъ учебныхъ пособій—176. Она удовлетворяетъ нуждамъ преподавателей, а равно учащихся и молодыхъ людей, окончившихъ курсъ училища, желающихъ совершен-

ствовать приобретенныя ими познанія путемъ чтенія полезныхъ книгъ, которыя выдаются имъ безпрепятственно училищемъ. Училище помѣщается въ общественномъ домѣ, вмѣстѣ съ сельскою управою, имѣя отдѣльный входъ. Помѣщеніе это не вполне удовлетворяетъ потребностямъ училища, въ особенности же стѣснительна квартира. Класная комната имѣетъ 5,824 куб. фут., квартира учителя — 1,207, кухня при этой квартирѣ—1,207 куб. фут. Въ испытательной комисіи при Стеблевскомъ училищѣ 13-го мая, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, сельскихъ властей и нѣкоторыхъ, свободныхъ отъ занятій родителей учащихся, подвергались экзамену 8 учениковъ, окончившихъ курсъ, для полученія свидѣтельствъ на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности, и всѣ они выдержали экзаменъ по закону Божію и русскому языку вполне удовлетворительно, по ариметикѣ и письму—удовлетворительно; независимо отъ сего, сверхъ требованій программы, они довольно подробно отвѣчали по священной исторіи и православному катихизису, и кромѣ толковаго и довольно бѣлаго чтенія учебниковъ Водовозова, Паульсона и книги „Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ“, свободно читали книги на славянскомъ языкѣ Часославъ и Псалтирь, объясняя многіе непонятныя слова славянскаго текста словами русскими. По окончаніи испытанія, всѣ 8 учениковъ удостоены искомаго ими свидѣтельства. Гимнастикой и ремеслами учащіеся не занимались.

Черкаскаго уѣзда.

Городищенское однокласное приходское училище князей Воронцовыхъ, съ женскимъ отдѣленіемъ. Училище это находится въ мѣстечкѣ Городище, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—3,990 и женскаго—4,765, всего—8,765, и содержится на счетъ суммы, отпускаемой ежегодно экономіей князей Воронцовыхъ. Учащихся по журналу числилось—74, въ томъ числѣ: а) въ мужскомъ отдѣленіи—55, изъ нихъ въ старшей группѣ—17, въ средней—17, въ младшей—21; б) въ женскомъ отдѣленіи—19, изъ нихъ въ старшей группѣ—4, въ средней—4, въ младшей—11. При осмотрѣ училища, 15-го мая, на лицо находилось—59, въ томъ числѣ: а) въ мужскомъ отдѣленіи—40, изъ нихъ въ старшей группѣ—12, въ средней—13, въ младшей 15; б) въ женскомъ—19, именно: въ старшей группѣ—4, въ средней—4, въ младшей—11. Всѣ учащіеся вѣроисповѣданія православнаго; по сословіямъ: мальчиковъ духовнаго званія—1, купческаго—1, мѣ-

щавскаго—1, крестьянскаго—65; дѣвочекъ: потомственныхъ дворянъ—1, духовнаго званія—3, кунеческаго—2, мѣщанскаго—6, крестьянскаго—62. Преподаваніемъ занимались: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи,—преподаватель, отлично знающій свой предметъ и умѣющій заинтересовать дѣтей своимъ разказомъ; по прочимъ предметамъ: въ мужскомъ отдѣленіи—учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи, заслужившій уваженіе общества своимъ трудолюбіемъ; въ женскомъ отдѣленіи—учительница, окончившая курсъ въ С.-Петербургскомъ Николаевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. На содержаніе училища отпускается изъ экономіи князей Воронцовыхъ 1,665 руб., изъ которыхъ производится: законоучителю—300 руб., учителю—600 руб., учительницѣ—480 руб., на отопленіе, освященіе, ремонтъ и прислугу—285 руб. Въ библиотекѣ училища состояло: книгъ—122 названія 516 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—121 нумеръ. Вообще библиотека снабжена всѣми необходимыми пособиями и книгами; о пополненіи же дѣтской библиотеки книгами религіознаго, нравственнаго и историческаго содержанія главнымъ управленіемъ имѣній князей Воронцовыхъ сдѣлано распоряженіе. Учащіеся также снабжены въ достаточномъ количествѣ всѣми необходимыми учебными пособиями и книгами. Училище помѣщается удовлетворительно въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ экономіи князей Воронцовыхъ: 1-я комната, занимаемая низшею и среднею группами мужскаго отдѣленія, имѣетъ 2,774 куб. фут.; 2-я, занимаемая старшею группою того же отдѣленія—1,820 кубич. фут.; 3-я, занимаемая женскимъ отдѣленіемъ—2,430, 4-я и 5-я комнаты, квартира учителя,—по 2,350, кухня—1,594 кубич. фут. При домѣ находится дворъ, весьма удобный для прогулки учащихся въ промежутки между уроками, на дворѣ—сарай, погребъ и другія необходимыя хозяйственныя холодныя службы, за домомъ—садъ и огородъ; усадьба занимаетъ не менѣе десятины. Въ испытательной временной комисіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ и управляющаго имѣніемъ князей Воронцовыхъ, 12 учениковъ старшей группы, оканчивавшіе курсъ, подвергались экзамену; изъ нихъ 9 выдержали оный удовлетворительно по всѣмъ предметамъ, преимущественно по закону Божію, почему и признаны достойными свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности. Бывшіе на лицо учащіеся средней и младшей группъ отвѣчали удовлетворительно по всѣмъ предметамъ. Успѣхи ученицъ женскаго отдѣленія оказались: старшей группы: по закону Божію, русскому языку, ариметикѣ и

чистописанію—удовлетворительными, по рукодѣлію—хорошими; средней группы: по закону Божію—хорошими, по русскому языку и арифметики—порядочными, по рукодѣлію—хорошими; младшей группы—удовлетворительными, преимущественно по чтенію книги „Родное Слово“ (1-й годъ) Ушинскаго. Учащіеся обоихъ половъ занимаются церковнымъ пѣніемъ съ отличнымъ успѣхомъ и, подъ руководствомъ своего учителя, въ воскресные и праздничные дни поютъ въ церкви. Гимнастика и ремесла въ училищѣ не преподаются.

Городищенское одноклассное народное училище. Находится въ мѣстечкѣ Городище, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся считалось по журналу—49, въ томъ числѣ въ старшей группѣ—13, въ средней—19, въ младшей—17: при осмотрѣ же училища 16-го мая было на лицо—21: старшей группы—7, средней—8, младшей—6. Всѣ учащіеся вѣроисповѣданія православнаго; по сословіямъ: мѣщанскаго—1, крестьянскаго—48. Преподаваніемъ занимались: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, преподаватель способный и владѣющій даромъ слова при передачѣ своего предмета учащимся; прочихъ предметовъ—учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи, преподающій свои предметы съ полнымъ стараніемъ. Училище получаетъ на свое содержаніе: отъ казны—200 руб., отъ общества—270 руб., всего—470 руб., которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю—50 руб., учителю—300 руб., на отопленіе—60 руб., на служителя—60 руб.; освѣщеніе, ремонтъ и застрахованіе дома общество приняло на свои средства. Въ библиотекѣ общества значилось: книгъ—53 названій 158 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—181 экземпляръ. Учащіеся снабжены необходимыми пособіями и книгами. Помѣщеніе училища вполне удовлетворительно: классная комната для мальчиковъ имѣетъ—5,795 кубич. фут., такая же комната для дѣвочекъ—4,265, 1-я комната квартиры учителя—1,056, 2-я комната той же квартиры—1,186, кухни при учительской квартирѣ—532 кубич. фут. Во временной при училищѣ испытательной комисіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, сельскихъ властей и нѣкоторыхъ родителей учащихся, произведенъ былъ экзаменъ семи ученикамъ старшей группы, окончивавшимъ курсъ, изъ которыхъ выдержали оное удовлетворительно по всѣмъ предметамъ 6 учениковъ. Бывшіе на лицо учащіеся средней и младшей группъ, за немногими исключеніями, отвѣчали порядочно по всѣмъ предметамъ въ предѣлахъ программы, установленной для учащихся этихъ группъ. Ученики

пѣли молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія по голосу, подъ руководствомъ учителя. Гимнастикою и ремеслами учащіеся не занимались.

Смѣлянское одноклассное народное училище. Находится въ мѣстечкѣ Смѣлѣ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—3,460, женскаго—3,595, всего—7,055, и содержится всецѣло на счетъ общества. Учащихся состояло по журналу—73, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—12, изъ нихъ 3 дѣвочки; въ средней—31, изъ нихъ 5 дѣвочекъ, и въ младшей—30, изъ коихъ 6 дѣвочекъ. На лицо, при осмотрѣ 17-го мая, находилось—60: въ старшей группѣ—10, изъ нихъ 3 дѣвочки; въ средней—24, между ними 4 дѣвочки, въ младшей—26, въ томъ числѣ 5 дѣвочекъ. Учащихся было вѣроисповѣданія православнаго—58, римско-католическаго—2, іудейскаго—1; по сословіямъ: личныхъ дворянъ—1, духовнаго званія—4, мѣщанъ—16, крестьянъ—52. Преподаваніемъ въ училищѣ занимались: закона Божія—мѣстный протоіерей и благочинный, преподаватель усердный и знающій свое дѣло; прочихъ предметовъ—учитель, окончившій курсъ въ уѣздномъ училищѣ и пріобрѣвшій званіе учителя городскаго приходскаго училища, опытный и примѣрный преподаватель, пользующійся сочувствіемъ и уваженіемъ не только всего крестьянскаго общества, но и жителей м. Смѣлы другихъ сословій. На содержаніе училища мѣстное общество ассигнуетъ: жалованья законоучителю—120 руб., учителю—400 руб., на наемъ служителя—96 руб., на учебныя пособія—30 руб., на страхованіе дома—16 руб. 92 коп., всего—662 руб. 92 коп.; сверхъ того производятъ расходъ на отопленіе и освѣщеніе. Въ библиотекѣ училища имѣется: книгъ 81 названіе 279 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—146; вообще она достаточно снабжена какъ для преподавателей, такъ и для учащихся. Помѣщеніе училища, состоящаго изъ четырехъ комнатъ и кухни, вполне удовлетворяетъ своему назначенію: 1-я классная комната имѣетъ 5,236 кубич. фут., 2-я такая же комната—1,980, двѣ комнаты учительской квартиры—по 2,233 каждая, кухня—1,573 кубич. фут. Во временной испытательной комисіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, подвергались экзамену изъ окончивавшихъ курсъ 8 учениковъ старшей группы—для полученія свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности, и двѣ ученицы 1 й же группы—для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса; изъ нихъ выдержали экзаменъ удовлетворительно—6 учениковъ и 2 ученицы, получившіе вслѣдствіе сего искомыя свидѣтельства. Бывшіе на лицо учащіеся

средней и младшей группъ отвѣчали, въ предѣлахъ программы, удовлетворительно по всѣмъ предметамъ, преимущественно же по чтенію и письму на русскомъ языкѣ и сверхъ того оказали хорошіе успѣхи въ церковномъ пѣніи: составленный изъ нихъ хоръ поетъ въ мѣстной церкви, настоятелемъ которой состоитъ законоучитель училища. Гимнастикой и ремеслами учащіеся не занимаются. Смѣлянское училище пользуется сочувствіемъ мѣстныхъ жителей всѣхъ сословій, что доказывается многочисленностію учащихся, для большаго числа которыхъ въ помѣщеніи училища не имѣется свободнаго мѣста.

Бѣлозерскія одноклассныя народныя училища, мужское и женское. Училища эти находятся въ мѣстечкѣ Бѣлозерьѣ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—2,792 и женскаго—2,918, всего—5,710, и содержатся на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Учащихся значилось по спискамъ: въ мужскомъ училищѣ — 42, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—10, въ средней—9 и въ младшей—23; въ женскомъ—21: въ старшей группѣ—5, въ средней — 6, въ младшей—10; при осмотрѣ училища 18-го мая состояло на лицо: въ мужскомъ училищѣ — 22, изъ нихъ старшей группы — 5, средней — 5, младшей—11; въ женскомъ — 16: старшей группы — 5, средней—6, младшей — 5. По вѣроисповѣданіямъ учащихся: православнаго — 55 (мальчиковъ—39, дѣвочекъ—16), іудейскаго—8 (мальчиковъ—3, дѣвочекъ—5); по сословіямъ: духовнаго званія—6 (мальчиковъ—4, дѣвочекъ 2), мѣщанъ—8 (мальчиковъ—3, дѣвочекъ—5), крестьянъ—49 (мальчиковъ—35, дѣвочекъ—14). Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія въ обоихъ отдѣленіяхъ и прочихъ предметовъ въ мужскомъ училищѣ—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ въ духовной семинаріи, преподаватель способный и дѣятельный, преподаваніемъ предметовъ въ женскомъ училищѣ—учительница, окончившая курсъ въ двухклассномъ женскомъ городскомъ училищѣ и пріобрѣтшая званіе учительницы начальнаго народнаго училища,—обладаетъ педагогическими способностями и за свои нравственныя качества пользуется уваженіемъ общества. Отпускаемая обществомъ на содержаніе училища сумма употребляется: на жалованье законоучителю—100 руб., учителю и учительницѣ—по 150 руб., на наемъ служителя—30 руб., на отопленіе и освѣщеніе—42 руб., на учебныя пособія—26 руб. Въ училищной бібліотекѣ имѣется: книгъ—126 названий 721 экземпляръ, другихъ учебныхъ пособій — 106 нумеровъ; вообще бібліотека имѣетъ все необходимое для преподавателей и для учащихся. Училища помѣщаются въ одномъ домѣ, но въ особыхъ

комнатахъ съ отдѣльными входами. Помѣщеніе это не вполне удовлетворяетъ потребностямъ училища, такъ какъ не имѣетъ квартиръ для учителя и учительницы, которые вслѣдствіе сего живутъ въ занимаемыхъ для нихъ мѣстными жителями частныхъ домахъ. Училищныя комнаты имѣютъ слѣдующее пространство: 1-я комната мужскаго училища — 5,984 кубич. фут., 2-я — 3,537, комната женскаго училища — 4,573 кубич. фут. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: въ испытательной временной комисіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ и сельскихъ властей, оканчивавшіе курсъ ученики старшей группы подвергались экзамену на полученіе свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; по разсмотрѣніи письменныхъ работъ, трое изъ нихъ допущены были къ устному испытанію. Познанія ихъ въ законѣ Божіемъ оказались хорошими: они знали молитвы съ объясненіемъ, разказывали подробно о главнѣйшихъ событіяхъ ветхаго и новаго завета, отвѣчали отчетливо о символѣ вѣры, молитвѣ Господней и десяти заповѣдяхъ. По русскому языку обратилъ на себя особое вниманіе ученикъ еврей, который хорошо и свободно читалъ на церковно-славянскомъ языкѣ „Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ“, переводя прочитанное на русскій языкъ, и Псалтирь не хуже хорошо читающаго русскаго; всѣ же они читали книги для чтенія Водовозова и Паульсона, а равно и рукопись съ надлежащею остановкою на знакахъ препинанія и разказывали прочитанное своими словами по русски, не примѣшивая мѣстныхъ малороссійскихъ выраженій; рѣшали несложныя умственныя задачи на всѣ четыре дѣйствія цѣлыхъ чиселъ и дѣлали вычисленія на счетахъ, относящіяся къ сложенію и вычитанію тѣхъ же чиселъ. Въ виду оказанныхъ успѣховъ, всѣ трое удостоены комисіею искомаго свидѣтельства. Бывшіе на лицо ученики средней и младшей группъ отвѣчали по всѣмъ предметамъ удовлетворительно. Успѣхи ученицъ старшей группы найдены: по закону Божію, чтенію славянскому и русскому, письму подъ диктовку — хорошими, по ариметикѣ — достаточными; ученицъ средней и младшей группъ по всѣмъ предметамъ — удовлетворительными. Особенности же успѣхи оказали дѣвочки старшихъ двухъ группъ въ рукодѣліи: онѣ шили бѣлье, скроечное учительницею, вязали тамбуромъ скатерти, салфетки, вышивали цвѣты на рубашкахъ, а дѣвочки младшей группы рубили платки, салфетки и т. п. Такими успѣхами учащіяся обязаны особенному усердію и знанію дѣла учительницы, которая

пріохотила ихъ въ училищу такъ, что онѣ съ удовольствіемъ посѣщаютъ его.

Лесковскія мужское и женскія одноклассныя училища, находятся въ селѣ Лескахъ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—2,792 и женскаго — 2,918, всего — 5,710, содержатся на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ количествѣ 503 руб. въ годъ. Учащихся считалось по журналу: въ мужскомъ училищѣ—56, изъ которыхъ въ старшей группѣ — 15, въ средней — 20, въ младшей—21; въ женскомъ—12, именно: въ старшей группѣ—2, въ средней—4, въ младшей — 6. При осмотрѣ училища 19-го мая на лицо оказалось: въ мужскомъ училищѣ — 24, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—7, въ средней—8, въ младшей—9; въ женскомъ—все были на лицо. Учащіеся, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, вѣроисповѣданія православнаго, по сословіямъ же: мальчики—все крестьянскаго, изъ дѣвочекъ одна—духовнаго, остальные—крестьянскаго. Все они снабжены необходимыми учебными пособиями и книгами. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія въ обоихъ училищахъ — мѣстный священникъ и благочинный, окончившій курсъ въ духовной семинаріи со степенью студента, опытный и способный преподаватель, весьма преданный интересамъ училища; прочихъ предметовъ: въ мужскомъ училищѣ—учитель, обучавшійся въ духовной семинаріи и пріобрѣтшій званіе учителя народнаго учителя, опытный и весьма трудолюбивый; въ женскомъ училищѣ—учительница, окончившая курсъ въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія и пріобрѣтшая званіе учительницы начальнаго народнаго училища, пользующаяся уваженіемъ мѣстнаго населенія за свои нравственныя качества. Преподающіе получаютъ жалованье: законоучитель — 100 руб., учитель и учительница—по 150 руб. въ годъ. Библіотека училища, снабженная всемъ необходимымъ какъ для учащихся, такъ и для учащихся, имѣетъ: книгъ—92 названія 618 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—89. Помѣщеніе училища вообще удовлетворительно: комната для мальчиковъ имѣетъ—8,624 куб. фут., комната для дѣвочекъ—3,586, двѣ комнаты для учителя—каждая по 1,807, кухня для него—1,447 куб. фут.; для помѣщенія учительницы выстроенъ отдѣльный домъ, состоящій изъ двухъ комнатъ, кухни, кладовой и сѣней; на училищной усадьбѣ разводится фруктовый садъ, въ которомъ учащіеся мужскаго училища занимаются посадкой деревьевъ и уходомъ за вновь посаженными деревьями и кустарниками. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: семь окончивавшихъ курсъ учениковъ старшей

группы подвергались въ испытательной комисіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, экзамену на полученіе свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; изъ нихъ 6 выдержали экзаменъ удовлетворительно по всѣмъ предметамъ, и потому удостоены искомаго свидѣтельства. Изъ учащихя, находившихся на лицѣ, ученики средней и младшей группъ оказали достаточные успѣхи по всѣмъ предметамъ, преимущественно по закону Божію. Ученицы старшей группъ знали весьма удовлетворительно главныя молитвы, символъ вѣры, заповѣди Божіи и главнѣйшія событія священной исторіи; читали хорошо, на церковнославянскомъ языкѣ, Часословъ, Псалтирь и чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ, а на русскомъ языкѣ—книгу Ушинскаго „Родное Слово“ (годъ 2-й), писали довольно порядочно, рѣшали несложныя задачи, умственные и письменныя, на всѣ четыре дѣйствія простыхъ чиселъ; ученицы средней и младшей группъ оказали успѣхи по всѣмъ предметамъ удовлетворительные; ученицы всѣхъ группъ обнаружили успѣхи по рукодѣлію, судя по ихъ малому возрасту, достаточные; по церковному пѣнію учащіяся обоихъ училищъ, подъ руководствомъ учителя, достигли хорошихъ результатовъ, и потому въ воскресные и праздничные дни поютъ въ церкви на заутрени и обѣднѣ. Вообще мѣстные жители довольны успѣхами учащихя и въ лицѣ волостнаго старшины оказываютъ полное содѣйствіе училищу въ матеріальномъ отношеніи, на сколько позволяютъ ихъ средства.

Чигиринскаго уѣзда.

Шабельницкія одноклассныя, мужское и женское, народныя училища. Училища эти находятся въ селѣ Шабельникахъ, имѣющемъ жителей 2,720, въ томъ числѣ: мужскаго пола 1,330, женскаго—1,390, и содержатся на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ количествѣ 498 руб. Учащихя считалось по журналу: въ мужскомъ училищѣ—58, изъ которыхъ въ старшей группѣ—8, въ средней—22, въ младшей—28; въ женскомъ—11, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—3, въ средней—4, въ младшей—4; при осмотрѣ же училища 20-го мая находилось на лицѣ: въ мужскомъ училищѣ—26, изъ нихъ: въ старшей группѣ—4, въ средней—9, въ младшей—13; въ женскомъ—11, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—2, въ средней—4, въ младшей—5. По вѣроисповѣданію: въ мужскомъ училищѣ всѣ учащіяся—православныя; въ женскомъ: православнаго исповѣда-

нія—10, іудейскаго—1, по сословіямъ: въ мужскомъ училищѣ: духовнаго—3, мѣщанскаго—1, крестьянскаго—54; въ женскомъ: духовнаго—2, мѣщанскаго—1, крестьянскаго—8. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія въ обоихъ училищахъ—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи; прочихъ предметовъ: въ мужскомъ училищѣ—учитель, обучавшійся въ духовной семинаріи и пріобрѣвшій званіе учителя, преподаватель усердный и знающій свое дѣло; въ женскомъ—исправляющая должность учительницы, обучавшаяся въ женской гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, преподавательница, вполне преданная своему дѣлу и заслужившая вниманіе мѣстнаго населенія своими нравственными качествами. Изъ ассигнуемой на содержаніе училищъ суммы расходуются: на жалованье законоучителю—100 руб., учителю и учительницѣ—по 150 руб., на наемъ служителя—30 руб., на отопленіе и освѣщеніе—20 руб., на учебныя пособія—39 руб. Библіотека училищъ, имѣя все необходимое для преподавателей, содержитъ въ себѣ: книгъ—105 названій 981 экземпляръ, другихъ учебныхъ пособій—171 номеръ. Помѣщеніе училищъ вполне удовлетворяетъ потребностямъ ихъ: комната для мальчиковъ имѣетъ 6,820 куб. фут., двѣ комнаты квартиры учителя—2,057 куб. фут. каждая, кладовая при этой квартирѣ—539, комната для дѣвочекъ—3,773, первая комната квартиры учительницы—2,156, вторая—1,078, кухня—957 кубич. фут. Познанія учащихся оказались слѣдующіи: четыре ученика старшей группы, окончивавшіе курсъ, подвергались испытанію на полученіе свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности и выдержавъ оное удовлетворительно, удостоены искомаго свидѣтельства. Изъ бывшихъ на лицо при осмотрѣ училища ученики средней и младшей группъ отвѣчали: по закону Божію—хорошо, по русскому языку и ариметикѣ—порядочно; ученицы старшей группы знали удовлетворительно главные молитвы, символъ вѣры, десять заповѣдей и главнѣйшія событія изъ священной исторіи, успѣхи ихъ по русскому языку и ариметикѣ оказались достаточными; ученицы средней группы отвѣчали по закону Божію то же, что и ученицы старшей группы, но безъ объясненій и не такъ подробно, какъ послѣднія; читали „Родное Слово“ (годъ 2-й) и разказывали читаемое своими словами связно; рѣшали небольшія письменныя и умственныя задачи, въ предѣлахъ 100, на сложеніе, вычитаніе и умноженіе простыхъ чиселъ; ученицы младшей группы знали главнѣйшія молитвы и начали читать по-русски, занимаясь въ то же время и письмомъ; по рукодѣліямъ, ученицы стар-

шей группы умѣли шивать скроенныя части рубахи и вышивать цвѣтными нитками на полотенцахъ; ученицы средней группы принимали участіе въ занятіяхъ съ ученицами старшей группы, а ученицы нижней группы приучались подрубать куски холста или салфетки.

Крыловскія, мужское и женское, одноклассныя народныя училища, находятся въ мѣстечкѣ Крыловѣ, имѣющемъ жителей—2,005, въ томъ числѣ мужскаго пола—990, женскаго—1,015, и содержатся на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ количествѣ 502 руб. Учащихся считалось по списку: въ мужскомъ училищѣ—32, изъ нихъ въ старшей группѣ—7, въ средней—11, въ младшей—15; въ женскомъ училищѣ—12: въ старшей группѣ—3, въ средней—6, въ младшей—3. При осмотрѣ училища 22-го мая на лицо находилось: мальчиковъ—21, изъ которыхъ въ старшей группѣ—6, въ средней—5, въ младшей—10; дѣвочекъ—9: въ старшей группѣ—3, въ средней—4, въ младшей—2. По вѣроисповѣданіямъ: православнаго—28 мальчиковъ, 6 дѣвочекъ, іудейскаго—3 мальчика, 5 дѣвочекъ, раскольниковъ—1 мальчикъ; по сословіямъ: купеческаго—1 мальчикъ, мѣщанскаго—4 мальчика, 5 дѣвочекъ, крестьянскаго—27 мальчиковъ 6 дѣвочекъ. Преподаваніемъ занимались: закона Божія въ обоихъ училищахъ—мѣстный благочинный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи со степенью студента, преподаватель во всѣхъ отношеніяхъ отличный, привлекающій вниманіе учащихся своею оживленною бесѣдою; другихъ предметовъ: въ мужскомъ училищѣ—учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи, съ особеннымъ усердіемъ ведущій дѣло обученія грамотѣ и пользующійся уваженіемъ всего населенія м. Крылова за свои педагогическія и нравственныя качества; въ женскомъ училищѣ—учительница, окончившая курсъ въ духовномъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы,—преподавательница способная и трудолюбивая. Изъ ассигнуемой обществомъ на содержаніе училищъ суммы расходуются: на жалованье законоучителю—100 руб., учителю—190 руб., учительницѣ—150 руб., на наемъ служителя—30 руб., на отопленіе и освѣщеніе—42 руб., на учебныя пособія—30 руб. Библіотека училища, располагая всѣмъ необходимымъ для уясненія преподавателями своихъ предметовъ, заключаетъ въ себѣ: книгъ—198 названій 845 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—128 нумеровъ. Помѣщеніе училища вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ его: классная комната для мальчиковъ имѣетъ 6,468 кубич. фут., комната для дѣвочекъ—3,201, первая комната учителя—1,628, вторая—1,259, комната учи-

тельницы—1,628, кладовая—363, комната для бібліотеки—715 кубич. фут. Познанія учащихся выразились слѣдующимъ образомъ: окончившіе курсъ ученики старшей группы подвергались во временной испытательной комиссіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, экзамену на полученіе свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности, и 5 изъ нихъ, отвѣты коихъ, письменные и устные, преимущественно по закону Божію, найдены вполне удовлетворительными, удостоены искомаго свидѣтельства; бывшіе на лицо ученики средней и младшей группъ оказали по всѣмъ предметамъ достаточные успѣхи; ученицы старшей группы по закону Божію обнаружили отличные успѣхи, по русскому языку (чтенію по славянски и по-русски, съ разказомъ своими словами читаемаго, и письму)—довольно хорошіе, по ариметикѣ—достаточные; успѣхи ученицъ средней и младшей группъ по закону Божію, русскому языку и ариметикѣ найдены достаточными; успѣхи ученицъ всѣхъ группъ по рукодѣлію оказались довольно хорошими. Учащіеся съ лучшими голосами, составляющіе хоръ, поютъ въ воскресные, праздничные и торжественные дни при божественной литургіи. Гимнастика въ училищахъ не преподается.

Субботовскія, мужское и женское, одноклассныя народныя училища. Училища эти находятся въ селѣ Субботовѣ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—1,240, женскаго—1,270, всего 2,510, и содержатся на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ брестынь, въ количествѣ 500 руб. Учащихся въ училищахъ состояло по журналу: въ мужскомъ училищѣ—42, изъ которыхъ въ старшей группѣ—4, въ средней—14, въ младшей—24; въ женскомъ—21, изъ нихъ: въ старшей группѣ—3, въ средней—2, въ младшей—15; на лицо при осмотрѣ 23-го мая находилось: мальчиковъ—21, изъ которыхъ въ старшей группѣ—4, въ средней—7, въ младшей—10; дѣвочекъ—14, изъ нихъ: въ старшей группѣ—3, въ средней—4, въ младшей—7; всѣ учащіеся мужскаго и женскаго пола—православнаго исповѣданія и крестьянскаго сословія. Преподаваніемъ занимались: закона Божія въ обоихъ училищахъ—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи,—преподаватель недавно поступившій на должность, но уже ознакомившійся съ своими обязанностями и вполне понимающій свое дѣло; прочихъ предметовъ: въ мужскомъ училищѣ—учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи, усердный и трудолюбивый преподаватель; въ женскомъ—учительница, окончившая курсъ въ двухклассномъ женскомъ городскомъ училищѣ и пріобрѣвшая званіе учительницы на-

чальнаго училища, — преподавательница, отличающаяся усердіемъ къ исполненію своихъ обязанностей и занимающаяся успѣшно образованіемъ дѣтей. Преподающіе получаютъ жалованья: законоучитель — 100 руб., учитель и учительница — по 150 руб. въ годъ. Въ библиотекѣ училища находится: книгъ — 100 названій 768 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій — 293 нумера. По ходатайству инспектора народныхъ училищъ и по распоряженію начальства учебнаго округа, училищемъ пріобрѣтено книгъ и брошюръ для народнаго чтенія — 86 названій 224 экземпляра. Библиотека имѣетъ все необходимое для преподавателей и пополняется ежегодно новыми книгами и учебными пособиями, высылаемыми изъ редакціи Кіевскаго народнаго календаря, на 20 руб., назначенныхъ на этотъ предметъ. Училища помѣщаются въ двухъ домахъ: мужское — въ общественномъ домѣ, не вполне удобномъ; классная комната имѣетъ 2,740 кубич. фут.; для женскаго занимаетъ обществомъ особый домъ, классная комната котораго заключаетъ въ себѣ 2,740 куб. фут. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: оканчивавшіе курсъ ученики старшей группы подвергались, во временномъ испытательномъ комитетѣ, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ и сельскихъ властей, экзамену на право полученія свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; изъ нихъ три выдержали испытаніе удовлетворительно и пріобрѣли право на искомое свидѣтельство; пачичные ученики средней и младшей группъ отвѣчали по закону Божію весьма удовлетворительно, по другимъ предметамъ — удовлетворительно; ученицы старшей группы очень хорошо знали главныя молитвы, символъ вѣры и десять заповѣдей, съ объясненіемъ; удовлетворительно отвѣчали о важнѣйшихъ событіяхъ ветхаго и новаго завѣта, вычисляли важнѣйшіе праздники въ году и указывали на обстоятельства въ земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, въ честь которыхъ они установлены, или же въ честь Пресвятой Богородицы и угодниковъ Божіихъ; читали чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ на славянскомъ языкѣ и Псалтыри довольно свободно, на русскомъ языкѣ — книгу „Родное Слово“ Ушинскаго (2-й годъ) и разказывали читанное своими словами довольно связно и языкомъ, очищеннымъ отъ выраженій мѣстныхъ малороссійскаго языка, смѣшаннаго съ польскимъ; писали по одной линейкѣ довольно хорошо и рѣшали умственные и письменныя задачи, въ предѣлахъ 100, на первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ ариметики. Ученицы средней группы отвѣчали: по закону Божію — удовлетворительно, по русскому языку и ариеме-

тикѣ—вполнѣ удовлетворительно; писали порядочно. Ученицы высшей группы знали молитвы: Отче нашъ, Царю небесный, Богородице Дѣво радуйся и Достойно есть; читали свободно Родное Слово (годъ первый), писали по двумъ линейкамъ крупными буквами; по ариѣметикѣ умѣли правильно рѣшать задачи на сложене и вычитаніе простыхъ чиселъ. По руководѣлю дѣвочки всѣхъ группъ достигли очень хорошихъ успѣховъ: ученицы старшей и средней группъ шили прочно и красиво рубахи, скроенныя учительницею, и вышивали цвѣты на полотенцахъ и рукавахъ рубахъ; ученицы младшей группы — рубахи, полотенца, платки, скатерти. Учащіеся обоихъ половъ, подъ руководствомъ учителя и учительницы, пѣли молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія. Гимнастикою дѣти не занимаются.

Каменское съ женскимъ отдѣленіемъ приходское училище находится въ мѣстечкѣ Каменкѣ, имѣющемъ жителей 4,099, въ томъ числѣ мужскаго пола — 1,954, женскаго — 2,245. Оба отдѣленія содержатся на счетъ учредителей ихъ, Н. В. и А. И. Давыдовыхъ, которые даютъ для училищъ и для преподающихъ хорошее помѣщеніе, съ отопленіемъ и прислугою. Учащихся считалось по журналу: въ мужскомъ отдѣленіи—33, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—9, въ средней—18, въ младшей—6; въ женскомъ отдѣленіи—13: въ старшей группѣ—2, въ средней—3, въ младшей — 8. При осмотрѣ училища 24-го мая состояло на лицѣ: въ мужскомъ отдѣленіи—32, изъ нихъ: въ старшей группѣ—9, въ средней — 18, въ младшей—5; въ женскомъ — 13. Всѣ учащіеся въ обоихъ отдѣленіяхъ — вѣроисповѣданія православнаго; по сословіямъ: личныхъ дворянъ—1, духовнаго званія—1, крестьянскаго сословія—44. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія въ обоихъ отдѣленіяхъ и другихъ предметовъ въ мужскомъ отдѣленіи — учитель, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, преподаватель способный и дѣятельный; въ женскомъ отдѣленіи всѣмъ предметамъ кромѣ закона Божія: — учительница, окончившая курсъ Николаевскаго сиротскаго института при Московскомъ воспитательномъ домѣ. Преподающіе получаютъ жалованье: законоучитель—500 руб., учительница—300 руб. На наемъ дома для мужскаго отдѣленія отпускается 100 руб., на наемъ служителя при отдѣленіи—18 руб., на учебныя пособія — 39 руб., на отопленіе — 30 руб.; женское отдѣленіе помѣщается въ собственномъ домѣ учредительницы, которая сверхъ того отпускаетъ на учебныя пособія для отдѣленія по 9 руб. 20 коп. Помѣщенія обоихъ отдѣленій вполнѣ удовлетворительны: классная комната для мальчиковъ имѣетъ 4,187 кубич.

фут.; двѣ комнаты учителя — каждая по 1,372, кухня при квартирѣ учителя — 1,280, классная комната для дѣвочекъ — 2,858, прихожая—975, двѣ комнаты учительницы—каждая по 1,325 кубич. фут. Познанія учащихся оказались въ слѣдующемъ: ученики старшей группы, въ присутствіи гг. Давыдовыхъ и инспектора народныхъ училищъ, подвергались во временной испытательной комиссіи экзамену на пріобрѣтеніе права льготы 4-го разряда по отбывавію воинской повинности, и 7 изъ нихъ, выдержавшіе экзаменъ удовлетворительно, удостоены искомаго права. Ученики средней группы отвѣчали удовлетворительно по всѣмъ предметамъ программы, преимущественно же оказали хорошіе успѣхи въ письмѣ правильнымъ и красивымъ почеркомъ. Ученики младшей группы, судя по недавнему поступленію въ училище, также достаточно успѣли въ пройденномъ: они знали главнѣйшія молитвы, читали по „Родному Слову“ (годъ 1-й) всякую данную статью, умѣли считать до 100 и изображать число цифрами, списывали съ книги крупными буквами. Сверхъ того ученики всѣхъ группъ, подъ руководствомъ учителя, пѣли цѣлымъ классомъ довольно стройно молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія, а также „Царю Небесный“ и „Отче нашъ“. Гимнастика въ училищѣ не преподается, но со стороны владѣльцевъ имѣнія сдѣлано уже распоряженіе о постановкѣ на училищномъ дворѣ нѣкоторыхъ гимнастическихъ снарядовъ. Ученицы старшей группы оказали успѣхи: по закону Божію—отличныя, по русскому языку, ариметикѣ, русской географіи и рукодѣлію—хорошія, почему и удостоены свидѣтельство объ окончаніи курса. Ученицы средней группы знали вполне удовлетворительно главныя молитвы, символъ вѣры, десять заповѣдей и важнѣйшія событія священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, правильно и довольно бѣгло читали книгу „Родное Слово“ (годъ 2-й); разказывали читанное своими словами; писали съ прописей и съ книги по одной линейкѣ буквами довольно красивыми; рѣшали несложныя задачи, умственные и письменныя, относящіяся къ сложенію, вычитанію и умноженію простыхъ чиселъ въ предѣлахъ 100. Ученицы младшей группы знали главныя молитвы; читали, хотя медленно, книгу „Родное Слово“ (годъ 1-й); умѣли писать крупными буквами данныя слова и небольшія предложенія; считали числа до 50 и изображали ихъ цифрами. По рукодѣлію каждая группа имѣла свой особенный успѣхъ: дѣвочки старшей группы красиво и прочно шили рубахи и платья, выкроенныя учительницею; дѣвочки средней группы вязали тамбуромъ скатерти и вышивали узоры на рубахахъ; дѣвочки младшей группы умѣли ру-

бить платки, скатерти, салфетки и вязать чулокъ. Сверхъ того ученицы, подъ руководствомъ учительницы, довольно стройно пѣли молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія.

Ставидменское одноклассное народное училище находится въ мѣстечкѣ Ставидмѣ, имѣющемъ жителей—1,227, въ томъ числѣ мужскаго пола—597, женскаго — 630, и содержится на счетъ общества, съ пособіемъ отъ казны въ количествѣ 206 руб. Учащихся считалось по журналу: въ старшей группѣ—4, въ средней—26, въ младшей—16, всего—46; на лицо при осмотрѣ училища 26-го мая находилось—22, именво: въ старшей группѣ—4, въ средней—12, въ младшей—6; всѣ учащіеся—православнаго вѣроисповѣданія; по сословіямъ: потомственныхъ дворянъ—2, духовнаго званія—1, мѣщанъ—2, крестьянъ—41. Всѣ учащіеся снабжены книгами и учебными пособіями. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, преподаетъ съ большимъ знаніемъ дѣла и съ полнымъ усердіемъ; прочихъ предметовъ — учитель, имѣющій свидѣтельство на званіе учителя городского приходскаго училища, опытный и трудолюбивый преподаватель. На содержаніе училища отпускается: изъ казны—206 руб., отъ общества—60 руб. Изъ этихъ денегъ расходуются: на жалованье законоучителю—50 р., учителю—150 руб., на учебныя пособія—6 руб., на содержаніе училищнаго дома—60 руб. Библіотека училища, располагая всѣмъ необходимымъ какъ для преподавателей, такъ и для учащихся, заключаетъ въ себѣ: книгъ—51 названіе 252 экземпляра, другихъ учебныхъ пособій — 146 нумеровъ. По ходатайству инспектора народныхъ училищъ и распоряженію начальства учебнаго округа, училище приобрѣло книгъ и брошюръ для народнаго чтенія религіознаго, нравственнаго и историческаго содержанія—89 названій 226 экземпляровъ на 27 р. 87 коп. Помѣщеніе училища удовлетворяетъ потребностямъ его: классная комната имѣетъ 4,116 кубич. фут.; одна комната квартиры учителя—2,744, другая — 813, кухня и кладовая—по 1626 кубич. фут. По настоянію инспектора народныхъ училищъ, училищная усадьба обнесена рѣшеткой, которая была уничтожена по небрежности сельскихъ властей, объ исправленіи же сарая и устройствѣ погреба сообщено мѣстному мировому посреднику. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: ученики старшей группы, окончивавшіе курсъ, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, сельскихъ властей и нѣкоторыхъ избранныхъ крестьянъ подвергались, во временной испытательной комиссіи, экзамену на полученіе свидѣтельства на льготу

4-го разряда по отбыванію воинской повинности, и удостоились искомаго свидѣтельства. Изъ числа наличныхъ учениковъ средней группы бѣльшая часть по закону Божію знали главныя молитвы, символъ вѣры, десять заповѣдей съ достаточнымъ объясненіемъ, важнѣйшія событія священной исторіи ветхаго завѣта; читали съ достаточною бѣлгостію въ разныхъ мѣстахъ книги „Родное Слово“ (годъ 2-й) и разказывали читанное своими словами; писали съ прописей по двумъ линейкамъ довольно красивымъ почеркомъ, и рѣшали умственныя и письменныя задачи на сложеніе, вычитаніе и умноженіе, въ предѣлахъ 100 и болѣе. Наличныя 6 учениковъ младшей группы умѣли объяснить положеніе на себѣ крестнаго знаменія, знали главнѣйшія молитвы; читали, хотя медленно, но правильно въ разныхъ мѣстахъ книги „Родное Слово“ (годъ 1-й); въ состояніи были написать не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя фразы; считали отъ 1 до 75, умѣли изображать числа цифрами. При училищѣ состоитъ классъ для взрослыхъ, которыхъ считалось по журналу — 35; по лѣтомъ занятій въ этомъ классѣ не бываетъ, такъ какъ учащіеся въ ономъ отлучаются изъ дому по разнымъ мѣстамъ для полевыхъ работъ. Несмотря на свое крайне стѣснительное положеніе, Ставидменское училище, благодаря усердію своихъ преподавателей, приноситъ существенную пользу мѣстному населенію.

Златопольское приходское училище находится въ мѣстечкѣ Златополь, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—4,620 и женскаго—4,940, всего—9560, и содержится на счетъ казны въ количествѣ 314 руб. Учащихся считалось по журналу—17, изъ нихъ въ старшей группѣ—5, въ средней—7, въ младшей—5; на лицо при осмотрѣ училища 27-го мая оказалось—8, именно: въ старшей группѣ—5, въ средней—3, изъ числа учащихся вѣроисповѣданія православнаго—12, римско-католическаго—1, іудейскаго—4; по сословіямъ: духовнаго званія—2, мѣщанъ—11, крестьянъ—4. Всѣ ови снабжены необходимыми книгами и учебными пособіями. Преподаваніемъ въ училищѣ занимается: закона Божія—мѣстный священникъ окончившій курсъ въ духовной семинаріи, преподаватель преданій, интересамъ училища, усердный и знающій свое дѣло; прочихъ предметовъ—имѣющій званіе учителя сельскаго начальнаго училища; онъ, послѣ сдѣланныхъ ему замѣчаній, усилилъ свое усердіе къ обученію дѣтей. Отпускаемая на училище сумма распределяется слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю—65 руб., учителю—149 руб., на содержаніе дома—100 руб. Въ библіотекѣ училища находится: книгъ—121

названіе, 275 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—26 номеровъ. По ходатайству инспектора народныхъ училищъ и распоряженію начальства учебнаго округа училище приобрѣло для народнаго чтенія книгъ и брошюръ 89 названій, 228 экземпляровъ, на 28 руб. 19 коп. Помѣщеніе училища удовлетворяетъ потребностямъ, хотя и требуетъ въ некоторыхъ перестроекъ и исправленій: классная комната имѣетъ 3,658 куб. фут., 1-я комната учителя—2,285, 2-я—1,680, 3-я—1,296, 4-я—2,430, 5-я—1,296, кухня—990 куб. фут. Познанія учащихся оказались въ слѣдующемъ видѣ: ученики старшей группы, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, подвергались во временной испытательной комиссіи экзамену на полученіе свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; изъ нихъ трое написали по диктовкѣ безъ грубыхъ ошибокъ, безъ искаженія и безъ пропуска словъ; письменныя задачи, относящіяся ко всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ простыхъ чиселъ, рѣшали удовлетворительно; знали главнѣйшія молитвы, символъ вѣры, 10 заповѣдей и важнѣйшія событія ветхаго и новаго завѣта; читали порядочно „Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ“ на славянскомъ языкѣ и объясняли встрѣчавшіяся при чтеніи непонятныя слова славянскія однозначущими русскими; читали книгу для чтенія Водовозова, останавливаясь на знакахъ препинанія и разказывая содержаніе прочитаннаго собственными словами; подобнымъ же образомъ читали и написанное крупными, средними и мелкими буквами; немногосложныя задачи умственно и на классной доскѣ рѣшали безошибочно, въ виду таковыхъ успѣховъ означенные три ученика удостоены полученія искомаго ими свидѣтельства. Бывшіе на лицо три ученика средней группы знали главнѣйшія молитвы, но безъ объясненій, читали книгу „Родное Слово“ (годъ 2-й) довольно порядочно, писали по двумъ линейкамъ съ прописей крупными буквами, рѣшали легкаго содержанія задачи, относящіяся къ сложенію и вычитанію простыхъ чиселъ. Церковнымъ пѣніемъ и гимнастикою учащіеся не занимаются.

Лебединское одноклассное народное училище. Училище это находится въ селѣ Лебединѣ, въ которомъ жителей мужскаго пола—1,780 и женскаго—1,860, всего—3,640, и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащіеся считалось по журналу—44, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—15, въ средней—13, въ младшей—16 мальчиковъ; при осмотрѣ же училища 29-го мая на лицо находилось—16, изъ нихъ высшей группы—14, низшей—2; всѣ учащіеся православнаго исповѣданія и крестьянскаго сословія, и снаб-

жены необходимыми книгами и учебными пособиями. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный благочинный священникъ, окончившій курсъ наукъ въ духовной семинаріи,—преподаватель трудолюбивый и хорошо знающій свое дѣло; прочихъ предметовъ—учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи юго-западнаго края,—преподаватель отлично-усердный и весьма трудолюбивый. На содержаніе училища отпускается: отъ казны—206 руб., отъ общества—324 руб. 15 коп., всего—530 руб. 15 коп.; изъ этой суммы расходуются: на жалованье законоучителю—50 руб., учителю—350 руб., на отопленіе, освѣщеніе и прислугу—124 руб. 15 коп., на учебныя пособия—6 руб. Въ училищной библиотекѣ имѣется: книгъ—69 названій, 232 экземпляра, другихъ учебныхъ пособій—75. По ходатайству инспектора народныхъ училищъ и по распоряженію начальства учебнаго округа для училища приобрѣтено книгъ для народнаго чтенія—94 названія, 231 экземпляръ на 28 руб. 90 коп. Помѣщеніе училища удовлетворяетъ его потребностямъ: классныя комнаты заключаютъ въ себѣ по 3,724 куб. фут. каждая, кухня—2,310 куб. фут.; домъ ремонтируется обществомъ исправно. Учащіеся обнаружили слѣдующія познанія: ученики старшей группы, числомъ — 14, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, подвергались во временной испытательной комиссіи экзамену для полученія свидѣтельствъ на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; изъ нихъ 13 выдержали экзаменъ по всѣмъ предметамъ удовлетворительно, а потому и удостоены искомаго свидѣтельства. Наличныя два ученика младшей группы знали главнѣйшія молитвы и символъ вѣры; читали хотя медленно, „Родное Слово“ (годъ 1-й) и объясняли значеніе словъ, встрѣчавшихся при чтеніи; писали, хотя некрасиво, данныя слова; считали числа до 50 ти и умѣли изображать ихъ цифрами. Церковное пѣніе преподается по слуху, и учащіеся, подъ руководствомъ учителя, пѣли хоромъ молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія. Гимнастика въ этомъ училищѣ не преподается.

Сельскія одноклассныя народныя училища 4-го района Волынской губерніи (уѣзды Владиміръ-Волынской, Луцкій и Ковельскій) въ первой половинѣ 1878 года.

Коршовское училище въ селѣ Коршовѣ, Луцкаго уѣзда, открытое въ октябрѣ 1875 года, содержится на счетъ общества, съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ немъ—40 мальчиковъ, въ томъ числѣ:

въ старшемъ отдѣленіи—5, въ среднемъ—20, въ младшемъ—15. Познанія ихъ при Осмотрѣ оказались слѣдующія: ученики старшаго отдѣленія отвѣчали по всѣмъ предметамъ весьма хорошо; успѣхи учениковъ средняго отдѣленія не менѣе удовлетворительны: многіе изъ нихъ хорошо произносятъ молитвы и заповѣди и понимаютъ ихъ содержаніе; весьма порядочно разказывали событія изъ ветхозавѣтной исторіи; читаютъ толково и довольно бѣгло; пишутъ на тетрадяхъ недурно; рѣшаютъ умственно ариѳметическія задачи въ предѣлахъ 60-ти довольно бойко; въ младшемъ отдѣленіи нѣкоторые знаютъ главнѣйшія молитвы; большинство читаетъ по книгѣ „Родное Слово“ (годъ 1-й) довольно хорошо; умѣютъ считать въ предѣлахъ перваго десятка. Учителемъ состоитъ окончившій курсъ духовной семинаріи, онъ же преподаетъ и законъ Божій—преподаватель усердный и вполне добросовѣстный; жалованья получаетъ 200 руб. въ годъ, въ томъ числѣ 50 руб. за преподаваніе закона Божія. Библіотека училищная, имѣющая книгъ—211 названій, весьма небогата книгами для чтенія, но въ необходимыхъ руководствахъ и учебныхъ пособіяхъ не терпитъ недостатка. Училище помѣщается въ собственномъ домѣ, весьма приличномъ и удобномъ.

Несвицкое фундушное приходское училище въ селѣ Несвицѣ Луцкаго уѣзда, основано въ 1803 году, вновь открыто въ 1834 году; содержится на счетъ фундушей съ пособіемъ изъ средствъ казны. Учащихся считалось по журналу—44 мальчиковъ; изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи—10, въ среднемъ—12, въ младшемъ—22; на лицо при осмотрѣ состояло—39. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: ученики старшаго отдѣленія отвѣчали изъ закона Божія удовлетворительно; въ чтеніи, письмѣ и ариѳметикѣ успѣхи весьма хороши; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ и пишутъ большею частію хорошо, рѣшаютъ ариѳметическія задачи въ предѣлахъ 80-ти довольно скоро и основательно; успѣхи по закону Божию не вполне удовлетворительны: дѣти сбивчиво разказываютъ событія изъ священной исторіи и плохо объясняютъ содержаніе выученныхъ молитвъ и заповѣдей; въ младшемъ отдѣленіи большинство учениковъ читаютъ и пишутъ; занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 12-ти. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, весьма почтенный и уважаемый, но по преклонности лѣтъ и слабому здоровью не могущій вести свои занятія какъ бы слѣдовало; прочихъ предметовъ—учитель, вышедшій изъ 6-го класса основнаго отдѣленія реальнаго училища и пріобрѣвшій званіе учителя,—хорошій преподаватель

по своимъ способностямъ и усердію къ занятіямъ. Преподающіе получаютъ жалованья: законоучитель—50 руб., учитель—150 руб. Училищная бібліотека состоитъ изъ 456 книгъ и 63 учебныхъ пособій. Помѣщеніе училища довольно хорошее и удобное.

Губинское училище, въ селѣ Губинѣ, Луцкаго уѣзда, открытое въ 1875 году, содержится на счетъ общества, съ пособіемъ отъ казны. Обучающихся въ немъ по журналу считалось—30, въ томъ числѣ въ старшей группѣ—5, въ средней—13, въ младшей—12; на лицо при осмотрѣ училища оказалось—23 мальчика. Познанія учащихся оказались въ слѣдующемъ видѣ: ученики старшаго отдѣленія знали главныя молитвы, символъ вѣры и заповѣди, но мало понимаютъ ихъ содержаніе; событія пзъ священной исторіи разказываютъ незavidно; читаютъ осмысленно, но недостаточно бѣгло; пишутъ съ ошибками; изъ ариѳметики съ трудомъ рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ первой сотни; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ порядочно и могутъ передавать содержаніе прочитаннаго; въ счетѣ дошли до 40; мальчики младшаго отдѣленія выучили три молитвы: Отче нашъ, Царю небесный и Богородица Дѣва; читаютъ большею частію недурно; умѣютъ считать въ предѣлахъ 10-ти. Малоусидчивость занятій учителя была поставлена ему на видѣ. Преподаватели получаютъ жалованья, учитель—250 руб.: въ томъ числѣ отъ казны—150 руб., отъ общества—100 руб., законоучитель—50 руб. Училищная бібліотека состоитъ изъ 226 книгъ и 41 учебнаго пособия. Помѣщеніе училища довольно удобно и содержится въ исправности.

Скурчанское училище, въ селѣ Скурчѣ, Луцкаго уѣзда, открытое въ сентябрѣ 1875 года, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ этомъ училищѣ—30; изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи—8, въ среднемъ—12, въ младшемъ—10. Познанія ихъ слѣдующія: пять учениковъ старшаго отдѣленія отвѣчали по всѣмъ предметамъ очень хорошо, три—удовлетворительно; успѣхи учениковъ средняго отдѣленія не менѣе удовлетворительны: дѣти хорошо произносятъ молитвы и объясняютъ ихъ своими словами; разказываютъ ветхозавѣтныя событія довольно хорошо; читаютъ толково и съ достаточною бѣглостію; рѣшаютъ ариѳметическія задачи въ предѣлахъ до 70-ти; въ младшемъ отдѣленіи нѣкоторые мальчики читаютъ довольно хорошо; счисленіемъ занимаются въ предѣлахъ 12-ти. Какъ законоучитель, мѣстный священникъ, такъ и учитель, имѣющій установленное на это званіе свидѣтельство, съ большимъ стараніемъ относятся къ своему дѣлу: учитель, притомъ, отличается тактомъ и

умѣніемъ расположить къ себѣ учащихся, не пропуская уроковъ безъ уважительной причины. Преподаватели получаютъ содержанія: законоучитель—50 руб., учитель—200 руб. въ годъ. Училище не терпитъ недостатка въ необходимыхъ учебныхъ книгахъ и пособіяхъ, но собственно книгъ для чтенія и для самообразованія учителя въ училищной библіотекѣ очень немного. Домъ училища довольно хорошъ и содержится въ порядкѣ.

Оконское училище, въ селѣ Оконскѣ, Луцкаго уѣзда, открытое въ 1871 году, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ немъ—38, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи—10, въ среднемъ—13, въ младшемъ—15. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: ученики старшаго и средняго отдѣленій обазали наилучшіе успѣхи въ законѣ Божіемъ; тѣмъ не менѣе и по другимъ предметамъ обученіе идетъ вообще удовлетворительно: читаютъ въ старшемъ отдѣленіи съ достаточною бѣгlostью и толково разказываютъ содержаніе прочитаннаго; пишутъ подъ диктовку довольно красиво и безъ грубыхъ ошибокъ; знаютъ четыре первыя ариметическія дѣйствія и рѣшаютъ задачи на эти дѣйствія съ простыми и именованными числами; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ хотя не бѣгlo, но довольно правильно и съ пониманіемъ содержанія прочитаннаго; пишутъ порядочно; умѣютъ дѣлать сложеніе, вычитаніе и умноженіе; ученики младшаго отдѣленія изучили главнѣйшія молитвы; нѣкоторые читаютъ довольно хорошо; знакомы со счетомъ въ предѣлахъ 10-ти. Преподаваніемъ въ этомъ училищѣ всѣхъ предметовъ, въ томъ числѣ и закона Божія, занимается учитель, окончившій курсъ въ духовной семинаріи со званіемъ студента. Онъ получаетъ жалованья 200 руб., изъ коихъ 50 руб. за преподаваніе закона Божія. Училищная библіотека имѣетъ книгъ—450 названій. Училище помѣщается въ собственномъ небольшомъ домѣ, который содержится въ исправности, но помѣщеніе вообще тѣсно.

Городковское училище находится въ селѣ Городкѣ, Луцкаго уѣзда, открыто въ 1873 году и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Училище это, благодаря отличному усердію и заботливости преподавателей, находится во всѣхъ отношеніяхъ въ состояніи вполне удовлетворительномъ. Учащихся въ немъ—56, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи—15, въ среднемъ—22, въ младшемъ—19. Успѣхи ихъ по всѣмъ предметамъ хороши: въ старшемъ отдѣленіи ученики выучили осмысленно молитвы, символъ вѣры и заповѣди, и толково передаютъ событія изъ священной исторіи ветхаго и новаго

завѣта, имѣютъ понятіе о таинствахъ и богослуженіи; въ среднемъ отдѣленіи хорошо объясняли молитву Господню и заповѣди, а также значеніе важнѣйшихъ праздниковъ; знаютъ почти всю ветхозавѣтную исторію; читаютъ ученики старшаго отдѣленія отчетливо, большею частію бѣгло и весьма правильно; такое же чтеніе большей части учениковъ и средняго отдѣленія; пишутъ въ обоихъ отдѣленіяхъ нѣкоторые хорошо, другіе порядочно; изъ ариѳметики ученики старшаго отдѣленія рѣшаютъ, въ большинствѣ, очень хорошо задачи на первыя четыре дѣйствія съ именованными числами, а также довольно легко рѣшаютъ умственно задачи на эти дѣйствія съ простыми числами; въ среднемъ отдѣленіи многіе изъ учащихся знаютъ первыя три дѣйствія, не затрудняясь въ примѣненіи подлежащихъ дѣйствій къ рѣшенію задачи; изъ младшихъ учениковъ нѣкоторые изучили главныя молитвы, весьма хорошо читаютъ, умѣютъ считать въ предѣлахъ 14-ти. Кромѣ того, дѣти хорошо обучены учителемъ нотному пѣнію церковному. Преподаватели получаютъ содержанія: законоучитель—50 руб., учитель—150 руб. въ годъ. Въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ—440 названій. Помѣщеніе училища, по обширности дома и его удобствамъ, одно изъ лучшихъ въ районѣ.

Велицкое училище, находящееся въ селѣ Велицкѣ, Ковельскаго уѣзда, открыто въ 1871 году и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ этомъ училищѣ по списку значилось—60, на лицо же при осмотрѣ находилось—49; изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи—13, въ среднемъ—19, въ младшемъ—17. Познанія учащихся оказались слѣдующія: ученики старшаго отдѣленія знаютъ молитвы, символъ вѣры и заповѣди, но не все хорошо объясняютъ ихъ содержаніе; событія изъ священной исторіи новаго завѣта передаютъ довольно хорошо; читаютъ вообще удовлетворительно, пишутъ подъ диктовку довольно красиво и правильно только семь мальчиковъ; изъ ариѳметики знаютъ все четыре дѣйствія и нѣкоторые рѣшаютъ задачи на эти дѣйствія довольно легко. Въ среднемъ отдѣленіи многіе изъ мальчиковъ читаютъ довольно хорошо и со смысломъ; пишутъ порядочно; знаютъ молитвы и заповѣди; изъ священной исторіи прошли ветхозавѣтныя событія до избранія Саула на царство; считаютъ и рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ 70-ти. Младшіе ученики выучили двѣ молитвы: Отче нашъ и Богородице Дѣво; читаютъ нѣкоторые порядочно, со счетомъ ознакомлены мало. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, прочіихъ предметовъ—учитель, окончившій четыре класса Житомирской гимназіи

и приобрѣвшій званіе сельскаго учителя,—преподаватель очень усердный и могущій при усердіи дѣлать значительныя успѣхи. Училищная бібліотека имѣетъ книгъ—769 названій. Помѣщается училище въ собственномъ домѣ, просторномъ и удобномъ. При училищѣ имѣется особое помѣщеніе для учениковъ, приходящихъ изъ другихъ селъ.

Голобское фундушевое приходское училище находится въ селѣ Голобахъ, Ковельскаго уѣзда, основано въ 1803 году, вновь открыто въ 1834 году и содержится на счетъ фундушей съ пособіемъ отъ казны. Учащихся имѣется — 45, въ томъ числѣ одна дѣвочка; изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи — 10, въ среднемъ — 19 мальчиковъ и одна дѣвочка, въ младшемъ—15. Преподаваніемъ занимались: закона Божія — мѣстный священникъ, старій годами и слабый здоровьемъ, подавшій уже прошеніе объ отставкѣ; прочихъ предметовъ—учитель, получившій образованіе въ Холмской (въ Царствѣ Польскомъ) учительской семинаріи, — преподаватель знающій свое дѣло и ему преданный. Обученіе чтенію, письму и ариметикѣ идетъ очень хорошо и вполне успѣшно; успѣхи же въ законѣ Божіемъ весьма неудовлетворительны, и еслибы не усердіе учителя, который занимался этимъ предметомъ со старшими учениками, то едва-ли бы кто изъ нихъ могъ выдержать установленное испытаніе на полученіе свидѣтельства, дающаго право на сокращеніе военной службы по 4-му разряду; благодаря же его усердію, шесть мальчиковъ отвѣчали очень удовлетворительно и получили свидѣтельства объ окончаніи курса училища. Преподаватели получаютъ содержанія: учитель — 270 руб., именно 150 руб. отъ казны, остальные 120 руб.—отъ общества; законоучитель—50 руб. Въ училищной бібліотеки имѣется книгъ—360 названій, при достаточномъ количествѣ учебныхъ пособій. Помѣщеніе училища удобно, но домъ уже довольно ветхій, и ведутся переговоры съ обществомъ о постройкѣ новаго дома.

Любитовское училище, находящееся въ селѣ Любитовѣ, Ковельскаго уѣзда, открыто въ ноябрѣ 1876 года и содержится на средства общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ немъ по списку—53, на лицо же находится — 45, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи — 6, въ среднемъ — 18, въ младшемъ — 21. Успѣхи учениковъ, судя по недавнему открытію училища, нельзя не назвать удовлетворительными: четыре мальчика старшаго отдѣленія отвѣчали по всѣмъ предметамъ очень хорошо и могутъ получить свидѣтельство на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ большую частію довольно хорошо и разказываютъ

прочитанное; знаютъ молитвы и заповѣди и могутъ объяснять ихъ своими словами; пишутъ на тетрадахъ порядочно; считаютъ въ предѣлахъ 40; изъ учениковъ младшаго отдѣленія многіе умѣютъ читать и ознакомины со счетомъ въ предѣлахъ 10-ти. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, относящійся къ своимъ занятіямъ съ усердіемъ; прочихъ предметовъ — учительница, окончившая курсъ въ Подольской гимназій, занимающаяся очень ревностно и съ тактомъ ведущая свое дѣло. Преподающіе получаютъ жалованья: священникъ — 90 руб., учительница — 300 руб. Училище не имѣетъ недостатка въ самыхъ необходимыхъ учебныхъ пособіяхъ и книгахъ, но бібліотека его еще очень бѣдна: всего находится въ ней: книгъ—169 названій, другихъ пособій—60 номеровъ. Помѣщается училище въ собственномъ довольно удобномъ домѣ.

Дубовское училище, находящееся въ деревнѣ Дубовѣ, Ковельскаго уѣзда, преобразовано въ 1876 году изъ бывшей сельской волостной школы и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ немъ—44, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи—10, въ среднемъ—15, въ младшемъ — 19. Познанія учащихся обнаружены въ слѣдующемъ: старшіе ученики знаютъ главныя молитвы, заповѣди и символъ вѣры, и объясняютъ ихъ своими словами; довольно хорошо передаютъ событія изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта; читаютъ вообще удовлетворительно и толково, пишутъ довольно правильно; рѣшаютъ задачи на всѣ четыре дѣйствія и знаютъ единицы различныхъ мѣръ; ученики средняго отдѣленія знаютъ молитвы и заповѣди и разказываютъ ветхозавѣтныя событія; читаютъ и пишутъ на тетрадахъ довольно хорошо; въ счетѣ дошли до 70-ти; изъ младшихъ учениковъ многіе читаютъ и умѣютъ считать въ предѣлахъ перваго десятка. Преподаваніемъ закона Божія и прочихъ предметовъ занимается учитель, окончившій курсъ духовной семинаріи, — преподаватель способный и добросовѣстный, благодаря чему ученики достигаютъ весьма хорошихъ успѣховъ; онъ получаетъ содержанія — 400 руб. въ годъ, въ томъ числѣ 100 руб. за преподаваніе закона Божія. Училищная бібліотека имѣетъ книгъ — 442 названія. Помѣщеніе училища весьма удовлетворительно.

Турійское училище находится въ мѣстечкѣ Турійскѣ, Ковельскаго уѣзда, открыто въ 1872 году, преобразовано въ одноклассное народное министерства народнаго просвѣщенія въ 1876 году и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ этомъ училищѣ—49 мальчиковъ; изъ нихъ: въ старшемъ отдѣленіи

12, въ среднемъ—20, въ младшемъ —17. Успѣхи учениковъ старшаго отдѣленія по всѣмъ предметамъ очень хороши: каждый изъ нихъ къ предстоящимъ годичнымъ испытаніямъ подготовленъ былъ къ полученію свидѣтельства объ окончаніи курса училища; въ среднемъ и младшемъ отдѣленіяхъ успѣхи также весьма удовлетворительны. Училище это, съ самаго начала существованія своего, имѣло дѣльнаго учителя и отличалось успѣхами учениковъ. Нынѣшній учитель, воспитанникъ учительской семинаріи, состоя на должности съ сентября 1877 года, хотя еще не успѣлъ особенно заявить своей дѣятельности, но вполне поддерживаетъ своими занятіями прежнюю репутацію училища. Законоучителемъ состоитъ мѣстный священникъ, принадлежащій къ лучшимъ преподавателямъ по своему усердію и умѣнью излагать предметъ. Преподающіе получаютъ содержанія: законоучитель—100 руб., учитель — 300 руб. Училище снабжено учебными пособіями и книгами въ достаточномъ количествѣ: въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ - 395 названій. Помѣщеніе училища очень приличное и удобное; при училищѣ имѣется общая квартира для приходящихъ учениковъ изъ другихъ селъ.

Садовское училище бывшихъ государственныхъ крестьянъ находится въ селѣ Садовѣ, Луцкаго уѣзда, основано въ 1847 году принято въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія въ 1867 г. и содержится на счетъ особаго сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Учащихся по журналу значилось — 29; на лицо же, при осмотрѣ, оказалось—20 мальчиковъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи — 5, въ среднемъ — 8, въ младшемъ — 7. Успѣхи учениковъ по всѣмъ предметамъ оказались неудовлетворительны: изъ учениковъ старшаго отдѣленія едва одинъ можетъ получить свидѣтельство объ окончаніи курса училища; мальчики средняго отдѣленія читаютъ хотя порядочно, но разказываютъ прочитанное плохо; умѣютъ считать и рѣшать задачи въ предѣлахъ только 30-ти; знаютъ молитвы и заповѣди, но безъ пониманія ихъ содержанія; изъ священной исторіи разказываютъ событія сбивчиво, и то при помощи вопросовъ въ младшемъ отдѣленіи читаютъ невзвидно, со счетомъ почти не ознакомлены. Такое неутѣшительное явленіе объясняется тѣмъ, что учитель, студентъ духовной семинаріи, какъ оказалось, получаетъ священническое мѣсто, что, очевидно, произвело въ немъ отсутствіе того усердія, съ какимъ онъ велъ свои занятія въ этомъ училищѣ въ первые два года, а законоучитель, мѣстный священникъ, до 1878 года не получалъ никакого вознагражденія за свой трудъ по учи-

лицу, и только въ этомъ году мѣстное крестьянское общество назначило ему жалованье по 50 руб. въ годъ. Учитель получаетъ содержанія 100 руб., при квартирѣ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою. Въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ — 679 названій. Помѣщается училище въ собственномъ, новоотстроенномъ домѣ, очень хорошемъ и удобномъ.

Свинюхское приходское училище бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Училище это находится въ селѣ Свинюхахъ, Владиміро-Волынскаго уѣзда, существуетъ съ 1847 года и содержится на счетъ особаго сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Учениковъ имѣлось—44, изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи—6, въ среднемъ—18, въ младшемъ—20. Успѣхи ученія, съ назначеніемъ новаго учителя вмѣсто удаленнаго отъ должности, оказываются несравненно лучше, и можно надѣяться въ недалекомъ будущемъ на совершенно удовлетворительное состояніе училища во всѣхъ его частяхъ. Въ старшемъ отдѣленіи три ученика по успѣхамъ могутъ легко выдержать установленное испытаніе на полученіе льготнаго свидѣтельства по отбыванію воинской повинности; большая часть мальчиковъ средняго отдѣленія читаютъ весьма порядочно и осмысленно, хорошо произносятъ главныя молитвы и заповѣди и могутъ объяснять ихъ своими словами; разказываютъ нѣкоторыя событія священной исторіи весьма хорошо; счисленіемъ занимаются въ предѣлахъ 48; въ младшемъ отдѣленіи читаютъ немногіе, большинство еще учится чтенію. Учащіеся обучаются церковному пѣнію, которымъ съ успѣхомъ занимается учитель, такъ что дѣти довольно стройно пѣли главнѣйшія молитвы. Законоучитель, мѣстный священникъ, хотя и не получаетъ за труды по училищу никакого вознагражденія, тѣмъ не менѣе сочувственно относится къ училищу и съ усердіемъ исполняетъ свою должность; учитель получаетъ жалованья по 150 руб. въ годъ. Училищная библіотека имѣетъ книгъ — 524 названія. Училище помѣщается въ новомъ, недавно отстроенномъ крестьянскимъ обществомъ домѣ, довольно хорошемъ и удобномъ.

Локачское приходское фундушное училище находится въ мѣстечкѣ Локачахъ, Владиміро-Волынскаго уѣзда; основано въ 1803 году, вновь открыто въ 1835 году и содержится изъ фундушей съ пособіемъ отъ казны. Учащихся обоего пола—40, въ томъ числѣ: въ старшемъ отдѣленіи—5 мальчиковъ и 1 дѣвочка, въ среднемъ—13 мальчиковъ и 3 дѣвочки, въ младшемъ—14 мальчиковъ и 4 дѣвочки. Познанія учащихся оказались слѣдующія: учащіеся старшаго и сред-

ного отдѣленій отвѣчали по всѣмъ предметамъ довольно удовлетво- рительно, и особенно хорошо объясняли исторію важнѣйшихъ празд- никовъ; въ младшемъ отдѣленіи не всѣ умѣютъ читать, а считаютъ въ предѣлахъ 12-ти; нѣкоторые занимаются еще составленіемъ словъ изъ подвижныхъ буквъ. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія— мѣстный священникъ, весьма успѣшно; прочихъ предметовъ учитель, окопчившій курсъ въ бывшей Вишницкой гимназій, — старательный и добросовѣстный преподаватель, но имѣющій мало способности вести дѣло оживленно и держать классъ въ порядкѣ. Преподающіе полу- чаютъ жалованья: законоучитель — 50 руб., учитель — 150 руб. Въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ — 329 названій. Училище по- мѣщается въ старомъ экономическомъ домѣ, но общество крестьянъ цѣлой волости привяло на себя постройку новаго дома, который уже отстроенъ за исключеніемъ внутреннихъ работъ, по окончаніи коихъ училище будетъ переведено въ этотъ домъ, вполне приличный, про- сторный и удобный.

Павловическое приходское училище бывшихъ государственныхъ крестьянъ, находящееся въ селѣ Павловичахъ, Владиміро-Волинскаго уѣзда, открыто въ 1845 году и содержится на счетъ особаго сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Учащихся въ немъ по списку значилось — 23, на лицо же при осмотрѣ находилось — 19 мальчиковъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи—3, въ среднемъ—7, въ младшемъ—9. Они оказали слѣдующія познанія: мальчики стар- шаго отдѣленія довольно хорошо объясняли молитвы и символъ вѣры и разказывали событія повозавѣтной исторіи; читаютъ и пишутъ подъ диктовку удовлетворительно; знаютъ первыя четыре аримети- ческія дѣйствія съ простыми и именованными числами, но умственно рѣшаютъ задачи вяло; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ порядочно и осмысленно, знаютъ главныя молитвы и заповѣди и рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ 36-ти; дѣти младшаго отдѣленія читаютъ посредственно; въ счетѣ дошли до 10-ти. Преподаваніемъ занимаются: закона Бо- жія — мѣстный священникъ, не получающій за свои труды по учи- лищу никакого вознагражденія; прочихъ предметовъ — изъ неокон- чившихъ курса духовной семинаріи и приобрѣвшій званіе сельскаго учителя, — довольно способный, но мало усердный преподаватель; жа- лованья получаетъ 150 руб. въ годъ. Училищная библіотека заклю- чаетъ въ себѣ книгъ — 689 названій. Помѣщается училище въ соб- ственномъ домѣ, весьма холодномъ зимою, вслѣдствіе дурной его

отстройки и несодержанія въ исправности; приняты мѣры къ понужденію общества о приведеніи дома въ надлежащій порядокъ.

Микуличское училище, находящееся въ селѣ Микуличахъ, Владиміро-Волинскаго уѣзда, открыто въ 1871 году, и содержится на собственные средства общества крестьянъ. Обучающихся въ немъ—34 мальчика, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи—7, въ среднемъ—14 и въ младшемъ—13. Успѣхи ихъ по всѣмъ предметамъ вообще удовлетворительны: 5 учениковъ старшаго отдѣленія въ состояніи были въ томъ же году выдержать установленное испытаніе на право льготы по военной службѣ. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія — мѣстный священникъ, который, при усердіи къ должности, при простотѣ и доступности изложенія дѣтямъ своего предмета, постоянно достигаетъ хорошихъ результатовъ въ преподаваніи; чтенія, письма и ариметики — учитель окончившій курсъ въ двухклассномъ городскомъ училищѣ и пріобрѣвшій званіе учителя сельскаго начальнаго училища, преподаватель обладающій въ значительной степени педагогическими способностями и отличающійся усердіемъ и стремленіемъ въ дѣлѣ, которому онъ себя посвятилъ. Преподающіе получаютъ жалованья: законоучитель—50 руб., учитель — 150 руб. въ годъ. Училищная бібліотека состоитъ изъ 246 книгъ. Помѣщеніе училища удобно и содержится въ порядкѣ.

Селецкое фундушное приходское училище, въ селѣ Сельцахъ, Владиміро-Волинскаго уѣзда. Училище это основано въ 1803 году, вновь открыто въ 1835 году и содержится изъ фундушей съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ немъ — 22 мальчика: въ старшемъ отдѣленіи—5, въ среднемъ—9, въ младшемъ—8. Успѣхи учениковъ оказались слѣдующіе: три ученика старшаго отдѣленія успѣли очень хорошо по всѣмъ предметамъ, остальные два нѣсколько слабы по ариметикѣ и не вполне удовлетворительно отвѣчали изъ закона Божія; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ и пишутъ большею частію хорошо, считаютъ и рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ 80-ти довольно бойко; знаютъ молитвы и заповѣди и могутъ объяснять ихъ своими словами; разказываютъ событія изъ священной исторіи ветхаго завета порядочно; дѣти младшаго отдѣленія умѣютъ читать, со счетомъ ознакомлены въ предѣлахъ 15-ти. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія — мѣстный священникъ, получающій жалованья 50 руб. въ годъ; прочихъ предметовъ—учитель изъ окончившихъ курсъ въ бывшихъ Кіевскихъ педагогическихъ курсахъ, — преподаватель, ведущій свое дѣло очень толково и пользующійся хорошей репутаціей въ

нравственномъ отношеніи; жалованья получаетъ 150 руб. Въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ—625 названій. Помѣщается училище, временно, въ весьма плохомъ экономическомъ домѣ; постройка новаго дома затянудась, вслѣдствіе перехода села Селець къ другому помѣщику, съ которымъ однако сдѣлано сношеніе о постройкѣ дома для училища, на основаніи фундушевой записи, и есть надежда на благоприятный результатъ дѣла, возникшаго по сему предмету.

Устилугское приходское фундушевое училище, находится въ мѣстечкѣ Устилугѣ, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, открыто въ 1857 г., содержится на счетъ фундушей. Учащихся по списку значилось—38, на лицо же при осмотрѣ училища 1-го апрѣля оказалось—33, изъ нихъ старшаго отдѣленія—6, средняго—10, младшаго—17. Ученіе идетъ вообще довольно удовлетворительно; лучшіе успѣхи ученики оказываютъ по русскому языку и ариметикѣ. Ученики старшаго отдѣленія знаютъ молитвы, символъ вѣры и заповѣди, но мало понимаютъ ихъ содержаніе; изъ священной исторіи нѣкоторые разказывали событія порядочно; читаютъ довольно хорошо и со смысломъ; пишутъ недурно и довольно правильно; знаютъ всѣ четыре арифметическія дѣйствія и рѣшаютъ задачи на эти дѣйствія довольно легко; въ среднемъ и младшемъ отдѣленіяхъ чтеніе вообще удовлетворительно; изъ арифметики рѣшаютъ задачи: въ среднемъ отдѣленіи—въ предѣлахъ 80-ти, въ младшемъ—изучаютъ число 13 по методикѣ Евтушевскаго. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, не отличающійся своимъ преподаваніемъ; прочихъ предметовъ—учитель, вышедшій изъ 5-го класса гимназіи и пріобрѣтшій званіе учителя; состоя на должности уже нѣсколько лѣтъ, онъ занимается съ постояннымъ усердіемъ. Преподаватели получаютъ содержанія: законоучитель—50 руб., учитель—150 руб. въ годъ. Училищная библіотека содержитъ книгъ—605 названій. Помѣщеніе училища весьма приличное и удобное.

Жидичинское училище, находящееся въ селѣ Жидичинѣ, Луцкаго уѣзда, открыто въ 1871 году и содержится на счетъ мѣстнаго общества съ пособіемъ отъ казны по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія. Учащихся значилось по журналу—57, въ томъ числѣ—2 дѣвочки; на лицо, при осмотрѣ училища 5-го апрѣля, оказалось—44 мальчика и обѣ дѣвочки. Успѣхи учащихся слѣдующіе: старшаго отдѣленія, въ коемъ 8 мальчиковъ и двѣ дѣвочки—по закону Божію весьма порядочные; читаютъ и пишутъ подъ диктовку довольно

удовлетворительно; знаютъ четыре ариѳметическія дѣйствія съ простыми и именованными числами, за исключеніемъ дѣвочекъ, которыя умѣютъ дѣлать только сложеніе и вычитаніе; въ среднемъ отдѣленіи, въ коемъ на лицо было 20 мальчиковъ, читаютъ большую частію довольно хорошо, пишутъ по тетрадамъ порядочно, знаютъ и молитвы и заповѣди и разказываютъ нѣкоторыя ветхозавѣтныя событія весьма удовлетворительно; изъ ариѳметики рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ 70-ти; въ младшемъ отдѣленіи, состоящемъ изъ наличныхъ 16-ти учениковъ, большинство ихъ читаютъ неудовлетворительно; въ счетѣ дошли до 10-ти. Учащіеся обучаются нотному церковному пѣнію и оказываютъ успѣхи весьма удовлетворительныя. Преподаваніемъ въ этомъ училищѣ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ съ вознагражденіемъ по 50 руб. въ годъ; прочихъ предметовъ—учитель, получившій образованіе въ духовномъ уѣздномъ училищѣ и приобрѣвшій званіе сельскаго учителя,—преподаватель довольно способный и могущій вести дѣло съ хорошиимъ успѣхомъ при усердіи; жалованья получаетъ—300 руб., поровну отъ казны и отъ общества. Въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ—475 названій. Помѣщается училище въ собственномъ домѣ, довольно хорошемъ и удобномъ.

Рожицкое училище, въ мѣстечкѣ Рожицахъ, Луцкаго уѣзда, открыто въ 1872 году, и содержится отъ общества съ пособіемъ изъ казны. Учащихся въ этомъ училищѣ—37, въ числѣ которыхъ—7 дѣвочекъ: въ старшемъ отдѣленіи—6 учениковъ, въ среднемъ—11 мальчиковъ и 3 дѣвочки, въ младшемъ—13 мальчиковъ и 4 дѣвочки. Законъ Божій преподается съ успѣхомъ мало удовлетворительнымъ, что происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что законоучитель не обращаетъ вниманія на сознательное усвоеніе учениками преподаваемаго и довольствуется механизмомъ изученія дѣтьми молитвъ, вѣроученія и событій изъ священной исторіи. Успѣхи по прочимъ предметамъ слѣдующіе: ученики старшаго отдѣленія читаютъ довольно хорошо, пишутъ порядочно; изъ ариѳметики только четверо знали первыя четыре дѣйствія и рѣшали задачи на эти дѣйствія удовлетворительно; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ довольно бѣгло и передаютъ содержаніе прочитаннаго; занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 50-ти; изъ учащихся въ младшемъ отдѣленіи не всѣ умѣютъ читать; нѣкоторые еще не учатся чтенію по руководству барона Корфа; многіе хорошо ознакомлены со счетомъ въ предѣлахъ перваго десятка. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, съ жалованьемъ по 50 руб. въ годъ, прочихъ предметовъ—учитель

изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи,—преподаватель, исполняющій свою обязанность добросовѣстно и пріобрѣвшій училищу въ теченіе года состоянія по должности, дсвѣріе, коимъ оно не пользовалось при бывшемъ преподавателѣ; жалованья получаетъ 300 руб., поровну отъ общества и отъ казны. Училищная бібліотека состоитъ изъ 257 названій книгъ и 56 учебныхъ пособій. Училище помѣщается въ собственномъ домѣ, довольно хорошемъ и содержащемся исправно, но, по невмѣстительности классной комнаты, мало удобномъ.

Навозское училище въ селѣ Навозѣ, Луцкаго уѣзда, открытое въ 1872 году, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся значилось по журналу—37 мальчиковъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи—14, въ среднемъ—13, въ младшемъ—10; на лицо, при осмотрѣ училища 7-го апрѣля, состояло—33 ученика. Успѣхи учениковъ во всѣхъ отдѣленіяхъ по всѣмъ предметамъ можно назвать вполне удовлетворительными: изъ числа учениковъ старшаго отдѣленія только трое не вполне удовлетворительно отвѣчали по ариметикѣ и дѣлали довольно ошибокъ въ письмѣ подъ диктовку; остальные всѣ могли получить свидѣтельства объ окончаніи ими курса училища; въ среднемъ отдѣленіи обращено вниманіе учителя на невыразительность чтенія нѣкоторыхъ учениковъ и на недостаточную бѣглость въ рѣшеніи ариметическихъ задачъ; дѣти младшаго возраста изучили твердо главныя молитвы; читаютъ весьма хорошо по книгѣ „Родное Слово“ (годъ 1-й); пишутъ многосложныя слова довольно правильно; въ счетѣ дошли до 23-хъ. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, по усердію и изложснью дѣтямъ своего предмета принадлежащій къ достойнѣйшимъ преподавателямъ; жалованья получаетъ 50 руб. въ годъ; прочихъ предметовъ—учитель изъ не окончившихъ курсъ духовной семинаріи и пріобрѣвшій учительское званіе,—преподаватель, отличающійся примѣрнымъ трудолюбіемъ и самымъ добросовѣстнымъ исполненіемъ своей обязанности; получаетъ жалованья—290 руб., въ томъ числѣ: отъ казны—150 руб. и отъ общества—140 руб. Въ училищной бібліотекѣ имѣется книгъ—399 названій. Помѣщеніе училища весьма хорошее и удобное.

Романовское училище, находящееся въ селѣ Романовѣ, Луцкаго уѣзда, открыто въ 1871 году и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся значилось по списку—45 мальчиковъ, изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи—7, въ среднемъ—13, въ младшемъ—25; на лицо же при осмотрѣ училища оказалось—32 ученика. Успѣхи учащихся по закону Божию весьма удовлетворительны; по

прочимъ же предметамъ успѣхи оказались весьма слабы: изъ старшаго отдѣленія только два мальчика въ состояніи выдержать установленное испытаніе на право сокращенія военной службы; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ большею частію механически, безъ пониманія смысла прочитаннаго; изъ ариметики могутъ рѣшать задачи только въ предѣлахъ 30-ти; въ младшемъ отдѣленіи умѣютъ читать немногіе, большинство дѣтей занимается составленіемъ словъ, а нѣкоторые еще изучаютъ звуки. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, очень ревностно относящійся къ своему дѣлу и отличающійся притомъ хорошимъ преподаваніемъ; прочихъ предметовъ — приобрѣвшій званіе учителя, которому поставлена на видъ небрежность его занятій. Преподающіе получаютъ содержанія: законоучитель—50 руб., учитель—270 руб. въ годъ. Училищная библиотека имѣетъ: книгъ—254 названія и 52 учебныя пособія. Училище помѣщается въ собственномъ домѣ просторно и удобно.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

I.

Официальный нашъ журналъ продолжаетъ печатать весьма важные документы, относящіяся къ реформамъ, предпринятымъ нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ я привелъ нѣсколько свѣдѣній изъ обнародованной недавно статистики среднеучебныхъ заведеній, а теперь порежю къ статистикѣ высшихъ училищъ. Отчетъ о нихъ, представленный г. Барду президенту республики, занимаетъ не менѣе 80-ти колонцъ официального журнала; послѣдній такой же отчетъ (впрочемъ, не только послѣдній, но и единственный) появился въ 1868 году; теперешній гораздо полнѣе. Оставляя въ сторонѣ разныя мелкія подробности, не могущія интересовать вашихъ читателей, буду говорить лишь о самой сущности дѣла, какъ оно изложено министромъ. Прежде всего касается онъ вопроса объ учрежденіи университетовъ. Вамъ извѣстно, что наши факультеты—за исключеніемъ немногихъ городовъ, какъ напримѣръ Парижа, Нанси, Монпелье—совершенно отчуждены одинъ отъ другаго. Подъ именемъ „университета“ (université de France) подразумѣваютъ у насъ совокупность всѣхъ вообще учебныхъ заведеній, а потому упомянутое слово вовсе не имѣетъ во Франціи такого значенія какъ въ Германіи и Россіи. Нерѣдко возникали требованія, чтобы правительство вмѣсто теперешнихъ разрозненныхъ факультетовъ учредило настоящіе университеты, числомъ отъ 8-ми до 10-ти. Г. Барду одобряетъ эту мысль, но съ оговорками; онъ находитъ, напримѣръ, неудобнымъ, чтобы города, которые до сихъ поръ имѣли факультеты и даже тратили не малыя сумми на

ихъ содержаніе, вдругъ лишились бы ихъ; кромѣ того, если бы и возникли университеты, онъ не допускаетъ, чтобъ они могли существовать безъ тѣсной связи между собой и чтобъ каждому изъ нихъ была предоставлена полная автономія. „Конечно, говорится въ отчетѣ, они пользовались бы достаточно широкими правами относительно распредѣленія занятій и руководства студентами, дабы могло установиться между ними благотворное соревнованіе, но при этомъ никогда не слѣдовало бы упускать изъ виду, что всѣ они составляютъ единое цѣлое, части коего находятся въ тѣсной зависимости одна отъ другой, что они должны быть подчинены общему уставу, за примѣненіемъ коего наблюдаль бы особый центральный комитетъ“. Вообще министръ полагаетъ, что какъ скоро возникло бы у насъ нѣсколько университетовъ, то слѣдовало бы тотчасъ же учредить центральный комитетъ, „подъ предсѣдательствомъ министра и организованный такимъ образомъ, чтобъ онъ обладалъ всѣми условіями для надзора за нашими высшими учебными заведеніями; необходимо, чтобъ совѣтъ этотъ, непричастный духу партіи, независимый отъ мѣстныхъ вліяній, проникнутый уваженіемъ къ преданіямъ, но не вдающійся въ рутину, могъ подавать вполне компетентное мнѣніе о всемъ, что касается внутренней жизни университетовъ, чтобъ — однимъ словомъ — представлялъ онъ надежныя гарантіи для правительства, для профессоровъ въ исполненіи ими своихъ обязанностей и для студентовъ во всемъ, что необходимо для успѣшнаго хода ихъ занятій“. По вопросу о замѣщеніи каедръ, министръ полагаетъ, что было бы лучше если бы профессора избирались совмѣстно университетомъ и центральнымъ комитетомъ, о которомъ упомянуто сейчасъ.

Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ число каедръ въ факультетахъ увеличилось 175, число дополнительныхъ курсовъ 42. Новыя каедры возникали преимущественно въ факультетахъ юридическомъ, естественныхъ наукъ и медицинскомъ; въ словесныхъ факультетахъ прибавилось лишь 10 каедръ, изъ коихъ наиболѣе важны каедры средневѣковой литературы и христіанской археологіи учрежденныя въ Лионѣ. Что касается такъ называемыхъ „конференцій“, то тутъ перевѣсъ оказывается на сторонѣ словесныхъ факультетовъ: такъ, напримѣръ, конференціи по латинской филологіи были установлены въ Э (Aix), Парижѣ, Бордо, Монпелье; по философіи— въ Бордо, Нанси, Тулузѣ; по греческой филологіи и литературѣ сѣверныхъ народовъ въ Нанси, Парижѣ и Пуатье, по санскриту въ Парижѣ и т. д. Въ настоящее время правительство продолжаетъ увеличивать число каедръ: въ Парижѣ учреждена ка-

юедра исторіи среднихъ вѣковъ для г. Фюстеля-Куланжа, а въ Ліонѣ санскритскаго языка, преподаваніе коего возложено на г. Реньо, автора весьма почтенныхъ изслѣдованій объ индійской философіи. Въ своемъ отчетѣ г. Барду энергически настаиваетъ на томъ, чтобы такъ называемыя конференціи сохраняли чисто педагогическій характеръ, чтобы онѣ не служили поводомъ блистать краснорѣчіемъ, какъ это нерѣдко происходитъ у насъ во Франціи. „Генераль-инспекторъ, ректоры и деканы, говоритъ министръ, должны наблюдать за тѣмъ, чтобы конференціи ни въ какомъ случаѣ не превращались въ публичныя чтенія. Приглашая новыхъ преподавателей правительство вовсе не смотрѣло на нихъ какъ на лицъ, могущихъ замѣнять профессоровъ; оно имѣло лишь въ виду ввести въ курсы такіе отдѣлы науки, которыхъ не заключалось въ нихъ, и усилить занятія молодежи посредствомъ практическихъ упражненій. Конференціи совершенно уклонились бы отъ своей задачи, еслибы лица, которымъ онѣ поручены, стали читать лекціи точно такъ же какъ читаютъ ихъ профессоры; въ такомъ случаѣ ничего не измѣнилось бы; по прежнему было бы у насъ слишкомъ много слушателей и слишкомъ мало настоящихъ студентовъ“.

Въ настоящее время существуетъ 300 стипендій для кандидатовъ на степень лиценціатовъ и докторовъ по факультетамъ медицинскимъ, естественныхъ наукъ и словеснымъ и такъ какъ распредѣлены они между 39 различными заведеніями, то въ каждомъ изъ этихъ заведеній находится отъ 7-ми до 8-ми молодыхъ людей, получающихъ стипендіи. Министръ находитъ это число недостаточнымъ. Что касается до университетскихъ (или вѣрнѣе факультетскихъ) библиотекъ, то онѣ только организуются и долгое время существовали лишь на бумагѣ; не слѣдуетъ однако забывать, что у насъ въ провинціяхъ находятся во многихъ городахъ муниципальныя библиотеки, весьма обширныя и пригодныя даже для профессоровъ.

Значительную важность представляетъ вопросъ о продолжительности курсовъ и числѣ лекцій. Еще г. Дюрюи въ своемъ отчетѣ за 1868 годъ замѣтилъ, что въ Германіи даже пользующіеся огромною извѣстностью профессоры читаютъ по 8—10 часовъ въ недѣлю, тогда какъ во Франціи большая часть профессоровъ довольствуется двумя недѣльными лекціями: происходитъ это опять таки отъ того, что нѣмецкіе преподаватели имѣютъ въ виду студентовъ, а наши—публику. Занятія начинаются у насъ очень поздно — въ ноябрѣ или декабрѣ съ перерывами по случаю праздниковъ. По разчету, сдѣланному въ

отчетъ министра, профессоръ читаетъ не болѣе 40 лекцій въ годъ. Г. Барду говорить, что изготовляемый имъ законъ положить конецъ теперешнему порядку вещей, при которомъ преподаваніе предназначается столько же для публики, сколько для студентовъ, которые нуждаются въ серьезныхъ занятіяхъ и вынуждены платить деньги за расходы по экзамену и за дипломъ; необходимо, чтобы открытіе факультетскихъ лекцій совпадало съ началомъ ученія въ лицеяхъ и въ Парижской главной нормальной школѣ; необходимо, чтобы никакой курсъ не прекращался иначе какъ по уважительнымъ причинамъ съ разрѣшенія министра; необходимо, наконецъ, устроить экзамены, назначаемые обыкновенно въ апрѣлѣ, іюлѣ и ноябрѣ, такимъ образомъ, чтобы они не причиняли ущерба преподаванію. Большая часть стипендіатовъ состоятъ ренегиторами въ лицеяхъ и добиваются степени лиценціатовъ съ цѣлью сдѣлаться преподавателями въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ; стипендія назначается имъ на опредѣленный срокъ; слѣдуетъ поэтому заботиться, чтобы пожертвованія казны не пропадали даромъ, то-есть, чтобы перерывы въ лекціяхъ не служили поощреніемъ распушенности и лѣни.

Затѣмъ—вопросъ объ экзаменахъ. Въ настоящее время возраженія обращены преимущественно противъ экзамена на степень *licenciés des lettres*: эта степень есть нѣчто среднее между степенями бакалавра и доктора. По мнѣнію многихъ программа для нея слишкомъ ограничена и слишкомъ исключительна; она оставляетъ въ сторонѣ философію, исторію, географію и понуждаетъ кандидатовъ, избирающихъ различныя спеціальности, заниматься одними и тѣми же предметами. Весьма разумное исключеніе допущено лишь въ пользу физико-математическихъ наукъ, ибо съ давнихъ поръ существуетъ у насъ три рода лиценціатства: наукъ математическихъ, наукъ физическихъ и наукъ естественныхъ; г. Барду намѣренъ расширить это правило. Кромѣ того онъ задумалъ важное измѣненіе относительно дипломовъ. Въ теперешнемъ дипломѣ говорится просто, что получившій его удостоенъ такой-то ученой степени безъ обозначенія отгѣтокъ за устные или письменные его отвѣты или того, какъ онъ защищалъ свою докторскую диссертацию. Словомъ, дипломы констатируютъ только фактъ и не даютъ возможности судить объ относительномъ достоинствѣ лицъ, обладающихъ ими, которыя такимъ образомъ всѣ уравниваются между собой. Всякіе другіе дипломы, кромѣ ученыхъ, имѣютъ совершенно иное значеніе; они указываютъ, въ чемъ обнаружилась сильная и слабая стороны кандидата на испытаніяхъ и иногда

указанія эти бывають даже достаточно подробны. „Подобный обычай, говоритъ г. Барду, кажется мнѣ гораздо предпочтительнѣе того, который существуетъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія“.

Далѣе содержатся въ отчетѣ замѣчанія о необходимости установить болѣе правильныя и постоянныя отношенія между различными факультетами; исполнить это не трудно въ тѣхъ городахъ, гдѣ уже существуетъ нѣсколько факультетовъ, но другое дѣло факультеты, находящіяся на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Г. Барду не поясняетъ какимъ образомъ думаетъ онъ выполнить свой планъ. Къ отчету приложены мнѣнія, изложенныя совѣтами факультетовъ, о реформахъ, въ которыхъ нуждается высшее преподаваніе; изъ нихъ видно между прочимъ, что факультеты, которымъ угрожаетъ конкуренція со стороны могущихъ возникнуть большихъ университетовъ, ревностно отстаиваютъ самый принципъ своего существованія; вообще изъ всѣхъ факультетовъ только три (а именно въ Э, Бордо и Пуатье) высказались въ пользу того, чтобы возникли у насъ обширныя научныя центры; всѣмъ остальнымъ подобная реформа далеко не улыбается. Впрочемъ въ Реннѣ (3 факультета), Канѣ (2 факультета), Монпелье (4) и Нанси (4) подобныхъ опасеній не обнаруживается, конечно потому, что если бы возникли у насъ университеты по образцу германскихъ, то не были бы обойдены ими упомянутые города.

Кромѣ изложеннаго выше, отчетъ г. Борду содержитъ много статистическихъ свѣдѣній, дающихъ понятіе о матеріальномъ положеніи нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Прежде всего укажу на цифры, по которымъ можно судить какъ отразилась на правительственныхъ факультетахъ конкуренція со стороны факультетовъ, учрежденныхъ католическимъ духовенствомъ. Любопытно что съ 1867 до 1876 г. на факультетахъ медицинскихъ число слушателей увеличилось 1,150-ю, но на факультетахъ юридическихъ и словесныхъ оно уменьшилось на 940. Конечно, причины подобнаго уменьшенія различны: во первыхъ не слѣдуетъ забывать, что вслѣдствіе послѣдней войны отъ Франціи отошла часть ея территоріи, во вторыхъ стѣспенныя обстоятельства, на которыя не перестаютъ жаловаться у насъ, заставляютъ многихъ отказываться отъ такъ называемыхъ либеральныхъ профессій; но не подлежитъ сомнѣнію, что и конкуренція со стороны католическихъ факультетовъ играетъ тутъ не маловажную роль. Конечно, медицинскій факультетъ, учрежденный духовенствомъ въ Лиллѣ, въ теченіе долгаго времени не будетъ въ состояніи соперничать съ правитель-

ственными медицинскими факультетами; онъ нуждается въ такихъ приспособленіяхъ, какихъ нельзя создать вдругъ; но что касается факультетовъ словесныхъ и юридическихъ, то гораздо легче обзавести ихъ всѣмъ необходимымъ. До сихъ поръ у насъ не было точныхъ статистическихъ свѣдѣній относительно католическихъ факультетовъ; только теперь появляются они наконецъ въ отчетѣ министра. Изъ нихъ видно между прочимъ, что число слушателей въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Факультеты юридическіе:

	187 ⁵ / ₆	187 ⁶ / ₇	187 ⁷ / ₈
Анжерскій	192	316	168
Лилльскій	191	239	209
Лионскій	244	448	424
Парижскій	504	761	1,041
Тулузскій	—	—	208
	<u>1,131</u>	<u>1,764</u>	<u>2,350</u>

Факультетъ медицинскій и фармацевтическій:

Лилльскій	—	21	359
---------------------	---	----	-----

Факультеты естественныхъ наукъ:

Анжерскій	—	—	16
Лилльскій	—	7	18
Лионскій	—	—	8
Парижскій	6	32	28
	<u>6</u>	<u>39</u>	<u>70</u>

Факультеты словесные:

Анжерскій	—	24	16
Лилльскій	—	33	48
Лионскій	—	—	88
Парижскій	36	41	37
	<u>36</u>	<u>98</u>	<u>189</u>

Въ отчетѣ г. Барду находимъ мы также статистическія свѣдѣнія о результатахъ выпускныхъ экзаменовъ, происходившихъ въ правительственныхъ факультетахъ отъ 1867 до 1876 г. Число бакалав-

ровъ по отдѣленію словесныхъ наукъ съ каждымъ годомъ постоянно возрастало; что касается лиценціатовъ и докторовъ по тому же отдѣленію, то тутъ не обнаруживается равномерной прогрессіи. Лиценціатовъ было менѣе всего въ 1867 году, а именно 101, и наиболѣе въ 1872—154; докторовъ было наименѣе въ 1867 году—всего только 5, и наиболѣе въ 1874—15. Замѣтимъ кстати, что въ теченіе десяти лѣтъ (1868—1878) бюджетъ правительственныхъ факультетовъ возросъ съ 3,935,521 фр. до 9,245,336, слѣдовательно увеличился болѣе чѣмъ на 5 милліоновъ.

Отъ факультетовъ обратимся къ другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Парижская нормальная школа, долженствующая снабжать лицей преподавателями, находится въ весьма удовлетворительномъ состояніи, такъ что относительно ея не требовалось никакихъ преобразованій; бібліотека Сорбонны, такъ называемая университетская бібліотека, получила приращеніе въ 60,000 томовъ; для археологической школы въ Афинахъ построено особое зданіе и ассигнована ей значительная сумма для предпринимаемыхъ ею раскопокъ и другихъ работъ, а также для издаваемого ею биллетеня; археологическая школа въ Римѣ получила возможность назначать стипендіи своимъ воспитанникамъ, которые изучаютъ въ Италіи исторію искусства; въ Collège de France учреждено съ 1867 года семь новыхъ кафедръ: исторіи экономическихъ ученій, новѣйшей философіи, ассирійской филологіи и археологіи, литературы юго-западныхъ европейскихъ народовъ, общей анатоміи, греческой эпиграфики, эстетики. Въ Музеѣ естественной исторіи возникла вторая кафедра ботаники, а въ бібліотекѣ его прибавилось 30,000 томовъ; въ Школѣ восточныхъ нарѣчій учреждены двѣ новыя кафедры, одна—предназначенная спеціально для лицъ, которыя должны отправиться на службу въ Кохинхину, другая—русскаго языка, благодаря коей мы надѣемся, что и французскіе ученые будутъ въ состояніи знакомиться съ превосходными трудами вашихъ ориенталистовъ; бібліотека этой школы, заключавшая десять лѣтъ тому назадъ не болѣе 800 томовъ, возросла теперь до 11,000 томовъ; содержаніе профессоровъ Школы восточныхъ нарѣчій, точно также какъ и профессоровъ Школы для разбора хартій, увеличено на цѣлую треть; обсерваторія физической астрономіи учреждена въ Медонѣ близъ Парижа; значительно расширены размѣры обсерваторіи Тулузской; наконецъ отдѣленія обсерваторіи основаны въ Клермонѣ, Безансонѣ, Бордо и Лионѣ.

Изъ всего этого видно, что по различнымъ отраслямъ народнаго

просвѣщенія сдѣланъ у насъ важный шагъ впередъ, и люди компетентные относятся къ этому весьма сочувственно. Не такъ давно въ *Revue des deux mondes* появилась статья г. Мишеля Бреалья, который выставилъ на видъ все, что было сдѣлано хорошаго правительствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что многое предстоитъ еще сдѣлать, и прежде всего установить связь между отдѣльными частями высшаго преподаванія. „Въ настоящее время, говоритъ онъ, не можетъ не удивлять, на примѣръ, слѣдующая аномалія: преподаваніе новаго греческаго языка въ Школѣ высшихъ нарѣчій приноситъ пользу кому угодно, только не воспитанникамъ нормальной школы, которыхъ предназначено командировать съ ученою цѣлью въ Афины; иныя лекціи существуютъ какъ бы исключительно для иностранцевъ; такъ въ *Collège de France* и въ Сорбоннѣ каждый профессоръ выдаетъ ежегодно свидѣтельства иностранцамъ въ томъ, что они слушали его курсъ, но Французы не предъявляютъ вовсе подобныхъ просьбъ; свидѣтельства такого рода совершенно бесполезны для нихъ, а потому очень естественно что и курсамъ, которые читаются въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ, они не придаютъ большого значенія“.

α
αхъ

II.

Недавно Школа высшихъ наукъ праздновала юбилей своего десятилѣтняго существованія и по этому случаю издала сборникъ ученыхъ статей, написанныхъ ея профессорами (*Mélanges publiés par la section historique et philologique de l'école des hautes études pour le 10-ème anniversaire de sa fondation*). Сборникъ посвященъ г. Дюрюи, учредителю школы; изъ особаго уваженія къ его собственнымъ трудамъ, онъ посвященъ почти исключительно римской исторіи и археологіи.—Вотъ содержаніе этой книги: „Лигуры и первое появленіе кельтическихъ племенъ въ южной Галліи и въ Испаніи“ г. Альфреда Мори, „Анналы Эппія“ г. Луи Гаве, „Живопись на египетскихъ гробницахъ и палестинскія мозаики“ г. Масперо, „*Tabellarii*“ г. Э. Дежардена, „Исслѣдованіе объ аналогіи“ г. М. Бреалья, „Легенды о Траянѣ“ г. Гастона Пари, „Латинскія надписи, сохранившіяся въ Ирландіи“ г. Гелоза, „Объ одной латинской надписи въ Бейрутѣ“ г. Ренье и т. д. Томъ напечатанъ весьма изящно и къ нѣкоторымъ его статьямъ приложены карты и планы; въ предисловіи къ нему находится обзоръ дѣятельности школы за истекшее десятилѣтіе, изъ котораго видно между

прочимъ, что число лекцій, читаемыхъ въ этомъ учебномъ заведеніи, простирается еженедѣльно до 58, что школою завѣдуетъ г. Леонъ Ренъ, а при немъ состоитъ совѣтъ, въ которомъ засѣдаютъ нынѣ гг. Дефремери, Альфредъ Мори, Вадингтонъ и Бреаль. „Воспитанники должны оставаться въ школѣ три года; диссертациі — на основаніи коихъ выдаются дипломы, не представляющіе имъ никакихъ правъ, но тѣмъ не менѣе цѣнимые очень высоко—представляются по правиламъ подъ конецъ упомянутого срока; впрочемъ воспитанники не ограничиваются трехлѣтіемъ, а большею частью продолжаютъ свои занятія гораздо долѣе; вообще они не охотно покидаютъ школу, въ которой такъ сильно возбуждается ихъ дѣятельность, въ которой пользуются они совѣтами опытныхъ руководителей и труды ихъ подвергаются внимательной и строгой оцѣнкѣ. Многіе изъ этихъ молодыхъ людей переносятъ большія лишенія и влѣдствіе того въ послѣднее время сочтено было возможнымъ оказывать имъ помощь. Муниципальный совѣтъ Парижа понялъ, что дѣлая столь много для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, онъ долженъ заботиться и о процвѣтаніи высшихъ училищъ; съ этою цѣлью установилъ онъ, между прочимъ, нѣсколько стипендій для воспитанниковъ Школы высшихъ наукъ, которая сожалѣетъ однако, что пожертвованія эти не вполнѣ удовлетворяютъ ея нуждамъ, и еще болѣе сожалѣетъ о томъ, что дѣятельность ея не была оцѣнена надлежащимъ образомъ. До сихъ поръ не отведено еще ей опредѣленнаго мѣста въ общемъ строѣ высшаго преподаванія; на нее продолжаютъ смотрѣть какъ на курьозъ и влѣдствіе такого печальнаго положенія дѣль она не могла достигнуть вполнѣ того развитія, къ которому способна. Если по прежнему будутъ держать ее въ сторонѣ, то разумѣется это не отзовется благоприятно на ея устройствѣ и на ея успѣхахъ“.

Конечно—продолжаемъ говорить словами предисловія—эта опасность можетъ угрожать лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Школа обладаетъ прочными залогами своего существованія: не пользуясь никакими привилегіями, не давая никакихъ правъ своимъ воспитанникамъ, она сумѣла—достоинствомъ своего преподаванія и несомнѣнною пользою преслѣдуемыхъ ею цѣлей—привлечь къ себѣ значительное число молодыхъ людей, между которыми не мало даже иностранцевъ. Если еще не осуществились всѣ надежды, которыя были возлагаемы на нее при ея учрежденіи, то винить въ этомъ нужно внѣшнія обстоятельства.

Вромъ упомянутого мною сборника, Школа высшихъ наукъ издала часть сс1, отд. 4.

еще томъ своихъ изслѣдованій. Въ немъ помѣщена первая часть обширнаго труда г. Абея Бергена (Bergaigne) о ведической религіи на основаніи гимновъ Ригъ-веды. Все изслѣдованіе займетъ три тома. Ученый авторъ поставилъ себѣ задачею анализировать всѣ религиозныя вѣрованія, заключающіяся въ Ригъ-ведѣ: говорить о достигнутыхъ имъ результатахъ можно будетъ конечно лишь послѣ того какъ онъ окончитъ свой трудъ. Замѣчу кстати, что одинъ изъ учениковъ г. Бергена печатаетъ также въ изданіяхъ Школы высшихъ наукъ любопытные матеріалы, относящіеся къ исторіи древне-индійской философіи.

Послѣдняя книжка *Revue celtique* за истекшій годъ отличается замѣчательнымъ богатствомъ содержанія. Прежде всего останавливаетъ вниманіе статья генерала Крели о предполагаемыхъ галльскихъ именахъ, которыя авторъ усмотрѣлъ въ разныхъ надписяхъ; затѣмъ слѣдуетъ изслѣдованіе г. Бартеlemi — о глиняной посудѣ галло-римскаго происхожденія, филологическія изысканія г. Арбуа Жюбеввиля, замѣтки о театрѣ въ Бретани и т. д. Одинъ изъ сотрудниковъ упомянутаго изданія г. Сове напечаталъ недавно книгу, которая не можетъ конечно не заинтересовать всѣхъ, занимающихся народною литературой. Озаглавлена она: „*Lavaogonkoz à Vreiz-jzel, proverbes et dictons de la Basse-Bretagne*“. Авторъ, живущій недалеко отъ Бреста, изучалъ десять лѣтъ сряду бытъ рыбаковъ и этимъ людямъ обязавъ собранными имъ пословицами и поговорками. До сихъ поръ никто почти въ Бретани не обращалъ вниманія на этотъ матеріалъ, столь важный съ точки зрѣнія популярной психологіи; кое-что было сдѣлано впрочемъ лѣтъ двадцать тому назадъ поэтомъ Бризэ и напечатано въ полномъ собраніи его сочиненій; онъ собралъ около 200 пословицъ и поговорокъ, а у г. Сове ихъ болѣе 1000; подведены онѣ подъ слѣдующія рубрики: трудъ; семейная мораль; матеріальныя нужды и пища; любовь и женщины; воспитаніе; домашній календарь; занятія и ремесла; вѣрованія, суевѣрія и заклинанія; географическія поговорки. Ко всѣмъ этимъ мѣстнымъ пословицамъ приложенъ французскій переводъ и комментарий.

Изданіе нашихъ классическихъ авторовъ, „*Les grands écrivains de la France*“, выходящее подъ редакціей г. Адольфа Ренье, обогатилось недавно послѣднимъ томомъ Лабрюйера. Два первые тома были напечатаны въ 1875 году; къ появившемуся теперь, весьма важному въ лексикографическомъ и историческомъ отношеніи, приложено предисловіе г. Ренье, библиографическія замѣтки о сочиненіяхъ Лабрюйера

и о переводахъ на иностранные языки его знаменитыхъ „Caractères“, о сочиненіяхъ, вызванныхъ ими, о языкѣ Лабрюйера, его грамматикѣ и орфографіи; все это занимаетъ не менѣе 380 страницъ. Подобный же трудъ былъ предпринятъ для Мольера, Корнеля, Расина, г-жи Севинье и лишь когда будутъ находиться на лицо всѣ эти изслѣдованія о нашихъ великихъ писателяхъ, явится возможность составить окончательно историческій словарь французскаго языка. Въ той же коллекціи „Grands écrivains de la France“ появился въ послѣднее время четвертый томъ Мольера; изданіе прежнихъ томовъ принадлежало г. Денуа, весьма почтенному ученому, слишкомъ преждевременно покинутому смертью; трудъ его продолжаетъ г. Поль Менаръ, издавшій Расина. Въ четвертомъ томѣ Мольера, о которомъ я упомянулъ, помѣщены *Mariage forcé*, *Princesse d'Elide* и *Тартюфъ*.

Въ 1874 году Академія надписей и изящной словесности предложила темою на конкурсъ исторію мусульманскихъ богословскихъ и философскихъ школъ при Абассидахъ. Одинъ изъ нашихъ ориенталистовъ, г. Густавъ Дюгá, профессоръ мусульманскаго законоустройства въ Школѣ восточныхъ нарѣчій, написалъ по этому поводу изслѣдованіе (*Histoire des philosophes et des théologiens musulmans*), которое упрекаютъ въ томъ, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ, оно не достаточно полно. Самъ авторъ говоритъ, что это не болѣе какъ опытъ, не имѣющій претензіи исчерпать предметъ съ надлежащею глубиной.

Между сочиненіями педагогическаго содержанія нельзя не упомянуть объ учебникѣ древней исторіи восточныхъ народовъ, изданной г. Ванъ-ден-Бергомъ (*Petite histoire des peuples de l'Orient*, par Van den Berg). Съ замѣчательною ясностью резюмированы въ этой книгѣ результаты новѣйшихъ открытій по египтологіи и ассириологіи. Результаты эти уже были популяризованы у насъ гг. Ленорманомъ и Масперо (книга послѣдняго изъ нихъ была переведена и на пѣмцкій языкъ); г. Ванъ-денъ-Бергъ, въ свою очередь, резюмировалъ ихъ не болѣе чѣмъ на 200 страницахъ, содержащихъ исторію Египта, Ассиріи, Вавилоніи, Мидіи, Персіи и Финикіи. Авторъ указываетъ на источники, а также описываетъ памятники со словъ различныхъ путешественниковъ; въ книгѣ находятся карты и около 20 гравюръ весьма отчетливо сдѣланныхъ, кромѣ того образцы письма іероглифнаго, клинообразнаго и финикійскаго. Вообще г. Ванъ-денъ-Бергъ какъ нельзя лучше выполнилъ свою задачу и нельзя не пожелать, чтобы выходило поболѣе учебниковъ такого рода.

А вотъ еще книга, относящаяся также къ разряду педагогиче-

скихъ— „Voyage aux sept merveilles du monde“ г. Луціана Оже (Lucien Augé). Авторъ переносится попеременно въ Родось, Галикарнасъ, Эфесъ, Олимпію, Александрію, Египеть и въ мѣстность, гдѣ находился древній Вавилонъ, отыскивая тамъ слѣды памятниковъ, возбуждавшихъ удивленіе древнихъ; онъ сообщаетъ преданія, сохранившіяся о нихъ отъ древности и среднихъ вѣковъ; искусный художникъ украсилъ его книгу рисунками, изображающими различныя зданія по указаніямъ повѣйшей археологіи. Для молодежи это очень интересное и полезное чтеніе.

Въ заключеніе упомяну о двухъ книгахъ, посвященныхъ Россіи. Одна изъ нихъ „Основы русскаго гражданскаго права“ (Éléments de droit civil russe) составлена профессоромъ Лозаннской академіи г. Деромъ, который выучился по русски и обращался за свѣдѣніями къ различнымъ должностнымъ лицамъ въ Петербургѣ. Другая книга „Моряки въ XV и XVI вѣкахъ“ (Les marins du XV et XVI siècles), въ двухъ томахъ, вышла изъ подъ пера одного изъ извѣстныхъ нашихъ адмираловъ, члена Академіи наукъ, г. Жюрьена де-ла-Гравьера. Во второмъ томѣ этого сочиненія говорится много о сношеніяхъ съ Московскимъ государствомъ и объ англійскихъ негодіантахъ въ Россіи, а также о посольствѣ Дженкинсона къ Ивану Грозному. Г. Жюрьенъ де-ла-Гравьеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ авторовъ, которые умѣютъ заинтересовать читателя.

Смерть похитила у насъ въ послѣднее время двухъ писателей— г. Гёфера и г. Ипполита Люка. Докторъ Гёферъ, нѣмецъ по происхожденію, извѣстенъ тѣмъ, что редактировалъ „Nouvelle biographie générale“, издаванную Фирменомъ Дидо, кромѣ того переводами изъ Аристотеля и Діодора Сицилійскаго; въ коллекціи руководствъ г. Дюрюи напечаталъ онъ нѣсколько томовъ исторіи ботаники, физики, зоологіи, астрономіи и математики: уже изъ этого видно какимъ обширнымъ образованіемъ отличался онъ. Г. Ипполитъ Люка былъ собственно романистъ и драматическій писатель, но я упомянулъ о немъ потому, что ему принадлежитъ „Исторія французскаго театра“ въ трехъ томахъ, не лишенная достоинствъ.

Л. Л-ръ.

ОБЪ ОСНОВАХЪ КРИТИКИ ВЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ГОРАЦІА.

Такъ какъ Лейпцигскій книгопродавецъ Б. Г. Тейбнеръ просилъ меня вновь издать стихотворенія Горациа въ „Bibliotheca stereotypa Teubneriana“, то я съ удовольствіемъ принялся за эту работу, которая теперь окончена мною. Новое изданіе выйдетъ въ теченіе будущаго года. Читателямъ этого журнала, можетъ быть, будетъ не безъ интереса услышать нѣсколько словъ о немъ, потому что старое изданіе много употребляется и въ Россіи, особенно въ учебныхъ заведеніяхъ, преподаватели которыхъ не желаютъ, чтобы ученики во время уроковъ пользовались изданіями съ примѣчаніями.

Такъ какъ изданія, которые являются въ „Bibliotheca stereotypa Teubneriana“ должны быть какъ можно болѣе дешевыми, то я считалъ нужнымъ не увеличивать объема новаго изданія, и поэтому сократилъ „libellus de metris Horatianis“ который считаю излишнимъ послѣ изданія книжки „Summarium rei metricae poetarum Latinorum“. Сократилъ я и „index grammaticus et metricus“, изъ котораго исключено мною все, что касается орфографіи, гораздо подробнѣе обработанной мною въ „Summarium orthographiae et prosodiae Latinae“. Въмѣсто того, согласно желанію многихъ преподавателей, будетъ прибавленъ реальный index такой же, какой находится въ „editio stereotypa“ Теодора Шмидта.

Что касается до самаго текста, я не считалъ удобнымъ значительнѣе измѣнить его противъ прежняго, потому что многіе преподаватели въ гимназіяхъ очень консервативны относительно критики Горациа и даже обвиняли меня въ томъ, что я слишкомъ много измѣнилъ

въ прежнему изданіи. Профессоры университетовъ, какъ извѣстно, держатся самыхъ разногласныхъ мнѣній о нынѣшнемъ состояніи текста римскаго поэта, объ интерполяціяхъ и испорченныхъ мѣстахъ.—Несмотря на то я припомнилъ слова Сенеки „est et mihi censendi ius“, и чтобы дать читателямъ возможность легче ознакомиться съ моимъ личнымъ мнѣніемъ о текстѣ Горациа, я распространилъ „Prolegomena“, которая теперь почти исключительно посвящена критическимъ и экзегетическимъ вопросамъ.

Здѣсь не мѣсто касаться спеціальныхъ вопросовъ, относящихся къ критикѣ Горациа, ибо, по моему мнѣнію, въ немъ такъ много затрудненій и испорченныхъ мѣстъ, что преодолѣть все невозможно ни одному человѣку, ни даже вѣку.

Поэтому я намѣренъ здѣсь говорить только объ основахъ критики Горациа, о рукописяхъ его и другихъ критическихъ пособіяхъ.

Рукописей Горациа сохранилось около двухъ сотъ пятидесяти или можетъ быть и больше. Даже въ маленькихъ библіотекахъ нерѣдко находятся рукописи нашего поэта, и сравнительно древнія. Правда, самая древняя изъ нихъ, на сколько извѣстно, не старѣе десятаго или девятаго столѣтія. Даже „codices Blandinii“, какъ свидѣтельствуетъ Cruquius, писаны были въ девятомъ столѣтіи. Надо полагать, что во времена Меровинговъ существовало очень мало рукописей Горациа, но со временъ Карла Великаго чаще списывали его стихотворенія, особенно во Франціи, которой мы обязаны удивительнымъ множествомъ отличныхъ рукописей латинскихъ авторовъ. Несмотря на то, надо замѣтить, что вообще въ теченіе среднихъ вѣковъ Горациа читали гораздо менѣе чѣмъ Вергилія или Овидія.

Многія рукописи содержатъ только часть стихотвореній Горациа. Въ остальныхъ „ars poetica“, или какъ она правильнѣе называется „epistula ad Pisones“, помѣщена не въ концѣ стихотвореній, но большею частью послѣ одъ или, рѣже, послѣ эподовъ и „carmen saeculare“ или послѣ сатиръ. Изъ этого можно заключить, что въ „codex archetypus“ нашихъ рукописей послѣдняя часть была оторвана и въ послѣдствіи переписчики представили ее, какъ имъ было угодно.

Лучшія изъ всѣхъ рукописей Горациа, какъ согласны самыя остроумныя критики, напр. Бешли, Мейнке, Лахманъ, были четыре „codices Blandinii“ изъ монастыря св. Петра въ городѣ Гентѣ, которыми особенно пользовался въ 16-мъ столѣтіи профессоръ университета въ Бригге Jacobus Cruquius. Изъ нихъ важнѣйшій былъ такъ называемый „Blandinius antiquissimus“, которому и Cruquius и остальные ученые

приписывали особенный авторитетъ. Къ сожалѣнію, въ августѣ 1566-го г. эта бібліотека, какъ говоритъ Cruquius (въ прим. къ sat. I, 1 pg. 308 ed. a. 1611) „a barbaris nec umquam satis exacerandis εἰσοοκλάταις prorsus lacerata, distracta, deperdita exusta est (см. Strabo de Bello Belgico ed. Lugd. Batav. a. 1643 pg. 245), и послѣ того „codices Blandinii“ пропали безъ слѣда. Поэтому объ ихъ варіантахъ почти ничего неизвѣстно, кромѣ тѣхъ, съ которыми насъ ознакомилъ Cruquius. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ нѣкоторые ученые говорили, что Cruquius былъ обманщикомъ или, по крайней мѣрѣ, пользовался своими рукописями съ крайнею небрежностью. Однако это не только не вѣрно, но даже и невѣроятно. См. отличную статейку Карла Цангемайстера въ „Rheinisches Museum“ XIX pg. 321 sqq.—Надо только имѣть въ виду, что ни Cruquius, ни другіе ученые 16-го столѣтія при сравненіи рукописей не соблюдали той акуратности, которая теперь требуется въ подобномъ трудѣ. Во всякомъ случаѣ мы должны съ осторожностью пользоваться его критическими замѣчаніями. Особенно онъ, кажется, не всегда различалъ первую и вторую руку своихъ рукописей такъ акуратно, какъ слѣдуетъ.

Впрочемъ гораздо бѣльшая часть варіантовъ, которые сообщилъ Cruquius, находится въ другихъ хорошихъ рукописяхъ. Даже знаменитое чтеніе „Blandinii antiquissimi“ sat. I, 6, 126: fugio campum lusumque trigonem вмѣсто нелѣпой вульгаты „fugio rabiosi tempora signi“ найдено гораздо позднѣе смерти Cruquii въ codex secundus Gothanus“, который переписанъ не съ Blandinius antiquissimus, но съ общаго съ нимъ источника. Тѣмъ менѣе можно полагать, что Cruquius извлекъ варіанты своихъ рукописей слишкомъ легкомысленно или даже недобросовѣстно.

Что касается остальныхъ рукописей, то самыя лучшія изъ нихъ, по моему мнѣнію, Bernensis antiquissimus, одинъ Monacensis, нѣкоторые Parisini и три codices Bentleyi. О нихъ подробнѣе говорено мною въ проециумъ новаго изданія. Тамъ же сказано, насколько я считалъ удобнымъ пользоваться остальными рукописями Горациа. Критики прошлаго вѣка, даже Бенгли, не пользовались варіантами рукописей Горациа ни довольно акуратно, ни послѣдовательно. Поэтому они нерѣдко предпочитали по произволу чтенія позднѣйшихъ рукописей чтеніямъ самыхъ древнихъ или больше имѣли въ виду число рукописей, чѣмъ авторитетъ ихъ. Такіе примѣры отсутствія критики и въ нашемъ столѣтіи далеко не рѣдки, какъ это видно изъ изданія Кирхнера.

Послѣ того какъ Мадвигъ, Лахманъ и другіе ученые указали на то, что критики должны меньше имѣть въ виду число рукописей, чѣмъ ихъ вѣкъ и, главное, ихъ достоинство, и что возможно и даже необходимо классифицировать рукописи и различать лучшія изъ нихъ отъ худшихъ, авторитетныя или мало интерполированныя отъ интерполированныхъ и неавторитетныхъ, однимъ словомъ, что надо рукописи не считать, но взвѣшивать, Келлеръ въ Германіи попробовалъ классифицировать и рукописи Горациа. Келлеръ и Гольдеръ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ сравнили больше рукописей Горациа, чѣмъ какой-либо другой ученый, за исключеніемъ Кирхнера, и насколько видно, довольно тщательно. Къ сожалѣнію, и здѣсь надо припомнить древнюю пословицу „πολοραθητα νοου οὐ διδάσκει“.

Келлеръ прежде (въ „Rheinisches Museum“ XIX, pg. 220 sqq.) раздѣлилъ рукописи Горациа на три класса, хотя онъ самъ прибавилъ (pg. 225), что можетъ быть лучше говорить о классахъ варіантовъ, чѣмъ о классахъ рукописей. — Странно, что выдуманная имъ классификація заслужила одобреніе покойнаго Тюбингенскаго профессора Тейфеля (см. Истор. римской литературы стр. 505, 6 3-го издан.); впрочемъ хорошес сочиненіе Тейфеля, Исторія римской литературы, оставляетъ желать многого касательно римскихъ поэтовъ, и въ особенности Горациа.

Впрочемъ, бесполезно опровергать мнѣніе Келлера, такъ какъ онъ самъ теперь въ „Rheinisches Museum“, XXXIII, 127, признаетъ, что можно вмѣсто трехъ классовъ рукописей признать только два. Чтобы показать, какіе блестящіе результаты произошли изъ многолѣтняго труда Келлера и Гольдера, я долженъ прибавить, что Келлеръ самъ считаетъ теперь невозможнымъ опредѣлить чтеніе до-монашескихъ (какъ онъ выражается) рукописей Горациа. Любопытнѣе всего конецъ его статьи, который лучше привести по нѣмецки, чтобы не полагали, что это злая шутка съ моеї стороны. Вотъ ipsissima verba: „Bei unparteiischer Erwägung der einzelnen Lesarten wird sich dann (именно, въ дальнѣйшемъ будущемъ, послѣ сравненія остальныхъ древнѣйшихъ рукописей Горациа) ergeben, dass unser früherer Grundsatz auch heute noch richtig ist, dass nämlich in der Regel die I und III Klasse zusammen gegen die II, die II und III zusammen gegen die I und auch, trotz mancher Ausnahmen die I und II zusammen gegen die III Recht haben“. То есть, Келлеръ, наконецъ убѣдился въ томъ, въ чемъ были убѣждены критики всѣхъ вѣковъ и народовъ, даже не сравнивая ни одной рукописи Горациа, именно въ томъ, что при сом-

пите льныхъ мѣстахъ поэта правильное чтеніе обыкновенно находится въ большинствѣ, а не въ меньшинствѣ лучшихъ рукописей! Вотъ результатъ почти двадцатилѣтняго труда. „Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus“.

По моему мнѣнію, совсѣмъ нельзя классифицировать рукописи Горация, потому что составлять классы рукописей возможно только въ томъ случаѣ, если есть признаки ясные, надежные и, главное, постоянные, которыми отличаются чтенія лучшихъ рукописей отъ чтеній худшихъ. А такихъ признаковъ совсѣмъ нѣтъ въ рукописяхъ Горация. Вообще сравнительно очень мало важныхъ варіантовъ въ испорченныхъ или трудныхъ мѣстахъ Горация, какъ видно изъ таблицы важнѣйшихъ разночтеній одъ и эподовъ, которую составилъ Келлеръ въ „Rheinisches Museum“ XXXIII, pg. 122, 3. Мѣста, гдѣ мы имѣемъ основаніе подозрѣвать интерполяціи, встрѣчаются во всѣхъ рукописяхъ кромѣ sat. I, 10, 1—8; epist. I, 18, 91. Тѣмъ таже находятся ничтожныя различія текста, то есть, варианты происшедшіе по случаю плохого чтенія или раздѣленія буквъ или слоговъ и, главное, того же или подобнаго значенія слова, равно годныя и соответствующія размѣру, напримѣръ, et—ac, mors—nox, discretas—discriptas, propinquos—amicos, pone—fige, tenes—regis, vidit—venit, dux—rex, sol—lux, arvis—agris, imbutum—infectum, doloribus—laboribus (см. таблицу, составленную Келлеромъ). Такіе варианты находятся безразлично въ новыхъ рукописяхъ Горация, и ни въ одной такъ постоянно или такъ рѣдко, чтобы по этому признаку можно было классифицировать.

Теперь прощаясь съ мнѣніемъ Келлера о классахъ рукописей Горация, позволяю себѣ представить свое мнѣніе объ основахъ критики стихотвореній Горация.

Какъ извѣстно, много рукописей латинскихъ авторовъ исправлено въ послѣднемъ вѣкѣ Римской Имперіи болѣе или менѣе способными учеными, принадлежавшими отчасти къ высшему сословію римскаго общества. Такимъ же образомъ и оды и эподы Горация исправлены; именно послѣ эподовъ въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ находится слѣдующая приписка:

Q. Horatii Flacci epodon explicit. Vettius Agorius Basilius Mavortius, vir clarissimus et illustris, excomite domestico, exconsule ordinario legi et ut potui emendavi conferente mihi magistro Felice oratore urbis Romae.

Маворцій, бывший консуломъ въ 527 г., и Феликсъ были, вѣроят-

но, Африканцы. Исправлены ими, кажется, стихотворенія Горациа въ Константинополѣ. Тамъ читалъ Маворцій оды и эподы въ присутствіи Феликса оратора, который сравнилъ варианты своего экземпляра съ чтеніями рукописи Маворціа (именно это-то и значитъ *conferente mihi magistro Felice*).

Намъ совсѣмъ неизвѣстно, чего касался этотъ пересмотръ текста, ибо рукописи, въ которыхъ находятся вышеупомянутыя приписки, совсѣмъ не согласны между собою, и бѣльшая и важнѣйшая часть ихъ чтеній встрѣчается тоже въ другихъ рукописяхъ. Только нельзя сомнѣваться въ томъ, что трудъ Маворціа и Феликса былъ весьма незначителенъ или, скорѣе, ничтоженъ. Обращая вниманіе на то, что важныхъ вариантовъ такъ мало въ рукописяхъ Горациа, особенно въ его одахъ и эподахъ, и что ни одного изъ нихъ нельзя съ очевидностью приписать Маворцію, мы должны признать, что Маворцій не умѣлъ исправить ни одного испорченнаго мѣста Горациа.

Касаясь теперь подробнѣе порчи текста Горациа, я оставляю безъ вниманія незначительныя описки, происшедшія вслѣдствіе измѣненія или пропуска буквъ или слоговъ. Такихъ ошибокъ въ рукописяхъ Горациа столько же, сколько встрѣчается въ рукописяхъ всѣхъ древнихъ авторовъ.

Какъ я сказалъ выше, во время Меровинговъ существовало очень мало рукописей Горациа. Только съ царствованія Карла Великаго начали чаще переписывать его сочиненія. Поэтому не удивительно, что даже въ самыхъ древнихъ рукописяхъ такъ мало важныхъ вариантовъ. Испорченныя мѣста и пропуски въ нихъ или оставлены въ прежнемъ видѣ или интерполированы такъ наивно, что нельзя соблазниться такого рода исправленіями. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ мѣстѣ *сарт.* III, 24, 3, 4:

*caementis licet occupes
turgenum omne tuis et mare publicum,*

чтобы исправить испорченное чтеніе, во многихъ рукописяхъ поставлено „*mare Ponticum*“ или „*mare Arulicum*“. „*Ponticum*“ просто нельзя; „*Arulicum*“ не говорится по латыни. Кромѣ того первый слогъ въ „*Arulus*“ „*Arulia*“ всегда дологъ. Надо писать съ Лахманномъ:

*caementis licet occupes
terrenum omne tuis et mare publicum.*

Такъ въ посланіяхъ II, 2, 199, неполный стихъ:

pauperies immunda procul absit: ego utrum,

въ большей части рукописей дополненъ такъ:

pauperies immunda domus procul или procul domus absit. ego utrum.

Такимъ же образомъ состоялось уже въ древности, кажется, „foedisimum emblema“, какъ говоритъ Мейнеке, sat. I, 6, 125, 6:

ast ubi me fessum sol acrior ire lavatum
admonuit, fugio rabiosi tempora signi,

вмѣсто вѣрнаго чтенія, которое находится въ „Blandinius antiquissimus“:

fugio campum lusunque trigonem.

Иногда стихотворенія Горациа интерполированы и по метрическимъ соображеніямъ, но очень нелѣпо. См. Перлкампа, ad epos. 2, 23.

Нерѣдко превратное припоминаніе другихъ мѣстъ Горациа давало поводъ къ интерполяціи. Такъ варианты „vatis Horati“ и „sub trabe surgia“, которые встрѣчаются въ одахъ II, 6, 24; IV, 1, 20, заимствованы изъ одъ IV, 6, 44; I, 13.

Иногда и христіанскія вѣрованія вліяли при перепискѣ стиховъ Горациа. Такъ, напримѣръ, какъ уже замѣтилъ Бентли, находящееся во многихъ рукописяхъ чтеніе satm. III, 18, 11, 12:

festus in pratis vacat otioso
cum bove pardus,
inter audaces lupus errat agnos,

вмѣсто „ragus“, обязано существованіемъ своимъ пророку Исаіѣ, у котораго читается гл. XI ст. 6: „habitabit lupus cum agno et pardus cum haedo accubabit“.

Но всего чаще встрѣчаются въ рукописяхъ Горациа такія измѣненія, которыми совсѣмъ не искажается мысль поэта, именно на мѣсто вѣрнаго чтенія поставлены другія того же или подобнаго значенія слова. Такого рода измѣненія находятъ уже въ древнѣйшихъ рукописяхъ латинскихъ авторовъ. Правда, они такъ естественны, что нельзя этому удивляться. Такихъ же интерполяцій довольно много въ рукописяхъ Каролингскаго вѣка; въ теченіе времени число ихъ постоянно увеличивается, особенно съ одиннадцатаго столѣтія.

Преимущественно тѣ авторы, которыхъ читали въ монашескихъ

школахъ, были попорчены такимъ образомъ. И преподаватели и ученики считали такія интерполяціи не поддѣлками, но полезными стилистическими упражненіями. Критика Овидіевыхъ Превращеній такъ трудна именно потому что въ средніе вѣка произведеніе это гораздо больше читалось, чѣмъ другія классическія стихотворенія, и древнѣйшія рукописи его не старше одиннадцатаго вѣка.

Текстъ Горациа, къ счастью, совсѣмъ не такъ сильно интерполированъ; большая часть измѣненій ограничивается отдѣльными словами. А такія интерполяціи встрѣчаются въ самыхъ древнихъ и авторитетныхъ рукописяхъ, даже въ „codices Blandini“.

Не легка задача критика при такого рода варіантахъ. Кто осмѣлится, напримѣръ, рѣшить, писалъ ли Горацийъ въ эподахъ: 17, 64 „*no-uis ut usque suppetas laboribus*“ или „*doloribus*“, писалъ ли онъ въ одахъ: III, 5, 51 „*dimovit obstantes propinquos*“ или „*amicos*“, слѣдуетъ ли читать въ одахъ: II, 13, 23 „*sedesque discriptas piorum*“ или „*discretas*“, III, 26, 9 „*o quae beatam diva tenes Cyprum*“ или „*regis*“, и т. п.

Правда, часто видно, что то или другое чтеніе менѣе соотвѣтствуетъ привычкѣ поэта, что имъ замѣнено болѣе рѣдкое или менѣе понятное слово, или, что оно невозможно по другимъ причинамъ, какъ напримѣръ, нельзя читать въ одахъ: IV, 5, 37 „*rex bone*“ вмѣсто „*dux*“, потому что Августъ никогда не назывался „*rex*“ современниками. Но если такихъ признаковъ нѣтъ, мы должны согласовать текстъ Горациа съ большинствомъ лучшихъ рукописей, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда очевидно, что болѣе авторитетно меньшинство. А такіе случаи совсѣмъ не рѣдки.

Немного помогаютъ критикѣ Горациа и древніе схоласти, Порфиріонъ и такъ называемый Акронъ. Пользуясь ихъ комментаріями ученые успѣли исправить нѣкоторыя мѣста, чтеніе коихъ испорчено во всѣхъ рукописяхъ. Тѣмъ не менѣе текстъ, которымъ пользовались схоласти, почти тотъ же самый, который находится въ нашихъ рукописяхъ.

Ссылки древнихъ грамматиковъ или другихъ авторовъ, которые не рѣдко приводятъ Горациа, еще менѣе помогаютъ въ неясныхъ или ошибочныхъ мѣстахъ его текста. Большая часть варіантовъ, которые встрѣчаются у нихъ, обязана своимъ существованіемъ слабости памяти или легкомыслію. Рѣдки случаи, въ которыхъ можно ими пользоваться для исправленія текста, какъ напримѣръ, въ одахъ:

I, 13, 2; ср. ad Pis. 101. Можно сказать, что около конца перваго столѣтія по Р. Х. такъ называемая вульгата Горациа очень мало отличалась отъ состоянія текста, который встрѣчается въ нашихъ древнѣйшихъ и лучшихъ рукописяхъ. Изъ выше связаннаго видно, что критика Горациа очень трудна. Варіанты нашихъ рукописей мало способствуютъ исправленію испорченныхъ мѣстъ, и часто даже мѣшаютъ критику.

Такъ какъ во времена Квинтилиана текстъ Горациа былъ почти тождественъ съ тѣмъ, который существовалъ въ эпоху Карла Великаго, то критики Горациа принуждены выбирать одно изъ двухъ: надо полагать, или, что сильно испорченныхъ или интерполированныхъ мѣстъ совсѣмъ нѣтъ въ стихотвореніяхъ Горациа, потому что они по всей вѣроятности уже встрѣчались въ „scriptura vulgata“ въ началѣ втораго столѣтія по Р. Х., или что такая порча и интерполяция вкралась въ текстъ Горациа въ теченіе первыхъ шестидесяти или семидесяти лѣтъ послѣ его смерти.

Если допустить это, то надо полагать, что текстъ испорченъ или интерполированъ не по невниманію или легкомыслію переписчиковъ (сдва ли это могло случиться въ такой короткій промежутокъ), но по произволу грамматиковъ и риторовъ, въ школахъ которыхъ много читались стихотворенія какъ Вергилія, такъ и Горациа.

Таково мое мнѣніе, выраженное мною уже шестнадцать лѣтъ тому назадъ; съ нимъ согласны даже тѣ ученые, которые совсѣмъ отрицаютъ существованіе въ стихотвореніяхъ Горациа сильной порчи и интерполяцій. Способствуетъ моему предположенію и то, что уже критикъ Пробъ во время Клавдія или Нерона нашель порчу и интерполяцію у Горациа, и что подобнымъ же образомъ испорчены и интерполированы были и стихотворенія Вергилія не много спустя послѣ кончины автора.

Таково состояніе основъ критики Горациа. Нельзя не согласиться, что оно не весьма удовлетворительно. Поэтому, стараясь возстановить подлинный текстъ Горациа, мы никогда не должны забывать правило величайшаго изъ критиковъ этого поэта, Ричарда Бентли, что „ratio centum codicibus potior“.

Въ prolegomena къ новому изданію, которыя, какъ сказано выше, почти исключительно посвящены критическимъ или экзегетическимъ вопросамъ, я припомнилъ стихъ Овидія „medio tutissimus ibis“. Я равно не согласенъ съ ультраконсерватизмомъ Орелли, Кир-

хнера, Тейфеля, Фрицше, Келлера и Гольдера и съ скептицизмомъ Перлкампа, Группе, Рибекка, Лерса, произволъ которыхъ недавно строго, но справедливо осужденъ Мадвигомъ (см. *advers. crit.* II, 50 sqq.). Но упрекая Перлкампа въ субъективизмъ и гиперкритикъ, мы не должны забывать, что онъ оказалъ великія услуги критикъ Горациа своею ученостію и остроуміемъ. Правда, онъ самъ едва ли успѣлъ исправить много испорченныхъ мѣстъ поэта; но онъ удачно опровергнулъ множество ошибочныхъ, но всѣми принятыхъ толкованій темныхъ и трудныхъ мѣстъ. Вѣдь *primus ad verum inveniendum gradus est falsa cognoscere.*

Л. Миллеръ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ОДНОГО МѢСТА ВЪ ПЕРВОЙ РѢЧИ ИСЕЯ (§ 33).

По смерти Клеонима, не оставившаго родныхъ дѣтей, завязалось дѣло объ его наслѣдствѣ. Его родные племянники—сироты, изъ которыхъ одинъ произнесъ въ судѣ рѣчь, сочиненную ораторомъ Исеемъ и дошедшую до насъ (I), ссылаются на близкое родство свое съ покойнымъ, на расположеніе его къ нимъ, по крайней мѣрѣ подъ конецъ его жизни, и съ тѣмъ вмѣстѣ оспариваютъ законною силою составленное имъ завѣщаніе, на основаніи котораго прочіе, болѣе дальніе родственники изъявляютъ въ судѣ же свои притязанія на наслѣдство. По словамъ оратора, Клеонимъ составилъ это завѣщаніе, когда, поссорившись съ опекуномъ своихъ племянниковъ, Диніемъ, онъ не хотѣлъ знать п ихъ, между тѣмъ какъ съ остальными родственниками былъ тогда въ хорошихъ отношеніяхъ. Но затѣмъ, по смерти Динія, Клеонимъ принялъ племянниковъ въ свой домъ, воспитывалъ ихъ у себя, заботился о сохранности ихъ имущества, которое старались отнять у нихъ кредиторы, однимъ словомъ, онъ относился къ нимъ такъ, что они имѣли полное право считать себя его будущими наслѣдниками. Вслѣдствіе того, Клеонимъ, впадъ въ свою послѣднюю болѣзнь, желалъ отмѣнить завѣщаніе или замѣнить его другимъ въ пользу пріемышей своихъ—племянниковъ, но не успѣлъ исполнить свое намѣреніе, скончавшись скоропостижно.

Изложивъ главное содержаніе рѣчи, надѣюсь, что понятенъ будетъ и общій смыслъ разбираемаго нами отрывка, § 33;

Οἷσθε οὖν, ὦ ἄνδρες, τὸν οὐτωςὶ πρὸς ἑκατέρους ἡμᾶς (читай: ἡμῶν)

διακείμενον, ἡμῖν μὲν οἷς οἰκειότατα ἐχρήτο, οὕτω ποιεῖν ὥστε μὴδὲ λόγον ὑπολείπειν, τοῦτοις δὲ ὧν τισὶ καὶ διάφορος ἦν, σκοπεῖν ὅπως ἅπασαν βεβαιώσαιν τὴν οὐσίαν;

Спрашивается, можно ли понять этотъ періодъ такъ, какъ понималъ его издатель и переводчикъ оратора на нѣмецкій языкъ, Шеманнъ? По мнѣнію Шеманна, въ этихъ словахъ ораторъ высказываетъ мысль, что никакъ не можетъ допустить предположенія, будто покойный былъ намѣренъ укрѣпить все имущество за дальними родственниками, а ближайшихъ родственниковъ племянниковъ лишить даже всякой надежды на оное (то-есть, по его мнѣнію μὴδὲ λόγον ὑπολείπειν значитъ jede Hoffnung abschneiden). Такое пониманіе мѣста однако никакъ и ничѣмъ не оправдывается; μὴδὲ λόγον τινὶ ὑπολείπειν никакъ не можетъ означать этого; употребленіе такого оборота въ такомъ смыслѣ не оправдывается и Оук. VIII, 2: μάλιστα δὲ οἱ τῶν Ἀθηναίων ὑπήκοοι ἐτοῖμοι ἦσαν καὶ παρὰ δόναμιν αὐτῶν ἀφίστασθαι διὰ τὸ ὀργῶντες κρίνειν τὰ πράγματα καὶ μὴδὲ ὑπολείπειν λόγον αὐτοῖς, ὡς τὸ γ' ἐπὶ τὸν θεόν· οἳοὶ τ' ἔσονται περιγενέσθαι. Это мѣсто значитъ: „подчиненныя Аѳинянамъ государства не хотѣли оставить имъ ни малѣйшей возможности, никакого повода (предполагать и) говорить, будто они сѣмѣютъ справиться съ затруднительнымъ своимъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе наступающаго лѣта“. Съ такимъ пониманіемъ мѣста согласны и издатели, которые съ мѣстомъ Оукидида сближаютъ и другія мѣста, а именно: Антифонта 3, 13, 4; Андокида 3, 18 (у котораго впрочемъ не λόγον, а πρόφασιν ὑπολείπειν, въ томъ же однако смыслѣ); Исократы 4, 146. Но это значеніе словъ никакъ не идетъ къ разбираемому мѣсту Исея, отя однако сравниваютъ его съ Оук. VIII, 2, 8 К. В. Крюгеръ во второмъ изданіи Оукидида и И. Классенъ въ оконченномъ въ нынѣшнемъ году изданіи этого историка. Дѣло въ томъ, что въ приведенныхъ мѣстахъ Оукидида, Антифонта, Андокида, и Исократы оборотъ μὴδὲ λόγον (πρόφασιν) ὑπολείπειν выясняется изъ связи рѣчи; въ нашемъ же мѣстѣ, напротивъ, онъ оставался бы теменъ даже при иномъ, болѣе выгодномъ для этой цѣли строфѣ періода, даже еслибы у Исея читалось: τοῦτοις μὲν... σκοπεῖν ὅπως ἅπασαν, βεβαιώσαι τὴν οὐσίαν, ἡμῖν δὲ... ποιεῖν ὥστε μὴδὲ λόγον ὑπολείπειν. Что же могло бы значить здѣсь λόγος? рѣчь? или возможность сказать? Это все-таки оставалось бы темно. Мысль, предполагаемая Шеманномъ, могла бы быть изложена вполне ясно только при помощи оборотовъ, употребленныхъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: Оук. 2, 89, 8: καταλῶσαι Πελοποννησίων τὴν ἐλπίδα

τοῦ ναυτικοῦ; Xenoph. hist. gr. 2, 3, 34: πάντων καὶ τῶν ἐν τῇ πόλει καὶ τῶν ἔξω ὑποτέμει ἄν τὰς ἐλπίδας; cf. Polyb. 5, 107. Polyb. 23, 2 (22, 2 Nultsch): ἀποκοτασιῶν τῶν ἐλπίδων τοῖς καινοτομεῖν ἐπιβαλλομένοις. Далѣе μὴδὲ λόγον ὑπολείπειν нельзя оправдать въ нашемъ мѣстѣ, потому что какъ ἡμῖν μὲν противопоставляется въ соотвѣтствующей части періода τούτοις δὲ, такъ и μὴδὲ λόγον ὑπολείπειν—словамъ ἅπασαν βεβαιώσει τὴν οὐσίαν, и слѣдовательно какъ ὑπολείπειν соотвѣтствуетъ слову βεβαιώσει, такъ и λόγον словамъ ἅπασαν τὴν οὐσίαν. Нечего удивляться тому, что я отыскиваю здѣсь соотвѣтствія частей предложена, не только въ цѣломъ, но и въ частностяхъ; не напрасно Исей былъ современникомъ Исократы. Стремленіе оратора къ равномерности періодовъ и къ соотвѣтствію отдѣльныхъ частей ихъ обнаруживается между прочимъ изъ 2, 26: καὶ οὐκ αἰσχύνεται μὲν αὐτῷ τὸν νόμον τὸν περὶ τῆς ποιήσεως ποῶν χόριον, τῷ δὲ ἀδελφῷ τὸν αὐτὸν τοῦτον ζητῶν ἄκυρον ποιῆσαι. Тутъ двѣ части (κῶλα) періода соотвѣтствуютъ другъ другу не только вообще, но и въ частностяхъ; такъ αὐτῷ соотвѣтствуетъ τῷ δὲ ἀδελφῷ, ποῶν соотвѣтствуетъ ζητῶν ποιῆσαι, а χόριον—ἄκυρον.

И такъ нельзя допустить не только прежнее толкованіе нашего мѣста, но и викакое другое; остается лишь считать мѣсто испорченнымъ и порчу искать въ томъ, что слово λόγον замѣнило другое слово, прямо противоположное словамъ ἅπασαν τὴν οὐσίαν. Какое же слово вытѣснено словомъ λόγον? Это опредѣлится точнѣе, если намъ удастся впервыхъ опредѣлить происхождение порчи текста и воторыхъ выяснитъ себѣ, чего требуетъ здѣсь смыслъ рѣчи.

Что касается перваго вопроса, то ясно, что слово, употребленное авторомъ, замѣнено не такимъ, которое не давало бы никакого смысла и выражало бы чистую чепуху, что свойственно одному роду порчи текста, состоящему въ невѣрномъ прочтеніи, а затѣмъ и письмѣ слова, то-есть въ замѣнѣ какихъ нибудь буквъ другими, или въ непониманіи писцомъ употребленной въ оригиналѣ, съ котораго онъ списывалъ, аббревіатуры, или въ невѣрномъ соединеніи буквъ или слоговъ и подобныхъ ошибкахъ. Тутъ же напротивъ порча текста привела къ чтенію не вообще безтолковому, а къ такому, которое только по смыслу рѣчи въ нашемъ мѣстѣ не годится. Слѣдовательно здѣсь порча произошла отъ парафразиса, хотя можетъ быть и парафразиса въ самомъ обширномъ смыслѣ ¹⁾.

¹⁾ Heimsoeth, Fr., Kritische Studien zu den Tragikern, Bonn, 1865 г., особ. стр. 17 слѣд.

- Далѣе, вовторыхъ, что другое можно прямо противопоставить второй части (κῶλον) конца періода, а именно словамъ: ἅπασαν τὴν οὐσίαν, какъ не: ничего, ни малѣйшей части имущества? Это подтверждается и другими мѣстами рѣчи, гдѣ та же самая мысль повторяется только другими словами. Ср. § 34: Ἄλλ' ἔγωγε, εἰ κατηγορεῖν ἐβούλοντο τῶν διαθηκῶν ἢ τοῦ τελευτηκότος, οὐκ οἶδ' ἐτι ἄλλ' πρὸς ὑμᾶς εἶπον, οἳ γε τὰς διαθήκας μὲν ἀποφαινοῦσιν οὐτ' ὀρθῶς ἐχοῦσας οὐτ' ἀρεσκούσας τῇ διαθεμένῳ, τοῦ δὲ τοσαύτην μανίαν κατηγοροῦσιν, ὥστε φασὶν αὐτὸν περὶ πλείονος ποιεῖσθαι τοὺς αὐτῷ διαφορομένους ἢ τοὺς οἰκείως χρωμένους καὶ οἷς μὲν ζῶν οὐδὲ διελέγετο, ἅπασαν δοῦναι τὴν οὐσίαν, τοὺς δ' οἰκειότατα κεχρημένους οὐδὲ πολλοστοῦ μέρους ἀξιώσαι. Тутъ прямо противоположны мысли: 1) тѣмъ, съ которыми онъ даже не пускался въ разговоры, онъ будто-бы отказалъ все свое имущество и 2) а тѣхъ, которые были въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ нимъ, онъ будто-бы не удостоилъ ни малѣйшей части его. И § 48: καὶ νῦν μὲν ἐβούλετο ἡμᾶς μηδὲν τῶν αὐτοῦ λαβεῖν, σφίσι δ' αὐτοῖς βεβαιῶσαι τὴν δωρεάν. Они утверждаютъ, будто онъ не желалъ, чтобы мы получили что-нибудь изъ его состоянія, а за ними желалъ скрѣпить этотъ даръ (свое состояніе). Ср. также § 29 καὶ τίς ἂν πιστεύσειεν... ἐκείνον... μηδὲν τῶν αὐτοῦ ἡμῖν δοῦναι.

И Енике (Ed. Jenicke, Observationes in Isaeum. Lips. 1838 p. 9) видѣлъ, что наше мѣсто нельзя понимать, и потому совѣтуетъ замѣнить слово λόγον другимъ: ὀλίγον (μηδὲ λόγον — μηδ' ὀλίγον), ссылаясь на то обстоятельство, что λόγος и ὀλίγος иногда въ рукописяхъ смѣшиваются. Правда и μηδ' ὀλίγον употребляется въ греч. языкѣ, ср. Лук. Тимонъ 55: ὀλίγον τοῦ μισθοῦ καταλιπεῖν или Лук. περὶ τῶν ἐπὶ μισθῷ συνόντων 27: τὴν τόχην οὐδὲ ὀλίγα ἐπιψεκάζασαν. И такъ слѣдовало бы намъ по неволѣ удовольствоваться этимъ исправленіемъ текста, если бы дѣйствительно не было выраженія еще болѣе подходящаго къ нашему мѣсту, а именно выраженія самой малой, самой ничтожной цѣнности; а это именно означаетъ οὐδὲ (или μηδὲ) ὀβολός въ смыслѣ: ни копѣйки.

Итакъ я предлагаю читать: ἡμῖν μὲν μηδὲ ὀβολὸν ὑπολείψειν, τούτοις δὲ... ἅπασαν βεβαιῶσαι τὴν οὐσίαν ¹⁾).

¹⁾ Скрывшееся отъ вниманія г. Любвица обстоятельство, что сообщаемая имъ конъектура уже сдѣлана Кобетомъ (ср. Mnemosyne n. s. vol. V p. 391), не можеть не придать еще болѣе правдоподобія предлагаемой имъ эмендаціи.
Red.

Выраженіе οὐδὲ ὄβολός у Аѳинянь, а также вѣроятно и у остальныхъ Эллиновъ значило: ничего, ни малѣйшей цѣнности, даже въ то время, когда ὄβολός ничуть не былъ самой мелкой монетой, а были уже въ ходу и подраздѣленія оболы, какъ-то ἡμιὄβλιον, τριτημόριον и τεταρτημόριον (то-есть, $\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{4}$ оболы ¹⁾); такимъ же образомъ и Французы прежде говорили pas un liard, а нынѣ говорятъ: pas un sou, хотя sou далеко не самая мелкая французская монета; также и Нѣмцы говорятъ: keinen Pfennig или keinen Heller, а Русскіе: ни гроша, ни копѣйки. Ср. Плутарх. Жизнь Лик. XVII: κινδυνεύει δὲ καὶ τὸ πάντων ἀρχαίων οὕτως ἔχειν, ὀβελίσκοις χρωμένων νομισμασιν σιδηροῖς, ἐνίων δὲ χαλκοῖς. ἀφ' ὧν παραλείπει πλῆθος ἔτι καὶ νῦν κερμάτων ὄβολους καλεῖσθαι. То-есть, вѣроятно и весьма древнія (скорѣе: самыя древнія) монеты были похожи (на лаконскія, тяжелыя и притомъ низкой цѣны монеты); такъ какъ одни въ качествѣ монетъ (вѣрнѣе было бы сказать не νομισμασι, а ἀντὶ νομισμάτων, вмѣсто монетъ, ср. Theod. Mommsen, Geschichte des röm. Münzwesens стр. IX сл. и Hultsch, Griech. u. röm. Metrologie стр. 106 и 126) употребляли желѣзные, а другіе — мѣдныя слитки; оттого-то и нынѣ остается обычай массу мелкихъ монетъ называть оболы (или однимъ именемъ оболы). Аристофанъ въ Облакахъ, въ сценѣ, гдѣ Стрепсиадъ уговариваетъ своего сына Фидиппида отправиться къ Сократу учиться праведной и неправедной рѣчи, ст. 116 слл., между прочимъ говоритъ: ἦν οὖν μάθης μοι τὸν ἀδικὸν τοῦτον λόγον, ἃ νῦν ὠφείλω διὰ σέ, τούτων τῶν χρῶν, οὐκ ἂν ἀποδοίην οὐδ' ἂν ὄβολόν οὐδενί, то-есть, если ты выучишься этой неправедной рѣчи, то изъ всѣхъ долговъ, что я сдѣлалъ тебя ради, я никому не отдамъ ни копѣйки. Аристоф. Всадн. 1250: οὐκ ἂν ἀποδοίην οὐδ' ἂν ὄβολόν οὐδενί, ὅστις καλέσειε κάρδοπον τὴν καρδόπην. Тимонъ 20: ἐγὼ γέ τοι πολλοὺς ἂν εἰπεῖν ἔχομι χθῆς μὲν οὐδὲ ὄβολόν ὥστε πρίασθαι βράχον ἐσχηκότας, je puis nommer beaucoup de personnes qui n'aient pas eu hier le sou etc. Ср. въ Pargoemiogr. Graeci II Apostol. Сотн. XIII, 5 b. Тамъ же, Лук. Тимонъ 24: οὐ γάρ ἂν Ἀριστείδην καταλιπὼν Ἴππονίκῳ καὶ Καλλίᾳ προσήκειν καὶ πολλοῖς ἄλλοις Ἀθηναίοις οὐδὲ ὄβολου ἀξίοις, не стоившимъ ни копѣйки; этому обороту тамъ же § 25 прстивополагается: ὅσους ἂν οἴηται τοῦ πλουτεῖν ἀξίους (cf. § 33: γενναῖον ἄνδρα καὶ πολλοῦ ἀξίου) совершенно такъ, какъ въ нашемъ мѣстѣ противопологаются: намъ не оставить ни копѣйки, а за нами укрѣпить все свое состояніе (οὐδὲ

¹⁾ Poll. 9. 64 sqq.

ὄβολόν καταλιπεῖν — ἄπασαν βεβαίωσει τὴν οὐσίαν). Тамъ же 174: μηδὲ ὄβολόν αὐτῶν ἀνεῖς, не предоставивъ себѣ ни копѣйки. Разгов. умершихъ 22, 1: Ἔστι δὲ τις ὄβολόν μὴ ἔχων, y-a-t-il quelqu'un qui n'aie pas le sou. Лук. Сатapl. s. τυρανн. 1. ἡμεῖς οὐδὲ ὄβολόν ἐμπεπωλήκαμεν; у насъ ни на копѣйку выгоды нѣтъ. Лук. О пѣтухѣ или сновид. 14: οὗτος τῶν μὲν οὐδὲ ὄβολόν ἔδωκε τῷ Σίμωνι. Anecdota graeca Boissonadii II стр. 468: 'Ο αὐτός (scil. Διογένης) ἐρωτηθεὶς, τί αὐτῷ παρεγένετο ἐκ φιλοσοφίας, εἶπε· Τὸ πλουτεῖν μηδὲ ὄβολόν ἔχοντα. Когда Диогена спросили, какую выгоду доставила ему философія, то онъ отвѣтилъ: ту, что я богатъ, хотя у меня нѣтъ ни копѣйки. Не знаю относится ли къ монетамъ стихъ Присціана, de ponderibus 40 (см. Metrol. Graecorum et Romanorum reliquiae ed. Fr. Hultsch, II, стр. 88 слѣд.) nam nihil his (Athenis=Atheniensibus) obolove minus majusve talento. Правда, самимъ авторомъ это отнесено къ вѣсамъ, ср. ст. 39: quod (talentum) summum doctis perhibetur pondus Athenis. Но спрашивается, какъ онъ могъ сказать, что нѣтъ у Афинянь вѣса меньше обола? онъ самъ же упоминаетъ semiobolus v. 8, и ср. Hultsch, Metrol. d. Gr. u. Röm. стр. 116. Но хотя и есть монеты меньше обола, однако онъ могъ выразиться такъ на счетъ ихъ, основываясь на приведенной нами поговоркѣ афинской: οὐδ' ὄβολός (—όν). Оставивъ это однако сомнительнымъ, спросимъ себя наконецъ, какъ въ разбираемомъ нами мѣстѣ рѣчи Исея изъ ὄβολόν могло произойти λόγον? Такъ какъ мы уже видѣли раньше, что это не могло произойти лишь вслѣдствіе невѣрнаго прочтенія слова ὄβολός, то должно, мнѣ кажется, полагать, что въ древней рукописи, отъ которой происходятъ посредственно всѣ до насъ дошедшія рукописи, первыя буквы, слова ὄβολός стерлись или, по какойнибудь другой причинѣ, не могли быть прочтены; а можно было прочесть только ολον или λον (ΟΛΟΝ, ΛΟΝ). Тогда писецъ, стараясь исправить мѣсто, вмѣсто этого написалъ λογον, что вмѣстѣ съ ὑπολείπειν можетъ быть употребляемо и быть понятно, хотя и не въ нашемъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ ΛΟΝ или ΟΛΟΝ не составляетъ никакого греч. слова. Вотъ такую то поправку я и назвалъ выше парафразисомъ въ обширномъ смыслѣ.

По этому поводу укажу еще на три ошибки въ текстѣ той же рѣчи Исея, которыя удержались еще въ изданіи Шейбе и которыя слѣдуетъ исправить одинаковымъ образомъ.

§ 1: ἐκεῖνος γὰρ ζῶν μὲν ἡμῖν κατέλιπε τὴν οὐσίαν, ἀποθανὼν δὲ...., гдѣ вмѣсто κατέλιπε читай κατέλειπε.

§ 3. οὗτοι μὲν διαθήκαις ἰσχυρίζομενοι τοιαύταις, ἃς ἐκεῖνος διέθετο μὲν

οὐχ ἡμῖν ἀγανακτῶν, ἀλλ'....., ἔλυσε δὲ πρὸ θανάτου πέμψας Ποσειδίππον ἐπὶ τὴν ἀρχήν. читай ἔλυσε; а также исправь и

§ 43. πρὸς δὲ τοῦτοις ἐνθουμήθητε ὅτι αὐτὰς ἔλυσε μὲν εὖ φρονῶν, διέθετο δ' ὀργισθεὶς καὶ οὐκ ὀρθῶς βουλευόμενος.

Нечего объяснять, что во всѣхъ трехъ случаяхъ необходимо употребленіе прошедшаго времени вида продолжительнаго (такъ назыв. imperfectum), а не вида мгновеннаго (такъ называемаго аориста), такъ какъ дѣло идетъ о намѣреніи отказать племянникамъ имущество, о намѣреніи отмѣнить сдѣланное уже раньше завѣщаніе. Не смотря на то, не только Шеманнъ и Р. Кюнеръ (Ausführl. Grammatik der Gr. Sprache, II, § 386, 12) защищаютъ преданіе текста въ качествѣ аориста сопатусъ rei faciendae sine effectu, но и Шейбе не рѣшился замѣнить эти аористы имперфектами. Въ это заблужденіе ввелъ ихъ поблѣкшій нынѣ авторитетъ Годфрида Германна, основывавшаго свою теорію объ аористѣ сопатусъ sine effectu на мѣстахъ, гдѣ аористомъ выражено утвержденіе факта, на дѣлѣ вовсе (еще) не совершенномъ, какъ то Eurip. Ion 1291, 1500 или Soph. Ai. 1227! Кюнера впрочемъ нельзя не порицать и за то, что онъ какъ здѣсь, такъ и во многихъ мѣстахъ своей обширной греч. грамматики, чтобы доказать вѣрность своего замѣчанія относительно какого-либо граматическаго явленія, въ доказательство приводитъ то такія мѣста прозаиковъ, вѣрность чтенія которыхъ весьма сомнительна (такъ тысячи разъ въ спискахъ читаемъ ἔλυσε, гдѣ слѣдуетъ ожидать ἔλυκε и на оборотъ, того же нельзя не сказать и объ ΕΛΥΕ и ΕΛΥΣΕ), то такіе стихи поэтовъ, въ коихъ размѣръ допускаетъ не только какую-нибудь одну опредѣленную форму слова, но также различныя другія. Это одно изъ доказательствъ совершеннаго недостатка критики въ означенномъ сочиненіи Кюнера.

К. Люгебиль.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Отчетъ Императорской Археологической комиссіи за 1875 г. Атласъ, VII таблица. С.-Петербургъ. 1878 г.

Въ недавно вышедшемъ томѣ отчетовъ археологической комиссіи г. Стефани помѣстилъ рядъ важныхъ памятниковъ и изслѣдованій. Позволяемъ себѣ указать лишь на самыя существенныя стороны этого изданія, дабы обратить вниманіе на богатое его содержаніе и тѣхъ лицъ, которые не занимаются археологическими изслѣдованіями.

Въ курганахъ южной Россіи, раскопанныхъ въ послѣднее время преимущественно въ окрестностяхъ Керчи и на полуостровѣ Тамани, сохранились неповрежденными роскошно украшенные саркофаги, въ коихъ на головѣ скелета нашлось нѣсколько золотыхъ вѣнковъ. Изъ нихъ шесть изображены на стр. 16—24, и тутъ же находится описаніе другихъ, вполне сохранившихся вѣнковъ, которые входятъ въ составъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа. Нѣкоторые изъ вѣнковъ замѣчательны тѣмъ, что у нихъ по срединѣ находится прометейскій (Bosckh, Staatshaushaltung, Th. II, p. 321) съ изображеніемъ то бога солнца, то головы Горгоны, или же отпечатка монеты съ лицомъ того или другаго правителя. Мѣткое описаніе этихъ вѣнковъ находимъ мы въ словахъ Светонія (Domit. 4): „certamini praesedit ...capite gestans coronam auream cum effigie Iovis ac Iunonis Minervaeque, assidentibusque Diali sacerdote et collegio Flavialium pari habitu, nisi quod illorum coronis inerat et ipsius imago“.

Изданіе одного изображенія на вазѣ (Stephani, Vasensammlung der Kais. Eremitage № 1603) побуждаетъ къ основательному изслѣдованію роскошнаго одѣянія киеародовъ, о которомъ упоминается и у древнихъ писателей (напр. Ovid. Fast. II, 105. Apul. Flor. II, 15. Lu-

ciap adv. indoct. 8). Обращаясь потомъ къ изслѣдованію статуи Аполлона, изваянной Скопасомъ и поставленной Августомъ въ храмъ Палатинскомъ въ память побѣды при Акціумѣ, г. Стефани перечисляетъ всѣ тѣ монеты, на которыхъ изображена эта знаменитая статуя. Надписи: *Apollini Actio, Act., Apollini Augusto, Apollini Palatino* несомнѣнно доказываютъ, что большинство этихъ монетъ изображаютъ одно и то же произведеніе искусства. Тѣмъ не менѣе Аполлонъ изображенъ то быстро стремящимся впередъ, то спокойно стоящимъ съ палочкой для игры на струнахъ, или съ жертвенною чашей въ правой рукѣ.

Что оригиналъ статуи Аполлона изображаетъ этого бога облаченнымъ въ длинное одѣяніе и играющимъ на струнахъ, а не дѣлающимъ возліаніе, это ясно видно изъ словъ Проперція (II, 23,15): „*Ruthius in longa carmina veste sonat*“, подтвержденіемъ коихъ служатъ изображенія на вазахъ и Аполлонова статуя въ Ватиканѣ. Что же касается монетъ, то г. Стефани доказалъ на убѣдительномъ примѣрѣ, что чеканщики, желая изобразить какое либо произведеніе искусства, даже въ томъ случаѣ, когда оригиналъ былъ у нихъ на глазахъ, не работали съ совѣстливою точностью копировальщиковъ, но въ снимкахъ своихъ придерживались лишь основной мысли оригинала, предаваясь въ воспроизведеніи его самымъ безграничнымъ порывамъ собственнаго воображенія. Вслѣдствіе этого нельзя по однимъ изображеніямъ на монетахъ составить себѣ правильнаго понятія о самой статуѣ, если не будетъ на лицѣ другихъ болѣе вѣскихъ доказательствъ.

Главное изслѣдованіе въ изданіи г. Стефани (стр. 161—198) поучительно не только по строгому способу изложенія, но и самымъ содержаніемъ своимъ заслуживаетъ вниманія всѣхъ любителей классической древности.

Колоссальная статуя Зевса изъ золота и слоновой кости работы Фидія въ храмѣ Олимпіи считалась въ искусствѣ Грековъ лучшимъ и благороднѣйшимъ олицетвореніемъ величія высшаго божества. Статуя эта, воплощавшая свѣтлое и достойное понятіе о божествѣ, была предметомъ столь усерднаго поклоненія, что составилось повѣрье о невозможности умереть блаженнымъ, не увидавъ Фидіева Зевса. Впечатленіе, производимое этою статуею, было до того обаятельно, что даже одинъ изъ римскихъ полководцевъ позднѣйшаго времени почувствовалъ при видѣ ея благоговѣнный трепетъ. Такъ говоритъ Ливій объ Эмилии Павлѣ (XLV, 28): „*Iovem velut praesentem intuens motus animo est*“.

Это всеобщее поклоненіе, вдохновлявшее многихъ писателей, ясно указываетъ на то, что и художники раздѣляли его и потому, при изваяніи головы Зевса, старались, болѣе или менѣе удачно, подражать разъ на всегда созданному типу великаго мастера. Поэтому мы тогда только можемъ себѣ составить приблизительно вѣрное понятіе о статуѣ Зевса, если съумѣемъ исключить изъ сохранившихся до нашего времени копій все, что внесено самими художниками чужаго въ идеаль Фидіа, смотря по степени развитія вкуса и способностямъ каждаго изъ нихъ.

Сохранился разказъ неоднократно повторявшійся, будто Фидій, при изваяніи своего Зевса, былъ вдохновленъ стихами Гомера, въ коихъ воспѣвается этотъ богъ. Страбонъ пишетъ (VIII, стр. 354): ἀπομνημονεύουσι δὲ τοῦ Φειδίου, διότι πρὸς τὸν Πάναϊνον εἶπε ποιητὴν ὄντα πρὸς τί παράδειγμα μέλλοι ποιῆσαι τὴν εἰκόνα τοῦ Διός, ὅτι πρὸς τὴν Ὀμήρου δι' ἐπῶν ἐκτεθεῖσαν τοῦτων·

ἦν καὶ κωανέησιν ἐπ' ὀφρύσιν νεῦσε Κρονίων·

ἀμβρόσια δ' ἄρα χαῖται ἐπερρώσαναο ἀνίχτος

κρατὸς ἀπ' ἀθανάτοιο· μέγαν δ' ἐλέλιξεν Ὀλυμπον.

Это описаніе, быть можетъ, и вымышленное, приводитъ къ слѣдующему заключенію: во первыхъ, голова божества была покрыта густыми волосами, развѣвавшимися на подобіе волнъ, и во вторыхъ брови рѣзко выступали, чтò, казалось, должно было изображать благосклонное киваніе головы (ἐπινεύειν). Слѣдовательно въ каждой копій головы Зевса, въ которой мы захотѣли бы найти подобіе Фидіева творенія, мы должны прежде всего искать изображеніе этихъ двухъ характеристическихъ чертъ.

Эти двѣ особенності встрѣчаются въ извѣстной громаднѣйшей статуѣ Зевса, найденной близъ города Отриколи, нынѣ хранящейся въ Ватиканѣ. Поэтому нѣкоторые археологи, напримѣръ, Эмилиѣ Браунъ (Kunstmythologie, S. 7), придавали ей чрезмѣрно большое значеніе и считали ее болѣе всѣхъ другихъ копій подходящею къ оригиналу. Браунъ (Kunstlergeschichte I, 201) даже называетъ ее хорошей копіей великаго произведенія. Но при этомъ совсѣмъ упускалось изъ виду, что это произведеніе римское и въ немъ главныя черты оригинала слишкомъ преувеличены, а потому и искажены. Макробій (Saturn. V, 13, 23) впадаетъ въ ту же ошибку, говоря по поводу вышеприведеннаго разказа Страбона: Phidias respondit... de superciliis et crinibus totum se Iovis voltum collegisse. На головѣ Зевса изъ Отриколи, вмѣсто человеческихъ волосъ, дикая, надъ лбомъ взъерошенная львиная грива,

а вмѣсто выдающихся бровей—къ верху суживающійся лобъ съ четырьмя выпуклостями. Такое подобіе животнаго было совершенно чуждо произведенію Фидіа и выработалось постепенно вслѣдствіе упадка вкуса. Поэтому мы должны совершенно уничтожить въ своемъ воображеніи представленіе о Зевсѣ Отрикола, если хотимъ имѣть настоящее понятіе объ оригиналѣ.

Недавно Овербекъ нашелъ совершенно иной способъ, чтобы прійти къ вѣрному понятію о Зевсѣ Фидіа. Онъ полагаетъ, что открылъ точный снимокъ этого великаго произведенія на одной бронзовой монетѣ временъ Адріана. На ней голова Зевса изображена съ гладкими волосами, падающими на плечи, съ узкою густою бородою и съ совершенно отвѣснымъ профилемъ. Все изображеніе не оставляетъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ проявлялось то стремленіе подражать старинѣ, которому Адріанъ такъ покровительствовалъ и въ литературѣ (Cicero, Cato, Vergilio, Ennium, Sallustio, Caelium praetulit, Spartian. Hadr. 16). Вѣроятно, по случаю пребыванія императора въ Олимпіи, какою нибудь художникъ вырѣзалъ это клеймо, съ сознательнымъ намѣреніемъ, какъ будто облагородить стиль Фидіа. Но скульптуры въ Паренонѣ, оживленность которыхъ совершенно чужда всякой неокругленности и строгости въ параллеляхъ, дѣлаютъ невозможнымъ приписывать Фидію подобное произведеніе, которымъ никогда не восхищались бы Греки четвертаго вѣка.

Послѣ того, что г. Стефани такимъ образомъ считаетъ попытки возсоздать произведеніе Фидіа неудавшимися, онъ самъ указываетъ путь къ достиженію цѣли. Фридендеръ познакомилъ насъ въ мѣсячныхъ отчетахъ Берлинской академіи наукъ (1874 г. стр. 500) съ двумя серебряными монетами V вѣка, чеканенными въ Элидѣ, изъ которыхъ болѣе древняя вѣроятно появилась не задолго до Фидіа, когда еще не было подорвано вліяніе старой школы, отличавшейся строгостью очертаній. Другая монета съ надписью FAIEION изображаетъ благообразную голову Зевса, съ волнистыми волосами, покрытую вѣнкомъ. Брови сильно очерчены, но безъ преувеличенія, подобно упомянутымъ римскимъ подражаніямъ. И такъ мы можемъ въ этомъ маленькомъ произведеніи искусства видѣть копию съ знаменитаго оригинала, вѣрную въ главныхъ чертахъ, потому что она появилась въ Элидѣ, во времена Фидіа, имѣетъ необходимые характеристическіе признаки и наконецъ совершенно соотвѣтствуетъ стилю Фидіа, на сколько мы его знаемъ.

Но эта монета вслѣдствіе миниатюрности изображенія можетъ дать только очень неопредѣленное представленіе о великолѣпнѣи уничтоженнаго произведенія искусства. Тутъ какъ нельзя болѣе кстати является счастливое открытіе прозорливаго ученаго. Между сокровищами Эрмитажа находится мраморная голова Зевса (Guédéonoff. Sculpture ant. de l'Ermitage № 194), которая привезена вмѣстѣ съ коллекціей Брауна (Lyde Brown). Она появилась во второмъ вѣкѣ по Р. Хр., на что указываетъ обозначеніе зрачковъ. Въ ней ничего нѣтъ общаго съ извѣстнымъ типомъ римскаго Юпитера, но на ней отразились: изящная красота и благородное достоинство; въ ея очертаніяхъ полная оживленность соединена съ выраженіемъ силы, величія и тихой кротости. Однимъ словомъ, мы имѣемъ предъ собою не работу римскаго издѣлія, а копию съ греческаго оригинала времени высшаго процвѣтанія искусства, вышедшую изъ опытныхъ рукъ.

Хотя благородная простота и неподражаемая тонкость величайшаго греческаго ваятеля не переданы вполне точно, но въ обработкѣ головы еще довольно изящества и красоты, чтобы при видѣ этой копии восхищаться оригиналомъ.

Что этотъ образецъ дѣйствительно былъ подраженіемъ Зевсу Фидія видно изъ многихъ обстоятельствъ. Голова украшена вѣнкомъ изъ оливковыхъ листьевъ какъ у Зевса Олимпійскаго (Paus. V, II, I, στέφανος δὲ ἐπίκειται οἱ τῆ κεφαλῆ μεμνημένος ἐλαίας κλώνας· ἐν μὲν δὲ τῆ δεξιᾷ φέρει Νίκην ἐξ ἐλέφαντος καὶ ταύτην καὶ χρυσῶν) и, какъ у него, слегка обращена вправо къ богинѣ побѣды, стоящей на десницѣ. Далѣе мраморная голова согласуется съ вышеприведенными словами Гомера: волнистые волосы густо падаютъ съ широкаго, благороднаго лба и брови рѣзко, но не безмѣрно, выдаются.

Наконецъ сходство въ обработкѣ волосъ и бороды, въ очертаніи лба и губъ съ головой, изображенной на монетѣ, о которой сообщалъ Фридендеръ, неоспоримо. И потому мы не задумываемся считать открытіе г. Стефани очень счастливымъ и согласны съ нимъ, что въ этой чудесной мраморной головѣ можно найти отблескъ творенія Фидія и восхищаться имъ. Превосходная свѣтопись (Атласъ, табель VI) въ натуральную величину даетъ читателю вѣрное понятіе о достопримѣчательной головѣ, прекрасной по своему отношенію къ погибшему образцовому произведенію Фидія.

Э. Шульце.